

КОСИК ВИКТОР ИВАНОВИЧ
ИЗ РОССИИ НА БАЛКАНЫ
ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО

Косик Виктор Иванович
ИЗ РОССИИ НА БАЛКАНЫ. ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО.

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ИМ. М.ЙОВАНОВИЧА
ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

АРХИВ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ

Косик Виктор Иванович
**ИЗ РОССИИ НА БАЛКАНЫ.
ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО.**

Београд, 2023.

Косик Виктор Иванович
Из России на Балканы. Жизнь и искусство.

Издатель/Издавач

Центр по изучению России и Восточной Европы им. М.Иовановича
Философского факультета Белградского университета

Архив Сербской православной церкви
Русский научный институт

За издателя/за издавача
Ирина Антанасијевић

Научный редактор
Алексей Юрьевич Тимофеев

Вёрстка и дизайн / Прелом и дизајн
Ђорђе Секерезовић

Монография представляет собою расширенное и дополненное издание сведенных воедино многолетних исследований, изданных небольшими тиражами, рассыпанных по различным специализированным журналам, альманахам, сборникам. В работе широко освещена русская жизнь на территории Югославии, охватывавшей ряд народов и стран. Представлен вклад в театр, живопись, скульптуру, архитектуру, балет, оперу, музыку и пение, который оказали русские мастера. Описана их деятельность в Боснии и Герцеговине, Косово, Македонии, Сербии, Словении, Хорватии, Черногории. Текст пронизан стихами, помогающими почувствовать настроения русских изгнанников, не забывавших своей Родины. Автор стремился представить творчество изгнанников, его особый аромат, иногда с привкусом личной ностальгии и воспоминаний.

Передняя обложка: Ателье русского художника-сценографа и скульптора Владимира Павловича Загороднюка (Одесса, 1889 — Сидней, 1976) в Белграде, 1920-е гг. (Частная коллекция). Задняя обложка: Вторая регулярная выставка русских художников в Доме царя Николая II (2-17 апреля 1939). На переднем плане гипсовый проект конного памятника Королю Александру I Карагеоргиевичу, работы С.П.Алисова. (Фото НБС); Сергей Павлович Алисов (1881, Харьков — 1949, Мюнхен) - русский врач, художник и скульптор. (Частная коллекция); Здание Генерального штаба проектировал В.Ф.Баумгартен, внешние скульптуры проектировал архитектор И.А.Рык, а внутренние композиции В.П.Загороднюк. Верхний ряд скульптур создавал С.П.Алисов. (Частная коллекция)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	7
Введение	11
Белград по-русски	14
Премии, лотереи и летучая почта. Джаз-банд.....	51
Три праздника русской эмиграции.....	94
Театры, театры, театры... ..	133
Церковь: клир и миряне	197
Русские художники: судьбы и краски	237
Чарующий мир пения и музыки	307
Игра на ресторанных подмостках.....	345
Вдали от Европы: балет и его мастера	360
Зодчие. На службе короля и своего таланта	400
Заключение	444
Список использованных архивов	449
Список книг и опубликованных источников.....	449

ОТ РЕДАКТОРА

Тимофеев Алексей Юрьевич, проф д.и.н.

Виктор Косик – историк русской эмиграции

Более четверти века назад автор этих строк, тогда студент исторического факультета Московского университета, пришёл на родную кафедру истории южных и западных славян истфака в Первом гуманитарном корпусе для того, чтобы записаться на один из спецкурсов по выбору. Среди академически строгих и даже суховатых тем предложенных курсов обнаружилась удивительная тема, звучавшая скорее как шутка или как некая поэтическая вольность: «Славянские фантазии Константина Леонтьева». Тема выглядела привлекательно и провокационно. Имя К. Леонтьева, конечно, не представлялось абсолютно неизвестным, но под это дело на книжном развале у поточной аудитории был приобретён потрёпанный томик, который был полностью проглочен за пару дней оставшихся до начала спецкурса. Преподаватель оказался не только увлечённым темой ученым, но и талантливым лектором, в разговорной форме излагавшим неожиданно новое и совершенно нестандартное видение как русской политики XIX века, так и славянского вопроса в целом. Это был взгляд, базировавшийся на трудах Константина Леонтьева, но сводился, однако, не просто к изложению его работ и жизненного пути. Лектор предлагал истолкование и даже переложение концепции К.Леонтьева применительно к общему пониманию взаимоотношения России и Славянства. В этой концепции принадлежность к славянству вовсе не была «входным билетом» в единое сообщество, а Россия вовсе не была «должна» по отношению к этому клубу (должна помогать, уважать, относиться на равных, да и вообще серьёзно воспринимать), как это частенько подразумевали многие авторы других, к тому времени читанных книг. Речь шла об имперской внешней политике православной России. О политике, где византийское многоцветие православного Третьего Рима являлось высшей ценностью, в котором славянство получало значимость и подтверждение лишь в случае лояльности к этой ценности. Потуги натянуть европейский кафтан не назывались «тенденциями запоздавшей модернизации», а конкретно и чётко характеризовались как смешные в настоящем и губительные в будущем шаги, которые превращают архаичного, но самобытного славянина в среднеевропейского мещанина. После этих лекций томик Леонтьева пестрел карандашными пометками, представлявшаяся дотоле скучнейшей внешняя политика России в провинциальном углу Османского царства обретала глубинный смысл и играла новыми красками, а осмысление эволюции славянофильства, почвенничества и неославизма наполнялось новыми фигурами, противоречиями и проблемами. Этот спецкурс был первым прикосновением автора к творчеству Виктора Ивановича Коси-

ка, завершившего в те дни свой труд о наследии Константина Николаевича Леонтьева.¹ Размышления на тему Леонтьева и Славянства, которыми щедро делился со студентами В. И. Косик, базировались на его глубоком знакомстве с политикой России на Балканах в конце XIX в. Он глубоко изучил тот период, когда Болгария, ради которой было пролито столько русской крови, сразу же по получению автономии «отблагодарила» Россию волной яростной «русофобии» периода правления С. Н. Стамболова. На волне, характерной для советской «прикладной» историографии, всё это трактовалось в учебных курсах как «трагическая ошибка». Правда, студентам было нелегко понять, почему эта трагическая ошибка будет повторяться болгарскими политиками с завидной постоянностью практически во всех грядущих конфликтах: будет ли это Россия монархическая, коммунистическая, демократическая или новая Россия XXI века. В. И. Косик не отказывался отвечать на подобные сложные вопросы практической отечественной балканистики, как он делал и в своей докторской диссертации, опубликованной незадолго до этого². При этом он нисколько не отходил от искренней любви и уважения к болгарской земле, опираясь на свои глубокие знания многосторонних страниц русско-болгарского прошлого.³ И всё это преподносилось им в элегантном литературном стиле.

В дальнейшем автору этих строк стало понятно, что в лице В. И. Косика современники встречают фигуру творческую, почти поэтическую - учёного, который может назвать выступление на научной конференции по истории славян «Крыло бабочки», а монографии «Русские краски на балканской палитре», «Что мне до вас, мостовые Белграда», «Вариации на тему национализма в маршах эпохи», «Порвалась цепь великая...»⁴.

Виктор Иванович Косик - многограннейший учёный-балканист. Он родился в 1944 г. в Москве восемь десятилетий назад. Для поступления на истфак в то время требовался рабочий стаж, и он начал трудовую жизнь с работы фрезеровщиком. Обучался на вечернем отделении исторического факультета МГУ, что не давало права на стипендию. Приходилось работать в самых экзотических местах в буквальном и переносном смысле: от должности секретаря Военного трибунала до подработки в Музее искусств народов Востока. По окончании факультета работал в Иностранном отделе МГУ им. М. В. Ломоносова. Первая продолжительная командировка была судьбоносной для дальнейшей специализации - в 1977-1979 г. В. И. Косик работал лектором Дома советской культуры в Белграде, в подвалах которого в то время всё ещё лежали остатки русской эмигрантской

1 Косик В.И. *Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему*. М., 1997.

2 Косик В.И. *Русская политика в Болгарии 1879-1894 гг.* М., 1991; Косик В.И. *Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе 1886-1894*. М., 1993.

3 Косик В.И. *Софии русский уголок*. М., 2008.

4 Косик В.И. *Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде 1920-1950-е годы*. М., 2007; Косик В.И. *Русские краски на балканской палитре: Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX - начало XXI века)*. М., 2010; Косик В.И. «Молодая Россия»: *Вариации на тему национализма в маршах эпохи*. М., 2013; Косик В. И. *Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX - начало XXI вв.)*. М., 2014

периодики и книг Русской публичной библиотеки, сожженные впоследствии одним из слишком активных директоров этого учреждения, чтобы «освободить дефицитное место». Впрочем, на научных трудах самого В. И. Косика в то время это не отразилось. Вернувшись после трёхлетнего контракта домой, он устроился работать в Институт славяноведения РАН. Защитил там в 1983 году кандидатскую диссертацию на тему «Отношения Болгарского княжества с Османской империей, Сербией и Румынией, 1879—1885 гг.», а в 1994 году, продолжая исследования и развивая эту тему, защитил докторскую диссертацию «Политика России и Болгарии, 1879—1894 гг.», дойдя к концу научной карьеры до звания ведущего научного сотрудника. С начала 1990-х гг. В. И. Косик принял решение сменить тематику научных исследований. В результате к концу 90-ых годов появился труд о творчестве русского консервативного мыслителя К. Н. Леонтьева.

Направление деятельности Виктора Ивановича Косика, которое принесло ему наибольшую известность, - история российской эмиграции на Балканах - обозначилось ещё в 1992 г. Собственно говоря, ещё в 1988 г. первым в советской/постсоветской историографии тему русской эмиграции в Югославии поднял Владимир Алексеевич Тесемников.⁵ В 1992 г. к печати готовился тематический номер журнала «Славяноведение» с блоком статей о русской эмиграции в славянских странах, четыре статьи были посвящены русской эмиграции в Сербии.⁶ Одному из этих авторов даже удалось опубликовать свои взгляды в виде отдельной книги⁷, в которой ориентировавшийся по ветру автор снискал сомнительную честь первооткрывателя в сложном и вдохновенном процессе «натягивания совы на глобус», пытаясь доказать, что 50% русских эмигрантов в Югославии были украинцами (несмотря на непопулярность в среде эмигрантов «Просвиты» и на наличие целого веера различных русских движений от новопоколенцев и евразийцев до монархистов)⁸. Другая статья, принадлежавшая перу К. В. Никифорова, давала замечательный и до сих пор актуальный синтез русского архитектурного наследия в столице Югославии, но, к сожалению, не стала доминантой в работе этого исследователя, который в то время на некоторое время уходил в практическую деятельность, отдаляясь от науки на несколько лет.

Самому В. И. Косику в этом тематическом номере принадлежало целых две статьи! В них рассматривалась тема истоков русской эмиграции (которую он ещё порой осторожно, в

5 Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945). // *Вопросы истории АН СССР*. 1988. № 10. С. 128–137.

6 Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (1919—1923) . // *Славяноведение*. 1992. № 4. С. 7–20; Никифоров К.В. Русский Белград (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // *Славяноведение*. 1992. № 4. С. 33–45.

7 Козлитин В.Д. *Русская и украинская эмиграция в Югославии 1919–1945*. Харьков, 1996 (2-е изд.: Киев, 1998).

8 Опровержение этой антинаучной теории см.: Йованович М. *Русская эмиграция на Балканах (1920—1940)*, М., 2005; Јовановић М. *Руска емиграција на Балкану (1920—1940)*. Белград, 2006; Косик В.И. Украинский вопрос и проблема «балканизации» России в среде русских эмигрантов в 1930-е годы в связи с выходом в свет сборника документов «Чему свидетели мы были...» // *Славяноведение*. 1999. № 4. С. 54–70

духе новояза 90-ых, называл «российской»⁹). И если первая статья была комментированным изданием документа, то вторая уже давала представления о том В. И. Косике, которого полюбят все люди, болеющие темой русской эмиграции. Широкие мазки хронологии, мозаика фактов, значительный хронологический охват и ясность мысли – все характерные стороны Виктора Ивановича Косика как поэта русской эмиграции, её культуры и многообразия проявились уже в этой первой статье.

В дальнейшем В. И. Косик занимался новейшей историей Сербии и других балканских государств, международными отношениями на Балканах. Был членом редколлегии журналов «Педагогика» и «Славяноведение», писал статьи в Православной энциклопедии. Преподавал в Православном Свято-Тихоновском богословском институте. Несомненной вершиной его вклада в историю русской эмиграции стало изучение истории русской эмиграции на Балканах. При этом фокус внимания был обращён на людей духа и души: русских деятелей церкви, русских художников, русских музыкантов, русских писателей, русских архитекторов и всех тех, чей труд неизменно связан со словом и творчеством¹⁰.

Наше издательство предлагает вниманию читателя книгу, которую он готовил к своему 80-летию. Это венец его научной деятельности. В ней собрано много тем, о которых автор уже писал в своих статьях и книгах, в ней много синтеза, много деталей и подробностей. Это многостраничный труд, полный дат, цифр, имён и названий. Но прежде всего в нём много души, много любви к Балканам, той честности и эмоциональной вовлеченности в тему, которая так привлекает в трудах Виктора Ивановича Косика.

---

9 Косик В.И. Из истории начала российской эмиграции // *Славяноведение*. 1992.№ 4. С. 3–6; Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919-1944 // *Славяноведение*. 1992.№ 4. С. 20–33.

10 Косик В.И. *Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века)*. М., 2000. ; Косик В.И. *Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде 1920–1950-е годы. Часть I*. М., 2007; Косик В.И. *Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы: Эссе*. М., 2007; Косик В.И. *Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны*. М., 2008; Косик В.И. *Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику*. М., 2008; Косик В.И. *Русские краски на балканской палитре Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века)*. М., 2010; Косик В.И. «Молодая Россия»: Вариации на тему национализма в маршах эпохи. М., 2013.

ВВЕДЕНИЕ

Уже стало привычным читать строки о переломных моментах в истории. Да, они характерны для мира живого, развивающегося, меняющегося... То, что раньше было под запретом, в нынешнее время высвобождается от традиционных штампов, воззрений, утверждений. Речь здесь идет о таком привычном явлении в жизни народов, как эмиграция. В сложные времена, разрушающие привычную картину жительство стран, исход был единственным способом у тех, кто не хотел стать очередной жертвой террора новой власти, строящей будущее и беспощадной к своим врагам из «прошлого мира». В эпоху строительства СССР исторические исследования связывались со всем тем, что помогает, вдохновляет и призывает советского человека к борьбе за светлое будущее, нацеливает на победу общего дела, отбрасывая как хлам, все, что уже не будет востребовано, не станет ценностью, не приобретет места в общей истории страны. Соответственно, тема эмиграции практически была закрыта. Да и зачем она была нужна тем, кто строил новый мир, добивался величественных успехов своей страны, признаваемых на земном шаре. Разве только в некоторых книгах, где талантливо подавалась неприглядная жизнь русских и их потомков за рубежом. В основном, была «дубовая пропаганда» с набором «клеим», ставящихся в зависимости от заданной цели. Но успехи хозяйственного строительства, космические победы, достижения в спорте не смогли стать препятствием для вечных вопросов – почему, зачем, откуда? И главные две проблемы: кто виноват и куда мы идем?

На восьмом десятке лет жизни нашей страны произошли гигантские перемены. Настало время отвечать на некоторые вопросы, связанные с историей тех, кто не захотел признавать власть большевиков, покинул границы красной России, стал для нее отверженным. Многие историки с необычайной живостью перешли в исследователи «Другой России», таящей в себе и привычную по диссертациям «новизну», «актуальность», а равно возможность не опираться на труды классиков марксизма-ленинизма и иных деятелей. На читателя обрушивалась лавина информации – от журнально-газетных статей до книжных изданий. В основном, раскрывалась жизнь эмиграции в Западной Европе, прежде всего, в Париже, где собрался цвет русского артистического и литературно-философского мира. Провинциальные Балканы не могли здесь выступать соперниками. Да и число тех, кто рискнул обратить на них внимание, было невелико. Первым исследователем русской Югославии стал Владимир Алексеевич Тесемников, университетский преподаватель, бывавший в этой стране и завязавший знакомство с тамошними русскими. Вслед за ним появились и другие историки, проявившие интерес к этому «русскому» региону. Хотя, число их невелико: по пальцам можно пересчитать. Возможно, это обусловлено провинциальностью региона, который звезды первого уровня «объезжали стороной». Впрочем, были и другие причины, например, сравнительно небольшая архивная база. В основном, это пресса плюс исследования югославских историков, прежде всего, русского происхож-

дения. И здесь я должен именно им воздать хвалу. Назову несколько имен: известный всем Алексей Борисович Арсеньев, лучший знаток русской Югославии, автор многочисленных блестящих исследований, раскрывающих богатство русской жизни. Татьяна Витальевна Пушкадия-Рыбкина, труды которой по русскому Загребу блещут богатством информации. Из современных историков – это Ирина Антанасиевич, профессор белградского университета, замечательная исследовательница Русского зарубежья, судеб русских эмигрантов и их талантов, например, в мире комикса, которому посвящено уже несколько книг и выставок в России. Необходимо включить здесь еще два имени: Алексей Юрьевич Тимофеев, впервые открывший картину жизни и деятельности русской эмиграции в годы второй мировой войны; Михаил Александрович Медведев, автор отличной книги о своем отце архитекторе Александре Ивановиче Медведеве, именем которого названа улица в Нише.

В отличие от многих других стран, где осели изгнанники, русская эмиграция стала предметом пристального исследования для историков из стран бывшей Югославии – Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии, Словении, Хорватии. Этот феномен вполне объясним, учитывая громадный вклад русских людей, русских талантов в науку, культуру, технику, просвещение. В своих студиях они рисовали картины деятельности архитекторов, художников, скульпторов, мир театра в его многообразии жанров, вплоть до сбора и издания книги стихотворений, написанных русскими в Югославии. Именно их книги, статьи, очерки и встречи дали мне очень много. Русские фамилии, имена обозначены на многих страницах их текста. Низкий им поклон.

Обычно, исследования по эмиграции заканчиваются в 1945 г. Содержание настоящей книги доводится до начала нашего столетия, чему в немалой степени содействовали встречи с потомками русских эмигрантов, рассказавших мне о своей жизни и деятельности и о том времени, которое уже прошло.

И, конечно, много дала пресса.

Все это позволило мне написать несколько книг, посвященных различным сторонам жизни русского человека на Балканах. Подчеркну, что многое я взял из малодоступных и «забытых временем и людьми» изданий, обнаружил на ломких от времени газетных страницах, получил от Р. В. Полчанинова (США), добрал из других источников. С течением времени появлялись новые исследования, факты и сведения, дающие возможность ответить на некоторые вопросы, дополнить и переработать свои тексты.

Прежде всего, необходимо указать всю важность для понимания жизни и судеб русской эмиграции появление двухтомного труда «Гимназия в лицах» (Белград, 2018). Его авторы-составители, уже упоминавшийся Арсеньев и Михаил Львович Ордовский-Танавский, проделали титанический труд по сбору информации из самых различных источников, вплоть до переписки с потомками югославских русских. Мне этот труд помог очень много в раскрытии судеб русских югославов, позднее рассеянных по всему миру. Необходимо подчеркнуть и такое уникальное, фундаментальное издание фонда имени Д. С. Лихачева, как биографический словарь в двух томах «Художники русского зарубежья

Первая и вторая волна эмиграции» (Санкт-Петербург, 2019). Его авторами-составителями стали известные исследователи, знатоки художественного мира Олег Леонидович Лейкинд, Дмитрий Яковлевич Северюхин, Кирилл Васильевич Махров. Исключительное богатство информации позволило мне дополнить новыми сведениями настоящий текст.

Добавлю, что само сочетание политики и культуры плюс новая информация дают возможность по-новому взглянуть на привычную картину прошлого.

Как и ранее, в книге много стихотворений, помогающих острее почувствовать русскую жизнь на просторах Югославии...

БЕЛГРАД ПО-РУССКИ

Белград
Ты возникаешь крепостью старинной,
В кольце двух рек спокойных и больших,
Чуть озарен закатом апельсинным,
Меж улочек восточных и кривых.

Ухабами ныряет мостовая,
В кофейнях песни горькие поют,
Едва ползут ленивые трамваи,
Газельи тени девушек снуют.

Гостеприимства город и обилья,
Вдаль уходящих черепичных крыш,
Ты дорог мне, как молодости крылья,
В час гибели ты в сердце постучишь.

Екатерина Таубер

* * *

Столица одиночества Белград
Здесь даже воздух пахнет ностальгией
Ольга К.

На исходе второго десятилетия революционного века в монархическом Белграде, по переписи 1929 г., проживало свыше восьми тысяч русских (5064 – мужчины, 3310 – женщины) – в основном из Петрограда, Москвы, Киева. Сразу добавлю, что по всей Югославии, раньше, в 1921 г. насчитывалось 28895 русских: из них до 15 лет – 3267, от 15 до 59 – 24885, от 60 и старше – 742¹.

В 1923–1924 гг. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) (с 1929 г. получило название – Королевство Югославия) было примерно 300 колоний русских беженцев. Численность варьировалась от почти 10 тыс. в Белграде до пяти семейств в г. Сень. Больше всего было колоний в Сербии – около 200, из них свыше половины в Банате и Бачке, затем шли Хорватия, Босния и Герцеговина, Словения, Черногория, Македония².

1 Солонский А. А. Демография русской эмиграции в Белграде. Записки Русского Научного Института (РНИ). № 10, 1935. С. 43.

2 Косик В. И. Русская Югославия: фрагменты истории // Славяноведение, № 4, 1992. С. 20.

Исследователь эмиграции безвременно ушедшая Ирена Лукшич, базируясь на данных статистического ежегодника Югославии за 1938/39 г. (*Ruska emigracija u ciframa/ Statistički godišnjak Jugoslavije 1938/39 Beograd 1939.*), пишет, что в конце 1930-х гг. в Земуне, предместьи Белграда, зарегистрировано 646 русских, в Сараево 616, в Новом Саде 1158, в Любляне 293, в Цетинье 86³.

Управление русскими колониями, в том числе Белградской, было сосредоточено в государственной комиссии по русским беженцам (ГК), созданной в 1920 г. по предложению председателя Народной скупщины Л. Йовановича, ставшего ее первым руководителем.

* * *

«Ах, какие яркие, чудные то были дни, дни внезапно и волшебюо вернувшейся юности!

Чистое, робко-голубое небо, запах оттаявшей земли, первые почки, весеннее молодое солнце!.. А позади тифозные теплушки, штабели замерзших трупов, горный грохот повстанческой стрельбы, красные полчища и смутная тоска по далекому, счастливому западу...

Вот мы и тут. Но какой же это запад, когда город называется Београд – Белый Город, и главное здание на главной его площади, высокий и кораблеобразный дом с башенками и шпилями называется “Москва”, и король – в прошлом русский школьник? И по вывескам русские буквы, но слагают они слова непривычные глазу, как из Киева во времена гетманщины, только без той кокетливо-самоодвольной наглости.

Освоились скоро. В самом деле, что за трудности, когда нож по-сербски называется – нож, вилка – вилюшка, человек – човек, женщина – жено? Стоит только настроить язык на школьный церковнославянский лад, и все пойдет, как по маслу. А сколько кругом русского! Хотя бы вот те же самые вывески над темноватыми входами «кафан», где дремлет в высоких бочках густое, крепкое вино. Каждое торговое предприятие имеет свой покровительственно-именной девиз. Вот “код генерала Скобелева”, вот “код белог Цара”, вот “код веселог руса”, и сам я видел вывеску в маленьком городке “код Петра Степановича, киевского помещика”.

А там и пошло. Эшелон за эшелонюм – десять, двадцать, тридцать тысяч русских, прожженных огнем Гражданской войны. И вот уже свои газеты, комитеты, канцелярии и, конечно, бесконечное множество “Рюриков”, “Варягов” и “Асторий” с русскими бала-лаечниками с самоваром на стойке, с ленивыми варениками и сибирскими пельменями. И за бумажки, еще вчера ничего не стоившие, летевшие по ветру, устилавшие пароходную палубу, сегодня дают полновесные, полные динары, и после миллионов за взятую с боя котлету из собачьего мяса, за ржавую селедку, коробку спичек — витрины, ломившиеся

3 *Lukšić I. Ruski emigranti u Hrvatskoj; Prilog tipologiji mjesta // Ruski emigranti u Hrvatskoj izmeђu dva rata. Rubovi, memorija, Zagreb, 2006. S. 13.*

от всяческого давно забытого добра, и мирный добрый басок: “Пожалуйте, братушкам скидка, а нет – и в долг поверим!..”»⁴

Очень романтично, не правда ли? Но в действительности не все так было красиво.

Для некоторых был забыт подвиг России, положившей свою жизнь ради братской Сербии. Были случаи притеснения, неравноправия, деления на своих и русских. Да и сами русские, случалось, давали почву для враждебности. Здесь и занятие «выгодных мест» при устройстве на работу, требующую определенной квалификации, которой, бывало, не обладали представители местного населения. Тут и само отношение к России – царской и коммунистической. В первом случае – русские выступали братьями. Во втором, особенно с приближением предвоенного времени и самой войны, Россия коммунистическая становилась им ближе, нежели самодержавная «матушка» России с «нашествием» в их страну дворян и другого «социально-чуждого элемента». Королевство Югославия было последней страной в Европе, которое признало СССР только в июне 1940 г.

И в то же время, писал один из современников: «трудно представить во всем Западном полушарии другой город, с жизнью которого так прочно переплеталась бы жизнь русских.

Годы беженства выработали особый тип “руса”. Это человек – который ни от чего не отказывается, все знает, все умеет, – для него не существует замысловатого задания, перед которым он бы остановился. Он энергичен и заполняет собою все: он сидит в канцеляриях министерства, держит руль такси, поет в хоре, танцует в балете, играет на балалайке, продает газеты, хлопчет по делам, – нет профессии и занятия, где не было бы «руса» <...> Говорит он в большинстве своем, до сих пор на ужасном диалекте, смешивая русские слова с сербскими. Но это и не так важно. За эти годы сербское ухо привыкло к русскому языку»⁵.

Время эмиграции было для многих обращением к Богу. Многие стали прихожанами двух русских церквей: Св. Троицы близ собора Св. Марка и Вознесения на углу ул. Милоша Великого и ул. Королевы Наталии. Посещали богослужения, молились, слушали проповеди. Учились смиряться. Книжки, беседы, лекции на религиозную тематику пользовались неизменным успехом, хотя, конечно, были и атеисты и критики Церкви.

Опора на русскую веру, на традиционное православие была характерна для многих россиян, оказавшихся на чужбине. И, конечно, молодежь, подраставшая в православных славянских странах, в Болгарии, в Сербии, находилась в гораздо лучших условиях, нежели в той же католической Франции. Именно в Сербии возник Союз имени преподобного Сергия Радонежского с девизом из Достоевского «Неправославный перестает быть русским». «Мы настойчиво утверждаем, – отмечалось в программном документе Союза, – что самая главная и вместе с тем конкретная и реальная наша задача – быть православными <...> наша национальная задача есть в то же время и, прежде всего, религиозная <...> не ставши

4 *Роцин Н.* Русские в Югославии. По чужим краям // *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1932. 9 апр. С. 12.

5 *Рыбинский Н.* Белград // *Иллюстрированная Россия*. Париж. 1932. 9 апр. С. 14.

православными, мы не можем поднять знамя “России” <...> Мы не признаем возможности религиозного исцеления, так чтобы одновременно не устроилось наше национальное переживание <...> Союз собирает в себе людей, готовых отдать свои силы основной, центральной идее русского национального бытия, готовых окончательно и бесповоротно отдать их служению идее: “Россия не может быть неправославной”, “Неправославный перестает быть русским”⁶.

Широко занимался просвещением, можно в кавычках, можно и без них, Григорий Бостунич, для одних одиозный критик жидомасонства, для других – говорящий правду. 20 и 21 февраля 1922 г. в помещении гимназии (ул. Пуанкаре, 2) анонсировались две его лекции «Свет Христа» и «Антихрист». Удивительно здесь то, что если за первую не надо было платить, то вторая шла «через кассу»⁷.

А в целом, церковь для многих русских белградцев была не только местом для молиться, но и своеобразным центром: после богослужения около нее обменивались новостями, спорили на политические темы, обсуждали сроки возвращения на Родину.

Интеллектуалы, спорщики, празднующиеся, а зимой и желавшие отогреться в теплом помещении могли посещать по воскресеньям и четвергам разнообразные лекции, начинавшиеся в 18 часов 15 минут в Русском народном университете, располагавшемся в одной из аудиторий второго этажа нового университета. Он был основан представительством Всероссийского союза городов в Королевстве СХС при содействии Академической группы, Общества агрономов, ветеринаров и лесоводов Русско-Сербского медицинского Общества и Союза инженеров⁸.

Назову несколько лекций. В начале февраля 1926 г. инженер В. М. Михайловский читал лекцию о «новых взглядах на проблему формирования жизни в космосе»⁹. 20 января 1929 г. педагог И. М. Малинин выступал на «захватывающую» тему «Толкование снов». 24 января П. Н. Ге – «Романтизм в русской живописи»¹⁰. 27 января известный всему Белграду Е. В. Спекторский читал лекцию «Трагедия Толстого». 31 января врач А. А. Солонский, вероятно, специально для родительниц – «Четыре кожные детские болезни (скарлатина, корь, краснуха, Duker Филатова болезнь)»¹¹. Не обошел своим вниманием и один из отцов-основателей евразийства П. Н. Савицкий, знакомивший «политическую публику» с этим явлением, удивительно вобравшем в себя и мессианизм, тривиальность и «литературу». Само евразийство, добавлю, можно при желании обнаружить в символах, философии, истории, географии, политике задолго до появления самого термина – от византийского двуглавого орла до творений Константина Николаевича Леонтьева с его

6 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9145. Оп. 1. Д. 959. Л. 151–154.

7 Новое время. 1922. 9 февр. С. 3.

8 Новое время. 1925. 3 дек.

9 *Миленковий Т.* Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд, 1997. С. 118.

10 Новое время. 1929. 20 янв.

11 Новое время. 27. 1 янв.

туранством, от трудов Владимира Ивановича Ламанского до издания в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия трехтомника «Азиатская Россия», от известных «Скифов» (1918) Александра Блока до Игоря Северянина с его стихотворением «Колыбель культуры новой» (1923).

Офицеры могли пойти в Русское офицерское собрание, открытое 16 июня 1924 г. на ул. Бирчаниновой 326 в специально арендованной квартире. Там была своя столовая, библиотека, читальня¹².

Болящие обращались в русскую амбулаторию Российского Красного Креста. Там работало по всем основным специальностям 14 врачей. Во главе ее стоял известный врач А. А. Бенцелевич. За время ее «жизни» она приняла свыше 200 тысяч больных¹³, разного звания, возраста и состояния. Разумеется, сама цифра свидетельствует о том, что среди них немало было и самих жителей Королевства. Добавлю, что в Панчево, предместье столицы, находился русский хирургический лазарет на 110 коек, во главе которого стоял талантливый хирург В. А. Левитский¹⁴.

Любители «высокого досуга» могли вновь почувствовать себя «избранными» на лекциях Н. О. Лосского «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция», читаемых осенью 1928 г. в старом здании университета¹⁵. Там, вероятно, можно было встретить и старых «мистиков» и завести знакомство новыми. Немаловажным обстоятельством было и то, что за «пир» Лосского ничего не надо было платить. Однако не следует полагать, что русские были такими уж «халявщиками». Они уважали талант, знания и готовы были платить за те же многочисленные концерты, устраиваемые в Белграде разнообразными исполнителями, искусство которых позволяло уйти от серых буден и забот в мир музыки, пения, танца, в мир волшебных грез. Искусство очищало душу. А это было главным.

Вариантов было множество. В известном всему Белграду зале «Станкович» 8 октября 1922 г. был концерт А. А. Степовой, создательницы жанра «песни улицы». Там же они могли услышать певца Е. С. Марьяшеца, оценить талант часто выступавшего в роли конферансье, актера и режиссера Ю. Л. Ракитина, виолончелиста А. И. Слатина¹⁶. В «Новом времени» от 20 февраля 1923 г. можно было прочесть объявление о большом Русском концерте из произведений Глинки и Чайковского с участием обладателей дивных голосов Н. Г. Волевач, Е. И. Попова, Е. С. Марьяшеца, музыкантов В. А. Нелидова, А. И. Слатина, И. И. Слатина, Г. М. Юренева¹⁷.

Живая музыка и пение звучали не только на концертах, но и в домах, квартирах, комнатах русских беженцев. В русском кругу за чашкой чая или бутылкой водки пелись

12 Новое время. 1924. 6 июля.

13 *Рыбинский Н.* Белград // *Иллюстрированная Россия.* Париж. 1932. 9 апреля. С. 14.

14 Там же.

15 Царский вестник. 1928. 4 нояб.

16 Новое время. 1922. 5 окт.

17 Новое время. 1923. 20 февр.

самые разные песни. В магазинах можно было купить ноты для пения и рояля на любой вкус. Там были и Виктор Абаза и Александр Вертинский, и Юрий Морфесси, и Иза Кремер.

Но это были, так сказать, характерные музыка и песни для всего русского зарубежья.

У того же Белграда были и «свои» любимцы, например: в исполнении Любви Орловой песня советского народа – «Широка страна моя родная» (из фильма «Цирк»). Любили танго и песню «Будет поздно...» из репертуара Ольги Янчевецкой, песню «Ханум» (Сергей Франк, музыка, Ольга Франк, русский текст, сербский перевод Сергей Страхов), песню «Две слезинки» (русский текст и музыка С. С. Страхов, сербский текст Наташа Страхова, обработка Юрий Азбукин). Тем, кто не утратил способность посмеяться над «другими», предлагалось пойти осенью 1924 г. на концерт автора сатиры и политической пародии Петра Карамазова, в репертуар которого входили «Суд над русской интеллигенцией», «Молитва павших жертвой самосуда» (в октябре его можно было увидеть и услышать в зале «Станкович»)¹⁸.

Быт это не только будни, но и праздники, причем зачастую объединявшие в себе религиозное и мирское начала. Например, концерт-бал «Крещенский вечер». В январе 1924 г. на нем вместе с артистами театров выступали молодые поэты и литераторы из кружка «Гамаюн». Причем 80% выручки должно было пойти на издание «нетленок» молодых поэтических дарований¹⁹.

Можно было пойти на известные белградские «субботники», посмотреть и послушать профессиональных и артистов и любителей. На одном из них летом 1922 г. выступала известная цыганская певица М. П. Суворина, которая считалась «одной из лучших цыганских певиц после Веры Паниной». О ней в «Новом времени» писали: «Кроме нее за рубежом – есть только Настя Полякова и Нюра Масальская <...> К ней как нельзя лучше подойдет выражение: “Поет как птица на ветке”. Неожиданные модуляции, удивительные по своей тонкости нюансировки, самые трудные сочетания диссотонов, разрешающихся мелодичным аккордом – всем этим певица владеет в совершенстве». Аккомпанировали ей на гитарах Сергей Поляков и Е. В. Говоров²⁰. Ее настоящая фамилия и имя – Мария Петровна Фе, голос – низкое контральто. Происходила из семьи Массальных, давших плеяду блестящих исполнителей старой цыганской песни²¹.

С открытием сцены Русского дома имени императора Николая II (1933 г.) любители искусства зачастили по вечерам в это известное всему русскому Белграду здание в стиле русского ампира с великолепным театрально-концертным залом. Практически, на его сцене выступали все: от начинающих артистов-любителей до профессионалов.

В годы войны искусство продолжало отвлекать и увлекать русских. Тогда главной сценической площадкой по-прежнему оставался Русский дом. Так, 21 ноября 1943 г.

18 Новое время. 1923. 10 нояб; Новое время. 1923. 27 окт.

19 Новое время. 1924. 19 янв.

20 Новое время. 22 июля.

21 Новое время. 1927. 15 июня.

там прошел вечер музыки, пения и балета с участием певиц О. Ольдекоп и Е. Вальяни, балерины М. Туляковой-Нелюбовой и ее партнера Сл. Эржена (балет классический и характерные танцы)²².

12 декабря 1943 г. газета «Русское дело» сообщала, что 2 января 1944 г. в театре Русского дома Союз русских женщин устраивает концерт Татьяны Николаевны Батранец при участии Лидии Казамаровой, К. Диевского, С. Лысенко. У рояля Н. М. Васильев. В программе – русская вокальная музыка²³.

Безработицы, прежде всего для молодых и сильных в строящейся стране, не было. В Белграде за неделю с 29 августа по 5 сентября 1922 г. на биржу труда обратилось 150 человек, которые тотчас получили места. На начало сентября имелись предложения для 209 рабочих различных специальностей²⁴.

Этот город давал работу всем, вернее, почти всем; и скрытая безработица, конечно, была. Ее уменьшению должны были содействовать действовавшие в столице Королевства многочисленные курсы по переподготовке и выпуску нужных стране специалистов, прежде всего низшего и среднего технического звена. Но всеми этими «благами» могли пользоваться, прежде всего, те, кто не перешагнул возрастной рубеж в 35 лет, после чего обучение новой профессии было затруднительным. Скажу, что в 1927 г. через различные курсы прошло около 3 000 русских эмигрантов²⁵, получивших неплохой шанс «выбиться в люди», стать нужным обществу человеком, иметь возможность содержать семью.

Сравнительно неплохо устраивались инженеры. С начала 1921 г. руководители Союза русских инженеров в Королевстве СХС при каждом удобном случае подчеркивали, что среди русских инженеров нет безработных²⁶. Хотя здесь имелись свои трудности. С 1921 г. в Королевстве действовал закон, по которому запрещалось предоставлять работу иностранцу, если по этой специальности имелись свои кандидаты. В 1925 г. был выработан новый свод инструкций, который, в основном, повторял старые в отношении работы для иностранцев. Но все эти законоположения никогда не были применены к русским. Беженцы из России всегда считались «своими»: не было разницы между жителями Королевства и русскими изгнанниками²⁷.

Тем не менее, не будучи подданными Королевства, они не могли быть приняты на постоянную работу в государственные и общинные структуры. Поэтому инженеры устраивались на контрактной или гонорарной основах, заключая договор, чаще всего на три года, на четко фиксированную сумму. В отличие от своих коллег, уроженцев Королевства, русские специалисты не имели инфляционной добавки и дополнительных выплат на членов

22 Русское дело. (Белград). 1943. 12 дек.

23 Там же.

24 Новое время. 1922. 8 авг.

25 Миленкович Т. Указ. соч. С. 117.

26 Там же. С. 91.

27 Там же. С. 93.

семьи. Эта служба не входила в рабочий стаж и не засчитывалась при исчислении пенсии. Члены Союза русских инженеров в Королевстве вначале даже получали меньше, нежели югославские коллеги. Лишь в ноябре 1922 г. министерский совет принял решение о том, что все русские инженеры и архитекторы, работающие в министерстве строительства, должны быть уравнены в правах по зарплате со своими югославянскими коллегами²⁸. В 1924 г. оно было выполнено для большинства инженеров из России²⁹.

Но борьба русских инженеров продолжилась.

Согласно правительственному постановлению, автоматически вступившему в силу 15 марта 1925 г., все инженеры и архитекторы должны быть членами инженерной палаты (русские не имели своей инженерной палаты и не были членами югославских институций), иметь диплом технического факультета, являться подданными Королевства, иметь три года практики на государственной, общинной или на частной службе, сдать госэкзамен, быть «хорошего поведения», не судимыми, владеть государственным языком.

В случае последовательного применения этих постановлений, почти все русские инженеры не имели бы работы. После запроса Союза правительство в очередной раз заверило, что русские инженеры будут иметь тот же статус, что и граждане Королевства³⁰.

И в дальнейшем власти придерживались подобной практики защиты и покровительства. Лучше всего устраивались инженеры, имевшие частную инженерную практику. Достаточно было иметь соответствующий диплом и три года работы инженером, а также заплатить определенную таксу, чтобы министерство строительства давало ему без хлопот соответствующее разрешение. Вначале таких инженеров было не много, большинство предпочитало работать в государственных организациях или в частном секторе, нежели полагаться только на себя в новой стране. Но с ходом времени по мере адаптации таковых становилось больше. Если в 1929 г. было шесть подобных инженеров, то в 1935 г. их было уже 19³¹. Всего в середине 1920-х годов в Королевстве находилось 203 русских инженера³².

Некоторые из них даже свое свободное время отдавали изобретательству, внедрению нового. Инженер Андрей Васильевич Модрах из Белграда изобрел «автомат для предотвращения столкновения поездов»³³. В сфере изобретательства случались и «курьезы», как об этом свидетельствует грустная история с «изобретениями» инженера Федора Федоровича Богатырева, одного из основателей Союза русских инженеров в Королевстве СХС. В апреле 1920 г. он прибыл в Королевство, когда ему было 49 лет он стал директором ремесленной школы в предместье Белграда Земуне. Получил широкую известность в Королевстве СХС в марте 1921 г. как «эпохальный изобретатель»: семь типов печи для

28 Там же.

29 Там же. С. 94.

30 Там же. С. 97.

31 Там же. С. 100.

32 Там же. С. 8.

33 Новое время. 1928. 9 дек.

выпечки хлеба и различных хлебобулочных изделий при минимальных затратах твердого топлива, оригинальное устройство для дезинфекции, строительство из вторичного сырья домов, имеющих твердость стали и пр. 13 марта 1921 г. он показал широкой публике свои изобретения, а в конце месяца королю Александру Карагеоргиевичу, премьер-министру Николе Пашичу и министрам. При этом комиссия из югославских специалистов еще перед демонстрацией руководителям страны проверила изобретения и дала положительный ответ. Но русские инженеры, не веря коллегам, устроили свой экзамен, сформировав под руководством военного инженера Н. А. Житкевича собственную комиссию, которая оспорила представленные изобретения³⁴. После этого имя Богатырева исчезло с газетных страниц.

Некоторые русские люди, владевшие каким-либо ремеслом, подрабатывали, а то и зарабатывали на жизнь изготовлением игрушек, подносов, вышивками и прочими «мелочами». В Белграде Земгор (общественная организация созданная в 1915 г. Союзом мзств и Союзом городов для помощи воинам и в снабжении армии. В эмиграции активно помогал своим соотечественникам.) регулярно устраивал в здании университета на ул. Васиной выставку-базар изделий русских беженцев³⁵.

Именно страх оказаться «на грани» заставлял русских работать в самых различных местах. Предоставлю слово известному тогда журналисту, «поэту, издателю и кудеснику» Н. З. Рыбинскому: «В Белграде можно не только свободно обходиться русским языком, но и иметь полную возможность жить в атмосфере “русскости”. Русские врачи всех специальностей, профессора Ф. В. Вербицкий, А. И. Игнатовский, М. Н. Лапинский, Н. В. Краинский и др. Нет государственного учреждения, в котором не служили бы на различных должностях русские. Даже в Министерстве иностранных дел много лет уже служат б. русские дипломаты: А. М. Петряев, А. К. Беляев, М. Н. Чекмарев, П. И. Извольский, П. П. Сергиев...»³⁶

Немного об Александре Михайловиче Петряеве (1875–1933), полиглоте (14 языков) и дипломате. Окончил восточный и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Начал службу в Персии. Помощник российского гражданского агента в Турции по реформам в Македонии. На Лондонской конференции был экспертом по вопросам разграничения сербско-албанской границы. С 1913 г. представитель России при албанском правительстве. С началом Первой мировой войны по поручению С. Д. Сазонова занимался изучением положения славян в Австро-Венгрии и выработкой проекта устройства их будущей судьбы. Затем был начальником ближневосточного отдела МИД. При Временном правительстве – товарищ министра иностранных дел. В 1919 г. в правительстве А. И. Деникина был помощником кн. Г. Н. Трубецкого по управлению ведомством вероисповеданий. Потом русский представитель в Софии. Оказал существенную помощь правительству Врангеля. Во время нахождения у власти Ст. Стамболийского оставил

34 *Миленковий Т.* Указ. соч. С. 116.

35 *Новое время.* 1922. 31 март.

36 *Иллюстрированная Россия.* 1932. 9 апр.

Софию. Нашел применение своим знаниям и способностям в МИД Королевства СХС³⁷. Известен также как создатель казачьего хора Сергея Жарова.

Можно вспомнить и потомственного дипломата Персиани (1872–1930), финансиста, композитора, ученика А. К. Лядова. Служил в среднеазиатском отделе МИД. В 1916 г. был советником посольства в Риме, замещал М. Н. Гирса. В 1926 г. приехал в Королевство СХС, устроился в привычный МИД. Автор музыки гимна русских соколов и автор дипломатических нот югославского правительства.

Неплохо устраивались и адвокаты.

В Белграде был широко известен воронежец Александр Михайлович Вольпин (1887–?). В 1910 г. после окончания Харьковского университета вступил в ряды московской адвокатуры в качестве помощника присяжного поверенного. В 1916 г. принят в присяжные поверенные округа Московской судебной палаты. В апреле 1919 г. прибыл в Белград. С сентября 1920 г. занялся адвокатской практикой в качестве стажера. В 1929 г. после сдачи адвокатско-судейского экзамена зачислен адвокатом с правом открытия своего кабинета в Белграде (ул. Балканская, 6)³⁸.

На просторах Королевства, в различных организациях жили и работали больше сотни русских генералов. Сюда стоит добавить, что на югославянской земле к 1921 г. обрели крышу свыше сотни офицеров, Георгиевских кавалеров³⁹. Но с пропитанием, одеждой, особенно для семейных, было хуже. Так, Британский Красный Крест выдал в Панчево, предместье Белграда, жившим там кавалерам – 3 пары ботинок, 5 фуфаяк, 5 пар носков, 10 полотенец, 5 панталон, 5 юбок, 5 фуфаяк, 5 пар чулок, 1 детское платье, 1 пара детских чулок, 1 детские панталоны и пр.⁴⁰ Без комментариев.

Очень много русских сумело найти работу в Военно-географическом институте. К 1929 г. там служило до 85 человек русских⁴¹. Напомню, что строителем здания института был русский военный инженер Х. А. Виноградов⁴².

Сравнительно неплохой складывалась ситуация с приисканием службы для русских офицеров, особенно при военном министре Стеване Хаджиче, выпускнике Николаевской Академии генштаба, бывшем начальнике Сербской добровольческой воинской части в России⁴³.

После бегства из России и вплоть до своей кончины в Югославии жил генерал Петр Иванович Аверьянов (1867–1937) – последний начальник Генерального штаба царской армии, который во время Первой мировой войны обеспечил Сербии кредит в 40 млн

37 Россия и славянство (Париж). 1933. Декаб.

38 Русская эмиграция. Альманах. 1920–1930. Beograd, 1931. С. 51.

39 ГАРФ. Ф. 7001. Оп. 1. Д. 10. Л. 42–64.

40 Там же. Д. 4. Л. 121.

41 Новое время. 1929. 7 марта.

42 Новое время. 1929. 1 марта.

43 Васильев А. В. Воспоминания. «Добровольчество». // Библиотека-фонд «Русское зарубежье». Научный архив. С. 89.

золотых рублей. По прибытии в Королевство он какое-то время работал в Государственном кадастре, затем преподавал математику в гимназии в Чуприи и, наконец, перешел на службу в Исторический отдел Главного генерального штаба в Белграде.

Но всем не бывает одинаково хорошо: не все находили соответствующую работу или должность, отвечавшие их прежним занятиям, способностям, квалификации. Например, Бахарева-Полюшкина Наталья Дмитриевна, внучка Лескова, работавшая в «Петербургском Листке», имевшая свою киностудию и фабрику, стала заведующей женским общежитием для русских студенток и интеллигентных женщин без службы⁴⁴.

Бывший дипломат, аристократ из ливонских рыцарей, хорошо игравший на виолончели, отказался играть в ресторанном оркестре под предлогом, что тем самым он опозорит своих предков⁴⁵.

И если доктора, инженеры, профессора, в которых нуждалось молодое Королевство СХС, легко получали работу по специальности, то «полковники, чиновники, юристы и т. п.» часто становились «сапожниками, разносчиками газет, мелкими <...> торговцами, лавочниками на базаре»⁴⁶. Бывали и «анекдоты»: известному генералу А. С. Лукомскому один серб по простоте душевной предложил работать у него в ассенизационном обозе. Предложение выгребной ямы было вежливо отклонено. Вскоре генерал уехал в Париж к великому князю Николаю Николаевичу и стал его правой рукой⁴⁷.

Трудности с приисканием места «ненужными» специалистами прекрасно описал довольно злой сатире на своих соотечественников под названием «Хождение по мукам» поэт Николай Яковлевич Агнiewicz.

Семи беженских суток, упорно,
Ходил я – болваном последним –
Туда, по тропиночке торной, где, стиснувши зубы, покорно,
Россия стоит по передним!..

1

Тут, на зов, выходят «штучки» –
Ручки в брючки,
Закорючки,
Видом – вески,
Жестом – резки,
Тверды, горды как Ллойд Джорджи!
(Только, эдак, вдвое тверже)!

44 Новое время. 1930. 4 марта.

45 Ренников А. Первые годы в эмиграции // Возрождение, Paris, 1957, № 64, С. 86.

46 Пию-Ульский Г. Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939. С. 39–40.

47 Ренников А. Первые годы в эмиграции. С. 85–86.

И любезно говорят:
– «Осади назад!»
После всех рекомендаций,
Аттестаций, регистраций,
Всевозможнейших расписок,
Переписок и подписок,
Раздается вещий глас:
«Нельзя-с!
–Н-да-с! Имеются ресурсы
Исключительно на курсы:
Маникюра,
Педикюра,
Выжиганья,
Вышиванья...»
– «Извините, до свиданья!»

2

– «Здрассте!» – «Здрассте!»
Тут у нас по детской части!
Мы старанья все приложим
И, всем прочим в назиданье. На букварик выдать можем...
– «Извините, до свиданья!»

3

– «Здрассте!» – «Здрассте!»
Тут у нас по земской части
Выдаем на рестораны,
Виноградники, кафаны,
На развод осин и елок...
– «Извините, я филолог!»
Можем выдать, для почину,
Вам на швейную машину...
– «Что ж я буду делать с нею?»
– Устраняя все невзгоды,
Выдаем еще на роды...
«К сожаленью, не умею!»

***

Мои несчастные colleg'-и

В международном этом беге –
Мы убедились понемногу,
Что нам в беде скорей помогут:
Зулусы, турки, самоеды,
Китайцы, негры, людоеды,
Бахчисарайская орда,
Но свой же русский – никогда!⁴⁸

И, тем не менее, русские не «пропадали» и старались помочь друг другу, хотя «в семье не без урода».

Бывало, что и сами сербы, особенно в связи с наступившим мировым экономическим кризисом, выставляли эмигрантов некими завоевателями, отнимавшими работу у бедных белградцев. В 1932 г. в газете «*Jugoslovenska politika*» появился ряд материалов талантливого публициста Д. Павичевича, в которых он, намеренно сгущая краски, пытался резко противопоставить роскошь русских – прозябанию югославам. Об этом свидетельствовали такие заголовки статей, как «Русские наслаждаются – наши голодают», «Русские нас дают», «Русские взбесились».

Да, были богатые русские, нанимавшие сербов в услужение. Да, бывало, они могли бросаться деньгами. Да, по своим талантам, мастерству, опыту многие русские в различных областях знания, прежде всего, в естественных, пользовались предпочтением у тех же сербов. Само государство, возрождавшееся из руин недавней войны, остро нуждалось в специалистах, в образованных чиновниках. Нужно знать, что «бешенство» после продажи бриллиантов быстро заканчивалось.

Со своей стороны добавлю: мне была рассказана моим другом сербом трагическая история о пожилом русском полковнике, не сумевшем найти работу, продавшем все, что можно, только чтобы прокормиться, но все же умершем от голода, вернее, от безысходности. Были и те, кто кормился подаянием. Встречались и такие, выдававшие себя за известных специалистов, что позволяло легко «зарабатывать» деньги, манипулируя доверчивыми сербами.

И все же русские старались как-то устроиться. Конечно, хорошо было тем, кто уехал из России с капиталом. Например, одним из самых богатых русских слыл москвич Василий К. Исаев, владевший, как и ранее в Москве, ювелирной мастерской в Белграде и виллой в Дубровнике, куда переселился в 1941 г.⁴⁹

48 Агнивцев Н. Я. Хождение по мукам // Антология поэзии русского Белграда / Сост. О. Джурич. Белград, 2002. С. 1–3.

49 Латинич О., Ракочевич Б. Эмигранты-москвичи в Белграде // Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 632.

Без «капиталов» было труднее. Особенно тяжело было офицерам, осваивавшим нередко новое ремесло, и хорошо, если оно не связано с ношением швейцарской ливреи, а со слесарным делом. И шли в «мастера по металлу».

В столичной рекламе можно было прочесть: «Галлиполийская мастерская Белградского отделения общества галлиполийцев

выполняет следующие работы

1. СЛЕСАРНЫЕ: Изготовление и ремонт слесарных и легкокузнечных изделий (железных кроватей, умывальников, замков, ключей, ножей, ножниц и проч.)

2. СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЧИНОК “ПРИМУСОВ” всех систем.

3. ЖЕСТЯНЫЕ: Приготовление жестяной посуды, ремонт жестяной эмалированной и медной посуды (чайники, ведра, кофейники, миски, тазы, кастрюли, самовары).

4. ПОЛУДА МЕДНОЙ ПОСУДЫ.

5. ЛИТЕЙНЫЕ: Прием заказов на изготовление военных заказов (полковых, училищных, вензелей, трафаретов и проч. и выпуск таковых, Георгиевские кресты 1—4 степеней, знаки Кубанского похода, знак Бредовского похода, Знак Дроздовского похода, Знак Екатеринославского похода, Знак Николаевского кавалерийского училища, розетки гусарские, знаки саперные, кокарды офицерские и гражданские, звезды на погонах, Образ Спасителя (шейный), пуговицы русские с орлами, ленты шелковые, георгиевские и национальные»⁵⁰.

Отличительные черты красной Москвы первых лет – удостоверения и семечки, а монархического русского Белграда, города «вождей» – знаки и прочие отличия. Грустно замечу, что «связь» с Россией шла и через ордена, кресты, медали, гусарские ментики и кокарды... В то же время все это одним помогало держать себя, не опускаться, чувствовать себя еще способным пойти освобождать Родину от «красной нечисти». Для других это было уже бутафорией, «мусором», памятью «в дальнем ящике буфета».

Определенная неспособность эмигрантов к новым условиям жизни, объяснялась не только чисто объективными, но и субъективными причинами. Прежде всего, это извечные «авось» да «небось», откуда, в частности, проистекало нежелание учить язык. Для многих свою роль играли возраст, ломка привычного уклада жизни.

В письме русского дипломата В. Н. Штрандмана от 1 сентября 1936 г. принцу-регенту Павлу говорилось: «Министерство внутренних дел, за весьма редкими исключениями, отказывается принимать эмигрантов в югославское подданство, что лишает их права искать заработка даже на иностранных предприятиях, которым предлагается оказывать строгое предпочтение национальным рабочим <...> Уже сейчас имеются весьма тяжелые случаи, например, отказ принимать на работу русских только потому, что они русские <...>

50 Вестник правления общества галлиполийцев (Белград). 1924. 27 апр. С. 16.

Число погибающих русских, умирающих вследствие острого недоедания, с каждым днем увеличивается, а зачастую имеются случаи, когда люди доходят до полного отчаяния»⁵¹.

Безусловно, в этих строках было намеренное обострение ситуации. Но здесь не надо забывать, что король Александр был уже в могиле, а в самой Сербии подросло послевоенное поколение, требовавшее своего «места под солнцем». Русские, оставившие свою «богатую родину», стали мешать. В Белграде «забыли», что из денег, полученных при отъезде из России от Николая II на помощь разоренной Сербии, Н. Пашич передал 800 000 динаров в управление фондов, а в письме на имя председателя Скупщины выразил свое посмертное желание, чтобы на эти деньги был сооружен памятник «Русскому царю Николаю II»⁵². (Он был воздвигнут только в 2014 г.)

«В 1936 – 1937 гг. сербское государственное радио занималось тем, что издевалось над русской нацией и, перейдя все границы приличия, выставило русского мужчину идиотом под именем “Сережи”, а русскую женщину – падшей, под именем “Ниночки”. Одновременно же с этим в сербскую народную массу бросали по радио <...> ложь, что русские позанимали места в министерствах, что они сидят паразитами на шее сербов <...> Травля национальной русской эмиграции выгодна была и для просоветских элементов. Все мы знаем, что “в семье не без урода” <...> но это <...> не дает никому права из-за таких уродов клеймить всю нацию». Только в феврале 1937 г. ряд русских и сербских деятелей посетили директора «Радио А. Д.» генерала Калафатовича и заявили следующее: «На всем свете нет ни одного радио, которое бы так возмутительно дискредитировало русскую эмиграцию, кроме <...> Белграда и Москвы. Мы, сербы, в своем же доме позволяем себе оскорблять русских, – тех русских, которые в европейскую войну защищали Белград и погибли на Салоникском фронте <...> Но не говоря уже о мертвых, просто недостойно для сербов оскорблять тех братьев-русских, которые теперь в беде, потеряв свою родину, мучаются и страдают по всему свету... Есть две нации без отечества: это – русские и евреи. Однако, почему-то нападают только на русских»⁵³.

Протест был принят и травля прекращена. Все эти прискорбные факты все же не должны очернять историю взаимоотношений русского и сербского народов: грязные пятна лишь оттеняют белизну стен крепости русско-сербской дружбы. Позволю себе два примера.

Первый: в 1928 г. на основе соглашения МИД и министерства просвещения с президиумом Госкомиссии по делам русских беженцев был создан Русский культурный комитет (РКК), куда, в частности, вошли представители правительства и научного мира. На первом его заседании было принято решение о том, что РКК сформирует Русскую

51 Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сб. документов. В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. 1934–1937. С. 410.

52 Новое время. 1926. 19 дек.

53 *Маевский Вл.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. В 2 т. Нью-Йорк. 1966. Т 2. С. 70–72.

публичную библиотеку, Русский литературно-художественный журнал, Русское книгоиздательство, Русский научный институт (РНИ), художественные студии – музыки, живописи, театра. Для реализации программы РКК председателем был избран видный ученый, русофил Александр Белич.

Второй: упомяну здесь имя серба, простого, без претензий, русофила Милана Ненадича, связавшего себя с Россией еще по службе в Санкт-Петербурге. В 1921 г. он всю свою энергию употребил на организацию для русской студенческой молодежи трех общежитий на 218 человек. Не менее успешной была его деятельность по устройству дома для престарелых, живших на небольшие пособия в 200–300 динаров от властей. Для помощи им он организовал особый сербский комитет, председателем которого стал промышленник Джордже Вайферт, масон⁵⁴. Добавлю, что имя Вайферта и сейчас можно увидеть вновь на рекламе, связанной с производством пива.

Помощь русским оказывалась от рождения до организации последних проводов.

Свободное время можно было потратить и на театр, на ресторан, на просиживание в кафане и, конечно, на кино, одно из самых доступных развлечений, позволяющих забыть о каморке, в которой живешь, о дураке начальнике, злой хозяйке, о безнадежности бедности.

Так, 1 февраля 1923 г. можно было купить билет в зал синема «Париж» на «русскую кинофильму» «Умирала цветущая роза»⁵⁵. А 14 апреля в биоскопе (кинотеатр) «Коларац» сходить на «великолепную русскую драму из кавказской жизни в 5 частях “Гость с неба” в главных ролях Карабанова и Гайдаров»⁵⁶. Правда, после какого-либо фильма из старого времени было тяжело «возвращаться» в день сегодняшний.

В стихотворении Андрея Владимировича Балашева «На чужбине» эта тоска писала строки:

Еще один ненужный день
Навек исчез во тьме былого,
Гляжу с тоской в ночную тень,
Клянущу тщету пережитого.

Но завтра снова день и ночь,
И жажда русского Мессии, –
Как тяжко рваться и не мочь
Помочь истерзанной России!⁵⁷

54 Россия и славянство. 1933. 29 янв.

55 Новое время. 1923. 1 февр.

56 Новое время. 1923. 14 апр.

57 Балашев А. В. На чужбине // Антология поэзии русского Белграда. С. 17.

А пока свою боль и гордость, вину и радость молодежь отливала в стихи. В 1925 г. выпущен сборник молодых поэтов «Белый стан» – Альбин Комаровский, В. Григорович, А. Ва-ев, Петр Евграфов, Анатолий Балашев, Николай Чухнов. Все посвящено России⁵⁸.

Высокое и героическое смешивалось в эмиграции со стремлением к уюту, занятиям любимым делом. Одни готовились спасти Россию, другие собирали марки: в Белграде действовало свое общество филателистов «Россика»⁵⁹.

Удивительным человеком был обычный российский беженец А. А. Скрынька, в прошлом учитель русского языка, а в Белграде – торговец молоком на углу Мишарской и Ресавской улиц. В 1930 г. он издал в Нови-Саде за свой счет «Русский язык. Знаки препинания» «с целью краткого, систематического объяснения всех правил русской пунктуации ученикам III-го до VIII-го класса»⁶⁰.

Быт это не только жизнь, но и смерть. И если в Советской России люди гибли от голода, холода, в лагерях и тюрьмах, то в эмиграции – тоже сводили счеты с жизнью, не вынеся ее тягот в изгнании, вдали от семьи, от Родины. В изгнании для некоторых исчезал смысл бытия, а тогда зачем жизнь, этот «дар случайный»? Гусаковский Владимир Николаевич (1871–1923), генерал-лейтенант. Командир Апшеронского полка. Пошел на самоубийство, вследствие материальных тягот и нравственных страданий. Один из русских, служивший в Аграрном банке, после просмотра фильма о Порт-Артуре, где в одном из кадров увидел своего отца, погибшего при защите крепости, покончил счеты с жизнью.

Но таких, отчаянных и отчаявшихся, было немного...

Быт имеет привычку засасывать. Кто-то посещал театр, а кто-то пил горькую, тот что-то учил, а были и такие, которые занимались сочинительством на религиозную тематику. Разумеется, пальму первенства здесь держало духовенство – на первом месте был митрополит Антоний (Храповицкий). Однако и среди мирян были таланты. Так, А. Н. Матвеев получил премию в 2 000 динаров за сочинение «О вере» в конкурсе, организованном Сербской Академией наук и искусств. Его труд в обязательном порядке печатался и раздавался народу бесплатно, рассылался в народные библиотеки и читальни⁶¹.

В погоне за заработком, в борьбе за быт(ие) русские занялись неизвестным для сербов ремеслом: изготавливая абажуры из специальной разноцветной бумаги и, как я уже говорил, изготовлением игрушек и других предметов из дерева, украшенных народными узорами и окрашенных чаще всего в голубой и красный цвета (подносы, рамки, шкатулки, ножи для разрезания бумаги и пр.). Кроме тех, кто имел профессию – врач, инженер, адвокат, преподаватель, специалисты высшей квалификации, остальные жили на грани нищеты. Но ... держали свой статус, соблюдали свои обычаи: завтракали поздно, обедали

58 Новое время. 1925. 18 июля.

59 Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: библиографија радова 1920–1944. Београд, 2003. С. 224.

60 Там же. С. 239.

61 Новое время. 1929. 16 марта.

в пять, пили вечерний чай, затем следовало вечернее чтение или собирались за карточным столом. Обязательно все эти графы, князья, бароны держали четвероногого любимца – собаку или кошку, с которыми делили свою скромную трапезу. На Рождество украшали елку, на которой обязательно висел подарок для каждого приглашенного гостя. Этот обычай украшения елок сербы приняли именно от русских эмигрантов⁶².

Как тонко пишет сербская исследовательница М. Стойнич, русские жили с ощущением, что такая жизнь в бараках и на чердаках для них временная, чемоданная. Стали главными частными учителями иностранных языков – английского, немецкого, французского. С языком у учеников воспитывали любовь к русской культуре, литературе, искусству. Эти часы протекали в незабываемой атмосфере бедных комнат со скудной мебелью и обязательной лампой, яркий свет которой приглушала кашмирская, орenburgская или другая шаль, наброшенная на дешевый абажур. От старых русских дам многие не только научились иностранному языку, но и полюбили на всю жизнь Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Надсона и др., «вобрали в себя Достоевского, Толстого, Тургенева», а также «сплин непонятной русской дали, снежных пространств, одиноких берез, стоящих весной наполовину в воде». Они «приучили нас любить и беречь животных, играть с ними так, чтобы им тоже было приятно, не мучить их, водить их гулять, разговаривать с ними». «Мы кормили их отходами, а такая, как Мария Петровна Карпова, не тратилась на завтрак, чтобы купить соседским кошкам молока (своих не имела, все были ее). Со слезами на глазах умоляла какого-нибудь извозчика не бить еле держащую на ногах от усталости лошадь. И всегда в своей сумке, по обыкновению полной книг, держала булочку, которой тайком угощала коня. Таким образом, мы, вместе с иностранными языками, русской литературой и русским чаем, поняли, что животные тоже имеют душу, мы научились понимать их строение по глазам – большим и не очень, пегим, темным, зеленым, голубым. Они стали для нас друзьями, с которыми мы делили даже свои сладости, для которых мы собирали кости, а иногда тайком оставляли кусок мяса от своего обеда для того, чтобы накормить бродяжку пса. Матери нам иногда говорили, что нас эти русские женщины “портят”». Однако «их “часы” были самыми дешевыми и самыми длинными, часто они или их мужи и сыновья помогали решать математические задачи, понять физику или химию, войти в тайны биологии. Одним словом, у них мы были как дома, под присмотром». «Мы начали с пониманием и большим вниманием читать “Каштанку” Чехова, “Белого пуделя” Куприна, “Холстомера” Толстого, “Вешние воды” и “Асю” Тургенева, “Белые ночи” Достоевского»⁶³.

Знакомство шло через соседство, дружбу на работе. В Сербии почти не было ни одной средней школы, где бы ни преподавал русский учитель. Как правило, они были хорошими педагогами, которых ученики любили и уважали. Автором отличных школьных

62 Стојнич М. Руска емиграција међу нама // Руси без Русије Српски Руси. (Албум) Изд. Д. Јанићијевића и З. Шлавица. Београд, 1994. С. 15–16.

63 Там же. С. 17–19.

учебников, в том числе и для школ Королевства, был Лев Сухотин, директор русско-сербской женской гимназии, автор исследования «Фет и Елена Лазич».

Между беженцами были два типа интеллигентов.

Одни смирились с катастрофой и искали объяснение в русской религиозной мысли, в философии Николая Федорова, Владимира Соловьева, в учении Федорова о «всеобщем воскресении», в тезисе Соловьева, что Россия должна быть жертвой, чтобы примирить Восток и Запад, восточное и западное христианство, после чего наступит эра «Третьего Завета», когда не будет войн... Ситуацию, в которой оказались, они трактовали как переход в новое состояние и жили в некоем безвременье, что им облегчало переносить все трудности жизни в эмиграции⁶⁴.

Другие принадлежали к левой русской интеллигенции – эсерам, меньшевикам, анархистам. Облегчали свою жизнь, смеясь над собой, критическим отношением к до-революционной России. Они стремились через Париж, Прагу, Хельсинки, Ригу, Берлин приобретать литературу о жизни в СССР и незаметно информировать сербское общество о процессах происходящих в Советской России.

Пожалуй, добавлю здесь, что в Сербии можно было встретить «русских Хлестаковых», «отягченных званиями, орденами и прочими отличиями», да и смотрящих на сербов свысока. Иронично замечу, что к этому обязывало само звание «старшего брата». Тема борьбы с большевизанами, за Русь, царя сомодержавного была едко обыграна в сатирическом журнале «Бух!!!». Итак:

«Подводя итог титанической борьбе русской эмиграции с большевиками наш специальный сотрудник установил среднее количество активной работы исполняемой каждым рядовым беженцем в течение одного года...

1. Слова: “Мы”, “борьба” и “Россия” произнесены 1. 586.903 раза.
2. Песни: “Мы смело двинемся вперед” и “Что нам горе” пропеты 4.009 раз.
3. Выпито за “Единую Неделимую” и за возвращение “не позже, чем через полгода”, “15.000 литр.”»⁶⁵

Дальше следовали уж совсем фантазийно-издевательские строки. Этот провокационный текст имел свою подоснову, учитывая само эмигрантское житье-бытье.

Быт – это, прежде всего, жилье. Далекое не каждому была по карману отдельная квартира. Средний заработок составлял 900 динаров. В 1927 г. 50 динаров равны 1 доллару. Газета «Новое время» стоила полтора динара. Обед в «Русском ресторане» 18 и 14 динаров. Абонемент на 15 талонов – обед – 19,5 динаров⁶⁶.

64 Там же. С. 20.

65 Бух!!!. 1933 г. № 15.

66 Новое время. 1923. 24 авг.

Но были и счастливцы, имевшие свое жилье, как например профессор Белградского университета А. Л. Погодин. Его сын, будущий архимандрит Амвросий (Алексей Александрович Погодин) (1925–2004) в своих стихах к матери писал:

Скажи, о Ты, наверно, помнишь
Тот дом, где жили мы тогда? –
Проход угрюмый, низкий, темный,
Но в комнате светло всегда?

Стена, что сыростью покрыта,
Ковер из драного сукна
И звук разбитого корыта:
Рояля нашего игра.

На трех ногах куриных, помнишь
Ту печку ржавую в углу?
Ея опилками наполнишь –
Она дымит невмоготу...⁶⁷

И еще одно:
Мечтатель я только невзрачный,
Затертый во льдах пароход,
А проще сказать – неудачник,
Коль двинуть – обратный все ход.

Я честно и много работал,
Я воду таскал решетом
И только на то заработал,
Что знаю, что был дураком...⁶⁸

И таких «дураков», вынесенных из России в эмиграцию, было немало.

Возвращаясь к квартирному вопросу, скажу, что многие снимали так называемые углы, жили по несколько человек в четвертушке или половине комнаты. Люди побогаче могли позволить себе меблированные комнаты. В Белграде таких общежитий гостиничного

67 *Тобольская Л.* Архимандрит Амвросий (Погодин) – странник, ищущий Града Небесного // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь» за 2004 год. Джорданвилль, 2004. С. 138.

68 Там же. С. 153.

типа было несколько, например, «Семья» (ул. Косовская, 53), «Общество взаимопомощи» (ул. Короля Милана, 71), «Инвалидный очаг» (ул. Призренская, 5), «Россия» (ул. Короля Милана, 69)⁶⁹. С 15 декабря 1923 г. к услугам постояльцев открылись меблированные комнаты «Родина» (ул. Короля Милана, 69) с электричеством, паркетными полами, центральным отоплением, новой мебелью, сетчатыми и пружинными кроватями. Комнаты были разделены перегородками – у каждого свой отдельный угол. Утром и вечером – чай, кофе, какао, молоко, холодные закуски, пирожки. Все это стоило 15–20 динаров в сутки⁷⁰. Еще одна «Россия» размещалась на ул. Доситеевой, 21⁷¹. На улице Капитана Мишина, 3 сдавались посуточно комнаты с 2, 3 и 4 кроватями⁷². Для экономящих каждый динар Державная комиссия открыла дом для приезжающих в конце Пожаревачкой улицы по 3–5 динаров за кровать в сутки⁷³. Из дешевых, но уютных, общежитий можно назвать и «Русский Очаг» (ул. Короля Милана 85, напротив Сербского офицерского дома). Цены в нем были ниже прочих общежитий, а инвалидам предоставлялась особая скидка⁷⁴.

Об условиях студенческого жилья может дать представление тот факт, что в общежитии (бульвар Короля Александра, 15), в котором проживало 90 человек, половина разместилось в четырех его комнатах, вторая половина – в коридоре. Другое общежитие (бульвар Короля Александра, 130), разместившееся в трамвайном депо, было также переполнено, закрылось уже в конце 1922 г. Имелось крохотное общежитие (ул. Травничка, 5) на 8 человек. Лучшим было положение с жильем у 15 счастливиц, размещенных в общежитии (ул. Тряска), расходы на содержание которого брали в порядке благотворительности и иностранцы, в частности, испанцы⁷⁵. Для справки – в Союзе русских студентов Белградского университета к весне 1922 г. было около 700 человек⁷⁶.

Свой быт и досуг можно было значительно улучшить тем, у кого были традиционные ценности – золото, бриллианты и пр. Такие люди были в эмиграции, и именно для них росла сеть комиссионных магазинов, владельцы которых в большинстве своем тоже были из России. Итак, в Белграде «работали» следующие магазины: комиссионный И. П. Колченкова-Николаева (ул. Князя Михаила, 24), сербо-русский магазин Сретена Божиновича (Теразия, 7)⁷⁷, магазин Андрея И. Богданова (ул. Добриньска, 12), где, получив деньги за драгоценности, можно было купить «по дешевой цене чай, грибы, мыло, крестильные кресты, иконы, лампы и пр.»⁷⁸, магазин М. М. Покровского (ул. Юговича, 10) по приему

69 Новое время. 1924. 28 нояб.

70 Новое время. 1923. 19 дек.

71 Новое время. 1924. 9 марта.

72 Новое время. 1922. 1 сент.

73 Новое время. 1922. 9 нояб.

74 Качаки J. Указ. соч. С. 223

75 Новое время. 1922. 11 авг.

76 Новое время. 1922. 11 мая.

77 Новое время. 1921. 14 мая.

78 Новое время. 1922. 16 дек.

бриллиантов и пр.⁷⁹, антикварный магазин Иосифа Линевича (ул. Короля Милана, 82)⁸⁰, магазин товарищества «Посредник» (ул. Короля Милана, 25)⁸¹, первый комиссионный магазин Русского общества взаимопомощи (ул. Короля Милана, 71), перешедший с улицы князя Михаила, 35), принимал на комиссию бриллианты, жемчуг, золото, серебро, разные драгоценности, старинные вещи, ковры, изделия русских беженцев, менял «русскую и иностранную валюту на самых выгодных условиях»⁸².

Можно было «найти» денег в «своих» кассах взаимопомощи, в различных фондах. Так, в 1923 г. одна из них была организована в Союзе русских инженеров в Королевстве СХС. Известно, что в 1929 г. можно было взять не более 1 500 динаров на три месяца, в виде исключения на шесть, с уплатой одного процента в месяц⁸³. Но так как платили взносы своей «кормилице» нерегулярно, выдавали ссуды тем, у кого не имелось права на них, то в результате появились многолетние должники и т. д. Смута и беспорядок отличали это кредитное учреждение. Для того чтобы как-то обеспечить минимальную сумму в кассе в 1936 г. были организованы благотворительные вечера. В 1938 г. проведено два таких вечера с лотереями. Выручка в 2 600 динаров была сразу отдана взаймы наиболее нуждавшимся членам⁸⁴. Фактически, это кредитное учреждение лопнуло, как это случилось и в России с подобными «кассами».

Теперь о фондах. В этом же Союзе в 1925 г. возникла другая идея об учреждении фонда помощи в случае смерти своего члена. Предполагалось уплачивать 2 000 динаров помощи. В фонд записалось 40 человек, которые за несколько лет внесли всего 1 200 динаров. Вся эта сумма в 1928 г. была выплачена семье первого умершего, а сам фонд прекратил свою деятельность⁸⁵.

Совсем другая картина представляла, когда в сфере помощи участвовал западный капитал. Достаточно назвать действовавший в Королевстве с 1932 г. Русский трудовой христианский союз (РТХД) – православный вариант профсоюза в странах Европы. Его члены могли пользоваться «кассой взаимопомощи, бесплатным лечением в Русской больнице в Панчево, в санатории Вурберг в Словении без ограничения времени лечения, правом проезда по железной дороге в полцены, правом на дома отдыха, на юридическую помощь и др. льготы»⁸⁶. Взносы – 10 динаров в месяц и еще два динара, если хотели пользоваться дополнительными льготами. В Союз могли вступить и члены семьи при ежемесячном

79 Новое время. 1923. 10 нояб.

80 Новое время. 1923. 29 марта.

81 Новое время. 1921. 23 апр.

82 Новое время. 1921. 29 апр.

83 *Миленковић Т.* Указ. соч. С. 135.

84 Там же. С. 139.

85 Там же. С. 138.

86 Там же. С. 139.

взносе в 3 динара. Была предусмотрена и страховка в случае потери кормильца. Взнос в 14 динаров уплачивался каждые три месяца. Страховая сумма составляла 2 000 динаров⁸⁷.

Бедняки, старики и старухи, бездомные могли надеяться только на благотворительную помощь. Им собирали деньги на различных вечерах с лотереями, устраивали кружковый сбор. И здесь, по традиции, первенствовали женщины, среди которых не было жестокосердных. Из обществ можно назвать Мариинское сестричество, цель которого – помощь нуждающимся. Такая же задача стояла перед Национальным обществом русских женщин, руководимым А. Н. Алексеевой, вдовой основателя Добровольческой армии. Оно действовало с 1929 г., собирая по крохам средства, которые шли на помощь в первую очередь одиноким женщинам и детям. На свои считанные-пересчитанные деньги эти женщины отправляли некоторое количество детей в летние детские колонии, устраивали праздники. При Обществе действовали курсы кройки и шитья, которые давали возможность многим «получить за небольшую плату кусок хлеба на руки»⁸⁸.

Быт – это и привычная еда. И русские с выгодой для себя старались для москвичей, петербуржцев, жителей провинциальной России. Так, действовали, кроме обычных гастрономических лавок, молочная «Ромбус» (ул. Балканская, 26)⁸⁹, Центральная молочная (ул. Студеничка, 7–9)⁹⁰. Реклама обещала: «Молочные продукты русского производства всегда свежие и в большом количестве по дешевой цене масло, сыр, творог, сметана, яйца. Большой рынок, ряд русских торговцев: Соколов, Пиотровский, Родин и К-о. и Реутов»⁹¹. «Русская лавка. Бакалейная торговля. Малый базар, Цветан трг (лавка №16)»⁹². «Русский магазин “Балкан” (ул. Балканская, 13) – крупы, грибы, огурцы, рыба, колбаса и пр.»⁹³ Здесь можно было жить почти как в Петербурге или в Москве: ходить к русским продавцам на базар, покупать селедку у какого-нибудь «Петровича», а гречку у «Петра Поликарпыча». За русской колбаской можно было зайти в колбасную «Валентина» (ул. Короля Милана, 98), а за парижскими окороками к Рождеству в русский гастрономический магазин «Югославия» (Теразие, 29)⁹⁴. Для любителей «вкусненького» москвич Николай П. Павлов (1884–?) открыл в центре Белграда (ул. Короля Милана, 81) магазин «Волга» по продаже деликатесов. В последующее время его многочисленная семья (7 детей, женат на Елене Митрофановой) открыла ряд антикварных и книжных магазинов, книжные издательства, рекламные бюро и пр.⁹⁵

В Белграде был даже свой союз русских торгово-промышленников (председатель совета В. Д. Ильин, председатель правления Г. Г. Миткевич и секретарь С. Я. Кривцов).

87 Там же. С. 140.

88 Русские женщины в Югославии // Часовой (Брюссель). 1939. 5 июня.

89 Новое время. 1923. 10 нояб. 1923.

90 Новое время. 1923. 29 марта.

91 Новое время. 1923. 21 марта.

92 Новое время. 1922. 6 авг.

93 Новое время. 1924. 6 апр.

94 Новое время. 1930. 3 янв.

95 Латинич О., Ракочевич Б. Указ. соч. С.628–629.

Действовали на правах товарищества три русских банка: Кредитная Задруга с председателем проф. Я. М. Хлытчиевым, известным ученым и энергичным дельцом, Касса взаимопомощи при Всероссийском земском союзе (руководитель Г. П. Шпилевой) и Задруга чиновников (глава А. Ю. Вегнер)⁹⁶.

В торговлю пускались многие, считая ее «легким и прибыльным» делом, позволяющим выйти из нужды: врач торговал фирменными мясными полуфабрикатами, архитектор продавал разные технические приспособления, университетский профессор разводил длинношерстных кроликов⁹⁷.

Но и здесь было не все так просто: в определенных ситуациях приходилось применять гибкость, пускаться на некие махинации, даже нарушать закон. В своем большинстве такие действия не носили криминального характера. Но бывали и злоупотребления, такие, как продажа отдельных участков земли, официально объявленных неделимыми, получение прибыли от торговли марками якобы для оказания помощи слепым девушкам (афера Виноградова). В то же время были и противоположные случаи, когда бухгалтер, от которого хозяин требовал подписать ложный финансовый баланс, пытался покончить жизнь самоубийством⁹⁸. В августе 1924 г. полиция раскрыла салон азартных игр и курильню опиума в гостинице «Ивич», арестовала его владельца Михаила Полубоярова и девятерых его подельников, тоже русских⁹⁹.

К февралю 1929 г. в столице Королевства насчитывалось 153 мелочные лавки, 70 молочных, 58 деликатесных, буфетов, колбасных, столовых, народных кухонь, магазинов винной торговли; 58 базаров, антикваров, разносчиков, 51 колониальная и бакалейная лавки, 15 комиссионных, 13 транспортных, 7 технических контор, 2 посреднические и рекламные конторы, 14 галантерей, 6 «агентурных» контор, 8 фирм по торговле автомобилями и прокатом, 4 предприятия занимались «спекулятивной» торговлей, столько же – мануфактурной, в 3 магазинах продавались мужское готовое платье и обувь, действовало 5 книжных и издательских предприятий, 2 магазина по продаже нот, музыкальных инструментов и пр., 2 посреднические конторы, занимавшиеся экспортно-импортными операциями, одно парходное предприятие, одна фирма по торговле машинами, одна торговая цветочная фирма, 3 фирмы по торговле дровами и строительными материалами, одна меняльная лавка, одна фирма по торговле кожами. Всего 483 предприятия¹⁰⁰.

Позволю себе здесь остановиться и расшифровать этот перечень и что стоит за ним. Ведь, кроме лавочников, были и дельцы, профессионалы в области торговли, обслуживания, строительства, в других сферах хозяйствования, пионеры в новых отраслях.

96 Роцин Н. Указ. соч. С. 12.

97 Латинчич О., Ракочевич Б. Указ. соч. С. 629.

98 Там же.

99 Йованович М. Как братья с братьями. Русские беженцы на сербской земле // Родина. 2001, № 3.

100 Новое время. 1929. 1 февр.

Пароходное дело. 16 сентября 1924 г. в Саву близ Чукарицы спущен на воду первый пароход, построенный в Сербии. Строитель – известный волжский промышленник и судовладелец Дмитрий Васильевич Сироткин (1864–1953), деятель старообрядчества. За год до этого он выстроил первое в Сербии моторное грузовое судно «Коста». Длина нового парохода – 40 м, ширина – 5 м, 50 кают, 300 пассажиров. Теплоход назван «Воля». Планировался на рейс Белград – Вена. Использовался на внутренних рейсах¹⁰¹. Личность настолько примечательная, что необходимо уделить ей больше строк. Его пароходство «Волга» включало 15 пароходов, 49 барж, судостроительный завод «Нижегородский теплоход», работающий и по сей день. Говоря кратко, он «держал в кулаке» Волжское судостроение и почти всю приволжскую финансовую систему. Он, как и все старообрядцы, много занимался благотворительностью. Максим Горький был его помощником в Комитете по народным столовым и чайным. Сама фигура Сироткина была им отражена в своем творчестве. Известные архитекторы – братья Веснины – проектировали для него ряд общественных зданий, храмов, богаделен... В 1913 г. был избран на четырехлетний срок городским головой Нижнего Новгорода. С радостью встретил известие о Февральской революции. Занимался политикой. Октябрьский переворот не принял. Спасаясь от предстоящего ареста и расстрела бежал из родного города. Закончил «свой бег» в Белграде. Во время занятия Белграда частями Красной армии помогал им при переправе через Дунай. В 2011 г. в честь столетнего юбилея его судостроительного завода Сироткину был открыт памятник. Одно из судов, построенных в том же году, получило его имя.¹⁰²

Обувное дело. В июле 1931 г. в Белграде открылся русский магазин «Вега» фабрики обуви Владимира Григорьева из Панчева. Эта фирма работала на рынке уже 10 лет и была известна в Загребе, Сараеве, Любляне, Сплите и других местах¹⁰³.

Безошибочна была ставка на производство русской водки, любимого напитка соотечественников, не привыкших к ракии, отдающей «парфюмерией». В 1923 г. Товарищество по производству водочных изделий «Орел» в Белграде выпустило в продажу: красную головку (цвет металлического колпачка), перцовую травник, лимонную, апельсиновую, белую головку двойной очистки, сахарную, хинную и английскую горькую¹⁰⁴.

Экспорт-импорт. Пожалуй, одним из воротил в этой сфере стал выпускник Московского университета, защитивший докторскую диссертацию по химии Виктор Васильевич Шипатовский (1878–1944). Примерный семьянин – жена Софья и дети Виктор и Наталия. С 1922 г. он был владельцем торгового агентства «Новву». Его коммерческая деятельность заключалась в продвижении на рынок препарата для очистки металлических изделий, а также химпрепарата «Тепалина» для очистки накипи в паровых котлах, нагара в авиа-

101 Новое время. 1924. 21 сент.

102 Гимназия в лицах / Авт.-сост. Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л. В 2 кн. Белград, 2018. Кн. вторая. С. 512–513.

103 Царский вестник. 1931. 12 июля.

104 Новое время. 1923. 29 сент.

ционных и автомобильных моторах. Параллельно Шипатовский представлял интересы нескольких английских текстильных фирм, в частности, Альфреда Мидвуда из Манчестера, а также производств по изготовлению корсетов. Понемногу приторговывал сукном, которое покупал в своих командировках в Великобританию. Его услугами представительского характера пользовались: немецкая из Лейпцига «Kluge & Porgisch» (растительное масло, эссенция и химикаты), английская из Глазго «Hopkins & C.» (виски «Jim»), лондонская «Sir Robert Burnet», французская «St. James» (рейнское шампанское и ром), парижская «A. F. Pears» (мыло и парфюмерия). Шампанское поставлял к королевскому двору, в отель «Палас», ресторан «Русский царь». Имел представительство по поставкам из Бордо консервов, фруктов, овощей, рыбы в основном для снабжения королевского двора. Вел дела по всей Югославии¹⁰⁵. Это о нем в упомянутом журнале «Бух!!!» (1932, № 11) писалось:

Без шляпы жил Роман Верховский,
Но в шляпе ходит Шипатовский.
Он без труда и без забот
Сумел устроить «Оборот».
Он оборотистый был малый,
Таких немного есть, пожалуй.
Он был в Париже баронетом,
И был Мюнгаузенем при этом.
Пока еще была Россия,
Он был приятель папы Пия,
Был в Австро-Венгрии кронпринцем,
И жил у Габсбургов под Линцем,
И был на ты он с Карлом Мором,
С Рабиндранатом и Тагором;
А с королевой Вильгельминой
Он говорил с шутливой миной.
Ему сам Блок писал сонеты,
Он крестный папа Гарбо Греты
И он в угоду этой даме
Два дня сидел в воздушной яме!
Он десять раз весь свет объездил,
Он на медведе белом ездил
На дирижабле и верблюде,
Он был в Клондайке, Холивуде,
Стокгольме, Чили, Тель-Авиве,

105 Латинич О., Ракочевич Б. Указ. соч. С. 631.

Он поклонился Бrame, Шиве.
И возле города Манилы
Его раз съели крокодилы,
А после дружеской беседы
Им закусили людоеды.
Волками сожранный в Канаде
Воскрес на кладбище в Белграде,
А из пустыни жаркой Гоби
Он для продажи вывез Хобби
И занесен в словарь Брокгауза...
Он – доктор и гонорис кауза.

Импорто-экспортными операциями в меньших объемах занимался Иван Васильевич Зотов (1881–?), прибывший в Югославию в 1936 г. из Стамбула. До эмиграции он был владельцем фабрики, поставлявшей обувь в армию. В 1937 г. открыл фирму «Экспорт-импорт» по вывозу кожи из Королевства и ввозу колониальных товаров, в основном тропических фруктов, пряностей и пр.¹⁰⁶

Среди торговцев из Москвы выделяется имя Пантелеймона Васильевича Заболотского (1887–1947). По прибытии в 1920 г. из России, где он был чиновником министерства торговли, сумел устроиться в кампанию «Russo-Serbe», которая вела экспортно-импортные операции, развивала торгово-промышленные отношения со славянскими странами¹⁰⁷. В ноябре 1924 г. фирма прекратила свое существование, но по другим данным кампания была на белградском рынке до 1927 г. В качестве пайщиков упоминаются Яков Хлытчичев, Валентин Гайдуков, Роберт Смит (англичанин), Михаил Белоусов из Парижа и Николай Залин из Берлина. В то же время Заболотский известен как один из основателей и председатель правления фирмы «Holz& Metalhandels Industry A. G.». Вместе с Михаилом Фоминым был владельцем фирмы «GlobusHaus G. m. b. H». С 1935 г. вел финансовые дела в основном с американской фирмой «Братья Селигман». Через эту фирму был подключен к делам фирмы «Батиньоль», занимавшейся подрядами на большие строительные работы (Земунский мост, дорога Печ – Приштина и др). Имел дела с организацией «Трепса Mains Ltd», т. е. с рудниками в Боснии¹⁰⁸. Его сын Борис (1909–?), по профессии инженер-электротехник, вел строительные дела и стоял с 1934 г. во главе строительной кампании «Стан» (Квартира), деятельность которой была короткой из-за недостатка средств¹⁰⁹.

106 Там же. С. 632.

107 Там же. С. 629.

108 Там же. С. 630.

109 Там же. С. 631.

Можно назвать еще одно имя – Анатолий Иванович Прицкер, человек, который стал инициатором издательства «Народна просвета» («Народное просвещение») ¹¹⁰, выросшего в одно из крупнейших предприятий в Югославии.

Да, были крупные дельцы, большие капиталы, пионерская деятельность, но особого размаха не наблюдалось. Основная масса русских, заинтересованных в торговле, устремлялась, прежде всего, в сферу обслуживания.

Открывались русские закусочные, молочные, кондитерские, служившие одновременно и чайными, ночные кафе, которых Белград раньше не имел: «Казбек», «Сейм», «Русская лира» и др. В Белграде появилось диковинное блюдо – блины, поедание которых принимало массовый характер на масляной неделе: встреча – понедельник, заигрыши – вторник, лакомка – среда, широкая – четверг, тещины вечерки – пятница, золовкины посиделки – суббота, прощание, целовник, прощенный день – воскресенье. Масленица – один из любимых русским народом праздников: она и «масленица объедаха, деньгам приберуха, тридцати братьям сестра, сорока бабушкам внучка, трехматерина дочка».

И конечно, важное место отводилось традиционной рекламе. Я позволю себе привести здесь ее достойный образец, помещенный в «Новом времени».

К блинам

Всегда на масляной неделе
Блины на родине мы ели
Обычай наш уже такой
И, надо думать, недурной,
Но без закусок и вина
Не съешь, пожалуй, и блина!
Но где же русскую взять водку,
Достать шотландскую селедку.
Купить омаров и сардин, –
Как не на Косовской, 1?!

Чего там, право, только нету, –
Не перечислить и поэту!
Икра нежнейшая донская,
К тому ж совсем не дорогая,
Копчушки, кильки... а балык;

110 Арсеньев А. «Показаћемо, да и овде, далеко иза граница отађбине, живи моћ стварања...» Руски уметници у Краљевини Југославији // Сепарат. Зборник Матице Српске за сценске уметности и музику. № 15. Нови Сад, 1994. С. 197.

Проглотишь собственный язык!
 Грибы, консервы и соленья,
 А шпроты всем на удивленье!
 Но нет! Всего не перечесть,
 Что в магазине этом есть!
 Пускай любитель гастроном
 Сам убедится лично в том!
 А я скажу вам только то,
 Что говорил уже давно:
 Кто знает Д р о б о т о в а, – те
 Должны поверить свято мне,
 Что самый лучший магазин –
 Ей-ей на К о с о в с к о й, 1!¹¹¹

В старой Скадарлии (район увеселительных и питейных заведений) орала русская песня. Борщ, русские каши, пирожки, блюда с грибами, селедка и другие почти неизвестные рыбы появились в ресторанах, а потом и на сербских домашних столах. Чай, который в Королевстве пили только больные, стал почти равноправным с кофе, с которого начинается день на Балканах¹¹².

Русский Белград был славен и числом своих организаций. Можно назвать сформированное к концу 1931 г. Собрание инженеров-путейцев, выпускников Института инженеров путей сообщения императора Александра I в Санкт-Петербурге. Цель традиционная – «взаимная помощь и поддержка»¹¹³. Вначале возглавлял Собрание профессор Александр Андреевич Брандт до своей кончины в 1933 г., потом Илья Игнатъевич Харитонович (1878–?), один из старейших инженеров¹¹⁴. В конце 1931 г. был напечатан список выпускников, которые жили за границей. Он содержит имена 133 инженеров (27 проживали в Белграде) и далеко не полон¹¹⁵. 125-летие Института отпраздновали в 1935 г. в Белграде выпуском сборника соответственных празднику стихов Бориса Велихова, а также в ресторанах Белграда¹¹⁶.

Организации росли как грибы после дождя и количество «вождей», как шутили в Белграде, превышало численность русских в столице Королевства. Когда сформировался Русский трудовой христианский союз, то его, смеясь, называли «сто первой организацией»¹¹⁷.

111 Новое время. 1930. 23 февр.

112 Стојнић М. Указ. соч. С. 14–15.

113 Миленковић Т. Указ. соч. С. 52.

114 Там же. С. 55.

115 Там же. С. 55.

116 Там же. С. 56.

117 Васильев А. В. Указ. соч. С. 88.

И каждая из них старалась организовать «вечера» для своих членов. Выбор, куда пойти, был велик. Веселья «лилось» через край, особенно с помощью алкоголя.

В свободное время можно было и почитать книжку. Кому-то она позволяла окунуться в мир любви, другому – напоминала о величии России, неразменной и неуничтожимой, третьему давала возможность позлоствовать на тему о виновниках крушения Российской империи. Каждая имела свою толпу героев – классических и не очень. И читатель выбирал свою «толпу». Одному нравился Достоевский, иному Поль де Кок, а совсем «ушедшему из времени» – Плутарх. Ну, разумеется, первенствующее значение имела рефлектирующая классика вместе с черносотенной литературой. И конечно, не каждый имел у себя дома библиотеку.

О таких «бедолагах» заботились и книжные торговцы, и различные организации. К началу 1922 г. в Белграде вновь был открыт книжный магазин «Возрождение» И. Строганова¹¹⁸. В феврале 1922 г. Общество по распространению русской национальной и патриотической литературы открыло при материальной поддержке Белградской колонии бесплатную библиотеку новейших книг и изданий. Помещалась она в канцелярии колонии¹¹⁹. Книжный фонд Белградской библиотеки Всероссийского союза городов (ул. Милоша Поцерца, 23) к 1922 г. превышал две тысячи книг на русском и иностранных языках. Для колоний был льготный абонемент¹²⁰.

К 1921 г. в Белграде были известны такие книжные магазины, как «Русская мысль» (ул. Пуанкаре, 20) с рассылкой газет и книг, Всеславянский книжный магазин (ул. Пуанкаре, 36), розничный магазин Русского товарищества книжной торговли под фирмой «Славянская взаимность» (Теразия, 10). Для завсегдатаев ресторана Завалишина в Белграде в 1922 г. был открыт киоск, где можно было после обильной еды купить для «умствования» книги и газеты. Там имелась и библиотека, принадлежавшая издательству бр. Грузинцевых¹²¹.

Религиозная литература была широко представлена в библиотеке при просветительном отделе Общества попечения о духовных нуждах русских в Королевстве СХС¹²².

Конечно, Белград был центром различных военных союзов, объединений, обществ и, разумеется, Русская военная библиотека (ул. Короля Милана, 62) была одной из самых больших. С 10 августа 1921 г. по 10 августа 1922 г. в ней насчитывалось 3 350 библиотечных и 242 частных книг. Получали 67 газет и журналов из Франции, Чехословакии, Германии, Болгарии, Бизерты. За год библиотекой пользовались 2 500 человек. Брали на дом 1 129 человек. Ее специалисты оказывали военно-научную помощь, собирали литературу по

118 Новое время. 1922. 26 янв.

119 Новое время. 24 февр.

120 Новое время. 1922. 6 июля.

121 Новое время. 1922. 1 янв.

122 Новое время. 1922. 3 окт.

«минувшей войне и текущей Смуте». Плата за пользование была символической: на дом – 5 динаров в месяц, в библиотеке – 50 пар (половина динара) в день¹²³.

Имелась и техническая библиотека при Союзе инженеров в Королевстве сербов, хорватов и словенцев¹²⁴. Она была открыта в октябре 1922 г. Однако богатой библиотеки не получилось: не было достаточно денег для их закупки. В 1925 г. она имела всего 66 книг. В 1929 г. была передана в Русскую публичную библиотеку в Белграде¹²⁵. Но довольно быстро русские инженеры переменили решение и вернули книги «под свое крыло», решив быть «хозяевами» своих книг, а не «просителями». Лишь после постройки Русского дома библиотека – уже окончательно – переехала туда¹²⁶.

В его стенах размещалась и великолепная Русская библиотека с изумительной коллекцией дореволюционной литературы и ценнейшим собранием книг, изданных во всех странах русского рассеяния. Не забывать Россию, помнить ее, гордиться ее историей, литературой помогали эти книги.

После Тургеневской библиотеки в Париже, основанной задолго до революции и снабжавшейся книгами за счет правительства, Белградская считалась самой ценной в русском зарубежье: русские люди, покидая Россию, везли с собой не только бриллианты, если таковые имелись, но и любимые книги. Почти весь фонд библиотеки «исчез» в 1944–1949 гг.: одни книги были – к счастью – растащены, другим повезло меньше – сданы в макулатуру, сгорели вместе с комплектами газет и журналов в топке котельной Дома во время холодов.

О тогдашнем состоянии Русского дома дают представление строки из письма настоятеля русской церкви о. Иоанна Сокаля: «Особо спешным является вопрос о русском доме в Белграде и др. зданиях, находящихся на той же территории бывшего Русского Посольства. Начиная с 17 ноября 1944 года все эти помещения стоят закрытыми без всякого надзора и заботы о них. Закрыты были они внезапно; вследствие этого поправки повреждений, полученных во время уличных боев, не были проведены, и здания эти остались незащищенными против зимних непогод. Многократные обращения к сербским властям и различным общественным организациям остались пока безуспешными. Не застекленные окна не предохраняют их от холода, снега и дождей, подземные воды заливают подвальные помещения; водопроводные трубы лопнули с первыми морозами <...> В таком печальном состоянии находится сейчас Русский дом <...> Она (библиотека. – В. К.) и теперь, после того как из нее было увезено некоторое количество книг советскими военными властями, находится в состоянии большого беспорядка»¹²⁷.

Несколько тысяч книг «невинного характера» было подарено Обществу дружбы Югославия – СССР. Дружба была короткой, и в 1949 г. после ликвидации Общества книги были переданы белградской библиотеке, где помещены на долгие годы в запасники, в

123 Новое время. 1922. 1 окт.

124 Новое время. 1922. 17 окт.

125 *Миленковий Т.* Указ. соч. С. 133.

126 Там же. С. 134.

127 ГА РФ. Ф. 6991. Д. 129. Л. 270 (июнь 1946).

1960-е годы были использованы как макулатура¹²⁸. Лишь ее жалкие остатки, запрятанные в подвале Дома, в 1980-х годах попали в Москву, в Ленинку и в Историчку.

Естественно, не для всех книга была «местом отдыха». Если «старики» после работы спешили к семьям, сидели в кафанах и ресторанах за рюмкой «своей» водки, напоминавшей им о Родине, ходили по театрам и клубам и пр., то у молодежи были свои развлечения, не требующие особых расходов: прежде всего это танцы, кино, участие в любительских спектаклях. Летом добавлялись сезонные развлечения. Кто не мог выехать на природу, отправлялись по утрам на «Русские пляжи». Самыми известными слыли купальни на Саве – «Ла Манш», «Дубровник» и даже страшная по своему наименованию «Сибирь». Там не только жарили свои тела под палящим солнцем и пили разбавленное водой вино или пиво, для охлаждения «органона», но и, следуя с охотой западной моде, выбирали «мисс» своего пляжа. В 1930 г. в «Ла Манше» первой была Ольга Ильяшевич, в «Сибири» – Надежда Бородина, в купальне «Дубровник» – ученица 8 класса Наташа Турбина¹²⁹, которая занималась в частной балетной школе у Е. Д. Поляковой¹³⁰.

Для молодежи, пробующей и ищущей себя в литературе, местом встреч были своеобразные литературные собрания. Здесь можно назвать общество «Новый Арзамас», куда входили Александр Неймирок, Юрий Герцог, Николай Бабкин, Михаил Духовской, Нина Гриневиц, Игорь Гребенщиков.

Одна из его участниц, Лидия Алексеева (Девель), вспоминала о том чудесном времени: «Заседания наши проходили экзотически – например, сидели на полу на подушках, ели халву, запивая красным вином, и читали стихи, свои и чужие – предпочтительно Гумилева. Иногда заседания проводились в парке за городом. Было всегда очень весело и беззаботно, ведь было нам всем чуть меньше или чуть больше 20 лет»¹³¹.

Тогда же, в 1920-х годы действовал «Книжный кружок», устраивавший, случалось, свои и совместные с музыкальным кружком имени Н. А. Римского-Корсакова вечера. Его участниками 24 мая 1927 г. объявлялись Е. Таубер, А. Храповицкая, В. Бельский, Вс. Григорович, Евг. Кискевич, Ал. Лебедев, Л. Машковский, Ю. Сопочко. Программа традиционна: произведения членов музыкального кружка, романсы на текст участников «Книжного кружка», чтение стихов и прозы авторов¹³².

К лету 1928 г. «Книжный кружок» был переименован в Кружок поэтов имени М. Ю. Лермонтова. «Лермонтоеды» неперіодически устраивали вечера-субботники. Один из них был проведен 21 июля в саду общества взаимопомощи. Центром притяжения собравшихся поэтов и многочисленных гостей стал приехавший из Парижа И. И. Тхоржевский, читавший свои стихи и переводы¹³³.

128 Качаки J. Указ. соч. С. 50

129 Царский вестник. 1930. 30 авг.

130 Гимназия в лицах. Кн. Вторая. С. 286.

131 Алексеева Л. Из воспоминаний о Белграде // Русский Альманах. Париж, 1981. С. 307.

132 Новое время. 1927. 24 мая.

133 Новое время. 1928. 24 июля.

Это была весьма колоритная фигура. Он окончил в свое время Санкт-Петербургский университет по кафедре государственного права. Начал службу в канцелярии совета министров, в этот период написал историю царствования Александра-Миротворца, составил проект введения всеобщего обучения. По поручению С. Ю. Витте принимал участие в редактировании основных законов Конституции 1906 г. С 1916 г. в частных банках. Член национального комитета Российского центрального объединения и Торгово-промышленного Союза и член правления Торгово-промышленного банка в Париже¹³⁴. Деньги и поэзия, видимо, мирно уживались в нем, не мешая друг другу.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что «стариков» не интересовали литература и русский язык. Здесь можно назвать удивительный Союз ревнителей чистоты русского языка, основанный в 1928 г. Евгением Александровичем Елачичем.

Л. Алексеева вспоминала: «Кружок был полугимназического типа, немного скучноватый, но очень добродетельный. Устраивались чтения, составлялась библиотека газетных вырезок, читались лекции, и мы ядовито ловили друг друга на употреблении ненужных иностранных слов и неправильных оборотов. Евгений Александрович был высок, худ, педантичен, вегетарианец, и держал нас всех в повиновении»¹³⁵.

Действительно, скучно... Но картина совершенно другая, если прочтешь изданную в 1937 г. памятку Союза, в котором к 1937 г. насчитывалось 110 «ревнителей»¹³⁶.

В своем воззвании правление Союза писало: «Русский язык находится в опасности. Берегите его. Мы все должны немедленно принять ряд мер к сохранению его чистоты.

Уже более пятнадцати лет несколько миллионов русских вынуждены жить вне своей Родины рассеянными между разными приютившими их народами. За истекшие годы выросло целое поколение русских детей, родившихся на чужбине и ставших маленькими людьми среди народов, не говорящих по-русски. Местный государственный язык все русские, и большие и малые, должны знать хорошо; это язык постоянных служебных деловых общений, и для многих детей даже и язык школьного образования. И неудивительно, если постоянное вынужденное пользование данным местным языком с течением времени становится привычкой настолько, что многие взрослые начинают отвыкать от своего родного языка, ошибаются в русских словах и оборотах, вставляют в русскую речь множество иностранных слов, даже не всегда замечая это.

Неудивительно и то, что многие русские дети не научаются правильно говорить на языке своего народа, что большинство выросших на чужбине русских детей начинают думать на более близком и лучше им знакомом местном языке, что, играя между собой, русские дети говорят не по-русски, что даже те дети, которые имеют редкое счастье учиться за рубежом в русской школе, все же говорят по-русски не свободно, не без ошибок, не без обильного засорения русского языка словами и выражениями не русскими.

134 Новое время. 1928. 25 июля.

135 Алексеева Л. Из воспоминаний о Белграде. С. 307.

136 В защиту русского языка. Памятка Союза ревнителей чистоты русского языка. Белград, 1937. С. 41.

Миллионы русских в тяжелых условиях беженства борются за свое существование, не желая сливаться с другими народностями, твердо зная, что их дело – сохранить себя и своих детей русскими <...> что в счастливый день возвращения в освобожденную и возрождающуюся Родину <...> они должны привезти на Родину здоровых духом русских детей, а не маленьких чужестранцев.

Одним из первых условий сохранения своей национальности, конечно, является родной язык. Человек, плохо говорящий по-русски, едва ли русский; ребенок, думающий не по-русски, вероятно, уже утерян для русской культуры»¹³⁷.

В числе предлагавшихся «ревнителями» мер были и такие: «Чтобы подрастающее на чужбине юное поколение русских ознакомлялось с русской культурой во всех ее видах и особенно с помощью русской книги. Надо цепко держаться хорошей русской книги, великой русской художественной литературы. Детские библиотеки должны быть живым, любимым учреждением русских детей <...> чтобы русские журналисты... обратили большее внимание на правильность и чистоту русского языка во всем, что печатается в газетах и журналах»¹³⁸. Так что не все так было «замшелю» у «стариков».

А что они еще делали, можно задаться вопросом? Тут я назову устройство Собранием вечера «Старый русский юмор» с чтением произведений народных, Д. Фонвизина, А. Пушкина, И. Мятлева, Ал. Толстого, К. Пруткина, А. Апухтина, А. Чехова, И. Горбунова, Н. Лейкина и др. Одновременно при входе принимали добровольные пожертвования в пользу известного только знатокам Комитета «БЕЛОЙ РОМАШКИ» (борьба с туберкулезом)¹³⁹, для которого в свое время трудился цесаревич Алексей.

Была и своя «Литературная среда», собиравшаяся по средам в одной из аудиторий Народного университета им. И. Коларца. «Председательствовал, – писала неперемнная участница всех литературных обществ Л. Алексеева, – милый старенький вечный эмигрант, т. е. еще с царских времен, Карл Романович Кочаровский. Весь состав “Нового Арзамаса” посещал и собрания “Среды”, но, кроме нас, там бывали поэты и писатели постарше, и некоторые даже – о верх мечтаний – печатавшиеся в “Современных Записках”, как Илья Голенищев-Кутузов, Екатерина Таубер и наш прозаик Михаил Иванников. Бывали у нас В. Гальский (Принято: Гальской – В. К.), К. Халафов, еще супруги Петровы, Игнат Побегайло, Павел Крат, Михаил Погодин и кое-кто из “сочувствующих”. Этот кружок издал тоненький альманах “Литературная среда”, который так и остался номером первым.

Мэтром нашим был Голенищев-Кутузов, к его мнению все почтительно прислушивались, – был он как-то культурнее остальных, но очень себе на уме»¹⁴⁰.

Немного о нем. В 1925 г. завершил Белградский университет (философский факультет). Преподавал язык Рабле в двух совершенно разных по культуре мирах – в патриархаль-

137 Там же. С. 36–37.

138 Там же. С. 38–39.

139 Качаки J. Указ. соч. С. 372.

140 Алексеева Л. Указ соч. С. 307–308.

но-племенной Черногории и в европейской Хорватии (Дубровник). В 1929–1934 г. учился в Сорбонне, печатался в изданиях тамошней эмиграции. В 1933 г. защитил диссертацию на соискание степени доктора наук на весь сложную тему о ранних влияниях итальянской литературы Возрождения на французскую словесность XIV–XV вв. В следующем году был избран приват-доцентом Белградского и Загребского университетов, читал лекции по старофранцузскому языку и литературе. Одновременно стал преподавать в гимназии. Большое внимание проявлял к литературной жизни в советской России. Замечу, что это было не так уж трудно, так как по свидетельству Н. И. Толстого, можно было читать советскую прессу. В 1938 г. в журнале «Смена» вышли его тексты о «Поднятой целине» М. Шолохова и «Петр I» А. Толстого. Однако эти номера журнала были конфискованы полицией, сам Голенищев–Кутузов был арестован за «советскую пропаганду»¹⁴¹.

Странно, как судьба тасует карты. Принадлежавшая к роду Голенищевых–Кутузовых Ольга в 1921 г. вместе с Николаем Гумилевым была расстреляна по делу Петроградской боевой организации.

К литературному обществу можно причислить, не строго говоря, такую профессиональную организацию, как Союз русских писателей и журналистов в Югославии. «Самой колоритной фигурой был, – по словам Л. Алексеевой, – Петр Бернгардович Струве, с его пышной седой бородой, будто бы окунувшийся в нее и дремлющий в кресле с полужакрытыми глазами, но не пропускающий ни слова из того, что говорится или читается, и производящий затем логический разгром бедного оратора. Бывал на собраниях и В. В. Шульгин. Помню один случай, когда при нем Голенищев–Кутузов прочел сильно просоветские стихи – и В. В. вскопил, весь красный, что-то нелестное крикнул Гол.-Кутузову и выбежал, хлопнув дверью. Был в Союзе и Евгений Михайлович Кискевич, горбатый поэт, всей душой преданный литературе»¹⁴². Владимир Львович Гальской посвятил ему такие стихи:

Он с хозяином был странно сходен;
Холоден, нескладен и высок.
Для обычной жизни непригоден,
Невеселый этот чердачок!

Виршей свежевypущенных стопки,
Бюст, покорно ставший в уголок.
В тщательно заклеенной коробке
Порыжелый венский котелок.

141 *Гардзонио С.* Илья Голенищев-Кутузов Благодарю, за все благодарю: собр. стих. Предисловие // <https://www.litmir.me/br/?b=175320&cp=1> Литмир. Предисловие. С. 1.

142 *Алексеева Л.* Указ. соч.

Бедность здесь была уже не гостья,
 Прочно полюбивши этот дом,
 Чопорный, весь черный, с вечной тростью,
 Он доволен был своим жильем.

По дрожащим деревянным сходям
 Вечерами брел на свой чердак,
 Труд нелепый кончив на сегодня,
 Литератор, критик и чужак.

Чтобы здесь в глухом уединеньи
 Он. Горбатый мистик и поэт,
 Претворил неясные виденья
 В тщательно отточенный сонет¹⁴³.

О Кискевиче, одном из самых лучших поэтов русского Белграда, напечатавшем в 1940 г. «Стихи о погоде. Пьесы 1930–1940 г.г.», Таубер говорила: «Мне неизвестно слово, которое бы лучше всего характеризовало поэта и человека. Достоинство. Оно было во всем: в черном, до последней пуговицы застегнутом потертом пальто, в манере рукопожатия, в выпрессанном чтении стихов». В 1945 г. стал жертвой коммунистического террора. Его рукой в камере тюрьмы на Баницы написано: «Кажется нас ведут на расстрел – Кискевич»¹⁴⁴. Это ему принадлежат точеные строки об эмигрантском быте:

Nature morte:

Угол желтеньких стен. На латунном болте
 Галстук, воротничек, пожилой, но крахмальный,
 Полинялый флажок, дань скупая мечте,
 Да обрывок фаты (котильонной, венчальной?)

А у притолки слон, сувенирчик соседки,
 Одинокая книга, записка на самом краю,
 И пучок иммортелей слишком яркой расцветки.
 О, прикрытая бедность, тебя ль благодарно пою?¹⁴⁵

Можно было пойти и в Русско-Сербский клуб, основанный еще в 1902 г. при поддержке Н. Пашича, С. Груича, Р. Миловановича, а также митрополита Иннокентия,

143 Гальской В. Л. Он с хозяином был странно сходен // Антология поэзии русского Белграда. С. 44.

144 Качаки Ј. Указ. соч. С. 146.

145 Кискевич Е. М. Nature morte // Антология поэзии русского Белграда. С. 88.

«в целях ознакомления сербских кругов с русской культурой и для духовного сближения с русским народом». Помещался он в доме Страхового общества «Россия». В клубе была великолепная библиотека русских классиков, действовали курсы русского языка. Вечера в Клубе имели огромный успех и посещались королевской семьей. Разрушенный в годы Первой мировой войны, он был восстановлен в 1932 г. и открыт с благословения Патриарха Варнавы. Председателем Клуба и его душой стал генерал «от геодезии» Стефан Бошковиц, а его заместителем – первый адъютант короля генерал Никола Христич. Почетными председателями были президент Сербской Академии наук и искусств Александр Белич и глава русской дипломатической делегации в Белграде Василий Николаевич Штрэндман¹⁴⁶. С 1937 г. там были открыты курсы сербского языка¹⁴⁷.

Конечно, Белград это не вавилонский Харбин, где было больше праздников, чем рабочих дней. Но дело не в количестве, а в традиции, а она блюлась ревностно русскими людьми, любившими «гульнуть» широко, с размахом. В «Новом времени» можно было прочесть такую рекламу: «Зал “Академии Наук” в Белграде. Белградское русское Художественно-Драматическое общество. 19 января 1929 г. БАЛ-МАСКАРАД под названием НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО В ДИКАНЬКЕ по сюжету и тексту Н. Гоголя, в переработке и постановке известного Американского режиссера В. ЯЦЫНА, прибывшего в Белград из Холливуда за баснословный гонорар, гарантированный Драматическим Обществом из Займа Земского Союза. В фильме принимают участие маститые и фотогеничные Члены Б. Р. Х. Д. Общества и Украинского Общества “Просвита”... Колядки и песни в исполнении хора “Просвиты” под управлением Г. Красуцкого. Невиданный трюк: полет к куполу Академии – Солохи и черта на аппарате системы Русского механика самоучки. Кража месяца чертом. Влюбленные, пользуйтесь наступившей темнотой. Мужья, бдите! Катанье на салазках. Игра в снежки. Замороженная клюква. Общий гопак при участии всей публики.

Выбор Мисс-Београд

146 Н. Русско-сербский клуб // Часовой. 1939. 5 июня.

147 Царский вестник. 1937. 24 окт.

ПРЕМИИ, ЛОТЕРЕИ И ЛЕТУЧАЯ ПОЧТА. ДЖАЗ-БАНД.

Дирижирует танцами г. Эггер.

Заботами правления общества цены в ресторане сведены к ценам станционного буфета в Миргороде»¹⁴⁸

Мой хороший знакомый Дмитрий Константинович Воронеж, сделавший мне много добра, когда я с семьей был в Югославии, в разговорах со мною говорил, что его семья дружила с несколькими русскими семьями и у него были русские друзья. При этом, подчеркивал он, воспитание детей в таких семьях шло в русском духе, в духе патриотизма. Дома говорили только на русском языке. В русских семьях заботились о знании детьми русской литературы, истории. Уважали все русские обычаи и праздники. Его мама регулярно ходила в церковь. Было и пение под гитару вместе с приятелями русских романсов. На Рождество Христово устраивали обязательную елку, дарили подарки.

Атмосферу мирного быт(ия) неперIODически «взрывали» то информация о раскрытых советских шпионах, то «нехорошие истории», связанные с деятельностью как отдельных homo sapiens, так и организаций.

Здесь можно предоставить слово герою первой мировой войны, инвалиду, полковнику Михаилу Федоровичу Скородумову, принадлежавшему к славной плеяде правдоискателей, защитнику увечных. В своих воспоминаниях он писал: «Когда была мною открыта афера в Союзе русских инвалидов, где инвалидные возглавители обворовали приютившее нас государство на 3 миллиона динар, никто из русских официальных возглавителей не хотел прекратить это безобразие и позор. А когда пришлось обратиться к сербам и просить их убрать от нас этих воров, то в этой борьбе мне и моему помощнику, полк. Неелову, пришлось выдержать 35 судебных процессов в ложных обвинениях, с лжесвидетелями <...> Наконец 9 генералов и полковников, председатели провинциальных инвалидных отделов, получавшие от инвалидных возглавителей вознаграждение по 300–500 динар, не побрезговали написать на нас тайный донос министру, что якобы мы агенты Г. П. У., работающие на разложение Союза инвалидов, с целью нас выслать из Белграда, дабы мы не могли раскрыть эту инвалидную аферу...» (Потом была публичная пощечина одному из генералов-авторов доноса и ответный удар палкой по голове. Затем оправдание генерала Русским судом чести. Сербский суд вынес иное решение, признав виновниками руководство Союза. Новый глава Союза, сербский генерал, так оценил деятельность своих предшественников: «Если бы вам дали Россию, то вы вторично бы ее погубили», добавив, что всех их «надо свести на Теразию (площадь в центре города), полить керосином и сжечь».)¹⁴⁹

148 Качаки J. Указ. соч. С. 360.

149 Скородумов М. Воспоминания. // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Научный архив. С. 40, 41.

Было плохо и со стариками. Конечно, те же русские инженеры для помощи старым и больным своим коллегам, особенно одиноким, организовывали благотворительные вечера с концертами, танцами, лотереями, доход от которых поступал в пользу ветеранов. В 1936 г. родилась идея о постройке для них своего дома для престарелых и больных. Но сбор денег шел медленно, началась вторая мировая война, а строительство так и не было начато. Поэтому старики по-прежнему становились обитателями малочисленных и переполненных богаделен, если им успевали там обеспечить место¹⁵⁰.

И, пожалуй, еще один скандал, о котором писали все русские газеты. Он случился в известном Русском доме, который представлял собой не только образовательный и научный центр русской эмиграции в Югославии, но и место проведения различных собраний, конференций, зачастую имевших политический характер. Надо напомнить, что в Сербии как и на всей территории русского рассеяния действовали различные русские военные союзы, имевшие свои отделения почти в каждой колонии. Наиболее мощной организацией являлся созданный в 1924 г. Российский общевоинский союз (РОВС), чей центр до 1927 г. находился в Белграде. Формально он был зарегистрирован в качестве гуманитарной организации для моральной и материальной поддержки военных белоэмигрантов. Фактически союз создавался для борьбы с большевиками. В идеологии РОВС важное место отводилось трудам «русского немца» Ивана Ильина, чье имя на слуху у каждого русофила. Русское общество с его различными организациями и структурами делилось на два ярко выраженных крупных лагеря – «пораженцев» и «оборонцев». Первые видели возможность свержения большевизма и, соответственно, освобождения страны в интервенции. Вторые защищали тезис о том, что какая бы ни была власть, но Родину необходимо защищать. Наиболее последовательными сторонниками лозунга «Ни пяди русской земли» выступали младороссы. Политическая программа «Союза младороссов» с их коронным лозунгом «Ни белые, ни красные, но русские» представляла собой смесь монархизма с социализмом, круто замешанном на итальянском фашизме. С именем И. И. Толстого – активного деятеля в «Союзе младороссов», где он был политруком, что страшно шокировало многих эмигрантов – связана обошедшая страницы многих зарубежных изданий жесткая полемика с «пораженцами». Диспут был связан с событиями на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) и угрозами СССР со стороны Японии. Собрание происходило 5 марта 1934 г. в Русском доме. Основной доклад делал бывший марксист и бывший ленинский соратник, автор программы РСДРП П. Б. Струве, призывавший эмиграцию быть вместе с Японией. Толстой же заявлял, что эмиграция, во всяком случае, молодая, не будет на стороне врагов России. Известный В. В. Шульгин предлагал залу поразмыслить о возможности ассимиляции немцев русскими, проводя параллель с норманнами. Фактически диспут получился с элементами скандала. Тогдашняя атмосфера в зале была передана в следующем стихотворении, опубликованном в журнале «Бух!!!» в 1934 г. в № 16:

150 *Миленковий Т. Указ. соч. С.*

О ТОМ, О СЕМ...

Всюду скучно, всюду серо –
И глухая атмосфера, –
Но на этом темном фоне
Всяк мечтал о Наполеоне.
Есть опять изобретение –
Есть лихое ополчение.
К бою рвутся ополченцы –
И дрожат непредрешицы –
Их вождя, что раз с китайцами
Звал сражаться целый свет
забросали просто яйцами –
(Мы узнали из газет) –
“Време” сербское прочтите –
Струве Петр, сын Бернгардов,
Был один из славных бардов,
Что сотрудничать с Араки,
Призывают паки, паки
Яйца к празднику Христа –
В том обряде красота –
Яйца падали, как град –
Петя вовсе не был рад.

* * *

Разрезал воздух звук сирены –
Нам с политической арены –
К развлечению Белграда –
Было сразу два доклада –
В одном, тряхнувши бородой,
Явился Струве пред толпой
Он говорил, что русским надо
Лизать и пятки у Микадо.
Раз с желтолицею ордой –
Он завладеет и Москвой.
Я повторять всего не смею –
Он нес такую ахинею,
Такую ересь и сумбур
Раз мы отдали Порт-Артур –

Мы отдадим Иркутск и Томск,
Якутск, Хабаровск, город Омск.
“Богата Русь вообще землей, –
Он рек, трягнувши бородой, –
Японцы лучшие друзья –
Пусть в том порукой буду я!”
Он, переведший Маркса том,
Пришел учить нас в Русский Дом –
Считавший Ленина эстетом –
Под Императорским портретом,
Он говорил, что все пограл –
Все ж для профессора скандал,
Так ошибиться в перекраске,
Как оборотень в некой сказке.
И на него, как Божий бич,
Свалился граф Илья Ильич.
Илья Ильич был добрый малый,
Но временами просто шалый
А потому без тяжких мук –
Он младоросский политрук.
Он офицер, притом морской
И он зовется граф Толстой –
Толстого Льва последний внук –
И младоросский “политрук”
Доволен был женой, обедом,
Но не доволен славным дедом.
И в политическом угаре
Он возражал, как на базаре.
Тут поднялся и крик и гам
И вы, читатель, были там –
Такой поднялся кавардак –
Звонил Даватц и так и сяк –
Он был убогий председатель –
Вы очевидец, мой читатель;
Поднялся крик, такой кагал –
Кричал Балдович генерал –
Начальник местного отдела,
Толпа шумела и ревела.
И даже Знаменский, жандарм –

Кричал с галерки: “все Aux Armes”,
Вопили старцы и юнцы
А национальные мальцы –
Как исступленные иудеи
Ревели дико с галереи:
“Убей его, распни, распни,
Но Струве, Боже сохрани”.

(Некоторые комментарии: В. Х. Даватц – математик, журналист, автор книг об эмиграции; Знаменский бывший жандармский полковник; «национальные мальцы» – члены Национально-Трудового союза нового поколения; Петя Абрикосов – собирательный образ русского студента.)

Говоря прозой, младоросс Илья Толстой оспорил доклад Петра Струве и его главную мысль, что у «национальной России есть только один враг – большевизм и советская власть». Главное внимание в своем выступлении он уделил личности докладчика, его политическому прошлому. При этом он «назвал позором для дома, носящего имя императора Николая II, появление в активной роли П. Б. Струве». После этого зал настоял на удалении Толстого из зала¹⁵¹. Второе собрание состоялось в 1936 г. на тему: с кем будет русская эмиграция в случае войны с Германией? На нем опять выступал Толстой. Цитируя «Майн Кампф», где говорилось, что немецкий меч должен дать немецкому плугу землю на Востоке, граф предупреждал об агрессивности Германии¹⁵².

«Бух!!!» и дальше старался «поднимать температуру» своих читателей. Натуральное возмущение у русских обывателей должны были вызывать публикуемые на его страницах такие «Задачи для любителей математики»: «№ 1. В одном учреждении за 3 месяца на пособие инвалидам израсходовано 35 900 динар, а на содержание правления этого учреждения за тот же срок 65 000 дин. Инвалидов 200 человек, членов правления — 5. Спрашивается: по сколько получили инвалиды и по сколько члены правления, какое это учреждение и как его адрес? № 2. Некто продает неизвестное количество чужих колец, орденов, крестов и мехов, взимая 10% с суммы, передаваемой им собственнику проданного. Спрашивается: в какой срок некто станет миллионером, в какой срок он продаст эмигрантские нательные кресты, в какой срок он образует из эмигрантов союз трудящихся, а эмигранты поднесут ему звание филантропа? № 3. Некто построил театральный зал, 1 зимний сад и 1 свою квартиру. Спрашивается: в какое из указанных помещений будут положены паралитики из Панчевского госпиталя после закрытия его за прекращением отпуска средств на содержание?»¹⁵³

151 Чему свидетели мы были. С. 59.

152 Архив автора. Запись воспоминаний Н. И. Толстого.

153 Бух!!! Bouh – revue satirique russe. 1933. № 14.

Обыватели, прочитав все это, могли только вздыхать. Впрочем, такие «задачи» даже в чем-то облегчали их жизнь, отвлекая на короткое время от собственных проблем. Собственно говоря, в эмиграции воровали так же, как и в России. Все было так привычно и не так грустно.

Ходили и свои анекдоты. Один из них был связан с принятием югославского подданства некоторыми русскими, получившими прозвище «шумадийцев» (регион в Сербии). Рассказывают, что однажды король Александр спросил своего премьер-министра Николу Пашича, как он относится к таким людям. Мудрый Пашич якобы ответил: «Порядочные – не примут, а сволочи своей у нас и так достаточно!» Этот исторический «виц» (анекдот) достаточно ярко рисует отношение русских к своим собратьям по изгнанию. Правда, эта неприязнь не распространялась на тех, кто принял подданство, чтобы не потерять службы, когда вышел соответствующий закон¹⁵⁴.

В условиях эмиграции обывателями становилась и знать. Строя свою жизнь в столице Королевства СХС, она нередко все же стремилась обустроить ее по старым обычаям, сделать Белград «Петербургом или Москвой», на худой конец каким-нибудь «Саратовом» или «Самарой», хотя бы на уровне своего быта, досуга. Александр Николаевич Неймирок написал об этом белградском Петербурге иль Москве, иль Саратове грустные строфы:

Так жить... Так жить, обманывая годы,
По вечерам, прихлебывая чай,
Под тяжестью изношенной свободы
Друзей поругивая невзначай,

И толковать о Ламартине, Прусте,
И руки нежно целовать... Потом
Мечтать о море, о девичьей грусти,
Затягиваясь скверным табаком,

Скорбеть о прахе дедовских усадеб,
Гвардейских шпор воображая звон,
Вести учет чужих рождений, свадеб,
Дней Ангела, крестин и похорон.

Так жить... Так жить миражным мертвым светом
Средь вымыслов неистовых химер...
Спешить пешком с копеечным букетом
На именины к выцветшей belle-soeur.

154 Васильев А. В. Указ. соч. С. 88.

Затянутым в тугой потертый смокинг
В июльскую полдневную жару...
Писать в альбом апухтинские строки,
Разыгрывать любовную игру...

Так жить... Так жить, затерянным в лукошке,
Где призраком быть жизнью суждено.
И смерть придет. Тоскливой драной кошкой,
Мяукнет, и царапнется в окно¹⁵⁵.

И конечно, нельзя не затронуть «разговоров» о возвращении домой, на Родину. Их было много: и дома, и на улице, и в прессе, и на днях рождения, на юбилеях, и на поминках. Возвращение домой – это обретение себя вечно живом «Вишневом саду», который не просто срубить и уничтожить. Россия пережила и татар, и поляков и нашествие двенадцати языков, переживет и большевиков, уверяли себя и других гг. белградцы из России.

А покамест, можно было даже посмеяться над будущим позором большевиков. В упоминавшемся «Бухе!!!» обыгрывалась атмосфера в мире через 10 лет, т. е. в 1942 г. Читателям сообщалось, что «Париж не мыслим теперь без русских эмигрантов, икры, Толстого и балалаек. Не так давно уехала старая эмиграция, а новая уже устроилась и жизнь течет по прежнему руслу.

Сталин и Орджоникидзе открыли на Монмартре ресторан “Кунак”. Дела идут довольно бойко.

Коллонтай открыла веселое заведение, но полиция его закрыла за частые скандалы.

Бывшие члены ГПУ служат на городской скотобойне. Их ценят как хороших и добросовестных работников»¹⁵⁶.

Юмор был довольно плоский, рассчитанный на невзыскательный вкус. Скажу, что он не столько веселил, сколько поднимал настроение надежды на очередное «скорое» возвращение домой.

Для многих оно связывалось в 1930-х годах с Японией. Я полагаю, что тогда русские себя мыслили в виде временных союзников в деле освобождения России. Как выражался один из русских: «Хоть с чертом, но против большевиков». А «чертей» всегда хватает для России.

Начавшаяся вторая мировая война только подтверждала эти надежды. Одни связывали их с Гитлером, другие с победой русского оружия.

Добавлю, что Россия во многих русских головах представлялась как страна, которая только и ждет своего освобождения от «кровавого большевизма».

155 Неймирок А. Н. Так жить... Так жить, обманывая годы// Антология поэзии русского Белграда. С. 96.

156 Бух!!! Bouh – revue satirique russe. 1932. № 10.

Само быт(ие) в условиях войны, когда Югославия с апреля 1941 г. была захвачена и разделена, становилось нелегким. Замечу, что Королевская армия практически не оказала сопротивления.

(Германская авиация 6 апреля 1941 начала воздушные налеты на Белград, который ещё 3 апреля был провозглашен открытым городом, т. е. не должен бы подвергаться бомбардировкам. Практика войны показала обратное: в налетах участвовало свыше двухсот бомбардировщиков. До 8 апреля от бомбежек погибло примерно 12 тысяч человек.)

Все менялось: гостиница «Москва» переименовала название на «Сербию», на уличных столбах можно было увидеть тела повешенных, раскачиваемых ветром. Особенно тяжело было одиноким: голод и холод вели их быстро в могилы. Их жертвой стала и Елизавета Глуховцева, в 1920-е годы бежавшая из Советской России, сотрудница белградского «Нового времени».

Кто-то уходил в партизаны к Тито, как поэт Алексей Петрович Дураков, погибший в 1944 г., защищая отход своего батальона пулеметным огнем.

В стихотворении «Мечты»¹⁵⁷ он низал строки:

Хочу истлеть в земле родимой,
Смирив пред смертью стыдный страх.
Пусть ветер в яркие долины
Перенесет мой тленный прах.

Я там воскресну хлебным злаком,
Отдав зерну родную плоть,
Чтоб этим символом и знаком
Свою невечность побороть.

...

Кто-то вступал в антибольшевистский Русский корпус и тем самым обеспечивал своей семье паек, что было немаловажно, помимо всех политических моментов. Кто-то сотрудничал с немцами, видя в них освободителей России от большевизма.¹⁵⁸ А кто-то поступал наоборот. Так, будущий профессор Московского государственного университета граф И. И. Толстой бросил работу, как только фирма, где он трудился, перешла в немецкие руки. Оставшись без средств существования, стал сапожничать. Были и другие: те, которые становились членами созданного в 1941 г. Союза советских патриотов (ССП). Например, А. Г. Логунов в мае 1944 г., выйдя на связь с антифашистской группой,

157 Дураков А. П. Мечты // Антология поэзии русского Белграда. С. 69.

158 Тимофејев А. Руси и Други светски рат у Југославији : утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији : 1941-1945. Београд, 2011.

занимался печатанием прокламаций, сбором санитарных материалов, участвовал в переправке групп в партизаны, к Тито. Е. К. Лобачева укрывала военнопленных, бежавших из немецких лагерей¹⁵⁹.

Союз советских патриотов с течением времени расширил свою деятельность, выйдя из границ Белграда. По некоторым данным имел около 120 членов, многие из которых погибли в концлагерях. Были и те, кто ушел в партизаны и погиб, сражаясь с врагами. Между сторонниками ССП находились и русские инженеры. Известны имена Бориса Петровича Дубовина-Заболотского, Коровина, Анатолия Новохотного¹⁶⁰.

Например, выпускник технического факультета Белградского университета Владимир Смирнов (1899–?) в 1942 г. вступил в члены Коммунистической партии Югославии. В годы войны был начальником технического отделения Верховного штаба Народно-освободительной армии. Отмечен многими наградами. Войну завершил в звании генерала¹⁶¹.

Судя по документам из посольства СССР в Белграде (1945 г.) в Югославии насчитывалось свыше 12 тысяч русских¹⁶². (Эти данные несколько отличаются от других в сторону увеличения.) «По сведениям консульского Отдела возрастной состав русской эмиграции распределялся следующим образом: в возрасте до 20 лет – 1221 человек, от 20 до 50 лет – 5834 человека и в возрасте свыше 50 лет – 5648 человек; 67,2% из них были русскими, 18% – украинцами, остальную часть составляли белорусы, армяне, грузины и т. д. Около 40% эмигрантов на территории Югославии, по данным посольства, имели югославское гражданство, остальные, то есть 60% (!), продолжали числиться лицами без гражданства. В справке также отмечалось, что примерно 25% русских эмигрантов принимали активное участие в народно-освободительном движении Югославии или симпатизировали ему»¹⁶³.

Возвращаясь к именам, упомяну Петра Бернгардовича Струве, но в ином совершенно ракурсе. В годы войны он жил в разрушенной бомбардировкой квартире (ул. Милашева, 11) без отопления и света и не скрывал своей убежденности в победе русских. Поэт Владимир Львович Гальской, встречавшийся с ним в Рождественские праздники 1942 г., посвятил ему стихотворение:

Ты в памяти моей таким остался,
Завернутым в шотландский старый плед,
Когда твой голос гордо возвышался
Над грохотом бессмысленных побед.

159 Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ). Ф. Российская миссия в Белграде. Оп. 508/3. Д. 251. Л. 3–3 об, 19, 28–30.

160 *Миленковић Т.* Указ. соч. С. 159.

161 *Там же.* С. 158.

162 *Сорокина М. И. Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): к истории возвращения в СССР // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. С. 120.; Тимофејев А.* Нестајање руске емиграције у Југославији.: 1941-1954. Београд, 2022.

163 *Там же.* С. 122.

Стальная двигалась на Русь лавина,
А ей навстречу русский плыл мороз.
Меня, из оснеженного Берлина,
Принес заледенелый паровоз.

И город юности, почти забытый,
Под саваном рождественских снегов,
Меня встречал поруганным, разбитым,
Придавленным под каблуком врагов;

Но в холоде нетопленной квартиры,
В тот страшный год бесчисленных могил,
Ты так высоко говорил о мире,
Так вдохновенно Божий мир любил.

И стало мне невыносимо стыдно
За мой костюм, за мой «приличный» вид,
Но стало в этот вечер очевидно,
Что враг моей страны не победит.

Благодарю тебя, Великий Старец,
За эту и за много прежних встреч,
От юности до старости скиталец,
Всегда несущий вышней правды меч¹⁶⁴.

Вера в победу русского оружия диктовала в 1942 г. Александру Николаевичу Неймироку такие строки:

Кем послан ты? Дьяволом иль Богом?
Не все ль равно? Как ураганный смерч
По нашим разухабистым дорогам
Пронесший истребление и смерть.
Ты сгинешь и развеешься в сугробах,
И радость отомщенья затая,
Чудовищным и необъятным гробом
Вдруг обернется Родина моя.
Так смейся же теперь оскалом волчьим,
Ломай, грызи железо мертвых склеп.

---

164 Гальской В. Л. Ты в памяти моей таким остался // Антология поэзии русского Белграда. С. 49.

Стой во главе своих позорных полчищ,
Корми их песнями про сытный русский хлеб.

Веди их дальше в степи, тундры, топи,
Еще бессмысленнее, и лютее
Чтобы потом, по всей твоей Европе
Не смолкли плачи бледных матерей.
А мы? Переболеем, переждем,
Перегрустим... И из веков в века
На Запад и Восток издалека
Поведаем о тихой правде Божьей¹⁶⁵.

Но «правду» всегда подправляли сами люди. В Белград пришло освобождение, а вместе с ним и новые правила.

Пожалуй, весьма яркой и в то же время стандартной картиной пропаганды советской жизни, служили собрания в Доме советской культуры (бывшем Русском Доме). Современник того времени Н. К. Григоров рисовал такую картину: «Торжественная часть собраний проходила по заведённому в СССР ритуалу: президиум (кто его назначал?) занимал место за столом на сцене, звучал гимн СССР. Затем председательствующий объявлял: “Поступило предложение избрать почетный президиум”. На трибуну выходил невзрачного вида посольский работник. Он произносил текст: “Предлагаю избрать в почетный президиум Политбюро Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) во главе с гениальным продолжателем дела Ленина, великим вождем народов...” и, – далее следовало множество хвалебных эпитетов, произносимых *crescendo*, нарастающим до *fortissimo*, после чего уже в каком-то исступлении возглашал: “...Иосифа Виссарионовича Сталина!” (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Раздаются крики “Ура”) – цитата из советской прессы того времени.

Председательствующий заключал: “Разрешите ваши аплодисменты считать одобрением...” Затем следовал доклад о международном положении и достижениях СССР в послевоенном восстановлении народного хозяйства. Доклад выслушивали с большим вниманием. Всё было ново и интересно, радовали успехи в восстановлении страны после столь ужасающих разрушений. После доклада – тем же порядком, принимали поздравительную телеграмму И. В. Сталину. Затем показывали хороший советский фильм, после чего следовали буфет и танцы.

165 Неймирок А. Н. 1942 // Антология поэзии русского Белграда. С. 97.

Таким образом, мы проходили «ускоренный курс» вхождения в реальный социализм»¹⁶⁶.

Был и другой «реальный социализм». Назову здесь одно имя и стандартную для многих судьба: Мариюшкин Алексей Лазаревич (1887 или 1880–1946), полковник в царской армии, участник Белого движения, член Общества офицеров Генерального штаба в Новом Саде. В ноябре 1944 г. был арестован советскими органами и вывезен в Москву. Месяц сидел в одной камере с А. И. Солженицыным. Получил 10 лет. Умер в лагере¹⁶⁷.

Стоит подчеркнуть, что не все русские люди собирались бежать перед советскими солдатами, надеясь увидеть в них черты «суворовских чудо-богатырей», освобождавших Европу. Победы советского оружия ассоциировались у многих с русским именем, рождая гордость за Россию. Они нежелали замечать ни арестов, ни «исчезновений» некоторых своих знакомых после вхождения в города Красной Армии. Проблемы ответственности, выбора тогда зачастую решались просто: здесь победитель, там побежденный.

«Историю, – как подчеркивал в своих мемуарах современник той эпохи Алексей А. Заварин, – пишут победители, и они дают окраску всем происшедшим событиям. Они творят злодеев и героев, и рисуют историю по своей идеологии, своему мировоззрению и даже по своим привычкам <...> ваш противник изображается в абсолютно отрицательном виде, т. е. в виде некоего демона – олицетворения зла. Все силы пропаганды употребляются, чтобы полностью очернить вашего оппонента. Так политический противник оказывается и вором, и развратником, и массовым убийцей, и беспринципным оппортунистом и т. д. Придумываются новые и новые эпитеты, которые возводятся в «общепризнанные» качества злодеев, и ими окрашивается ваш противник <...> К несчастью, как результат такого подхода – повреждается и страдает истина. Те, кто употребляет этот способ, очень часто вредят самим себе и попадают в рабство своих собственных фантазий и иллюзий»¹⁶⁸.

Но это все «философия», а правда была такова: у тех, которые до войны получили югославское гражданство, оно было отнято. В июне 1945 г. власть приняла решение, чтобы все русские без учета гражданства должны были в определенный срок подать просьбы о получении особых «временных удостоверений». За просителей морально, материально и уголовно должны были поручаться два «наших гражданина», т. е. коренных жителей Югославии. «Некоторое время спустя новые власти большое количество лиц без гражданства принудили (полагаю, что здесь превеличине – В. К.) принять советские паспорта в договоре с советскими властями. Два-три года спустя после ссоры со «старшим братом» большое число было депортировано как раз из-за советских паспортов счастливые – на Запад, в лагерь Триест, несчастные – в Румынию, Болгарию, Венгрию. Выбора не было». В некоторых случаях семьи разлучались. Редко кому дозволялось урегулировать все дела.

166 Григоров Н. К. Воспоминания. Заметки о себе и о времени (Записки сына русских эмигрантов «первой волны») // архив автора (электронная версия).

167 Гимназия в лицах. Кн. Вторая. С. 596

168 . Заварин А. А. Воспоминания // Архив автора.

«В большинстве случаев на депортацию давалось семь дней. Некоторых пощадили – они должны были вернуть советские паспорта в советское посольство с сопроводительным письмом, в котором отрекались от совгражданства с омерзением. Некоторые русские белградцы колебались даже ходить в русскую церковь»¹⁶⁹. Случалось, было достаточно заговорить на улице на русском, чтобы попасть в лагерь на Голи оток (Голый остров). Организовывались многочисленные процессы над «советскими шпионами-белоэмигрантами». Одним из таких стал суд над группой, насчитывавшей свыше 10 человек, в том числе и членов упомянутого ранее Союза советских патриотов. На скамье подсудимых был и упоминавшийся уже И. Н. Кутузов, поэт, журналист, эссеист, филолог, переводчик, литературовед, «успешный» в годы войны и поторговать ради куска хлеба, «посидеть» в лагере «Баница», и побыть в партизанском отряде. Всем им вменялся, шпионаж в пользу СССР. И получить реальные сроки¹⁷⁰.

И немного «статистики»: с ноября 1944 г. по январь 1945 г. только в Белграде «около 600 белогвардейцев, агентов гестапо и различных вражеских формирований» были приговорены к высшей мере наказания. Из тюрем вышли на свободу около трехсот эмигрантов. Через органы безопасности новой Югославии и советского Смерша прошли многие русские и отбыли сроки по разным лагерям и тюрьмам¹⁷¹.

Русский Белград редел: одни переселялись в другие страны, а кто-то – в мир иной. О том времени есть стихотворение Екатерины Таубер.

1950-й год
 Безмолвно гасли старики, –
 Для них изгнание кончалось
 Тридцатилетнее... Руки
 Рука нездешняя касалась,
 А берег близился родной
 Не так, как думали – иначе!
 И вечный отдых ледяной
 Был и наградой и удачей.
 Они свершили. Сберегли,
 (Как выходцы с иной планеты.)
 Все лучшее своей земли,
 Чему не будет уж ответа...

А мы – их дети? Целый мир
 И родина нам и чужбина.

169 Качаки J. Указ. соч. С. 52.

170 Beloemigracija u Jugoslaviji. // Arhiv Republike Slovenije. AS 1931. Republiški sekretariat za notranje zadele. A.Š. 1053. AS 1931. S. 281–282; Гимназия в лицах. Кн. Вторая. С. 563.

171 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 232.

Мы всюду дома... Все – Сибирь!
 Все каторга и паутина!
 Минувшее – для стариков...
 Грядущее – для тех, для новых...

Нет ни пристанища, ни кровя
 Меж двух враждующих веков!¹⁷²

И еще одно стихотворение не поэтессы, а усталой русской женщины Ии Александровны Щепкиной, матери А. А. Заварина:

Когда сердце устанет от напрасной печали,
 Когда душу отравит горький яд сожаленья,
 Когда звезды померкли, струны все отзвучали,
 Все мы ищем, все жаждем хоть минуту забвенья.

Никому нет упрёка, никому осужденья,
 Наша юность промчалась в годы зла и насилья.
 Нам в былом нет отрады, впереди утешенья;
 Всех нас жизнь обманула, оборвала нам крылья.

Так бредем мы устало, и ничто нам не светит,
 По горам и по долам, чрез болота и реки,
 Пока всадник суровый на пути нас не встретит
 И в холодном объятье даст забвенью навеки.

И чрезвычайно трудно рассуждать о правоте тех, кто вернулся на Родину, или уехал на Запад. Для семьи И. И. Толстого, сын которого будущий академик РАН Никита Толстой воевал в Красной Армии, Советская Россия не стала тюремной территорией. Для ряда других русских белградцев Родина выступила в роли конвойного.

Третьи, «попробовав» советскую жизнь, старались вернуться в прежние страны «русского рассеяния». И, тем не менее, все они в своей массе продолжали и продолжают считать себя русскими, стараясь сберечь Россию в памяти теперь уже своих внуков.

Один из тех, кто стал жить вне границ Советского Союза, писал: «Россия всегда жила в моей душе. Был ли я еще дошкольным мальчиком, или в сербской школе, в рабочих лагерях в Германии, под бомбардировками в Берлине, или в тюрьме в Загребе, в Хорватии, в беженских ли лагерях, или на Корейском фронте в американской армии, в военном

172 Таубер Е. Л. 1950-ый год // Антология поэзии русского Белграда. С. 147.

лазарете, или в Берклейском университете, читал ли я научный доклад в Вашингтоне, или отдыхал около Тихого океана в Мексике – Россия всегда была со мной»¹⁷³.

* * *

В 2019 г. я был снова в родном Белграде, который не забыл меня и по-прежнему, надеюсь, любит. Походил немного по старым местам. Прогулялся по кнез Михайловой, побывал на Калемегдане, вновь увидел с его вершины Дунай и Саву, синеющие в сумерках очертания нового Белграда. В русской церкви Св. Троицы на утренней службе человек 20 и уже это радует, как и то, что белградцы по-прежнему относятся очень хорошо к русскому человеку. Русский Белград почти исчез и что мне до вас — его мостовые? Но по ним спешили те, кто сохранил свое русское имя на чужбине, кто отдал свои силы и талант городу, дававшему им возможность жить и творить, кто родился и умер, так и не увидев Родины. И закончить хочу строчками стихотворения Екатерины Таубер:

Твой чекан, бывлая Россия,
Нам тобою в награду дан.
Мы – не ветви твои сухие,
Мы – дички для заморских стран.

Искалеченных пересадили,
А иное пошло на слом.
Но среди чужеземной пыли –
В каждой почке тебя несем.

Пусть нас горсточка только будет,
Пусть загадка мы тут для всех –
Вечность верных щадит, не судит
За святого упорства грех¹⁷⁴.

173 *Заварин А. А.* Воспоминания // Архив автора.

174 *Таубер Е. Л.* Твой чекан, бывлая Россия. // Антология поэзии русского Белграда. С. 141.

БЫТ(ИЕ) РУССКИХ ВНЕ БЕЛГРАДА (ОТ КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА ДО МАРШАЛА ТИТО)

Обычно, когда произносишь или пишешь слово «быт», он ассоциируется с серыми буднями, плохой кухней, ссорами и сплетнями, с прозябанием и скукой. Слава Богу, сейчас такое одностороннее понимание быта, столь «любовно» описываемое нашими «буревестниками», кажется, прошло. И, как говорится, для одних жизнь – драгоценный дар Бога, для других – «страшная штука». Все это было в эмиграции, где проблема выбора вставала во весь рост перед русскими, выброшенными революцией на славянские берега.

Большинство работало на контрактной основе или гонорарно. На постоянную работу брали тех, кто принимал подданство Королевства.

Немного яда: для того, чтобы уехать, хотя бы на время, в другой город, нужно было в первые годы брать разрешение полиции. Одним словом: ordnung.

Но, в целом, русские на Балканах, обрели работу, уважение, дом, даже если и попадали туда случайно.

Многие русские имена были включены в энциклопедические словари, справочные издания в Хорватии. Так, в книгу Божидача Новака «Хорватская журналистика в 20 столетии» (Загреб, 2005) вошли: Белоусов Александр, Федоров Николай, Киселев Владимир, Лопушинский Иван (Ваня), Марушевский Михаил, Михайловский Евгений, Мильчицкая Ирена, Миронович (приведено отчество, правильно – Головченко) Сергей, Островидов Михаил, Перфильева Майя, Сркуль Тамара, Тагирова Татьяна, Залепугин Александр¹⁷⁵ (о нем будет подробнее дальше).

И вновь быт(ие).

Русская колония в македонском Битоли – примерно в несколько сотен человек, в основном, русские, украинцы, белорусы – стала оформляться еще в конце 1916 г., когда был осуществлен прорыв на Солунском фронте и некоторые из воинов решили остаться – на время или навсегда – в этом городе. С развертыванием и углублением драматических событий в России, число невозвращенцев только увеличивалось.

И если в первом «нашествии» Македонию участвовали исключительно военные, то во втором, после Октябрьской революции, и гражданские, даже с семьями, с детьми, с вещами, которые можно было унести. Русские концентрировались в Скопле (совр. Скопье) и Битоли, жили и в Штипе, Велесе и других городах, где организовывали колонии, открывали школы, строили церкви, учреждали различные культурные общества, праздновали славные даты своей истории¹⁷⁶ и заключали браки. С 1916 г. по 1941 г. было заключено 67 смешанных браков в Битоли¹⁷⁷. В основном из-за недостатка невест женились

175 Novak B. Hrvatsko novinarstvo u 20 stoljeću. Zagreb, 2005.

176 Стерјовски А. Битола. Руската колонија. Битола. 2003. С. 47–49.

177 Там же. С. 67.

на македонках. Было два типа местных жен русских. Первые во всем следовали мужу и принимали его стиль жизни. Так, Ставрула Котев(ич), вышедшая замуж за Василия Кирея, в совершенстве овладела русским и своих пятерых детей воспитала в «русском духе». Другие любой ценой стремились мужа «помакедонить». Они так и не научились русскому языку, не интересовались прошлым и родными своего мужа¹⁷⁸. Интересно отметить, что русский язык стал закрепляться в обиходном разговоре македонцев. Жители Битоли сохранили в своем языке такие часто употреблявшиеся выражения, как «хорошо», «здравствуйте», «пожалуйста», «дурак». Особенно излюбленным стало последнее слово. В свою очередь в языке русских появлялись македонские слова. Кто-то как следствие говорил на «миксе». Изучение в школах русского языка также способствовало его популяризации¹⁷⁹.

Впрочем, нужда заставляла учить сербский язык и на соответствующих курсах. Не премину вслед за авторитетной исследовательницей Н. Палибрк-Сукич отметить, что уже в 1921 г. в Мостаре преподаватель гимназии Николай Акаемов издал учебник «Как говорить по-сербски». Полагаю, что он пользовался спросом, учитывая, что многие просто коверкали русский язык, самоуверенно считая, этого достаточным, чтобы их понимали сербы. Более того, находились и такие, уверенные в том, что именно сербы должны научиться говорить по русски уже потому, что они уже здесь «не вчера» приехали.

Судьбы? У каждого своя, позволю эту тривиальность. Вот одна из присланных мне безыскусных историй (дается с небольшой грамматической правкой – В.К.).

«Мой дед, Борис Владимирович барон де Боде, родился 24 апреля 1891 года в Сызрани, первым сыном в семье Зинаиды Борисовны и Владимира Андреевича де Боде. Он закончил Елисаветградское кавалерийское училище (выпуск 1 февраля 1915 года). Из училища он был выпущен в 1-й Прибалтийский конный полк, а потом в 5-й гусарский Александрыйский Ее Величества полк. С Армией был эвакуирован из Севастополя в Галлиполи. После Галлиполи был отправлен в Югославию.

Мой дед приехал в Бухту Котор, сегодня в Черногории. Он был тяжело ранен в ногу, врачи хотели ему ампутировать ногу, но он не позволил. Он сказал: “Я эмигрант если надо умереть, я умру”. Работал в карьере в Бухте Которской. Когда был исцелен, он начал работать в пограничных войсках. Был послан на границу с Албанией в монастырь Светого Наума в Охриде (Вардарская Бановина, сегодня Македония).

Позднее он был направлен на работу в Струге в Отдел финансового контроля. Там встретил мою бабушку. Он жил в отеле, который находился рядом с ее домом. Они поженились в 1931 году. У них было четверо сыновей: Владимир, Николай, Георгий и Андрей. Николай и Андрей умерли в младенчестве. Мой дядя Владимир в 1943 году заболел менингитом, никогда не женился и жил с нами до самой своей смерти в 2000 году.

178 Там же. С. 60–61.

179 *Стерјовски А.* Указ. соч. С. 93.

Когда был убит король Александр, 1934 год, мой дед попросил князя Павла, который был его другом, что бы получить военную службу. Но князь отправил его в деревне Любойно. Там они не могли ничего купить, даже хлеб. Мой дедушка дал полную зарплату, чтобы получить трансфер в город Ресен. Он смог получить трансфер обратно в Стругу только в 1939 году.

Когда Германия напала на Югославию в 1941 году, он был призван на военную службу но страна капитулировала, а он уехал в Российский Охранный Корпус. Весной 1943 года мой дед последний раз был домой в Струге»¹⁸⁰.

Теперь о хоре, памяти и деньгах. Как и всякое массовое искусство оно помогало забиться и хористам, и слушателям. Так, в Битоли многие горожане, редко ходившие в церковь, не пропускали теперь богослужения в русском храме. Церковный хор выступал на многих концертах и мероприятиях. Многие русские, особенно женщины, которые не могли быть все приняты в него, свое свободное время посвящали пению в городских хорах. О большой любви русских к хоровому пению в Битоли сложилась пословица «Два македонца – партия, два русских – хор»¹⁸¹.

Пение помогало некоторым, отчаявшимся от бедности эмигрантам, зарабатывать свой горький кусок хлеба, прося милостыню.

Один такой бедняк, научился играть на гуслих от македонских слепцов-музыканов и зарабатывал деньги, игрой и пением по битольским селам¹⁸².

Помогали и благотворительные концерты, лотереи, устраиваемые по всему Королевству. Одной из других форм помощи была уступка государственной или церковной земли, эмигрантам, способным ее обрабатывать¹⁸³. Русские побогаче также пытались помочь своим соплеменникам хотя бы корзинами с едой на праздничный стол. Действовали благотворительные фонды по оказанию помощи бедным. Подобный фонд был основан и в Скопле, во главе которого стояла супруга бана Вардарской бановины. (в начале 1930-х гг.)¹⁸⁴. И все же благотворительность могла лишь смягчить бедственное положение многих.

Отсюда, многие дворяне, интеллектуалы трудились сезонскими рабочими. Некоторые, не видя другого выхода из нищеты, кончали жизнь самоубийством¹⁸⁵.

Было несколько самоубийств супругов, бросавшихся под поезд. Зинаида Бенсон, жившая в Скопле, в своем прощальном письме, писала о причинах своего шага: безработица, бедность, неспособность прижиться в новой среде¹⁸⁶.

180 Из письма З. Г. Бобе автору от 24. 10. 2018 // Архив автора.

181 *Стерјовски А.* Указ. соч. С. 95–96.

182 Там же. С. 52

183 Там же. С. 52

184 Там же. С. 107.

185 Там же. С. 106.

186 Там же. С. 107.

И в то же время, еще в 1919 г. русские одними из первых организовали свой футбольный клуб, назвав его «Македония»¹⁸⁷.

Но мирная, хотя и тяжелая, жизнь длилась недолго.

В военном 1941 г. положение русских резко ухудшилось во время второй мировой войны, когда в Македонии к власти пришли болгары. Русские тогда считались «врагами Рейха и Болгарии». Их положение было сходно с еврейским населением: ограничение в передвижении, отсутствие карточек на пищу и одежду. Им было предоставлено право свободно голодать и замерзать. Интеллигенция меняла привычный образ жизни и спасалась тем, что кормилась на сельских работах¹⁸⁸.

Время известного Информбюро (начало 1948 г.), практического замораживания связей Белграда и Москвы также оказалось опасным для русских, в которых власти усматривали потенциальных неприятелей Югославии.

Сейчас в Македонии осталась лишь горсточка тех, чьи семьи связаны с первой волной. Но они не забывают, кто они и откуда.

В отличие от Македонии, русские (около сотни к концу 1920-х годов) в родо-племенной Черногории в подавляющем большинстве состояли на государственной службе. В стране орлов не было больших городов, в Цетинье жило в начале 1920-х годов около шести тыс. человек, в Подгорице – около восьми тыс. жителей. Не было сети железных дорог и промышленности.

Наши соотечественники работали в основном в просвещении (до 30%), в строительных управлениях путей сообщения (от 30% до 60%), где занимались изыскательской работой, проектировкой дорог, мостов. Несколько человек были врачами, инженерами, опыт и знания которых высоко ценились. Так, черногорское племя Кучи, владевшее большим лесным массивом, избрало инженера Ермолаева почетным членом своего племени в благодарность за таксацию леса. Многие русские состояли в пограничной службе, в жандармерии. Досуг в Черногории не отличался разнообразием: хождение в гости, водка для мужчин, чай для женщин. Правда, составлялись небольшие русские хоры, да оркестры. Из русских, живших в Черногории, большой известностью пользовался профессор Новороссийского университета, хирург Н. В. Новиков (1878–1971). Правда, в Цетинье он проработал до 1938 г., потом переселился в Белград, где стал работать в поликлинике РОКК (Российское общество Красного Креста). В 1944 г. как и многие другие покинул страну и обрел новый дом в Великобритании.

Удивительно, но не было ни русской бедноты, ни одного разносчика газет, ни чернорабочего, ни мелочного торговца. Все – врачи, педагоги, инженеры. В представлении жителей Цетинье русский остался барином. Он – «господин», а не «братушка», как это было в других местах.

187 Там же. С. 97.

188 Там же. С. 111.

Свои сложности были на берегах волшебной-чарующей Адриатики. Русские из Которской колонии (численность около 70-ти человек) могли заработать 450–600 динаров в месяц. Жизнь была тяжела, учитывая, что хлеб стоил 8 динаров, а мясо – 15 динаров. Рабочие места не отличались разнообразием: кирпичный завод в местечке Картали, арсенал в Тивате. Недоедание и сырые углы для проживания вели к туберкулезу. Море не спасало. Оставалась вера. На звон русских колоколов, вывезенных из России генералом Г., русские собирались на молитву в храм Св. Николая Чудотворца.

Гораздо хуже было пожилым людям, жизнь которых целиком зависела от человеческого милосердия, прежде всего от Общества Красного Креста. Именно туда пошло прошение из колонии Липик в Хорватии от 31 декабря 1923 г.: «Колония Липик, состоя почти исключительно из старых и больных людей, не имеющих средств даже к достаточному питанию, находится в крайне тяжелом материальном положении и члены колонии не могут приобрести необходимое белье и теплые вещи, нужда в которых очень остра, особенно при наступивших холодах»¹⁸⁹. Надо думать, что соответствующая помощь в присылке для семи человек рубах, кальсон и прочего была оказана.

В одной из «бумаг» в моем архиве есть подаренная замечательной исследовательницей русского люда в Хорватии Т. В. Рыбкиной-Пушкадия небольшая «грамота» 1921 г.: «Недавно мы, русские беженцы, гонимые врагами цивилизации, прибыли в Хорватию и здесь были встречены интеллигенцией Златарского округа с редкой добросердечностью, окружены братским вниманием и славянским радушием. Память о Вас не изгладится в сердцах наших. От всей души приносим Вам глубокую благодарность и русское спасибо»¹⁹⁰.

Но жизнь не укладывалась в «грамоты».

Вдова артиллерийского полковника, председателя отделения объединения русских офицеров в Баялуке Г. А. Заушкевича после его кончины, особенно после создания профашистского Независимого государства Хорватия (НГХ) (Русские эмигранты издевательски переводили как «Незавидное государство Хорватия»¹⁹¹) осталась без средств, перебиваясь ручной работой, вышивкой монограмм и мелким ремонтом шитья. Позже шла от дома к дому, кому-то на обед, кому-то на ужин¹⁹².

В Кральевице (Хорватское Поморье, Которская обл., Бакарский уезд), где было около полусотни беженцев, уже через два месяца после прибытия (январь 1921 г.) на общем собрании был поднят вопрос о переселении в другое место, так как колонисты, несмотря на все свои старания, не могли найти работы, даже грузчиками или на сезонных полевых работах. В итоге, к июлю в Кральевице осталось 3–4 человека и то лишь на время, до окончания купального сезона, дающего им некоторый заработок¹⁹³.

189 ГА РФ. Ф. 7524. Оп. 1. Д. 3. Л. 175.

190 Грамота // Архив автора. Копия.

191 Григоров Н. К. Воспоминания. Заметки о себе и о времени.

192 Мачкич З., Косик В. Русские в Баялуке и окрестностях в XX веке. Словарь-справочник. М., 2018. С. 48.

193 ГА РФ. Ф. 7503. Оп. 1. Д. 1. Л. 37, 91.

Лучше было в богатом Дубровнике, в котором к апрелю 1921 г. проживало примерно 900 русских. Власти предоставили бесплатно помещения для общежития и «Русского дома», где отпускалось более 150 обедов по пять динаров. Русские имели свою «лавочку», в которой по низким ценам могли закупать продукты. Дети посещали школу, работавшую по программе четырехклассной гимназии. Имелся отличный хор. Колония располагала и определенными средствами, вырученными от устройства благотворительных вечеров и концертов¹⁹⁴. Кстати, именно концерты артистических русских были долгое время хорошим источником дохода для колоний, задыхавшихся от нехватки средств. Была и своя библиотека, пополняемая самими русскими куда каждый русский относил свои книги. В итоге получилось примерно 3000 книг, т. е. их было много, но население сокращалось: в 1924 г. – 350 человек, в 1941 г. – 82 человека¹⁹⁵.

Причина? Дороговизна города-курорта? Может быть. Но все же, как мне видится, причину нужно искать в определенных трудностях вхождения русского человека в мир Рима с его католичеством, традициями, нравами.

Быт скрашивал театр. В зарисовке «Русские в Далмации» А. Барсов писал: «... В Далмации работают два русских театра – опера в Дубровнике и театр миниатюр типа Летучей мыши (Šišmiš) в Сплите. Далматинцы были очарованы художественностью постановки и красотой исполнения русскими артистами опер «Евгений Онегин», «Травиата», «Риголетто» <...> Местная пресса была полна хвалебных рецензий». Автор отмечал Архипову – колоратурное сопрано в роли Виолетты, Морозову – контральто, Баранова – баритон, Милич – сопрано, Батистича – тенор, хорват. Критика отмечала художественность декораций и плакатов (художник Дикой), костюмов, пения, танцев¹⁹⁶.

И, разумеется, русские – это и кинофильмы.

Инженер по образованию Александр Тихонович Герасимов (1894–1977) ехал через Загреб жить и работать в 1918 г. в Германию ночным поездом, в котором был обворован. Пропало все. Из ценного осталась только скрипка. Именно она дала возможность заработка: ночные заведения, летние сцены, работа тапером, игра в опере. Потом была 30-летняя работа по постановке фильмов в Школе народного здоровья, куда внес свой вклад в историю хорватского фильма¹⁹⁷. В 1960 г. фильм Герасимова о туропольской общине (1933 г.) получил во Флоренции первую награду на фестивале антропологического кино¹⁹⁸.

Добавлю, вместе с Герасимовым одно время работал Базаров-Брюховецкий Анатолий Юрьевич (1882–1936). Снял в 1930 г. художественный фильм «Грешницы». Был шеф лаборатории и преподаватель в первой кинематографической школе в Хорватии.

194 Новое время. 1921. 24 апр.

195 *Arsenjev A.* Ruska emigracija u Dubrovniku // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata. Rubovi, memorija, Zagreb, 2006. S. 34.

196 Новое время. 1921. 14 авг.

197 *Skrabalo I.* 101 godina filma u Hrvatskoj 1896–1997. Zagreb 1998. S. 83.

198 *Vjenac.* 2004. 15 travanj.

Еще одно известное имя – Александр Федорович Сташенко (1933–1990), кинорежиссер, документалист. Сын украинского эмигранта, «одинокка и сукин сын хорватского фильма». На его счету 11 любительских и 12 профессиональных фильмов. Его творчеству был посвящен фильм Богдана Жижича «Aleksandar F. Stasenko», в котором о дружбе с ним говорит ряд известных деятелей кино, цитированы многие труды «одинокки. Из его фильмов можно назвать «Взгляд и сумрак», «Жизнь продолжается», «Все дни как один», «Все годы в одной ночи», «После потопа». Для его фильмов характерно стилизованное отступление от действительности, равно и форсирование крупного плана до размеров, ранее не виданных в хорватском фильме. Фатализм Сташенко трудно поместить в конкретный мир¹⁹⁹. В 1978 г. ему была присуждена республиканская награда «Kata Rejnović» и годовая награда в память освобождения Сплита²⁰⁰.

Назову и два советских фильма в Югославии – «Цирк» и «Волга, Волга». Они шли на русском языке с субтитрами. И, как вспоминает один из моих корреспондентов Никита Константинович Григоров: «В 30–40-х годах перед началом сеанса в кинозале “освежали” воздух. Служащий разбрызгивал из ручного распылителя, похожего на садовый, дешевый одеколон, – такова была традиция»²⁰¹. И, возможно, сами фильмы «освежали» видение своей России.

Добавлю, что 2020 г. в память о столетии русской эмиграции в Хорватии была устроена передвижная выставка «Русская эмиграция в контексте развития науки и культуры». В мае 2020 года ее можно было увидеть в Сплите в здании старой городской рагуши. Большое внимание на ней было уделено спличанам Сташенко и Кудрявцеву, о последнем будет дальше.

Пожалуй, легче всего было жить и работать в «привычном» городе, особенно в столице. Загреб, как и Белград, только подтверждал это правило. Здесь способов заработать было множество – от изготовления корсетов до торговли ядами. Многие жители занимались продажей продуктов и предоставлением различных услуг. Было зарегистрировано свыше сотни так называемых ремесленников. Модистка, старьевщик, таксист, чистильщик обуви, механизированная пилка дров, портной, торговец драгоценностями и антиквариатом и т. д.²⁰².

Тут легче было и сохранять свою «русскость». Здесь действовали разнообразное общества, такие как музыкально-литературное общество «Серый волк» (сведения о нем практически отсутствуют)²⁰³, русская организация независимых, т. е. не связанных с политическими партиями и поставившие своей задачей взаимопомощь в культурно-просве-

199 Vjenac. 2003. 17 travanj.

200 Slobodna Dalmacija. 2007. 26 prosinca.

201 Григоров Н. К. Воспоминания. Заметки о себе и о времени.

202 Пушкадия-Рыбкин Т., Грубмайр И. Эмигранты из России Жизни и судьбы. Загреб, 2019. С. 40-43.

203 Там же. С. 62.

тительной и экономической сферах²⁰⁴, общество почитателей Николая Константиновича Рериха²⁰⁵, комитет помощи русскому народу²⁰⁶, русский спортивный клуб²⁰⁷, общество русских эмигрантов²⁰⁸, объединение русских инженеров и техников²⁰⁹. Равным образом работали различные общества русских офицеров – от общества галлиполийцев²¹⁰ до общества офицеров Генерального штаба²¹¹.

Здесь, полагаю, будет уместным привести цитату из воспоминаний Н. К. Григорова. Его отец «скептически относился к разного рода организациям, члены которых мечтали свергнуть большевистский режим. Подтрунивал над старыми генералами, которые проектировали даже форму новой русской армии. Особенно его сместили “умеренные бриджи”.

С сожалением говорил об эмигрантах, которые связывали свою судьбу и свои чаяния о свержении большевизма с врагами России. Отец, выброшенный, также как и они, волной революции на чужие берега, хотя и не одобрял их выбор, но по отношению к этим людям, избравшим свой путь, никогда не применял оскорбительных слов»²¹².

Упомяну здесь Русский кружок, основанный еще в далеком 1906 г. по идее братьев Поточняк. Судя по корреспонденции «Нового времени» 1922 г., благодаря его деятельности в двух школах были введены курсы русского языка. Туда записались 1100 человек. Окончили курсы две трети. Кружок устраивал «интимные вечеринки», которые посещались всеми русскими художественными силами, приезжавшими в Загреб. В них, например, были и лекции и музыкальные вечера, и доклады с прениями. Можно назвать здесь «вечера» Блока, Достоевского, русской лирики, Короленко, Чайковского, Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Бородина, Кюи. Члены кружка установили связи с Литературным обществом русских студентов и Русско-югославянским клубом²¹³.

Отдельно нужно упомянуть украинские общества. Прежде всего, это «Просвіта», членом которго могло стать «любое лицо, ощущающее себя украинцем вне зависимости от гражданства, религиозной или партийной принадлежности»²¹⁴. Равно действовали: Общество друзей украинцев в Загребе, Українська студентська громада, Кирилло-Мефодиевский хор²¹⁵.

Об украинской эмиграции есть отличные исследования. Назову две фамилии: Козлитин Владимир Дмитриевич и Власенко Валерий Николаевич.

204 Там же. С. 71.

205 Там же. С. 90.

206 Там же. С. 97.

207 Там же. С. 73.

208 Там же. С. 88.

209 Там же. С. 97.

210 Там же. С. 77.

211 Там же. С. 78.

212 Григоров Н. К. Воспоминания. Заметки о себе и о времени.

213 Новое время. 20 июля 1922.

214 Пушкиадия-Рыбкин Т., Грубмайр И. Указ. соч. С. 100.

215 Там же.

На книгу первого писал когда-то рецензию. Со вторым связывает переписка

Своя жизнь – небогатая, но и не в нужде – была в Любляне. К концу 1925 г. в столице Словении жило около 300 русских, решивших обосноваться в католической среде. Атмосфера здесь была другой, нежели в каком-нибудь глухом, затерянном местечке Королевства. Здесь все дышало Европой, что позволяло некоторым русским ученым и артистам найти применение своим талантам. В опере пели Петр Холодков, Александр Балабан. Были русские и в хоре, и в балете. В университете работали девять русских профессоров, в их числе экономист Ал. Д. Билимович, юрист, создатель школы словенской криминологии А. В. Маклецов, правовед, член-корреспондент Сербской академии наук и искусств Е. В. Спекторский.

Необходимо здесь назвать еще одно имя, известное в Словении – графиня Уварова (урожденная княжна Щербатова) (1840–1924), историк, археолог²¹⁶.

Профессор Люблянского университета Николай Михайлович Бубнов вспоминал: «Всюду я встречал предупредительность, желание помочь, необыкновенный порядок»²¹⁷.

Много было и студентов из бывших русских воинов. К марту 1923 г. в университете обучались 167 студентов и 18 студенток, т.е. именно молодежь представляла большинство русского населения в Любляне. Однако их быт желал лучшего: мест в двух общежитиях – одно было устроено в замке на горе, другое в бараках около вокзала – не хватало. Худо было и с питанием: ели они в столовой земского союза один раз день, т.е. хронически недоедали. Некоторую помощь им оказывали словенский дамский комитет, наместник²¹⁸.

Большинству взрослых, трудившихся в учреждениях, на фабриках, заводах, стройках, зарабатывавших «в поте лица» на хлеб насущный, было сложнее. Переучиваться ходовым специальностям было поздно: после 35 лет процесс усвоения нового труден. Оставалась старая привычка терпеть и жить никуда не торопясь: умеренность и аккуратность в буднях и праздниках. Правда, случалось и «чудо». Генерал-лейтенант Владимир Борисович Мустафин, прозябавший с семьей в с. Максинья близ Любляны, получил наследство – 9 млн швейцарских франков от родственника, еще до революции уехавшего в Женеву и переведшего туда все капиталы²¹⁹.

Для тех, кто любил щи и кашу, действовали две русские столовые. Однако своих церкви и священника не было: ходили в устроенный при казармах сербский храм, в котором пел русский хор²²⁰. Будни «разбавляли» праздниками, причем не совсем обычными: 17 февраля 1924 г. русская колония в Любляне отмечала столетие Ивана Сергеевича Аксакова. В университете выступали: проф. М. Н. Ясинский – о славянофильской школе, генерал-лейтенант В. А. Мустафин – о жизни и творчестве великого певца панславизма,

216 Патеев Р., Кильпякова В. Русский след // Русский след в Словении, Любляна, 2018. С. 9

217 Бубнов Н. М. Сквозь череду потерь: воспоминания. М., 2017. С. 384.

218 Новое время. 1921. 22 дек.; 1922. 3 янв. 1922; 1923. 10 марта.

219 Новое время. 1927. 20 мая.

220 Новое время. 1925. 5 нояб.

проф. Н. Ф. Преображенский, по-словенски, о значении Аксакова в истории славянского самосознания. Словенский проф. Приятель свой доклад посвятил роли упомянутого знаменитого москвитя в деле учреждения славянской Матицы в Любляне, поддерживавшего ее, посещавшего Люблян у во время своих поездок по славянским землям²²¹.

Об отношении словенцев к русским лучше всего свидетельствует сооруженный по инициативе и на пожертвования, собранные редактором «Словенского народа» Ристо Пустослемшеком, памятник в горах Триглава на могилах двух русских солдат, расстрелянных австрийцами во время войны за попытку перейти через итальянскую границу и вернуться на родину. На сложенном из обыкновенных камней, скрепленных цементом, памятном знаке была надпись «Русским жертвам, здесь расстрелянным, словенские туристы. 1923 год»²²².

Теперь вновь о хорватских русских. Одним из ярчайших свидетельств эмигрантской жизни в католической Хорватии является «исповедь» Марии Чаплинской, которая вспоминала: «Весной пароходом “Владимир” прибыли в Боку Которску. Месяц карантина в море близ Боки. Потом поплыли дальше и высадились в Кральевице <...> Цвели фиалки. Поселились в тесных комнатках. В лесу собирали грибы, которых было много. Хозяйские дети играли со мной, и мы качались на качелях. Если мы вовремя платили за квартиру, тогда я могла качаться, но если мы запаздывали с платой, то моя очередь никогда не наступала. Пришло лето. Открылся купальный сезон. В ресторане отец играл на виолончели, а мои братья продавали мороженое, которое мы сами делали. Мальчики стали официантами. Севе было 10 лет, Юре 11, а мне 6 <...>. Поздней осенью мы поездом поехали в Загреб. Разместились в западном предместье города. Пришла зима. В комнате не было печки. Мама готовила на примусе. Кроме кровати, стола и двух стульев в комнате не было другой мебели. Туалет был во дворе. Отец поступил в военный оркестр. Уже второе Рождество у нас не было ни праздничной елки, ни подарков от Деда Мороза. В комнате было холодно, и мы мерзли... Примерно два года мы прожили в бараке. Мама ежедневно меня встречала после школы. А других девочек ждали кавалеры. Плакалась маме: вот видишь, все девочки имеют мальчиков, а на меня никто не взглянет. Учиться было тяжело, было много заданий. Барак подлежал сносу, и мы переселились в новое жилище <...> у богатой сербки. У нее был одноэтажный дом, глядевший на улицу, имевший ряд комнат с выходом во двор. Жильцами были в основном русские эмигранты... Когда я завершила Торговую академию, переселились в другую квартиру... в центр... Поселились у профессора Рузского, который преподавал на техническом факультете... Его мама была графиня, которая после смерти своей младшей дочери Марины уехала к старшей дочери в Париж. Жена профессора Рузского преподавала пение в Русской гимназии <...> Появились новые знакомые. Мария Георгиевна Кириллова. Была худенькой, небольшого роста, доброй и приветливой женщиной. Рассказывала нам как во время войны отрезала

221 Новое время. 1924. 1 марта.

222 Новое время. 1923. 30 авг.

красным головы <...> Поступила на экономический факультет <...> На танцы ходила вместе с отцом в Офицерское собрание. Там познакомилась со своим будущим мужем <...> Примерно еще год мы оставались у профессора. После его жена решила открыть садик для русских детей. Жилище нашли в западной части города <...> Отец был отправлен в Сербию, в Вршац. Остались сами. Должна была пойти работать. Бросила факультет <...> Мама открыла столовую, куда приходили студенты обедать. Жить было нелегко. Жорж разносил иностранные газеты по домам и продолжал учебу...». В годы войны продолжала Мария Чаплинская: «...в Загребе начались аресты. Хватали и русских эмигрантов. Начали с артистов. Арестована жена поэта Барановича. Была балериной (речь идет о Маргарите Фроман – В. К.). Беременна. Целую ночь их держали в небольшом помещении, где нельзя было и сесть. И как итог родила мертвого ребенка. На рассвете их выпустили. После этого от немцев последовало приказание, чтобы не трогать русских. Было это тяжелое время. Нужно было часами выстаивать в очереди за кусок конины. У меня замерзали ноги. Хлеб был из кукурузы, твердый как камень...»²²³.

Отношение к русским было стандартным: от искренней, даже наивной, доброжелательности и готовности помочь до явной неприязни к пришельцам.

Лауреат многих международных наград фотограф Жорж Скрыгин вспоминал, что когда еще он, играя в футбол в составе команды русской гимназии против франъевачкой гимназии, забил гол, то к нему подскочил игрок и сказал следующее: «... тебе, материна руска, пришел сюда жрать хорватский хлеб»²²⁴.

Оставляя в стороне эмоции, предоставлю слово русским студентам Загребской педагогической школы, писавшим главноуправляющему Российского Красного Креста в хорватской столице: «В октябре 1921 года, оставив наши колонии, мы собрались в Загребской педагогической школе, воодушевленные желанием, основательно изучив сербский язык, историю и литературу, а также местную постановку педагогического дела, выйти на самостоятельную материальную дорогу и на путь интеллектуального труда, соответствующего нашей школьной квалификации в России. Мысль о том, что таким путем мы отчасти уменьшим бедствующую беженскую массу, нуждающуюся в постоянной помощи то Державной Комиссии, то Российского Общества Красного Креста, а также и та мысль, что мы не будем сидеть сложа руки и ожидать возможности благополучного возвращения на Родину, а будем беспрестанно готовиться к той огромной работе, которую, несомненно, потребует от нас Освобожденная Россия, эти мысли были не на последнем месте в нашем решении. Державная Комиссия отчасти пошла нам навстречу и вместо 240 динар беженских назначила нам по 300 динар ежемесячно до окончания школы. Условия жизни и учения здесь невероятно трудны, и несомненно, что 300 динар в Загребе, это в два раза меньше, чем 240 динар в провинциальной колонии. Кроме того, покинув свои колонии,

223 Čaplinski M. Moj život // Književna smotra. 2001. № 119.

224 Скрыгин Ж. Моје фотографије // Руси без Русије. С. 330.

мы лишились с октября прошлого года той периодической помощи Российского Общества Красного Креста, которую получали раньше. 6 месяцев мы отчаянно боролись с нуждой, игнорируя постоянные недоедания, ежедневно делая громадные концы (вследствие дороговизны квартир в городе) по 10–20 километров в школу, пешком и почти без обуви, а в школе, полуголодные, кроме 4–5 часов вечерних, мы должны вести практические занятия по утрам. Нам осталось еще 3 месяца, но мы не знаем, выдержим ли мы этот срок. Цены на продукты и на предметы первой необходимости увеличились со времени нашего приезда в Загреб в 2–3 раза. Державная Комиссия в денежной помощи нам отказала. И если прежде мы недоедали, то теперь настоящим образом голодаем, будучи в то же время полураздетыми и почти босыми. Но, не говоря уже об одежде и обуви, у некоторых из нас нет совершенно никакого белья, а у других по единственной смене, старой и расплывающейся. Если при таких условиях каким-нибудь чудом без дальнейшей поддержки нам и удалось бы окончить школу, то и тогда перед нами стал бы неразрешимый вопрос: как мы явимся преподавать в училище босые и раздетые? Некоторые из нас пытались зарабатывать продажей газет, но тогда они не успевали в школе (где очень серьезная постановка и большие к нам требования) и принуждены или отказаться от заработка, или оставить школу. Почти на конце благополучного завершения с таким энтузиазмом предпринятого нами дела, мы сейчас – обессиленные, разбитые, готовые в погоне за куском хлеба вот-вот расплзтись по улицам Загреба с газетами под мышками или с сапожными щетками в руках. И нам не у кого просить помощи, кроме Российского Общества Красного Креста <...> Оденьте, обуйте нас, снимите этим с наших плеч большую часть гнетущих нас нужды и заботы и тем дайте нам возможность через 3 месяца ни у кого больше не просить помощи, а наоборот, – в некоторой степени и другим своим соотечественникам помогать <...> 30 марта н/ст. 1922 г. Загреб. Королевская Учительская школа Медуличева, 33. Вячеслав Владимирович Баратынский, Иван Евдокимович Железнов, Федор Михайлович Ковалев, Евлампия Николаевна Захарова, Александр Львович Капытовский, Григорий Максимович Богословский»²²⁵.

Непростая материальная ситуация была характерна для подавляющего большинства русского студенчества, учившегося в Университете, Высшей технической школе, Коммерческом институте, Политехническом институте, Педагогической школе, консерватории. Тяжело было с одеждой, бельем²²⁶. Только в 1923 г. помощи просили от Российского Красного Креста более двухсот человек²²⁷. Действенную поддержку оказывал и Английский Красный Крест²²⁸.

Достаточно характерную картину жизни русского студента рисует будущий бактериолог Николай Афанасьевич Булгаков (1898–1966, Кламар) (брат Михаила Булгакова)

225 ГА РФ. Ф. 7524. Он. 1. Д. 3. Л. 334–335.

226 Там же. Л. 157.

227 Там же. Л. 433.

228 Там же. Л. 5.

в своем письме киевской родне (1922): «Мне удалось получить стипендию, около половины которой уходит на оплату жилья, отопление и свет, а остаток на питание и другие потребности. Живу очень скромно, помогает мне то, что когда я имел работу, то успел купить теплое пальто, две пары обуви <...> В комнатке вдали от центра есть необходимая мебель и небольшая железная печь. Удалось дешево купить немного дров, так как зима очень холодная. Воду мне моя хозяйка дает бесплатно, относится ко мне очень хорошо, так как не пью, не курю, не шумлю – мирный жилец, который регулярно платит. Еду обычно готовлю сам, а иногда иду в столовую. Не жалею на свою судьбу...»²²⁹.

Действительно, чего тут жаловаться, у иных и этого не было.

Тем не менее, русские студенты, бывшие солдаты и офицеры армии П. Н. Врангеля, не унывали. Студенты, «щеголявшие» в своей видавшей виды форме, получили прозвище «кузнечики». Именно они в начале 1920-х годов составляли 50–70% студенчества Загребского университета. Профессора не могли вначале поверить, что недавние военные, забывшие за годы боев книгу, смогут «слушать лекции на малопонятном языке и сдать потом зачеты». Однако практика экзаменов показала обратное²³⁰.

Жили они в здании бывшей венгерской военной тюрьмы, в Кунищаче, на окраине Загреба. Несодранные решетки на окнах не мешали веселиться. В статье «Солдатский университет» (Новое Русское Слово. Нью-Йорк. 6–8 сентября 1967 г.) В. Лавров писал: «В подвалах казармы появился деревянный прекрасно сделанный пол, стены красились и расписывались фресками, возникла маленькая сцена с прекрасным занавесом, откуда-то появилось пианино; созданся уютный студенческий клуб с двумя залами; в одной была постоянная столовая, в другой устраивались вечера-балы <...> выступали певицы и певцы, куплетисты и рассказчики, декламаторы и пианисты»²³¹.

И после окончания своих вузов русские студенты продолжали встречаться. Так, 25 января 1941 г. на день Св. Татьяны, объединение выпускников загребских вузов устроило под председательством университетского профессора И. С. Плотникова традиционный товарищеский вечер²³². Некоторые из них достигли заметных успехов на своем поприще в Хорватии, ставшей вторым домом.

Из многих журналистов назову здесь одно имя – Александр Иванович Залепугин (Aleksandar Saša Zalepugin), сын русского и сербки, родившегося в 1931 г. в Сараево. Много работал на Хорватском телевидении, редактор, ведущий. Включался в перечень самых известных людей на телевидении Хорватии. Отмечен премиями и наградами.

В 1995 г., когда шла в России «лихая перестройка», а на просторах бывшей Югославии шла война между сербами, хорватами, мусульманами, Саша Залепугин опубликовал 16

229 *Ribkin-Puškadija T. Nikolaj Bulgakov, brat književnika Mihaila Bulgakova u Zagrebu // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata Rubovi, memorija/ Zagreb, 2006. S. 304.*

230 *Полчанинов Р. Русские студенты, сокола и НТСНП в Хорватии // За свободную Россию. 2005. №32(61).*

231 Там же.

232 *Качаки J. Указ. соч. С. 375.*

сентября в газете «Večernji list» текст «Glas za budućnost» открытое письмо Б. Ельцину. В нем жестко пишет о защите президентом России вождей босанских сербов Р. Караджича и Р. Младича, виновных в агрессии на лиц несербской национальности во имя «Великой Сербии», напоминая бомбардированные Вуковар, Дубровник, сожженные села и города. Русская кровь, пишет он, не оставляет его оставаться равнодушным как на политику России будут смотреть «сейчас и в будущем... К этому меня обязывают и кости моих родителей, которые гранаты Караджича взорвали и разбросали по кошешковскому кладбищу в Сараево».

Ельцин не читал этот текст, разумеется. Его защитники взяли на себя эту роль. Впрочем, это другая тема и другая история.

И опять эмигрантское время.

Свои минуты отдыха были и у русских солдат на сербской службе. Так, в 1922 г. на четвертый день Рождества в Загребе в Елачичевых казармах был организован капитаном Макшеевым солдатский спектакль. Актеры из солдат сыграли две пьесы. Одна патриотическая: эпизод из 12-дневной оккупации Белграда австрийцами. Другая – веселая, в стиле чеховских рассказов. Женские роли исполняли также солдаты. Затем было концертное отделение, где выступали профессионалы²³³. Хор бывших русских трубачей из дивизии генерала Барбовича можно было услышать в Максимирамском кафе Загребского союза офицеров²³⁴.

Можно было «культурно отдохнуть» и в открывшейся в начале мая 1923 г. в саду Тушканац «Русской кафане» с русской кухней, разнообразными винами и водкой²³⁵ или в легендарном ресторане «Москва», владельцем которого был не менее известный Марк Иванович Гарапич. Весьма лестные строки о нем и загребчанах оставил Вадим Шверубович («О людях, о театре и о себе». М., 1976), повествуя об известных гастролях МХТ в Загребе.

Были свои магазины, где можно было купить селедки, гречки и другой бакалеи, столь милой желудку русского человека. Даже комиссионка была своя: магазин Романа Пушкарского, расположенный на самой торговой улице Загреба – Илица, в доме № 40²³⁶.

Для «образованных» в мае 1928 г. открылся Русский клуб на Петриньской улице: отдельный дом в полтора этажа с двумя верандами, кухня, бильярд, карты, газеты и журналы, рояль, по субботам танцы²³⁷. Свой клуб на Гундуличевой улице, 33 имели и юристы. У военных – свое Офицерское собрание.

Но время от времени проводились вечера, посвященные русской культуре, ее великим представителям. Так, 10 января (29 декабря) 1928 г. состоялось литературно-музыкальное собрание, посвященное творчеству Н. А. Некрасова (50 лет со дня смерти)²³⁸.

233 Новое время. 1922. 12 янв.

234 Новое время. 1921. 2 нояб.; 1921. 11 нояб.

235 Новое время. 1923 8 мая.

236 Новое время. 1924. 17 июля.

237 Новое время. 1928. 26 мая.

238 Качаки J. Указ. соч. С. 369.

И, тем не менее, русские в Хорватии приживались труднее, нежели в Сербии. Возможно, что здесь мешала разница культур, стиля жизни, отношения к Европе.

И конечно, начало всякого быта связано с тем – есть у тебя работа или нет? В Королевстве сербов, хорватов и словенцев работа, не всегда «удобная» была для всех: спрос превышал предложение. Одни служили искусству, другие – в охранительных службах.

Из первых назову Комаревского Бориса Викторовича, родился на Украине в 1893 г., служил в Белой армии артиллеристом. С 1921 г. преподавал пение в кадетском училище в Стрншште. С 1923 г. обосновался в Загребе, где закончил Музыкальную академию. Входил в труппу Хорватского государственного театра. С 1931 г. стал руководителем Кирилло-Методиевского хора. В 1942 г. уже во времена Независимого государства Хорватия, профашистского по сути, был принят на основании приказа министра просвещения учителем в Греко-католическое училище в Загребе. Согласно действовавшему тогда законодательству имел право на отпуск, оплачивался больничный лист до 90 дней, высокую зарплату и т. д. Подчеркну, для принятия на службу нужно было представить ряд бумаг, в частности, от Апостольской администрации (территориальная единица в Римо-католической церкви, приравненная к епархии), о крещении, о венчании, о месте жительства, о поведении от полицейской службы, о расовой принадлежности. 24 июня 1945 г. был расстрелян по приговору военного суда новой власти на основании стандартных обвинений политического характера, в общем, враг народа²³⁹.

Среди «последних» выделялась фигура Н. А. Богаевского, сына донского атамана, генерал-лейтенанта Африкана Богаевского.

С мая 1919 г. до марта 1920 г. воевал добровольцем, будучи в составе III Донского кадетского корпуса. В сражении с большевиками за Ростов-на-Дону был ранен штыком в правую ногу. Потом был английский колледж в Константинополе, шесть семестров факультета права Белградского университета, служба в органах министерства внутренних дел. С 31 мая 1940 г. он уже был шеф политического отделения Управления полиции в Баялуке.

После провозглашения НГХ стал агентом Усташской надзорной службы (УНС) (Усташство – прогосударственная ультранационалистическая организация, стержнем которой было антисербство). После войны – преподаватель в американской армейской школе языков в г. Монтрей. (позже переименован в Институт иностранных языков Министерства обороны).

Что еще? Талантливый поэт и писатель, актер, дирижер-хормейстер и отличный преподаватель. В Институте основал русский хор, который прославился по всей Америке²⁴⁰.

Были востребованы и врачи. Медицина всегда обладает особой актуальностью, связанной напрямую со здоровьем, жизнью людей. Например, та же захолустная Баялу-

239 HR-HDA-216. MNP NDH. Pers. Dosije. Komarnicki B. V.

240 Мачкич З., Косик В. Указ. соч. С. 19–20.

ка не была обделена отличными врачами. Представлю несколько биографий, редких по своему богатству.

Итак, вначале Аристархова Ольга Алексеевна, врач-бактериолог.

В 1911 г. завершила Санкт-Петербургский женский медицинский институт. Ученица профессора Д. К. Заболотного. В 1909–1910 гг. работала в Санкт-Петербургской городской лаборатории Петропавловской больницы. В 1912 г. участвовала в экспедиции Д. К. Заболотного по изучению эпидемии чумы на юго-востоке России. В 1915–1917 гг. работала старшим врачом военно-санитарного поезда Земского союза по транспортировке инфицированных солдат Западного фронта. По распоряжению Заболотного основала в Юрьеве лабораторию по обслуживанию больниц Северного фронта. С конца 1917 г. до 1919 г. работала в Центральном бактериологическом институте в Москве. Летом 1919 г. уехала на Украину, в начале зимы скрылась в Крыму. В Ялте сформировала бактериологическую лабораторию по обслуживанию госпиталей. Осенью 1920 г. эвакуирована в Королевство СХС. В 1921 г. – бактериолог в государственном бактериологическом институте в Загребе. В 1922 г. – заведующая бактериологической станции в Субботице. В конце 1925 г. получила назначение в Баялуку, где также основала лабораторию и с 12 декабря 1925 г. исполняла обязанности заведующей постоянной бактериологической станции. В 1926–1929 гг. – бактериолог в Бургасе (Болгария). Отказалась принять болгарское подданство. В 1929 г. была освобождена от службы без права на трудоустройство в государственных учреждениях. Последовало возвращение в Югославию. С 8 февраля 1936 г. до 11 апреля 1937 г. работала бактериологом в Русском Красном кресте в Белграде. Автор ряда трудов на русском и французском языках²⁴¹.

Теперь Комарницкая Наталия Михайловна (1906–1943), акушерка. В 1920 г. завершила шесть классов семиклассной женской гимназии Белен де Баллю в Одессе. Гимназическое образование завершила уже в Королевстве СХС. В 1935 г. завершила с отличными успехами Королевскую школу акушерок в Белграде. С 12 февраля 1935 г. официально получила право работать акушеркой. С 1 мая того же года и дальше – была в штате в Бановинской больнице в Баялуке. С ее помощью увидели свет и вдохнули воздух Баялуки многие его жители²⁴².

И, наконец, Нагорный Михаил Максимович (1892–1983).

В 1912 г. завершил Третью классическую гимназию в Киеве, в 1917 г. – медицинский факультет Императорского университета св. Владимира в Киеве, с 5 мая 1917 г. до 20 июля 1918 г. проходил стажировку (кожные и венерические болезни) в соответствующей клинике в Гельсингфорсе. 1 октября 1926 г. нострифицировал диплом в Белграде. В Первой мировой и Гражданской войнах работал врачом на Балтийском и Черноморском флотах. В конце декабря 1920 г. с армией генерала П. Н. Врангеля покинул Россию. Прибыл в Королевство

241 Там же. С. 12–13.

242 Там же. С. 54.

СХС на корабле «Румянцев». Работал врачом в самых различных местах – от эпидемиолога в 1921 г. в Санском Мосте до шефа отделения венерических заболеваний в 1938 г. в Врбаской военной больнице, от службы на флоте Королевства СХС (1926 – 1938) до последующего назначения в сухопутные войска, где проработал до 1941 г. 1930-х гг. имел в Баялуке для приема пациентов свой кабине. Тогда М. М. Нагорный был единственным специалистом по кожным и венерическим заболеваниям в Врбаской бановине. Автор научных трудов, опубликованных в 1931 г. в «Војно-санитатском гласнике» («Военно-санитарном вестнике»). В том же году изобрел аппарат для взятия крови, запатентованный в Белграде в соответствующей институции. Во время Второй мировой войны был призван в армию Королевства Югославия, после создания НГХ служил с перерывами в Баялуке врачом до начала 1944 г. После войны – трудился врачом кожно-венерологического отделения Окружной больницы в Баялуке. Затем, в середине 1947 г. стал работать референтом по здравоохранению в уездном народном комитете Баялуки, властями которого характеризовался весьма неблагоприятно. В 1947 г. о нем писались такие строки: «К народно-освободительному движению относился полностью спекулянтски, да и сейчас по отношению к новой Югославии... Специалист хороший... К работе и посетителям относится совсем по бюрократски. С посетителями очень дерзок... Не чувствует ответственности перед важными и неотложными задачами... К вышестоящим, т. е. к властям относился “пренебрежительно”. Любит дискутировать по директивам, которые получает от членов комитета, считая эти приказы неправильными, а самих членов комитета невеждами»²⁴³.

И еще одна судьба: Г. И. Елатанцев. Вначале, по приезде в Королевство СХС, зарабатывал на жизнь физическим трудом, продажей газет, работой в книжном магазине, горнорабочим в шахте в Заечаре.

После получения медицинского образования трудился врачом в ряде мест, например, в той же Баялуке. В июне 1950 г. благодаря настояниям Министерства здравоохранения, Елатанцеву было возвращено гражданство, которого он был лишен как русский в связи «делом Информбюро», возникшим в 1948 г. в связи с расстройством политических отношений между Сталиным и Тито. Его труд был отмечен рядом наград, среди них, орден заслуги перед народом с серебряной звездой (1966), медаль Красного Креста Югославии (1955). Будучи пенсионером, написал мемуары под названием «Былое», жизнеописание своих родителей, «Повесть козака» и «Дикое поле» (старинное название пространства между Волгой и Доном), где описывал историю и природу своей родины. Занимался фотографией, играл на мандолине и на русской гитаре²⁴⁴.

Но были и другие, например, в Македонии, где, чаще всего, русские занимались тяжелой физической работой, а отдыхом нередко была водка. Пили много, в одиночку и компаниями, праздно решая проблемы и топя ее в алкоголе в случае неудачи, смягчая

243 Там же. С.70–71.

244 Там же. 40–41.

досаду от надоевших будней и отмечая все, что могло бы позволить на «законных» основаниях выпить. К чести русских надо сказать, они не пили в долг и владельцы «кафан» на них немало заработали²⁴⁵.

Во многом быт определялся зарплатой. В среднем она составляла 700–900 динаров в месяц. Например, в Ягодине, в котором была полутысячная колония, зарабатывали в среднем около тысячи, работая на железной дороге, учителями, в целом, где придется²⁴⁶. Гусары и уланы Белгородского уланского, Ахтырского и Изюмского гусарских полков, работавшие на «разборке» крепости Петроварадин, получали 500–600 динаров. И, тем не менее, можно было что-то отложить. Питание обходилось в 9–10 динаров: чай утром и вечером, обед – суп и 100 грамм мяса, ужин – каша.

Как жили? Один из ответов: «По живописному ущелью р. Ибра, вдоль шоссе от Кральево на Рашку, расположены части нашей армии, перешедшей на трудовое положение. На всем, 80-верстном протяжении пути кипит работа, строят новый “вариант”, выравнивая шоссе, обходя слишком крутые спуски и подъемы. Работу ведет одно из наиболее солидных обществ русских инженеров. Части живут в специально для них выстроенных бараках, по 60–80 человек. С внешней стороны бараки мало чем отличаются от обычных рабочих казарм, только развеивается при входе национальный флаг. Но внутри картина совершенно неожиданная: вместо обычной грязи и неряшливости рабочих помещений – идеальная чистота, подчеркнутый порядок. Стены украшены портретами вождей, патристическими лозунгами и картинами. Аккуратно постеленные кровати, чистое белье. Рядом со спальнями обычно столовая <...> Во всех частях организованы библиотеки, получают свежие газеты»²⁴⁷.

Все было, кажется неплохо, но мучила тоска по России. Участник строительства одной из железных дорог С. Васильев писал в августе 1921 г.: «С сербами отношения хорошие. Понимаем друг друга хорошо, в языке совершенствуемся. По временам тоска по родине и близким чрезвычайно велика. Хотя здесь мы и хорошо едим и не испытываем многих ужасов и спокойны – тянет туда. Пусть и ужас, и голод, и опять бои. Лучше умереть, да на родине, хотя и надоело уже сражаться <...> право думаешь, не покончить ли с собой, но лишь временами <...> По получении денег почти все страшно пили <...> вкушивши прелестей жизни рабочего, казаки говорили: “Теперь мы понимаем, почему рабочие бунтуют”»²⁴⁸.

В городской среде, например в Нови-Саде, все было по-другому: и работа интеллигентная, и досуг культурный. Было обычным собиране личных библиотек, «хождение к знакомым запросто, без приглашения». «Оно, – как пишет А. Б. Арсеньев, – давало возможность узнать новости, познакомиться с людьми нужными, схожих взглядов и интересов, а

245 Стерјовски А. Указ. соч. С. 116–117.

246 Новое время. 1922. 1 нояб.

247 Вестник правления общества галлиполийцев. 1924. 27 апр.

248 Васильев С. Указ. соч. С. 43, 83.

некоторым – отвести душу, поспорить, отведать русские домашние блюда»²⁴⁹. Свободное время нови-садская интеллигенция часто отводила и коллекционированию, «в особенности того, что не было связано с материальными издержками – погашенных почтовых марок, открыток с видами курортов или репродукциями произведений искусства, вырезок из газет (на всевозможную тематику); собирали русские пословицы, записывали анекдоты... обучали соседских детей игре на музыкальных инструментах, рукоделию, иностранным языкам, помогали готовить школьные уроки, пробуждали любовь к природе...»²⁵⁰.

Теперь о Бачском крае, где осело множество русских. «Забавна» история с «новыми крестьянами» из г. Титель, куда около сотни беженцев прибыли 6 января 1921 г. Руководствуясь благородным стремлением зарабатывать на жизнь крестьянским трудом, быть ближе к земле, некоторые русские решили организовать сельскую артель. Земля в трех километрах от города была бесплатно выделена сербами²⁵¹. Однако в июле последовал уход из артели единственного крестьянина, не желавшего «терять и дальше свой труд даром». Привыкания к земле не получилось. Огороды артели зарастали сорняками²⁵². Попытка сельхозартели получить новую ссуду теперь уже на овцеводство была неудачной, ввиду отсутствия в артели кого-либо хоть сколько-нибудь знакомого с этим делом и неплатежами по старой ссуде²⁵³.

Итак, «новых крестьян» из городских не получилось, а мужика, который бы их кормил, не было. В этих условиях русские были вынуждены искать «счастья» в иных местах, перебиваться случайными заработками, смирять себя на не соответствовавших их бывшему положению и квалификации работах.

Безусловно, атмосфера жизни в чужой стране определялась и отношением местного населения к русским. Конечно, Королевство встретило, приютило, накормило русских изгнанников. Власти старались как могли, даже одну из улиц в Лесковце назвали в память императора²⁵⁴.

Но и русские платили сторицей. О «них» хорошо написала мне Ирина Антанасиевич: «они – это первая микробиологическая лаборатория и поликлиники в таких местах, в которые не забредала нога сербского врача, и школы, которые открывались в таких местах, которые бы не пришли в головы сербским учителям <...> они – это более сотни храмов, что новоотстроенных, что реставрируемых».

Но, как и везде, часть населения встретила пришельцев как своих соперников в борьбе за рабочие места. Причем у некоторых югославян вызывали зависть, неприязнь, злобу то обстоятельство, что для русских открывались новые места в полиции, в местных органах

249 Арсеньев А. У излуцины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 155.

250 Там же.. С. 161.

251 ГА РФ. Ф. 5940. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

252 Там же.. Л. 3.

253 Там же. Л. 3 об.

254 Новое время. 1927. 26 окт.

управления, в других государственных институциях. В условиях вскоре наступавшего экономического кризиса толерантность к изгнанникам из красной России уменьшалась²⁵⁵.

Симпатии к Советской России, где строили «рай» для народа, повторяю, рождали у многих неприязнь к белогвардейцам, выкинутым из своей страны. Неприятельское отношение к русским было обусловлено многими факторами, даже «господской одеждой», манерами, стилем жизни. Оттуда были и пакости, чинимые «вечно голодным пришельцам», «притеснявшим» коренное население.

Довольно непростые отношения складывались и у женского пола. Так, сербки с некоторым подозрением относились к русским дамам. Известный журналист, писатель, драматург Александр Митрофанович Ренников, например, низал такие строки в парижском «Возрождении»: «Прежде всего, сербки никак не могли допустить иакого бесстыдства, с каким русские мужчины, нередко старые и весьма почтенного вида, публично целовали руки своим женщинам, иногда даже совсем некрасивым. И главное, если где-нибудь в укромном углу, в тупике; а то – на людной улице, на виду многочисленных приличных прохожих!»²⁵⁶.

Даже стремление часто пользоваться ванной, бывало, некоторыми почтенными сербками трактовалось как признак «распущенности»²⁵⁷.

Один из русских изгнанников, житель Нового Сада Дмитрий Васильевич Скрынченко, работавший преподавателем, писал в 1922 г., что правовое положение русских, их уровень жизни далек от удовлетворительного. Русские преподаватели получают гораздо меньше, нежели их сербские коллеги. Ссылаясь на публикацию проф. М. П. Чубинского («Русское дело», № 247), Скрынченко писал, что только пятеро русских получили звание «профессора», т. е. могли работать в средней школе полноценными учителями с соответствующей платой, остальные могли быть только на временной ставке, на гонораре или помощниками учителя²⁵⁸.

«Горек хлеб чужбины и тяжелы ступени чужих лестниц». Эти слова Данте врезаны навеки в историю.

У русских отнимали уже полученную ими работу, бойкотировали и пр. Со своей стороны государство также делило беженцев на две категории: тех, кто принял новое подданство, и тех, кто сохранял старое. Соответственно, первые оказывались в привилегированном положении. Вторые были на положении людей второго сорта²⁵⁹. (Здесь явное упрощенчество. Все было гораздо сложнее.)

Приведу несколько русских свидетельств. Первое из Пожаревца: «Отношение сербов к нам, русским, сносное, но граничащее с безразличием, особенно со стороны некоторой

255 Стерјовски А. Указ. соч. С. 109.

256 Ренников А. Первые годы в эмиграции.

257 Там же.

258 Скрынников М. В. Тражимо еднакости // Застава, Новый Сад, 1922. 30 дек. С. 4

259 Стерјовски А. Указ. соч. С. 110–111.

части интеллигенции. Неприятно бьют по нашим нервам довольно часто задаваемые вопросы: “Скоро ли вы опять в Россию?” или “Отчего вы не едете в Россию? Ведь, там уже жизнь налаживается?”²⁶⁰. Второе из Сараево: «Что касается отношений местных жителей–сербов, то они, конечно, различны. Крестьяне – симпатизируют; интеллигенция в зависимости от партийности – либо благожелательно, либо равнодушно, либо отрицательно настроена к нам. Также и рабочие: чернорабочие в большинстве очень ценят наше приличное с ними обращение и уважают нас за нашу незлобивость и покорность судьбе; специалисты, надзорники и их помощники, на 3/4 с социалистическим душком, завидуя нашей культурности нередко пытаются “поучать» нас за неправильность и непатриотичность политики русской эмиграции. Было два случая, когда надзорник зарвался до того, что уверял, что мы просто изменники России»²⁶¹.

Однако и у русских многое вызывало недоумение. Так, С. Васильев вспоминал об одном сербе, который взял по 16 динаров с друзей, приглашенных им на обед домой, хотя в ресторане он обошелся бы в 8–10 динаров. «Нужно сказать, – писал он далее, – что даже в отношениях членов одной семьи замечалась черта корыстности: во многих семьях мужчины сами ходили на базар, закупали продукты, из соображений боязни, что жены что-то там смогут сэкономить, создать этим путем какой-то свой капитал». «Сербы, – замечал он, – вообще, большие материалисты в противоположность большинству нас, русских, людей беспечных, бесшабашных, “широких натур”»²⁶². Однако здесь можно и подискутировать: не все так однозначно.

Сами русские не хотели называть себя беженцами или эмигрантами. Так, в м. Сурдулице они заказали для официальных сношений печать с надписью «Правление колонии русских эвакуантов в Сурдулице»²⁶³. Русские просто хотели быть и оставаться русскими.

И здесь немного опять о русских клубах. Так, «Русский клуб», основанный в Субботице в 1927 г., вмещал в себя театр, библиотеку, читальню и столовую. Действовали театральный и шахматный кружки. Вероятно, у населения Королевства создавалось впечатление, что все русские сплошь артисты и шахматисты. Спустя пятьдесят с лишним лет, сербы удивлялись, почему я так плохо играю в шахматы, ведь я же русский! На сцене русские тоже чувствовали себя уверенно. Они поставили и сыграли вечных «Трех сестер», неизменное «Горе от ума» и другие пьесы. В планах был классический «Лес». С успехом устраивали в Субботице литературные вечера памяти Чехова, Тургенева, Некрасова, Надсона и других отечественных «учителей» и «утешителей». Для развлечений ставили кабаре. Шли пьесы и на сербском языке, что привлекало сербскую публику. За 1929 г. си-

260 Вестник правления общества галлиполийцев. 1924. (Белград). 1939. 1 нояб.

261 Там же. 1924. 27 апр.

262 Васильев С. Указ. соч. С. 84об.–85об.

263 Новое время. 1924. 20 июля.

лами этой самодеятельной труппы (52 человека) было поставлено и организовано свыше 20 спектаклей и вечеров. На Рождество (1930 г.) устроили выставку картин²⁶⁴.

Быт скрашивала и русская литература: книги на русском языке имелись во многих библиотеках страны, например, в Прилепе, Скопле. Читатели могли прочесть на языке оригинала Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова, Куприна, Бунина, Цветаеву. Однако русские все же предпочитали иметь свои библиотеки, которые выполняли роль культурных центров вместе с теми же русскими клубами, студиями, литературно–музыкальными обществами и пр. В Битоли общедоступная Русская библиотека с читальней была открыта в конце 1920-х годов. Здесь организовывались лекции, проводились музыкально-литературные вечера и т. д. В 1936 г. ее фонд насчитывал 2 400 книг²⁶⁵.

В небольших городках было тяжелее. Поэт Евгений Вадимов о той жизни писал такие строчки:

Горганное пение в дымной кафане –
 Базарная площадь с десятком быков –
 Опанки и капы. Цыганки, цыгане...
 Лавчонки кубанских купцов–казаков...
 На сербских одеждах цветные узоры,
 Куранты собора считают года...
 Колония беженцев... Русские споры –
 Те споры – что всюду, везде и всегда...²⁶⁶
 (опанки – род кожаной обуви, капа – головной убор из сукна)

Быт – это и семья, забота о детях, их образовании. И конечно, родители стремились, сообразуясь со своими материальными возможностями, чтобы дети, особенно девочки, получали и музыкальное образование, тем более, что педагогов было достаточно. Можно назвать Нину Оскаровну Хростицкую, державшей в Земуне свою музыкальную школу, открытую вместе со скрипачем С. Ф. Давиденко в октябре 1922 г. Среди учениц выделялись Таисия Баукова, Ида Дайчак, Фея Розенкранц, Зора Костич, Ольга Барач²⁶⁷. В Герцеговине с 1921 г. успешно преподавала музыку сначала только русским детям, а потом и местным, Н. И. Тиден, дочь известного профессора И.Я. Фойницкого. Она окончила в 1903 г. Императорскую Санкт-Петербургскую консерваторию по классу фортепиано у профессора А. Н. Есиповой²⁶⁸. С 1921 г. в Битольской гимназии преподавала музыку Елизавета Савченко (утверждала, что является потомком Екатерины Великой), а ее супруг – пение. Поставила оперетку на русском языке «Павлик, Павлик, занимайся!», в которой в главной роли

264 Новое время. 1930. 11 февр.

265 Стерјовски А. Указ. соч. С. 157.

266 Новое время. 1929. 31 окт.

267 Новое время. 1924. 27 февр.; 1926. 17 июня.

268 Новое время. 1924. 11 июля.

дебютировал ставший позднее известным Драги Костовский. Многие песни из нее стали хитами у молодежи²⁶⁹.

Во время второй мировой войны положение русских в Королевстве резко ухудшилось уже потому, что многие наши соотечественники приветствовали войну Гитлера с Советским Союзом. В частности, в Загребе было провозглашено создание Российского национального и социального движения, ставившее своей целью воссоздание российской государственности.

В этой сфере активно действовал Русский Обще-Воинский Союз. Имеющиеся материалы, позволяют кратко очертить его деятельность в Хорватии, где начальником Загребского отдела РОВС был кавалер многих орденов, в том числе и георгиевского оружия генерал-лейтенант Д. П. Драценко (1876–1945), известный и своими операциями на Кавказе. Служил в Русском охранном корпусе генерала Штейфона. С весны 1942 г. командовал 1-й бригадой, действовавшей против партизан Тито.

Боевые офицеры считали необходимым влиться в войну против Советского Союза «за Россию», свободную от большевистского гнета.

Началась регистрация военнообязанных, впоследствии зачисленных в Русский Охранный Корпус. Из информационных сводок, издававшихся в Загребе, высланных председателям офицерских обществ, можно составить разноцветную картину того сложного времени, связанного с решением многих вопросов. Так, будущих бойцов волновали, например, темы о возврате утраченного имущества (имений, рудников и т. д.), о решении пенсионного обеспечения²⁷⁰. Обсуждался вопрос о русской военной форме для разных родов «Русской армии»²⁷¹. Подчеркивалось: «Наш путь ясен. Смело и гордо вступили мы на него, ибо только он может вывести Россию из мрака большевистского застенка к светлому счастливому будущему.

Мы верим и знаем, что скоро будем призваны к непосредственному участию в борьбе за это будущее и к работе по его строительству там, на родине. В ожидании этого часа, счастливого для каждого настоящего русского националиста, наша задача духовно готовить себя к предстоящей борьбе, укрепить в себе и укреплять в других непреклонную веру в нашу победу и готовность безропотно переносить те труды и те лишения, которые нас ожидают»²⁷². В будущем, так и несбывшемся, на «белых рыцарей» возлагалась ответственная задача по пропаганде «новой жизни, новой национальной культуры, покоящейся на традициях нового, анти-коммунистического духа, нового государственного и общественного строя»²⁷³.

269 Стерјовски А. Указ. соч. С. 63.

270 Сводка РОВС. № 7. Загреб, 1 сент. 1941. // Архив автора.

271 Сводка № 9. 10 сент. 1941.

272 Сводка № 10. 17 сент. 1941.

273 Сводка № 11. 25 сент. 1941.

Созданный по распоряжению Германского Высшего командования в сентябре 1941 г. упоминавшийся здесь уже Русский Охранный Корпус (через который прошли примерно 17 000 человек), был подчинен германскому командованию (полковник Кевиш) не был отправлен, как ожидалось, на Восточный фронт. Главная задача, как следует из названия, состояла в охране различных предприятий и коммуникаций от партизан Тито. Вошедший в состав Вермахта весной 1942 г. он принимал активное участие в борьбе против Народно-Освободительной Армии Югославии.

Причем вступление в него не всегда было добровольным.

Так, в Македонии группа германских офицеров и представителей болгарских властей обходили дома русских, вербруя туда уговорами или иными методами. 10 апреля 1942 г. колония в Скопле отправила в Корпус первую группу из 32 человек среднего возраста. Следующая группа насчитывала 100 человек²⁷⁴.

Офицер В. А. Мальгин, живший некоторое время в Баялуке, в годы Второй мировой войны храбро воевал в 1941–1942 гг. на Восточном фронте в составе 369 хорватского пехотного полка. Был отмечен наградами, в частности, получил Железный крест II степени²⁷⁵.

Разумеется, были и борцы с фашизмом.

Среди них был пулеметчик Константин Филиппович Жежел, награжденный орденом за заслуги перед народом²⁷⁶.

Инженер Георгий Дмитриевич Пстроцкий (Петроцкий?) (1909–?) середине 1942 г. вступил в Народно-освободительную армию. Капитан ОЗН-а (Отделение защиты народа) (контрразведки) V корпуса. В 1945 г. перемещен в Сараево для работы в той же сфере. Заместитель политического комиссара 4 батальона 7 краишкой бригады. 21 января 1947 г. был награжден орденом за заслуги перед народом II степени²⁷⁷.

Из «романтических» профессий назову летную, где тоже были русские и были свои герои. Авиатор А. Попов служил на аэродроме в Залужанах, близ Баялуки. Установил связь с партизанами, оказывал информационную помощь. В октябре 1943 г. перелетел самолетом «Бреге» в союзническую базу в Италии. 22 апреля 1944 г. на итальянском аэродроме Бенина (близ Бенгази) была сформирована I истребительная эскадрилья Народно-освободительного войска Югославии (НОВ) с 16 спитфайерами. Эскадрилья вошла в состав Королевских (британских) военно-воздушных сил (Royal Air Force). В нее входили летчики Первой авиационной базы и группа авиаторов бывшей югославской авиации, которые в Африке выступили в поддержку Народно-освободительного движения. Туда вошел и майор Аркадий Попов. Командир звена спитфайеров Аркадий Попов был сбит над небольшим курортным местечком Слано, близ Дубровника. Судя по воспоминаниям, Аркадий Попов «...хотя и по происхождению происходил из донских казаков, но был и

274 Стерјовски А. Указ. соч. С. 120–121.

275 Мачкич З., Косик В. Указ. соч. С. 65–66.

276 Стерјовски А. Указ. соч. С. 122.

277 Мачкич З., Косик В. Указ. соч. С. 85.

остался искренним югославом. Любил и своих земляков русских, но был очень разочарован от первой с ними встречи. А именно, при встрече с группой советских летчиков в Бари, они отказались разговаривать с ним, но и с нами, когда услышали, что Аркадий Рус (так в тексте – В. К.) – эмигрант»²⁷⁸.

Имя его вошло в историю борьбы за освобождение Югославии.

Однако для многих, как уже я писал ранее, это «освобождение» оборачивалось казнями, тюрьмами, лагерями, высылкой. Немного сухой «цыфири», неполной: к высшей мере наказания приговорено 760 человек, погибло в борьбе против Народно-Освободительной армии – 1230, покинуло страну – 8150, выслано – 27, депортировано в СССР – 86, приговорено к различным срокам заключения – 124, умерло – 73, пропавших без вести – 803. Если накануне войны в стране насчитывалось около 25 000 русских, то по состоянию на 1 января 1949 г. их было 13057 человек²⁷⁹.

После окончания войны в новой Югославии осталось немного русских, которые, грубо говоря, «гражданами второго сорта, за исключением «своих», а также «полезных» русских. Разумеется, в стране продолжали жить и те, которые приняли гражданство СССР, их, по данным Н. К. Григорова было около 6 тысяч человек²⁸⁰. Однако, его, для некоторых русских, надо было «отрабатывать». Проще говоря, стать агентом НКВД, сообщать сведения на своих сородичей. Здесь стоит добавить, что в стране действовали офицеры этой организации, занимавшейся поиском «врагов» и вне пределов Советского Союза. В ходе этой «работы» Москва получала сведения на интересующих ее эмигрантов. Сами завербованные НКВД подписывали бумагу о сотрудничестве: «всеми силами работать в интересах СССР и новой Югославии»²⁸¹. Впрочем, и для тех, в ком не были заинтересованы «органы», получение советского паспорта не означало возможно выехать в СССР. Н. К. Григоров пишет, что члены его семьи стали «советскими гражданами, постоянно проживающими за границей». Или, как он иронично отмечал – «невъездными»²⁸². По его сведениям около 20 тысяч человек к концу войны покинули Югославию и отправились в очередной «бег» в Европу, в англо-американскую зону оккупации Германии, оттуда в США и другие страны, «свободные от большевиков. Вопрос возвращении на Родину стал решаться уже после кончины И. В. Сталина, при Н. С. Хрущеве»²⁸³.

Ю. Козлов, ответственный работник аппарата Верховного совета СССР, в ведении которого входили вопросы гражданства, писал в своих мемуарах («Кремлевский советник», М., 1995. С. 25). следующие строки: «Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне вызвала огромный патриотический! подъем в среде белой эмиграции. Многие снова

278 Там же. С. 82–83.

279 *Beloemigracija u Jugoslaviji*. S. 232–233

280 *Григоров Н. К.* Воспоминания. Заметки о себе и о времени.

281 *Beloemigracija u Jugoslaviji*. S. 701–702.

282 *Григоров Н. К.* Воспоминания. Заметки о себе и о времени.

283 Там же.

поверили в свою Родину, решили вернуться. В связи с этим они просили предоставить им советское гражданство. Этот процесс получил поддержку советских руководителей. Но не из любви к бывшим соотечественникам и не из-за признания их заслуг и борьбе с фашизмом (были и такие), а главным образом для того, чтобы расколоть активно действующие против СССР зарубежные эмигрантские центры и организации, такие как Народно-трудовой союз (НТС), Российский общевойсковой союз (РОВС), активно действовавшие во Франции, и другие. Появились указы о массовом восстановлении в советском гражданстве проживающих за границей эмигрантов. Им гарантировалась безопасность и возможность вернуться на Родину.

Однако втайне было предрешено основную массу этих восстановленных в страну не пускать. Исключение сделано лишь, для немногих, да и то в основном для того, чтобы затем уничтожить их в лагерях. Эмигрантов боялись, да и размещать их было негде. Поэтому вопрос об их въезде в СССР даже не рассматривался»²⁸⁴.

Неустойчивость положения русских усугубил 1948 год с его фактическим разрывом Москвы и Белграда. Последовал очередной «исход» русских. Власти считали их «белогвардейцами» и «сталинистами». У них не было друзей, а только преследователи. Опасались даже разговоров с кем-либо, так как большинство вступавших в контакт были провокаторами. Настало время ухода в себя, в свое семейство. Размышлять вслух стало опасным занятием²⁸⁵.

Для обладателей советских паспортов наступало время очередного исхода. К концу 1949 г. их начали увольнять со службы и депортировать в сопредельные социалистические страны, прежде всего, в Болгарию. Н. К. Григоров приводит курьезный документ об увольнении своего отца. В нем были такие строки: в соответствии с законом «о государственной службе и на основании решения комиссии по персональным делам, Григоров Константин, служащий Министерства сельского хозяйства, в звании высшего агронома, первого класса, с основным окладом 5800 динаров и особой персональной надбавкой в размере 700 динаров за большие познания по специальности и опыту работы, а также за постоянное и особое рвение в работе

УВОЛЬНЯЕТСЯ, начиная с 1 января 1950 г.

Служебные отношения прекращаются НЕМЕДЛЕННО».

Сам Григоров в своем комментарии к такому приказу писал, что «как видно, министерское начальство не знало, как обставить директиву, исходящую от самых верхов политической власти, и издало приказ по всем бюрократическим канонам, достойный югославской юмористической газеты «Ёж» – аналога советского «Крокодила».

Отец рассказывал, что все его коллеги чувствовали себя неловко, всячески старались ему помочь. Отцу, даже, выплатили подъемные в размере 6-ти окладов.

284 Цит. по: *Григоров Н. К.* Воспоминания. Заметки о себе и о времени.

285 *Стерјовски А.* Указ. соч. С. 112–113.

В начале февраля 1950 нас по очереди пригласили в полицию, представили в паспортах выездные визы, и сообщили, что мы должны покинуть Югославию в 10-ти дневный срок. Отцу предлагали, восстановить его на прежней работе, если он откажется от советского гражданства и подпишет заявление с осуждением Резолюции Информбюро»²⁸⁶.

(Русская эмиграция стала объектом для подозрений, слежкой и репрессий во время советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. Вспыхнул вследствие начала выхода Югославии из-под контроля Иосифа Сталина и обвинения Белграда в проведении враждебной политики Советскому союзу и в предательстве идей социализма. В 1949 г. все договоры о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве были разорваны. Полная изоляция Югославии от СССР и социалистических стран была закреплена известной резолюцией Информбюро «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». – В. К.).

«Отец, – продолжал Н. К. Григоров, – на предательство не пошел. Вот такая грязная возня была затеяна вокруг нас. Начался отсчет времени до отъезда. Нам указали выезд в Болгарию, чем мы остались довольны – славянская страна и т.д.»²⁸⁷

Вокруг этого «русского отъезда» были и другие сведения. Так, Борис Николаевич Прокофьев, родственник знаменитого композитора, вспоминал, что в начале 1950-х гг. была такая ситуация: «Просто приезжала полиция, везли всех на вокзал, сажали в поезд и отправляли в СССР. Те, кто не смог сбежать, попадали в Сибирь»²⁸⁸.

Здесь явное преувеличение. Такого массового изгнания просто не могло быть.

Судя по документам архивного характера (МВД Словении), датированными, примерно, началом 1950-х гг., в этой республике жило 130 человек: граждан Федеративной Народной республики Югославии (ФНРЮ) – 105, с советскими паспортами – 19, без гражданства – 6²⁸⁹. Причем, начальство указывало в своем донесении, что опрошенные русские желают оставаться гражданами ФНРЮ. Они хотели бы посетить советскую родню, но оставаться в СССР не было желания²⁹⁰.

Конечно, с течением времени ситуация становилась лучше. Можно было жить, не оглядываясь. Однако ностальгия оставалась.

Так, битольчанин Семен Щербаков под гитару в такие минуты пел русские романсы, особенно «Очи черные». Иван Мельников – широко открывал окна и запускал на всю мощь граммофон с пластинкой «Широка страна моя родная». Иван Ангелин вечерами закрывался в комнате и допоздна слушал «Радио Москвы»²⁹¹.

286 Цит. по: Григоров Н. К. Воспоминания. Заметки о себе и о времени.

287 Цит. по: Григоров Н. К. Воспоминания. Заметки о себе и о времени.

288 Гущина И. Прокофьевы в Словении // Русский след в Словении. Люблина 2018. С. 51.

289 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 719 (?)

290 Там же. S. 721.

291 Стерјовски А. Указ. соч. С. 114–115.

Сейчас в Битоли есть только потомки русских, считающих себя македонцами, усвоивших язык и обычаи, стиль жизни потомственных македонцев, но гордящихся тем, что у них есть русская кровь, и что Россия не чужая для них страна.

Эти слова можно отнести ко всем русским и их потомкам, рассеянным по городам и весям стремительно меняющихся славянских земель, которым отдали свой труд русские люди, не забывавшие, кто они и откуда.

Завершая свой экскурс в «провинциальный» мир русской эмиграции, сразу подчеркну, если провинцией можно назвать небольшие города, то Люблян и Загреб к ней нельзя отнести. Соответственно, была и разница между жизнью в столице Югославии и в исторических столицах Словении и Хорватии по сравнению с устройением в небольших городках, зачастую «полусонных» в своей старине.

И, безусловно, большой город, его жизнь, была несравненно богаче, уже потому, что именно туда, предпочитали «попасть» русские беженцы/эмигранты, рассчитывая найти для себя благоприятные условия для работы, искусства... В небольших городках найти место, например, кинорежиссеру, было невозможно.

Есть и разница в количестве русских эмигрантов в больших городах и в небольших, местного значения. В одних могли жить сотни, тысячи, в других до десяти человек. Соответственно, здесь будет и отличие в образе жизни, а судьбах, в житии...

Одно можно считать константой: оставаться русским, помнить свой род, историю Родины,

и учить язык «нового Дома». И в то же время стремиться вжиться в атмосферу Сербии ли, Хорватии ли, Македонии ли... Стать, если можно, своим...

ТРИ ПРАЗДНИКА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Бессмертное счастье наше
Россией зовется в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.

Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твое жало,
чужбина, где сила твоя?
Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушенную думу,
за каждую песню о них.
Наш дом на чужбине случайно,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.

В. Набоков

Вся жизнь прошла, как на вокзале,
Толпа, сквозняк, нечистый пол.
А тот состав, что поджидали,
Так никогда и не пришел.
Уже крошиться стали шпалы,
Покрылись ржавчиной пути,
— Но я не ухожу с вокзала,
Мне больше некуда идти.
В углу скамьи под расписанием
Просроченным который год,
Я в безнадежном ожиданьи
Грызу последний бутерброд

Л. А. Девель

Эмиграция создала три праздника: День непримиримости (7 ноября), День русского просвещения (25 января) и День русской культуры (6 июня). Если с первой датой были споры: тут можно было вспомнить для порядка и февральскую революцию, «породившую» октябрь, и различное отношение к русскому самодержавию и Советам, выступавшим, бывало, преемниками царской России по защите рубежей Отечества, то с просвещением и культурой каких-либо расхождений не наблюдалось. Более того – оба праздника объединяла идея служения народу и здесь трудно провести какое-либо резкое разграничение этих феноменов, этих вечных спутников человечества. И в эмиграции суть культуры можно было обозначить через три великих слова: Бог, традиция и свободное творчество. Суть просвещения, как соподчиненного культуре феномена, заключалась в постулате: истинное просвещение должно соединять в себе умственное образование с нравственным.

Начну с Татьянина дня, праздника студенчества Московского университета. В эмиграции эта славная дата приобрела всеобъемлющий характер праздника русского просвещения. И для этого имелись все основания. За время революции и Гражданской войны за пределы «красной» России были «выброшены» сотни профессоров и преподавателей вместе со своими учениками. В разных странах русского рассеяния оказались десятки тысяч семейств, озабоченных получением или продолжением образования для своих детей. Судьба молодежи волновала практически всю эмиграцию, видевшую в ней строителей нового Отечества. Еще в разгаре гражданской войны, в мае 1920 г., Константинопольское совещание представителей правительственных и общественных организаций за рубежом под председательством генерала А. С. Лукомского возложило обязанности по организации школьного образования на Всероссийский союз городов, деятельность которого финансировалась правительством П. Н. Врангеля. Помощь оказывал и Американский Красный Крест. В дальнейшем свою лепту вносили другие организации и правительства стран русского рассеяния. В новых условиях первоочередная задача учителей состояла в том, чтобы дать своим подопечным образование, необходимое в бытии вдали от Родины и для жизни в будущей России, свободной от большевиков. При этом преподаватели были прямо заинтересованы в создании дающих им заработок учебных заведений.

В Королевство СХС прибыло около 6000 детей и молодежи, для них были основаны туберкулезные санатории, детские дома, детские сады, начальные школы, гимназии, амбулатории, студенческие общежития, открыты различные курсы для завершения образования или получения новых профессиональных навыков.

В частности, в Белграде при русском посольстве на рубеже 1930- гг. был открыт детский приют на 50 мест. Заведовал С. В. Крейтон. Находился под покровительством княгини Ольги Александровны²⁹².

С воспитателями, педагогами, остальным школьным персоналом в страну прибыли девичьи институты, кадетские корпуса. Первоначально они финансировались «Земгором»,

английскими и французскими благотворительными организациями Международного Красного креста, затем исключительно Государственной комиссией по защите интересов русских беженцев в Королевстве СХС. В школах, наряду с двумя иностранными языками шли уроки сербского языка, литературы, истории, географии Югославии.

Русские просвещенцы делали все от них зависящее, чтобы вырастить молодежь образованной и любящей свою Родину. 4 июля 1921 г. был основан Союз русских педагогов (Бульвар Освобождения, 8), объединявший несколько сот учителей, состоящих в подавляющем большинстве на сербской государственной службе, в основном по Министерству просвещения. В руководство Союза входили: председатель – чиновник министерства просвещения Королевства Владимир Игнатьевич Гринь, бывший инспектор Дедовщинского высшего начального училища Киевской губернии, первый заместитель — преподаватель Белградской государственной средней технической школы Иван Александрович Аносов, выпускник Харьковского технологического императора Александра III института, второй заместитель – Федор Федорович Балабанов, преподававший как и Гринь в том же училище, секретарь – чиновник министерства просвещения Королевства Николай Павлович Успенский, выпускник юридического факультета Варшавского университета²⁹³.

К середине 1925 г. на югославской земле действовало 17 школ с 2820 воспитанниками. Причем восемь школ, в которых училось 2240 детей, содержались полностью на государственный счет, остальные получали субсидии от королевских властей²⁹⁴. Педагогический персонал насчитывал сотни человек. Только школах [сербской Воеводины было около четырех сотен учителей²⁹⁵.

В октябре 1923 г. русские школы были подчинены в педагогическом отношении (программы, персонал) министерству народного просвещения. Все русские учебные заведения находились в ведении Государственной комиссии, осуществлявшей руководство через Учебный совет во главе с профессором Н. А. Пушиным.

Вначале «провинциальные картинки».

Хорватия. Загреб.

Русский детский дом. Там помимо обычной заботы о детях дошкольного и младшего возраста было «обучение детей русскому языку, обычаям и культуре». Такие детские дома работали во многих городах страны²⁹⁶.

Русская гимназия. Действовала с 1922 по 1927 гг. Учеников было немного, не большеи полусотни. Закрыта была по то ли по небольшому количеству учеников, то ли с трудностями размещения или по финансовым причинам²⁹⁷.

293 Русская эмиграция. Альманах. Указ. соч. С. 26–29.

294 Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. В 2 т. Београд, 1994. Т. I. С. 43–44.

295 Арсеньев А. Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011. С. 79–86.

296 Пушкадија-Рыбкина Т., Грубмайр И. Эмигранты из России в Загребе. С. 115.

297 Там же. С. 114.

Русская начальная школа. Информация о ней появляется, в основном, только после закрытия гимназии. Первые сведения датируются 1929 г. Была закрыта в 1932 г. В 1931 г. в ней обучалось 24 ребенка. Обучение шло на русском языке с дополнительными уроками хорватского языка²⁹⁸. Потом заботу о детях эмигрантов из России взяло на себя Общество стараний о нуждах русской средней и высшей школы, переименованное в 1938 г. в «Помощь русским детям, просветительское и благотворительное общество»²⁹⁹.

Большое число русских продолжали и в эмиграции учить сербов. И не только: в годы Второй мировой войны многие русские педагоги помогали Народно-освободительному движению во главе с Тито.

Причем учили, судя по служебным характеристикам, в своем большинстве, отлично. Так в официальном отзыве на учительницу из Банялуки Н. Г. Анциферову писалось, что любит свою профессию, работает безупречно, «тактична в применении дисциплинарных средств <...> Полностью владеет государственным языком». Подчеркивалось, что она поддерживала постоянный контакт с крестьянками и вела с ними беседы по ведению домашнего хозяйства и ручного труда. Однако это не спасло ее от увольнения в октября 1941 г. после подписания заявления о расовой принадлежности³⁰⁰.

Еще одно имя из этого города: Никифорова Мария Григорьевна (1897–?) (в девичестве Мизина). В 1923 г. стала учить детей в разных местах Королевства. С 23 августа 1938 г. до 30 ноября 1949 г. преподавала в г. Белая Церковь.

Вследствие того, что ее сыновья были некоторое время в армии Королевской Югославии, была уволена. Во время войны пережила арест. Была в концлагере в Бечкереке. После освобождения преподавала в начальной школе. Трудилась на курсах грамотности, в инвалидских центрах, курсах для великовозрастных детей (во многих селах во время войны школы были закрыты. После освобождения 15-летние дети не могли быть записаны в начальную школу по возрасту). Была дирижером хора Антифашистского фронта женщин (АФЖ) и пионерского хора. Состояла в певческом обществе «Братство». Преподавала в Народном университете³⁰¹.

В Скопле, ставшим в народной Югославии столицей Македонии, действовал философский факультет как филиал Белградского университета. Там также занимались преподавательской деятельностью историк, филолог, литературный критик П. М. Бицилли – введение в общую историю и историю историографии, историю античного времени, феодализм в Европе, историю нового времени, историю Франции и др., он же издал на сербском языке в 1923 г. «Введение во всемирную историю»; будущий член Сербской Академии наук и искусств, С. М. Кульбакин – старославянский язык и введение в славянскую филологию, Н. Л. Окунев – курс по древней истории и истории христианства. В. А. Мошин,

298 Там же. С. 116.

299 Там же. С. 117.

300 Мачкич З., Косик В. Указ. соч. С. 11.

301 Там же. С. 72–73.

византолог, палеограф, специалист по славянской археографии, который в 1942 г. принял сан. Известно, что в 1967–1979 гг. он занимался описанием кириллических рукописей в Государственном архиве Македонии, в 1971–1974 гг. – профессор филологического факультета тамошнего университета, в 1971 г. был избран членом-корреспондентом Македонской академии наук и искусств. Автор свыше 260 трудов по истории, археографии, дипломатике, эпиграфике южных славян, комментатор.

К этим именам можно добавить имена профессоров Е. В. Аничкова, А. К. Елачича, В. А. Розова.

В Субботице, другом филиале Белградского университета, студентов также учили русские профессора. Например, там читал лекции Г. В. Дёмченко, историк права, профессор юридического факультета. Некоторое время был его деканом.

Много лет куратором Государственного музея в Сараево был Дмитрий Николаевич Сергеевский, специалист по римским археологическим находкам на территории Боснии и Герцеговины. Автор ряда текстов о раскопках, например, в окрестностях Ливно, Зеницы, Рогатицы, Яйце, Шипово, на полях Гламоч и Ливно³⁰². Современный российский историк А. В. Колобов в своей статье «Дмитрий Сергеевский – исследователь античного прошлого Боснии и Герцеговины» об этом ученом пишет так: «Ученик профессоров европейского уровня: по классической филологии Ф. Ф. Зелинского и по античной археологии М. И. Ростовцева историко-филологического факультета Московского университета <...> полевой археограф, топограф, эпиграфист и нумизмат, в межвоенный период практически единственный сотрудник Отдела античной археологии Государственного музея в Сараево, — Сергеевский ездил по Боснии и Герцеговине, локализуя античные памятники и приобретая для музея новые экспонаты. Продолжая традиции археологической школы Н. П. Кондакова и М. И. Ростовцева, Сергеевский одним из первых в Югославии обратился к исследованию культурного наследия Боснии и Герцеговины периода античности. Он является виднейшей фигурой антиковедения в Югославии»³⁰³.

Там трудился и зоолог-энтомолог Сергей Алексеевич Берников, создавший Институт по борьбе с малярийными комарами³⁰⁴.

О русских в Боснии и Герцеговине, их многоцветном вкладе в науку, культуру, просвещение этого региона можно писать много, но это будет, в основном, дальнейшим повторением того, что исследовал и написал А. Б. Арсеньев.

В наиболее благоприятном положении по многим критериям была Первая Русско-Сербская гимназия в Белграде, открывшаяся в октябре 1920 г.

Перед учителями стояла сложная задача: не только дать знания, но и воспитать детей в православии, любви к Родине своих предков, к славянству. Они стремились не

302 *Arsenjev A. B.* Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М., 2011. С. 146.

303 Цит. по: *Arsenjev A. B.* Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине. С. 145.

304 Там же. С. 147.

допускать какого-либо разрыва между национальным воспитанием и воспитанием в православном духе. Уже само название учебного заведения свидетельствовало о стремлении ее отцов-основателей сделать все, чтобы гимназические выпускники, оставались русскими, не теряли чувства родины.

Состав был поначалу сложным: много переростков в старших классах – от 23 до 25-ти лет, пять процентов учащихся были нервнобольные (эпилептики, истерички и пр.), страдающие от последствий ранений, имелись и «бездомные» (у одних – родители остались в России, у других – потерялись во время эвакуации, у третьих – отчаянное материальное положение), для которых был создан первым директором гимназии Плетневым интернат в Топчидере³⁰⁵. Особенностью первых лет было и то, что «в старшие классы приходили юноши, украшенные знаками отличий из воинских русских частей, из рядов сербской стражи на пограничных горах, из рудников и с шоссейных работ. Все они сознательно хотели учиться, все имели большой и тяжелый жизненный опыт. Они первые дали гимназической работе тот характер серьезности и напряженности, который и ныне остается традицией гимназии <...> Рефераты и семинарские занятия стали естественной частью гимназического учебного плана»³⁰⁶. При этом «непреходящие ценности русского творчества» оставались «главным воспитательным материалом, под влиянием которого формировались души ее учащихся». И гимназия не отказывалась от знакомства своих питомцев «с творчеством тех русских людей, которые остались на родине и отражают в своих произведениях неумирающую душу родного русского народа»³⁰⁷.

И, пожалуй, основная задача русских водителей русских детей состояла, повторы, в сохранении в их душах образа Родины. Достаточно выразительно и в то же время профессионально об этом высказался И. М. Малинин, по прозвищу Иоанн Златоуст³⁰⁸, полученном им еще в России: «Наши дети живут либо в небольшой и замкнутой русской среде (в закрытых учебных заведениях), и потому неизбежно однообразной и относительно бедной по содержанию; или, оставаясь при родных, большую часть времени находятся под влиянием, хотя и родственной, но не родной все-таки стихии. Вместо прежнего нормального мощного и непрерывного воздействия родины, которое незаметно просачивалось в душу ребенка и большими и малыми путями, теперь имеют место лишь разрозненные и случайные влияния. Нетрудно заметить и результаты такого положения; они даже внешним образом сказываются на языке детей. В этом отношении мы вовсе лишены оживляющего действия народного языка. Наши дети знают лишь язык литературный (если и его знают), язык взрослых, или окружающих. Русские поговорки, пословицы, меткие народные словечки не вошли в их лексикон. Но есть и иные грозные опасности. Зрительные впечатления от родины заменить ничем нельзя. Русские картины природы, русские народные платья,

305 I Русско-Сербская гимназия 1920–1930. Белград, 1930. С. 16–17.

306 Там же. С. 5.

307 Там же. С. 6.

308 Гимназия в лицах. Кн. Первая. С. 126.

русская деревня, русский город, просто, наконец, русские лица, – все это неизвестно и, в качестве первых незабываемых детских впечатлений, останется неизвестным. А ведь именно тут-то и ложится глубокий фундамент будущей сознательной любви к родине. Перед нами стоит задача, если мы не хотим потерять наших детей для России, заменить все это недостающее каким-то, пусть искусственным, пусть недостаточным, но планомерным и настойчивым действием. Эту задачу должна взять на себя русская школа и, избавив ребенка от того безобразного переобременения, которое имело место до сих пор, научить его чувствовать себя русским и хотеть быть русским.

Но есть некоторые особенности нашей жизни в изгнании, которые осложняют, казалось бы, ясную задачу воспитания в национальном духе.

Есть педагогическая опасность в том, что в животворящее и бодрое чувство любви к родине вносится и нечто от политики.

Есть опасность в том, что преподаватели, склонные критически и отрицательно относиться к явлениям нашей прошлой исторической жизни, сообщать эти мысли своим умам, еще юным и не могущим в должной мере самостоятельно разобраться во всем сообщаемом. Есть возрасты, когда на первом плане должен быть расцвет и подъем тех или иных возвышенных чувств. И нельзя преждевременно вызывать критические мысли без непоправимого в дальнейшем угасания чувства. Нечего говорить уже о том, что при патриотическом настроении большей части нашей молодежи такой характер преподавания неизбежно будет производить оскорбительное впечатление на молодую душу, и, конечно, лишит школьные занятия того воспитательного значения, какое столь необходимо придать им.

Но есть и другая опасность, с другой стороны. Не умея отделить самые дорогие свои политические мечтания от чувства любви к родине, преподаватели настолько сливают их в своем изложении на уроках, во всех приемах воспитания национального чувства, что самое понятие родины исчезает за определенными политическими формами, даже порой за определенными именами и лицами, исчезает и подменяется ими³⁰⁹.

Остановлюсь несколько подробнее на нескольких именах учителей.

Владимир Дмитриевич Плетнев (1877–1954), полковник, преподавал в Александровской военно-юридической Академии и в Университете, и в др. местах³¹⁰. Еще в России во время преподавания (с 1905 г.) в Чугуевском юнкерском училище его считали, не без основания, человека левого или даже «розового»³¹¹. Февральскую революцию встретил с удовлетворением. В 1919 г. начал свой «бег» из красной России, чтобы в начале 1920 г. прибыть в Королевство сербов, хорватов и словенцев³¹².

309 Съезд-Совещание представителей Русских учебных заведений при Учебном Совете Державной Комиссии Королевства С.Х.С. по делам русских беженцев в Белграде 29 апр. – 3 мая 1924 г. Прага, 1924. С. 44–46.

310 Гимназия в лицах. Кн. Первая. С. 95.

311 Там же. С. 90.

312 Там же. 99–100.

Его главным детищем и стала упомянутая гимназия, куда подбирал преподавателей с прогрессивными взглядами, привлекал университетских преподавателей, крупных ученых³¹³.

Его знаменитый призыв «думайте!», «проникал во все уголки ученической жизни»: «кто не хотел думать добровольно, тех заставляли». «Гимназия – это мы и вы», – говорил он, обращаясь к своим питомцам: «процветание гимназии и ее авторитет зависит от вас самих, а потому относитесь со всей серьезностью к вашей работе»³¹⁴.

В опубликованной им в 1925 г. статье «Прва руско-српска гимназија у Београду (историјско-педагошки оглед)» он низал следующие строки: «В наших условиях школа обязана подготавливать учеников к максимальному напряжению для выявления этого гуманитарно-национального потенциала который русскому юноше даст возможность выдержать тяжелый бой за свою национальную самобытность и подготовить к борьбе за гуманизацию народного духа в России <...> Закрытие юридических факультетов, изуродование историко-филологических институтов полное игнорирование выращенного с большим трудом аппарата торгово-экономических знаний – это дело непосредственных наследников самодержавного режима»³¹⁵.

И еще, очень острое и провокационное утверждение: «Мы даем беспощадную оценку нашей бывшей интеллигенции, к сожалению, глубоко обдуманную, чтобы ее считать ошибочной; она повторяет мнение Чаадаева, содержащееся в его философическом письме. Там он видит основное свойство русского интеллигента: заниматься не своим основным делом»³¹⁶.

Вероятно фраза «бывшая интеллигенция» вызвала взрыв возмущения, если не больше.

И, тем не менее, его независимые взгляды и суждения привели к тому, что он прозвучал белой вороной в монархическом Белграде³¹⁷. Достаточно вспомнить его фразу, что «на территории Сербии нет Русских офицеров, а есть ТОЛЬКО БЕЖЕНЦЫ»³¹⁸.

В его гимназии размышляли о фигуре Петра Чаадаева, о славянофилах и западниках, о проблеме «России и Европы» у Николая Данилевского, Константина Леонтьева, об евразийстве, о книге Александра Салтыкова «Две России»³¹⁹. Пищи для ума было предостаточно, особенно учитывая «случай России», ее историю, настоящее и будущее.

Возвращаясь в тогдашнюю атмосферу, один из учеников вспоминал: «Пугали и возмущали мрачные “Письма” Чаадаева, его мысли о какой-то бессмысленности всей русской истории, о нашей оторванности от Запада, “силлогизм которого (будто бы) нам

313 Там же. С.103.

314 I Русско-Сербская гимназия. С. 37.

315 Гимназия в лицах. Кн. Первая. С. 101

316 Там же. С. 104.

317 Там же. С. 107.

318 Цит. по: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. С. 52.

319 I Русско-Сербская гимназия 1920–1930. С. 46.

неизвестен”; разделялись мнения – нужно ли нам идти с Европой, по зову западников, или мы этим путем лишь окончательно исказим свою “самобытность”, как учили славянофилы; привлекал Достоевский с его примирительными мыслями о том, что “у нас русских две родины: Россия и Европа”; а вместе с тем какой-то романтической прелестью веяло на нас от евразийского желания уйти прочь от Европы, на Восток, в Азию...»³²⁰

Травля политическими противниками, искавшими разные поводы от обвинений в стремлении внедрить реформу русского правописания до халатности в бухгалтерии – все это привело к тому, что в 1926 г. он подал в отставку. Уехал в Прагу и не возвращался больше в Белград³²¹.

Михаил Александрович Георгиевский (1888–1950) был сыном прачки и рабочего. Учился на «медные гроши». В 1913 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, на котором был оставлен как преподаватель-доцент (1913–1917 гг.). В 1918–1919 гг. был доцент Варшавского университета, эвакуированного в 1915 г. в Ростов-на-Дону. В конце 1919 г. МАГ, так по инициалам называли его в Национально-трудовом союзе нового поколения (НТСНП, сейчас НТС), прибыл в Королевство СХС.

(Сама организация «новопоколенцев» была создана в 1930 г. в Белграде. В ее программе были записаны положения, предусматривавшие ниспровержение коммунистической власти, как режима террора, произвола и нищеты, – возвращение стране исторического имени «Россия», защита территориальной целостности Российского государства, свобода и право населяющих его народов на национально-культурную самобытность, освобождение заключенных, установление свободы вероисповедания, политические свободы, законность, право на труд, свобода труда и равенство возможностей для всех граждан, утверждение права частной собственности, «оправданной трудом и ограниченной интересами нации и государства», создание строя, основанного на началах трудового солидаризма и делового сотрудничества, «недопущение» классовой борьбы³²².)

В столице Королевства Георгиевский стал преподавать древнееврейский язык на богословском факультете Белградского университета (1920–1929 гг.), латинский и русский языки, историю и философию в Первой русско-сербской гимназии в Белграде (1920–1939 гг.), был в числе основателей археологического общества в Королевстве (1921 г.), членом Русского научного общества в Белграде (1928 г.), исследователем памятников ассирийского законодательства и пионером в исследовании так называемого «Винчанского письма». На Втором съезде НТСНП в декабре 1931 г. в Белграде МАГ был избран генеральным секретарём Исполнительного бюро Совета союза. «Вторжение немцев в Югославию крайне осложнило положение Георгиевского. Каким-то образом, вероятно, от немецкого агента в среде русских белградцев, гестапо узнало о его враждебных гитлеровщине взглядах, –

320 Там же. С. 47.

321 Гимназия в лицах. Кн. Первая. С. 107.

322 Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 148.

писал в своей статье Р. В. Полчанинов. – После занятия Белграда немецкими войсками М. А. был вынужден скрываться у друзей в Сремской Митровице. Вернулся он в Земун после учреждения самостоятельной Хорватии, вассала Италии. Гестапо уважало эту самостоятельность, но посещать Белград он не мог, его арестовали бы и отправили бы в немецкий концлагерь». При приближении Красной армии он пытался уйти к друзьям в Венгрию, но в Батайнице был схвачен партизанами Тито и передан СМЕРШу»³²³ (Смерть шпионам).

На закрытом заседании в Москве 25 июня 1950 был приговорён к смертной казни и расстрелян 12 сентября 1950 г.

Иван Михайлович Малинин (1883–1961).

Получивший философское образование, занимавшийся психологией он преподавал в Одесском университете, читал лекции в других образовательных институциях, например, в консерватории, на высших женских курсах, а равно и публичные лекции. Обладал несомненным ораторским талантом. В его памяти, как он писал в своей автобиографии «отложилась лестная оценка моего красноречия, сделанная одним из моих слушателей на курсах, организованных Обществом распространения просвещения среди евреев г. Одессы, и сказанная публично в вагоне трамвая в присутствии случайно сидевшей там же матери. “Так он же дурак, этот Малинин, ему надо было пойти в адвокаты, он бы просто загребал золото”»³²⁴.

В октябре 1917 г. был назначен министром народного просвещения Временного правительства С. С. Салазкиным попечителем Одесского учебного округа. В эмиграции с 1920 г, где опять окунулся для себя привычную школьную сферу. Руководил ряд лет названной выше гимназией.

Он писал: «Здесь, в земле сербского народа, мы нашли особо благоприятные условия для устройства русской школы: благорасположенность хозяев страны и почти полную свободу действий для нас. И, тем не менее, тяжелы были первые шаги к осуществлению гимназии. Не просто было найти для этого немалые средства, трудно было отыскать легальный титул в законах, не знавших подобных школ... Нужен был человек неутомимой настойчивости, чтобы преодолеть бесчисленные большие и малые препятствия и трудности. И жизнь выдвинула его в лице Владимира Дмитриевича Плетнева. Человек живой мысли, упорный в осуществлении своих намерений, он целые дни, недели искал, просил, убеждал. Его ближайшим сотрудником, на которого пала тяжелая доля этой тяжелой работы, был Петр Иванович Рудченко, потом преподаватель русского языка и политической экономии; ему приходилось иметь дело с утомительными, мелкими, невыигрышными сторонами организуемого большого дела. Но их энергия оказалась бы бесплодной, если бы эту задачу не взял на себя в нужный момент Александр Иванович Белич, профессор Университета, секретарь Королевской Академии наук, ныне Председатель Государственной Комиссии

323

Полчанинов Р. В. Проф. М. А. Георгиевский // За свободную Россию. 2006. Июль. № 75.

324 Гимназия в лицах. Кн. Первая. С. 126–127.

по делам русских беженцев (Державной Комиссии), в то время член этой Комиссии. В прошлом связанный с русскими университетами, прекрасно говорящий по-русски, знающий Россию и русских, он оказал решительное влияние, и вопрос о гимназии получил благоприятное направление. Державная Комиссия, руководимая ее первым председателем, другом русских... профессором Белградского университета Любомиром Йовановичем, дала материальную возможность осуществления гимназии, и 15 октября 1920 года начался первый урок Первой русско-сербской гимназии в Белграде»³²⁵.

В связи с 15-летием гимназии в свой отчет Министерству народного просвещения за 1934/35 уч. год он включил небольшую статью. Несколько выдержек из нее: «Гимназия считает своей обязанностью развить в учениках любовь не только к прошлому своей родины, но и любовь к сегодняшней и будущей России, твердо веря в то, что наша родина, Россия, никогда не перестанет существовать»³²⁶. «Гимназия не смеет и не может быть обычным учебным заведением; в силу своего исключительного положения она обязана стоять выше и своим упорным трудом, своим неугасающим стремлением к достижению лучшего и большего должна оправдать те жертвы, которые для ее содержания терпит братский народ»³²⁷.

Слова о «жертвах, терпении и содержании» смотрятся вполне правдиво, для сербского начальства, если забыть о жертве России. Но бездумный «старший брат» учился быть смиренным дипломатом.

В 1942 г. он был уволен Начальником бюро русской эмиграции генералом В. В. Крейтером. по причине несходства взглядов на «современную постановку учебно-воспитательного дела» и прежней связи с М. А. Махиным, (глава Белградского представительства «Земгора», будущий генерал Югославской народной армии) выражавшейся в обмене традиционными поздравлениями³²⁸.

В новой народной Югославии в феврале 1948 г. принял, как и многие другие, советское гражданство. Сотрудничал в главных газетах страны «Борба» и «Политика». Занимался преподаванием русского языка в Белградском университете и на курсах при Сербской Академии наук³²⁹.

25 октября 1950 г. УДБА (Управление государственной безопасности) дало Малинину, вероятно как человеку публичному, образованному, задание «представить исторический очерк о русской эмиграции в Югославии». Отказаться он не мог по понятным причинам³³⁰.

Через 19 дней ему как советскому гражданину было предписано покинуть страну³³¹.

325 I Русско-Сербская гимназия 1920–1930. С. 2.

326 Гимназия в лицах. Кн. Первая. С. 118.

327 Там же. С. 119.

328 Там же. С. 130.

329 Там же. С. 132.

330 Там же.

331 Там же. С. 133.

Ссылка на заказ мало помогла. В начале 1951 г. опять допрос в УДБА: почему не принимает югославское гражданство? Выбора не было: либо принять, либо покинуть Югославию. 10 сентября того же года вместе с женой они были арестованы и высланы в Болгарию. В Пловдиве Малинин работал преподавателем русского языка в Педагогическом институте. С октября 1953 г. – преподаватель на кафедре иностранных языков при местном медицинском институте. 10 марта 1961 г. ушел из жизни³³².

Труды: «Спор Платона с софистами в диалогах», «Парменид» «Философские взгляды Чаадаева», «Проблемы эстетики в понимании неокантианцев». Особо выделю книгу «Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина. К вопросу о психологии бунта. Психоаналитический опыт» (Белград, 1934)³³³.

Какое странное исследование для учителя, не правда ли? А может быть и закономерное у тех, кто хотел понять и даже объяснить «возмущения» души!

Жена Вера Петровна (ур. Яворская; 1881–1968) заведовала с 20 июля по 1 октября 1920 г. русской школой и детским садом в Белграде. С 1 октября стала руководить русским реальным училищем и детским садом в Земуне. С 1 сентября 1939 г. по 1 сентября 1944 преподавала в Русской начальной школе в Белграде³³⁴.

Лев Михайлович Сухотин (1879–1948), историк, литературовед, деятель культуры. Выпускник знаменитой Поливановской гимназии. Блестяще закончил историко-филологический факультет Московского университета. Действительный член Общества истории и древностей Российских. Вместе с Львом Толстым участвовал в компании помощи голодающим, нередко бывал в Ясной Поляне³³⁵. (Отец Льва Михайловича был женат вторым браком на дочери Толстого Татьяне Львовне, которая приходилась таким образом мачехой Сухотину.) Участник Белого движения. Пристанище от большевиков нашел в Сербии. По предложению Плетнева занялся преподаванием в открываемой им гимназии³³⁶.

Автор многочисленных учебников и исследований по русской истории. С 1920 г. по 1930 г. трудился в смешанной гимназии. В 1931, (1930?) –1941 гг. был директором и преподавателем латыни и истории в Русско-сербской женской гимназии. Состоял членом многих объединений и сотрудником журналов.

Сухотин много сделал для устройства русских школ за рубежом. Им были написаны учебники История древнего мира, 1925, Учебник русской истории ч. 1 и 2. 1926-1927, История средних веков, 1929, История нового времени, 1931. Многие были переведены на сербский язык. И ежегодно переиздавались³³⁷.

332 Там же. С. 133–134.

333 Качаки J. Указ. соч. С. 170.

334 Гимназия в лицах. Кн. Первая. С. 135.

335 Там же. С. 136.

336 Там же. С. 137.

337 Там же. С. 137.

Был большой любитель русской поэзии. Издал за свой счет книгу «Любовь в русской лирике XIX в.» (Белград, 1927)³³⁸. Во время его директорства в школе действовали национальные объединения для средних и старших классов. Для старшекласниц читались лекции о русской культуре (профессор Б. Велихов), об Иннокентии Иркутском и Стефане Пермском (М. Георгиевский), о русской живописи до XIX в. (г-жа Л. Шрамченко) и др.³³⁹ Они учились великолепному русскому на спектаклях «Горе от ума», «Ревизор», «Бедность не порок», «Волки и овцы», «Гроза», «Дворянское гнездо», «Вишневы сад», на выступлениях Плевицкой, слушая духовные концерты хоров Кузьменко, Гринкова³⁴⁰. В его школе девицы учились мыслить в сочинениях на такие темы: «Самопожертвование и себялюбие», «Служение родине», «Как развить в себе силу воли», «Русская женщина», «Современные искания вождей человечества», «Жизнь есть непрерывное испытание», «Нужна ли нам русская школа»³⁴¹. Результат? Девочки в старших классах зачитывались «Толстоевским» (Толстым и Достоевским), при этом победу одерживал певец «всемирного духа». Из современных писателей – Дмитрием Мережковским³⁴².

Англофильство и леволиберальные взгляды послужили причиной его отставки летом 1941 г. Войну семья Сухотина прожила в Белграде. После ее окончания некоторое время давал уроки министру внутренних дел Александру Ранковичу, ближайшему соратнику Йосипа-Броз Тито. Это помогло ему выехать потом в Бельгию³⁴³.

Много ли это или мало, не так уж важно: главное – дать взойти в своей душе прекрасному, доброму, вечному. Каждый старался растить свой душевный цветник, учащие и учащиеся стремились создать атмосферу не музейной России, а живой, чтобы можно было сказать – «здесь Русью пахнет».

А все же, можно и нужно задаться вопросом, а какие мысли бродили в головах самих детей? И здесь будет, я думаю, уместно привести выдержку из воспоминаний выпускника философского факультета Белградского университета Н. М. Февра (1907–?), редактора знаменитого журнала «Бух!!!»: «...20 января 1920 года английский угольщик "Вотан", стоявший на одесском рейде, принял меня в свою неудобную утробу, для того чтобы сделать из меня политического эмигранта, в моем ученическом билете значилось, что я был кадетом Киевского Кадетского Корпуса и имел двенадцать с половиной лет отроду. Таким образом, в момент оставления мною родины, мое отношение к большевикам исчерпывалось лишь чувством благодарности за то, что они оторвали меня от скучной школьной парты и бросили на огромный английский корабль, который повезет меня не

338 Качаки J. Указ. соч. С. 254–255.

339 Руско-Српска женска гимназија у Београду. Извештај за школску 1934–5 г. Београд, 1935. С. 18–19.

340 Там же. С. 30.

341 Там же. С. 12.

342 Там же. С. 14.

343 Гимназия в лицах. Кн. Первая. С. 138.

то в Турцию, не то в Африку, и может быть даже в самую Америку, родину Всадника без головы, Кожаного чулка и Ястребиного когтя.

То обстоятельство, что корабль привез меня не в Америку, а на Балканы и забросил в недра Боснии, в течение всех лет, отданных средней школе, не изменило моего отношения к большевизму, тем более, что боснийские минареты, фески и чадры, до некоторой степени вознаграждали за отсутствие майн-ридовской экзотики.

Позже – университет и затянувшийся на несколько лет жестокий поединок с жизнью за право занять в ней какое-то место, тоже мало способствовали вдумчивому освоению того, что произошло на моей родине и выяснению собственной позиции в этом вопросе. А еще позже, читая советскую и эмигрантскую литературу о революции и гражданской войне, а равно советские и эмигрантские газеты, отражавшие, каждое по-своему, нынешнюю жизнь на родине, я одинаково не верил полностью ни тем, ни другим, предполагая, что правда находится где-то по середине <...>

Я был представителем того поколения русской эмиграции, которое выросло и сформировалось на чужбине. А это обстоятельство не могло не сказаться на нашем поколении. И оно сказалось по-разному. Молодое эмигрантское поколение, в общем, делилось на три неравные по количеству группы. Первая группа, к чести нашего поколения самая малочисленная, состояла из тех, кто совершенно отрекся от всего русского и растворился в новой среде, стараясь сделаться хорошим французом, немцем или сербом. Вторая, более значительная группа, двинулась по старым проторенным политическим тропам, пытаясь установить на них какие-то новые вехи, и варилась в эмигрантском соку, внося немного оживления в унылую сутолоку серых будней. И, наконец, третья, самая многочисленная группа, состояла из тех, кто не забыл, что он русский, но и не пристал ни к одной из эмигрантских группировок, не веря чужому опыту, в столь важном жизненном решении, как определение своего отношения к происходящему на его родине. Представители этой группы росли какими-то дичками на пестром эмигрантском поле, бессознательно ожидая какого-то своего момента, когда они сами, без посторонней помощи, смогут занять ту или иную позицию к происходящему на их родине. И, если бы в этот момент, они убедились, что большевизм хорош и необходим русскому народу, то так же легко стали бы его искренними сторонниками, как убедившись в противном, сделались бы его заклятыми врагами»³⁴⁴.

(В годы войны работал газете «Новое слово». Много внимания уделял «русской» теме. В частности, публиковал, сведения о «Большом терроре» в Красной армии)³⁴⁵.

Только одно замечание: в третью группу входили не только «дети», но и «отцы», принимавшие охотно после 1944 г. гражданство освободительницы и победительницы фашизма советской России.

344 Февр Н. «Солнце восходит на Западе» // «Кадетская переключка». (Нью-Йорк). 1980. № 25.

345 Сводка РОВС. № 20. 1941. 3 дек. Загреб // Архив автора.

Но это рассуждения уже взрослого человека, мужчины. А с какими чувствами выходили дети из стен гимназии? Пожалуй, лучше иных выкладок и «скучной прозы» прозвучит здесь стихотворение «Прощание со школой», прочитанное летом 1934 г. выпускницей Мариной Франк:

В последний раз мы в нашей милой школе,
Такой родной и памятной для нас,
И столько слез, и столько жгучей боли
В простых словах: «мы здесь в последний раз»...

Мы родились и все растем чужие,
Без родины, без светлых русских снов,
Не знаем радостей неведомой России,
Не знаем запаха своих родных лесов...

Но здесь, вот в этой милой-милой школе
Вошла любовь в открытые сердца.
Нас научили в нашей горькой доле
Россию ждать и верить до конца,

Что все пройдет, что мощь России вечна,
Что в мире нет прекраснее страны,
Что русский дух нам дорог бесконечно,
Что мы для Родины растем и рождены...

... Прощай же, школа – уголок России,
И наша церковка, и милый старый класс,
Прощайте все, нам близкие, родные,
Кто нас учил и так взлелеял нас...

В своей душе, во всех ее изгибах
Мы унесем с собой в огромный свет
Одно святое, детское «Спасибо».
Да сохранит Вас Бог на много, много лет³⁴⁶.

Потом для многих наступала пора студенчества. В середине 1920-х гг. в высших учебных заведениях обучалось 1407 русских (в Белграде 625, в Загребе 595, в Любляне 137, в Субботице 40, в Скопле 10). За период с 1918 г. по 1938 г. от общего числа студентов Техни-

346 Русский голос. 1934. 8 июля. С. 3.

ческого факультета Белградского университета 451 студент были из России. Тут же замечу, что с 1925 г. по 1941 г. получили дипломы врачей 166 девушек и юношей (около 10%)³⁴⁷.

Это цифры. Теперь немного о высшей школе.

И опять начну с Загреба, точнее, с тамошнего университета, одного из старейших в Европе. В 1923 г. Союз русских студентов «насчитывал 610 членов, из которых 67 были женщины <...> на юридическом факультете было 32, на философском – 75, медицинском – 102, сельскохозяйственном – 106, на 8 отделениях Политехникума – 184, в Экспортной академии – 113, а в Академии художеств и консерватории – 28 студентов»³⁴⁸.

Тогда же в Союз русских научных деятелей в Загребе, во главе которого стоял проф. Н. А. Пушкин, «входило 8 преподавателей и 12 доцентов и ассистентов»³⁴⁹. Из профессоров, пользующихся мировой известностью назову С. П. Тимошенко, оставивший воспоминания. В них он уделил особое место жилищным условиям: «... Будучи в курсе моей сложной ситуации, ректор предложил, в качестве временного варианта, поселиться в помещении, предназначенном для моей будущей лаборатории... Так можно было жить... А вот спать там было проблематично... Для матери и отца мы купили кровать, а дети спали на стульях. Десять стульев, связанные вместе веревкой, служили кроватью. Вместо матраса мы использовали мешки, набитые соломой. Так дети жили в течение всего нашего двухлетнего пребывания в Загребе...»³⁵⁰. Потом был отъезд в США.

Еще одно знаковое, но полузабытое, имя. В хорватской столице жил и работал ориенталист, профессор Философского факультета, кустос Ориентальной коллекции в Академии наук и искусств, собиратель арабских, персидских и турецких рукописей Алексей Акимович Олесницкий (1888–1973), сын известнейшего востоковеда А. А. Олесницкого. В 1922 г. обосновался вначале в Белграде, потом в Загребе. Владел несколькими европейскими и восточными языками. Его деятельность для развития югославянской ориенталистики неопенима. Среди опубликованных им работ было несколько студий о Косовском бое³⁵¹.

Наряду с университетом, в хорватской столице действовали Высшая Техническая школа, переросшая в 1926 г. в Технический факультет университета. За 1925 – 1960 гг. получили дипломы сыше сотни уже бывших студентов³⁵².

В открытой в 1907 г. Академии художеств, с 1921 г. по 1927 г., насчитывалось полтора десятка студентов. Судьбы их были различны. Одни получали известность, выставлялись, как братья Пастуховы, Головченко. Других ждала иная судьба. Так, Лидия Походзеева умерла от туберкулеза, Тумим (Тумина?) Нина по окончании учебы жила

347 Арсеньев А. Самовари у равнины. С. 215.

348 Пушкадия-Рыбкина Т., Грубмайр И. Указ. соч. С. 125.

349 Там же. С. 124–125.

350 Цит. по: Там же. С. 126.

351 Zdravlovic M. Aleksej Olesnicki i orijentalna zbirka jugoslovenske akademije znanosti I umjetnosti // Radovi arhiva jugoslovenske akademije znanosti I umjetnosti Sv. 2. S. 97–110. Zagreb. 1973.

352 Пушкадия-Рыбкина Т., Грубмайр И. Указ. соч. С. 132–136.

в Скопле, после Второй мировой войны некоторое время жила в Загребе, с начала 1949 г. по конец 1955 г. находилась в лагере «Голи оток», умерла в СССР³⁵³. Всего с 1922 г. в Загребском университете получило образование более 400 студентов³⁵⁴.

Если о гимназистах и гимназистках помнят стены Русского дома, то о русских студентах хранит память Белградский университет.

Многие его питомцы пришли на студенческую скамью уже имевшими за плечами Гражданскую войну, кадетские корпуса. Быть студентом в то время было тяжеловато. Но платилась стипендия в 400 динаров, немногим меньше заработка чернорабочего. Предоставлялось общежитие, правда, весьма мало напоминавшее жилье. Картинку барачков, предоставленных молодежи, на Делиградской улице вблизи всем белградцам знакомой гостиницы «Славия» спишу из воспоминаний А. Росселевича: это были постройки «с прогнившим полом, двери были поломаны, окна без стекол, крыша с большими дырами <...> Под полом были крысы и масса тараканов». Правда, к весне 1922 г. бараки снесли и студентов переселили в более приемлемое для жилья строение³⁵⁵.

Для русских студентов были устроены четыре общежития примерно на 300 коек, имелись столовая, амбулатория³⁵⁶.

К 1925 г. в Белграде действовало и три женских студенческих общежития, а также два смешанных, где жили и не студентки. Первые три субсидировались Державной комиссией, а последние действовали на деньги самих проживавших и с помощью Клавдии Андреевны Адамовой, «попечительницы и создательницы всех женских общежитий в Белграде». При общежитиях была и своя кухня, где за 200 динаров студентки, которым платили стипендию, могли питаться³⁵⁷. Кроме удачливых «студизусов», получавших стипендии, в университете училось, не получая никакой помощи, еще около 300 человек³⁵⁸.

Был и свой Союз русских студентов, начавший свою деятельность 28 февраля 1921 г. В 1925 г. в нем состояло 470 человек: на техническом факультете – 180, философском – 100, медицинском и агрономическом – по 80 на каждом, богословском – 20, юридическом – 10. Все они занимались еще и в своих кружках по специальности для более прочного усвоения знаний, получаемых на лекциях³⁵⁹. Но путь к образованию у некоторых был тяжел: сказывался недостаток знаний, да и перерыв на революции и гражданскую войну давал о себе знать. Соответственно, у таких студентов были «хвосты» и, как следствие, лишение некоторых льгот, положенных успевающим их сокурсникам. Сложившаяся ситуация стала причиной появления в 1923 г. любопытного воззвания к «Русскому студенчеству

353 Там же. С. 137.

354 Там же. С. 137.

355 Росселевич А. Первые студенты // «Кадетская переключка». 1973. № 6.

356 Наше будущее. 1925. № 1 (11). Белград.

357 Там же. С. 21.

358 Там же. С. 18.

359 Там же..

Белграда». Его суть видна из сохранившегося в Государственном архиве РФ (ГА РФ) ответа на него студента Ростислава Павловского, писавшего: «... Вы протестуете против того, что не занимающиеся и не учащиеся студенты лишаются права пользоваться столовой, библиотекой, кассой взаимопомощи, общежитием и т. п. и забываете основное положение государства, Вас приютившего и на средства которого Вы здесь живете (ибо никто из Вас не отказывается от стипендии, выдаваемой Державной Комиссией) и благотворительных организаций Вам помогающих – давать это право только студентам, удовлетворяющим академическим требованиям. Вы оказываете медвежью услугу неимущему, наиболее нуждающемуся русскому студенчеству, отстаивая безответственную, безымянную группу лиц, стесненных вопросом о сдаче учебного минимума»³⁶⁰.

Здесь интересен не закономерный финал этой истории, а то, что известная в царской России студенческая взаимопомощь в новых условиях давала сбой. На первое место ставилась учеба для той же будущей России, о которой так мечтала молодежь.

Немного цифр. В 1928/29 учебном году получили высшее образование 1 409 человек, в 1929/30 – 1 263, в 1930/31 – 1 216, в 1931/32 – 1 086, в 1932/33 – 832, в 1933/34 – 702, в 1934/35 – 607, в 1935/36 – 512, в 1936/37 – 520, в 1937/38 учебном году – 517³⁶¹.

Теперь коротко о распределении по факультетам за предвоенные 1937/1938 годы: на юридическом обучалось 65 студентов, на философском – 93, на медицинском – 52, на техническом – 200, сельскохозяйственном и лесном – 38, богословском – традиционные 20, ветеринарном – 19, экономически-коммерческом – 17, в музыкальной академии – 10, в академии искусств – 3 учащихся³⁶².

При этом надо добавить, что для выпускников кадетских корпусов имелись ограничения. В 1921 г. их не принимали на агрономический факультет, а на технический – вообще никого из русских. Русская молодежь могла быть зачислена на философский, физико-математический факультеты, химическое отделение, и только через год можно было перейти на технический или агрономический факультеты³⁶³.

И здесь, видимо, ничего не могла сделать и Державная комиссия, прозванная в студенческой среде грозным именем «Чека»³⁶⁴.

Запрет можно объяснить массовым наплывом именно на эти факультеты, и сербы, замедляя поступление туда, возможно по причине национального протекционизма, предполагали, что определенная часть студентов в течение года отсеется вообще, а другая часть задержится на том же философском. На техническом факультете «двери» были открыты позднее.

360 ГА РФ. Ф. 6795. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

361 Военный журналист. (Белград). 1939. 1 нояб.

362 Там же.

363 Росселевич А. Указ. соч. С. 13.

364 Там же.

И, тем не менее, в университет текла русская река из желавших учиться. От руководства, судя по опросным листкам Союза русских студентов, они просили немного: кто-то ботинки, кто книги и учебные пособия, кто общежитие, кто моральную и материальную помощь³⁶⁵.

Среди студентов были и полковники и даже один генерал-майор, а офицеров низших чинов было несть числа³⁶⁶.

Особенно было много галлиполийцев. В сентябре 1922 г. с албанской границы Королевства прибыла в Белград для поступления в университет первая значительная партия галлиполийцев (35–40 человек), образовавшая «Группу студентов-галлиполийцев при Белградском университете», председателем которой был полковник Лихачев. Вначале они ютились на чердаке одного из студенческих общежитий, потом при поддержке правления Белградского студенческого союза могли занять две комнаты в старой казарме на Неманьиной улице. В ноябре 1923 г. прибыла новая партия студентов-галлиполийцев. К 1924 г. их было уже около 200 человек, из которых на техническом факультете училось 85 человек, на философском – 31, на медицинском – 14, на юридическом – 9, на агрономическом – 36, и на богословском – 1 человек. Все они мечтали вернуться в дорогую Россию «полезными и деятельными работниками и, чтобы поскорее восстановить измученное отечество, вернуть ему былую мощь и славу»³⁶⁷. Но жизнь судила иначе. И у многих она напоминала авантюрный роман.

Здесь можно назвать Ольгу Николаевну Кабанову (1898–1985), внучку профессора медицины. В мировую войну, подобно кавалерист-девице Надежде Дуровой, под именем Олега Кабанова пошла на фронт, воевала, была ранена. Награждена за проявленную доблесть Георгиевским крестом. Воевала и в Гражданскую войну. В эмиграции, обосновавшись в Королевстве СХС под именем Олега, училась на медицинском факультете. В середине 1920-х годов открылась своему другу П. Н. Завадскому, вышла за него замуж. Впоследствии оба стали специалистами, известными в Югославии людьми. Можно назвать еще и врача-отоларинголога из донских казаков – Александра Васильевича Дьякова, окончившего в 1926 г. медицинский факультет и работавшего в Российском обществе Красного Креста в Панчево.

Не могу не сказать и об академике Сербской Академии наук и искусств Константине Петровиче Воронце (1902–1974). Питомец Белградского университета (1921–1925 гг.) он зарабатывал в студенческие годы тем, что дробил камень для укладки Авальского шоссе, разносил воду для жителей городских районов Сеньяка и Топчидера. Потом, уже после окончания университета, он пробовал себя и жизнь проверяла его на разных местах. Вначале была работа преподавателем математики в гимназии в провинциальном Крушевце,

365 ГА РФ. Ф. 6795. Оп. 1. Д. 25. Л. 8, 19, 20, 25.

366 Росселевич А. Указ. соч. С. 16.

367 Вестник правления об-ва галлиполийцев. (Белград). 1924. 27 апр.

потом, в 1931 г., уехал в Париж, где по рекомендации знаменитого Дмитрия Рябушинского, стал трудиться в технической дирекции министерства воздухоплавания, в Институте механики флюида. Именно с этой научной областью К. П. Воронец свяжет в дальнейшем свою научную деятельность, принесшую ему мировую известность. В 1935 г. он защитил в Парижском университете докторскую диссертацию и возвратился из охваченной экономическим кризисом Европы в Белград. Но в университете места для него не нашлось, и он стал работать в страховом обществе «Феникс», руководителем математического отделения. Только после войны он смог заняться вплотную наукой, будучи зачисленным в штат университета, где к тому времени прошла «чистка» ученых, не внушавших доверия новой власти. В 1947 г. он стал и сотрудником академического Математического института. Свой вклад он внес и в основание и развитие югославского Общества механики. Стремительный взлет в науке был отмечен избранием в 1958 г. в академики. Учебники профессора Воронца, его научные труды продолжают служить студентам, специалистам. К этой «справке» добавлю, что он был любим студентами, к которым не придирался на экзаменах, всегда помогал тем, кто обращался к нему за консультацией, даже в тех областях, которые не входили в сферу его научных интересов, умея «приоткрыть дверь» для нахождения правильного решения. Был блестящим игроком в бридж и в шахматы, играя на четвертой доске в составе университетской команды³⁶⁸.

Кроме Константина Петровича, в состав академии вошли: филолог-славист С. М. Кульбакин (1925 г.), математик А. Д. Билимович (1926 г.), геолог В. Д. Ласкарев (1932 г.), правовед Ф. В. Тарановский (1932 г.), математик Н. Н. Салтыков (1934 г.), правовед Е. В. Спекторский (1934 г.). С 1946 г. по 1948 г. к названным ученым присоединились химик Н. А. Пушин, инженер-механик В. М. Фармаковский, византолог Г. А. Острогорский. В 1955 г. туда избран Я. М. Хлытчичев. В 1986 г. – славистка И. Г. Грицкат-Радулович. Многие из названных здесь подробнее рассмотрены в моей книге «Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки и русской эмиграции в Белграде 1920–1950-е годы» (М., 2007).

Заслуживают здесь внимания и строки профессора Юлия Николаевича Вагнера, будущего основателя Энтомологического института при сельскохозяйственном факультете. В письме к М. Н. Римскому-Корсакову (2 февраля 1922) он писал: «Жизнь здесь в смысле внешности вполне нормальная – как у нас в давнее время. Мне моего заработка вполне хватает. Кроме того, я еще преподаю в гимназии. Вообще, в материальном отношении ни в чем не нуждаюсь и могу даже помогать другим. Хуже обстоит дело с духовною пищей. Страна мало культурная. Хороших библиотек нет, и решительно все для научной работы <...> надо выписывать из-за границы. Необходимая научная литература совершенно отсутствует <...> Одним словом, положение плохое, как было у нас в начале шестидесятых

368 Сальников В., Ђорђевић В. Константин Петрович Вороњец (1902–1974). Отисак из публикације «Живот и дела српских научника, 7 (Српска академија наука и уметности, Биографије и библиографије. Књ. VII, II одељење књ. 7)». Београд, 2001.

годов XIX в. Считаю, что наш долг не уезжать отсюда, пока не оставим стране нужных учебников и других необходимых руководств по своей специальности. Это надо сделать, хотя бы за оказанное нам гостеприимство»³⁶⁹. Эти строки несколько диссонируют с другими воспоминаниями, но так было.

И немного о «погоде от русского». Всеизвестным метеорологом-любителем был Кольчицкий Борис (1900–1989). Еще в подростковом возрасте интересовался погодой, климатом. Однако в Белградский университет он поступил на технический факультет, потом трудился в Министерство путей сообщения, в отделение водного транспорта. Работал сотрудником метеорологических станций и Астрономической обсерватории в столице. Его прогнозы, публиковавшиеся в центральной прессе, были достовернее расчетов профессиональных метеорологов. Недаром, что сам бессменный правитель Югославии Йосип Броз Тито начинал чтение самой авторитетной и массовой газеты «Политика» с прогнозов «руса» Кольчицкого³⁷⁰.

Среди русских выпускников были и такие, которые получили известность в иных сферах, отличных от полученной специальности. Так, к примеру, в университете слушал лекции потомок по материнской линии пиита и воспитателя Александра Благословенного, Василия Жуковского и родственник по отцовской линии братьев Киреевских Михаил Дмитриевич Каратеев (1904–1978) - прошедший Гражданскую войну, трижды раненый, отмеченный Георгиевским крестом. В Королевстве закончил в 1921 г. Крымский кадетский корпус, потом, уже в Болгарии, Сергиевское артиллерийское училище. В 1924 г. стал студентом Белградского университета. Завершил образование в 1933 г., находясь в Бельгии. Защитил диссертацию, получив ученую степень доктора химических наук. Был командиром роты на русских военно-училищных курсах, созданных по инициативе Врангеля. Произведен в чин штабс-капитана. Потом в числе первых переселенцев уехал в Южную Америку, куда перенаселенная русскими Европа «сплавляла» «лишних людей». Там обосновался в Уругвае, стал известен своими историческими романами из серии «Русь и Орда», а также романами из жизни эмиграции на Балканах и в Парагвае³⁷¹.

Не все могли стать студентами университета. А «выбиться в люди», иметь хорошую и надежную специальность, получать приличные деньги хотелось всем. И спрос рождал предложение. 16 марта 1922 г. в здании Белградской мужской гимназии по улице Пуанкаре открылся возглавляемый А. К. Имшенецким Русский высший коммерческий институт, работавший по программе Белградской торговой академии и находившийся под покровительством министерства торговли и промышленности. Большинство его студентов (около ста человек) составляли бывшие офицеры, решившие пойти в торговлю в надежде

369 Гимназия в лицах. Кн. Первая. С. 154.

370 Там же. Кн. Вторая. С. 175.

371 Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001. В 6-ти томах. / Сост. В. Н. Чуваков. М., 2001. Т. 3. С. 195.

на быстрое обогащение³⁷². Оправдывались эти ожидания далеко не всегда: «лавочки» открывались, бывало, на несколько дней, чтобы прогореть и оставить хозяина на мели.

Также многие офицеры предпочитали торговле овладение техническими специальностями на появившихся в 1921 г. различных курсах. Полученные там знания давали возможность найти неплохой заработок. Одновременно курсы позволяли «подготовить для будущей России кадр технических работников, нужда в каковых будет огромна, когда Россия начнет возрождаться»³⁷³.

К 1924 г. только в Белграде работали курсы педагогические, домостроительных десятников, высшие коммерческие, межевые - последние пользовались наибольшей популярностью, так как позволяли легко найти уважаемую крестьянами работу. Правда, свободный поначалу прием на курсы потом был ограничен по возрасту - не выше 35 лет к моменту поступления - так как успеваемость студентов старше указанного возраста резко падала. Насколько были тяжелы материальные условия великовозрастных студентов, можно судить по тому факту, что учащиеся одного из курсов установили «очередь на хождение на похороны в качестве факельщиков, т. к. такой заработок считался завидно легким»³⁷⁴.

Все это относилось к тем, кто начинал работу на благо Королевства, которое давало им и заработок, в основном за пределами Белграда.

Теперь о тех, кто свою деятельность связал с журналистикой, издательским делом, писательством для своих соотечественников.

Первую, как и последнюю книгу, установить трудно, но одну упомянуть необходимо. Это посмертная книга стихов поэтессы Елены Велимирович «Несжатая полоса», которую в 1956 г. издал ее отец М. Велимирович. Дочка учившегося в России сербского студента и воспитанная в русском духе прибыла в Сербию в общем потоке беженцев вместе с семьей через Китай. И само название книги символично для русской эмиграции в Югославии с очередным исходом из нее после Второй мировой войны³⁷⁵.

Печатное дело. Здесь было занято свыше двухсот различных организаций. Перечислю тех, которые входили в первую десятку по печатанию в Белграде неперIODических изданий: Русский научный институт, Белград, 1920–1941, 116 названий; Издательская комиссия Русского культурного комитета (РКК), Белград, 1928–1936, 56; Краевой союз русского сокольства в Королевстве СХС (Югославии), Белград, 1926–1939, 43; Русская охранная группа в Сербии, Белград, 1942, 42; Национально-трудовой союз нового поколения, Белград, 1935–1940, 31; Русское археологическое общество в Королевстве СХС (Югославия), Белград, 1921–1940, 29; издательство «Святослав» Михаила Григорьевича Ковалева, г. Сремская Митровица, Новый Сад, Белград, 1921–1938, 22; газета «Новое

372 Новое время. 1922. 24 марта.

373 Съезд-Совещание представителей Русских учебных заведений. С. 51–52.

374 Там же. С. 52–55.

375 Качаки J. Указ. соч. С. 21.

время» М. А. Суворина (бывший главный редактор одноименной петербургской газеты), Белград, 1921–1930, 16 названий³⁷⁶.

Добавлю, что Издательская комиссия выпустила три серии книг: Русская библиотека – книги современных и известных русских писателей эмигрантов (40 выпусков); Детская библиотека – в основном иллюстрированные сказки (9 выпусков); Библиотека для юношества – вышли только две книги³⁷⁷. Благодаря помощи РКК издательская комиссия работала над изданием «произведений наиболее известных русских писателей, дабы русское подрастающее поколение могло получить добрую и хорошую книгу, по возможности дешевую, которая содействовала бы заложению в русской молодежи здоровых национальных, моральных и чисто человеческих начал». При этом не ставился вопрос прибыли³⁷⁸, т. е. отсутствовала та коммерциализация, которая больше занимается чтивом, а не чтением. Успешно продвигалась работа по организации издательской деятельности. Напечатан сборник изумительных по своей свежести и оригинальности сербских народных песен, опубликовано несколько выпусков русских сказок. Довольно быстро были изданы произведения таких знаменитостей, как Д. И. Мережковский, Е. Н. Чириков, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцев, А. В. Амфитеатров, А. И. Куприн, И. С. Шмелев, А. М. Ремизов, И. А. Бунин. В их числе был и К. Д. Бальмонт.

Видимо, издатели в монархически-военном Белграде не были осведомлены о таких стихотворениях последнего, как «Наш Царь – Мукден, наш Царь – Цусима», «Царь – ложь», «Русскому офицеру»³⁷⁹ со строками, чтение которых было способно взбесить тех, кто носил военный мундир, почитал себя защитником самодержавия.

В 1932–1934 гг. в Белграде были, например, изданы лекции Высших научных курсов современной полицейской техники (директор – прокурор Окружного суда Н. Н. Бородин). Несколько названий: Т. П. Гусев «Правила организации уголовного розыска и техника исследования преступлений. Руководство для чинов Общей, сыскной и жандармской полиции»; Н. В. Краинский «Краткий курс лекций по социальной и криминальной психологии и психопатологии»; М. И. Рябинин «Тюрьмоведение»; полковник Т. П. Самохвалов «Организация политического розыска, техника допроса и расследования преступлений»; ген. штаба полковник В. И. Сербин «Тактика уличного боя, локализация противоправительственных выступлений, защита города, местечка, мостов, форсирование дефиле и переправ»; полковник М. Д. Феличкин «Схема инструкций политического розыска»³⁸⁰. Возможно, такая «литература» пользовалась определенным спросом в компетентных кругах.

Жизнь в славянской стране требовала и знания языка. В 1921 г. в Мостаре вышла книга С. Владова Самоучитель сербского языка. В 4-х частях. (Грамматика, разговоры с

376 Там же. С. 23.

377 Там же. С. 25.

378 Русский Дом имени императора Николая II. Белград. 1933. С. 18.

379 Российский государственный архив литературы и искусства (Далее – РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 3. Д. 327. Л. 1.

380 Качаки J. Указю соч. С. 104–105.

добавлением образцов писем, прошений и проч. Русско-Сербский и Сербско-Русский словари)»³⁸¹. Сергей К. и Вадим С. издали «Разговорник – Сербский язык для русских (Необходимые в обиходе слова и выражения). С кратким словарем. Белград, 1920. Издатель: Всероссийское Общество повсеместной помощи жертвам гражданской войны и террора»³⁸².

Дальше. В первой десятке типографий по количеству названий изданных книг были и белградские, например, «Русская типография», Белград, 1923–1937, 102 названия; «Светлост», Белград, 1933–1941, 49; «Меркур», Белград, 1921–1941, 48; «Слово» Попова и Большакова, Белград, 1928–1940, 30; «Орао», Белград, 1926–1938, 24; «Уметност» М. Г. Ковалева и К., Белград, 1923–1932, 16³⁸³.

Наиболее печатаемыми, а следовательно и читаемыми белградцами, авторами были: глава РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий) (35 названий), второе место занимал М. С. Аркадьев (наст. имя Михаил Аркадьевич Сопочко-Сырокомля) (ок. 1869–1938), «врач–миссионер и натуралист, подпоручик артиллерии и проповедник единой Святой Соборной Апостольской Церкви», 29 названий. За свой счет печатал в основном религиозные и моралистические памфлеты. Вел постоянную полемику с Церковью, штабом Добровольческой армии и эмигрантскими вождями. Всю зарплату врача тратил на публикацию своих творений. Был организатором и главой Братства семи св. Архангелов, состоящим, очевидно, только из одного человека – самого Аркадьева. Писал хлестко, необычно, что видно из такого названия, как «Гибель Володьки Ленина и предстоящая гибель Лейбы Троцкого, Зиновьева и Дзержинского. Опыт уничтожения Духовной Силой на расстоянии» (Сремские Карловцы, 1923). На третьем месте Николай Васильевич Краинский (1869–1951), 20 названий за 1929–1940 гг. Преподаватель Киевского университета. Стал вначале профессором Загребского, потом Белградского университета. Психиатр, интересовался математикой, физикой. По политическим взглядам – монархист и антикоммунист³⁸⁴. Свои убеждения мог и умел талантливо и со вкусом отстаивать. Автор глубоко трагичной книги «Без будущего» о революции, ее жертвах. Часто вызывал раздражение у студентов-коммунистов на юридическом факультете Белградского университета. Они даже организовали забастовку, требуя его увольнения, но она, как и следовало ожидать, была безрезультатной. В первые месяцы оккупации был активен в Русском бюро (немецком марионеточном комитете русских беженцев), но быстро отошел. Всю оккупацию провел в изоляции. В сентябре 1944 г. вместе с другими уехал в Германию. Потом было возвращение в Россию³⁸⁵.

Всего в Белграде издавалось на русском языке около сотни разнообразных газет, журналов и иных информационных материалов. Примечательно, что около трети в своих

381 Там же. С. 100.

382 Там же. С. 235.

383 Там же. С. 27.

384 Там же. С. 31.

385 Там же. С. 32.

названиях имело слово «русский». Назову здесь только некоторые газеты, которые не потеряли своего значения для современных историков. «Луч» – орган монархистов, ценен своими портретами членов императорской семьи, иерархов Церкви, политических деятелей в эмиграции, приближенных к Двору в изгнании. «Голос верноподданного», издававшийся графом Ю. П. Граббе, содержит интереснейшие материалы по истории церковной смуты в РПЦ. «Партизан» или «Усташа», «независимый национально-политический и информативный орган», выходявший в 1930-х годах «по мере надобности и наличия материальных средств». Интересен был своими «взрывчатыми» материалами в связи с защитой русского имени, раскрытием советских агентов, критикой деятельности церковнослужителей и пр. В нем хорошо был представлен глава и организатор Русского народного ополчения М. Ф. Скородумов, личность честная, открытая, его прямота нередко приводила к скандалам в «благородном эмигрантском семействе». Сюда добавлю издаваемое сыном знаменитого А. С. Суворина М. А. Сувориным «Новое время», читатель которого всегда мог найти для себя интересные сведения по международной проблематике, жизни в СССР, новостям эмиграции, информацию о событиях в Королевстве, отлично был представлен раздел культуры. Добавлю, что печатавшийся в газете публицист В. Х. Даватц характеризовал ее как «национальная, консервативная, но не черносотенная», типа парижского «Возрождения»³⁸⁶.

По моему мнению, это была самая интересная газета, рассчитанная на широкий круг читателей, в основном из интеллигентской среды. Она издавалась примерно десять лет, что представляет собой своеобразный рекорд, так как многие из-за недостатка средств закрывались весьма быстро, не принеся ни дохода издателю, не успев завоевать читателя. Та же скудость средств заставляла М. А. Суворина искать деньги везде, в частности, в июле 1926 г. газета получила солидную субсидию на девять месяцев от получившего еще до революции всеславянскую известность русофила К. П. Крамаржа³⁸⁷.

«Новое время» было известна всему русскому зарубежью: его читали в Риге и в Риме, в Париже и Софии, в Африке и в Америке. Как и всякая уважающая себя газета она имела и врагов. В архиве газеты есть открытка с весьма грубыми выражениями в адрес редактора и его сотрудников³⁸⁸, но гораздо больше писем от тех, кто хотел сотрудничать, верил газете.

Отдельно отмечу и «Русский стяг» – орган «железного союза долга и чести», издававшийся в 1920-х гг. Его основателем и редактором был известный всем монархистам С. С. Бехтеев.

Название газеты, ее «направление», ее задача, ее суть выражены им отчетливо в одноименном стихотворении, посвященном Владимиру Востокову, духовнику и проповеднику корпуса Императорской армии и флота:

386 Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 438.

387 Там же. С. 438.

388 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 319. Л. 41.

Поднят стяг над воинством Христовым
Как монахи в сумерках, постом,
Мы идем по торжищам терновым,
Осененные хоругвями с крестом.
Всюду нас встречают лица злые,
Искаженные от ярости уста,
Нас не много, но и в дни былые
Не двенадцать ли их было у Христа?
Не двенадцать ли пришли к Нему на пир?
Не двенадцать ли о Нем повествовали?
И любовью победили мир?
Пусть же зло кружит за нашим шагом,
Пусть толпа глумится над Христом,
Мы идем под старым русским стягом,
Озаренные сверкающим Крестом.
Не страшат нас ненависть и злоба,
Ни угрозы мщенья и обид,
Ни лишенья, ни безмолвье гроба,
Где страданье непробудно спит.
Что нам козни рабского навета
Подлый друг и вероломный враг,
Наше сердце верою согрето,
С нами правда, с нами Божий Стяг!³⁸⁹

Имя С. С. Бехтеева связано и с известнейшим стихотворением «Молитва», посланным в Тобольск в октябре 1917 г. великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне.

Вот оно:
Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепости нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кроткостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженье
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной,
В невыносимый, смертный час...

И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов³⁹⁰.

Его трогающие душу стихи переписывались, заучились наизусть, читались с высоких трибун, слушались в домашнем кругу. Позволю себе привести еще один из таких «стонов русской души»:

Конец русской былины

То не ветер в поле стонет,
То не вьюга горько плачет:
То народ себя хоронит.
Горе пляшет, горе скачет.

В грустном гуле перезвонов
В даль несутся панихиды
Бесконечных русских стонов,
Полных скорби и обиды.

Пала Старшая Держава!
Пал Орел мечты славянской!
Пали наши честь и слава –
Вера Церкви Христианской.

Блещут стаи волн Босфора;
Блещет месяц на Софии;
Но в Стамбуле дверь собора
Вновь закрыта для России.

В грязь затоптан бархат стягов;
В поле сечи – смолкли тризны;
И... опять мы ждем варягов
Для измученной отчизны³⁹¹.

От «Русского стяга» перейду к поэтическому «Старому времени» с его милыми русскому сердцу историческими анекдотами, афоризмами, ежемесячным церковным календарем и другими «мелочами» из старого доброго времени. Читатель в нем почти всегда мог найти вкладыш с нотами и текстом русских песен, романсов, цыганских песенок, арий из опер, например, «Соловья», «Помолись, милый друг, за меня», «Варяжскую балладу» из «Рогнеды», «Хор девушек» из «Псковитянки», «Как хороши те очи».

Любитель поэзии всегда мог надеяться на встречу со стихами Елизаветы Журавской, изумительной поэтессы Белграда. Я не удержусь, чтобы не привести здесь два ее грустно-чистых стихотворения:

Милый Сон-Чародей

Милый Сон-Чародей,
Обними, пожалей,
В свой чертог золотой
Уведи, успокой.
Пусть мгновенье одно
Лишь мне будет дано,
Чтоб забыть, улететь,
Обмануть, умереть!
В царство сказок и грез
От страданий и слез
Защити, отогрей,
Приласкай горячей!
Ты раскинь жемчуга
По узорной парче
И раздвинь берега
Темной жизни душе,
Пусть забвеньем полна
Вся утонет она
В твоих ясных лучах,
В твоих зыбких волнах,
Светом ярких огней

391 Там же. С. 40.

Ты зажгися скорей,
Обними, пожалей
Милый Сон-Чародей!³⁹²

О Русь моя!
В гоненьях, нищая в заплатах,
Стеная от кровавых слез,
В поту, в пыли, в руках Пилатов,
О Русь моя! Где твой Христос?
Твой Кремль седой – жилище Хама,
Символ проклятья и стыда,
Там багровеет пентаграмма –
Пятиконечная звезда.
Твои поля молчат уныло,
Бесплодны от кровавых рос,
О Русь моя! Где твоя сила?
О Русь моя! Где твой Христос?
Услышь! Проснись! Еще не поздно!
И, содрогнув небесный свод,
Скажи им всем, скажи им грозно:
«Настал мой час и Вождь идет!»
И сгинет жуткая година,
И ты увидишь пред собой
Крест лучезарный Константина
Над закатившейся звездой³⁹³.

Возвращаясь к «скучной» прозе, замечу, что первым органом периодики стал двуязычный сербско-русский Билтен/Бюллетень (издатель Русское телеграфное агентство «Русаген» в Белграде). Это был текст на пишущей машинке или рукопись на шапирографе (множительный аппарат, изобретенный инженером Шапиро). Первый сохранившийся экземпляр имеет № 39 от 8 марта 1920 г. Последний – № 90 от 18 мая 1920 г. В них можно было прочесть известия с фронтов Гражданской войны, общие политико-экономические вести, информацию о жизни русских беженцев в Сербии.

Какое печатное издание завершило собой эмигрантскую периодику трудно обозначить. Беженская периодика возродилась в 1987 г. и связана с именем строительного инженера Владимира Тимофеевича Соболевского (1917–1996), бывшего воспитанника кадетского корпуса в Белой Церкви. Его издававшийся в Белграде «Бюллетень» (20 номе-

392 Старое время. 1924. 3 февр.

393 Там же. 3 марта.

ров) тиражом примерно в 300 экземпляров рассылался бывшим кадетам по всему миру. Первый номер вышел в связи с инициативой строительства памятника русским кадетам, похороненным на кладбище в Белой Церкви³⁹⁴.

Каждый, кто доберется до этого банатского городка, затерянного среди наводящей жуткую тоску кукурузной равнины, может прогуляться по нему, осмотреть то небольшое, что связано с русскими, умудрявшись и там создать «русский уголок».

Значительную роль в жизни русских эмигрантов, в том числе и живших в Белграде, сыграл уже упоминавшийся Земгор. Известна его обширная деятельность на ниве просвещения. В частности, он издавал в Белграде журнал на сербохорватском языке (кириллицей и латиницей) «Русский архив», посвященный политике, культуре и экономике России. Согласно решению министра по делам вероисповеданий (1929 г.), журнал рекомендовался всем школам для большего знакомства учеников с «братской Россией» и «укрепления любви нашего народа к России». Редакции «Русского архива» удалось привлечь к сотрудничеству многих талантливых авторов ученых, публицистов, политических обозревателей, таких известных писателей и поэтов Русского зарубежья, как Алексей Ремизов, Марина Цветаева, Евгений Замятин, Марк Слоним. Одним из ведущих разделов журнала был «Политический обзор», где помещались комментарии о событиях в СССР. В качестве источников использовались в основном советские материалы. Отдельные статьи посвящались рассмотрению отношений между партией и интеллигенцией, крестьянством. Много внимания уделялось темам культурной жизни: театру, музыке, просвещению.

Одним из инициаторов издания «Русского архива» являлся Федор Евдокимович Махин (1882–1945), фигура примечательная. В прошлом полковник царской армии, выпускник императорской академии Генерального штаба, участник боевых действий на Балканах, кавалер многих наград, в том числе и высшей военной награды Сербии – ордена Белого Орла, он успел побывать и в эсерах, у «красных» и у «белых». В 1924 г. после Китая, Англии, континентальной Европы он прибыл в Белград, где продолжил политическую деятельность, нападая на монархистов, рисуя их германофилами и восхваляя эсеров, как реальных защитников славянства. По некоторым сведениям, был связан с советской разведкой. В годы второй мировой войны находился в рядах армии Тито. Именем генерал-лейтенанта Махина была названа улица в Белграде, но в конце XX века в связи с пересмотром истории улица получила другое название – художника Миодрага-Мичи Поповича. Добавлю что о Махине, его жизни и судьбе вышла замечательная книга коллеги по Институту и занятиям историей Андрея Владиславовича Ганина.

Русские люди всегда или почти всегда уважали печатное слово. Оказавшись в новой стране в непривычном для себя положении эмигрантов, они в число первоочередных задач включали издательскую деятельность, тем более, что, к примеру, в Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыло и обосновалось немало журналистов, издателей.

394 Качаки J. Указ. соч. С. 42.

На страницах русской периодики, в частности, уже упоминавшегося «Нового времени» регулярно помещались материалы из культурной сферы – от «допотопных» времен до современных дней. Строки о борьбе Креста и Полумесяца, Косовской битве и ее отражении в сербских народных песнях соседствовали со стихотворениями известных поэтов. Для примера можно назвать стихотворение Джурю Якшича «После смерти» в переводе князя Федора Касаткина-Ростовского.

Продолжая разговор о просвещении и сербо-русских связях, следует вспомнить 1923 г., когда на русском и сербском языках был напечатан в Белграде первый и единственный номер литературно-художественного журнала под весьма экстравагантным названием «Медуза» – «орган пропаганды русского искусства в Югославии и ознакомления с сербским творчеством русских». Наряду с публикациями о современных поэтах Королевства, в нем было представлено творчество таких мастеров слова, как А. Ахматова, А. Блок, А. Ремизов, художник Л. Браиловский³⁹⁵.

Практически все периодические и непериодические издания так называемого гуманитарного направления на своих страницах рассуждали о России, строили ее будущее, мечтали и тосковали... Только один пример – «Наше будущее», литературный и общественно-политический журнал, первый номер которого вышел в Белграде в 1925 г. Идеал его создателей – старая государственность, закон и порядок. Девиз – «Вера, Царь и Отечество». От знаменитой триады графа С. С. Уварова – «Православие, Самодержавие, Народность» его отличал только последний компонент, когда «ненадежную» «народность», выбросившую их в эмиграцию, заменили благородным «отечеством».

Познание славянства, его историю русская интеллигенция излагала не только на страницах своих изданий в Сербии, Югославии, Белграде, но и в журналах, печатавшихся в иных странах. Так, в 1930 г. в Париже в элитарном альманахе «Числа» выходит статья белградца Ильи Голенищева-Кутузова «Русская культура и Югославия». Говоря о силе влияния русской школы, представленной именами Максима Суворова и Эммануила Козачинского, известный славист проводил ту мысль, что к концу XVIII в. в Сербии «выработался так называемый славено-сербский язык, пестревший церковно-славянскими речениями и насыщенный русскими оборотами. Несмотря на лингвистическую реформу Вука Караджича <...> во многих выражениях современного литературного языка заметны следы русских и церковно-славянских форм»³⁹⁶. Рассуждая о творениях Орбини, Крижанича, Джорджича и других деятелей, задумывавшихся над идеей славизма, автор полагал, что именно в южном славянстве лежит начало славянофильских идей. Но здесь не столь уж важно, кто первый и где истоки, сколь тогдашнее сознание общности славянства.

Именно это чувство, можно полагать, было одним из мотивов при создании по инициативе журналистов А. И. Ксюнина и Е. А. Жукова в 1925 г. знаменитого Союза

395 Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 56.

396 Голенищев-Кутузов И. Русская культура и Югославия // Числа. (Париж). 1930. № 2–3.

русских писателей и журналистов Югославии с центром в Белграде. Он стал культурным центром, вокруг которого объединялись не только писатели и журналисты, но и профессора, артисты, художники. В него, в частности, входили: А. В. Амфитеатров, И. А. Бунин, И. Н. Голенищев-Кутузов, А. И. Куприн, И. И. Толстой, Досифей, митрополит Загребский, Нушич Бранислав, Никола Пашич, К. П. Крамарж, не менее известный П. Б. Струве³⁹⁷.

За десять лет членами Союза побывало свыше 200 человек. В течение этого времени было проведено 187 публичных собраний: из них 68 – открытых собраний, 77 – «интимных», 42 выпуска «устной газеты»³⁹⁸.

Активное участие принял Союз, да и весь Белград, в подготовке и проведении Съезда русских писателей и журналистов за рубежом (25–30 сентября 1928 г.). По распоряжению руководства города (от 24 сентября) на улицах столицы был расклеен плакат, адресованный «Белградскому населению» и гласивший: «В Белград прибывают 24-го и 25-го числа с. м. писатели и журналисты братской нам России. Пусть Белград покажет, что в нем не иссякло чувство благодарности, как долг нашей нации, за свое существование и преуспевание вековой мощной защитнице, славянской матери – России, и носителям русской культуры, нашим дорогим гостям. Белград должен возможно большей сердечностью и гостеприимством окружить работу их конгресса, который открывается 25 числа с. м. в 11 ч. дня в торжественной зале Нового Университета. Посему население приглашается в знак проявления симпатий к русскому народу украсить в этот день свои дома флагами и быть всюду предупредительными к нашим дорогим гостям и этим сделать им как можно приятнее пребывание в братском Белграде»³⁹⁹.

На съезде, запланированном к столетию со дня рождения Льва Николаевича Толстого, были представлены доклады о защите авторского права, о правовом положении русских писателей и журналистов, о положении на местах, о создании Литфонда, о литературной этике и защите профессиональной чести, о положении советской печати, о положении и задачах зарубежной военной литературы и журналистики, о Центральной книжной палате, о Русском архиве в Праге и пр.⁴⁰⁰

Белградский союз представляли Ксюнин, Глуздовский, Тарановский, Ракитин, Чубинский, Челищев, Сухотин, Жуков, Елачич. Трое из них выступили с докладами: «Об авторском праве в Югославии» (В. Челищев), «О положении русской печати в Югославии» (А. Ксюнин), «О положении печати в Советской России» (Ю. Жуков)⁴⁰¹. Персонально были приглашены З. Гиппиус, Б. Зайцев, А. Куприн, Д. Мережковский, Е. Чириков⁴⁰².

397 На страже России. Десять лет Союза Русских Писателей и Журналистов в Югославии 1925–1935. Белград, 1935. С. 45–52.

398 Там же. С. 44.

399 Там же. С. 57.

400 Там же. С. 61–62.

401 *Paunković Z.* Kongres predstavnika saveza ruskih književnika i novinara u inostranstvu u Beogradu 1928 godine // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata Rubovi, memorija. Zagreb, 2006. С. 263, 264.

402 На страже России. С. 60.

В числе почетных участников был ветеран русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Вас. Немирович-Данченко. На Белградском вокзале его встречал сам владыка Досифей, что было особой честью и уважением к летам и заслугам⁴⁰³. Прибыли делегаты из Парижа, Берлина, Праги, Варшавы, Ужгорода. Белградцы могли на своих мостовых увидеть и лидера народных социалистов, историка С. Р. Мельгунова, лидера крестьянской партии А. А. Аргунова, профессора Карлова университета А. Л. Бема, литератора М. В. Вишняка, К. К. Парчевского, оставившего живые записки о Южной Америке и русской эмиграции⁴⁰⁴.

Всего было на съезде 111 делегатов.

Вечером 25 сентября Союз белградских писателей и журналистов устроил банкет для участников, представителей власти, духовенства. Среди спичей, тостов, здравниц, прозвучали, напоенные искренностью и любовью, слова Е. Н. Чирикова: «Помните ли вы красивую сказку о граде Китеже? Во время татарских набегов на Россию Бог не хотел допустить, чтобы татары уничтожили град Китеж. И создал озеро, на дне которого Китеж продолжил жить <...> часто со дна доносился звон китежских колоколов.

Мы, русские писатели и журналисты в изгнании, сегодня жители того Китежа. А колокольный звон наших церквей есть победоносная поступь нашей культуры. Да, господа, мы побежденные, все же побеждаем. А озеро из древней легенды для нас сегодня суть славянские народы»⁴⁰⁵. Не были обойдены делегаты съезда и королевским вниманием и наградами. Ряд участников награжден орденами св. Саввы, среди них были и белградцы – Ксюнин, Жуков, Спекторский.

Но не все было так гладко и усеяно розами. В ноябре 1928 г. монархисты Н. В. Чухнов, бывший редактор газет «Наше будущее» и «Словен», А. В. Ланин, бывший редактор журнала «Восход» и «Вестника союза русской национальной молодежи в Германии» выступили в печати с заявлением «Когда действительно нельзя молчать!» Пройдясь для начала по русской литературе, нелицеприятно отозвавшись о творчестве Гоголя, Куприна, Толстого, Андреева, авторы констатировали, что «... Вся наша отечественная литература <...> была прибрана к рукам революционных партий. Это с ее помощью обрабатывалось общественное мнение всего света. И разве не было пособничества в потрясении основ государства в ряде произведений Горького, Арцыбашева, Короленко, Герцен, Бакунин, Чернышевский и другие крупнейшие имена человеческой мысли?»⁴⁰⁶.

Придя к выводу, что эмигрантов ничему не научила ни революция, ни годы изгнания, авторы горько писали: «И напрасны попытки Яблоновского (сотрудник парижского «Возрождения». – В. К.) расшевелить собрание; даже его заявление о том, что писатели и журналисты ответственны не только за то, что они говорят, но и за то, что умалчивают»⁴⁰⁷.

403 Paunković Z. Указ. соч. S. 265.

404 Там же..

405 Там же. S. 269.

406 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 334. Л. 1.

407 Там же. Л. 1 об.

Подвергнув критике Мережковского, открыто признавшегося в своем участии в развале России, не пощадив даже почтеннейшего Вас. И. Немировича-Данченко, посмеявшего сказать королю Александру, что «если бы в России был такой монарх <...>, то у нас не было бы революции»⁴⁰⁸, тем самым как бы принизив фигуру царя-страстотерпца, Ланин и Чухнов восклицали: «Настанет час и воскреснет Великая Императорская Россия. Беспристрастная история найдет виновников ее страданий, и в первую очередь, в громадном свитке будут значиться имена тех, кому было много дано, но кто все свои таланты растратил на ложь, клевету и разрушение того, что всем русским народом почитается священным»⁴⁰⁹.

Все эти слова, в которых было много личного и мало взвешенного, не произвели должного впечатления. Эмиграция уже давно привыкла к таким выступлениям и мало какое-либо общественное собрание обходилось без скандалов, обвинений, интриг. И белградский съезд также не был свободен от них. Но там была и свобода, позволявшая тому же Мережковскому сказать: «Я тот русский интеллигент, который много содействовал падению царского режима. Для нас русские славянофилы были реакционеры. Достоевский был славянофил. Сам я полностью связан с Достоевским. Я, так сказать, вышел из Достоевского и получил его благословение. Но в то же время я враг его славянофильства. По моему пониманию, оно связано с рабством, из-за чего мне было очень тяжело. В славянофильстве Достоевского омрачено все то, что есть у него пророческого.

Достоевский, вставши сейчас из гроба, не понял бы как это Мережковский решился провозгласить здесь, в Белграде, свое понимание реальной силы славянофильства. Это другое славянофильство <...> Понимаю славянофильство как реальную, активную и живую силу, соединенную со свободой. Славянофильство нужно понимать и оценивать не только с национальной точки зрения, но и брать шире.

О вас говорят, что вы, сербы, патриоты. Но вы больше. Мы никому не сможем помочь, если будем только патриоты. Мы не выживем, если будем только ими, так как в мире существует и большая сила, а она и есть тот роковой, грозный <...> интернационализм. Национализм и патриотизм не в состоянии вести борьбу с ним <...> Я утверждаю, что в Европе никто не понял грозную опасность, которая приближается. Мы их предупреждаем. Возможно, что большевизм падет раньше, чем мы думаем, но опасность мировой катастрофы все еще налицо. Славянофильство, основанное на дружбе и взаимопонимании народов, должно защитить против всех опасностей»⁴¹⁰. Что же здесь можно сказать: много правды и веры в почти недостижимое.

После завершения работы съезда с его многочисленными приемами, выступлениями многие участники разъехались по Югославии знакомиться со страной, а Союз продолжил свою «рутинную» деятельность.

---

408 Там же.

409 Там же.

410 Paunković Z. Указ. соч. S. 270–271.

Одной из основных своих задач он считал работу против коммунистической пропаганды и идейную борьбу за освобождение России. С этой целью он сотрудничал с Объединением национально-прогрессивной и демократической эмиграции, с местным комитетом Фонда спасения России, с Фондом свободной печати, сформированным для помощи писателям в СССР, контактировал с Лигой Т. Обера, с Всероссийским крестьянским союзом и с Национально-трудовым союзом нового поколения. Союз оказывал помощь в распространении материалов «вскрывающих сущность большевизма», как например открытого письма графини А. Л. Толстой «Не могу молчать»⁴¹¹. (Сестра милосердия во время Первой мировой войны, награжденная тремя георгиевскими медалями, испытавшая арест и заключение в первые годы большевистской власти, не могла молчать, узнав о расстреле в 1932 г. 1 200 восставших кубанских казаков.)

В 1926 г. Союз опубликовал под общим заголовком «Словенски класици» книгу Н. С. Лескова «Гора» (перевод К. Цветковича) и сборник М. Е. Салтыкова-Щедрина «Приче» (Рассказы) (перевод Зорки Велимирович). На русском языке был напечатан сборник рассказов В. Н. Челищева «Алешка Чураков». В 1933 г. Союз издал на русском языке «Антологию новой югославянской лирики» в переводах И. И. Голенищева-Кутузова, А. П. Дуракова и Е. Л. Таубер.

В 1926 г. Союз выпустил пять сборников литературно-общественного журнала «Призыв». Тогда же – в 1926–1927 гг. – он издавал еженедельную беспартийную газету «Россия», под редакцией А. И. Ксюнина, Е. А. Жукова и В. Н. Челищева⁴¹².

Чтение авторами своих произведений осуществлялось на «интимных» вечерах, а публичные лекции и собрания, вместе с «Устной газетой», привлекли публику и «вызвали подражание не только в самой Югославии, но и за границей»⁴¹³. Открытые собрания устраивались в залах и аудиториях Белградского университета, в Коларчевом университете, в Русском доме, в Русском офицерском собрании, в Русско-сербском клубе и в залах 2-й и 3-й мужских гимназий.

Так, Ю. Л. Ракитин рассказывал «Об успехах русского искусства за границей»⁴¹⁴, М. П. Чубинский выступал с докладом «Правая идеология в русской литературе», А. А. Кизеветтер делился своими мыслями «О роли катастрофических элементов в развитии России и ее культуры»⁴¹⁵, П. Б. Струве читал доклад «От Карамзина до младороссов», А. Л. Погодин – «Мужчина и женщина большого города»⁴¹⁶.

Об «интимных» собраниях почти ничего не сохранилось, кроме перечня «мероприятий». Но и даже эта скудная информация свидетельствует об их неформальном характере.

411 На страже России. С. 12–13.

412 Там же. С. 16.

413 Там же. С. 19.

414 Там же. С. 21.

415 С. 22.

416 Там же. С. 26.

Так, устраивались вечера Александра Блока, Михаила Зощенко, Ю. Л. Ракинтин выступал с «Рассказами из жизни старого Петербурга», Л. М. Сухотин рассказывал о «Любви в произведениях русских авторов», А. К Елачич – «О сербской эмиграции в России по русской мемуарной литературе», В. А. Эккерсдорф представлял на суд публики свои размышления на такую острую тему, как «Автор и актер», Н. В. Краинский докладывал «О психологии речи в связи с современными социально-филологическими экспериментами», Н. М. Чекмарев говорил о «Тайных религиозных учениях и происхождении масонства», И. Н. Голенищев-Кутузов – о современной литературе в советской России, В. В. Хомицкий читал пьесу Н. Н. Евреинова «Витамин “Х”», А. Л. Погодин «раскрывал глаза» слушателям на «Подложность издаваемой большевиками мемуарной литературы», а Е. В. Аничков ставил вопрос «Что такое сюжет?»⁴¹⁷

И теперь об «Устной газете». На ее вечерах с 1925 по 1935 г. было прочитано свыше 240 статей, рассказов, фельетонов и т. д.⁴¹⁸. Немного дат, фамилий и названий. В Русском офицерском собрании 19 мая 1930 г. выступали: Ф. В. Тарановский на тему «Славянство и Россия», В. Х. Даватц – «Активизм в эмиграции», Е. Э Месснер – «Жизнь красной армии», С. С. Страхов – «Политический фельетон»; в 1931 г. 7 ноября в помещении своего Союза Н. В. Краинский – «Психические заболевания в современности», В. П. Глуздовский – «Где находится русское золото», Е. М. Журавская читала стихи, Н. З. Рыбинский обрисовывал «Беженские силуэты», Ю. Л. Ракинтин делился театральными воспоминаниями, С. С. Страхов «язвил» злободневной сатирой⁴¹⁹.

Присутствовала и высокая проза. Так, в связи с празднованием в 1929 г. дня памяти святого Владимира был издан в Белграде солидный труд, скромно озаглавленный – «Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира». В нем приняли участие митрополит Антоний («Всенародное новое прославление Святого Равноапостольного Великого князя Владимира»), профессор Е. Спекторский («Св. Владимир и русская культура»), М. Георгиевский («Дело Св. Владимира»). В весьма интересном и живом предисловии, напоенном духом преданий, с одной стороны, и современной жизни, с другой, подчеркивалось: «Многие писатели земли русской лучше и глубже понимали Россию, издали глядя на нее. Так и нам на чужбине в праздновании дня св. князя Владимира, в его русском православном образе, открылись с особой яркостью и полнотою сущность и пути духовно рожденного им русского народа <...> В тяжелом испытании нам открылось, что мы потеряли путь русского народа. Дети св. кн. Владимира разрушили его дом. Видя и чувствуя надвинувшееся зло, но, смутно сознавая его сущность, мы начали с ним неравную борьбу и, борясь, мы отступили за пределы России. У нас нет нашего дома <...> Царствует “князь мира сего”, и этот кесарь, собирая свое кесарево, обращает его на

417 Там же. С. 29–32.

418 Там же. С. 32.

419 Там же. С. 33.

борьбу с Богом. Русская действительность так далека от православного идеала отношений государства и Церкви, что осуществление принципов этого идеала, даже не очень слабым людям, кажется невозможным <...> Зарождается стремление найти новые принципы общественной жизни, которые хоть отчасти освобождали бы от тяжести укора совести <...> Св. кн. Владимир властно зовет нас к подвигу признания вечного значения Церкви и построения всей жизни, частной, семейной, общественной, государственной на принципе признания этого Ее значения»⁴²⁰.

Однако для многих святая Русь осознавалась как культурно-исторический феномен, отдаленный во времени и пространстве. Оставалось лишь непреходящее чувство гордости за свою русскость, любовь к Отчизне, роду, родине. Е. В. Спекторский писал: «От Владимира святого пошла не только русская эстетика, но и русская этика. Чем тревожит эта этика не только русского, но и познакомившегося с нею западного человека? Тем, что она заставляет, сурово совесть допросив, с отвращением читать жизнь свою. Тем, что она, не довольствуясь удобными и благополучными мерилami поведения и идеалами технического благоустройства, требует от человека святости как действительного, а не воображаемого только исполнения христианского долга и христианского призвания. И в этом отношении основоположником был князь Владимир, ставший святым не только потому, что он повторил равноапостольное дело Константина и Елены, а потому, что, принявши “закон крестьянский”, он переродился <...> варяжская Русь становится Святой Русью, для которой, как выразился Хомяков, “возможна только одна задача: сделаться самым христианским из человеческих обществ” <...> Такая Русь умеет преодолевать сословные, племенные и национальные перегородки, ибо она отзывчива и к близким и к дальним и для нее все равны, поскольку они едины во Христе»⁴²¹.

В 1938 г. русские люди в Югославии торжественно отметили 950-летие крещения Руси. Этому историческому событию был посвящен специальный «Владимирский сборник» со статьями видных ученых. Как подчеркивал историк И. И. Лаппо: «Держава Владимира Святого, его “Россия” заложила основы национального и конфессионального единства всех восточных славян, как славян русских. И это сохранило свое значение не только для того времени, когда они были лишь племенами, но и для того, когда они сложились в три ветви русского народа – Великороссов, Малороссов и Белороссов»⁴²².

Отечественная культура «звучала» и по радиоволнам. В 1929 г. дирекция хорватской радиостанции дала место русской программе, посвященной этому празднику, отмечавшемуся вдали от России. Были «обязательные» музыка, пение. Так, певица Е. Мусатова исполнила ряд песен Мусоргского, Рахманинова, О. Королькова сыграла ряд пьес Метнера.

420 Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Белград. [б.д.] С. 3–8.

421 Спекторский Е. Св. Владимир и русская культура // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. С. 27–30.

422 Лаппо И. И. Держава Владимира Святого // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград. С. 71.

Программа передавалась одновременно по телефону на люблянскую радиостанцию и от туда на Словению. 12 июня того же года русская матица (просветительская организация) (отделение в Загребе) устроило литературно-музыкальный вечер: читали стихи Пушкина, Бальмонта, Фета. В музыкальном отделении Мусатова исполнила Чайковского, Мусоргского, Рахманинова⁴²³.

Осталось теперь сказать слово о «празднике» непримиримости. Трудно рассуждать на эту трудную и провокационную тему. Здесь предлагаю вниманию читателя два любопытных сюжета.

Первый. Некий Ив. Трегубов в своем недатированном обращении к М. А. Суворину писал: «Я несколько лет читаю вашу уважаемую газету «Новое время» и, судя по постоянному направлению, основная задача вашей издательской деятельности – скорейшее освобождение России от власти большевиков и восстановление ее в прежнем величии.

Русская эмиграция очень мало предпринимает для достижения этих целей и в газете вашей очень часто помещаются статьи как об этом, так и о крайней необходимости <...> объединения эмиграции с лозунгом “один за всех, все за одного”.

Но очень мало данных, дающих основание думать, что такое всеобщее объединение не будет достигнуто до полной гибели России. Вместе с тем, если я не ошибаюсь, в истории всех народов не было еще примера, чтобы интеллигенция их действовала так дружно и делала какие бы то ни было серьезные перевороты, единомышленно. Обычно это всегда было дело отдельных и немногих лиц, умевших покорить своей воле дух народа <...> и теперь настал момент, когда усилиями только небольшой части лиц, честных и непременно религиозных, хотя бы и не принадлежащих к духовенству, власть большевиков может быть легко и быстро свергнута <...>

Я нарочно приехал из другого города с целью найти несколько таких вполне надежных людей и сделать им подробное исчерпывающее сообщение на эту тему для всестороннего обсуждения представленных мною данных и для немедленной организации дела. Мое предложение совершенно не легкомысленно, так как это единственно верный старинный способ защиты нашей Родины <...> Организация этого дела спасения нашего отечества будет только комбинированным завершением всего уже сделанного и делаемого в этом направлении, причем почти наверно найдется очень солидный источник достаточных материальных средств до полного достижения цели, если только найдется несколько человек, заслуживающих делового доверия»⁴²⁴.

И таких мечтателей было немало в эмиграции, равно как и тех, кто стремился поставить на серьезную основу подготовку эмиграции к освобождению России. Достаточно вспомнить многие организации, занимавшиеся этим делом.

423 Рувль. 1929. 25 июня. Берлин.

424 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 319. Л. 31–32.

Второй. Сравнительно давно я как-то в Москве попал на встречу бывших кадетов с нынешними воспитанниками и преподавателями кадетских училищ. Тогда совсем недавно был провозглашен властью новый праздник «День примирения». Присутствовавший на встрече В. В. Гранитов (1915–1999), поручик, председатель Русского обще-воинского союза (РОВС), воевал в составе Русского Охранного корпуса против партизан Иосипа Броз Тито. Бывший поручик сказал запомнившуюся мне фразу о том, что не может быть примирения между «красными» и «белыми», сражавшимися за «свою» Россию. Для него, видимо, была жива память о тех жестоких боях, в которых гибли его друзья. Таких в эмиграции было много. Они вступали, например, в РОВС, записывались в Русский охранный корпус, в ряды вермахта. Расселившись по другим странам после войны, оставались непримиримыми к СССР, ведя борьбу с ним, прежде всего, словом через печать, средства массовой информации.

В то же время в эмиграции насчитывалось немало тех, кто был настроен против большевистской власти на родине, но полагали, что судьба отечества важнее формы власти. В предвоенные и военные годы, это «течение» вылилось в активное оборончество, защиту родины, укрытой буквами СССР.

Непримиримость к «красной России» естественно сочеталась с любовью к отечеству, будущее благо которого требовало учиться, учиться и учиться...

Завершить свой экскурс в мир трех «праздников» я хочу банальной сентенцией, что в этих трех взаимосвязанных областях человеческого духа и знания, страстей и расчета, патриотизма и славянофильства русская эмиграция в славянском Королевстве воссоздавала свое прошлое, жила настоящим, строила будущее.

ТЕАТРЫ, ТЕАТРЫ, ТЕАТРЫ...

Не вдаваясь глубоко в историю русско-югославянских театральных связей, отмечу, что русская культура была уже в XIX в. представлена в этих землях через драматургию, театральное искусство, постановки пьес, прежде всего, Чехова, Горького.

Славянские столицы посещали и работники русского театрального мира. Хрестоматийно известны имена русских контрактников: художника В. В. Баллузека и режиссера А. М. Андреева, работавших в столице Сербского Королевства до Первой мировой войны. Несколько менее знаком приезд в Белград весной 1903 г. премьеры Александринского театра Василия Пантелеймоновича Далматова. Серб из Далмации, носивший фамилию Лучич, он взял театральный псевдоним, напоминавший ему о родине. Делясь в «Новом времени» (18 июня 1903 г.) своими впечатлениями о поездке, о знакомстве с белградским Народным театром, Далматов писал: «Пьесы там превосходно поставлены и так исполняются, что можно поверить и забыться <...> Наглядно почувствовал я силу и значение духовного воздействия театра Сербии, именно в Белграде, смотря пьесы наивные, но чистые по содержанию, проникнутые юной поэзией и в большинстве преисполненные патриотизма»⁴²⁵.

Русское слово, пишет Ольга Мудрова, и тогда ценилось высоко. Когда Далматов посоветовал директору театра выписать партитуру Чайковского к «Гамлету», то это было воспринято как открытие и выполнено в срочном порядке⁴²⁶. К этому добавлю, что Далматов стал первым в России, кто откликнулся на творчество замечательного сербского писателя и драматурга Бранислава Нушича⁴²⁷.

Потом последовали гастроли и других артистов, например, в 1909 г. труппы во главе с Ге. Он коротко отмечал, что лучше всего зрители приняли «Кручину», на которой зал «гремел»⁴²⁸. Была знакома белградцам и игра Александра Ивановича Южина⁴²⁹.

В новой ситуации, после революций 1917 г., феномен русского театра в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в сжатой форме можно объяснить тем, что русский люд, в том числе и артистический мир, смог чувствовать себя здесь родным, славянином, и по старинке тем же «старшим братом» в области театрального искусства, драматургии. И самое главное – он требовался самим изгнанникам, для которых театр стал не только развлечением, уходом в былое, но и своеобразным возбудителем мыслей и чувств.

425 Цит. по: Мудрова О. В. Первый отклик в России на творчество Бранислава Нушича // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 1982. № 3.

426 Мудрова О. В. Указ. соч.

427 Там же.

428 Ге. Г. Г. Русская труппа на Балканах // Славянские известия. 1909. № 2.

429 Ге. Г. Г. Указ. соч.

Только в монархическом Белграде за 25 лет артисты показали не менее 400 спектаклей⁴³⁰. Они выступали на многочисленных сценах: прежде всего в Народном театре, в Русском доме имени царя-мученика Николая II, в громадном зале Коларчевого университета (названо по имени дарителя здания И. Коларца) на 1 200 мест.

Русские мастера сцены творили и в Загребе, Любляне, Скопле, в театриках многих провинциальных городков, на концертных площадках, на сценах любительских студий.

В столице Королевства на подмостках Народного театра игрались сербами пьесы русских и советских авторов – от Гоголя до Катаева. Первым спектаклем стал бессмертный «Ревизор», поставленный 18 июня 1921 г. Ю. Л. Ракитиным. В последующее там ставились пьесы: «Дядин дом» Мясницкого, «Самое главное» Евреинова, «Иванов», «Дядя Ваня», «Три сестры» Чехова, «Власть тьмы» Толстого, «Царевич Алексей» Мережковского, «Квадратура круга», «Дорогой цветов» Катаева, «Женитьба» Гоголя, «Зойкина квартира» Булгакова, «Чужой ребенок», «Весенний смотр» Шкваркина, «Преступление и наказание» Достоевского, «На дне», «Васса Железнова» Горького, «Не убий» Андреева, «Свадьба Кречинского» Сухова-Кобылина, «Бесприданница», «Лес» Островского. Все названные здесь пьесы были поставлены при участии русских мастеров сцены.

Конечно, каждая пьеса имела свою судьбу и своего критика. Случались и провалы. Так, сербская критика не восприняла постановку пьесы Леонида Андреева «Не убий». По мнению театроведов, ее появление на сцене Народного театра стало «репертуарной ошибкой». В критических статьях мелькали слова и фразы: «скука», «мучает душу и нервы», «не убеждает», «эта пьеса <...> без какой бы то ни было последовательности», «какое-то сплетение обыкновенных мыслей и мыслей-вожатых, которые, однако, никуда не приводят»⁴³¹.

Если говорить о русских труппах, то они «работали» на своего зрителя. Только в Белграде из десяти тысячной русской колонии театралов насчитывалось примерно 1 700 человек⁴³². Каждый имел свои пристрастия: кто-то любил оперетку, кто-то классику, кто-то актрис. У одного режиссера зал был полон, у другого – только наполовину. Причем, как и в политике, так и в театре шла своя борьба. Конкуренция звезд. Вместо объединения актерских сил налицо была «своя игра». Так, ни Татьяна Яблокова из Русского драматического общества, ни Юлия Ракитина из культурно-художественного общества не имели никакого желания, интереса, склонности к созданию объединенной труппы. Отсутствие мотивации легко объяснимо: одна из них должна была бы уйти в тень другой, а это, естественно, для каждой было невозможно⁴³³.

430 Арсеньев А. Б. Русские театральные труппы в Белграде (1921–1944 гг.). Рукопись. Архив автора.

431 Цит. по: Сабо Б. Пьеса «Не убий» Андреева в постановке Ракитина // Филолошки преглед. 2006. XXXII, № 1.

432 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными / Публ., вступ. ст. и примеч. В. В. Иванова // Мнемозина Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004.. С. 254.

433 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 229.

В политическом отношении консервативный Белград предпочитал проверенные пьесы. Звезда русской режиссуры Ю. Л. Ракинтин, не раз «взрывавший публику», утверждал, что «нет худшей публики на свете, чем у нас в Белграде. Черносотенцы в политике и в искусстве из Ростова-на-Дону или Новочеркасска»⁴³⁴. Но Белград состоял не из одних закоренелых «черносотенцев».

Назову несколько имен из авторов, пьесам которых аплодировали.

Елизавета Владимировна Глуховцова (Глуховцева), человек трагической судьбы, автор пьесы «Новый рай» о жизни под «новыми небесами» на родине, А. Н. Жернакова-Николаева, среди ее пьес можно назвать «Жизнь и сказку», поставленную, как писал А. Б. Арсеньев, в сезоне 1943/44 г.

Всеволод Вячеславович Хомицкий – его самая известная пьеса «Эмигрант Бунчук».

Алексей Митрофанович Селитренников, публиковавшийся под псевдонимом Ренников, автор «смешных до слез» пьес, как например, «Беженцы всех стран». О своем творчестве вдали от Петербурга «со всеми его удобствами» Алексей Митрофанович иронично говорил, что, «те, которые надеются, что я буду говорить о том, как тяжело писать в эмиграции, будут разочарованы. В эмиграции очень хорошо: легко и комфортно <...> Письменного стола у меня нет, и я обычно пишу на доске, которую кладу на печку. В Петрограде я никогда не писал с таким жаром, как здесь. Особенно зимой, когда печка разжжена, а я еще не закончил писать. Сколько огня и в статье, и под статьей. Боюсь, что после возвращения в Петроград я не почувствую холода за большим письменным столом своего рабочего кабинета. Для писателя-беженца главное – не условия жизни <...> фантазия. Если есть фантазия – он имеет все <...> Она, как добрая волшебница, не только одевает, кормит и поит, но и развлекает нас. Она нас веселит, заставляет нас смеяться. Фантазия без каких-либо железнодорожных билетов и пропусков каждый день, хотя бы на несколько минут, посылает нас туда, где становимся сильными – на Родину»⁴³⁵.

Надежда Александровна Лохвицкая, известная как Тэффи, «кормившая» своими рассказами актерскую братию.

Уже упоминавшийся Николай Яковлевич Агнивцев, автор многочисленных гротесков, скетчей и прочей забавной чепухи, любезной ищущему веселья человеку.

Сами актеры и актрисы были для белградских театралов старыми знакомыми по сценам многочисленных столичных и провинциальных театров России. Были среди них и любители, свободное время отдававшие сцене. В «Новом времени» писали, что «герой-любовник ездит шофером; героиня служит секретаршей в каком-то союзе; гранд-дама – сестра милосердия; герой-резонер – чиновник сербской службы»⁴³⁶.

434 Там же. S. 270–271.

435 Comoedia. 1923. 26 нояб. № 2.

436 Новое время. 1926. 10 окт.

Сама актерская жизнь, довольно тяжелая, хорошо просматривается в их весьма непростых биографиях. Вот только некоторые из них.

Лидия Дмитриевна Авчинникова (1894–1983) родилась в купеческой семье, члены которой ценили пение и сами хорошо пели. В 16 лет состоялось ее первое публичное выступление. В 1917 г., будучи в Петрограде, вступила в Союз любителей театрального искусства. Уже в эмиграции Лидия играла у режиссера Черепова в пьесах Беляева, Гоголя, Грибоедова, Островского. С 1934 г. она стала выступать на концертах с чтением рассказов. Во время немецкой оккупации актриса зарабатывала на жизнь официанткой, швейей. Потом наступила опять беженская жизнь, уже в Австрии, где Лидия Дмитриевна четыре года играла на сцене. В 1949 г. она приехала в США, выступала с чтением произведений русских классиков на многих благотворительных вечерах⁴³⁷.

Лидия Васильевна Мансветова (1893–1963; у Т. В. Пушкиадия-Рыбкиной указан 1966). Училась в консерватории, одновременно посещала Императорские театральные курсы по классу Озаровского. В 1911 г. Лидия получила первый ангажемент в Одессе, снискала известность, играя в пьесах Чехова и Островского⁴³⁸. Работала в труппе Синельникова в Харькове, потом у А. И. Сибирякова, ставшего ее мужем, в Одессе. С 1920 г. вместе с семьей – муж, дочь Ксения, зять Е. С. Марьяшеч (певец), обосновались в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В 1921 г. Мансветова стала первой русской актрисой в драматической труппе Белградского Народного театра⁴³⁹. Замечу, что для других русских «зацепиться» за Народный театр было трудно именно из-за незнания языка. Конечно, его учили, но выдавал акцент. Один из театралов писал: «В настоящее время русским артистам попасть в сербскую драму весьма трудно, и только немногим удалось. Драма здесь старая, со своими традициями, с полным кадром артистов, с заботой о чистоте языка, а у русских, конечно, совершенно чистого акцента быть не может. Поэтому даже такая прекрасная артистка, как Мансветова, хотя и служит в драме, но должного использования своего симпатичного дарования не находит»⁴⁴⁰. Но все же актриса играла, причем весьма ответственные роли. Достаточно назвать пару премьерных спектаклей в Народном театре. Это – Дездемона в «Отелло» (29 января 1921 г.)⁴⁴¹ и Анжелика в «Мнимом больном» (14 января 1922 г.)⁴⁴². Добавлю, что в ее репертуаре насчитывалось 150 ролей, из которых 15

437 Александров Е. А. . Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005. С. 10.

438 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. S. 151.

439 Новое время. 1921. 14 мая.

440 Театрал. Русское искусство в Королевстве С.Х.С. // Призыв (Белград). 1926. № 4. Июль.

441 *Михајловић Д.* Сто година Шекспиром // Један век Народног позоришта у Београду. Београд, 1968. С. 279.

442 *Јовановић С. А.* Молијер на сцени Народног позоришта // Један век Народног позоришта у Београду. С. 332.

играла на сербском языке⁴⁴³. В 1921–1922 гг. актриса работала в Загребе, при этом выезжала 17 раз в Белград на гастроли⁴⁴⁴.

Перед возвращением в Белград в 1925 г. Лидия два сезона провела в адриатическом Сплите⁴⁴⁵, где «море смеется» и легко дышится. В том же году ее портрет могли видеть на обложке третьего номера читателя театрального журнала «Comœdia».

И конечно, такая прекрасная актриса не могла не участвовать в спектаклях труппы при Белградском русском драматическом обществе. Успешно пробовала себя в режиссуре.

26 июня 1926 г. выступила режиссером пьесы О. Миртова «Маленькая женщина», поставленной в «Манеже» Белградским русским драматическим обществом в честь 15-летия ее сценической деятельности⁴⁴⁶. В 1928–1929 гг. в столичном Народном театре Мансветова ставит пьесы и играет заглавные роли. Потом супруги кочевали по театрам Королевства: играли в городах Загреб, Сплит, Сараево, Осиек, Сомбор, Нови-Сад. В театре столицы Воеводины Мансветова ставила «Анфису» Андреева, «Нору» Ибсена, «Сон любви» Косоротова, «Ложь» Винниченко. Столетие со дня рождения Льва Толстого театр отметил при открытии сезона 1928/29 г. постановкой «Анны Карениной» в инсценировке и режиссуре А. Сибирякова⁴⁴⁷.

Причем, просмотренная мною сербская критика того времени о выступлениях Мансветовой в той же «Норе» была превосходной. Правда, актрисе ставили в упрек, что артистка представила «русскую Нору», так как у Ибсена она более уравновешена, нежели сыграна Мансветовой, подчеркнувшей своей игрой эмоциональный характер своей героини, вступившей, как пишет критик, в борьбу с обществом, с традициями, за освобождение женщины. Здесь можно было бы поговорить о трактовке пьесы, но это уже был бы монолог о режиссуре, а не об игре актрисы. Дважды выступала в этой роли в Скопле (1937 г.), а также режиссировала этот спектакль. В списке ее ролей, увиденных зрителями театра в Скопле была, в частности, и Абби Пэтнем из пьесы «Любовь под вязами» (Ю. О'Нил)⁴⁴⁸.

Замечу, что «Нора» и сейчас ставится, легко встраиваясь в современность, в которой тема потребления по-прежнему востребована.

После своего отъезда из Белграда, долгие годы – с 1930 г. по 1946 г. – с перерывами на гастроли, играла на сцене драматического театра в Сараево. И не только: ее режиссерская работа получила от критики блестящие отзывы. В частности, о ней были такие строки: «Уже в первой режиссуре драмы Чехова “Три сестры” она добилась “художественного” успеха <...> г-жа Мансветова полностью вошла в суть драмы, впитала интенцию автора

443 Comœdia. 1925. 21 окт. № 3.

444 Там же.

445 Там же. № 3.

446 Новое время. 1926. 24 июня.

447 Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 46, 47.

448 Јовановић З. Т. Народно позориште Краљ Александар I у Скопљу (1913–1941). В 2 т. Нови Сад, 2005. Т. 2. С. 623, 629.

<...> При оценке ее режиссуры особенно подчеркнута серьезность, с которой она приступает к работе, без учета жанра и ценности пьесы»⁴⁴⁹.

В фундаментальном труде Й. Лешича об истории театра в Сараево Мансветовой посвящены многие страницы, рисующие ее портрет – актрисы и режиссера. Она заслуженно вошла в историю театра в Боснии.

Сцену оставила в Сплите, в котором с 1953 г. по 1955 г. играла, ставила спектакли⁴⁵⁰. В отзыве из этого приморского города писали: «Пусть г-жа Мансветова останется навсегда посланницей своей великой роскошной родины»⁴⁵¹.

И напоследок еще одно мнение, на этот раз одной из хорватских газет, перепечатанное в эмигрантском «Новом слове». В статье под названием «Русское искусство в Югославии», привезенной мне женой из архива Джорданвилльской Духовной семинарии (США), писали: «Мансветова принесла с собой на югославянскую сцену типические черты русского сценического искусства, т. е. то “проникнутое духом и углубленное психологией трепетание человеческих душ, которое столь свойственно русским актерам и вообще художникам”»⁴⁵². Замечательные слова, точно отобразившие суть русской игры.

Звездой стала и Елена Густавовна Романова (1894–1970). Играла Елена в труппе Н. И. Соболящикова-Самарина, потом была 3-я студия Художественного театра. В годы гражданской войны актриса играла в труппах «Освага». Приехав из России в адриатический Герцег-Нови, Елена Густавовна основала здесь русское драматическое общество, ставила спектакли⁴⁵³. По переезде в Белград она продолжила выступать, сыграв ряд ролей русского и иностранного репертуаров⁴⁵⁴.

Любовь публики снискала Анна Дориан, актриса, певица, обладательница изумительного меццо-сопрано. С 1920 г. по 1932 г. она выступала на сцене Народного театра в Скопле. В связи с двенадцатилетней «патриотической, культурной и просветительной работой», вкладом в «художественное, национальное и общее воспитание народа Ю. Сербии» была награждена орденом св. Саввы 5 степени. Блистала в таких опереттах, как «Мадемуазель Нитуш» (Дениза), «Прекрасная Елена» (Елена)⁴⁵⁵. Сюда добавлю, что Анна Дориан в 1925 г. основала в Скопле Русское драматическое общество, работавшее свыше десяти лет⁴⁵⁶.

А что такое самодеятельный театр для русских вдали от дома?

449 *Lešić J.* Sarajevsko pozorište između dva rata. U 2 djela. Sarajevo, 1976. Drugo djelo. S. 82.

450 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 151.

451 *Kazališni list Narodnog kazališta u Osijeku* 1927. 14 decembra.

452 Архив Джорданвилльской Духовной семинарии (США). Фонд В. К. Абданк Коссовский. Вырезка из газеты «Новое слово». Б. г.

453 Новое время. 1928. 1 дек. С. 4.

454 Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье». Научный архив. Альбом № 1. «Некрополь» А. Калугина. С. 55.

455 *Jovanović Z. T.* Народно позориште Краљ Александар I. Т. 1. С. 364, 365.

456 Там же. Т. 2. С. 673.

Это всегда возможность и для актера и для зрителя уйти в другую реальность, стать на полтора-два часа другим человеком с иной, чем у тебя, судьбой, даже, может быть, счастливой.

Это своеобразная дверь на родину, когда прошлое оборачивается настоящим...

Потом у Анны будут долгие годы выступления в белградской труппе у А. Ф. Черепова.

Прекрасной драматической актрисой была Анна Михайловна Храповицкая. О ней сохранилось немного, но и то, что известно, звучит лестно. Так, в обширной рецензии на «Лес», сыгранный труппой Русского художественно-драматического общества зимой 1927 г. в «Манеже», были такие строки: «г-жа Храповицкая на редкость умная и вдумчивая артистка с несомненным сценическим дарованием. Главнейший ее недостаток в роли Гурмыжской – ее молодость, если ее украсит гримом, она проглянет в походке, быстроте движений, заявит о себе в голосе, промелькнет в живости глаз. Боязнь своей молодости заставила г-жу Храповицкую перестарить Гурмыжскую, передрахлаить, вовлечь ее в рамо-лимент, от которого она еще далека. Тип же Гурмыжской был понят и выявлен артисткой совершенно правильно и образно»⁴⁵⁷. Потом Анна станет играть в труппе Черепова, у других режиссеров. Я пытался было найти ее архив, он где-то в США, но неудачно. Может быть, кому-то повезет больше.

Известной всему театральному Белграду была Юлия Валентиновна Ракитина (ур. Шацкая) (1892–1977), актриса, режиссер. Свою биографию она вкратце очертила Илье Голенищеву-Кутузову, опубликовавшему о ней статью, помещенную в парижском «Возрождении» за 1933 г. Там можно было прочесть следующее: «Ю. В. Ракитина окончила театральную школу недавно умершего А. П. Петровского, играла в Литейном театре (первый ее дебют в пьесе Евреинова «Веселая смерть»). В течение многих лет была партнером Аркадия Аверченко, принимала деятельное участие в петербургской «Комедии». Оставив Петербург во время Гражданской войны», играла «в Харьковском театре пропаганды (ОСВАГ) под режиссерством Тарханова. Затем в Одессе на главных ролях под режиссерством Озаровского»⁴⁵⁸.

С конца 1920-х гг. Ракитина стала художественным руководителем театра Русской драмы. Активно занималась режиссурой и играла на белградских сценах, не боялась ставить советские пьесы. Правда, она всегда могла «спрятаться за спину» своего мужа, авторитета в театральном мире Белграда.

13 декабря 1930 г. Юлия Валентиновна поставила катаевскую «Квадратуру круга», в конце октября – начале ноября инсценировку «Двенадцати стульев». Ее театр охотно и успешно ставил пьесы Хомицкого: в 1933 г. был сыгран «Эмигрант Бунчук», в апреле 1934 г. – «Вилла вдовы Туляковой»⁴⁵⁹.

457 Новое время. 1927. 20 февр. (Музеј позоришне уметности. Альбом №1 Белград[ского]. Худ[ожественного]. Драм[атического]. Общества. Руско позориште у Београду 1918–1941. Вырезка из газеты.)

458 Цит. по: Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 558.

459 Там же. С. 559, 563.

Ее муж, ставивший у нее спектакли, писал 17 декабря 1933 г. Николаю Николаевичу Евреину: «... В прошлом году наши русские ежемесячные спектакли если не давали дохода, то не проходили с материальным убытком. Ваша “Комедия счастья” дала один из лучших сборов. Затем нас спасали советские пьесы, которые вызвали у здешней антикультурной публики (!!! – В. К.) большой интерес». Но появление другого театра под руководством Черепова и Дуван-Торцова и открытие «военных действий» в борьбе за зрителя поколебали положение труппы Ракитиной. Ее муж в том же письме продолжал рисовать картину: «... Черносотенная русская колония воюет с нами. Русская ежедневная газета тоже против нас. Зато сербская печать и русская публика более либеральная с нами»⁴⁶⁰.

И еще одна выдержка из письма Ракитина Евреину от 20 октября 1933 г., дополняющая картину: «Русская культура в Белграде между русскими на самой низшей ступени. Так образовавшаяся вторая группа любителей под громким названием “Русский театр” состоит вся из халтурщиков и дает пьесы вроде “Кина”, “Барышни с фиалками” и “Василисы Мелентьевой”. Во главе этого предприятия стоит, наверное, Вам известный Дуван-Торцов, который в своей программе объявил, что будет избегать новые пьесы и советских авторов. Нас считают большевиками и пьесу Мережковского (“Петр и Алексей”, 1 октября 1933 г. – В. К.) приняли бранью. Белграду по вкусу “Шпанская мушка”, “Дорога в ад”, “Девушка с мышкой” или произведения из Ростова и Новочеркасска...»⁴⁶¹.

Вот так и «воевали» два театра: Черепов давал представления в Русском доме, Ракитина – в зале Коларчева Народного университета.

О самой Юлии Ракитиной в сатирическом журнале «Бух!!!» были такие строки:

.....
Кому не худо жить в Белграде?

Сейчас ответим мы,

Так вот:

<...>

Мадам Ракитиной. Она

для русской сцены создана,

Для воплощения кузин

И подношения корзин.

Роль этой дамы всем известна,

Хоть на спектаклях и не тесно,

Но все же все спектакля ждут

И ей мерси за тяжкий труд!

А труд велик – всех научить,

Как нужно плакать и любить,

460 Там же. С. 261.

461 Там же. С. 260.

Ходить, смеяться, умирать,
 Моргать, сморкаться и чихать...
 Садиться, шаркать, брать платок,
 Изящно делать экивок
 И ставши к публике лицом,
 Оваций тщетно ждать потом...
 Над чувствами вести контроль, –
 Вот какова той дамы роль!
 Но все же жить не худо ей,
 Она директор чародей!
 Без ничего спектакль дать,
         Все это нужно понимать!!:
 Мы же ей славу воздаем
 И новых контрамарок ждем...⁴⁶²

В 1936 г. по инициативе «опекуна» русских академика Александра Белича и директора «Югоконцерта» Е. А. Жукова театры были объединены. Руководство было доверено «варягам» – супружеской чете В. М. Греч и П. А. Павлову, а режиссером оставлен все же Черепов, но не Ракитина. 4 октября 1936 г. новая труппа показала «вечно-живой» «Вишневый сад».

Классика всегда благонадежна и, как правило, не подводит.

Потом были показы «На дне», «Женитьбы» и других вершин русской классической драматургии. Но все это было уже без участия Юлии Валентиновны Ракитиной.

Теперь коротко о русских режиссерах, игравших на сцене. Вначале о Якове Осиповиче Шувалове (1870–?) и его двух биографиях. Первая начинается с 1913 г., когда он «нежданно-негаданно» оказывается в Скопле и становится первым русским, ставшим играть под фамилией Осипович на сцене только что открытого там театра и ушедшим потом на фронт добровольцем сражаться за свободу. Вторая, более ранняя, известна по переписке Б. Нушича с М. Гролом, приведенная сербским историком З. Т. Йовановичем в его солидном двухтомнике по истории театра в Скопле: «Яков Осипович (который в Солуне) сейчас в связи с русской революцией назвал свое настоящее имя. Он – Иван Михайлович Капускин (Капусткин?, Капустин? – В. К.). Возвращается в Россию. Его жизнь – это целый роман, причем из тех, мрачных русских романов. Дал письменное обязательство в том, что его больше нет. В церковных книгах он записан как умерший. Его жена как вдова вновь вышла замуж. Сейчас все это как бы забыто, и он возвращается из мертвых. Только он... не может больше без полюбившейся ему Сербии»⁴⁶³. И, видимо, таких «живых фантомов» было немало, если судить, что один из них попал даже в пьесу.

462 Бух!!! Bouh – revue satirique russe. 1932. № 12.

463 *Јовановић З. Т.* Народно позориште Краљ Александар I. Т. 1. С. 69.

Дальнейшая биография довольно проста. Он работает в Битольском народном театре, потом опять в Скопле, а затем колесит по всей Югославии. В 1919 г. Яков Осипович играл в спектаклях и занимался режиссурой в Белграде.

В том же году он ставил, например, «Отца» Ю. Стриндберга в Словенском национальном драматическом театре. Добавлю, что в репертуаре словенских театров его имя упоминается в двух десятках режиссерских работах. Тогда же он ставил в Национальном оперном театре в Любляне «Прекрасную Елену Ж. Оффенбаха и «Русалку» А. Дворжака. В историю словенского театра его имя вошло и как режиссера и актера⁴⁶⁴.

Хотя и здесь его деятельность некоторыми оценивалась весьма резко. Театровед К. Я. Козак приводит в одном из своих великолепных исследованиях такие, например, строки: «Постановка г-на Осиповича, который практически всех героев превратил в кукол, кажется мне совершенно неудавшейся» или «С точки зрения режиссуры “Узел” в постановке Осиповича стоит отнести к худшим спектаклям, проходившим у нас в последнее время»⁴⁶⁵.

И, тем не менее, практика показывала иное.

В сезоне 1921/22 г. у него были театры в Загребе, Любляне, Триесте, Осиеке, Нови-Саде. В сезонах 1924/26 гг. у «Осиповича» – подмостки в Вараждине и Любляне. По данным Арсеньева, в 1931 г. Шувалов работал в Белграде. С 1933 г. он играл в Русском общедоступном театре у Черепова. В 1934/35 г. – в театре в Нише⁴⁶⁶.

Если говорить о режиссерской работе Шувалова, то его постановки, по мнению одного из исследователей, отличались «психологическим реализмом, обогащенным и облагороженным искусством художественников»⁴⁶⁷.

Из режиссеров нужно назвать имя «всеизвестного» Ракитина Юрия Львовича (1882–1952). Он режиссер, актер, педагог. Родился в небедной дворянской семье. Отец – судья Высшего апелляционного суда. В 1904 г. окончил в Санкт-Петербурге Императорское театральное училище.

Ракитин кончал курс у В. Н. Давыдова в Петербурге, на выпускном экзамене его игра была замечена самим К.С. Станиславским – и начинающего актера пригласили в экспериментальную студию МХТ на Поварской в Москву. Ракитин сыграл Скалозуба в «Горе от ума» и Курчаева – «На всякого мудреца довольно простоты». Остальные роли были незначительными. Возможно, пишет театровед Наталья Михайловна Вагапова, причиной такого охлаждения была дружба с Вс. Э. Мейерхольдом⁴⁶⁸. По мнению другого

464 Козак К. Я. Контрапункт преданности и презрения: русские актеры в Словении в межвоенный период // Slovenica II, Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. К юбилею И. В. Чуркиной. М., 2011. С. 286.

465 Цит. по: Там же. С. 292–293.

466 Арсеньев А. Биографски именик. Т.2. С. 325–326.

467 Јовановић З. Т. Народно позориште Краљ Александар I. Т. 2. С. 830.

468 Вагапова Н. Юрий Ракитин – трагический весельчак // Мнемозина. Документы и судьбы из истории русского театра XX века М., 1996. Вып. 1. С. 267.

исследователя Петра Марьяновича, причина заключалась в слабой вере будущего доктора Дапергутто в актерские способности Ракитина⁴⁶⁹.

К своим друзьям Ракитин относил Никиту Балиева, с которым он открывал знаменитую его «Летучую мышь». Считался своим в семье Качаловых. Водил знакомство с Гумилевым, Ахматовой, Ремизовым, Горьким, Куприным, Волошиным, Городецким, Зайцевым, Брюсовым, Книппер-Чеховой, Блоком и Вяч. Ивановым... В 1911–1918 гг. Ракитин работает режиссером в Александринском театре, куда он был принят благодаря рекомендации Мейерхольда. Режиссерские работы Ракитина видели и в Суворинском и в Михайловском театрах. В северной столице он успел поставить не менее десятка пьес⁴⁷⁰.

С известной долей аффектированности он писал в своих мемуарах: «Я вошел в двери театра, когда еще светила тихим угасающим светом Великая Плеяда нашей реалистической школы, начатая в Москве Щепкиным, а в Петербурге Мартыновым и Сосницким. Я застал последних могикиан, когда они, на склоне дней, венчали своими гениями русский драматический театр <...> Участвовал я в работе Московского художественного театра, в дни его высшего расцвета. Прикасался к работам великих русских режиссеров-мастеров, академиков Влад. Ив. Немировича-Данченко и К.С. Станиславского. При мне окончательно созрели и стали блистать своим творчеством и талантом на всю Россию и Европу Художественники О. Л. Книппер, И. М. Москвин, В. И. Качалов, М. П. Лилина, Л. М. Леонидов. Я был сотрудником, деятельным и ближайшим, огромного русского режиссера, новатора В. Э. Мейерхольда. (Не касаюсь его сегодняшней роли у большевиков.) <...> Наконец, ставши сам режиссером Император. театров в Петербурге, присутствовал при последних днях падения Старой Императорской сцены и последних судорог царственного Петербурга»⁴⁷¹.

После смены власти в октябре 1917 г. Ракитин вошел во Временный комитет по управлению театрами. Однако по сравнению с Мейерхольдом, «восторженно встретившим революцию», Ракитин имел свои взгляды на «новые небеса», в корне отличавшиеся от позиций своего друга по театру.

Итак: «Платон мне друг, но истина дороже» – своя истина была у Ракитина. В апреле 1918 г. он покидает голодный и недружелюбный Петроград и едет в Гомель, в имение своей жены Юлии Валентиновны Шацкой. Но Гражданская война не давала времени на расслабление. В преддверии наступления Красной Армии и поддавшись уговорам родных, Ракитин бежал в Киев. Там он немного «порежиссировал» в одной из частных трупп. Потом был Харьков, французская Одесса, в которой ставит пьесы даже в двух театрах. Затем случилось невероятное: по приглашению своего товарища по Московскому Художественному театру К. А. Марджанова Юрий Львович возвращается в красный Киев, в театр Н. Н. Соловцова. Однако все же Гражданская война заставляет его пуститься опять

469 *Марјановић П.* Контрверзе редитеља Јурија Львовича Ракитина // Руска емиграција. Т. 2. С. 115.

470 *Вазанова Н.* Юрий Ракитин – трагический весельчак. С. 270.

471 Цит. по: Там же. С. 269.

в «бег». Начались новые скитания: снова Харьков, потом Ростов-на-Дону, Севастополь, Феодосия⁴⁷².

По мнению Н. Вагаповой, именно жена и ее родные «сыграли главную роль в решении Ракитина уехать из России»⁴⁷³. В 1920 г. супруги уже в Стамбуле. Там Ракитин ставил пьесы «Пигмалион» (29 июля) и «Травиату» (31 августа), пишет в местной прессе статьи, рецензии, например, о гастролях трупп Маргариты Фроман, Московского Художественного театра, о выставке художника Леонида Браиловского. Денег все равно не хватало. Жена пошла работать кельнершей в русский ресторан⁴⁷⁴.

Получив приглашение от Никиты Балиева приехать в Париж к нему в труппу и от директора Белградского Народного театра М. Грола, он все же останавливает свой выбор на столице Королевства⁴⁷⁵.

Приглашение не было случайным: Грол узнал о Ракитине от обосновавшейся в столице Королевства москвички Тамары Дейкархановой, игравшей в свое время в Москве у Балиева, вхожей в семью Качаловых. Итак, в 1920 г. он в Белграде: артист Ракитин становится служащим Министерства просвещения, в чьем ведении находились театры.

В 1921 г. Ракитин поставил «Смерть Тентажиля» Метерлинка, «Проделки Скапена» Мольера⁴⁷⁶ Тонкий исследователь русского зарубежья Эниса Успенская пишет: «Следуя Станиславскому, Ракитин поучал сербских актеров, что “кроме простых сильных чувств <...> ненависти, любви, страсти, – существует и огромная сила нашего *подсознательного* чувства, сила, которая лишь нащупывается, но которую уже вполне можно выразить на сцене”. И актеры поняли его, они сумели, как выразился Ракитин, найти для Метерлинка “ту самую тонкую ноту”. Режиссеру шло на руку то, что сербские артисты были свежими и непосредственными, что их не коснулись “искушения псевдомодернизма”, как русских, прошедших сквозь лес вульгарностей разных Пшибышевских, Ведекиндов и проч. Это помогло Ракитину не только превратить актера в орудие своего творчества, но и помочь ему самому добраться до тайны собственного существа»⁴⁷⁷.

Первые спектакли позволили ему подтвердить свое мастерство и завоевать сердца поклонников своего таланта. В том же году он поставил «Травиату» Джузеппе Верди⁴⁷⁸.

472 Арсењев А. Ракитин међу руским емигрантима // Сепарат. Зборник Матице Српске за сценске уметности и музику. 1995. № 16–17. Нови Сад. С. 249–250.

473 Вагапова Н. Юрий Ракитин – трагический весельчак. С. 271.

474 Арсењев А. Ракитин међу руским емигрантима. С. 250.

475 Арсењев А. У излучины Дуная. С. 196.

476 Новое время. 1921. 14 мая.

477 Успенская Э. Белградские режиссуры Юрия Ракитина пьес Мориса Метерлинка // Јуриј Львович Ракитин – живот, дело, сећања. Зборник радова међународног научног скупа. Београд–Нови Сад, 2003. 17–20, априла. С. 177–178 / Юрий Львович Ракитин – жизнь, творчество, воспоминания. Сборник докладов международной научной встречи, Белград–Нови Сад, 2003. 17–20 апреля. С. 177–178.

478 Новое время. 1921. 14 мая.

Добавлю, что 29 апреля 1923 г. в «Манеже» была с успехом поставлена Ракиным на сербском языке «Чайка». Исполнители – члены студенческого драматического театра⁴⁷⁹. Как подсчитал П. Марьянович, Ракитин за первые пять сезонов осуществил в Народном театре постановки 40 драматических спектаклей и трех опер. Кроме того, в этот период он поставил несколько спектаклей в Сараево, где был на гастролях; один – в Академическом театре в Белграде; несколько пьес – в актерско-балетной школе⁴⁸⁰.

В сезоне 1922/23 г. Юрий Ракитин был гастрольным режиссером в далеком Скопле, где местный театр переживал не лучшие времена. Поставил там спектакли «Вишневый сад» и «Дети Ванюшина». Работа Ракитина, его коллеги Верещагина (о нем будет позже – В. К.), и сербского режиссера Исайловича не прошла даром, публика вновь пошла в театр, отмечалось в 1923 г. в главном театральном журнале «Сомоедија»⁴⁸¹.

Талант Ракитина признавался всеми, но критики тоже хватало. О русском режиссере так писал один из тогдашних театралов: «В Белградском Национальном театре работает уже 6-й год режиссер Ракитин. Воспитанный в духе Художественного и Александринского театра, работавший в качестве начинающего режиссера под руководством Мейерхольда, он принес с собою на сербскую сцену лучшие сценические идеалы. И как он ни старается отречься от своих воспитателей, которым он обязан всем, и от багажа, с которым он вышел на режиссерскую дорогу, по счастью, быть может, помимо его воли, это старое сказывается в его работе и сквозит в том лучшем, что удастся сделать. Дебютировал Ракитин постановкой “Смерти Тентажиля”, восторженно принятой сербской прессой. Прекрасная проникновенная работа. Из его русских постановок в Национальном театре следует отметить “Ревизора” в гротескных тонах и “Живой труп” (почему-то не с оригинальными цыганскими песнями). Из иностранных “романтиков”, проявив большую остроту, вкус к стилизации, уметь дать должное настроение, а иногда даже найти ритм, Ракитин, к сожалению, последнее время ставит почти исключительно веселые пьесы».

Правда, в постановках этих веселеньких комедий Ракитин обнаруживает много живости и нашел то, что так нравится публике, но и в них мы не видим ничего нового. Какая-то самоудовлетворенность и застылость сквозит на всех его позднейших постановках, а мы вправе были бы ожидать от него гораздо большего»⁴⁸².

Недовольство режиссером Ракиным проявлял и критик Велибор Глигорич. Когда в 1936 году в Народном театре был поставлен Ракиным «Живой труп» Толстого и королева русского романа Ольга Янчевецкая, приглашенная им, выступала в роли цыганки Маши, рецензия Глигорича была весьма резкой по тону и содержанию. Глигорич писал, что большое участие Янчевецкой в драме приблизило Народный театр к ночным заведениям типа «Казбека» (вполне приличный ресторан, где часто собирались артисты,

479 Новое время. 1923. 4 мая.

480 Марьянович П. Контроверзе редителя Јурија Львовича Ракитина. С. 116.

481 Јовановић З. Т. Народно позориште Краљ Александар I. Т. 1. С. 133, 172.

482 Театрал. Русское искусство в Королевстве С.Х.С. С. 41–42.

чтобы отметить спектакль. – В. К.). Для сербского критика введение элементов варьете уже само по себе вредило авторитету Народного театра, а выдвигание на первый план Маши с ее пением портило весь спектакль⁴⁸³.

Что же, критика чаще всего и являет собой некую неудовлетворенность совершаемого творцом. Возможно, критики и правы, но их правота однобока: вся режиссерская работа Ракитина связана с поиском новых форм сценического воплощения жизни, смешной, язвительной, прекрасной и... другой.

Касааясь свободы творчества Ракитина, Вагапова писала в одной из своих статей, что «дирекция Королевского Национального театра в Белграде предоставила Ракитину полную творческую свободу, как в выборе репертуара, так и в направлении его режиссерских исканий»⁴⁸⁴.

Однако мне это умозаключение представляется несколько абсолютизированным.

И вот почему: 20 октября 1933 г. Ракитин писал Н.Н. Евреину: «В столе Дирекции лежит много русских пьес, чающих движение воды, но уже несколько лет как русской литературы в театре не видно. Последняя вещь была “Квадратура круга” Катаева. Театр занят местными авторами. Этого требуют и правительство и газеты. Деньги дают на театр не даром. Потом ставят французов, немцев, чехов и поляков...». И, тем не менее, пьесы шли. С 1935 по 1937 г. во время управления Народным театром Радославом Весничем зритель видел «Женитьбу», «Дорогой цветов», «Идиота», «Преступление и наказание», «На дне», «Вассу Железнову», «Трех сестер»⁴⁸⁵.

К сказанному добавлю еще одно заявление Ракитина о том, что от него не зависит выбор репертуара, в том числе и русских пьес. Он «может только предложить, но в большинстве случаев его предложение остается только “идеей”», т. е. согласно правилам, «режиссер только выполняет поставленные перед ним задачи»⁴⁸⁶.

Свыше четверти века (до 1946 г.) продолжалась режиссерская и педагогическая работа Юрия Львовича Ракитина в сербском театре. Он представил публике свое видение русской классики – пьес Островского, Толстого, Чехова. Как подчеркивают практически все историки сербского театра, творчество Ракитина-режиссера явилось огромным вкладом в процесс развития национальной режиссуры. Ставил он спектакли в Скопле, Сараево, Шабце, Вршце. Его творчество в этой сфере, взыскательность к актерскому труду, своеобразию постановок, в которых чувствовались традиции МХТ, – все это снискало Ракитину авторитет в сербском театральном мире. Но, как уже упоминал, были и упреки в мейерхольдовщине, связанной с «клоунадой», гротеском, «цирком». И здесь представляется уместным дать слово для защиты самому Ракитину, его оценке обстановки, в которой

483 Глигорий В. Реприза «Живог леша» (Музеј позоришне уметности Србије. Вырезка из газеты.)

484 Вагапова Н. Счастливые московские годы Юрия Ракитина // Јуриј Љвович Ракитин – живот, дело, сећања. С. 26.

485 Переписка Николая Евреина с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 564.

486 Comœdia, 1924. 13 окт. № 7.

он работал: «Вы не можете себе представить, – писал он 14 апреля 1934 г. Евреинову в Париж, – насколько горек мне “братский” сербский хлеб, который я ем <...> В театре у нас не актеры, а замученные, усталые представляльщики, которые играют по 14 раз в неделю и выдерживают по 2 репетиции в день. Жалованье наше сведено к минимуму и едва-едва хватает, чтобы прокормиться. От режиссера требуется выдумка, новизна, а всякая новость сопряжена с расходами, на которые дирекция идет туго <...> Всякая новость вызывает бешенство критики, которая ищет социального элемента и в пьесе и в постановке. Всякая попытка вызывает критику, что это есть шарж, карикатура, утрировка. Боже, сколько я перетерпел из-за этого. Я все время упрекаем в каком-то гротеске, причем никто не знает, что такое буквально значит слово “гротеск” <...> какой ужас работа в такой молодой и требовательной стране, как наша, где еще сохранилось многое от турецкого ига и от австрийского провинциализма. Задняя прихожая Вены – вот чем был долгое время Балканский полуостров до войны, и теперь трудно очень пробивать стену русскому режиссеру <...> Русские старики не ходят в театр, а молодежь бедна и не интересуется старым в театре и вообще никаким театром. Я пришел к убеждению, что работать без базы, без своей земли нельзя, но о возвращении в Россию не может быть и речи, – я ненавижу теперешнюю власть и не помирюсь с ней, любя свою Родину. Не верю ни в какие достижения советской власти в театре. Все это блефф!»⁴⁸⁷

Конечно, в этом письме много горячности, искренности, но Ракитин явно «перебрал», утверждая, что никто не любит театра, а сербские актеры – «усталые представляльщики». Ранее, в связи с пятилетием своей работы на белградской сцене в открытом письме, посвященном сербскому актеру, Ракитин, вспоминая свои первые работы, спрашивал себя: «Не обманул ли я? Думаю, что нет! Прошло пять лет, и я как в некоем тумане, вспоминаю “Смерть Тентажиля”, мои первые режиссерские работы здесь <...> Я все эти годы добросовестно служил тебе, Сербский Актер, и тебе, Русское Искусство <...> я с искренним уважением снимаю перед тобой шляпу. Ты этого достоин...»⁴⁸⁸.

И он творил, несмотря на случившееся непонимание, особенно в сербской театральной среде, в публике. В частности, Ракитин писал весной 1934 г. Евреинову: «Я только что поставил на сербской сцене “Даму с камелиями” (6 марта 1934 г.), которую я в известных местах соединил с музыкой из “Травиаты”. Музыка возникала очень тихо иногда как мелодраматический аккомпанемент. Против этого восстали почти все газеты, находя, что музыка эта банальна, пошла и что она убивает текст <...> через две недели я поставил (23 мая 1934 г. – В. К.) по-сербски же пьесу Булгакова “Зойкину квартиру” <...> премьеры пьесы этой вызвала огромный скандал и возмущение. Партер был шокирован, что на сцене публичный дом, а галерея протестовала против “искажения” советской действительности.

487 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 267–268.

488 *Јовановић З. Т.* Написи Ј. Љ. Ракитина о позоришној уметности // Јуриј Љвович Ракитин – живот, дело, сећања. С. 247.

Говорят, что я поставил пьесу по-эмигрантски, по-белому, не выявив в пьесе настоящей правды советской <...> Теперь я в Белграде мишень, в которую бьют все газеты, обвиняя меня в провале. Дирекция театра тоже зла на меня из-за неуспеха и провала. Враги Дирекции, сводя свои счета с ней, бьют по мне, и бьют очень больно, находя меня старым и неспособным уже к работе (мне будет в конце мая 52 года). Дирекция театра обвиняет меня в экспериментаторстве, находя, что я уже не смею экспериментировать, как старый режиссер. Критика пишет, что я вывел актеров к позорному столбу и т. д.»⁴⁸⁹

Всеобщее недовольство, по сути дела, только подтверждало талант автора и режиссера. Но Михаил Булгаков был далеко, а достигаемый Юрий Ракитин «впал в немилость»: пьеса была снята с репертуара, а сам «виновник» теперь мог представлять на суд публики гораздо меньше премьер, нежели раньше.

Но тут надо все же напомнить, что к 1935 г., за 15 лет работы, Ракитин поставил свыше 100 пьес, из них более четверти из русской классики. При этом громадный успехнискала постановка пьесы Б. Нушича «Вокруг света», выдержавшая свыше 150 представлений. И конечно, не следует забывать, что он работал главным режиссером и художественным руководителем в труппе своей супруги. Там им было к 1935 г. поставлено свыше 30 пьес⁴⁹⁰.

К этому следует добавить, что Ракитин не только ставил спектакли, но и выступал в сербской печати, в частности, в театральном журнале «Сомоедиа» со статьями о русских пьесах, готовившихся к показу. И будущим театроведам было бы, полагаю интересным собрать и издать «всего Ракитина». В частности, в связи с предстоящей постановкой «Иванова» он, знакомя сербского зрителя с этой пьесой, обращал его внимание на то, что «Иванов» – это образ нынешнего поколения, взвалившего на свои слабые плечи слишком большой груз, который не может нести. Здесь, писал он, представлена трагедия уставшего, измученного человека, которого не понимают окружающие. «Иванов» – это общеславянский тип. В «Иванове» каждый русский видит «минувшие страдания и свою погубленную молодость». Вот почему русская интеллигенция так полюбила «Иванова», заключал Ракитин⁴⁹¹.

Сам же «пересмешник» не менялся. Сняли советского Булгакова, что ж, можно «посмеяться» над жизнью и по-другому: в Русском доме он ставит 1 июня 1940 г. на его сцене переделку другого «пересмешника» – «Грибоеда», дав своей пьесе название «Горе от ума» в Белграде⁴⁹².

Этот «трагический весельчак», по определению Вагаповой, имел сложный характер, он был настоящим режиссером-творцом, а таким всегда трудно и все не по нему. Он мог на генеральной репетиции впасть в истерику и, бегая по темному залу или сцене, орать: «Я убью Грола», как будто директор был виновен в том, что что-то идет не так, как следовало

489 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 266–267.

490 Театрал // Обозрение (Белград). 1935. 20 сент.

491 Сомоедиа. 1924. 15 дек. № 16.

492 Качаки J. Указ. соч. С. 362.

бы. «Тем не менее, – пишет Вагапова, – актеры охотно работали с “этим чудаком”, ценя его умение отбирать исполнителей и упорно добиваться нужного результата, не щадя ни себя, ни своей “жертвы”, которая в случае неудачи безжалостно изгонялась со словами “извините, я виноват, я ошибся” и заменялась другим, более подходящим кандидатом»⁴⁹³.

Актер Мата Милошевич характеризовал Ракитина как режиссера «ярких красок, жирно очерченных образов, утонченных, но весьма интенсивных эмоциональных воздействий...»⁴⁹⁴

И поэтому понятна страсть Ракитина к буффонаде, столь ярко проявлявшейся в мольеровских спектаклях. И конечно, ему здесь помогали и балетные номера, придававшие особый шарм постановкам. Возможно, именно лихорадочное стремление уйти от почтенных штампов вело Ракитина в прорыв маскарада. Так, «Жоржа Дандена» (1930 г.) зрители вспоминали как «бурлескную клоунаду» с цирковыми трюками. При этом в постановке пел оперный хор, выделяла па балетная труппа⁴⁹⁵. Этот ракинский «врожденный театральный инстинкт» чувствовался в «Мнимом больном»⁴⁹⁶, да и в других его режиссерских работах, когда он в посыпанном сигаретным пеплом костюме, небритый или весь в порезах от бритвы, с неуклюжей походкой требовал от актеров работы, работы и еще раз работы⁴⁹⁷.

Этот «портрет» дополняют воспоминания работавшей с ним в спектаклях балерины Ксении Грундт: «Г-н Ракитин, будучи сам прекрасным артистом, как режиссер был, что называется, «тяжелым» в силу плохого характера и странного, как мне казалось, метода. В его указаниях не было ясности, все это были какие-то нащупывания и искания. При малейших шероховатостях он обижался, делал сцены, уходил!.. Кто-то всегда или опаздывал или не мог быть. Это рождало бесконечные объяснения, ссоры и, коротко говоря, – создавало нервную и малоприятную для меня атмосферу»⁴⁹⁸.

В жизни этот «пересмешник» не щадил и себя, «прохаживаясь» по поводу своей «некрасивости»: по воспоминаниям актрисы Мирьяны Коджич, приводимым Вагаповой: «... При высоком росте у него были неестественно длинные руки, чуть ли не до колен. Нередко, прервав на полуслове [репетицию], он начинал с пренебрежением говорить об этих уродливых руках или о своем гадком, курносом, маленьком носе <...> Большие уши, нескладно посаженная голова и, наконец, ноги, кривые в коленках, непослушные...»⁴⁹⁹ Иными словами это портрет постаревшего «мальчика Мука». Но на фотографиях Юрий Львович смотрелся стильно.

493 Вагапова Н. Юрий Ракитин – трагический весельчак. С. 275–276.

494 Цит. по: Там же. С. 276.

495 Там же. С. 277.

496 *Јовановић С. А.* Молијер на сцени Народног позоришта // Један век Народног позоришта. С. 334.

497 Там же. С. 330.

498 *Грундт Кс.* Балетные воспоминания. Париж, 1958. Рукопись. Ксерокопия. С. 275–276.

499 Цит. по: Вагапова Н. Юрий Ракитин – трагический весельчак. С. 281.

И еще несколько строчек из воспоминаний актера Маты Милошевича, цитируемых Вагаповой: «Любили его немногие <...> между тем он легко и очень близко сходил с людьми, от которых не зависел, не опасался и испытывал расположение. В обществе Ракитин бывал весел, не прочь был съязвить на чужой счет, но не обижался, когда ему отвечали тем же. Поскольку он обожал рассказывать и разыгрывать про окружающих разные смешные сюжеты, многие считали его зловредным человеком. И напрасно. Я уверен, что никакой злобы к людям в нем не было.

Когда Юрий Львович чувствовал себя хорошо, он бывал обаятельным, предупредительным, бодрым, он излучал внутреннее веселье и человеческое тепло <...> казалось, что мы хорошо его знаем, но в жизнь его вне театра никто не мог проникнуть»⁵⁰⁰.

Но, видимо, когда Ракитин был нервозен, он не был «обаятельным» и «человечным». А причин для «язвительности» хватало: сама профессия и эмигрантское житье-бытье располагали к этому.

Ракитин мог грустить, пересмешничать, радоваться, у него было много друзей по всему Белграду. Блестящий импровизатор, он был нарасхват на всевозможных вечерах, которые так любила устраивать русская эмиграция. Дружил он с журналистами, с художником Владимиром Жедринским, с часто гастролировавшим в Белграде Игорем Северяниным, который вместе со своей женой нередко гостили в его квартире (1929–1933 гг.).

Он любил человека, но жизнь не баловала, если вспомнить хотя бы трагедию с сыном Никитой (1917–?), уехавшим вначале в Париж к родственникам, потом, тайно от них, в Интербригаду, воевать в Испании, оттуда, возможно, попавшим в СССР и «замолчавшим» навсегда⁵⁰¹. Можно припомнить болезнь, бедность, потерю друзей в годы войны. Арсеньев пишет: «Жизнь в оккупированном немцами Белграде была для Ракитина полна кошмаров: голод, болезни, две операции Юрию Львовичу, унижения, распродажа почти всего имущества (вплоть до одежды и простынь)»⁵⁰². В 1941 г. он стал работать над постановкой «Обрыва» Ивана Гончарова. Премьера спектакля была уже назначена на середину июня, но, вследствие запрета оккупационных властей произведений русских писателей, пьеса так и не была поставлена. После продолжительной болезни Ракитин примерно с середины 1942 г. готовил «Отелло», но и здесь спектакль был снят с репертуара немецкими чиновниками, увидевшими, видимо, в пьесе поприще белой расы. Потом была опять болезнь, и лишь весной 1944 г. он увидел на сцене Народного театра в Белграде поставленных им «Романтиков» Ростана⁵⁰³.

В его дневнике за 1943 г. были и такие строки: «Вчера какой-то серб хотел подать мне кусок хлеба, думая, что нищий <...> Сидим без хлеба, жиров и без дров. Хотел уехать

500 Цит. по: Там же. С. 280.

501 Гимназия в лицах. Кн. Вторая. С. 500.

502 Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 201.

503 *Мајданац* Б. Документа архива Србије о Јурију Ракитину // Јуриј Львович Ракитин – живот, дело, сећања. С. 127–129.

в Берлин, но “не дождался приглашения от русской театральной группы”. Потом Ракитин «готовится стать священником, уйти в монастырь – практикуется в церковно-славянском чтении, изучает богослужебный устав»⁵⁰⁴.

Исследования Боро Майданаца позволяют уточнить ситуацию с Ракиным после освобождения Белграда осенью 1944 г. Так, после того, как «пересмешник» прошел благополучно специальный суд чести, на который вызывались все те, кто работал в театре в годы оккупации, он начал работать над постановкой «Ревизора». В 1946 г. он был по просьбе театра в Шабаце откомандирован в этот провинциальный город. Юрий Ракитин приезжает туда осенью и остается до конца сезона 1946/47 г. 29 ноября 1946 г. в день празднования провозглашения Федеративной Народной Республики Югославии в театре идет премьера поставленного им спектакля «Мещане». Весной 1947 г. знаменитый режиссер был отправлен на пенсию⁵⁰⁵. Но без работы он не остался: его «приютила» столица Воевоины – Нови-Сад.

Добавлю, что по другим, прежним, данным Ракинин был вынужден оставить Белград после войны, и лишен югославского гражданства не без помощи «своего верного врага» директора театра Велибора Глигорича. Причина – согласие страдавшего от голода режиссера на постановку в 1941 г. пьесы «Эльга» Герхарта Гауптмана (что, судя по документам у Б. Майданаца, неверно) и в 1944 г. «Романтиков» Эдмона Ростана. Также в вину было поставлено его желание во время войны перебраться в Берлин⁵⁰⁶.

В этой ситуации выиграла столица Воевоины, заполучив в 1946 г. режиссера такого ранга. И надо только удивляться; как Ракинин с его «зловредным» характером в годы Информбюро и гонения на русских не попал в проскрипционный список властей. Сам он своей «высылке» в провинцию, видимо, не придавал особого значения – в работе он находил отдых от «лишних мыслей». На сцене Воеводинского Народного театра появились неполитичные «Ревизор», «Тартюф», «Медведь» и другие комедии, которые он ставил еще в Белграде⁵⁰⁷. В 1950 г. на фестивале Воеводинских театров в Зреняине его работа над постановкой «Вишневого сада» была отмечена первой наградой. В 1951 г. он поставил «Дикую утку» Ибсена⁵⁰⁸. Занимался преподаванием в театральной студии. Последними спектаклями были «Бесприданница» и «Вишневый сад», ставший, по словам А. Арсеньева, «лебединой песней»⁵⁰⁹.

Незадолго до смерти он записывал в своем дневнике: «В эти Рождественские дни я особенно раздумываю о своей жизни и убежденно говорю, что милость Господа ко мне велика и щедроты Его со мной. Старость моя все же тиха. Новый Сад для меня оказался

504 Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 201.

505 Майданац Б. Указ. соч. С. 130, 133.

506 Марјановић П. Контрверзе редитеља Јурија Љвовича Ракинина. С. 117; Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 202; Майданац Б. Указ. соч. С. 127.

507 Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 202.

508 Майданац Б. Указ. соч. С. 134.

509 Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 202.

спасением и пристанью (8 января 1952 г.). «Песни из России по радио. И старые и новые, хватают меня на сердце. Томят своей грустной усладой. Сладко мучительно слушать их. Щемит сердце... (7 мая 1952 г.)»⁵¹⁰.

На его могиле посажены вишни.

(И немного статистики, собранной трудами Алексея Борисовича Арсеньева, много сделавшего для увековечивания памяти своего знаменитого соотечественника. Только с 1905 по 2006 гг. о Ракитине вышло 863 работы. Библиография работ самого режиссера с 1909 по 2001 гг. насчитывает 98 пунктов. Театрография: с 1911 по 1952 гг. им было поставлено 228 спектаклей⁵¹¹. Исследования продолжаются.)

Другое известное имя – Александр Филиппович Черепов (1892– ок. 1946). После гимназии Александр учился на историко-филологическом факультете, занимался славистикой. В 1914 г. он дебютировал как актер в Самаре. Играл в «Эрмитаже», в труппах Мамонта Дальского, Владимира Лебедева, Александра Южина. После революции «гостил» во многих европейских странах. В 1924 г. по прибытии в Ригу Черепов занимался распространением журнала литературы, искусства и экономики «Балтийский альманах», выступал на разных сценах, писал статьи в журнале «Кино-Рампа» о театре и кино. Был он известен как отличный чтец-декламатор. В 1925 г. Александр Филиппович открыл в Риге свою театральную школу, учил студентов по системе Станиславского. После открытия 26 февраля 1926 г. Театра русской драмы Черепов вступает в его труппу: играет и ставит спектакли⁵¹². К сказанному добавлю, что в своей автобиографии он писал, что «совершенствовал свое театральное образование в студии Москов[ского]. Худ[ожественного]. Театра»⁵¹³.

Черепов участвовал и в постановках Камерного театра Е. Н. Рожиной-Инсаровой. Играл он и в ряде «веселых» спектаклей, пользовавшихся успехом у публики с неприятзательным вкусом. Примером, пишет В. В. Иванов, может служить анонс в рижской газете «Сегодня» за 1926 г.: «Под руководством и при участии артиста Московского Художественного театра А. Ф. Черепова “Мечь Ву-ли Чанга”, обстановочная инсценировка-феерия. В главной роли А. Ф. Черепов. Эффектные стилизованные танцы. Красочная обстановка...»⁵¹⁴.

Однако Латвия не стала для него «насиженным местом». Возможно, помешало неприятие Черепова руководителем Русского театра драмы в Риге Рудольфом Адольфовичем Унгерном: в письме от 6 июня 1929 г. к Ракитину он аттестовал Черепова как «афериста и мелкого сорта авантюриста»⁵¹⁵.

510 Цит. по: Там же. С. 203–204.

511 Арсеньев А. Б. Театрография, библиография работ Ракитина и библиография работ о нем // Журн[ал] Львович Ракитин – живот, дело, сећања. С. 385–430.

512 Марковић О., Чолић Д. Александр Черепов и «Руско Драмско Позориште за Народ» // Руска емиграција. Т. II. С. 130–131.

513 Архив А. Ф. Черепова (Музеј позоришне уметности Србије).

514 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 562.

515 Цит. по: «Когда весь мир чужбина». Письма Рудольфа Унгерна Юрию Ракитину 1926–1938 // Мнемозина. Вып. 3. С. 572.

Сам актер, видимо, не стал углублять разногласия: он много ездит по Прибалтике, играет в Германии, Польше, Австрии, Чехословакии. Видимо из Праги он с семьей прибывает в апреле 1929 г. в Белград⁵¹⁶.

Там он опять аттестует себя артистом МХТ: в объявлении об его выступлении 1 мая 1929 г. в зале II мужской гимназии (улица Пуанкаре) с обзором состояния искусства и литературы в Советской России он именуется артистом Московского Художественного театра⁵¹⁷.

Однако, как утверждает В. В. Иванов, таких документов в архиве театра не обнаружено⁵¹⁸.

Сами современники отмечали, что в театральном мире тогда много объявилось артистов, именовавших себя без всякого основания актерами императорских театров. Были и мнимые «мхатовцы», которых Ракитин называл «гомункулусами» МХТ. К ним он причислял и Черепова, в талантах которого он сомневался, видя его игру. Его недоверие подтверждалось после получения ответных писем от своих знакомых артистов из Каунаса и Риги, писавших ему, что Черепов «обманщик», который никогда не был членом труппы МХТ. Обо всем этом Юрий Львович и написал в белградскую газету «Время»⁵¹⁹. Относительно обвинений в «самозванстве», то актер через ту же газету ответил, что он не имеет никакого желания доказывать свою связь с МХТ, так как среди русских белградцев есть и те, которые видели его игру на московских сценах⁵²⁰.

Потом все это как-то стихло. Сам Черепов снискал шумный успех в Белграде, Загребе, Скопле, Цетинье, выступая с чтением стихов Есенина, Тагора, Пушкина, Блока, отрывков из «Идиота», «Братьев Карамазовых», «Вишневого сада».

«... Большой голос, сила звука, широта диапазона, бархатный тембр, переходящий, когда надо, в могуче-раскатистый металл, классические дикции фразировки, филигранный чекан в каждом слове»⁵²¹, – вот это и было залогом отличного приема его слушателями.

Добавлю, что с первого взгляда очаровывал романтических натур, прежде всего представительниц прекрасного пола. Поэтому в Белграде он и получил прилипшее к нему прозвище «Распутин»⁵²².

7 мая 1929 г. Черепов выступил в Панчево, в зале «Трубач», вместе с членами труппы Татьяны Николаевны Яблоковой с программой «Что я видел в Москве». Туда входили: «Первые впечатления общего характера», «Жизнь бесправных и граждан», «Внешние знаки обрушения и обновления», «Новая жизнь в семье и обществе», «Новое общество», «Ход

516 Марковић О., Чолић Д. Указ. соч. С. 131.

517 Качаки Ј. Указ. соч. С. 376.

518 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 562.

519 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 204.

520 Марковић О., Чолић Д. Указ. соч. С. 135.

521 Новое время. 1929. 7 июня.

522 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 203.

жизни», «Положение религии и православных», «Размышления о русской эмиграции» и «Творческая жизнь». Потом Александр Филиппович дал обзор деятельности московских театров – Московского художественного, Малого, Мейерхольда, Камерного, Революции, МГСПС, районных и передвижных, а также оперы, балета, кино. Драматическая часть вечера включила в себя сцены из пьес: «Царевич Алексей» Мережковского, «В гавани» Мопассана, «Живой труп» Толстого, «Юлий Цезарь» Шекспира, «Юморески» Горбунова. Была также декламация стихов Есенина, Блока, Сологуба⁵²³. С этой программой он пропутешествовал по всему Королевству: его видели и слушали в Загребе, Нови-Саде, Суботице, Белой Церкви, Нише, Скопле и др. городах. На июль-август 1929 г. Черепов объявляет курс лекций на такие темы, как «корни театрального творчества; актер, происхождение его; единица и коллектив в театре; театр и общество; театр и литература; театр и религия; искусство и революция; Софокл, Шекспир, Гете; Метерлинк, Достоевский, Толстой; Щепкин, Станиславский; дилетантизм в искусстве; отрицание театра; ирреальность, стиль; натурализм на сцене; классическая трагедия; Чехов, Левитан, Чайковский; театр на воздухе; театр импровизации; кино; старое и новое в театре; режиссер, актер; Московский художественный театр и его студии»⁵²⁴.

Как актер и режиссер Черепов представил себя белградской публике 20 ноября 1929 г., выступив в Народном театре в спектакле по пьесе Толстого «Смерть Ивана Грозного»⁵²⁵. Потом были и другие белградские сцены. Например, в Палате труда 17 мая 1930 г. он ставит пьесу Андреева «Тот, кто получает пощечины»⁵²⁶.

В 1931 г. Александр Филиппович открыл в помещении Учительской школы при помощи Александра Белича бесплатную вечернюю общедоступную театральную школу (улица Кр. Милутинова, № 14 а). В основу преподавания положены принципы и методы Станиславского. Преподавание велось по четырем направлениям. Первое относилось к драматическому искусству, актерской технике: там разрабатывали и ставили голос, учили дыханию, ритмике, жести, искусству маски, пантомиме, преподавали историю театра, психологию и пр. Второе было предназначено для желающих усовершенствоваться в искусстве речи, в частности, в искусстве художественного чтения. Третье было связано с обучением студентов консерватории по классу пения. На четвертом отделении преподавали ораторское искусство, в овладении которым были заинтересованы молодые адвокаты, лекторы и др. В его школе учились не только русские, но и большое количество сербов⁵²⁷.

Непродолжительность ее работы, всего полтора года, может быть объяснена несколькими причинами. Первая. Бесплатность обучения расхолаживала обучаемых, относившихся спустя рукава к тому, за что не надо платить. Вторая. Вероятно, многие мнили

523 *Палибрк-Сукић Н.* Руске избеглице в Панчево 1919–1941. Панчево, 2005. С. 81.

524 *Архив А. Ф. Черепова (Музеј позоришне уметности Србије).*

525 *Марковић О., Чолић Д.* Указ. соч. С. 130–131.

526 *Качаки Ј.* Указ. соч. С. 355.

527 *Марковић О., Чолић Д.* Указ. соч. С. 132.

себя настолько талантливыми, что не считали для себя возможным учиться «ненужным» школярским предметам. Третья. Все «бездарности» уже прошли курс обучения. И четвертая – сами учителя, загруженные сверх меры, устали от преподавания. И особого вреда от закрытия школы не произошло. Принесла ли она пользу? Несомненно, иначе школа закрылась бы гораздо раньше.

О самом Черепове в шутивно-ироничном тоне писали в журнале «Бух!!!»:

.....

Кому не худо жить в Белграде?

Сейчас ответим мы,

Так вот:

1.

Во-первых Черепову – Он

Имеет пары три кальсон,

Громоподобный низкий глас,

Весьма фотогеничный фас.

Он весел редко, чаще хмур,

Пенсне, к нему же черный шнур,

А за пенсне – свирепый взор...

Уча любви и красоте,

Он заявлял: Я М. Х. Т.!

Он М. Х. Т. – и потому

Мы слепо верили ему.

Но это было все давно,

Теперь готовит для кино

Он новых звезд без крепких слов,

Да, – вот он, Черепов, каков...⁵²⁸

Причем здесь кино, можно задаться вопросом? Дело в том, что разнообразный в своей деятельности Черепов основал в 1930 г. Югославянское общество деятелей кино. В 1931 г. он вместе с Михаилом Каракашем «сотворил» комедию с участием Ольги Соловьевой «Неуклюжий Буки» в двух частях: «Неуклюжий Буки на аэродроме» и «Неуклюжий Буки на купании». В 1933 г. снял с членами своего любительского киноклуба фильм в стиле бурлеска «Приключения доктора Гагича»⁵²⁹.

2 февраля 1930 г. в помещении Русского офицерского собрания пьесой Ибсена «Привидение» открылся Русский общедоступный Белградский драматический театр, созданный Череповым при участии учеников его школы⁵³⁰.

528 Бух!!! Bouh – revue satirique russe. 1932. № 11.

529 Volk P. Istorija jugoslovenskog filma. Beograd, 1986. S. 75.

530 Царский вестник. 1930. 9 февр.

Соруководителем нового театра был Исаак Ездрович Дуван-Торцов, составивший серьезную конкуренцию театру Юлии Ракиной.

После открытия в 1933 г. Русского дома имени Императора-мученика Николая II с великолепным концертно-театральным залом там стала располагаться основная сцена для этого театра.

Для веселья и приятных воспоминаний игрались «всеядные» спектакли как «Псиша» Ю. Д. Беляева, «Первая муха» В. А. Крылова. Все это очень нравилось консервативному русскому Белграду. При этом театр, в труппе которого было добрых три десятка артистов и артисток, обходился без какой-либо помощи.

Спектакли быстро менялись. Сам Черепов в одном из интервью, объясняя частую смену пьес, говорил, что репризы они могут редко давать, так как обычно все идет на премьеры, да и большинство из русских не могут приобрести билеты, хотя они и не так уж дороги, чтобы вновь пойти на понравившийся спектакль. Актерский труд, горячился Черепов, оплачивается плохо, и артистов и артисток держит любовь к сцене и к публике, которая поддерживает их, идет им навстречу, считая, что «мы один народ и нас связывает история»⁵³¹.

За первые два сезона театр представил зрителю свыше пятидесяти пьес. Среди них «Плоды просвещения», «Горе от ума», «Идиот». «Дворянское гнездо», «Вишневый сад», «Гроза». В его труппу входили достаточно известные русскому театральному Белграду артисты и артистки⁵³².

Ракинин писал Евреינוву от 17 декабря 1933 г., что артисты новой труппы, «провозгласили» его вместе с актерами и актрисами из труппы жены «большевиками и еврейскими прислужниками»⁵³³. Вот так, ни больше, ни меньше! А за что – за пьесы советских авторов, за мейерхольдовщину. В сущности, здесь была не политика, которая всегда присутствует в искусстве (разница лишь в дозе) а древняя, как мир, интрига. Но здесь трудно без соответствующей информации копаться в «грязном белье» театрального мира. Можно лишь сказать, что традиция соперничества была жива, и артисты, привыкшие играть на сцене, «играли» и в жизни.

Сам же театр Черепова и Дуван-Торцова следовал своей линии. 5 мая 1934 г. актеры давал «Каширскую старину» Дмитрия Аверкиева. Пьеса позволяла показать красочный русский быт XVII в. – старинные русские обряды и обычаи, хороводы, пляски, песни. Заглавные роли отдавались Александру Черепову (Василий) и Лидии Холодович (Мария)⁵³⁴.

Той же весной театр показал комедию Густава Кадельбурга «Темное пятно». Обязательным для всякого уважающего себя театра был и спектакль «Живой труп» (4 марта 1934 г.). Великолепный Черепов брал себе роль Протасова, оперная примадонна Лизавета

531 Марковић О., Чолић Д. Указ. соч. С. 133.

532 Руска емиграција. Т. II. С. 134.

533 Цит. по: Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракиными. С. 261.

534 Царский вестник. 1934. 6 мая.

Попова – роль Маши⁵³⁵. (Когда в 1936 г. в Народном театре эта пьеса была поставлена Ракиным, эту роль исполняла замечательная певица Ольга Янчевецкая⁵³⁶.) Должно было привлечь зрителей и участие цыганского хора под управлением Олега Миклашевского⁵³⁷.

12 октября 1934 г. театр ставил в память 30-летней годовщины смерти Чехова «Вишневый сад»: роль Раневской доверялась – Ю. В. Юровой, Лопухина – А. Ф. Черепову, Шарлотты – А. А. Дориан⁵³⁸.

Из «бессмертных» был и Салтыков-Щедрин. В 1935 г. Черепов поставил и сыграл «прекраснодушного» Иудушку⁵³⁹.

К концу 1930-х годов удалось достичь того, что премьеры в общедоступном театре шли еженедельно, чему содействовал приток новых артистов, а также приглашенных из других театров, в том числе и из других стран русского зарубежья⁵⁴⁰.

Назову несколько имен.

Актриса Александринского театра Мария Андреевна Ведринская. Ее фамилия ассоциировалась с «вёдро» – теплом, ясным днём.

Сергей Городецкий в 1910 г. посвятил ей стихотворение «Ведриночка», в котором низал строчки...:

«Я в вёдро родилась - любите, люди,
Меня, весеннюю, меня.
Я знаю сказку о веселом чуде,
О стрелке солнечного дня...»⁵⁴¹.

Она появилась на свет 8 августа 1877 г. в Харькове, в купеческой семье. Вхождение в мир театра связывалось с увиденной ею игрой Веры Федоровны Комиссаржевской, ставшей ее кумиром. Первый контракт у нее был связан с Василеостровским народным театром, художественным руководителем которого был известный режиссер, драматург, актер Николай Александрович Попов, ставший позже ее мужем. Потом, в сезон 1903/1904 г., она выступала в Новом театре Л. Б. Яворской, где её лучшей ролью стала Бьянка-Мария в «Мертвом городе» Габриэля д'Аннуцио. В этом спектакле молодая актриса, талантливо пишет Т. Д. Исмагулова, «играла здесь тему близкую себе: тоску по уходящей культуре, играла жертвенный подвиг»⁵⁴².

535 Там же. 4 марта.

536 *Димитријевич К.* Указ. соч. С. 74.

537 Царский вестник. 1934. 4 марта.

538 Там же. 7 окт.

539 *Качаки J.* Указ. соч. С. 372.

540 *Арсеньев А. Б.* Русские театральные труппы в Белграде.

541 *Городецкий С.* Стихотворения и поэмы. Л., 1974. С. 263.

542 *Исмагулова Т. Д.* «Символ гонимой русской судьбы...» Актриса Мария Ведринская // Берега. 2003. Вып. 2. С. 14

Осенью 1904 г. она была принята в Драматический театр Комиссаржевской. Стоит сказать, что Мария Андреевна была той единственной, кто заменял саму Веру Федоровну в спектаклях «Дядя Ваня» Чехова и «На пути в Сион» Шолома Аша. В 1906 г. театралы увидели ее на сцене Императорского Александринского театра, куда ее пригласил новый его директор, Владимир Аркадьевич Теляковский, решивший вплотную заняться вечно-блезненным вопросом о «смене поколений». Здесь снискавшая уже известность актриса работала с Марией Савиной, Владимиром Давыдовым, Константином Варламовым, имена которых не требуют комментариев.

В постановке Мейрхольда пьесы «Шут Тантрис» Э. Хардта она сыграла центральную роль Изольды. Позже о Ведринской напишут: «М. А. Ведринская – безукоризненная Изольда, полная чарующей женственности, героиня с нежной, печально-надломленной душой. Ее образ кажется истинным воплощением вечной мечты человечества о любви...»⁵⁴³. Нельзя не обойти и участие «королевы голоса» в пьесе К. Р. «Царь Иудейский», в котором она в 1914 г. успешно сыграла Иоанну. Присутствовавший 9 января в театре царь Николай II записал в своем дневнике: «В 7 1/2 поехал в город прямо в Эрмитаж. Шла драма Кости “Царь Иудейский”. Впечатление она производит потрясающее. Постановка редкая по красоте...»⁵⁴⁴. Потом были еще роли в самых различных пьесах – от Бьянки во «Флорентийской трагедии» Оскара Уайльда до Наташи в горьковском «На дне». После революции обстановка в театре для «Ведриночки» стала тяжелой, возник конфликт с возглавившим Александринский театр Ю. Юрьевым, давно не ладившим с ней. Совет дирекции был благожелателен и мудр: уехать в Ригу, на сезон. Впрочем, по сути, в эмиграцию и не на один сезон. Почти четверть века она выступала вне России. И почти все эти годы выступала на сценах – от Парижа до Гельсингфорса, где ее именем была названа драматическая студия, которой она руководила некоторое время. Работала вместе с прославленными Верой Греч и Поликарпом Павловым на сцене Русского театра в Белграде. О ее игре великолепно написал А. Пенердж в парижско-русских «Числах» (1932, № 6): «Узор ее рисунка всегда четок, воздушен, немного оторван от жизни, она летит по ней, зная ее, и всегда стремясь оторваться в легкую даль»⁵⁴⁵. Ее имя помнят и в Любляне, где действовала своя русская любительская труппа. Вместе с Павлом Богаевским они сыграли немалую роль в успехе любительских спектаклей, игравшихся на сцене зала отеля «Тиволи»⁵⁴⁶.

С мая 1935 г. Мария Андреевна обосновалась в столице Королевства Югославии. Играла в антрепризе у Жукова, а также у Павлова и Греч. В 1935 г. Ведринская поставила у Черепова обошедшую до революции все театральные сцены России пьесу Анри Батая «Обнаженная».

543 Цит. по: Там же. С. 15.

544 Цит. по: Там же. С. 16.

545 Цит. по: Там же. С. 18.

546 *Pulko R. Puska emigracija na slovenskem 1921–1941, 2004. S. 45.*

В январе 1937 г. она сыграла на сцене Русского дома у Ракитина в «Сестре Беатрисе» Метерлинка. В 1939 г. вернулась в рижский театр Русской драмы⁵⁴⁷. После войны Мария Андреевна, член рериховского Духовно-философского общества, выехала в Чехословакию, потом в Германию, где скончалась в 1948 г.

И опять о «грозном» Черепове: его любили в театре, доказательством служат строки из актерского поздравления в связи с «театральными именинами» своего собрата по ремеслу: «Только Ваш талант, Ваша беззаветная любовь к Русскому театру, Ваша неутомимая энергия и вдумчивое отношение к взятой на себя задаче, – дали нам, русским актерам, оказавшимся в эмиграции, возможность работать в любимом деле и своими скромными силами помогать Вам в работе, основанной на прекрасных традициях старого Русского театра»⁵⁴⁸.

Ставились Череповым и пьесы Андреева, например «Дни нашей жизни» (январь 1935 г.). Игрался в марте того же года модный Герхард Гауптман («Потонувший колокол») в сценографии брата режиссера Георгия Черепова.

Юбилеи помогали не забыть и югославскую драматургию, ее живого классика Бранислава Нушича. В честь его семидесятилетия Черепов с успехом поставил «Ожалошчену породицу» под названием «Наследники». Присутствовавший на спектакле юбиляр поблагодарил за оказанную ему честь, подчеркнув, что ему было приятно слышать свою пьесу на «языке Гоголя»⁵⁴⁹.

Сам Черепов безостановочно играл главные роли в своем театре. По мнению В. В. Иванова, «активность Черепова подавляла работу труппы Ракитиной, которая в эти годы была сведена к минимуму»⁵⁵⁰. В 1937 г. после свершившегося объединения общенародного театра с театром русской драмы и назначения нового руководства, Черепов, не привыкший подчиняться, видимо, по этой причине оставляет театр и пускается в свободные гастроли.

В сезоне 1938/39 г. и с января по апрель 1941 г. он работал в Народном театре в Баянлуке, где поставил свыше десяти пьес, в частности «Живой труп», «Преступление и наказание», «Ревизор», «Ученик дьявола», «Мирандолина». В апреле 1941 г. он уже режиссер в Народном театре в Нише. В 1941–1943 гг. был директором труппы при Обществе русских сценических деятелей. По сведениям Ольги Маркович и Драганы Чолич, работал до середины 1944 г. в Отделении пропаганды, руководя Русской фольксдойч группой артистов. После освобождения страны покинул Югославию. Умер в Германии в больнице для душевнобольных⁵⁵¹.

Далее назову имя Александра Александровича Верещагина (1885–1965). Внук знаменитого художника, выпускник студии Озаровского, актер у Веры Комиссаржевской,

547 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 561; *Качаки* J. Указ. соч. С. 356.

548 Архив А. Ф. Черепова (Музеј позоришне уметности Србије).

549 Руска емиграција. Т. II. С. 134–135.

550 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 562–563.

551 *Мачкич* З., *Косик* В. Указ. соч. С. 96.

в МХТ, у Н.Н. Евреинова, в московском интимном театре «Лоло», в театрах «Бергонье», «Кривое зеркало» и пр., киноактер в Париже, актер в Риге, Ревеле, Батуми, Верещагин в 1919 г. переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Несколько театральных сезонов работал в Белградском народном театре. Потом – в 1922 г. – был Загреб, где преподавал актерское мастерство и режиссуру. Был режиссером в одном из загребских кабаре⁵⁵². В связи с 300-летием со дня рождения Мольера поставил «Мещанина во дворянстве». Режиссировал «Цезаря и Клеопатру» Бернарда Шоу⁵⁵³. Весной 1925 г. поставил теперь уже для белградских театралов знакомого всему миру «Мещанина» с дворянским уклоном, для которого были им ангажованы и оперные певцы и балет и даже музыка из 17 века Жана Батиста Лилли, чтобы на сцене воссоздать атмосферу того золотого времени. Даже пошел на то, чтобы актеры прямо из зала в четвертом акте выходили на сцену. Спектакль стал, можно сказать, кассовым: был показан шесть раз за три месяца. Однако потом сошел со сцены⁵⁵⁴. Причины неясны, можно только предположить, что все ценители творчества Мольера в Белграде его посмотрели, и настала очередь других пьес, ждущих своего часа.

Что еще? Ставил и играл десятки пьес в Сараево, Сплите, Скопле, Нови-Саде, Осиеке, Сомборе, Панчево, Банялуке. В частности, в октябре 1924 г., в Сербском народном театре в Нови-Саде Верещагин поставил чеховскую «Палату № 6»⁵⁵⁵. Не обошел и сцену в Цетинье. Не случайно, критик Йован Палавистра называл его скитальцем «немирного духа»⁵⁵⁶.

Только на сцене в Скопле он поставил с 1920 по 1927 г. свыше пятидесяти премьер, в которых он, бывало, и играл, например роль муфтия в «Мещанине во дворянстве»⁵⁵⁷.

Совершенной называли режиссуру Верещагина и «Антигоны» Софокла, «Сверчка на печи» Диккенса, «Гамлета»⁵⁵⁸. Этот выбор свидетельствует о пристрастии русского режиссера к классике. В «Jugoslovenskom listu» (декабрь, 1929) о нем были такие строки: «противник веризма и натурализма на сцене, считая, что сцена – что-то другое, нежели “голая жизнь” или “копирование жизни”, ему даже чужда реалистическая режиссура штимунга, которую внес Станиславский»⁵⁵⁹.

Но в Белграде на его премьерную постановку в Народном театре греческой трагедии рецензии были весьма неблагоприятные. В частности, театральный критик Д. Крунич не жалел резких выражений для Верещагина и его режиссуры творения Софокла. Самым мягким для русского постановщика было слово «незнайка». Вину Верещагина критик

552 *Mrduljaš I.* Zagrebački kabaret. Rijeka, 1984. S. 79.

553 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 171–172.

554 *Јовановић С. А.* Молијер на сцени Народног позоришта. С. 338.

555 *Арсеньев А.* У излучины Дуная. С. 46.

556 *Lešić J.* Sarajevsko pozorište između dva rata. Djelo prvo. S. 103.

557 *Јовановић З. Т.* Народно позориште Краљ Александар I. Т. I. С. 164.

558 Там же. С. 111, 170, 173.

559 *Lešić J.* Указ. соч. С. 102.

видел в замене античного хора артистом, читавшим текст хора в оркестровой яме. Правда, от Крунича «досталось» и сценографу за бедность декораций, актерам – за плохое чтение стихов, переводчику – за перевод⁵⁶⁰.

В провинции было легче. Верещагин получил лестные отзывы за постановки в Скопле в сезоне 1923/25 г. «Вокруг света», «Три сестры», «Гейша», «Рука руку моет»⁵⁶¹.

Благосклонно восприняла критика его режиссуру в Сараевском театре. В частности, его работу над спектаклями «Анфиса» Андреева, «Дядюшкин сон» Достоевского (сезон 1929/1930). Палавистра писал в «Preglede» и «Večernjoj pošti», что режиссура Верещагина «Анфисы» «была одной из лучших в истории сараевского театра <...> вновь изумил и воодушевил публику»⁵⁶².

В 1934/35 г. работал в Баялуке, где был режиссером в Народном театре Врбаской бановины. Внес значительный вклад в модернизацию баялуцкого театра⁵⁶³.

Дольше всего он пробыл в полюбившемся ему Нови-Саде. Некоторое время Верещагин даже был тамошним художественным руководителем Сербского народного театра.

Характер? Взрывчатый, если не сказать о его провокативности. Об этом свидетельствует его попытка совершить самоубийство по той причине, как он сам говорил, что его сменили с должности заместителя руководителя Сербского народного театра. Официальная причина – заснул в зрительном зале по время спектакля в Субботице, и был удален по настоянию публики. Впрочем, пост главного режиссера за ним был оставлен. Об этом в свое время писали много в сербской прессе.

В феврале 1938 г. он отметил 35-летие творческой деятельности постановкой и игрой в пьесе «Васса Железнова». В 1942 г. Верещагин прибыл в Панчево, где остался до конца сезона 1946/47 г. Мимоходом замечу, что после завершения войны он стал режиссером и художественным руководителем панчевачской театральной группы, с которой он 13 сентября 1945 г. поставил «Антигону»⁵⁶⁴. А потом была эмиграция и «обетованные» для многих русских эмигрантов США.

Его жена Александра Лескова-Медведева (1891–1933) тоже ставила в дунайском городке пьесы «Воскресение» по Толстому, «Ревность» Арцыбашева, играла в них⁵⁶⁵. В ее режиссуре шли спектакли и в Скопле, Сараево, Сплите и Осиеке⁵⁶⁶. Добавлю, что она в режиссуре, как говорила сама, является поборником современной школы, связанной с «художественниками и немцами», и которая требует от актера подчинения своей ин-

560 Крунич Д. Антигона (Музеј позоришне уметности Србије. Вырезка из газеты).

561 Comœdia. 1925, 10 мая. № 37. С. 11.

562 Lešić J. Указ. соч. Drugo djelo. S. 24.

563 Мачкич З., Косик В. Указ. соч. С. 27.

564 Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 83.

565 Арсеньев А. Б. У излуцины Дуная. С. 47.

566 Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 149.

дивидуальности «единству и стилю всей пьесы». Она настаивала на изучении автора и атмосферы, чтобы «приблизиться к нему, дать его мысли так, как он их замышлял»⁵⁶⁷.

Особенно много было сделано ею в Македонии, тогдашней Южной Сербии. В перечне ее ролей и Катюша Маслова и Маргарита Готье, и Анна Каренина. Только три отзыва об ее игре в трех спектаклях.

«Воскресение» (Толстой). Рисуя образ чистой, наивной девушки, верящей в порядочность людей, критик подчеркивал, что именно такую Катюшу представила Александра Лескова, «которая превзошла саму себя, отдавая всю душу и чувства, заставляя вместе с ней переживать все моменты трагической жизни своей героини»⁵⁶⁸.

«Дама с камелиями» (Дюма). Если один из рецензентов спектакля упрекал исполнительницу главной роли в дилетантизме, то другой писал, что Лескова с ее изяществом и темпераментом показала совершенную Маргариту Готье. Через игру актрисы, отмечал он, зрители ощутили всю страсть, любовь и нежность, жертвенность, страдания, счастье и несчастье бедной Маргариты⁵⁶⁹.

«Порыв» (Кистмекер). Б. Недич в театральном обзоре свое впечатление от игры Лесковой в роли Моники Фельт писал, что актриса обладает исключительным искусством показать в одном спектакле любовь и ненависть, усердность и набожность, преданность и великодушие⁵⁷⁰.

И успехи театра в Скопле связывались в 1922 г. прежде всего с режиссерской работой Верещагина и Лесковой, постановкой ими Гоголя, Островского, Чехова, Горького, а также пьес мировых классиков – Софокла, Шекспира, Мольера, Диккенса⁵⁷¹.

Представлю и Миклашевского Олега Петровича (1903–1992), актера, режиссера. Добровольцем он участвовал в Гражданской войне на юге России. В 1929 г. Миклашевский из Стамбула прибыл в Белград. Играл он в русских любительских спектаклях, а с 1933 г. – у Ю. В. Ракичиной, потом у А. Ф. Черепова в Русском доме.

Режиссировал Олег Петрович представления в Русско-сербской гимназии, неоднократно играл на сценах Народного театра в Белграде и Русской драматической студии в Загребе, был создателем и управителем организованного в мае 1941 г. Театра русских сценических деятелей в Сербии, обосновавшегося в Русском доме. Спектакли там шли вплоть до начала сентября 1944 г., когда Белград начала бомбить союзническая авиация. В 1949 г. он через Австрию и Германию перебрался с семьей в США. Несколько раз Миклашевский пытался, но безуспешно, основать и закрепить Русский театр в Нью-Йорке.

Нельзя не назвать и Татьяну Николаевну Яблокову (ур. Владимирову) (1889–1965), в России выступавшую на ростовской сцене. В Белграде в 1937/38 г. по ее инициативе

567 *Lešić J.* Указ. соч. Djelo prvo. S. 110.

568 *Јовановић З. Т.* Народно позориште Краљ Александар I. Т. I. С. 164.

569 Там же. С. 175.

570 Там же. С. 236.

571 Там же. С. 119.

был организован Союз русских артистов во главе с ней, регулярно ставящий спектакли в Русском доме. О ней в упоминавшемся уже журнале «Бух!!!» были такие строчки:

Кто эта славная Татьяна
 Уже не Гремина ль она?
 В глазах огонь, в устах румяна, –
 Еще недавняя весна!
 Но, наклонившись очень близко,
     Мне кто-то шепчет вдруг:
 – «Она звезда! Она артистка!
 И Яблоков ее супруг»!
 Я умилен был. Здесь, в Белграде
 Татьяну Пушкина узреть,
 Но вот Татьяна на эстраде
 И захотел я умереть!
 Ее услышав на экране,
 Я смел бы аппарат винить,
     Но на эстраде голос Тани
     Я Богу лишь могу простить –
     Так пьяно, рьяно, неустанно
     Читала монолог Татьяна:
 «Но я другому отдана –
 И буду век ему верна».
 С тех пор я к Тане ни ногой –
 Как хорошо, что есть другой!⁵⁷²

Правда, в прозе о ней были такие строчки: «Т. Н. Яблокова, безусловно, крупная драматическая артистка, с незаурядно сценической техникой и большим чувством, способным воспринять и передать сложные душевные переживания. К сожалению, Т. Н. Яблокова, по условиям времени, редкий гость на сцене, но это не лишает ее сценического навыка и, что особенно дорого, не примешивает к ее игре оттенка дилетантства. В игре Т. Н. Яблоковой видны, по-прежнему, старые лучшие традиции образцовой русской сцены»⁵⁷³.

И трудно разобраться, где же больше правды: то ли в зубоскальстве «Буха!!!», то ли в заметке авторитетного «Нового времени» у автора, скрывшегося под инициалами С. О.?

Немного о «художественниках». Об их выступлениях на Балканах отлично написала Вагапова⁵⁷⁴. Но свидетельств их триумфа так много, что и на мою долю осталось нема-

572 Бух!!! Bouh – revue satirique russe. 1932. № 12.

573 Новое время. 1926. 25 нояб. (Музеј позоришне уметности Србије. Альбом №1).

574 Вагапова Н. М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах: очерки. СПб., 2007.

ло. Я выберу их гастролы в Белграде в 1925 году, спектакль «Медея» (10 апреля), Марию Николаевну Германову в главной роли, и главный театральный журнал «Сомоедија». В нем были строки о том, что выбор этой классической трагедии Еврипида, а тем более сам метод постановки означают явное отступление от традиций Художественного театра, от его выкристаллизованного стиля, выработанного в постановках Достоевского, Горького, Андреева, прежде всего Чехова. Отступление от этого направления и обращение к классической драме представляет собой доказательство дальнейшей эволюции этой великолепной художественной дружины, о которой некоторые критики утверждали, что «она выполнила свою миссию», «дала свое». Душой этого нового направления, писал автор статьи, стала Германова, «великому, экспансивному темпераменту которой, действительно, не отвечала атмосфера русского реализма». Именно она и создала «Медею», причем, не только сыграв главную роль, но и взяв в свои руки режиссуру спектакля. Ее «Медея», подчеркивал далее автор – «плод и синтез интуитивного», «почти религиозного, мистического переживания трагедии»⁵⁷⁵.

И конечно, нельзя не вспомнить очередные выступления в 1929-м г. и 1930 г. пражской труппы МХТ. Чтобы дать представление о приеме, дам слово театрам из Скопле, где с 27 февраля по 2 марта 1930 г. гостили актеры «лучшего театра в мире». «Это художественное событие, которое наш город никогда не видел от своего основания до сегодняшнего дня» – писали в театральной «Рампе». Автор статьи подчеркивал, что артисты «обошли все культурные земли Европы и везде делали честь не только России, славянству, но всему человечеству». Зрителям были представлены «Село Степанчиково», «Вишневый сад», «Бедность не порок» и «Женитьба». Известный своими театральными рецензиями П. А. Митропан, до революции живший в России, считал, что театр «хочет стать жизнью, уничтожить пропасть между сценой и публикой, создать иллюзию действительности <...> У русских преобладает психологизм с сильно акцентированной эмоциональной нотой. У них знание роли (без суфлера), дикция, костюм, маска, декор и свет суть только рамка для выражения внутренних переживаний и основных черт изображаемого лица. Этот метод режиссуры и игры <...> вызывает на размышления, создает тесную связь между актерским ансамблем и зрителями» «Общее впечатление, – заключал критик, – от их игры незабываемо»⁵⁷⁶.

Тогда с «пражскими мхатовцами» была связана история о несостоявшемся «исходе» из Праги и «переселении» труппы в Белград.

В рижской газете «Сегодня» (9 февраля 1930 г.) белградец Евгений Месснер в статье «Помощь Югославии художественникам» писал:

«Пражская труппа Московского Художественного Театра совершает сейчас турне по Югославии, турне, которое может быть названо триумфальным шествием русского

575 Comoedia. 1925. 19 апр. № 34.

576 *Јовановић* З. Т. Народно позориште Краљ Александар I. Т. 1. С. 298, 299.

театра по землям южных славян <...> Репертуар труппы состоит из пьес: “Раскольников” (“Преступление и наказание”, переработано Г. Хмарой), “Мысль” Андреева, “Сверчок на печи”, “Бедность не порок”, “Женитьба”. К осени художественники получают возможность расширить свой репертуар благодаря содействию югославского “Культурного комитета” во главе с профессором и секретарем югославской Академии наук А. И. Беличем. Комитет обеспечивает труппу средствами, чтобы она, по окончании турне, осев на несколько месяцев в гостеприимной Югославии и не выступая на подмостках, всецело занялась постановкой нескольких пьес. К постановке намечены “Федор Иоаннович”, “Отелло” и “Ревизор”. Культурный Комитет, оказывая внимание художественникам, выявляет те симпатии всего югославского общества к славной труппе, которые чувствуются в шумных чествованиях труппы, симпатии эти идут еще дальше – в белградской печати высказывались мнения о желательности предоставить труппе возможность обосноваться совсем в Югославии, покончив с гастрольными скитаниями по странам, где не могут понять глубин и высот славянского искусства»⁵⁷⁷.

Действительно, казалось все так и будет – все были согласны, начиная от соответствующих югославских структур, имевших решающий голос, до русских общественно-культурных институций с правом совещательного голоса. Добавлю, что Русский культурный комитет получил для «укоренения» будущей труппы 200 000 динаров⁵⁷⁸.

Тем временем, в августе 1930 г., в «Новом времени» появилась заметка о планировании трех постановок – «Ревизора», «Трех сестер» и «Бродячей Руси»⁵⁷⁹.

Сезон намеревались открыть 10 октября постановкой «Ревизора»⁵⁸⁰. Главные роли в нем должны были исполнять: Павлов (Антон Антонович), Алекин (Иван Александрович), Греч (Анна Андреевна), Левицкая (Марья Антоновна)⁵⁸¹. Как известно, эта пьеса названа автором комедией, но Павлов, ее режиссер, имел свое мнение. В своем пространном интервью с экскурсом в историю ее постановки в МХТ (в 1907 он играл Добчинского, Москвин – Бобчинского, Станиславский – городничего, а молодой Ракитин – слугу трактирного) Павлов подчеркнул ряд важных моментов. Во-первых, спектакль он поставил совершенно «противно традициям», «переболев» Щепкиным и Станиславским. В спектакле он усилил не гротеск, а чувство гуманности. Для него в роли городничего было важным приблизиться к проблеме покаяния как выражения общечеловеческой совести. Для Павлова «Ревизор» – это человеческая трагикомедия, трагифарс. Причем в спектакле он считал нужным играть не «монументального» городничего, а напротив – «подвижного, динамичного префекта». В

577 Цит. по: Туда и обратно. Письма Евгения Студенцова Юрию Ракитину 1929–1930 / Публ., вступ. ст. и примеч. В. В. Иванов, А. А. Чепуров. // Мнемозина. Вып. 3. С. 580.

578 *Beloemigracija u Jugoslaviji*. S. 199.

579 Новое время. 1930. 24 авг.

580 Новое время. 1930. 24 авг.

581 Позориште. 1930. 20 окт. (Музеј позоришне уметности Србије. Альбом №1).

этом новом ритме должны были исполнять свои роли и остальные актеры⁵⁸². Однако сроки с открытием сезона задерживались. Соответственно, с премьерой «Ревизора» несколько медлили. 19 октября 1930 г. группа артистов МХТ отслужила молебен перед открытием сезона⁵⁸³. В тот же день он был открыт «Ревизором»⁵⁸⁴. По данным газеты «Позориште» – 20 октября⁵⁸⁵.

Возвращаясь к теме «переселения» труппы, надо сказать, что оно не состоялось. Возможно, что правы были В. В. Иванов и А. А. Чепуров в своих комментариях: «Возвращение в труппу прежних сотрудников <...> могло значительно потеснить положение нынешнего состава. Так или иначе, но белградский проект не был осуществлен»⁵⁸⁶.

Тем временем в самом Белграде шла своя театральная жизнь. В июле 1926 г. в Белграде в концертно-театральном зале «Луксор» стал действовать новый театр «Гнездо перелетных птиц». Замечу, что под таким названием действовал театр, открытый в 1920 г. в Севастополе Мансветовой и Сибиряковым⁵⁸⁷. В состав белградской труппы входили Нина Кирсанова, Лидия Мансветова. Александр Фортунато, Борис Попов, Евгений Марьящев. Из новых артистов – Н. Йованович и М. Ерцегович из сараевского Народного театра. Режиссер Александр Сибиряков. Художник Владимир Жедринский. Программа у них была весьма пестрая – от варьете до оперы⁵⁸⁸. Однако, судя по газетным объявлениям, в Белграде выступления этой труппы быстро закончились. 11 и 12 июня 1926 г. объявлялся их прощальный спектакль⁵⁸⁹. Видимо, такая «сборная солянка» была не в новинку пресыщенным белградцам, поэтому труппу и постигла неудача.

А. Б. Арсеньев упоминает и действовавший в Белграде Злободневный юмористический театр «Белая ворона», для которого писали такие известные всему Белграду личности, как издатель журнала Николай Михайлович Февр, театральный обозреватель «Нового времени» Константин Яковлевич Шумлевич, поэт-песенник, издатель «Музыкальных новостей», один из основателей Союза русских писателей и журналистов Сергей Страхов. Так, 2 и 3 февраля 1941 г. на сцене Русского дома прошли два вечера, программа которых включала песенку театра, «Предсказания Нострадамуса на 1941 год», пару скетчей — «Проводы д-ра Пельтцера» и «Вчера и сегодня», пародию-буффонаду «Тарас Бульба». Режиссером был Всеволод Хомицкий. Оформителем и художником по костюмам стал Николай Тищенко (псевдоним Н. Тэн)⁵⁹⁰.

582 Позориште. 1930. 20 окт. (Музеј позоришне уметности Србије. Альбом №1).

583 Новое время. 1930. 21 окт.

584 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракиными. С. 555.

585 Позориште. 1930. 20 окт.

586 Цит. по: Туда и обратно. Письма Евгения Студенцова Юрию Ракину. С. 581.

587 Новое время. 1926. 4 июля.

588 Новое время 1926. 3 июля.

589 Новое время 1926. 11 июля.

590 Арсеньев А. Б. Русские театральные труппы в Белграде.

Добавлю, что Николай Иванович Тищенко (1906 – 1990-е гг.) слыл известным карикатуристом, его язвительные рисунки можно было видеть в белградском журнале «Ошишани еж» («Остриженный еж» – В. К.)⁵⁹¹. Равным образом внес свой вклад в мир комикса. Подчеркну, что Тищенко был отличным иллюстратором, достаточно назвать русские книги «Князь Серебряный», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород». Во время войны выехал в Германию, обосновался в Берлине. В начале 1949-х гг. уехал в далекую Бразилию, где занимался знакомым делом – карикатурой, которые появлялись в крупных газетах⁵⁹².

Неизменный спутник цивилизованного государства – Musik-hall действовал в Белграде уже в 1923 г. В октябре были поставлены бессмертная «Сильва» Имре Кальмана, «Гейша» Сиднея Джонса⁵⁹³.

Русские в своих комедиях всегда умели смеяться над собой. И начало русского театра в Белграде, как в большинстве провинциальных трупп, связано с фарсом, пародией, гротеском, комедией. Осенью 1921 г. в столице Королевства начало свой театральный путь русское литературно-художественное общество под председательством М. А. Суворина. Главную роль в нем играла театральная семья двух «Ю» – Юрия и Юлии Ракитиных⁵⁹⁴. Премьерой стала пьеса Агнiewiczа «Колобок». Напомню, что «Колобок», олицетворявший Россию, «уходит от бабушки, от дедушки, от Мамаю, от Малыты, от Бонапарта, от Вильгельма, и, в конце концов, от Троцкого, у которого он срывает красный флаг и рвет его на клочки под шумные рукоплескания публики»⁵⁹⁵.

Не оставляла зрителей равнодушными и пьеса С. С. Юшкевича «Повесть о господине Сонькине», поставленная 14 и 17 марта 1925 г. на сцене Народного театра, рассказывающая о бедном еврейском мире южной России, о выигрыше в 200 000 рублей и его владельце, сошедшем с ума в конце пьесы⁵⁹⁶.

«Веселил» зрителей и Ренников, чьи пьесы в иронично-гротескной форме показывали их же жизнь в изгнании.

Назову здесь его пьесу «Тамо далеко» (из жизни русских беженцев). Она была поставлена русским литературно-художественным обществом в Белграде 2 июля 1922 г. в здании «Манежа». Роль главного героя Петра Ивановича Прыгунцова играл Ракитин, избравший этот спектакль для своего бенефиса⁵⁹⁷.

В рецензии на пьесу отмечалось, что «написанная отличным языком “трагикомедия” Ренникова производит большое впечатление, особенно на “беженцев”, из жизни которых и

591 Medarić M. Ruski emigranti, likovni umjetnici, i njihov doprinos umjetnosti karikature // Književna smotra. № 122 (4). Zagreb. 2001. S. 45.

592 Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. В 2-х т. СПб, 2019. Т. 2. С. 502.

593 Новое время. 1923. 20 окт.; 1923. 26 окт.

594 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 199.

595 Новое время. 1921. 10 дек.

596 Comoedia. 1924/25. 22 марта. № 30.

597 Новое время. 1922. 25 июня.

взяты почти все сцены и эпизоды. Тут и смешные стороны нашей злосчастной эмиграции; но смех, не переходящий в зубоскальство, а сдерживаемый границами, подсказанными художественным чутьем автора. Тут и глубоко трагические черты, которыми полны дни нашей оторванной от родины жизни <...> очень уж много мы выстрадали и страдаем и до сих пор – разве можно оценить и измерить всю глубину, всю духовную сущность того, что мы потеряли! И если мы еще живем, пьем, едим, спим, спорим о пустяках и с непостижимой страстностью отдаемся настоящему моменту, то только потому, что такова уж удивительная природа неисправимого русского человека»⁵⁹⁸.

В 1923 г. белградцы увидели спектакль из жизни беженцев «Галлиполи»⁵⁹⁹ того же автора.

Весной сезона 1922/23 г. в Белграде с успехом прошла пьеса Ренникова «Индийский бог» о быте русских беженцев⁶⁰⁰.

В следующем сезоне эта пьеса в постановке Ракитина силами приехавшей на гастроли русской драматической труппы из Белграда была показана в Нови-Саде. Упомяну, что туда господа русские артисты часто наезжали: 1925 г. – «Без вины виноватые» А. Островского, 1927 г. – «Осенние скрипки» И. Сургучева и др. В марте 1926 г. в этом городе были показаны шесть спектаклей труппы «Синяя птица» из Берлина⁶⁰¹. В тамошнем сербском народном театре шли пьесы «Самое главное» Евреинова, «Государственный преступник» Рышкова, «Любовь» Потапенко, «Заяц», «Дядюшкин дом» Мясницкого, «Эпидемия» Рассудова, «Женитьба», «Ревизор» Гоголя, «Нахлебник» Тургенева, по Достоевскому – «Преступление и наказание»⁶⁰².

Примерно к 1922 г. относится создание «эфирного» Белградского академического театра. Он был основан одним зимним вечером в кафане «Москва» из «членов разных академических трупп, которые легко создавались и легко распадались». Режиссером там стал вездесущий Ракитин, который в 1922 г. поставил «Чайку». На сезон 1923/24 г. планировался к показу ряд пьес, как «Иванов», «Гаудеамус», «Золотой перстень». Сам сезон предполагалось открыть в декабре с репризы «Чайки»⁶⁰³. Однако «академики», судя по отсутствию информации в прессе, вероятно, довольно быстро разошлись по другим труппам.

Возвращаясь к Ренникову, скажу, что он снискал известность не только как комедиограф. 6 декабря 1925 г. в театре «Манеж» русское литературно-художественное

598 Новое время. 1922. 6 июля.

599 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 199.

600 Новое время. 1923. 27 апр.

601 Арсеньев А. Б. У излуцины Дуная. С. 44.

602 Там же.

603 Comoedia, 1923. 2 дек. № 3.

общество поставило его пьесу «Дом сумасшедших» – трагический фарс в 3-х действиях. Режиссер Ракитин. Художник Жедринский⁶⁰⁴.

Нельзя не сказать несколько больше и об упоминавшемся авторе «смешных до слез» пьес, режиссере, актере (сценический псевдоним – Вячеславский или Вячеславский. Так в прессе – В. К.) Всеволоде Вячеславовиче Хомицком (1902–1980). О себе он писал: «Отец – генерал, военный юрист, коренной москвич, – мать из Орловской помещичьей семьи (Ливенского уезда), где я провел детство. Среднее образование успел окончить еще в России, в Киеве. Бог миловал – до сих пор не воевал, а служил в Добровольческой армии переводчиком в Английской миссии. Потом Лемнос, Константинополь. Основной своей профессией, вопреки всякой очевидности, считаю театр и с 1925-го непрерывно играю на сцене. Ни одна русская театральная организация в Белграде – любительская, полулюбительская и профессиональная – не обходится без моего участия. Сейчас состою актером в Русском драматическом театре в Белграде, играю по преимуществу любовников, но иногда (причем очень их люблю) и характерные роли. Сыграл за все эти годы не менее 100 крупных ролей и, не будь дело в эмиграции, конечно, целиком посвятил бы себя Театру. Также приходится служить <...> Днем, когда бывает время, – пишу пьесы, а по вечерам хожу на репетиции и играю на сцене. С детства писал стихи, а к театру пристрастился с 15-ти. До первой пущенной в свет пьесы написал 5–6 вещей (проба пера), которые уничтожил. Сейчас гуляют по свету 5 моих пьес-комедий (“Эмигрант Бунчук”, “Крылья Федора Ивановича”, “Вилла вдовы Туляковой”, “Витамин”, “Ванька-Встанька”)...”⁶⁰⁵.

Его пьеса «Витамин X» была принята в 1935 г. в репертуар Народного театра в Скопле, где до этого не ставились пьесы о послереволюционной России⁶⁰⁶. В том же году «лучший комедиограф эмиграции» читал свою очередную «штукенцию» «Ванька-Встанька», построенную на житейском анекдоте. В прессе писали: «В отношении литературности “Ванька-Встанька” (метко схваченный делец Столетов) уступает “Крыльям Федора Ивановича”, но в смысле сценическом представляет новый шаг вперед в развитии дарования Хомицкого»⁶⁰⁷.

«Всеволод Хомицкий написал множество коротких скетчей с тремя или четырьмя персонажами. Эти скетчи, как правило, смешны, но смешны каким-то болезненным смехом. Бедствующий эмигрант – неудачливый, выбитый из колеи, но сохранивший чувство собственного достоинства и любовь к России – вот герой скетчей Хомицкого»⁶⁰⁸.

604 Новое время. 1925. 29 нояб.

605 «Бегу всегда к стенке, с которой стреляют». Письма Всеволода Хомицкого Николаю Евреину 1942–1943 / Публ., вступ. ст. и примеч. В. В. Иванова // Мнемозина. Вып. 3. С. 331–332.

606 Х.У. // Обозрение. 1935. 20 сент.

607 Там же.

608 *Завалишин Вяч.* Памяти Всеволода Хомицкого / Новое русское слово. 1980. 26 нояб. // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Научный архив. Альбом «Некрополь» А. Калугина. № 4. С. 27.

В другой пьесе «Радуга» также был Белград образца 1927 г. Эту пьесу можно охарактеризовать как беженскую хронику с обрисовкой русского быта и настроения⁶⁰⁹.

Именно настроения ностальгии были лейтмотивом многих выступлений актеров и актрис. Так, 15 мая 1923 г. в «Манеже» прошел «Вечер о России». Первое отделение «России черный год» началось с «Молитвы ребенка», причем последний, как писал развеселившийся рецензент, был весьма основательных размеров. Второй номер был мимеодрاما – «Распятая Россия», которую играла женщина с красным шнуром на шее и вокруг талии. Она в своих «попытках» сорвать шнур изображала терзания России. В «Новом времени» иронически замечали, что не было ни России, ни терзаний, ни пластических поз, а была «мимо драмы»⁶¹⁰.

Однако второе и третье отделения, по отзыву той же газеты, удались лучше: были «милые призраки» времен Тургенева, «дни безоблачной лазури» – времени Островского и Чехова⁶¹¹. Думается, что артистам было как-то привычнее играть старую Россию, нежели страшную новую⁶¹².

«Терзания России» совсем по-иному были представлены в шедшей в марте 1928 г. пьесе Елизаветы Владимировны Глуховцовой «Новый рай». В спектакле из современной советской жизни героиня Анна (А. М. Храповицкая), мстя за своего брата, убивала чекиста-фанатика Вихмана (Н. Д. Попов), сваливая вину на мужа-коммуниста (В. А. Эккерсдорф), строившего на коммунизме свое личное благополучие, и якобы убившего из ревности. Режиссер Н. З. Рыбинский. Декорации по эскизам В. П. Загороднюка⁶¹³.

Остроту пьесе придавало то обстоятельство, что Глуховцова совсем недавно прибыла в Белград из СССР – этого «нового рая», атмосферу которого постаралась воссоздать.

Однако основное внимание все же уделялось привычной классике.

Один пример: сформированное к середине 1920-х гг. Белградское русское художественно-драматическое общество, главе которого стал сценограф А. Вербицкий, поставило в феврале и марте 1925 г. в Манеже пьесы Островского «Без вины виноватые» и «На бойком месте»⁶¹⁴. Однако настоящей премьерой должен был стать спектакль «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого.

Сам режиссер в своем интервью журналу «Comœdia», в ответ на вопрос, не рискованно ли ему ставить такой спектакль с любителями, отвечал отрицательно. Он подчеркивал, что «в этой пьесе главную роль играет – ритм и полное подчинение режиссеру и художественная чистота актерского горения, что возможно только с молодежью или с любителями». Верещагин дальше говорил, что в этом спектакле он хочет слияния «декоративности не только с содержанием трагедии, но и с ее ритмикой, в чем ему много помогает

609 Новое время. 1927. 11 нояб.

610 Новое время. 1923. 19 мая.

611 Новое время. 1923. 11 мая.

612 Новое время. 1923. 10 мая.

613 Новое время. 1928. 18 марта.

614 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 200.

сценограф Народного театра г. *Вербицкий*, который необычно ритмичен». На вопрос о трактовке роли царя Федора ответ был с историей: «Видите ли, в России существуют две основные интерпретации этой роли: художественная *Орленева*, который представил тип неврастеника, больного физически и слабого духом, и актера Московского художественного театра *Москвина*, у которого царь Федор, прежде всего, крестьянский царь, теплый и заботливый хозяин, с необычно чистой душой, но его слабое здоровье и недостаточное воспитание не дают возможности быть царем. Этот тип и мне дорог, и он мне полюбился и мой Федор – г. Трунов»⁶¹⁵.

Приготовления к спектаклю шли месяцами. Причем, за неимением меценатов все расходы на декорации, реквизит и др. оплачивали сами члены труппы. Долгожданную пьесу зритель увидел в октябре того же года⁶¹⁶. Мнения специалистов о спектакле были различны. Можно лишь сказать, что сама русская печать не была благожелательной в своих оценках⁶¹⁷.

Не утратил театр и традиции благотворительности. Так, на 15 февраля 1927 г. русское художественно-драматическое общество заявило постановку «Леса», сбор от которого должен был пойти на постройку аэроплана S-35, сконструированного И. И. Сикорским, взамен разбитого французским летчиком. Как подчеркивалось в «Новом времени», постройке нового аппарата должен быть придан «русский национальный характер» через участие в этом деле как можно большего количества русских людей⁶¹⁸.

И еще немного о деятельности русского художественно-драматического общества. 22 апреля 1926 г. оно представило два спектакля. Первый – из жизни Сербии (XIV в.) – «Осень короля» сербского писателя М. Боича в переводе В. Хомицкого, расцветившего текст звучными стихами. Второй – известная «Фортуна» М. Цветаевой. Обе пьесы были поставлены сербом М. Ристичем. Автором музыки для них стал В. Нелидов⁶¹⁹, фигура известная в театральном мире. Позже я немного расскажу о нем.

В октябре общество ставило «Воеводу» (второе название «Сон на Волге») Островского с плясками и пением. Так, хор под управлением Проскурникова исполнял ряд старинных русских песен, композиций Мусоргского и Римского-Корсакова, народных, аранжированных Ф. В. Павловским⁶²⁰. Далматов играл роль воеводы, самодура. Удалого молодца «ушкуйника» Романа Дубровина – Юрьев. Щучкин прекрасно сыграл торговца Власа. Елена Романова представила «милый образ русской девушки, у которой терем не

615 Comoedia. 1925. 28 сент. № 4.

616 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 200.

617 Там же.

618 Новое время. 1927. 13 февр. (Музеј позоришне уметности Србије. Альбом №1).

619 Новое время. 1927. 20 апр.

620 Новое время. 1927. 16 окт.

убил все чувства». Отмечены были и декорации Жедринского⁶²¹. Добавлю, что в этом спектакле участвовало около ста исполнителей⁶²².

В ноябре 1926 г. общество поставило пьесу Косоротова «Мечта любви», обошедшую в свое время все русские сцены. Роль Мари Шардон играла Татьяна Яблокова, партнером которой был Виктор Эккерсдорф.

Об игре обоих сохранились весьма благожелательные отзывы. По части разбора первенствовала критика актерской игры Эккерсдорфа, исполнявшего роль Луганского. Критик писал: «Эффектная, благодарная сценическая внешность г. Эккерсдорфа, прекрасные голосовые средства, которым он владеет с большим мастерством – делают исполнение г. Эккерсдорфом роли Луганского безупречным в звуковом и чисто внешнем... портретном отношении. Но г. Эккерсдорф артист холодный, бестемпераментный. Говорят, что пресловутое артистическое «нутро» вещь для актера не только бесполезная, но и вредная, так как «нутро» находится в тесной зависимости от настроения, а настроение, как известно, ощущение не устойчивое, зависящее от многих приводящих причин. Но артистический «темперамент» понятие особенное, отличное от общечеловеческого значения этого слова. Артист может не переживать изображаемого на сцене, но должен его чувство знать, понимать и передавать зрителю приемами, в совокупности своей, именуемой сценической техникой. Несомненно, г. Эккерсдорф артист, тонко чувствующий и понимающий роль, но он больше увлечен ее внешним оформлением, нежели передачей внутреннего содержания. Таких артистов очень много, и немалое число из них, несмотря на этот существенный недостаток, стяжали себе громкую известность. В защиту г. Эккерсдорфа можно сказать, что роль Луганского роль неблагодарная, нежизненная, ходульная»⁶²³. Вот такая была критика, прочитав которую, трудно было понять, в чем же «вина» Эккерсдорфа в этой «ходульной» роли. В том, что артист не «облагородил» ее своим «нутром»?

Возвращаясь к самому театру, скажу, что к 1925 г. Русское художественно-драматическое общество насчитывало, по утверждению Арсеньева, свыше 80 артистов. За три года эта труппа представила на сцене более двадцати спектаклей, в основном, по пьесам русских авторов. Режиссерами были А. Сибиряков, Л. Мансветова, А. Верещагин, В. Щучкин, Ю. Ракитин, Я. Шувалов, А. Баташев, Н. Рыбинский, М. Суворин, М. Манглер, В. Яцын, В. Вячеславский (Хомицкий). При этом наиболее часто постановщиком являлся Феофан Венедиктович Павловский, оперный режиссер сербского Национального театра⁶²⁴.

Однако состав в общества не был постоянным. Так, к началу сезона 1925/26 г. из него вышли Л. Мансветова, режиссер Скопьянского театра А. Лескова, Е. Локателло, А. Сибиряков, М. Ристич⁶²⁵. Причина? Вероятно, одна – интриги, а может быть, «доброжела-

621 Новое время. 1927. 22 окт.

622 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 201.

623 Новое время. 1926. 25 нояб. (Музеј позоришне уметности Србије. Альбом №1).

624 Арсеньев А. Б. Русские театральные труппы в Белграде.

625 Новое время. 1925. 27 сент.

тельная критика», которая является вечным спутником театра. В конце 1926 г. в сербской газете «Новости» совершенно неожиданно появилась анонимная заметка, скорее всего русского происхождения, судя по точному знанию некоторых деталей, неизвестных сербам. В ней проводилась мысль об умирании театра после ухода Верещагина: актеры неспособны, режиссура слаба, репертуар случаен и пр.⁶²⁶ Типичный случай «подкладывания свиньи» то ли по скверности характера автора, то ли по его наивности...

«Свинья» была тотчас замечена и «высечена» Рыбинским в «Новом времени» (2 января 1927 г.). Он писал: «Создание собственного национального театра в эмиграции вещь особенно трудная, и потому исключительной должна считаться заслуга тех лиц, которым это удастся. В частности, в Белграде не раз делались попытки устройства русских спектаклей, но все они носили случайный характер. И только с возникновением Русского художественно-драматического общества в течение полутора лет был сделан ряд капитальных постановок: «Царь Федор Иоаннович», «Псиша», «Свет», «Маленькая женщина», «Горе от ума», «Фортуна», «Воевода» (Сон на Волге), «Мечта любви», «Измаил» <...> Собрались люди, соединенные любовью к театру и сразу же нашлись и руководители и исполнители. Откликнулся один из лучших русских режиссеров в Белграде Феофан Павловский, откликнулся на зов общества пришел и сербский режиссер г. Миодраг Ристич, не менее охотно шла навстречу этому начинанию и администрация сербского Народного театра, предоставляя помещение и бутафорию, объединились вокруг театра и художники <...> Дело стало заметно развиваться, и несомненно, что оно не заглохнет в дальнейшем, а будет процветать»⁶²⁷.

Но благородные слова о великом и чистом русском искусстве трудно сочетались с прозой театральной жизни. В том же патристическом «Измаиле» было немало неряшливости: «вполне понятно, – писал критик, – что шитых золотом мундиров могло и не хватить на всех генералов блестящего века Екатерины, – но почистить сапоги мог каждый генерал, даже на положении беженца, когда денщики не положены по штату»⁶²⁸.

Кстати, о патриотизме, морали и переоценке ценностей. В связи с постановкой «Измаила» критик, скрывшийся под псевдонимом «Случайный», не случайно отметил, что «тот же русский интеллигент, брюзжавший на родине, охотно слушает пьесу и еще охотнее аплодирует <...> послушать инсценированное повествование об одном из подвигов (а сколько их было, кто сосчитает!) Императорской русской армии в настоящее время не только приятно, но и необходимо. В этом главная заслуга постановки «Измаила»»⁶²⁹.

Осенью 1928 г. в обществе возникла «репертуарная смута». Сезон открывали пьесы «Власть тьмы» Толстого и «Шпанские мушки» Сабурова. В специально выпущенной листовке это обстоятельство постановки комедии трактовалось следующим образом: «Данный

626 Новости, № 1806 (Музей позоришне уметности Србије. Альбом №1).

627 Новое время. 1927. 2 янв. (Музей позоришне уметности Србије. Альбом №1).

628 Новое время. 1926. 26 дек. (Музей позоришне уметности Србије. Альбом №1).

629 Новое время. 1926. 26 дек. (Музей позоришне уметности Србије. Альбом №1).

спектакль ставит своей задачей предоставить непринужденный отдых... и, таким образом, явится тем местом, где можно будет уйти от сложных волнующих нас вопросов...» Автор заметки в «Новом времени» язвительно в ответ писал: «Вообще обществу надо серьезно подумать над своим репертуаром, так как при 3–4 спектаклях в сезоне выбор пьес должен быть особенно осмотрительным и экономным. Мы недостаточно богаты возможностями, чтобы болтаться между Толстым и Сабуровым и не знать, чего же нам, в сущности, хочется: «революции или севрюжины с хреном». Засорить репертуар “Шпанской мушкой” столь же неэкономно, сколь и трудиться полгода над “Властью тьмы” впустую». У Толстого зрительный зал был пуст, а у Сабурова полон. Лучше пустую комедию в приличном исполнении, нежели содержательную драму в плохом»⁶³⁰. Ситуацию усугубил отъезд режиссера Феофана Павловского из Белграда,

В итоге произошел раздел с образованием двух трупп «Театра русской драмы» и «Русской студии театрального искусства» (по данным Арсеньева – «Русской студии драматического искусства»).

7 ноября 1928 г. состоялось общее собрание членов новой студии, на котором было принято решение о постановке в декабре французской комедии Ж. А. де Гальяви и Роберта де Флери (в пер. Ел. Кугель) «Любовь на страже»⁶³¹.

Однако «Франция» не спасла студию, прекратившую вскоре свою сценическую деятельность. Возможно, причиной развала стали «вечные интриги», на которых держится театральный мир.

Правда, надо не забыть подчеркнуть, что студия выступила инициатором постановки детских спектаклей. Так, в начале марта было объявлено о постановке в «Манеже» пьесы «Маленький лорд Фаунтлерой» по роману Фр. Бернетта в инсценировке В. Хомицкого и в режиссуре В. Загороднюка⁶³².

Гораздо дольше – до 1936 г. – продержался Театр русской драмы под руководством Ракитиной. Его артисты представили зрителю, пишет Арсеньев, свыше 30 пьес русских, зарубежных и советских авторов⁶³³, как например, М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова. Игравшие в труппе «артисты, или полу-артисты и полу-любители», по словам ироничного Ракитина, все же добивались успеха в завоевании зрителя. Он писал Евреинову в декабре 1932 г., что его пьеса «Комедия счастья» игралась «при полном зале с успехом, которому может позавидовать не всякий европейский театр в Балканском полуострове»⁶³⁴. Поставленная там же комедия Евреинова «Любовь под микроскопом» также не прошла незамеченной⁶³⁵.

630 Царский вестник. 1928. 18 нояб.

631 Там же. 25 нояб.

632 Новое время. 1930. 26 февр.

633 Арсеньев А. Б. Русские театральные труппы в Белграде.

634 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 254.

635 Там же. С. 261.

Постановкой пьес занималась и драматическая студия при основанном в 1925 г. Союзе русских писателей и журналистов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Вначале были концерты, потом постепенно образовался неплохой артистический ансамбль, позволявший ставить «серьезные» вещи. Режиссерами там работали Юрий Ракитин, Феофан Павловский, Александр Сибиряков. Театр давал три-четыре спектакля в год в Народном театре или на сцене в Коларчевом университете⁶³⁶.

24 января 1926 г. студия ставила «Грозу». В спектакле принимали участие и журналист, писатель, автор книг о Григории Распутине и Льве Толстом, организатор газетного дела, председатель Союза русских писателей и журналистов в Белграде Ксюнин, поэт Страхов, талантливый журналист, деятель культуры Жуков, писатель-фантаст П. Тутковский. Режиссером пьесы был А. Сибиряков. Художником – А. Вербицкий⁶³⁷.

Однако нельзя сказать, что ставилась только классика. В ноябре 1929 г. Ракитин «взорвал», писал Арсеньев, Белград премьерой пьесы В. Катаева «Квадратура круга»⁶³⁸.

Собственно говоря, устройство «взрывов» было свойственно этому замечательному режиссеру, что он доказывал неоднократно за время своей работы.

Потом были пьесы: «Человек с портфелем» А. Файка, «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, «Дорога цветов» В. Катаева и др.⁶³⁹

В мае 1930 г. Союз ставил на сцене Русского офицерского собрания «Графиню Юлию» Стриндберга. Режиссер Ракитин. В заглавной роли выступила Ракитина, партнерами которой были Л. Н. Нильская и В. В. Вячеславский (Хомицкий)⁶⁴⁰.

Ставились пьесы и другого порядка. В качестве примера можно назвать сочинение поэта, литературного критика, фельетониста «нововременца» А. А. Бурнакина «Последний и решительный бой». Об этом произведении писали: «Политсатира на большевиков – по идейному заданию; оперетта-ревью – по форме в стиле “вампукки”, музыкальный фон которой – офокстротированный “Интернационал”, а сюжет – советская улица с характерным персонажем и сценками. Действие развивается кинематографическим темпом и заканчивается немой сценой по Гоголю. Написана в стихах, с пародиями и частушками»⁶⁴¹.

В начале 1930 г. в белградском «Новом времени» промелькнуло известие об открытии 9 февраля в театральном зале Русского офицерского собрания (улица Дечанская, 20) русского театра «Комедия», выбравшего первым спектаклем комедию А. Толстого «Касатка». Режиссер Яков Осипович Шувалов (в «Новом времени» от 14 июля 1930 г. назван Иваном Михайловичем Осиповичем-Шуваловым. – В. К.), артист и режиссер. В ближайшие планы театра входили постановки таких пьес, как «Темное пятно» Кадебурга, «Свадьба

636 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 201–202.

637 Новое время. 1926. 20 янв.

638 Арсеньев А. Б. Русские театральные труппы в Белграде.

639 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 201–202.

640 Новое время. 1930. 15 мая.

641 Новое время. 1930. 5 марта.

Кречинского» Сухово-Кобылина, «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, «Хорошо сшитый фрак» Дрегелли. «Недомерок» Никкодеми и др.⁶⁴² 14 июня 1930 г. театр в ознаменование дня Русской Культуры ставил в Русском офицерском собрании кочующего по театральным сценам «Дядю Ваню» Чехова в постановке Шувалова⁶⁴³.

Причем мнения об игре были различны. Одни считали, что аматеры считали свою игру неким видом отдыха, другие – посмеивались, глядя на сцену, третьи – 500 или 600 человек, постоянных зрителей – прощали все погрешности и радовались успехам своих любимцев⁶⁴⁴.

Сытный, хотя и «реакционный» Белград привлекал многих артистов.

Так, здесь можно назвать Н. О. Массалитинова, приехавшего на гастроли из Болгарии.

Николай Осипович в 1925 г. и в 1935 г. ставил спектакли в Народном театре в Белграде. В частности, зрители видели «Преступление и наказание» в инсценировке П. Краснопольского, «Авантюристы у дверей» М. Беговича. Помогал Массалитинов и советами. Касаясь постановки пьесы Л. Костова «Големанова», Массалитинов не удержался от ироничного замечания в адрес режиссера Й. Кулунджича о том, что он и его болгарский коллега Х. Цанков «очень любят темноту на сцене – и не видно и не слышно»⁶⁴⁵. Этот древний прием «таинственного мрака» жив и неплохо «смотрится»!

Замечу, что после революции и всего, что случилось потом, работа над творением Достоевского значила для режиссера «обновление души. «После этого спектакля, – отмечал Массалитинов, – нельзя пойти в ресторан и там сидеть, так как спектакль заставляет размышлять».⁶⁴⁶ Николай Осипович был идеалист.

Да и сам театр далеко не всегда являл собой «сборище» единомышленников. Достаточно вспомнить судьбу детища Черепова, когда в марте 1936 г., вследствие неурядиц, большое количество артистов покинуло театр. И, как я уже писал выше, по инициативе А. Белича и Е. Жукова и югославско-русского попечительского комитета во главе с Б. Нушичем в мае было принято решение слить его театр с театром Ю. Ракиной. Руководителями новой труппы стали приглашенные из Парижа мхатовцы-супруги: уже упоминавшаяся Вера Мильтиадовна Греч (1893 – 1974), в детстве носившая прозвище «Верка-сорванец», выпускница школы «Трех Николаев», артистов МХТ: Александра, Подгорного и Массалитинова, и талантливейший Поликарп Арсеньевич Павлов (1885–1974).

642 Новое время. 1930. 5 февр.

643 Новое время. 1930 14 июня.

644 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 208.

645 Письмо Н. О. Масалитинова к Н. Лилиеву, Белград, от 8 марта 1935 г. // Масалитинов Н. О. Спомени, статии, писма. Сост. Т. Масалитинова, Н. Тихова, Г. Саев, А. Дертлиева Вступ. Ст. Н. Тиховой. София, 1987. С. 280.

646 Љ. Б. Како је редитељ г. Масалитинов сценски тумачио «Злочин и казну» (Музеј позоришне уметности Србије. Альбом №1).

Супруги поставили в белградском Народном театре «Трех сестер» (2 ноября 1937 г.), «Вассу Железнову» (22 января 1938 г.), «Свадьбу Кречинского» (12 мая 1938 г.). Жуков организовал с их участием в зимне-весенний сезон 1937/38 г. ряд русских спектаклей, во многом повторявший репертуар Русского театра в Париже: М. А. Алданова «Линия Брунгильды» (5 декабря 1937 г.), Н. А. Тэффи «Момент судьбы» (26 декабря 1937 г.), В. В. Шкваркина «Ночной смотр» (конец апреля 1938 г.)⁶⁴⁷.

Правда, надо сказать, что не всегда сербская критика была благоприятна для режиссерской работы Греч и Павлова. В своей рецензии, опубликованной в «Српском книжном гласнике», Милош Савкович, отдавая должное их актерскому мастерству, писал, что в пьесе «Бесприданница» они только попытались копировать своего великого учителя Станиславского. Именно это внешнее копирование – поставленные на первый план «темпа, шаблонная ритмика, гримаса», а не интонации в речи – по мнению критика, повредило как самим Греч и Павлову, так и Народному театру. Суть упреков сводилась к тому, что русские мастера не попытались творчески развить мысли Станиславского, считая его школу чем-то законченным, не требующем дальнейшего движения⁶⁴⁸.

Не все шло гладко и при постановке для русских зрителей пьес отечественных классиков – Островского, Чехова, Горького. Скандал разразился в связи с постановкой советской комедии «Даешь невесту» (авторы – И. Ильф, Е. Петров, В. Катаев) в Русском доме имени Николая II. Монархисты попытались воспрепятствовать появлению советской пьесы и даже добились вначале от члена Государственной комиссии по делам русских беженцев Е. Ковалевского запрещения спектакля. Но после показа спектакля Александру Беличу и заместителю председателя Югославско-Русского комитета Велько Петровичу запрещение было снято, как неоправданно наложенное, а сама пьеса охарактеризована как «чисто художественное» произведение. Правда, после премьеры «Русский голос» и некоторые другие издания в своих статьях выражали негодование, посчитав постановку этого спектакля и других советских пьес оскорблением памяти Николая II, самого Русского дома⁶⁴⁹.

Нормальной работе театра мешали дразги людей, «имевших собственную точку зрения» на прошедшее, настоящее и будущее: недаром по числу руководителей различного порядка Белград первенствовал в русской эмиграции. Были и другие препоны. Были допущены ошибки в финансовых расчетах: Жуков платил профессиональным актерам от 500 до 2 000 динаров за представление, хотя при полном зале (450 мест) сбор составлял всего 12 000 динаров. Денег не хватало. Калькуляция Жукова оказалась нереальной. В

647 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракиными. С. 566.

648 Савковић М. «Без мираза» од Островског // Српски књижевни гласник. С. 466, 467, 468 (Музеј позоришне уметности Србије. Вырезка из журнала.)

649 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 206.

создавшейся кризисной ситуации директор театра посчитал за лучшее подать в конце сезона в отставку⁶⁵⁰.

В театре снова воцарилась атмосфера привычной «смуты», не отставала и пресса, поднявшая шум. В такой ситуации старое руководство было смещено. Новым управителем на сезон 1937/38 г. стал приглашенный из Каира бывший жандармский полковник В. А. Стрекаловский, имевший опыт руководства тамошним театром. Однако, как заключает Арсеньев, возлагавшиеся на него надежды не оправдались⁶⁵¹. Стрекаловский начал смело: пьесы советских авторов были сняты, была сделана ставка на дореволюционные драмы, как «Враги» Арцыбашева, «У белого камня» Урванцова. Более того, были открыты настежь двери оперетте во главе с Комаровской. Заглавные партии вместе с ней пела еще одна русская звезда – Татьяна Хитрина⁶⁵².

Но вскоре полковник уехал назад⁶⁵³. Возможно, причины можно искать в том, что он либо «не справился» с актерами, либо его не приняли белградские театралы.

Актерская среда снова начала бурлить. К постановке пьес стали привлекаться другие режиссеры, в том числе старые, как Черепов, Греч и Павлов, хотя последние привлекались все реже, уже по той причине, что были заняты постановкой пьес в столичном Народном театре⁶⁵⁴.

Добавлю, что в Белграде Вера Греч не только играла, ставила спектакли, но и преподавала в актерской школе. Одна из ее воспитанниц, русская по матери, Капитолина Ерич, которую Вера Мильтиядовна учила импровизации, стала известной актрисой, отдавшей много лет сцене Югославского драматического театра⁶⁵⁵.

Что же касается Черепова, то он также был редким гостем на сцене⁶⁵⁶.

Но спектакли шли, и это было главное. Не менее 200 пьес было поставлено на сцене Русского дома⁶⁵⁷.

Не все они, конечно, они отличались режиссерским талантом и мастерством исполнения. Урон был нанесен и отъездом Ведринской в сезоне 1938/39 г. в Ригу. Сам театр, оставшийся без постоянного руководителя и перешедший «под надзор» Союза русских артистов во главе с Татьяной Яблоковой, постепенно терял былую славу. Премьеры бывали все реже, а интерес публики все меньше. Последнее представление было назначено на 5 апреля 1941 г., т. е. накануне бомбардировки Белграда немецкой авиацией. Но билеты так

650 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 206–207.

651 Арсеньев А. Б. Русские театральные труппы в Белграде; Арсеньев А. Биографски именик. С. 309.

652 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 207.

653 Там же.

654 Там же.

655 Ерић К. Од Сибира до Цветног трга. Београд, 2004. С. 44.

656 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 207.

657 Арсеньев А. Б. Русские театральные труппы в Белграде.

и остались нераспроданными, вследствие напряженности самой ситуации, и спектакль был отменен⁶⁵⁸.

Но до этого времени было еще сравнительно далеко... И артисты работали... Своего режиссера не было у труппы, поэтому постановщиками выступали сами артисты – Т. Н. Яблокова и А. Ф. Заярный, В. В. Хомицкий, К. Н. Томин, В. П. Загороднюк, Ю. Н. Офросимов и, конечно, В. М. Греч с П. А. Павловым⁶⁵⁹.

На излете 1930-х гг. в Русском доме, судя по изысканиям Арсеньева, можно было увидеть спектакли из сокровищницы отечественной драматургии, современные пьесы, в том числе русских парижан – Марка Александровича Алданова, Надежды Александровны Тэффи, Семена Соломоновича Юшкевича, Нины Николаевны Берберовой, Владимира Сирина (то бишь Набокова – В. К), белградских аматеров-литераторов, например, Софии Топор-Рабчинской («Гордиев узел»), Николая Зотиковича Кадесникова («Талисман», «Серые птицы»), Александры Жернаковой-Николаевой («Невольники луны»), Веры Орловой-Павлович («Генеральша Матрена»).

Незадолго до установления дипломатических отношений между Королевством Югославии и Союзом ССР труппа Яблоковой весной 1940 г. поставила в Русском доме, пьесы из столичной жизни белградцев – фантастическую комедию «Первый поезд Белград – Москва», «Внимание, господа, я творю» и др., но их авторы остались неизвестными⁶⁶⁰.

Были и сборные спектакли: Греч и Павлов поставили 23 февраля 1941 г. свой «Вишневым сад». Заглавные роли играли: Ракитин (Гаев), Ракитина (Раневская), Павлов (Фирс)⁶⁶¹.

«В апреле 1941 г., – вспоминал О. Миклашевский, – разразилась гроза: немецкие части перешли югословенскую границу. Началась война. Вскоре после оккупации Белграда немцами было получено распоряжение немецких властей о прекращении деятельности театра. Однако не было сказано о ликвидации и роспуске труппы, что давало хоть слабую надежду на будущее. Подавленное настроение царило среди актеров... После долгих и трудных переговоров с оккупационным командованием удалось получить разрешение на постановку спектаклей, но в более ограниченном количестве. Тем не менее, театральная машина заработала. Не буду описывать все трудности и перемены, начиная с некоторого изменения названия (“Театр русских сценических деятелей”) и переноса начала спектаклей на 4 часа дня (ввиду комендантского часа). Так наша работа продолжалась еще три с половиной года, в течение которых я оставался единственным режиссером. Состав исполнителей был несколько изменен (появились новые молодые таланты), но театр неуклонно соблюдал традиции и принципы, установленные А. Ф. Череповым»⁶⁶².

658 *Beloemigracija u Jugoslaviji*. S. 207–208.

659 *Арсеньев А. Б. Русские театральные труппы в Белграде.*

660 Там же.

661 Там же.

662 *Миклашевский О. Русский общедоступный театр в Белграде // Новое Русское Слово. 1982. 18 мая.*

На сцене Русского дома пошли собиравшие полный зал пьесы из классического репертуара – Островский, Чехов, Сухово-Кобылин, Гнедич, Мясницкий, Арцыбашев, Шпажинский и пр. Ставились и незатейливые «вещицы»: 24 мая 1942 г. был сыгран водевиль В. Крылова «Общество поощрения скуки», 22 августа – фарс В. Мюлле «Княгиня Капучидзе»⁶⁶³.

Последними пьесами, поставленными труппой Миклашевского к тому времени, когда поражение Берлина становилось очевидным, были комедии «Веселый месяц май» Л. Иванова (20 августа 1944 г.) и И. Мясницкого «Сыщик», поставленная в пользу Объединения семейств чинов Русского охранного корпуса (3 сентября 1944 г.)⁶⁶⁴. Напомню, что на медали «За освобождение Белграда» значится дата 20 октября 1944 г..

В военные годы в стране работал и «Веселый бункер», театр отдела пропаганды Русского охранного корпуса, солдаты которого воевали с партизанами Тито, охраняли железные дороги, защищали мирных сербов от усташей (хорватских националистов, видевших в них врагов). 16 октября 1943 г. он первый раз выступил в Русском доме. Посещал с концертами самые заброшенные гарнизоны⁶⁶⁵. На Святки артисты устраивали елки с концертами. В репертуаре артистов были одноактные оперетты, скетчи, комедии, лубки, балет, сольные номера⁶⁶⁶.

И еще небольшое добавление: с 1918 по 1941 г. только на сцене столичного Народного театра было поставлено 32 русских/советских пьес (от Достоевского до Булгакова), выдержавших 255 представлений, которые посмотрели по подсчетам сербского исследователя Б. Стойковича около 120 тысяч человек⁶⁶⁷.

После войны при новой, народной, власти там ставились спектакли по произведениям советских писателей, например, А. Корнейчука, А. Фадеева, К. Симонова, Л. Леонова, А. Арбузова⁶⁶⁸. И не только в столице, но и на подмостках других театров. Впрочем, русская пьеса всегда и везде пользовалась вниманием режиссеров, актеров и зрителей. И сейчас, бывая в Белграде, я вижу знакомые названия и имена на театральных афишах. Значит, русская пьеса живет.

О русских на сценах Загреба, Любляны, Сараево, Скопле, Сплита придется говорить меньше. Немного я уже сказал о русских, например, на сценах Македонии и Боснии с Герцеговиной. К этому добавлю, что и соотечественников, например, в той же Словении жило немного, с профессиональными актерами и актрисами было плохо: многих «забрал» Белград. Да и не со всеми складывались отношения.

663 *Арсеньев А. Б.* Русские театральные труппы в Белграде.

664 Там же.

665 Русское дело. 1943. 26 сент.

666 Ведомости Русской Охранного Корпуса в Сербии. 1943. 7 апр.

667 *Стойкович Б. С.* Страни репертоар у драми Народног позоришта // Један век Народног позоришта у Београду. С. 250.

668 Там же. С. 251.

Ярчайший пример: «случай» Георгия (Юрия) Эрастовича Озаровского (1854–1922). По настойчивой просьбе главы администрации, влиятельных представителей хорватской общественности и, самое главное, благодаря желанию самой труппы, он был в 1919–1920 гг. педагогом, актером (известны его роли Хлестакова и «недоросля» Митрофанушки), и художественным руководителем Хорватского народного театра в Загребе. Однако авторитет оплачивался плохо: получал гораздо меньше обещанного. Озаровский поставил такие спектакли, как «Ревизор», «Женитьбу», «Недоросль» с минимумом декораций. Судя по письму директору театра, условия, в которых работал Георгий Эрастович, были настолько отвратительны, что он грозил отставкой, если положение не изменится. Судя по его отъезду в Париж, где он открыл актерскую школу, соглашения не получилось⁶⁶⁹. Т. В. Пушкадия-Рыбкина пишет о том, что после провала постановки пьесы Сидни Шелдона «Роман» он 17 февраля 1920 г. был назначен художественным руководителем театра, а 18 марта подал в отставку⁶⁷⁰. Здесь еще много неясного с назначением Озаровского, что предстоит выяснить другим исследователям.

Само возникновение самодеятельного русского театра в Загребе было делом времени. В 1928 г. в Обществе русских юристов возникла тривиальная и, я даже бы сказал, несколько запоздалая мысль о создании у себя, по примеру других русских обществ, рассеянных по просторам Королевства, драматической секции. Возможно, ее организация была связана и с желанием доказать своим соотечественникам, жившим в столичном Белграде, что Загреб не хуже.

А пока Загреб был лишь очередной остановкой русских артистов в их гастрольных поездках. Не миновал столицу Хорватии и МХТ. Его приезд в 1922 г. во главе со К. С. Станиславским стал настоящим праздником для театралов, уже наслышанных о несравненном искусстве этой русской труппы. Константин Сергеевич представил зрителям пять спектаклей, в том числе «Царь Федор Иоаннович». «Публика, – вспоминал К. М. Григоров, участвовавший в этих спектаклях как статист, – принимала артистов очень тепло, и таких бурных оваций мне еще не приходилось видеть. Сцена была буквально сплошь покрыта густым ковром из букетов»⁶⁷¹. Потом последовали приезды и других мастеров сцены. И должно было пройти почти десять лет, прежде чем дело с организацией своего театра сдвинулось с места. Нужен был лидер, и он нашелся.

Художественным руководителем небольшой любительской труппы стал необыкновенно разносторонний человек Николай Иванович Федоров (1892–1980), юрист, журналист, публицист, переводчик, театровед. С 1912 г. он много печатался в прессе на театральные темы. Во время первой мировой войны Николай закончил артиллерийское учебное заве-

669 Pismo Jurija Erastoviča Ozarovskog intendantu Hrvatskoga narodnog kazališta u Zagrebu // Književna smotra. № 119. 2001. S. 65; Арсеньев А. Биографски именик. С. 285–286.

670 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 156.

671 Григоров К. М. Воспоминания // Сборник «Воспоминания» Сост. Н. К. Григоров. М., 2008. Электронная версия.

дение в Одессе. С 1918 г. служил в Добровольческой армии. С 1921 г. Николай Иванович обосновался в Загребе, работал чиновником, потом занялся писательским ремеслом, вернулся к журналистике. Писал он, как и раньше, о театральном и литературном мирах русских беженцев и приютившей его страны («Jugoslovenska njiva», «Kritika», «Nova Evgora», «Hrvatska revija», «Omladina», «Hrvatska smotra», «Hrvatska pozornica», «Spremnost» и др.). В соавторстве с Т. Строцци Федоров переработал для сцены «Идиота» и «Господ Головлевых», перевел на хорватский язык ряд пьес: «Чужой ребенок» Шкваркина, «Новый дом» Булгакова, «Сентиментальный день» Сургучева. Изданы его переводы на хорватский язык: «Жизнь Арсеньева» Бунина, «Золотая арка» Тэффи, «Бедная любовь Мусоргского» Лукаша, «Жизнь Тургенева» Зайцева, «Это и есть большевизм» Иванова. Напечатал он и две интересные брошюры: «Советизация эмигрантского языка» и «У церковной ограды». В 1932 г. в русском журнале «Мир и искусство», печатаемом в Париже, Николай Иванович дал обзор современной хорватской драматургии, подчеркнув ее европейскую направленность. Упомянутая ранее замечательная хорватская исследовательница русского происхождения Татьяна Пушкадия-Рыбкина в своей книге о русских в Хорватии отметила и то, что Федоров вместе с Й. Бадаличем составили и издали в 1939 г. в Загребе антологию «*Ruska lirika od Puškina do naših dana*» («Русская лирика от Пушкина до наших дней»). С 1941 до 1943 г. он входил в редколлегию газеты «Хорватский народ». В 1944 г. Федоров перебрался в Германию, откуда в 1945 г. уехал из опасной для многих Европы в мирную и безопасную Южную Америку. С 1948 г. обосновался в Буэнос-Айресе⁶⁷².

Первые несколько лет ставились классические одноактные пьесы, доступные для игры от школьника до гения. Были, конечно, и простенькие скетчи и чтение со сцены «высокой» поэзии и «низкой» прозы. В общем, начало было традиционное для любого самодеятельного театра, и на этой вечной классике, должно быть порядком позеленевшей от старости со времен школьных представлений, можно было «застрять» навечно. Но Федоров изменил бы себе, если бы остановился. Секцию он поднял на ступень выше, теперь она стала называться студией, как в Париже. Цель единомышленников Федорова не отличалась от задач театральных трупп, игравших в русском рассеянии, – напоминание о России, ее культуре, старой и новой, знакомство русских зрителей с культурой принявшей их страны. В состав драматической студии входил около 40 человек⁶⁷³. О самих актерах известно немного. Скажу немного о двух актрисах.

Надежда Константиновна Долуханова (в замужестве Раздорова) (1906–1987) завершила Загребскую академию художеств, где училась мастерству у профессоров Ковачевича, Ванке (правильно Ванка), Бечича, известных хорватских художников, входила в Объединение хорватских живописцев, основанного в 1945 г. Однако, по мнению

672 *Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 133–134; Незабывые могилы. 2006. Т. 6. Кн. 2. С. 592–503.*

673 *Ribkin-Puškadija T. Ruski dramski studio u Zagrebu // Ruski emigranti u Hrvatskoj. S. 126.*

хорватской исследовательницы М. Медарич, больше работала в сфере сценографии, нежели играла на сцене⁶⁷⁴.

Елена Владимировна Лукателла-Маньковская (урожд. Измествева) (1903–?) окончила в 1923 г. актерскую школу в Загребе. С 1924 до 1929 г. Елена Владимировна выступала на сценах Белграда, Сараево и Осиека. С 1929 по 1936 г. играла на сцене Хорватского Народного театра в Загребе. Потом артистка некоторое время играла в Цетинье и Осиеке, в 1943 г. Елена гастролировала в хорватской столице, где получила ангажемент (до конца июня 1945 г.), затем играла в Вараждине (до середины 1947 г.)⁶⁷⁵.

И, наконец, о «тиране» сцены – режиссере Борисе Филимоновиче Кривецком (1883–1941) известно немного. В 1907–1910 гг. работал в МХТ. Преподавал в театральной школе при театре. Потом, в 1910 г., стал создателем театра «Музыкальная драма» в Пензе, затем, уже в 1918 г., Украинского психологического реалистического театра по образцу МХТ. После, в 1918–1919 гг., возглавлял Государственный драматический театр в Киеве. В 1921 г. «сбежал» в Ужгород, где стал режиссером тамошнего театра. С 1922 г. ставил спектакли в Чехии. Через год переехал в Загреб. Работал режиссером «оперы и театра» до 1925 г. В 1925 г. на сцене Хорватского народного театра поставил оперу «Поцелуй» Б. Сметаны. В 1929 г., уже в Словении, продолжил активную работу, например, вместе с режиссером М. Поличем, представил впервые на словенском языке оперу Р. Вагнера «Валькирия». Потом настала очередь Нови-Сада, где руководил «Русским драматическим обществом», выделившимся из Русской драматической студии Федорова⁶⁷⁶.

Студия располагалась в помещении Офицерского клуба на центральной улице Илища, 45, потом, в начале 1938 г., переехала в новые помещения Русского клуба (площадь короля Александра 4/11). Судя по исследованию Татьяны Витальевны Рыбкин-Пушкадия, студия ставила пьесы начиная с сезона 1933/34 г. и завершила представления в конце сезона 1937/38 г. Хотя, по некоторым данным, она работала примерно до 1941 г. Спектакли шли в Иеронимском доме (площадь короля Томислава, 21), в Малом театре (улица Франкопанская), в доме, располагавшемся на улице Боговичевой, 7, а также по помещениям различных русских организаций⁶⁷⁷.

О разнообразии репертуара можно судить по заявленному списку спектаклей на сезон 1937/38 г. Здесь и «Власть тьмы» Толстого, «Вишневый сад» Чехова, «Анфиса» Андреева, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, «Повесть о господине Сонькине» Юшкевича, «Дама из Торжка» Беляева, «Фабрика молодости» Толстого, «Миллион терзаний» Катаева, «Момент судьбы» Тэффи, «Линия Брунгильды» Алданова, «Чудесные приключения и несчастья подмастерья Хлапича» знаменитой детской писательницы, матери шестерых детей Иваны Брлич-Мажурич, «Без третьего» Милана Беговича,

674 Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 295.

675 Пушкадия-Рыбкина Т., Грубмайр И. Эмигранты из России в Загребе. Жизнь и судьбы Загреб, 2019. С. 171.

676 Ribkin-Puškadija T. Ruski dramski studio u Zagrebu. S. 115–116; Мнемозина Вып. 3. М., 2004. С. 554.

677 Там же. С. 113–114.

драматурга и режиссера, известного в Европе и Америке, поставившего, кстати, в 1929 г. в Загребе «Санина» (по Арцыбашеву), и, наконец, «Подозрительная личность» сербской «язвы» Бранислава Нушича. Кроме постоянных членов студии в спектакли этого сезона приглашались играть: бывшая актриса драматического театра в Киеве Л. З. Маракина как постановщица и актриса, А. М. Храповицкая, Т. А. Яблокова, О. П. Миклашевский⁶⁷⁸.

Спектакли студии не раз имели отличную прессу. Позволю себе привести три отзыва. Первый связан с чеховскими пьесами, которые были хорошо известны хорватскому зрителю еще с конца XIX в. Корреспондент заградской «Семьи» писал: «...и мы, которым русский язык труден для понимания, действительно могли наслаждаться <...> хорошо срежиссированной актерской игрой»⁶⁷⁹.

Другая заградская газета «Утренняя газета» в связи с постановкой в 1935 г. «Дяди Вани» писала: «Если принять во внимание, что члены этой студии: режиссер, все актеры, статисты и технический персонал русские эмигранты, эти любители театра, не получающие за свой труд ничего, которые целый день заняты тяжелой работой, чтобы прокормить семью <...> тогда нужно изумляться их жертвенной любви к театру, позволяющей ставить такие отлично сыгранные спектакли»⁶⁸⁰.

В 1936 г. известное заградское издание «Обзор» подчеркивало на своих страницах: «Эти спектакли посещают примерно 100–250 человек. На последнем представлении <...> было свыше 200 зрителей, среди которых было около 30 молодых хорватов, в своем большинстве студентов, которые так полюбили русскую драму, что регулярно посещают русский театр, даже если и не знают хорошо русский»⁶⁸¹.

И, тем не менее, работа студии клонилась к упадку. В начале сезона 1937/38 г. из нее, как уже упоминал, отпочковалось Русское драматическое общество во главе с Борисом Кривецким. Однако уже первая постановка нового театра «Сон любви» Косоротова получила неблагоприятный отзыв в заградской печати. На ее страницах ядовито подчеркивалось: «Небольшая группа русских театральных аматеров в Загребе позволила себе роскошь раскола рядов в той ситуации, когда все свидетельствует против такого шага. Находясь в стороне, и не входя во внутренние причины случившегося <...> констатируем только факт, что первый спектакль нового общества не произвел впечатления необходимости в расколе, так как не было ничего нового, программного, что бы оправдывало случившееся». Да и сам выбор премьерной пьесы и игра оценивались весьма негативно⁶⁸².

Не могу не упомянуть, что многие русские пьесы шли в исполнении хорватских актеров на национальной сцене в Загребе. И здесь большая заслуга принадлежит Иосифу Бадаличу, знатоку и поклоннику русской литературы, возглавлявшего одно время драму

678 Там же. S. 114–115.

679 Там же. S.119.

680 Там же. S. 121, 122.

681 Там же. S.123.

682 Там же. S. 125.

Народного театра в хорватской столице. Зрители видели и «Миллион терзаний» Катаева, где роль Экипажева исполнял выдающийся Д. Дуйшин, и «Обрыв» Гончарова, поставленный Б. Гавеллой в сценографии В. Жедринского. Это были премьеры. Из возобновленных пьес назову «Власть тьмы» и «Братья Карамазовы» в инсценировке известного драматурга, режиссера и актера Т. Строщи. Из актеров в прессе отмечалась игра Л. Йовановича, Я. Ракуши, Х. Нучича⁶⁸³.

Из русских театров, действовавших в провинциальных городах Хорватии, останулюсь на тех, которые работали в Далмации, прежде всего в Дубровнике и Сплите. В 1920–1921 гг. в курортном Дубровнике в Русском доме была создана своя любительская труппа. Правда, она вскоре распалась, но спектакли ставились: в русских людях, желавших себя попробовать на сцене, недостатка, видимо, не было. В газете «Дубровник» от 30 ноября 1922 г. можно было прочесть следующую заметку: «Русский театр в Дубровнике. Если между русскими колонистами в нашем городе есть те, образ жизни которых не позволяет идти им навстречу, то есть и другие, их гораздо больше, тех молчаливых страдальцев, которые молча и храбро терпят свое нынешнее положение, далеко от Родины, мучаясь и работая, где придется, только чтобы выжить. Эти последние и организовали театральное сообщество и учредили, лучше сказать, создали сами, не имея искусства, некий театр в Ревелине, чтобы как-то без попрошайничества, уважая себя и других, могли прожить.

Нужно подчеркнуть, что это нечто большее, чем сообщество дилетантов, и в театре будут ставиться произведения таких русских классиков, как Островский и др.

Насколько заслуживает всяческой похвалы этот шаг русских колонистов, настолько заслуживает внимания и поддержки со стороны горожан, уже потому, что тем самым выражается братская помощь пострадавшим братьям»⁶⁸⁴.

Хотя, само здание, в котором играли артисты, было «с историей». Ксения Грундт писала: «В Дубровнике Театр (итальянского типа) находился в бывшей тюрьме! Одевались мы в бывших казематах, в кот[орый] впускали, говорят, в наказание море, котор. плескалось над окнами с солидными железными решетками. Хорошая и естественная декорация для “Тоски”»⁶⁸⁵.

Среди представлений русского театра в Ревелине «Дубровник» (5 января 1923 г.) выделил «Веру Мирцеву» Льва Урванцова и «Мысль» Леонида Андреева. Наиболее лестных оценок удостоились Надежда Павловна Макшеева и полковник Без-Корнилович. А в конце февраля того же года на радость и изумление дубровчан была дана «Женитьба» на хорватском языке. Не был обойден и русский: в середине следующего месяца на сцене зрители могли увидеть «Вишневый сад»⁶⁸⁶. Труппа в Дубровнике в течение двух сезонов

683 Архив Джорданвилльской Духовной семинарии (США). Фонд В. К. Абданк Коссовский. Вырезка из газеты «Новое слово». Б. г.

684 Цит. по: *Arsenjev A. Ruska emigracija u Dubrovniku // Ruski emigranti u Hrvatskoj*. S. 43.

685 *Грундт Кс.* Указ. соч. С. 65.

686 *Arsenjev A. Ruska emigracija u Dubrovniku*. S. 43.

1921/22 г. и 1922/23 г. поставила больше 75 пьес. Среди них были: «Цепи» Сумбатова, «Осенние скрипки» Сургучева, «Мечта любви» Косоротова, «В старые годы» Шпажинского⁶⁸⁷.

Были в Хорватии и другие мастера сцены.

Сценограф Юрий Дриженко (ок. 1912–1944), работал в 1940/41 г. Баялуке. В 1941 г. после краха королевской Югославии и создания Независимого государства Хорватия был вынужден покинуть город, найдя прибежище у родственника в Загребе. По приглашению режиссера Ферде Делака, работавшего в Хорватском государственном театре (до создания НГХ театр назывался Народный театр Врбаской бановины в Баялуке), возвратился в Баялуку, где участвовал в постановках в сезонах 1941/43 гг. Фотографии его инсценировок были напечатаны в журнале «Hrvatska pozornica» («Хорватская сцена»), №№ 31, 32 (1943/44) и в № 6 (1944/45). В 1944 г. ушел на свободную территорию. Погиб в народно-освободительной борьбе с неприятелями. Его дочь Светлана (в замужестве Плазович-Дриженко) подарила Народному театру Республике Сербской и городу Баялуке четыре картины своего отца. «Все эти полотна связаны с Баялукой. Мне дорого, что город, который вдохновлял моего отца, принял его творения», заявила она⁶⁸⁸.

Если говорить о каких-либо предварительных выводах, итогах, то можно сказать, что в Хорватии русский театр в основном работал на своего зрителя. На национальных сценах было мало русских мастеров, что, может быть, объяснено сильным театром самой Хорватии.

Именно с хорватским театром, точнее, в Сплите, связал свою жизнь, нет, не актер, театральный критик Анатолий Александрович Кудрявцев (1930–2008) или просто Толя, как его обычно звали спличане. Сын русского и спличанке Анатолий Кудрявцев учился вначале в Задарском университете, потом в Загребском, где получил докторскую степень. Профессор в университетах Задара и Сплита. Лауреат театральной премии имени Йована Стерии-Поповича. Автор многочисленных эссе, очерков, записи о людях и времени, прошлом и современном. Печатался, например, в «Mogućnostima» («Возможности»), «Zadarskoj reviji» («Задарском обозрении»), «Оку», («Око») «Kulturnoj baštini» («Культурное наследие»). Выпустил несколько книг о любимом Сплите, Средиземноморье, например, «Vječni Split» («Вечный Сплит»), 1985; «U potrazi za izgubljenim Mediteranom» («В поисках за потерянным Средиземноморьем»), 2001⁶⁸⁹. Его имя включено в Хорватский биографический лексикон.

В 2020 г. в память о столетии русской эмиграции была, как отмечалось ранее, устроена в Хорватии передвижная выставка «Русская эмиграция в контексте развития науки и культуры». В мае 2020 года ее можно было увидеть в Сплите. Большое внимание на ней было уделено и жителю Сплита Кудрявцеву, влюбленному в этот город и внесшему свой неоценимый вклад в его историю. И последнее, как он сам признавался, именно Чехов дал

687 Новое время. 1924. 9 дек.

688 Мачкич З., Косик В. Указ. соч. С. 38–39.

689 <https://www.geni.com/people/Anatolij-Kudrjavcev/600000009967935595>

ему фундаментальные представления о драматическом театре⁶⁹⁰, которому он посвятил многочисленные хроники своих впечатлений от спектаклей Сплитского театра.

И немного из его увлечений. Кудрявцев был страстный любитель пицигина (picigin) – любительский спорт, требующего изрядной ловкости, когда на мелководье игроки не дают маленькому шару коснуться воды⁶⁹¹.

По сравнению с Загребом, Хорватией, о русских в Любляне, Словении, мало сведений, и практически нет монографических исследований. Возможно, объяснение этому надо искать и в том факте, что к концу 1930 гг. в столице Словении насчитывалось всего 293 русских человека⁶⁹². Причем, в своем подавляющем большинстве студентов университета. Была, конечно, своя любительская группа, но о ней почти ничего не сохранилось, за исключением помощи ей упоминавшихся ранее Ведринской и Богаевского. Немногим больше сохранилось о выступлениях русских на профессиональной сцене.

Однако внимательное изучение таких скучных выпусков, как «Репертуар словенских театров» за XX век позволяет расширить наше знание. Разумеется, и до революций 1917 г. словенский зритель был знаком с русской пьесой, прежде всего с творчеством Чехова. С течением времени словенцы могли считать себя знающим русскую и советскую классику. На сценах словенских театров ставились сочинения, написанные эмигрантами, осевшими в югославских странах, в том числе и в Словении.

Вначале попробую рассказать о «русском следе» в истории словенского драматического театра, об актрисе, обаятельной красавице, любимице Любляны Марии Николаевне Наблоцкой (1890–1969) и режиссере и актере Борисе Николаевиче Путяте (1871–1925), связанным с Марией Николаевной отношениями, больше, чем профессиональными, и равно о режиссере Якове Шувалове, имя которого уже упоминалось ранее.

Итак, актриса Наблоцкая. Когда Мария Николаевна ушла из жизни, точнее для нее, из своего любимого театрального мира, то проводить ее на кладбище «пришла почти вся Любляна»⁶⁹³. Это было последним признанием в любви к великой актрисе. Была ли она счастлива? На сцене, конечно. В жизни сложнее, ради театральных подмостков она оставила семью, что говорит об исключительном влечении, о страсти к этой вечной игре со зрителем, с собой, с действующими лицами, которыми живешь/играешь несколько часов, и так всю жизнь.

Она родилась в театральной семье: мать – была актрисой⁶⁹⁴, отец – антрепренером, держал театры в Омске, Томске и Иркутске, Уфе⁶⁹⁵. Воспитывалась дедом, который был решительным противником того, чтобы его внучка стала актрисой. Но театр, видимо, был

690 <https://slobodnadalmacija.hr/vijesti/hrvatska/umro-kazalisni-kriticar-anatolij-kudrjavcev-1551>

691 <https://www.geni.com/people/Anatolij-Kudrjavcev/6000000009967935595>

692 Lukšić I. Ruski emigranti u Hrvatskoj. Prilog tipologiji mjesta // Ruski emigranti u Hrvatskoj. S. 13

693 Ушедшая Любляна // Новое русское слово. 1975. 17 авг.

694 Nablocka M. Указ. соч. S. 10.

695 Там же. S. 67–68.

в крови. Уже в детстве, воображая себя актрисой, она проговаривала вымышленные ею же диалоги, что послужило поводом прозвать ее Поприщиным, который отличался тем же «даром». Таковы были ее «первые театральные шаги». Театр посещала во время летних каникул⁶⁹⁶. В Одессе вышла замуж семнадцати лет за К. К. Балиоза, имела двух сыновей – Якова и Ивана⁶⁹⁷. Через 4 года уехала в Киев, где встретила Путятю, который, видя ее талант, стал учить артистическому ремеслу. Свою первую роль она сыграла в 1916 г. на киевской сцене в пьесе Бярятинского «Карьера Наблоцкого», откуда и возник ее псевдоним, ставшей фамилией. Потом ее встретила Москва, театр Корша, затем Харьков, выступления в труппе Н. Н. Синельникова⁶⁹⁸.

«Все, что только может дать актеру театральная школа или академия, — говорила Мария Николаевна, — мне дал мой муж»⁶⁹⁹. Именно он тогда защитил ее игру от поправок режиссера, сказав: «Оставьте ее! Она все делает по своему <...> в этом ее привлекательность»⁷⁰⁰. 22 августа 1922 г. Мария уехала из Тифлиса в Люблян, куда ее звал Путятя⁷⁰¹. Тогда он завершал драматизацию «Идиота» и с нетерпением ждал ее приезда, чтобы вместе работать над ролью Настасьи Филипповны⁷⁰². Приехав в Люблян 21 сентября⁷⁰³, Наблцкая в ноябре играла уже на словенском⁷⁰⁴, которому училась у знаменитого поэта Отона Жупанчича⁷⁰⁵.

Ее дебют был блестящим. Она произвела огромное впечатление на театралов «не только замечательной игрой, но и своей очаровательной внешностью»⁷⁰⁶.

И хотя русский акцент у Марии Николаевны остался, но некоторым зрителям он нравился⁷⁰⁷. Артистка играла и не только в спектаклях русской классической драматургии, но и в пьесах национальных авторов, ради примера назову Ивана Цанкара, Мирослава Крлежу; в постановках мировой классики. Ее первым словенским режиссером был знаменитый Осип Шест⁷⁰⁸.

Имя русской красавицы не сходило с театральных афиш. Историк словенского театра Д. Моравец писал, что Мария Николаевна Наблцкая, будучи «подлинной художницей», рисуемых ею на сцене различных женских характеров, обладала даром, умением

696 Там же. С. 10, 12.

697 *Kalan F. Hvalnica igri. Gospa iz Astrahana. Ljubljana, 1980. S. 125*

698 *Nablocka M. Указ. соч. S. 13, 14.*

699 Цит. по: *Ваганова Н. М. Русская театральная эмиграция. С. 74.*

700 *Nablocka M. Указ. соч. S. 35.*

701 Там же. С. 15.

702 *Gresserov-Golovin P. Moja Ljuba Slovenija Spomini na moje delo v slovenskih operah od 1924 do 1951. Ljubljana, 1983. S. 28.*

703 *Kalan F. Указ. соч. S. 123.*

704 *Nablocka M. Указ. соч. S. 100.*

705 Там же. С. 88.

706 *Gresserov-Golovin P. Указ. соч. S. 29.*

707 Там же.

708 *Nablocka M. Указ. соч. S. 90.*

«перешагнуть ту грань, за которой актерское искусство теряет свой “репродуктивный” характер и становится самостоятельным творчеством»⁷⁰⁹. В театре ее любили, особенно женская часть труппы, за теплоту в общении, любовь к ближнему⁷¹⁰. Судя по воспоминаниям П. В. Борисова, Наблоцкая играла и в нескольких словенских фильмах⁷¹¹. Так, в 1953 г. снялась в фильме «Высочки»⁷¹². Добавлю, что глуховатой Наблоцкой приходится играть на сцене без суфлера, что заставляло ее заучивать роли⁷¹³. На театральных подмосках она появлялась сотни раз в самых разных ипостасях.

Но не все было так безоблачно в оценках критики. «В начале 1930-х годов, – пишет К. Козак, – существовало еще одно мнение, которое постепенно приобрело исключительное влияние. Поначалу его выразители были абсолютно на стороне русских эмигрантов, понимая их значение в создании современной словенской городской культуры, однако затем они изменили свою точку зрения на явное неприятие, причиной которому послужило такое абстрактное понятие, как “чуждость” русских актеров и, разумеется, их русский акцент»⁷¹⁴.

Известный Й. Видмар, кстати, прошедший через русский фронт, писал: «... я вменял им в вину незнание словенского языка. Мне также казалось, что эти люди приносят на нашу драматическую сцену два абсолютно чуждых нам элемента – некий гротеск в комедии, свойственный именно русскому вкусу, и излишнюю патетику при декламации стихов, характерную для русских и не гармонирующую со словенской приглушенной мелодикой»⁷¹⁵.

Несмотря на все это русские артисты, та же Мария Наблоцкая, снискали расположение большей части словенской публики.

Летом 1947 г. на праздновании театральной Любляной 25-летия сценической деятельности на словенской сцене на нее обрушился шквал поздравлений и прочувствованных, искренних слов. В одном из них говорилось, что ее юбилей – «праздник искусства». Были поздравления от коллег и из других театров Югославии⁷¹⁶.

Личная жизнь у нее после ухода из жизни тяжело болевшего Путятты, казалось, складывалась хорошо. Она вышла замуж за молоденького студента и была счастлива, пока он не погиб в автокатастрофе. Потерю она глубоко переживала, пыталась забыть...⁷¹⁷. Время вылечило, помогла и любимая работа. Закончила свои выступления в 1950-х гг., играя в пьесе Жана Жироду «Безумная из Шайо».

709 Цит. по: *Vaganova H. M.* Русская театральная эмиграция. С. 87, 88.

710 *Gresserov-Golovin P.* Указ. соч. С. 29.

711 Письмо П. В. Борисова автору от 09. 08. 2007 г. (Архив автора.)

712 *Nablocka M.* Указ. соч. С. 99.

713 Письмо П. В. Борисова автору от 09. 08. 2007 г. (Архив автора.)

714 *Козак К. Я.* Контрапункт преданности и презрения: русские актеры в Словении в межвоенный период // *Slovenica II, Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. К юбилею И. В. Чуркиной. М., 2011. С. 292.*

715 Цит. по: Там же.

716 *Nablocka M.* Указ. соч. С. 118.

717 *Gresserov-Golovin P.* Указ. соч. С. 29.

Теперь о Борисе Николаевиче Путяте, который, получив военное, потом юридическое образование, предпочел солидной карьере адвоката актерство, играя в различных театрах.

По Москве говорили, что он сменил профессию из-за любви к красивой актрисе⁷¹⁸.

В 1920 г. из Севастополя через Царьград Путята эмигрировал в Королевство СХС и обосновался в Любляне.

18 ноября 1920 г. на сцене Словенского национального драматического театра Путята поставил «Золотую осень» Г. А. Келеви и Р. Флера. По сведениям Н. М. Вагаповой, он перед своим приездом в Любляну был в группе актеров Малого театра, игравшей в Европе под руководством Михаила Муратова⁷¹⁹. П. В. Борисов добавляет, что до прибытия в словенскую столицу Путята выступал в качестве режиссера и артиста на сценах многих театрах Королевства⁷²⁰.

Люблянским театрам он запомнился не только как блестящий актер, игравший главные роли в спектаклях русской классики, национальных авторов, мировой драматургии, но и в должности режиссера, воспитателя, например, Я. Цесара (Цезара), Ц. Медведову⁷²¹. Вагапова пишет, что в 1930-х гг. писатель Ю. Козак утверждал, что Борис Николаевич «распахнул нашему театру окно в большой мир»⁷²². Такого же мнения придерживается П. В. Борисов, который пишет, что Путята «на развитие люблян.[ского] драматического театра оказал большое влияние, режиссировал также классическую и модерную комедию. Помог художественному развитию и воспитанию люблян.[ского] драматического театра. Драматизировал Достоевского: романы “Идиот” и “Село Степанчиково”, а также “Анну Каренину” Толстого»⁷²³. Жупанчич писал о Путяте «как о словенском режиссере и словенском актере»⁷²⁴.

И напоследок. В рукописи «Актер и ремесло» были такие строки русского артиста: «Идеальный театр будущего? Творить будут все: актеры, режиссеры, авторы, одним словом, сцена станет импульсом, который зажжет огонь творчества всего театра как единого целого. Силу этого огня и то, в какие дали устремится дух такой творящей общности, сложно даже представить. Возможно, туда, где сбываются предчувствия и мечты, тда, где в полной мере открывается великая Истина – кто знает? На самом деле, мы еще слишком далеки от истины, театральная реальность полна несовершенства, компромиссов, с которыми трудно смириться настоящему артисту. Однако, без сомнения, необходимо принять театр таким,

718 *Nablocka M.* Указ. соч. С. 24.

719 *Вагапова Н. М.* Русская театральная эмиграция. С. 76.

720 Письмо П. В. Борисова автору от 9 авг. 2007 г. (Архив автора.)

721 *Козак К. Я.* Контрапункт преданности и презрения. С. 291.

722 Цит. по: *Вагапова Н. М.* Русская театральная эмиграция. С. 84.

723 Письмо П. В. Борисова автору от 9 авг. 2007 г. (Архив автора.)

724 *Nablocka M.* Указ. соч. С. 99.

какой он есть сей час, полюбить его таким, осознавая, что сегодняшний театр – это лишь ступень гигантской лестницы, ведущей к идеалу»⁷²⁵.

Но не всегда русское имя означало аншлаг. Так, на люблянском театральном горизонте в начале 1920-х гг. «промелькнула» труппа под руководством М. Я. Муратова. Ее история еще не вполне прояснена. Актеры открыли свои выступления в 1920 г. русской драмой «Анфиса» Л. Н. Андреева (2 сентября), потом последовали «Пигмалион» Б. Шоу (25 сентября), «Женитьба Фигаро» Ж. Бомарше (27 октября) и др. Почти вся труппа была принята в Народный театр. Однако словенские артисты, выступавшие за «словенскость» драмы, воспротивились и 1 ноября начали забастовку, которая длилась 12 дней и была прекращена после вмешательства функционеров из Белграда. Против забастовки выступил Путята, не признававший «забастовки в искусстве». Для него она выглядела «некультурной и неколлегиальной» По его мнению, словенскому театру недоставало особенно «техники коллективного творчества», поэтому труппа Муратова, писал он, «на очень скромных условиях» приняла предложенный ей ангажемент, хотя намеревалась ехать в Прагу. Труппа, подчеркивал Путята, желала привнести в молодой словенский театр 200-летнюю культуру русского театрального творчества⁷²⁶. Тем не менее, актерского союза не получилось, и русские комедианты вскоре покинули сцену Любляны. Из членов труппы, вслед за исследовательницей «русского следа» Тяшей Рант, нужно назвать Сергея Куратова, Владислава Ченгери и его жену, оставшихся в Любляне. Но сведений о них практически мне не удалось найти.

О «русском следе» в Боснии и Герцеговине мне известно мало. О нем можно говорить в связи с творчеством Мансветовой. Но о ней уже сказано выше. Могу только еще назвать одно имя: Мария Жегалова, до революции игравшая в одном из драматических театров Петербурга. В 1920-х гг. в Сараево она выделялась своей игрой. Сохранились сведения, что она с большим успехом гастролировала в Белграде в роли Катерины в «Грозе» Островского и в роли Катюши Масловой в «Воскресении» Толстого. Однако свою актерскую жизнь она по прошествии нескольких лет она оставила, предпочтя тихое семейное бытие⁷²⁷.

И еще несколько имен. Было удивительно, как радушно приняли в Сараево выступления артистов балета (Мария Юрьева, Галина Арцибушева, Елизавета Козловская, Петр Лени) 23 и 24 апреля 1920 г.⁷²⁸

Автор отличного текста о русском балете в Боснии и Герцеговине Э. Папо писала: «Танец Марии Юрьевой, техническое и художественное его совершенство, а также и вид самой танцовщицы были восприняты как что-то сверхестественное, до тех пор невидан-

725 Там же. С. 69.

726 *Moravec D. Slovensko gledališče od vojne do vojne (1918–1941)*. Ljubljana, 1980. С. 82.

727 *Beloemigracija u Jugoslaviji*. С.197.

728 Папо Э. Влияние русских балетных традиций на балетное искусство Боснии и Герцеговины // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой, СПб. 2010, № 1 (23). С. 233.

ное. Публика наградила ее овациями, а критики сравнивали с великой русской балериной Анной Павловой. Красоту и гармонию ее движений и музыки, особенно в “Танце скелетов” и “Умирающем лебедь” Сен-Санса, критик Йован Палавестра назвал “симфонией тела”⁷²⁹.

Тут же добавлю, что есть кроме «оседлых артистов» и «артисты – перелетные птицы», которых трудно связывать с каким-либо театром: они всюду.

Из тех, кто радовал театралов своей игрой, назову Ирину Петровну Астрову (в девичестве Астрецова) (1909– 1958), актриса.

В 1927 г. она завершила Мариинский Донской женский институт в Белой Церкви. Одно время изучала философию как историческую группу наук в Загребе, посещала театральную школу и некую музыкальную институцию.

В 1929 г. начала карьеру актрисы и певицы в Белградской оперетте. В 1930–1931 гг. играла в Народном театре в Нови-Саде, в сезонах 1931/32 г. и 1933/34 г. – в Народном театре в Сараево, в 1934–1936 гг. – в Скопле), в 1936/37 г. и 1939–1941 гг. – в Баялуке, в 1937–1939 гг. – в Осиеке, а также играла в Цетиње, Риеке, Тузле, Задре и др. городах. Наибольшим успехом пользовалась как певица.

На баялукской сцене сыграла заметные критикой роли в опереттах и в спектаклях с пением. С 15 февраля 1941 г. жила и работала в Загребе. С мая 1944 г. входила в театральную труппу X корпуса Народно-освободительной армии Югославии. Наряду с успехом в сфере пения, получила известность как замечательная драматическая актриса, например в роли Ольги в пьесе Д. Николаевича «Преко мртвих», Евы в пьесе М. Фельдмана «Професор Жич», Руже в пьесе О. Шайнпflugовой «Између поноћи и зоре»⁷³⁰.

Сценограф Вальдемар Янишевский, трудившийся в Загребе⁷³¹, творчество которого ждет своего исследователя.

Сюда добавлю имя А. Сибирякова. Он работал в Загребском театре в 1922 г., потом в Сплитском с 1923 по 1925 г., в 1928 г. и 1929 г. в Осиекском⁷³².

Собственно говоря, почти везде, где жил русский человек, он стремился организовать театр. В патриархальном Призрене, а потом в курортной Врњачкой Банье жил преподаватель Закона Божьего Иван Семенович Чернявский, завзятый театрал еще с «российских времен». В «сербском времени» он ставил в основном пьесы знаменитостей Б. Станковича и Б. Нушича. Любовь к театру делала его мастером на все руки: он и сценограф, и костюмер, и даже резчик масок! Дело в том, что призренские нравы были довольно суровые, и девушки не могли играть на сцене, поэтому их роли исполняли мужчины в масках. Просто «театр Кабуки» на Балканах! Театральная деятельность Чернявского была отмечена многочисленными наградами. В Врњачкой Банье он ставил такие спектакли, как

729 Там же. С. 234.

730 *Мачкич З., Косик В.* Указ. соч. С. 14.

731 *Medarić M.* Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 295.

732 Там же. С. 165.

«Лес», «Машенька», «Юбилей». Не были забыты и сербские пьесы: «Коштана», «Каплар Милоје», «Слуга Ернеј и његово право» и др.

Сам Чернявский составил список ста спектаклей, в которых он выступал режиссером. Он оставил о себе хорошие воспоминания, как учитель, режиссер, художник⁷³³. И таких любителей сцены, отдававших все свободное время театру, было немало.

Если говорить о русских артистах и режиссерах после 1944 г., то позволю себе здесь вначале остановиться на героической личности выпускника юридического факультета Загребского университета адвокате Алексее Кузьмиче Белоусове (1895–1975). В годы войны он сражался в армии Тито, был на Сремском фронте. Осенью 1945 г. Алексей Кузьмич стал отцом-основателем любительского театра в своей Вировитице. В 1948 г. его театр получил статус профессионального, т. е. государственного. Сама судьба не жаловала Белоусова, в 1946 г. у него было отнято право на адвокатскую деятельность. В 1947 г. он, как и многие другие русские, утратил право на югославское гражданство. Только в 1949 г. было отменено распоряжение о депортации и возвращено право на занятия адвокатурой. В 1970 г. в связи с двадцатипятилетием работы театра и семидесятилетием со дня рождения он поставил на сцене родного театра второй раз «Дядю Ваню»⁷³⁴. На таких людях и держится русский театр, русское имя, русское искусство.

Летом 2009 г. хранитель Музея театрального искусства Сербии Мирьяна Одавич подарила мне свою талантливо написанную книгу о замечательной актрисе Татьяне Львовне Лукьяновой (1923–2003). Так, сюда вошла та, которая утверждала: «Театр не только моя профессия, но и мое хобби. И если бы я не была актрисой, то была бы зрительницей – преданной, постоянной». «Для меня театр это жизнь, это чудо, квинтэссенция жизни, так как на сцене играет самые различные судьбы и все это за два часа. Это чудо, которое меня связывает с театром, и когда я перестану играть, то вероятно перестану и жить». «Каждая новая роль для меня это полностью “табула раза”. После прочитанного текста, у меня ощущения того, что я никогда до этого ничего не делала. Думаю, что это правильный и единственный подход к подготовке роли». «Всегда говорила, что меня интересует только труд и это не пустая фраза. Награды приходят и уходят, единственная ценность – это работа, которую любишь»⁷³⁵.

По матери Татьяна, «легенда белградского и сербского театрального мира» была сербкой, по отцу русской. Она так говорила о себе: «От матери я унаследовала Сербию, Россия мое отечество, но Сербия моя родина»⁷³⁶.

Ее мама Варвара происходила из семьи Седелиновичей, предки которой жили раньше в Словакии. Отец – Лев Михайлович, получивший имя в честь Льва Толстого, родился в

733 *Топаловић О., Миленковић Т., Обрадовић М.* Врњачки Руси. Врњачка Бања, 2008. С. 113–116, 121.

734 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 127–128.

735 Цит. по: *Одавић М.* Татјана Лукјанова Љубав према игрању и непрекидност игре стварања. Београд, 2008. С. 13, 39, 43, 47.

736 Там же. С. 7.

Туле. На четвертом году жизни, его, оставшегося без родителей, взяла к себе тетка Наталья (в замужестве графиня Толстая), увезшая мальчика в Москву. Там он учился и, судя по тому, что статистом участвовал в представлениях Большого театра, был влюблен в сцену. Но революция и гражданская война изменили и его судьбу. Врангелевским офицером он покинул родину и обосновался в Королевстве СХС, где встретил свою будущую жену. Свою любимую дочку он воспитывал в русском духе, учил русскому языку, декламации, делал театральные куклы и марионетки, читал русские сказки, пел песни и оперные арии, рассказывал о России и дедушке Михаиле Лукьянове, участнике сербско-турецкой войны 1876 г., награжденном орденом за храбрость. Именно отец записал дочку в русскую начальную школу, а потом в Русско-сербскую женскую гимназию, которая находилась в Русском Доме. С раннего детства ее водили на концерты и спектакли. В шесть лет она стала ходить в балетную школу к Вере Чалеевой-Гортынской. Ее выступления на сцене были замечены критикой, многие предрекали Татьяне блестящее будущее. Лукьянова сама говорила, что балет был ее первой любовью. Но в переходном возрасте из-за проблем с сердцем врачи запретили ей танцевать. Утешение Татьяна попробовала найти в декламации. В 1942 г., услышавший ее выступление знаменитый оперный певец Георгий Юренев, отвел ее к Вере Греч, дававшей уроки актерского мастерства. С этого времени и началось вхождение Татьяны Лукьяновой в мир театра. После окончания войны она продолжила обучение у таких мастеров, как Раша Плаович, Мата Милошевич, Страхиња Петровиц, Сретен Марич, Милан Богданович. Уже за время учебы она стала выступать в Народном театре, набирая на практике необходимый опыт. В 1947 г. Татьяна вошла в труппу Белградского драматического театра, в котором сыграла свыше сотни ролей⁷³⁷. Среди них были и Анна Павловна из пьесы Александра Островского «Доходное место», госпожа Форсайт в драме Артура Миллера «Смерть коммивояжера», Рут в комедии Нормана Красна «Дорогая Рут», Адель в пьесе Федерико Гарсиа Лорки «Дом Бернардо Альбы». Одной из самых дорогих ролей стала роль Лоры Уингфилд в «Стекланном зверинце» Тенниси Уильямса. Ее изумительное вживание в мир девушки инвалида было отмечено критикой, давшей высочайшую оценку игре Татьяны Лукьяновой. В 1955 г., когда Татьяне было чуть больше тридцати, она сыграла роль восьмидесятилетней Ребекки Нурс в пьесе Артура Миллера «Суровое испытание». Согласившись на эту роль, она плакала, идя к дому. И, тем не менее, начала готовиться, приглядываясь к пожилым женщинам на улицах, запоминая их походку, движения, разговор. В итоге за эту эпизодическую роль получила лестные отзывы. В одном из них указывалось, что, хотя спектакль и слаб, но необходимо отметить Татьяну Лукьянову, которая в роли Ребекки сумела показать приверженность истине просто, без фальши, по-человечески. Потом была игра в Современном театре, возникшем в начале 1960-х гг. на базе слияния Белградского драматического театра и театра Белградской комедии. Из двадцати ролей, сыгранных на новой сцене, остановлюсь на двух – роли слепой старухи

---

737 Там же. С. 8, 9.

Марфы Касьяновой в драме Леонида Леонова «Метель» и роли Раневской в «Вишневом саде» Антона Чехова. О ее игре в первом спектакле критика писала, что актриса сумела лицу слепой героини вдохнуть множество эмоций и показала своей игрой, что Марфа только внутренней силой побеждает не только свои чувства, но и среду, в которой находится. Весьма благосклонно оценила исполнение актрисой и роли Раневской. Театральный критик Петр Волк, подчеркивая всю сложность характера владелицы вишневого сада, писал, что в интерпретации Тани Лукьяновой ее героиня полна искренности, очарования, трепетания и простоты, т. е. в ней было то, что придавало ее игре смысл и поднимало над остальными персонажами пьес. В середине 1970-х гг. «несчастный брак» двух театров был расторгнут. Тогда актриса вновь заиграла в Белградском драматическом театре в таких спектаклях, как «Гарольд и Мод» Колина Хиггинса (поэтическая Мод), «Сокровище Берты» Андрея Хинга (Берта), «Самоубийца» Николая Эрдмана (Серафима Ильинишна), «Счастливые дни» Самуэля Беккета (Винни). В 77 лет Татьяна Лукьянова изумительно сыграла специально для нее написанную роль Мака Леле в драме Лильяны Лашич «Дом с окном». Эта элегия о нашем времени и семье, с судьбой, похожей на многие другие, была сыграна 22 мая 2000 года. Александр Джуричич писал тогда, что Татьяна Лукьянова в главной роли сыграла женщину, живущую в прошлом, не желающую сталкиваться с настоящим и отказывающейся выйти из дома, так как внешний мир для нее не существует. Страшное разочарование и бесконечные словесные перепалки со снохой в то же время не мешают ей проявлять заботу о семье. Ее материнский инстинкт заставляет ее отчаянно бороться за мир семейной жизни, которого нет, остались только оборванные картинки воспоминаний и страх за внуков, которые выбирают смерть и изгнание. Игра Татьяны Лукьяновой, по мнению одного из критиков, может быть сравнима с той, которую зрители ждут от великанов мировой сцены. Последний раз актриса вышла на сцену 26 марта 2002 года. Тогда она с шармом сыграла роль служанки Луизы в салонной комедии Ноэля Кауарда «Частные жизни»⁷³⁸. Около 150 ролей сыграла Татьяна Лукьянова в театрах, кино, на радио и телевидении⁷³⁹. Ее талант отмечен почти двумя десятками наград и премий, среди которых и орден за заслуги перед народом с серебряной звездой. И еще небольшое добавление: после ухода актрисы из жизни Белградский драматический театр учредил как знак признательности своей «иконе» ежегодную награду за наилучшую роль, названную «Гран-при Татьяна Лукьянова»⁷⁴⁰.

Стоит добавить один не театральный штрих к ее портрету: в годы войны входила в подпольный антифашистский Союз советских патриотов⁷⁴¹.

Вот, пожалуй, и все, что я пока раскопал в старом, но не устаревающем, времени о театре и его делателях.

738 Там же. С. 16–29.

739 Там же. С. 52–59.

740 Там же. С. 48.

741 Гимназия в лицах. Кн. Вторая. С. 382.

Русский театр учил молодежь любить свою Родину, ее язык, историю.

Русский артистический мир прочно вошел и в историю национальных театров.

Русские актрисы и актеры, режиссеры и сценографы оставили после себя память, которая не только является прошлым, но может прорываться в будущее.

ЦЕРКОВЬ: КЛИР И МИРЯНЕ

Не думаю, что найдется человек, особенно русский, кто бывал в Белграде, и не знал бы маленькую русскую церковь, приютившуюся в сени величественного сербского храма Св. Марка, что в центре Белграда, неподалеку от здания Скупщины (парламента). Но далеко не всем известна церковная жизнь Белграда, связанная с ней, ее служителями, прихожанами. Поэтому позволю себе вначале предпослать небольшой экскурс в то далекое время, когда и церковь не избежала смут, потрясений, разделений, появления Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

Гражданская война практически прервала связи Патриарха в Москве с епархиями, подпавшими под власть Белой армии. Эта ситуация обусловила появление временных высших церковных управлений, как это было на юге России, где властвовал генерал А. И. Деникин. Именно там – в Екатеринодаре – весной 1919 г. было сформировано Высшее временное церковное управление.

После поражения в Крыму вместе с массой населения родину покинули и многие архипастыри. 19 ноября 1920 г. на борту парохода «Великий князь Александр Михайлович», стоявшего в Константинопольском порту, было проведено заседание Высшего церковного управления (ВЦУ) на юге России и принято решение о продолжении его деятельности. В результате переговоров с Константинопольской патриархией, на канонической территории которой находились высшие иерархи, был издан указ, подписанный 2 декабря 1920 г. местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Досифеем, об учреждении Эпитропии – Временного высшего русского церковного управления за границей под председательством митрополита Антония (Храповицкого). Как пишет протоиерей Вл. Цыпин, «канонический статус ВЦУ был двусмысленным: образовано оно было как учреждение, подведомственное Константинопольской Патриархии, а само себя считало идентичным с Высшим церковным управлением на юге России и оставшимся в подчинении Патриарха Московского»⁷⁴².

Вскоре ВЦУ в Константинополе с признательностью приняло приглашение сербского Патриарха Димитрия переехать в Королевство сербов, хорватов и словенцев, ставшее одним из центров сосредоточения российских беженцев. Архиерейский собор Сербской Православной Церкви 31 августа 1921 г. постановил принять под свою защиту Высшее центральное управление Русской Православной Церкви с сохранением ее самостоятельной юрисдикции. Резиденцией ВЦУ стал патриарший дворец в Сремских Карловцах, что свидетельствовало об особом уважении к русским иерархам. В его компетенцию входили: «1. Юрисдикция над русским священством вне нашего государства, которое не находится ни на гражданской, ни на государственно-просветительской службе, как и над военным

---

742 Прот. Владислав Цыпин. История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. С. 555.

священством в русской армии, которое не находится на сербской церковной службе; 2. Бракоразводные дела русских беженцев»⁷⁴³.

Уже 19–21 апреля 1921 г. ВЦУ на своем заседании постановило созвать первый Заграничный русский церковный собор для «объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности».

21 ноября 1921 г. в уютно-провинциальном городке Сремски Карловци и состоялся ожидавшийся Собор, призванный решить и вопросы управления.

В текст соборного послания «Чадам русской православной Церкви в рассеянии и в изгнании сущим» были включены следующие строки: «И ныне неусыпно пламенеет молитва наша – да укажет Господь путь спасения и строительства родной земле, да даст защиту Вере и Церкви и всей земли русской, и да осенит Он сердце народное, да вернет на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из Дома Романовых»⁷⁴⁴.

За текст этого послания был подан 51 голос, воздержались от голосования архиепископы Анастасий, Евлогий, епископы Сергей, Аполлинарий, Вениамин, архимандриты Феодосий, Антоний и почти все священники и профессора⁷⁴⁵.

Призыв – хотя и в молитвенной форме – к восстановлению династии Романовых и Обращение церковного собора к Генуэзской конференции (принято задним числом) с предложением о военной интервенции против советской России были осуждены Св. Патриархом Тихоном. За Карловацким собором не признавалось канонического значения, а его действия расценивались как не выражающие официального голоса Русской Православной Церкви. В указе говорилось: «Ввиду того, что заграничное русское церковное управление увлекается в область политических выступлений, а с другой стороны, заграничные русские приходы уже поручены попечению проживающего в Германии высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия, Высшее церковное управление упразднить»⁷⁴⁶.

Иначе и быть не могло. Св. Патриарх Тихон еще в 1919 г. в своем послании от 25 сентября запретил духовенству принимать участие в политической борьбе, в частности, с большевиками, чтобы избежать упрека в каком-либо вмешательстве церкви в политику. Разумеется, надо было учитывать и положение церкви в России, ту ситуацию, когда она не только подвергалась притеснениям со стороны ГПУ, но и испытывала внутренние

743 Троицкий С. В. Правовое положение русской церкви в Югославии // Записки Русского Научного Института. (Белград), 1941. Вып. 17. С.106.

744 Зернов Н. Юрисдикционные споры в русской церкви эмиграции на I всезарубежном соборе в Карловцах в 1921 г. // Вестник Русского Христианского Движения (Париж – Нью-Йорк – Москва), 1974. № 114. С. 142.

745 Там же. С. 139.

746 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сб. в 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 193.

потрясения – достаточно вспомнить активное появление в 1922 г. обновленчества, инспирированного органами власти.

В Сремских Карловцах патриарший указ произвел ошеломляющее действие. Безусловно, указ надо было выполнять, хотя все – в том числе и митрополит Евлогий – были убеждены, что он имеет вынужденный, т. е. политический характер, будучи написан под диктовку советской власти.

Выход из создавшейся ситуации был найден владыкой Анастасием (Грибановским). На основании известного постановления Св. Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего церковного совета от 7/20 ноября 1920 г. о ситуациях, позволяющих организовывать «высшую инстанцию церковной власти»⁷⁴⁷, он предложил вместо ВЦУ создать временный Священный Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей. 31 августа 1922 г. соответствующее постановление Архиерейского собора было подписано «за председательствующего Синода» митрополитом Евлогием (Георгиевский). Председателем нового центра стал старейший иерарх владыка Антоний. В отличие от прежней структуры, в которой были и клирики и миряне, в новую входили только епископы. В 1923 г. в Сремских Карловцах вновь было заявлено о том, что все русские православные заграничные епископии являются лишь частью Московской Патриархии и вся полнота власти принадлежит лишь Всероссийской Церкви. Эта во многом формальная зависимость рождала горькие плоды. Так, митрополит Евлогий не считал уже для себя возможным подчиняться Архиерейскому Синоду.

Начались внутренние раздоры, то утихавшие на время, то разгоравшиеся с новой силой.

Аресты, ссылки, казни пастырей в советской России – затрудняли решение вопроса о нормализации отношений с Русской Православной Церковью Заграницей, считавшей, что резкие заявления церковного руководства в Москве в адрес епископов, оказавшихся вне России, инспирированы властями.

Нельзя сказать, что митрополит Сергей (Страгородский), ставший Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, не понимал всей сложности ситуации. В 1926 г. в известном письме к заграничным иерархам, просившим его выступить судьей между Синодом и митрополитом Евлогием, он писал: «Мне думается, польза самого церковного дела требует, чтобы Вы или общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия... не прибегая к нашей поддержке (всегда найдутся основания заподозрить подлинность наших распоряжений или объяснить их недостаточной осведомленностью: одни будут их признавать, другие – нет...), или же, если такого органа, общепризнанного всей эмиграцией, создать, по-видимому, нельзя, то уж лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская церковь устроить себе не может, и потому

747 Назаров М. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 144.

всем Вам пришло время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например, в Сербии – Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной православной церкви, которая Вас приютила. В неправославных странах можно организовать самостоятельные общины или церкви, членами которых могут быть и не русские. Такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных недоразумений и распрей, чем старания всех удержать власть и подчинить искусственно созданному центру... Такая постановка дела, по-видимому, более соответствует теперешнему положению и нашей здешней церкви»⁷⁴⁸.

Это мнение поддерживал и «Синод митрополита Сергия» в своем послании (апрель, 1927 г.), где указывалось, что управление заграничными православными епархиями «из Москвы в церковном отношении невозможно по отсутствию легальных форм сношений с ними» и церковное руководство в Москве не в состоянии судить зарубежных иерархов уже только потому, что каноны не допускают церковного суда за политические преступления⁷⁴⁹.

Митрополит Сергей вначале был убежденным сторонником автономии Русской Православной Церкви Заграницей «до возобновления правильных и беспрепятственных сношений»⁷⁵⁰. Однако с течением времени его позиция претерпела изменения, ужесточившие требования к Русской Православной Церкви Заграницей, что в немалой степени было вызвано давлением со стороны советской власти. Диссонанс в подходах и оценке деятельности каждой из сторон привел в конечном итоге к разлому. Важнейшую роль здесь, как известно, сыграла Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. с требованием от заграничного духовенства «дать письменное обязательство» о лояльности к Советскому правительству «во всей своей общественной деятельности».

Весной 1933 г. митрополит Сергей считал необходимым в такой ситуации обратиться с просьбой о посредничестве Патриарха Сербского Варнавы (Росича) в деле нормализации отношений между Московским патриархатом и «Русским церковным управлением в Карловцах». В начале мая того же года Сербский Патриарх, исходя из потребности церковного мира, согласился с предлагаемым московским предложением при условии, что митрополит Сергей продлит срок применения прещения на «Карловацкую церковь» на один год, «даже и на неопределенное продление срока». Однако в письме к Патриарху Варнаве «Собора русских заграничных архиереев», за подписями митрополита Антония, Архиепископа Анастасия, архиепископа Серафима, архиепископа Гермогена, архиепископа Феофана подчеркивалась невозможность восстановления канонического общения. В тексте были такие строки: «мы все считаем для себя совершенно неприемлемым главное условие, выставленное Высокопреосвященным Митрополитом Сергием для примирения

748 Вестник Русского Христианского Движения. 1974. № 111. С. 147.

749 Троицкий С. Митрополит Сергей и примирение русской диаспоры. Сремские Карловцы, 1937. С. 4.

750 Там же.

с ним – дать письменное обязательство не допускать в своей пастырской деятельности ничего такого, что могло быть истолковано в смысле нелояльности к Советской власти»⁷⁵¹.

Именно с отказа дать требуемую подписку было прекращено каноническое общение между Русской Православной Церковью Заграницей и Московским Патриархатом.

В 1934 г. Русская Православная Церковь За Границей была подвергнута прещению: из Москвы шли упреки и критика в нарушении церковных канонов со стороны так называемых карловчан. В Белграде говорили о несвободе, порабощении Церкви в России.

Внутри самой РПЦЗ также имелись сложности: не было единомыслия и по вопросу, связанному с именем и деятельностью Великого князя Кирилла Владимировича. Известно, что Русская Православная Церковь Заграницей поддерживала князя, который в 1924 г. провозгласил себя главою Российского императорского дома в изгнании, хотя в свое время подписал некую бумагу об отречении от всех прав на престолонаследие. Но об этом «инциденте» стыдливо умалчивали.

В Белграде, видимо, не без участия владыки Антония, предпочитали печатать и распространять «Слово пустынножителей афонских к своим соотечественникам, под гнетом жидомасонов и большевиков страдающим, а также в изгнании скитающимся» (1926 г.), в котором были такие слова: «Уразумей, Русский народ, что спасение твое есть Царь. Только Царь может спасти тебя и Русскую землю. Без Царя ты превратился в раба, а русская земля расхищается. Не увлекайся ложными красивыми приманками: братством, равенством и свободой – все это есть дьявольское измышление, ибо нет в окружающей нас природе полной свободы и равенства, а следовательно нет и братства <...> Русскому народу нужен Царь, это свидетельствует настоящая мученическая жизнь Русского народа и рассеяние русской эмиграции по всему миру <...> Одно тверди, одно говори, Русский народ: “монархию, монархию желаем; как прежде было, так и теперь да будет, Царя, Царя желаем, и не из другого рода, а из Дома Романовых, Законного Преемника, Которому Сам Бог подает счастье быть Императором. Желаем Кирилла Владимировича, Русского по крови, Православного по вере <...> Кирилл Владимирович благословенный наш Батюшка-Царь, Ему преклоняем головы наши и Ему, Повелителю и Верховному Вождю, повергаем наши верноподданные чувства»⁷⁵².

И в Белградском Свято-Троицком храме служился молебен о здравии «Его Императорского Величества Государя Императора Кирилла Владимировича». Но, как вспоминал чуждый этому политическому оболещению архиепископ Иоанн (Шаховской), – на том молебне осталась лишь половина прихожан⁷⁵³.

Церковные иерархи также не были едины в этом вопросе: монархизм в эмиграции был еще достаточно силен, чтобы посеять рознь в рядах бывших «верноподданных»

751 Письмо Собора русских заграничных архиереев к Патриарху Варнаве 8/21 июля 1933 г. // Из сейфа Синодального архива в Нью-Йорке. Прислано автору инокиней Вассой (Лариной).

752 ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 959. Л. 107.

753 *Архиеп. Иоанн Шаховской*. Время и достоверность. Париж, 1982. С. 25.

Российской империи. Например, архиепископ Анастасий шел наперекор Архиерейскому Синоду, не признавая новоявленного царя⁷⁵⁴.

Нерешенность вопроса иной раз рождала необычные планы. Среди иерархов Русской Православной Церкви Заграницей «открыто говорили о решении митрополита Антония выдвинуть в качестве претендента на российский престол короля Александра»⁷⁵⁵. Но эти разговоры так ими и остались. Надо полагать, что и сам югославский монарх был не настолько тщеславен и наивен, чтобы согласиться играть предложенную ему роль.

Теперь коротко о возглавителях РПЦЗ – митрополитах Антонии и Анастасии, которых можно было видеть в Белграде. А также немного о сербском Патриархе Варнаве, неоднократно служившем в русской церкви в Белграде.

Близко знавший митрополита Антония В. А. Маевский, автор замечательной книги о русской эмиграции в Югославии, писал о митрополите, что он «понимал очень хорошо православную Русь; но ... мало понимал полуправославную Россию предреволюционного времени – и совершенно отказывался понимать то, что произошло с революцией. Он предвидел катастрофу, но остановить ее могло только чудо. А чудо на русской земле не произошло – и потому митрополита Антония не интересовало настоящее, и не было веры в будущее. Он ушел в себя, совершая, если можно так выразиться, обряды и формы жизни; находил утешение в церковных службах и со слезами умиления ждал своего конца. От него истекала благостная теплота и доброта. Он поддерживал правые организации; проводил идеологию чистоты монархизма. Но все это он делал в виде уступки окружающим, – сам же стремился уйти на Афон. Ему в этом помешали и, надо признаться, совершенно напрасно. При таких его духовных устремлениях, при нем можно было делать все, что было приятно и желательно окружающим <...> Митрополит Антоний, к сожалению, не сумел стать центром всего православного зарубежья, в котором произошел пагубный церковный раскол. Но его духовный авторитет за годы эмиграции вырос необычайно, и он являлся самой выдающейся личностью среди православных иерархов своего времени. Человек на редкость искренний, смелый и решительный, совершенно не считающийся с личными интересами, – он, несомненно, был как бы совестью в общеправославном мире <...> Слабость его авторитета среди некоторой части русской эмиграции объясняется тем его окружением, которое по исключительной своей доверчивости к себе допустил, и которое, пользуясь его добротой, принесло много вреда его авторитету»⁷⁵⁶.

Труд митрополита Антония и русского духовенства на югославской земле неразрывно связан с именами сербских иерархов. Прежде всего, необходимо здесь вспомнить Патриарха Сербской Православной Церкви Варнаву. Все русские учреждения и организации находили в его лице поддержку и покровительство.

754 Там же..

755 *Глигориевич Б.* Русская православная церковь между двумя войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С.115.

756 *Маевский В.* Русские в Югославии. С. 135–136.

Чтобы полнее понять и представить его себе, можно и нужно процитировать выдержку из его слова, произнесенного на великолепном русском языке в Свято-Троицкой церкви в Белграде 22 июля 1930 г.: «Люблю вас не только как русских людей, живущих в моей патриархии, но еще сильнее люблю вас, как представителей великого русского народа, опоры Вселенской Церкви, народа, который принимал всех в свое сердце, особенно же южных славян, среди которых были и мы, сербы.

Взирая же теперь на русский народ, “откуда начнем плакати” или радоваться. Мы плачем о том, что вы потеряли свое отечество, что к вам изо дня в день доносятся вопль и рыдания оттуда, где раньше раздавался непрестанный победный гимн Богу. Мы плачем о том, что в вашем отечестве вселилась вражья сила, отрицающая Бога, убивающая верных Его слуг: иерархов, пастырей и верных сынов Церкви. Это все ниспослано не только за наши грехи, но и как Божье испытание. Только народ, великий по своей душе, народ, из которого вышли великие святые, мученики и исповедники, украшающие Церковь, может перенести такое испытание, и вот мы радуемся, когда слышим, как стоят за Церковь русские мученики. Такое испытание было только в первые века христианства, но и тогда не было такого большого количества мучеников, которых дала теперь Русская Церковь <...> Я, как сербский Патриарх, как ваш родной брат, горячо молюсь Богу, чтобы Он соединил русских людей в единое целое, чтобы восстала Россия такую, какой она была: во главе с православным самодержавным царем и именем Господа Иисуса Христа и всех Его святых благословляю всех вас благословением патриаршим»⁷⁵⁷.

И последнее: настоятель храма Святой Троицы о. Петр Беловидов подчеркнул, что «Святейшего Варнаву по справедливости нужно именовать патриархом сербским по своему высокому положению, но и патриархом “русским” по искренней и сердечной любви к ним»⁷⁵⁸.

Владыка Анастасий в 1936 г., после смерти митрополита Антония, возглавил Русскую Православную Церковь Заграницей. Это был совсем иного склада человек. Яркое горение владыки Антония сменилось сдержанностью митрополита Анастасия, что, впрочем, не мешало ему твердо и непримиримо выступать с обличениями большевистского строя, поработившего православную церковь в России.

В сущности, история нашей православной Церкви в Югославии неотделима от самой «сербско-русской» жизни со всеми ее горестями и испытаниями славой. И в изгнании русский народ, русское священство заботились, прежде всего, о пище духовной. Делом первостепенной важности стала организация приходов, устройство храмов.

Первый русский православный приход в Белграде был открыт в 1920 г. протоиереем о. Петром Беловидовым (1869–1940), обладавшим великолепным организаторским даром. Он получил семинарское образование в Ставрополе, много лет преподавал Закон Божий в

757 Православная Русь. 1977. № 14. С. 7.

758 Цит. по: *Маевский В.* Русские в Югославии. С. 36–37.

одной из гимназий Новороссийска. Сыновья, офицеры Добровольческой армии погибли на Гражданской войне. Участник Белого движения. Отсутствие постоянного помещения для служб обусловило обращение митрополита Антония к сербскому патриарху Димитрию о строительстве своей церкви. Сам Сербский Патриарх, тем не менее, не видел особой нужды в строительстве именно русской церкви, считая, что русские могут молиться и в сербских церквях. Он не понимал, как писал один из современников, что «своя церковь русская нужна была потому, что сербский церковный быт и сербские службы – чужды русским привычкам. Сербы изредка служат всенощные и сокращают церковные службы; кроме того, особенно дорого русским их чудное церковное пение»⁷⁵⁹.

Но, думается, что причина строительства русской церкви не в «чудном пении» и т. п., а прежде всего в том, что русские люди, утратив родину, не хотели потерять свою русскую – именно русскую – церковь. Поэтому, во всех странах русского рассеяния главной задачей была постройка русской церкви.

Сформированный к этому времени (1923 г.) белградский причт во главе с о. Петром задумал возвести храм именно на месте барака, т. е. в самом центре города. Был сделан соответствующий проект (архитектор В. В. Сташевский). Патриарх Димитрий, которому было доложено, что речь идет как бы о временном переустройстве, дал нужное разрешение. Началось строительство на глазах изумленного духовенства церкви св. Марка. Сербскому Патриарху «полетела» жалоба, что русские его «обманули» и вместо реконструкции возводят свою церковь. Однако Патриарх не стал предпринимать каких-либо решительных мер, ограничившись упреком митрополиту Антонию, который, к слову сказать, был совершенно не осведомлен о плане о. Петра. Тем временем стройка шла ударными темпами. Председатель Совета министров Никола Пашич отпустил из казны 40 тыс. динаров, два кирпичных завода поставили бесплатно свою продукцию. За 39 дней здание церкви, выстроенное в псковско-новгородском стиле, было закончено.

Насколько сербские церковные власти были недовольны появлением русского храма в центре столицы, отчетливо видно из истории с небольшим колоколом, пожертвованным Джурджиной Пашич, женой Н. Пашича. Лишь после долгих проволочек Патриарх Димитрий наложил положительную резолюцию на ее просьбе. 5 января 1924 г. в письме на имя митрополита Антония он сообщал о своем согласии по поводу колокола и просил известить русскую церковную общину и о том, что «вместо этой капеллы будет выстроена новая русская церковь в Белграде на другом месте, что и предусмотрено уговором и нашим распоряжением, данным по соглашению с Вами»⁷⁶⁰. Но даже и тогда сербское священство храма св. Марка продолжало оказывать сопротивление. Лишь после того как Н. Пашич

759 Там же. С. 23.

760 *Архиеп. Никон (Рклицкий)*. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. В 17 т. Нью-Йорк, 1960. Т. 5. С. 97–98.

прислал жандармов, колокол был подвешен без помех⁷⁶¹. 28 декабря 1924 г. митрополит Антоний освятил церковь в честь св. Троицы.

И может быть эти события косвенно повлияли на появление горьких строк в письме митрополита Антония от 8/21 июня 1926 г. редактору белградской газеты «Новое время» М. А. Суворину: «...если бы вы знали, как ревниво и подозрительно они ограждают себя от русского влияния <...> Во избежание всяких подозрений, я начал изучать сербский язык еще в 1921 году, через три недели прекратил это изучение и сейчас по-сербски не говорю»⁷⁶².

Возвращаясь к появлению в Белграде русской церкви, скажу, что в отстроеном храме была помещена чудотворная икона Курской Коренной Божией Матери. Этот образ был перемещен из монастыря Язак, где жил ее «хранитель» владыка Феофан, вывезший икону из России. Там же хранились вывезенные офицерами с Юга России знамена ее армии, под которыми сражались под Полтавой, в Альпах, у Бородино, реявшие над турецкими крепостями и осенявшие Севастополь. Среди них 19 штандартов кавалерийских полков (среди них – Елисаветградского, лейб-гусарского Павлоградского, Ольвиопольского уланского, Астраханского драгунского, Вознесенского уланского, Киевского гусарского, Новгородского драгунского, Одесского уланского, Ингерманландского гусарского, Чугуевского уланского, Изюмского гусарского, Черниговского гусарского, Тверского драгунского, Северского драгунского, Текинского конного) и войсковое знамя Уральского казачьего войска⁷⁶³. (На данный момент большинство из них находится в музеях РФ – в Петербурге и Новочеркасске). В церкви Св. Троицы были сооружены киоты в память императора Николая II, адмирала А. В. Колчака, генерала Л. Г. Корнилова, мраморная доска – привезенная с Дальнего Востока – в память генерала М. К. Дитерихса. Здесь были, в частности, выставлены серебряные георгиевские трубы и рожки времен Крыма 1920 г.⁷⁶⁴ Дубовый иконостас был сделан трудами полковника А. П. Редкина (Редькина) и других художников. Иконы писал князь Михаил Сергеевич Путятин, а также архимандрит Антоний (Бартошевич). В то же время надо отметить, что большинство икон – из семейных киотов прихожан, которые, желая украсить свою церковь, дарили ей иконы.

В храме с 1929 г. находится гробница скончавшегося в 1928 г. в Брюсселе генерала Врангеля, о котором можно было услышать, что «в будущей национальной России он будет причтен к числу бесспорных национальных героев и имя его будет свято чтиться в потомстве»⁷⁶⁵.

С недавних времен там была помещена мемориальная доска с именами русских воинов, павших в 1992–1993 гг. в боях за Сербию: Богословский Константин, Ганиевский Василий, Котов Геннадий, Чекалин Димитрий, Нищенко Андрей, Шашинов Владимир,

761 Запись воспоминаний Тарасьева А. В. // Архив автора

762 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 18. Л. 8/72.

763 Часовой. Брюссель. 1931. 15 мая.

764 Богословский А. В., ротмистр. Русские памятники и музеи в Югославии // Часовой. 1939. 5 июня.

765 Там же. 1931. 31 мая.

Попов Димитрий, Мелешко Сергей, Александров Александр, Гешатов Виктор. Только позволю здесь небольшое примечание: судя по воспоминаниям русского добровольца Олега Валецкого, вместо фамилии Шашинов следовало написать Сафонов, вместо Мелешко — Мережко⁷⁶⁶. Только потом, уже в следующем тысячелетии, я ее, к моему горькому изумлению, уже не видел.

В Свято-Троицкой церкви служили Патриархи Димитрий и Варнава, туда приезжал – зачастую без предварительного оповещения, так сказать, запросто – король Александр, бывала королева Мария, там можно было увидеть и других членов королевской семьи, сербских министров и иностранных дипломатов, не говоря уже об архиереях Русской Православной Церкви Заграницей.

Каждый русский священник, приезжая в Белград из глухих сербских приходов, старался хоть раз, но послужить в Белградском храме – этом центре церковной жизни и русском уголке, оживлявшем воспоминания о «далекой и близкой» России. Добавлю, в 1929 г. на сербских приходах служило 214 русских пастырей⁷⁶⁷, окормлявших сербский народ.

Состав сестер, певших на клиросе, выполнявших различные работы в храме, был различен: здесь были и простолюдинки и дворянки – служба Богу уравнивала всех. И все же в памяти сохранялись имена дочерей Церкви, таких как Мария Павловна Шатилова и ее дочь Мария, позднее ставшая монахиней Мариам⁷⁶⁸.

В храме трудились многие из тех, кто, приняв монашество, позднее занял видное положение в церковной иерархии. Окормление многочисленного прихода шло довольно успешно. Только одних литургий в 1930 г. было совершено свыше 200, общее количество богослужений приближалось к 500. Кроме приюта для безработных при храме было открыто общежитие для студенток. Активно велась и просветительская работа⁷⁶⁹. Материальное положение в то же время было весьма не простым, конечно были благотворители, определенные суммы поступали от треб, но мизерный ежемесячный взнос в два динара уплачивали регулярно далеко не все прихожане.

Причт храма со временем менялся: кто-то уходил в монастырь, кто-то умирал, кто-то уезжал в иные места. Первым настоятелем, как уже упоминалось, был о. Петр Беловидов, не без основания считавший себя «хозяином» в русском Белграде и ревниво относившийся ко всем, кто мог покуситься на его власть в приходе.

Протоиерею Петру в отправлении служб помогал священник Владислав Неклюдов (1899–1949), которого особенно любили прихожане храма. Вторым священником был о. Иоанн Сокаль (1883–1965), выпускник Московской духовной академии, до своего назначения в Белград трудившийся преподавателем в Битольской духовной семинарии в Старой Сербии (нынешней Македонии). По воспоминаниям одного из современников, это был

766 Валецкий О. Волки белые Сербский дневник русского добровольца 1993–1999. М., 2006. С. 57.

767 Пилиповић Р. М. Српска православна црква и руска емиграција (1920–1940). Бањалука, 2018. С.172.

768 Православная Русь. 1971. № 15.

769 Царский вестник. 1930. № 82.

«дипломат английской выправки», отличавшийся склонностью к долгим и «мудреным» проповедям, которые зачастую были утомительны и трудны для понимания. После смерти в 1940 г. настоятеля Белградской русской церкви протоиерея Петра Беловидова о. Иоанн стал во главе прихода.

Русским, вероятно, хотелось более величественного храма. В 1935 г. на страницах «Русского голоса» «был поднят вопрос о желательности постройки в Белграде величественного русского храма памятника убиенных – нашего Государя Императора Николая II и Короля Югославии Александра». Этому проекту горячо сочувствовали Патриарх Варнава и митрополит Антоний, митрополит Анастасий и др. Можно было получить и средства, но разногласия в русской среде помешали реализации этого проекта⁷⁷⁰.

С историей и жизнью храма Св. Троицы связана и судьба семьи Тарасьевых, представитель третьего поколения которой по сей день окормляет русскую паству. Первым был Виталий Васильевич Тарасьев (1901–1974).

Служители церкви крестили, исповедовали, отпевали. Церковь сопровождала человека в радостях и горестях «сей привременной жизни», даты которой можно прочесть на памятниках русского участка на Новом Белградском кладбище. «Все это место пронизано русской землей, русским горем и русскими слезами». В Иверской часовне в алтаре вместо мощей небольшая шкатулка с русской землей⁷⁷¹.

Сейчас старое кладбище с зачастую покосившимися крестами и памятниками, с выгоревшими стенами часовни приведено «в европейский порядок» силами из России. Однообразные памятники, расчерченные дорожки, памятная дощечка о восстановителях этого «смирненного кладбища». Вроде и лучше, но чувство, испытываемое сейчас, снижается стандартизацией культуры в этой печальной сфере.

Широкую известность на югославянской земле получило русское хоровое искусство. Для его «неумирания» много сделал о. Петр Беловидов: уже в 1922 г. организованный им хор давал концерт в Панчево – произведения Бортнянского, Архангельского, Гречанинова, Кастальского, Ломакина и др.⁷⁷² Позднее он заведовал регентскими классами в Русском музыкальном обществе в Белграде⁷⁷³. Но самым знаменитым стал русский хор Вознесенской церкви в Белграде под руководством Алексея Васильевича Гринкова. С одинаковым успехом им исполнялись сочинения как русских, так и сербских композиторов. В программе его духовных концертов были сочинения А. Т. Гречанинова, М. М. Ипполитова-Иванова, С. Мокраньца, и песнопения многих других авторов, с которыми хор выступал в концертах духовной музыки в различных городах. Главным было сохранить церковь в душе человека, воспитать детей в православии, любви к Родине своих предков, к славянству. Многое здесь зависело от школы, от ее преподавателей. И везде, вне зависимости от типа

770 Русский голос. 1940. 13 окт.

771 Прот. Тарасјев В. Чувати сећање о онима који су отишли // Руси без Русије. С. 353.

772 Новое время. 1922. 22 сент.

773 Царский вестник. 1930. 5 марта. 1930.

учебного заведения, шла, повторю, работа под девизом – истинное просвещение соединяет умственное образование с нравственным.

Первым законоучителем в гимназии стал о. Петр Беловидов, принявший на себя и тяжкий труд руководства над седьмым – выпускным – классом, в котором училась и бывшая фронтовая молодежь, нуждавшаяся в особом попечении. В школе он преподавал с 1920 г. по 1931 г. и с 1936 г. по 1939 г. За о. Петром в гимназию пришли и другие священники – о. Владислав Неклюдов (учил Закону Божьему с 1927 по 1944 г.), потом о. Георгий Флоровский (с 1940 по 1944 г.).

В воспоминаниях об о. Владиславе есть такие строки: «Нас, детей, а затем подростков и юношей, покоряла и обезоруживала его безобидность и истинно христианское смирение. Он был воплощением доброты; чем-то напоминал старца Зосиму. В прошлом он был кадровым военным, прошел первую мировую войну, а затем гражданскую. В Белграде закончил Духовную Академию [Богословский факультет Белградского университета. – В. К.] и по призванию стал священником. Он любил молодежь, и мы к нему тянулись. Понимал и всегда находил нужное слово, чтобы поддержать в трудную минуту. Уроки, скорее собеседования, проходили оживленно и интересно. Многое запало в наши души навсегда. Наши сомнения и возражения о. Владислав терпеливо и с неизменным доброжелательством выслушивал и рассеивал, приводя примеры из нашей же жизни и делясь своим богатым жизненным опытом. На исповедь мы шли с душевным трепетом, а уходили успокоенные и очищенные. Его слова были особенно убедительны, так как их он подтверждал всей своей жизнью»⁷⁷⁴.

Навсегда запала в память тогдашней молодежи и личность о. Георгия Флоровского (1893–1979). «Летучий голландец» — так прозвали его гимназисты, постоянно видевшие его фигуру в греческой рясе с развевающимися при ходьбе рукавами, – был любим многими своими питомцами. Мало кто знает, что о. Георгий имел и второе прозвище – «Пиноккио». Хотя, надо признать, что для лишенных высоких духовных запросов он был довольно-таки «трудным» преподавателем. Его «воспарения» перед неподготовленными слушателями зачастую оставляли последних в тоскливо-боязливом недоумении. И, тем не менее, он не был «грозой» для гимназистов, осмеливавшихся иногда на озорные выходки⁷⁷⁵.

В своих воспоминаниях бывшие гимназисты и гимназистки очень тепло и с сердечной дрожью писали о своем учителе и духовнике. «...Отец Георгий Флоровский! Кто не помнит “Летучего Голландца”?! – Импозантная фигура, высокий, невероятно широкие рукава рясы, плюс еще увеличивающая его рост лиловая камилавка, большие роговые очки, а за ними добрые, умные голубые глаза. Умница, высоко культурный, огромной эрудиции, не признававший учебников, он требовал отвечать по его объяснениям, так что приходилось записывать главные пункты заданного урока. Преподавал он интересно, мы его любили. Исповедовал он задушевно, осторожно, не допытываясь, располагая душу к покаянию. А на следующий день как хорошо и тихо на душе»⁷⁷⁶.

774 Молчанов В. Живая летопись // I Русско-Сербская гимназия. С. 170.

775 Запись воспоминаний Тарасьева А. В. // Архив автора.

776 Жилина Т. Дни бегут, унося за собой года // I Русско-Сербская гимназия. С. 134–135.

Вчитываясь в эти строки воспоминаний, можно подумать, какая идиллия – нет ни тревог, ни потрясений, ни интриг. Да, своим детям – в прямом и переносном смысле – духовенство стремилось передать все богатства слова и дела, накопленные христианством.

И в то же время нельзя сказать, что все шло гладко. Из короткой заметки в «Старом времени» (30 марта 1924 г.) можно узнать о намерении комиссии Учебного отдела при Государственной комиссии, занимавшейся русскими беженцами, сократить число часов преподавания Закона Божьего и исключить из программы курс Православного Катехизиса. Как писали в газете, этот проект вызвал решительный протест колонии русских в Крагуеваце, разославшей соответствующие письма в упоминавшийся Учебный отдел, в газеты «Новое время», «Старое время», русскому дипломатическому представителю В. Н. Штрандману и Патриарху Сербскому Димитрию⁷⁷⁷. Видимо, последовали и протесты из других колоний, которых насчитывалось около 300 в Королевстве. Уже 3 мая Белградский педагогический съезд «без прений принял предложение выделенной съездом комиссии по Закону Божьему о недопустимости проведения изменений в преподавании Закона Божия без благословения Высшей Церковной Власти»⁷⁷⁸.

Широкое распространение получила практика привлечения русских преподавателей в духовные учебные заведения. Опыт, знания, искусство русских богословов служили православной сербской и русской молодежи, решившей посвятить себя пастырству. На Богословском факультете университета в Белграде преподавали профессора М. А. Георгиевский, А. П. Доброклонский, С. М. Кульбакин, Ф. И. Титов, С. В. Троицкий и др.⁷⁷⁹

Из русских студентов Богословского факультета – воспитанников сербской и русской профессуры – назову тех, чьи имена мне удалось разыскать: Игорь Иванович Троянов, в будущем пастырь в Швейцарии, Леонид Георгиевич Иванов, впоследствии архиепископ Чикагско-Детройтский и Средне-Американский Серафим, Иван Алексеевич Гарднер, автор книги «Богослужбное пение Русской Православной Церкви», Владимир Михайлович Родзянко, в дальнейшем епископ Американской Автокефальной Православной Церкви Василий, Лев Юрьевич Бартошевич, будущий епископ Женевский Леонтий.

Именно в Сербии, в Белграде, возникло и первое русское церковное сестричество, известное как Мариинское, где трудилось свыше 200 сестер. По желанию государыни Марии Феодоровны и с благословения митрополита Антония оно было открыто 30 декабря 1921 г. княгиней Марией Александровной Святополк-Мирской.

Вспоминая те далекие годы, Любовь Твердохлебова писала: «Эта организация давала возможность многим русским женщинам и девушкам, пережившим кошмарные и неизгладимые страдания Русской трагедии, найти душевное равновесие и духовное удовлетворение в работе при церкви <...> Ее (М. А. Святополк-Мирской. – В. К.) многообразные труды ценили наши первоиерархи и архипастыри... Я помню ее горячее участие в построении Иверской

777 Старое время. 1924. 30 марта.

778 Там же. 8 мая.

779 Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 33.

часовни в Белграде, в устройстве бесплатных обедов для бедных русских эмигрантов, погибавших от нужды. Она посылала нас, сестер, на кружковый сбор, чтобы накормить и одеть неимущих. Направляла нас в больницы, чтобы навестить и помочь продуктами нередко совершенно одиноким, потерявшим надежду на участие. Многих согрела ее ласка. Приходилось хоронить бездомных... Когда в силу обстоятельств разлетелся этот пчелиный улей сестричества, кн. Мирская продолжала служить Церкви в Женеве в постоянном общении с незабвенным еп. Леонтием, не теряя связи с младшими сестрами»⁷⁸⁰.

Кроме благотворительной деятельности, сестричество активно занималось и сбором средств на храмовые постройки, в том числе и на упомянутую Иверскую часовню.

Предыстория создания храма-часовни связана с устройством русского кладбища, где княгиня предполагала воздвигнуть скромную часовню для отпевания усопших. Однако во время переговоров с городскими властями была получена весть о разрушении (в 1929 г.) Иверской святыни в Москве, построенной в 1669 г. (восстановлена в 1995 г.). Тогда и возникла идея о воссоздании на братской сербской земле Иверской часовни⁷⁸¹.

Однако сбор необходимых средств для постройки затягивался. И когда княгиня, придя за благословением на постройку часовни к владыке Антонию, рассказала ему, что собрана лишь десятая часть денег, митрополит, давая благословение, успокоил ее своеобразно: «Не беспокойся, соберут, русский человек дает на водку, но он дает и на Церковь»⁷⁸².

Возможно, кого-то покоробят эти слова, но владыка никогда не терпел позы. Об этом писал и архиепископ Нафанаил (Львов), подчеркивавший неприязнь митрополита к фразе, к экзальтации, фальши⁷⁸³.

Строителем часовни, в фундамент которой была положена и горсть русской земли, стал архитектор В. В. Сташевский. Пожертвования шли отовсюду, где жили русские люди. Они «посылали ценные вещи, зачастую составлявшие самую дорогую память для жертвователей: матери присылали ордена и разные предметы, оставшиеся от их убитых и умерших сыновей; вдовы – вещи мужей и даже обручальные кольца; сироты – вещи своих родителей»⁷⁸⁴.

В 1931 г. она была открыта. В ее стенах с внешней стороны в особых нишах были помещены два больших образа: Святителя Николая – в память императора Николая II и Святителя Алексея – в память наследника Цесаревича. Внутри были собраны и святыни главных церковно-исторических центров России: в память Москвы – Иверская икона (список с Афона), в память Киева – икона Успения Божией Матери (из Иерусалима), в память Петрограда – копия образа Нерукотворного Спаса, что был в домике Петра Великого⁷⁸⁵.

780 Православная Русь. 1959. № 13.

781 *Маевский В.* Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и Белграде. Белград, 1932. С. 30.

782 Православная Русь. 1977. № 8.

783 *Архиеп. Нафанаил.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. В. 5 т. New-York, 1992. Т. 3. С. 82.

784 *Маевский В.* Иверская богоматерь на Афоне. С. 34–35.

785 Там же. С. 58–59.

В крипте были захоронены останки воинов. Возле часовни, на русском участке, хоронили своих близких русские белградцы.

В 1937 г. в Белграде стали работать шестимесячные курсы по борьбе с безбожием. Открытые по благословению митрополита Анастасия и при содействии председателя Российского трудового христианского движения А. И. Лодыженского, они должны были дать людям «возможность приобрести необходимые познания и опыт борьбы против современного, порожденного коммунизмом безбожия»⁷⁸⁶.

Из десяти тысяч русской колонии в Белграде записалось на курсы лишь двести человек. Следует ли расценивать это как успех или неудачу, определить весьма сложно.

Вопросы веры, единства и гармонии мира и Церкви горячо обсуждались и в русской молодежной среде – в религиозно-философских братствах св. Серафима Саровского, св. Владимира, о. Иоанна Кронштадтского, св. Креста, в кружке студентов богословов имени св. Анастасия и св. Иоанна Богослова.

Здесь можно вспомнить Союз имени преп. Сергия Радонежского. Этот религиозный кружок, о котором сведения чрезвычайно скудны, взял себе девизом слова Ф. М. Достоевского – «Неправославный перестает быть русским». «Мы настойчиво утверждаем, – записано в программном документе Союза, – что самая главная и вместе с тем конкретная, реальная наша задача – быть православными. Мы настаиваем на том, что эта задача первая и более важная, чем всякая другая <...> И в частности: нельзя говорить о Царе неправославному человеку, потому что в его представлении Царская власть есть или абсолютизм или конституционализм или просто “образ правления” <...> наша национальная задача есть в то же время, и прежде всего, религиозная, упорная борьба с врагом в самом себе, в своем уме, душе, сердце, взглядах, привычках, и не ставши православными, мы не можем поднять знамя “России” <...> Мы не признаем возможности религиозного исцеления, так чтобы одновременно не устроилось наше национальное переживание <...> В основе нашего Союза лежит полное, цельное мировоззрение. Мы стали бы партией в тот момент, когда изменили бы нашей Вере, взяли бы от нее лишь часть. Все русские партии – это части некогда целого, которое определялось не политическими лозунгами, а мировоззрением, которым строилась Россия. Когда она созидалась, не было партий правых, левых, прогрессивных и пр. Было одно целое, ибо было одно мировоззрение православное и, вернувшись к нему, мы не можем быть партией – мы Союз православных людей. Мы не ведем борьбу с партиями. Как православие признает верным действительно верное и в протестанте и католике и магометанине и радуется тому, что в них есть верного и доброго, несмотря на ошибки в общем и главном, так и мы признаем все русское верное, где бы оно ни было <...> Наш Союз собирает в себе людей, готовых отдать свои силы основной, центральной идее русского национального бытия, готовых окончательно и бесповоротно отдать их служению идее “Россия не может быть неправославной”, “Неправославный

перестает быть русским” <...> Наша задача – соби́рание русских людей, создание между ними внутреннего единства от Него»⁷⁸⁷.

Замечу, что в этом документе много декларативности и юношеского максимализма с его верой в «царский» путь России и отторжением «политики». Сам поиск гармонии веры и любви к Отечеству вообще был характерен для православной молодежи, настойчиво ищущей и находящей себя в «искривленном» политикой времени и пространстве.

Мир нес в Церковь жар неоконченных и нерешенных споров. Ревнителей православной веры и возрождения России в эмиграции было много, но еще больше – политиков и политиканов. Надо сказать и то, что среди сербских владык были такие, которые считали, что русским незачем иметь в православной Сербии свою церковную организацию.

Здесь надо добавить, что интеллигенция, повернувшаяся к Церкви, но не имевшая церковной подготовки, «засоряла» приходскую жизнь своими дрызгами.

Сама Русская Церковь в Югославии нередко сталкивалась с привычками, которые, казалось бы, отнюдь не могли быть названы благочестивыми. Так, в 1932 г. было выпущено «Воззвание русской православной церковной общины в Белграде к русским людям, в рассеянии сущим», в котором указывалось на установившийся обычай устраивать «танцевальные вечера накануне воскресных и праздничных дней и даже во дни Великого поста». Ни с церковно-моральной, ни с русско-национальной позиции такие действия, подчеркивалось в «Воззвании ...», не могут быть оправданы никакими «гуманными целями»⁷⁸⁸.

В эмигрантской прессе звучали призывы к подвигу, к очищению, но на практике интеллигенция с гораздо большим рвением предавалась политическим страстям и умозрительным рассуждениям, нежели религиозной жизни. Привыкнув к свободе, она, бывало, достаточно язвительно прохаживалась в адрес иерархов, занимавшихся «политикой». Позволю себе привести здесь отрывок из стихотворения, обнаруженного мною в газете «Русский стяг» № 6, 27/14 декабря 1925 г., за подписью Сергея Терпигорева (псевдоним С. С. Бехтеева) «Слет белых клобуков» об Архиерейском соборе.

В своеволии дурачком
Спутав цели и детали,
На соборе Карловацком
Иерархи заседали.

Много их собралось вместе
Под старинным сводом зала,
Блиских сердцем к лжи и лести
И доступных для металла.

787 Там же. Л. 151–154.

788 Царский вестник. 1932. № 275.

Были здесь: смутьян Евлогий,
И Антоний – сын дворянский,
Феофан святитель строгий
И Платон американский,
Сергий, Тихон из Берлина
Гермоген Новомосковский,
Гавриил – герой мужчина,
Анастасий Кишиневский,

Феофан из Обояни
И Антоний из Аляски,
Плюс немало светской рвани,
Режиссеров свистопляски.

Взяв в Париже бойкость тона,
Густо смазанный валютой
Голос яростный Платона
Так и веял прошлой смутой.

Не стеснясь омофором
Беглый пастырь из Одессы
Угрожал врагам террором
Создаваемой им прессы.

Говорил он очень много
И кричал, волнуя стадо.

<...>

Что в исканьи светлой были,
Надо брать пример с Европы,
Что Царя давно забыли
Православные холопы;

Что нельзя служить мирянам,
Что без воли Патриарха
Неприлично соборянам
Признавать самим Монарха.

Что неся с Дарами Чаши
 Надо всем молить у Бога
 Лишь о здравьи Николаши
 Как вождя и демагога⁷⁸⁹.

По сути дела «Русский стяг», поддерживавший Кирилла Владимировича, провозгласившего себя главой Императорского Дома, в этом стихотворении обрушился на митрополита Платона (Рождественского), «посмевшего» противопоставить «законному государю» великого князя Николая Николаевича («Николашу»). Отсюда и резкость высказываний, вплоть до оскорблений и обвинений в безбожии.

Церковная пресса, конечно, не могла позволить себе такой тон.

Правда, весьма популярной была газета «Царский вестник», редактор которой Н. П. Рклицкий, будущий архиепископ Никон, охотно печатал статьи и материалы на церковно-общественную тематику: одним она нравилась, у других вызывала «изжогу».

Весьма едко на издательскую тему прохаживался известный историк русской эмиграции в Югославии В. А. Маевский. В своих воспоминаниях он записывал: «Синодальная канцелярия издавала журнал “Церковная жизнь”. Но издавала его без сотрудников, без руководящих идей. Редкие статьи преосвященных – на темы, интересные авторам, но совершенно не интересные читателям – разбавлялись сообщениями канцелярии и запутанными разглагольствованиями новоявленного ”богослова“ Лопухина, на которых, помимо их полной сумбурности, всегда лежала печать елейного уныния <...> Никакого осведомления, никаких злободневно-церковных вопросов, никакого движения мысли – в синодальном журнале вообще не существовало... От времени до времени сон синодальной канцелярии и ее журнала прерывался, и тогда раздавался замогильный голос о “Святой Руси”. Но затем снова все затихало и только скрипели перья, стучала старенькая машинка и разрастался архив в доказательство того, как живое церковное дело можно задушить в ворохе ненужных бумаг»⁷⁹⁰.

В сущности, многое здесь зависело от русского общества, а если быть более точным – от денег, которых, как всегда, не хватало.

Но пастырское благословение на любые начинания, связанные с возрождением православной России, следовало незамедлительно.

Русская Церковь сохранила и старую добрую традицию, устраивая на югославской земле православные братства. Остановлюсь здесь на братстве Святой Руси имени св. Владимира. Учрежденное в начале 1930-х годов и руководимое митрополитом Антонием, оно должно было объединить «все русские национальные организации на общей единой основе – Православной вере». Отделы братства формировались во всех епархиях и миссиях Русской Православной Церкви Заграницей.

789 Терпигорев С. «Слет белых клобуков». Оттиск. Королевство СХС. 1925.

790 Маевский В. Русские в Югославии. С. 149–150.

Владыка Антоний наивно полагал, что оно сможет ликвидировать раздоры в эмигрантской среде (разногласия была характерной при обсуждении вопросов спасения России, ее будущего правления или управления), но этот грандиозный замысел явно не удавался. Один из современников писал, что так называемое «Владимирское движение» провалилось из-за того, «что не было создано надлежащей духовной школы, не подготовлены кадры духовенства», «не были найдены пути к духовным стремлениям эмиграции»⁷⁹¹. Иными словами, язвы, разъедавшие эмиграцию, были весьма застарелыми, а лечение словесными «припарками» не помогало.

И, тем не менее, идеал Святой Руси рождал в сердцах сочувствие. Главный совет братства в соответствии с задачей по разработке и распространению идеи церковно-народного идеала Святой Руси проводил свою линию через лекционную работу. Был разработан и читался курс лекций на общую тему «Идея Святой Руси и современные общественные течения». Лекторы в Белграде выступали с такими докладами, как «Церковь и человек», «Сущность идеи монархизма», «Св. Русь в истории России». Ряд лекций был посвящен тогдашним общественным течениям и организациям (фашизм, младороссы, Союз нового поколения) и их оценке с точки зрения идеи Святой Руси⁷⁹².

Сложностей в восприятии России было предостаточно.

В 1934 г. в своем слове при посвящении его во епископа Шанхайского иеромонах Иоанн (Максимович) сказал: «И за пределами Руси мы не перестаем быть ее сынами. Изгнанные из земного Отечества, мы продолжаем быть духовным стадом святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Гермогена. Мы остаемся частью Русской Церкви, страдающей и гонимой, облитой кровью священномучеников Владимира Киевского, Вениамина Петроградского, Гермогена Тобольского, Митрофана Астраханского, Андроника Пермского и бесчисленного множества других новых священномучеников и мучеников. Заветы их – святыня наша, которую мы должны сберечь до того времени, когда Богу угодно будет явить силу Свою и возвысить род христиан православных. А до тех пор мы должны пребывать в духовном единстве с гонимыми, молитвою укрепляя их»⁷⁹³.

Прекрасные слова! Но ведь многие гонимые, страдающие по тюрьмам, мучимые во множестве расплодившихся по России «лагов», убиваемые в безвестности православные люди поминали митрополита Сергия.

Известны имена иерархов, возвратившихся в Московскую Патриархию, как и тех, кто остался верен заветам Высокопреосвященных Антония и Анастасия, считавших РПЦ несвободной от власти большевиков. Этот крепко завязанный Гордиев узел распутать трудно. Обязан здесь напомнить, что 17 мая 2007 г. в праздник Вознесения Господня

791 Там же. С. 134.

792 Царский вестник. 1934. № 395.

793 Цит. по: Православная Русь. 1995. № 11.

между Московским Патриархатом и Русской Православной Церковью Заграницей был подписан Акт о каноническом общении внутри Поместной Русской Православной Церкви.

Возвращаясь в рисуемое время, еще раз напомним, что политика в ее широком понимании проникала повсюду, в том числе и в зародившееся в Югославии русское христианское молодежное движение, впоследствии распространившееся по всему Российскому зарубежью. Его начало было связано с деятельностью небольшого кружка, возникшего в 1921 г. из русских студентов Богословского факультета Белградского университета и ставшего ядром будущего Свято-Серафимовского братства (1925 г.), в котором возникло два течения. Представители одного больше интересовались вопросами аскетики и молитвы, сторонники другого – православной культурой и миссионерскими задачами христианства. Эта своеобразная разноплановость шла только на пользу, обогащая жизнь кружка и давая материал для дискуссий, обмена мыслями.

Ряд членов кружка стали впоследствии видными иерархами: в их числе архиепископ Чикагский и Детройтский Серафим (Иванов), епископ Женевский Леонтий (Бартошевич), епископ Западно-Европейский Константинопольского экзархата Кассиан (Безобразов).

Ревностным членом кружка был и князь П. С. Лопухин (1885–1962). По словам близко его знавшего Г. Граббе, «он умел вдумываться в мысль своего собеседника и при внешней гордой независимости имел дар кротости и смирения, который давал ему эту замечательную способность усваивать первоначально непонятную ему правду в словах своего собеседника»⁷⁹⁴.

Прекрасная характеристика! Но это говорил единомышленник. Владыка Василий (Родзянко), тоже большой друг Лопухина, дал ему несколько иной портрет: «Есть лица, для которых на английском языке есть характерное слово – controversial... Таких как он людей оппоненты называли “нашими новыми староверами”, “старобрядцами” заграничного происхождения... П. С. Лопухин, Н. П. Рклицкий, Г. П. Граббе мыслили в стиле и духе Св. Синода петербургского периода, забыв, что надо иначе. Синодалы утверждали: “Мы центр, все должны нас слушать”»⁷⁹⁵.

Говоря, по сути, они стремились осуществлять своеобразный партийный надзор и контроль. И масла в огонь внутрицерковной борьбы подливали именно «синодалы».

Да и в эмиграции, как уже подчеркивалось, шла своя борьба – где-то это была простая политическая грызня между различными группами, не успевшими свести счеты еще со времен 1905 г., где-то шел разноуровневый поиск будущего Вертограда. В сущности, интеллектуальная эмиграция продолжала биться над тремя вопросами: кто мы, куда идем, кто виноват? Как правило, ответы были или до обидного традиционно ясными и простыми или тонули в трясине многословия.

794 Там же. 1962. № 15.

795 Запись воспоминаний владыки Василия (Родзянко) // Архив автора.

Но были и те, кто предпочитал «дело» «слову». Только один пример: Скворцов Василий Михайлович (1859–1932). Происходил из священнической семьи. Окончил Киевскую Духовную академию. В браке родил пятерых детей. Основал журнал «Миссионерское обозрение», издателем и редактором которого был с 1896 по 1916 гг. В 1906 г. основатель, издатель и редактор церковно–политической газеты «Колокол», издававшейся до 1917 г. Потом была эмиграция. Стоял во главе русской колонии в Панчево. Участвовал в работе Всезаграничного Церковного Собора в 1921 г. в Сремских Карловцах. В 1925 г., благодаря поддержке министра Воислава Яничича, стал вести преподавательскую работу в Сараевской семинарии. Сотрудничал в сербских журналах «Црква и Живот» («Церковь и жизнь») (до 1929 г.), «Гласник Патријаршије» («Вестник Патриархии») (до мая 1932 г.). Был известен патриарху Варнаве и королю Александру. Отмечен орденом Св. Саввы⁷⁹⁶.

А на пороге стояла очередная мировая война. В 1939 г. исполнилось 25 лет со дня начала Первой мировой или, как ее называли, «германской» войны. 30 июля организация «Русское народное ополчение» во главе со своим руководителем полковником М. Ф. Скородумовым (1892–1963) устроило торжественную вечернюю панихиду на русском кладбище по императору Николаю II и его семье, по погибшим офицерам и солдатам. Служил митрополит Анастасий.

И в том, что произошло с Россией в 1917 г., многие видели козни Запада. Так, Скородумов на открытии памятника русским воинам в своей речи подчеркнул: «Здесь погребены не только кости русских воинов, но честь и благодарность союзников России». В целом же отношение эмиграции к памяти Николая II не было единым. Часть ее выступала за канонизацию погибшего императора. Другая была против. Сам владыка Анастасий показал себя ее противником на Втором всезарубежном соборе⁷⁹⁷.

Весьма характерен здесь сюжет, связанный с помещением в усыпальницу русских воинов М. Ф. Скородумовым изображения покойного государя на стекле. Как свидетельствует воззвание Русского народного ополчения: «17 апреля сего 1938 года, в поминальный понедельник, в девять часов утра священник Неклюдов, после панихиды в Иверской церкви, с крестным ходом вошел в часовню-музей Памятника русским воинам <...> взял бумагу и с помощью восковой свечи залепил изображение Царя-Мученика. Как всем известно, у нас в настоящее время не имеется официальных представителей России – ни гражданских, ни духовных, – которые могли бы защитить честь России. Поэтому, усматривая в этих действиях священника Неклюдова оскорбление памяти Царя-Мученика, самоуправство <...> русское народное ополчение, являясь хранителем памятника, уведомило священника Неклюдова чрез полицию, что ему воспрещен ”навсегда вход в часовню памятника русским воинам“»⁷⁹⁸.

796 Сообщение от А. Павлова (Нижний Новгород) // Архив автора.

797 Маевский В. Русские в Югославии. С. 275.

798 Цит. по: Там же. С. 274–275.

В другом воззвании тот же Скородумов, несомненно, выражающий взгляды определенной части эмиграции, писал в 1938 г.: «Все удивляются, почему в 1917 году погибла Россия; многие удивляются, почему эмиграция уже столько лет не может объединиться и вернуть потерянную родину. Масса программ, масса новых фантастических путей, масса политических партий, но – России все не видно. Для того чтобы вылечить больного, надо, прежде всего, поставить диагноз. И, казалось бы, как это просто. Сам покойный Император указал нам путь спасения, поставив при отречении правдивый и точный диагноз: “кругом трусы, лжецы и предатели” <...> Казалось бы, что эмиграция, находясь на свободе, могла бы очиститься от этих микробов, но, увы, нет врача, и она все больше разъедается этими микробами и уже бьется в агонии <...>

Начну с духовенства, как главного фактора русского освобождения. Это единственная организация в эмиграции, которая широко признается властями, пользуется полной свободой, имеет средства, свое помещение (церковь) и вообще все возможности, чтобы вести эмиграцию по историческому пути морали, истины и русской государственности. Но что же мы видим? Духовенство наше, за небольшим, конечно, исключением, прячется в алтарь или сбегает на день в монастырь, лишь бы только не служить молебны о здравии Царя. В Царскую Русскую Православную Церковь, – ибо другой Православной Церкви в России не было, и ее только завоевания революции отделили от государства и Царя, – революционное духовенство вносит раскол и политику, служа прихожанам молебны по политическим симпатиям, т. е. левым служат с удовольствием, а правым – с великопостной гримасой или вовсе не служат... Провозглашать многолетие Русскому законному Императору нельзя, ибо Он без территории, – но провозглашать ежедневно многолетие митрополиту Кишиневскому и Хотинскому, который тоже без территории, – можно»⁷⁹⁹.

По сути дела, здесь больше горечи и отчаяния, чем злости и морализаторства. И тут монархистов, к которым принадлежал герой Первой мировой войны, инвалид, кавалер многочисленных военных орденов М. Ф. Скородумов, можно понять.

О русских людях духовного звания, оказавшихся волею судеб вне пределов своей Родины, есть различные мнения. Вот одно из них: «Что касается эмигрантского духовенства, то оно носило смешанный характер. Но ядром являлось старое русское духовенство, с течением времени вымиравшее. А к нему присоединились люди разного звания, состояния и происхождения, шедшие в ряды духовенства и по призванию и ради “хлеба куска”. Никаких новых традиций не могло быть создано: старые умирали – и получался какой-то смешанный стиль не то требоисполнителей, не то духовных руководителей эмигрантской массы. Сгруппировавшись возле самого большого прихода св. Троицы, духовенство неохотно пускало новых пришельцев в свои ряды <...> Занятое требами и службами, а также законоучительством в русских школах и участием в Епископском совете, – духовенство было хорошо обеспечено, но не имело свободного времени принимать участие в обществен-

799 Там же. С. 275–276.

ных делах. Правда, приходский совет в Белграде развивал большую благотворительную деятельность, но все же широкое русло общественной жизни шло вне непосредственного участия духовенства. Устраивались миссионерские курсы и лекции, но они обслуживали небольшой – и все один и тот же – кружок близких Церкви лиц»⁸⁰⁰.

Из этих несколько сбивчивых воспоминаний можно понять, что недовольство автора вызвано, главным образом, слабым участием церкви в общественных делах. Возникает вопрос – в каких-таких делах? Может, в той политической грязне, которую часто отождествляют у нас с общественной деятельностью?

(Кстати, у русских, по меткому замечанию известного политического деятеля В. А. Маклакова, «поддержка общественности очень часто похожа на тот кол, на который сажают казненного»⁸⁰¹.)

Тогда, да: Церковь стояла особняком уже только по той причине, что русская интеллигенция прекрасно справлялась сама в такой привычной для нее атмосфере вечных вопросов. К этому добавлю: конечно, были и интриги и подкопы внутри церковной жизни.

А в итоге – шло смущение душ! Раздоры, споры были характерной чертой церковной жизни, в которую властно вторгались новые веяния «свободного христианства». Так, в 1932 г. во главе с владельцем комиссионного магазина Г. Г. Миткевичем (?–1962) было создано Русское трудовое христианское движение (РТХД), духовником которого стал вначале о. Петр Беловидов. Вера, родина и семья были теми началами, которые легли в его основание. Сама организация сформировалась с целью объединения всех беженских групп на экономической основе и подъема хозяйственного и политического значения русской эмиграции. РТХД предоставляло своим членам правовую защиту, оказывало помощь в подыскании заработка, поддерживало безработных и т. д.⁸⁰²

В сущности РТХД было весьма своеобразным профсоюзом – школой христианского социализма. Истоки этого движения вели в Женеву, которая была центром протестантского экуменизма. Некоторые из делегатов Церковного собора 1938 г. находили в этой организации связь с масонством. К подобному выводу наталкивало уже и само название: предназначенное действовать в русской среде, движение подчеркнуто называло себя христианским, но отнюдь не православным. Как писал женевский протопресвитер о. Сергей Орлов, это объяснялось тем, что РТХД желало объединения всех «русских» христиан, независимо от их принадлежности к той или иной конфессии, и даже иноверцев, если они не выступают против нравственных христианских заповедей. Однако эти толкования с акцентом на русскую терпимость не удовлетворяли многих. В частности, в феврале 1937 г. по русским колониям в Югославии было широко распространено особое обращение Земунской колонии. В нем подвергались критике антинациональная позиция РТХД,

800 Там же. С. 29–30.

801 Чему свидетели мы были. Кн. 1. С. 342.

802 Русское трудовое христианское движение (РТХД) в Югославии. Белград, 1937.

для которого история России начиналась с Временного правительства, строительство возрожденного отечества – после победы над большевизмом – по западноевропейскому образцу, неправославный и даже в определенной степени нехристианский характер движения и пр.⁸⁰³

Но особой полемики не получилось. Для русских эмигрантов на том этапе, видимо, было важнее получить дополнительную страховку в своей жизни, нежели задаваться вопросами церковного характера, тем более что митрополит Анастасий, неприязненно встретивший появление РТХД, в дальнейшем смягчил свою позицию.

В сущности, вся церковно-общественная жизнь русской эмиграции в Югославии в предвоенный период может быть охарактеризована преобладанием в ней политического начала над духовным.

6 апреля 1941 г. немецкие самолеты бомбили югославскую столицу, хотя она была объявлена властями страны открытым городом.

Völkischer Beobachter. Kampfblatt der nationalsozialistischen Bewegung Grossdeutschlands (боевая газета националсоциалистического движения Великой Германии) вышла 7 апреля с заголовком: «Немецкие солдаты ответили предателям». Под «предателями» подразумевались народы Югославии и их правительство⁸⁰⁴.

Как вспоминал В. А. Маевский: «В перерыве, когда бомбардировка немного ослабела, я побежал в русскую церковь Св. Троицы <...> На кровле нашего храма было много веток и щепок, которые были заброшены от взрыва огромной бомбы, разорвавшейся неподалеку от алтаря, и пробившей осколками кровлю его <...> Подошло несколько богомольцев и протоиерей о. Иоанн Сокаль, которого мы стали просить начать воскресное богослужение, т. к. непосредственная опасность для храма устранена; дальнейшее спасение не в руках человеческих – и нам остается лишь молиться. Прибывший в это время митрополит Анастасий сказал, чтобы очередной священник начинал богослужение. Тогда о. Иоанн приступил к богослужению, а уже вскоре подошли о. о. игумен Аверкий, прот. Сергей Ноаров и прот. Георгий Флоровский – и четвером они отслужили божественную литургию. По окончании литургии митрополит облачился в мантию и вышел на молебен пред чудотворной иконой Курской Божьей Матери; затем он пожелал обойти с крестным ходом кругом храма. Но, когда все вышли с чудотворной иконой, была очередная волна немецкого налета: слышался грохот взрывов, жужжание и вой авионов и снарядов <...> На другой день было Благовещение и вечернее богослужение было назначено на 4 часа дня, чтобы закончить его засветло, ибо разрушение электростанции, водопровода и начавшаяся анархия в городе могли ночью только усиливаться <...> служили втроем о. о. И. Сокаль, С. Ноаров и Г. Флоровский; добровольными певцами управлял о. В. Неклюдов, а на

803 Маевский В. Русские в Югославии. С. 102–108.

804 Полчанинов Р. В. НТС в преддверии войны 1941–1945 // За свободную Россию. 2004. Июль. № 22 (42 и 42-4).

полиелей вышел митр[ополит] Анастасий. Во время всеобщей налеты и бомбардировки продолжались, но уже вдали от храма. Литургию на Благовещение совершали те же трое отцов протоиереев – Иоанн, Сергей и Владислав. А протоиерей о. Виталий Тарасьев, как и игумен о. Аверкий, совершали богослужения в других местах города: первый служил на Мокром Лугу (предместье Белграда), где скопилось много бежавших русских, второй – на кладбище (в Иверской часовне) и еще прот. о. Георгий Флоровский – в Русском Доме царя Николая II, где находились мужская и женская русские гимназии, в которых он состоял преподавателем. Следует отметить, что все русские священнослужители, – во главе со своим архипастырем и о. настоятелем храма, – проявили в эти дни незаурядное мужество и полную готовность служить ближнему самоотверженно и бескорыстно, ни на момент не забывая своего пастырского долга. Так же были совершены богослужения и в остальные дни шестой недели великого поста. Хотя систематическое разрушение города и было приостановлено, но налеты авианов и бросание бомб на отходящие через Белград части сербских войск и отдельные районы города еще продолжались. Пока, наконец, в Лазареву субботу город не был передан германским властям. Русское духовенство беспрепятственно продолжало совершать богослужение во все дни Страстной седмицы, как и на Пасху и в Светлую седмицу <...> В Великий Вторник из Земуна возвратился митр[ополит] Анастасий и совершал во все дни до светлого понедельника включительно уставные богослужения. Нужно добавить, что и в сербских храмах богослужения совершались доблестными пастырями и в двух храмах, – Вознесенском и Александро-Невском, – от разорвавшихся бомб погибло множество молящихся <...> Особенно трагический случай произошел в Вознесенской церкви. Бомбардировка началась во время литургии в переполненном храме. Часть народа вместе с священником и дьяконом побежали в убежище, находившееся тут же в ограде, – и все погибли после прямого попадания огромной бомбы, которая разорвалась в тот момент, когда люди только что наполнили убежище. Все же, кто остался в церкви, не пострадали, спаслись. В эти жуткие дни, когда рвались бомбы, разваливались дома и полыхали пожары, – многие русские, в поисках спасения, бросились на кладбище, которое было за городом. Искали спасения и защиты у Иверской иконы Богоматери и у гробницы блаж[енного] митрополита Антония. Там, – у Иверской часовни, где непрерывно совершались моления, и у памятника Русской Славы, среди могил дорогих и близких людей, – нашли тогда приют и успокоение многие русские люди»⁸⁰⁵.

Однако русские иерархи в эти трагические для Югославии дни вражеского нашествия заняли стороннюю позицию наблюдателей. Такое поведение можно объяснить только тем, что многие эмигранты в Гитлере продолжали видеть освободителя их родины. И их надежды, казалось, сбывались: 22 июня 1941 г. – в день памяти Всех святых в земле российской просиявших – Германия вновь напала на Россию.

805 *Маевский В.* Русские в Югославии. С. 260–263.

Антикоммунистические силы были убеждены, что каждый лишний день господства сталинской власти убивает душу русского народа, который без внешнего вмешательства – войны Германии с СССР, не сможет ликвидировать ненавистный режим. Они были убеждены также в том, что Гитлер без помощи самого русского народа не сможет одержать победу: от решения «русского вопроса» будут зависеть судьбы России и Германии. В этой ситуации, по их мнению, задача эмиграции сводилась к тому, чтобы находиться с русским народом и делать все для формирования российской национальной вооруженной силы⁸⁰⁶.

Сами возглавители Русской Православной Церкви За Границей не спешили выступать с широковещательными заявлениями. Известно, что митрополит Анастасий, несмотря на угрозу интернирования, не пожелал обратиться с воззванием к русскому народу о содействии немецкой армии, мотивируя свой отказ тем, что русским патриотам неизвестны цели и задачи немцев в России⁸⁰⁷.

Но сдержанная позиция владыки не означала некоей перемены в его взглядах на идеологию коммунизма. «Война эта, – писал Маевский, – мыслилась как борьба и ликвидация большевизма, а русский народ должен был пережить неслыханное испытание, как плату за разрушение своего исторического прошлого, за увлечение политическими и социальными фантазиями. В этом случае русская эмиграция оказалась в исключительно тяжелом положении. Она приветствовала бы разрушение советского Карфагена, но она переживала русское горе и русское разорение. В этой трагической обстановке, пред чудотворной иконой Курской Божией Матери в Троицкой церкви, митрополит Анастасий служил молебен всем святым о спасении России»⁸⁰⁸.

Какой России? – может и должен быть поставлен вопрос. Ответ только один – России без большевиков! Выступая в 1941 г. в Свято-Троицкой церкви с осуждением архиепископа Кентерберийского, призывавшего свою паству молиться о победе советского оружия, владыка Анастасий говорил: «Молиться о победе советской власти – значит просить Бога о торжестве и утверждении большевизма, уже 24 года воюющего против Бога, умертвившего десятки тысяч его верных служителей, осквернившего бесчисленное множество храмов и иных святынь в искони православной России, и причинившего другие неисчислимы страдания и бедствия русскому народу»⁸⁰⁹.

К этому времени относится и обращение «к русскому народу и русской эмиграции», подписанное представителями национально-консервативных кругов. Здесь назову только три фамилии: А. В. Ланин, редактор газеты «Партизан» – фактического органа Русского народного ополчения, возглавлявшегося М. Ф. Скородумовым, полковник В. М. Пронин, один из руководителей белградских скаутов, уже упоминавшийся Н. П. Рклицкий, редактор-издатель «Царского вестника». Авторы (11 человек) подчеркивали, что «германские

806 Цит. по: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны, 1941–1945 гг. Нью-Йорк, 1963. С. 13.

807 Православная Русь. 1985. № 8.

808 Маевский В. Русские в Югославии. С. 277–278.

809 Цит. по: Там же. С. 297.

вооруженные силы <...> объявили беспощадную войну не русскому народу и не России, а <...> коммунистическому интернационалу»⁸¹⁰.

12 сентября 1941 г. был сформирован Отдельный русский корпус, позднее получивший название Русской охранной группы, в ноябре 1942 г. – Русского охранного корпуса, в 1944 г. – Русского корпуса в Сербии, в конце 1944 г. – Русского корпуса, входившего в состав вермахта. Костяк корпуса составляли казаки, солдаты, офицеры, повоевавшие в рядах Врангелевской армии и осевшие в Югославии и Болгарии. Корпус в основном был занят охраной путей сообщения, рудников, мостов, туннелей от нападений партизан.

Как и в царской армии, в корпусе была своя церковь, освященная митрополитом Анастасием, и военные священники. Первым корпусным священником был назначен протоиерей Иоанн Гандурин. В полках исполняли свои обязанности о. Антоний Медведев, о. Владимир Ульянов, о. Борис Молчанов, о. Никон Рклицкий, о. Никодим Нечаев, о. Григорий Баранников, о. Владимир Могилев⁸¹¹. Там же был и Сергей Максимов, сын владыки Гермогена. Слушатель военных курсов генерала Головина и выпускник богословского факультета Белградского университета Борис Крицкий служил псаломщиком.

Оккупация, партизанская война с фашистами дорого обошлись русской эмиграции, которую многие сербы-коммунисты автоматически стали причислять к своим врагам. И немудрено, когда на здании бывшего русского посольства был помещен плакат – «Победа Германии – освобождение России», когда Гитлеру некоторые эмигранты направляли благодарственные телеграммы и заявляли: «Пришло наше время. Да здравствует Гитлер и мощная немецкая армия, с которой мы идем плечом к плечу в бескомпромиссной борьбе против наших смертельных врагов коммунистов»⁸¹².

Война кончалась. Близилось освобождение Белграда, чьи жители уже могли слышать раскаты советской артиллерии. Многие уезжали. Покинул страну владыка Анастасий, даже не известный о своем отъезде официальным актом Сербскую Патриархию. Отъезжали в иные страны многие пастыри.

Но были и те, кто оставался, не желая бросать свою паству.

Русская церковь в Югославии продолжала кормить своих стареющих пасомых, для которых храм, приход были прибежищем в трудные годы эмиграции. К осени 1944 г. в список штатного духовенства русской Свято-Троицкой церкви в Белграде входили: о. Иоанн Сокаль, о. Виталий Тарасьев, о. Владислав Неклюдов, о. Владимир Мошин, о. Антоний (Бартошевич), о. Иннокентий (Анисимов)⁸¹³.

810 Цит. по: Тимофеев А. Ю. Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // Славяноведение. 2006. № 4.

811 Русский корпус на Балканах. С. 39–280.

812 Лозо С. Од двоглавог орла до кукастог крста. Руска беломиграција у Југославији // Политика Експрес. Београд, 1976. 20 февр.

813 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 29.

Не захотели уезжать в иные страны, в «цивилизованные и законные» зоны и лагеря разделенной Европы и многие священники из других приходов. Русское духовенство, оставшееся в Югославии, выбирало свой путь.

В 1945 г. произошло воссоединение русских православных людей в Югославии с Московской Патриархией. В храме Святой Троицы был отслужен соответствующий молебен с окроплением церкви и всех прихожан святой водой⁸¹⁴.

Победа советского/русского оружия стала знаковой для русской эмиграции, для духовенства.

Но... в 1948 г. наступили тяжелые времена для всех тех, кто каким-либо образом был связан с Москвой.

Судьбы священства были различны – кого-то ждала депортация, кого-то – тюрьма, кого-то – смерть.

В 1949 г. о. Владислав Неклюдов писал профессору Л. Н. Парийскому, с которым познакомился, когда тот приезжал в Белград в составе церковной делегации в 1946 г.: «Вообще же здесь для русских вообще, а для сов[етских] граждан в особенности становится все тяжелее <...> В связи с резолюцией Коминформбюро (29 июня 1948 года газета “Правда” сообщила об исключении Компартии Югославии из состава созданного Кремлем Коминформбюро, координирующего деятельность национальных коммунистических партий, учрежденного Кремлем в 1947 году. Сталин рвал с Тито, который не желал «слушаться» Москвы. – В. К.) местные власти стали подозрительно смотреть на всех сов[етских] граждан, подозревая их в неблагонадежности и даже в шпионстве. Многих лишили службы, многих – пенсии и очень много арестованных совершенно невинных людей <...> 11 мая в Сараево арестован русский протоиерей, настоятель находящейся в ведении о. Иоанна Сокаля, как благочинного, русской церкви. Ему, кажется, пришла виза на выезд в СССР, и он, получив из посольства в Белграде вызов, пошел доставать разрешение. Теперь мы, как “иностранцы”, не можем передвигаться без специальных в каждом случае разрешений. Когда он, пополняя бланк, написал, что едет по вызову посольства СССР, это вызвало неудовольствие. Вечером к нему пришли, произвели тщательный обыск, взяли пишущую машинку, радиоприемник, фотоаппарат и... всю наличность церковной кассы, а также, конечно, и его самого и посадили в узилище, где он безвестно пребывает и по сей день. Имя его – о. Алексей Крыжко <...> Он писал мне, что больше всего боится, что в последнюю минуту, когда придет так жадно ожидаемая им виза, его засадят и поездка сорвется. По-видимому, так оно и случилось»⁸¹⁵. В итоге югославский народный суд приговорил о. Алексея за шпионскую деятельность к 11 годам заключения. Сидевший вместе с ним в тюрьме о. Владимир Родзянко в 1952 г. писал Патриарху Алексию I, что о. Алексей просил

814 Запись воспоминаний Тарасьева А. В. // Архив автора.

815 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 580. Л. 49.

всем передать следующее: «Скажите там, что все клевета и никогда я никаким шпионом не был, а только лишь хотел быть верным своей Церкви, пастве и родине»⁸¹⁶.

И еще одна жертва раздора Сталина с Тито – священник Владислав Неклюдов.

Он был арестован скорее всего летом 1949 г. по обвинению в намерении, по просьбе о. Алексея, обратиться в посольство СССР, которое могло бы ходатайствовать перед югославскими властями за невинно арестованных в Сараево. Как писал о. Иоанн Сокаль митрополиту Николаю (Ярушевичу), «эта просьба квалифицируется как шпионаж и за это подвергаются оба большой опасности»⁸¹⁷.

9 декабря о. Иоанн Сокаль сообщал митрополиту Крутицкому: «В ночь с 29 на 30 ноября погиб о. Владислав. Это случилось накануне суда над ним в Сараево, куда его и переслали из белградской тюрьмы <...> погиб исключительно благодаря своей честности и доверчивости. Понятно, что такого человека они и не допустили до суда. Он был храбрый, мужественный и бесстрашный; беззаветно любил Родину и преданным ей остался до конца. Его совесть была чиста, и потому он не боялся смерти»⁸¹⁸. (По другим данным он погиб в белградской тюрьме⁸¹⁹.)

Солидарного мнения об о. Владиславе был и о. Владимир Родзянко. Сообщая Патриарху Алексею I о гибели своего собрата, он писал: «Известны мне обстоятельства последних минут протоиерея о. Владислава Неклюдова. Он был поставлен в такое положение, что самое его появление на суде должно было бросить тень на Мать-Церковь Русскую и дать повод для вражды к ней Церкви Сербской. Он предпочел положить жизнь “за други своя” и без колебаний это сделал. “Самоубийством” было названо то, что церковь венчает венцом мученическим, потому что это не был акт отчаяния или безверия, но наоборот – сознательная жертва за церковь, веру и истину. Самых последних минут о. Владислава никто из его тюремных товарищей лично вообще не видел»⁸²⁰.

Другая судьба выпала на долю архимандрита Антония (Бартошевича), ждавшего разрешения на въезд в СССР. Нельзя сказать, что о. Иоанн Сокаль не хлопотал за него перед Московской Патриархией: сохранились его письма к Патриарху Алексею I и митрополиту Николаю. В июле 1948 г. он писал главе Русской Церкви, что архимандрит Антоний «будучи одиноким, без всяких средств к существованию <...> терпеливо ждет уже 4-й год какого-либо назначения. Не получая ответа на поданные два прошения, он приходит в отчаяние и думает, что его надежда возвратиться на родину никогда не осуществится. В борьбе за существование он может уйти от нас и озлобиться, и мы лишимся хорошего инок и даровитого человека. Молодого монаха очень не хотелось бы подвергать искушению приходской жизнью. Оставить его у нас тоже не следовало бы, так как реакция

816 Там же. Д. 991. Л. 4.

817 Там же. Д. 580. Л. 71.

818 Там же. Л. 75.

819 Там же. Д. 737. Л. 5.

820 Там же. Д. 991. Л. 4.

сочтет его отвергнутым со стороны Москвы и сразу же будет группироваться возле него, как недовольного и обиженного. Это внесло бы расстройство в нашу приходскую жизнь. Самое подходящее для него место – это монастырь, где он мог бы организовать живописную школу, быть полезным и духовно сохраниться»⁸²¹.

В ноябре того же года о. Иоанн информировал митрополита Николая, что Синод Сербской Православной Церкви уговаривает архимандрита Антония занять должность преподавателя в семинарии и дает ему две недели на раздумья. «Если от Вас, – подчеркивается далее в письме, – не последует никакого ответа, то он физически принужден будет согласиться на это предложение. Сербь и сейчас иронизируют над его терпением в течение стольких лет»⁸²².

Патриархия хранила молчание. В этой ситуации архимандрит Антоний решил вовсе покинуть Югославию, уехав в 1949 г. в Швейцарию. В произошедшем Московский Патриархат нельзя упрекнуть – право принятия решений принадлежало не ему, а прежде всего Совету по делам религий при Совете министров СССР.

Страну покидали многие. Небольшое примечание: если вместе с немецко-фашистскими войсками покинула страну треть русских эмигрантов, то в начале 1950-х годов из титовской Югославии выехали 4/5 из оставшихся еще русских людей. Причем 10% выбрали Восток, 90% – Запад⁸²³. Конечно, это не точные цифры, но, тем не менее, они дают общую картину происшедшего.

Уехал протодьякон Александр Качинский. На чемоданах жила семья о. Иоанна Сокаля – жена Мария Софроновна, дочь Нина, сын Анатолий. 14 июля 1948 г. в письме к Патриарху Алексию I он взывал о помощи: «В Белграде все знают, что я несколько лет прошу перевода <...> Если я не еду, то это объясняют тем, что я сам не хочу, так как нахожусь, что на родине живется плохо, хотя я другим советую, или вообще тут священники не нужны, или меня считают недостойным, что унижает меня с моральной стороны. Дети мои советские граждане (многие русские приняли советское гражданство по Указу Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. и 20 января 1946 г. – В. К.) и, при изменившихся политических условиях, как иностранцы, должны будут уйти со службы. Все это расстраивает нашу семейную жизнь и приводит к отчаянию <...> Еще раз умоляю Ваше Святейшество принять меня на любую должность и в какое угодно место, главное лишь бы в этом году»⁸²⁴. Сюда стоит добавить, что Анатолий (08. 04. 1917, Рылск – ?, СССР), сын отца Иоанна, воевал в партизанах, был врачом в III Пролетарской бригаде⁸²⁵.

Однако соответствующие органы не спешили давать «добро». 9 декабря 1949 г. последовал уже отчаянный вопль о помощи к митрополиту Николаю. «После Владислава,

821 Там же. Д. 422. Л. 91.

822 Там же. Д. 580. Л. 7– 8.

823 Запись воспоминаний Тарасьева А. В. // Архив автора.

824 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 422. Л. 89.

825 Гимназия в лицах. Кн. Вторая. С. 159.

– взывал о. Иоанн, – хотят погубить и меня; на днях вызывали дочь и сообщили, что нашу семью считают врагами югославского народа; это за все то доброе, которое мы оказали им, посвятивши лучшие годы нашей жизни, причем еще добавили, что нам здесь места нет. А когда мы сказали, что ждем визы, то на это представитель Мин[истерство] Внутр[енних Дел] – подполковник заявил: “Ее вы подождете в другом месте”. Положение очень тревожное и посему сердечно прошу принять все возможные меры к ускорению визы»⁸²⁶.

В конечном итоге это обращение возымело свое действие. Виза была получена, и в начале 1950 г. о. Иоанн Сокаль с семьей прибыл на родину, получив вскоре назначение ректором в Саратовскую духовную семинарию.

В этой ситуации все заботы о храме и пастве легли на плечи о. Виталия Тарасьева, а затем его сына Василия. Он родился в 1932 г. После войны закончил богословский факультет Белградского университета. Занимался о русских могилах на кладбищах Югославии. Как и его отец, он крестил, венчал, исповедовал и укреплял в вере. Я помню его, как вечно куда-то спешащего, озабоченного вереницей нескончаемых дел, которые при его безотказности только множились. Скончался в 1996 г. и похоронен рядом с отцом у северной стены храма Св. Троицы, своеобразным фундаментом которого стала русская земля, увезенная для памяти смертной и живой изгнанниками. Сейчас в церкви трудится уже третий представитель семьи Тарасьевых, окормляя свою православную паству.

Продолжая тему Церкви и ее служителей на балканских землях, необходимо остановиться на истории, связанной с Хорватской православной церковью. В 1941 г. на развалах королевской Югославии 10 апреля было создано, Независимое государство Хорватия (НГХ), сателлит Берлина. Его власти (глава – Анте Павелич), проводившую антисербскую политику, решительно взяли курс на искоренение всего, что могло трактоваться как связь с Сербией. Тому было множество причин. Назову несколько. Разность культуры, прежде всего веры, в которой возрастали сербский и хорватский народы. Можно говорить о восточном (сербы) и западном (хорваты) мирах, каждый из которых веками жил и развивался сообразно своим историческим реалиям, в корне отличными от своего соседа. Вражду между этими народами «подогревали» и религиозная нетерпимость и национализм. Немалую роль сыграла и первая мировая война, в которой сербы и хорваты сражались в разных лагерях, и последующее подчинение Хорватии сербскому Белграду, ставшему столицей нового Королевства с сербской династией Карагеоргиевичей. В этих условиях подчинение хорватов сербам могло восприниматься как временное. Общественно-политическую жизнь в межвоенной Хорватии пронизывало стремление добиться самостоятельности от Белграда и разгром Германией королевской Югославии в 1941 г. воспринимался в Хорватии как знак высвобождения из-под ненавистной сербской власти.

Одной из первых мер, принятых в Загребе, стало запрещение деятельности Сербской православной церкви и ее служителей на территории НГХ, сопровождавшееся, нередко

826 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 580. Л. 76.

арестом попов, закрытием храмов и арестом всего церковного имущества. Случались и страшные дела. В стране действовал жуткий лагерь Ясеновац, где были замучено множество сербов. Гибли и русские священники.

К 1942 г. была реанимирована старая идея о создании так называемой «Хорватской православной церкви» (ХПЦ), которая пульсировала в хорватских умах еще в 19 веке для уничтожения сербского имени на подвластных территориях. Да и в начале 20 столетия мысль о формировании отдельной православной церкви для Хорватии продолжала жить⁸²⁷.

3 апреля 1942 г. после обсуждений во властных структурах и подключения к делу новооснованного комитета православных представителей Павелич издал распоряжение, имевшее силу закона, об основании Хорватской православной церкви, имевшей статус патриархии с центром в Загребе. Теперь оставалось найти кандидата, который бы дал согласие возглавить новую церковь.

О том, чтобы назначить серба во главе церкви в Хорватии не могло идти и речи, поэтому было решено привлечь русских иерархов, возраст которых позволял надеяться, что с ними не будет больших проблем.

Первым кандидатом стал архиепископ Гермоген, который к 1941 г. обрелся в расположенном на территории НДХ в Хоповском женском монастыре, в котором в свое время нашли пристанище русские монахини из Леснинской обители.

Казалось, что бушевавшая в Европе война не нарушит мирное житие владыки, перешагнувшего восьмидесятилетний рубеж, и Гермоген так и останется в истории как один из иерархов, незаметно окончивших свои дни в изгнании. Но именно в это грозное время его востребовало время, власти и долг.

На допросе от 26 мая 1945 г. Гермоген показал: «В начале весны 1942 г. ко мне в монастырь Хопово приехал Милош Оберкнежевич с предложением от Павелича, чтобы я и епископ Феофан (Гаврилов – В. К.) учредили и организовали новую православную хорватскую церковь. Он тогда сказал, что в Хорватии имеется два миллиона православных, но нет священников, поэтому было бы нужным самим заняться организацией церкви и назначением священников, так как без священников нет ни крещения детей, ни венчания, ни похорон. Мы двое согласились принять сделанное предложение. После нашего согласия Милош Оберкнежевич отбыл в Загреб докладывать Павеличу. В мае того же года он вновь вернулся в Хопово и предложил мне стать во главе всей Хорватской православной церкви с титулом митрополита. Епископу Феофану было предложено принять пост сараевского епископа, но он отказался от этого предложения из-за того, что рефлексировал, что я буду глава православной церкви в Хорватии <...> После прибытия в Загреб меня принял Павелич. Он мне сказал, что я назначен главой Хорватской православной церкви, и чтобы я как можно скорее занялся ее организацией <...> 7 июня произошло мое торжественное поставление в митрополиты, которое происходило в Преображенской церкви. Там при-

827 *Krišto J. Sukob simbola Politika vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb. 2001. S. 247.*

существовали священники, участвовавшие в богослужении: Евгений Ержемский, иеромонах Платон, Серафим Купчевский, иеромонах Вениамин Романов, Йоцо Цвиянович, Васо Шурлан, из Земуна был приглашен протодиакон Алексей Борисов. На чине поставления присутствовали Павелич и министры. Перед богослужением мне был прочитан декрет <...> которым я ставился митрополитом Хорватской православной церкви»⁸²⁸. Гермоген подчеркивал на следствии, что если бы он не согласился, то Павелич поставил бы епископа из Болгарии или Румынии, добавляя, что епископ молдавский Виссарион соглашался стать патриархом православной церкви в НГХ⁸²⁹.

Возвращаясь к «истокам» темы, возникает вопрос, чем вызвано было все же принятие предложения властей НГХ встать во главе формируемой ХПЦ? Одно из наиболее вероятных объяснений предоставил М. Оберкнежевич: «Выбор преос. Гермогена некоторые критикуют из-за его глубокой старости и из-за его русского происхождения, и пишут о его “вытаскивании из монастыря Хопово”. Во первых, преос. Гермоген жил монашеской жизнью и уже поэтому далеко не был честолюбив, а его высокие духовные и моральные качества были хорошо известны. Поэтому его согласие на высший иерархический сан в Хорватской православной церкви для него была жертва. Согласился он на сделанное предложение только из религиозных и гуманных причин. Знал, что, вероятно, по своим преклонным годам не доживет до чести поставления в патриархи, и что она логично должна пасть на его сына. Его русское происхождение служило компромиссом. Православные священники, хорвато-православные, были малочисленны и выбор среди них был весьма ограничен. На другой стороне сербы, занимающие высокие церковные посты, должны были переболеть травму, вызванную созданием нового государства и новой ситуацией, в то время как молодые, которые быстро приспосаблились к новым обстоятельствам, не подходили по очевидным причинам их молодости и недостатка опыта»⁸³⁰.

Урегулировать канонические вопросы с законностью ХПЦ владыка Гермоген, вероятно, надеялся с помощью властей НГХ, да и на само время. Сделавший первый шаг, Гермоген был готов сделать и второй. Представитель начальника главного управления имперской безопасности Р. Гейдриха в Загребе штурмбанфюрер Х. Хелм писал от 9 июня 1942 г. в Берлин, что Гермоген согласен принять пост патриарха новой церкви даже против согласия главы РПЦЗ митрополита Анастасия⁸³¹.

По уставу ХПЦ Гермоген должен был быть в сане патриарха. Этого хотел и сам Павелич. Сам владыка на допросе от 20 июня 1945 г. говорил, что решил отказаться от

828 Хорватский государственный архив (Далее – HDA). Republički sekretarijat za unutrašnje poslove službe bezbednosti. (Далее – RSUP SDB). F. 1561. kutija. 002. №. 7. L. 39.

829 HDA. RSUP SDB. L. 42.

830 *Oberknežević M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj i Hrvatska pravoslavna crkva, München-Barcelona, 1979. posebni otisak iz „Hrvatske revije» God. XXIX, sv. 2 [114]. S. 254.*

831 HDA, RSUP SDB. F. 1561. kutija 002. №. 7. L.161–162.

сделанного предложения, так как, повторю, по церковным канонам для этого нужно было согласие вселенского патриарха в Царьграде, связи с которым не было в Загребе⁸³².

Тем не менее, много позднее, 6 мая 1945 г. Гермоген, без испрошения Патриарха, был поставлен хорватскими властями в Патриарха⁸³³. Расценивать это «действие» после взятия Берлина можно только помня известную поговорку – «после нас хоть потоп». Да и сам владыка здесь ничего не мог сделать и пойти против власти.

Сам владыка на допросе утверждал следующее: «как входящий в Русскую церковь я не запросил благословения сербской церкви, а благословение русской церкви не мог запрашивать, формально из-за войны. Но я не обошел мои церковные власти, я попросил благословения русского московского патриарха Сергия через русского священника из окрестностей Вены Михаила Виноградова, близкого знакомого московского патриарха Сергия, который меня известил, что мне этот патриарх дает свое согласие и могу <...> принять место митрополита хорватского, а русская заграничная церковь мне не могла дать благословение»⁸³⁴.

В своих дальнейших показаниях, в частности от 20 июня 1945 г. Гермоген говорил несколько иначе: «Русский патриарший синод запретил священнодействие председателю синода русской православной церкви в эмиграции архиепископу Анастасию и поэтому я не хотел признавать его власть надо мною, а равно и власть русского эмигрантского синода <...> Поэтому я, как только представился случай, оставил русскую эмигрантскую церковь и перешел в хорватскую православную церковь»⁸³⁵.

Разумеется, иерархи РПЦЗ, много лет пользовавшиеся гостеприимством Сербской церкви, не могли дать своего благословения позорному поступку митрополита Гермогена. Соседние церкви-сестры – болгарская и румынская – также не предоставили прямых официальных бумаг, свидетельствующих о признании ХПЦ.

Относительно позиции Белграда имеется лишь крайне сомнительное утверждение о том, что якобы Патриарх Гаврило, находившийся в заточении, дал свое согласие на выбор Гермогена, но был настроен против провозглашения его патриархом⁸³⁶.

Возвращаясь к информации о московском благословении, можно предположить, что владыка вводил в заблуждение следствие о получении благословения из Москвы. Это очевидно уже по тому, что о нем нет ни слова в показаниях на следствии ближайших подельников Гермогена.

Однако вопрос о каноничности мало беспокоил хорватские власти, да и самого Гермогена, повторяю, находившегося под контролем государства. Сам глава ХПЦ подчеркивал на следствии, что все распоряжения властей НГХ он выполнял и приказывал

832 Там же. Л. 45–46.

833 Там же. Л. 70.

834 Там же. Л. 29.

835 Там же. Л. 46.

836 *Krišto J.* Указ. соч. С. 254.

подчиненным проводить их в жизнь. Равно как и «хорватская православная церковь во всем покорялась приказам и пожеланиям власти»⁸³⁷. В частности, владыка под угрозой лагеря должен был подписать от имени священства и верующих уже подготовленный в печать протест против выбора московского патриарха Алексия⁸³⁸.

Началось строительство церкви. Митрополитом были разсланы приглашения всем православным священникам на территории НГХ переходить в Хорватскую православную церковь. Примерно за год поступило около 80 прошений, на основании которых Гермоген производил назначения на запрашиваемые приходы⁸³⁹, но с «соизволения» министерства правосудия и вероисповедания, которое также обладало этим правом. Добавлю, что эта властная институция обладала самым главным – правом контроля над ХПЦ и широкими правами, зафиксированными в уставе самой церкви.

В 1942 г. в ХПЦ было 70 священников. Среди них немало было с русскими фамилиями. Например, Владимир Соколов, Василий Добронравов, Василий Юрченко, Николай Семченко, Дмитрий Мрихин, Вениамин Павловский, Павле Козарский, Дмитрий Извольский, Михаил Милоградский, Серафим Купчевский Лукиан (Андриевский), Анатолий Парадиев, Александр Волковский, Платон (Бондарь), Диомид Кащенко, Евгений Погорецкий, Николай (Руженцов), Иван Мрачковский, Сергей Селивановский, Всеволод Хорват, Андрей Семилуцкий, Алексей Крыжко, Нестор Бребаков, Кесарий Коченко, Никанор Калик, Михаил Песоцкий.⁸⁴⁰ Пережить путём отречения пытались многие духовные лица.

Позволю представить ряд документов на эту тему.

О монастыре Хопово МИД 3 сентября 1941 г. сообщал в МВД о получении следующего письма от представителя русской эмиграции в НГХ: «В монастыре Хопово близ Ирига находится уже почти 20 лет русские монахини с 2-мя священниками, поэтому этот монастырь совсем русский.

28 этого месяца (августа 1941 г. – В. К.) прибыли в наш монастырь один чиновник <...> и два полицейских, которые по приказу из Загреба опечатали монастырскую церковь, лишив возможности совершать службу Божию.

Сестры монахини попросили представителей власти разрешить им взять из церкви русскую икону, которую принесли с собою из России и разные другие предметы, принадлежавшие монахиням, но упомянутый чиновник и полицейские грубо себя вели с монахинями и настоятельницей, пихали их и угрожали <...>

837 Там же. С. 42.

838 Там же. С. 44.

839 Там же. С. 40.

840 *Джурић В.* Усташе и православље Хрватска православна црква, Белград, 1989. С. 87.

Представительство русской эмиграции в НГХ просит о защите этого русского монастыря в Хопово и об открытии церкви, чтобы дать монахиням там свободно вести службу Божию»⁸⁴¹.

15 сентября 1941 г. местные власти Ирига доносили в МВД, что на основе приказа вышестоящих властей от 9 августа 1941 г.: «... началось закрытие всех грековосточных церквей, поэтому и была закрыта грековосточная церковь в монастыре Хопово <...> Остальным русским монахиням, которые находились в других монастырях, определено собраться в монастыре Хопово, и ждать дальнейшего распоряжения всем вместе. 28 августа 1941 г. было позволено проведение службы Божией в монастыре Хопово до того времени, пока не будет прислано окончательное постановление»⁸⁴².

19 сентября 1941 г. МВД сообщило Государственной дирекции обновления, что «... со стороны министерства нет никаких препятствий для того, чтобы открыть церковь и разрешить проведение службы Божией только для русских монахинь и русских беженцев»⁸⁴³.

В итоге в Загребе 22 сентября 1941 г. было принято решение о том, чтобы позволить «открытие указанной церкви <...> только для русских эмигрантов ради особых отношений между Независимым государством Хорватией и русской национальной эмиграцией»⁸⁴⁴.

30 сентября 1942 г. Министерство правосудия и вероисповедания информировало Усташскую надзорную службу: «В бывшем православном монастыре Хопово (Срем) живут и кормятся многочисленные русские монахини <...> Министерство здоровья, которое желает сделать из этого монастыря санаторий не могло до настоящего времени приступить к необходимым работам из-за присутствия монахинь. Они занимают большую часть здания <...> До настоящего времени попытка по переселению монахинь в другое место не удалась. Поэтому не оставалось ничего другого как переселить их в Сербию... Переселение упомянутых монахинь рекомендуется и по другим причинам. Правительство Хорватии основало Хорватскую Православную церковь, во главе которой находится митрополит Гермоген, который также до своего назначения был в Хопово. Монахи и монахини по точной информации не признают Хорватскую православную церковь, не признают митрополита Гермогена <...> Будучи непримиримыми противницами всего хорватского, то они и сами хотят отбыть в Сербию, этого желают и несколько монахов, находящихся в Хопово. Они признают Сербскую патриархию в Белграде и хотят идти под ее юрисдикцию <...> Поэтом просим выдать пропуска для всех монахинь в Белград, так и для монахов из Хопова для переселения в Сербию»⁸⁴⁵. Известно, что хоповские монашествующие, после пожара и нападений партизан, смогли покинуть свою обитель и перебраться в Белград. После освобождения сербской столицы они пошли под начало Московской Патриархии,

841 HDA, fond 1076-2-2, № 15038.

842 Там же.

843 Там же.

844 Там же.

845 HDA-218, В-10604.-2. 10. 1942. kut. 56. (Коллекция Т. В. Рыбкиной)

однако, в конечном итоге, были вынуждены, не дождавшись разрешения на переезд в Россию, уехали во Францию⁸⁴⁶.

В Хорватской Православной Церкви был и «свой» монастырь – женская обитель Св. Петки в Загребе. Монастырь был основан в 1935 г. митрополитом Сербской Православной Церкви Доситеем. Среди сестер были и русские: игуменья Таисия (Прокопюк), монахини Леонида (Иванова) и Евдокия, фамилии которой не сохранила история. После резни сербов на Козаре, уцелевшие тысячи детей были размещены в страшных детских лагерях, откуда в монастырь попали семь сербских девочек (Даринка Боровац, Джурджица Крњак, Йованка Крњак, Зора Наранчич, Видосава Секулич, Анкица Станкович, Йованка Тадич). Благодаря заботе сестер обители они пережили войну. Перед ними открывалась новая жизнь. Совсем другая судьба ждала русских обительниц монастыря. Приведу только два приговора Окружного суда града Загреба. Таисия (Прокопюк) (12. 01. 1875 – ?) осуждена на шесть лет принудительных работ и лишения гражданских и политических прав на 10 лет за предоставление укрытия усташскому епископу Спиридону (Мифке) и его подельникам. Леонида (Иванова) приговорена к 20 годам принудительных работ и к 10 годам лишения гражданских и политических прав за сотрудничество с оккупантами и усташами и сокрытия от властей упомянутого Спиридона (Мифки). Сам монастырь, прежде всего икона Св. Петки, также пострадал после прихода новых властей. Образа поломаны, обитель разграблена. Вначале в ней разместились Народная милиция, а весь монастырский комплекс служил стрельбищем. Только в 1955 г. монастырь был возвращен Сербской Православной Церкви. Потом, в 1958 г. последовал закон о национализации. В 1962 г. митрополит Дамаскин (Грданички) начал борьбу за возвращение монастырского здания и его имущества. В 1968 г. было приступлено к обновлению здания монастыря и часовни. Стоит добавить, что материальные средства для этой цели, прежде всего, были получены, благодаря верующим русским женщинам, продавшим свои фамильные драгоценности.

Причем иконостас, по сведениям самого лучшего знатока русской эмиграции в Югославии Алексея Борисовича Арсеньева, был выполнен Еленой Вандровской, сами иконы расписаны в стиле старой русской иконографии. Здесь только стоит добавить, что в 1941–1945 гг., благодаря тому, что в обители жили русские монахини, его называли «Русский женский монастырь Св. Петки», размещенного в здании, принадлежавшем греко-восточной церковной общине в Загребе⁸⁴⁷.

Именно переселение в Сербию стало для многих – сербов и русских – спасением жизни. Представленным «пропуском» воспользовался ряд пастырей, одним из которых стал протоиерей Иван Щербак (1879 г., Чернигов – ?), служивший в Хорватской Капеле. 7 сентября 1941 г. он подал просьбу к властям о выдаче ему и жене разрешения на выезд из Хорватии и вывоз имущества. В ней он указывал, что 4 июля 1941 г. они были арестованы

846 Косик В. И. Русская церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). М., 2000. С. 158, 159, 160, 161.

847 Сведения сообщены автору Т. В. Пушкадия-Рыбкиной.

и интернированы в лагерь Цапраг близ Сиска вместе с другими сербскими священниками, «но как русские эмигранты были отпущены на свободу». Священник подчеркивал, что вместе с возвращенной свободой не была возвращена возможность служить в церкви и тем самым содержать себя и жену. «Наша свобода, – добавлял он – превратилась в самое тяжелое наказание голодной жизнью <...> Будучи пожилыми и без каких-либо средств к существованию и без возможности что-либо заработать здесь в Независимом государстве Хорватии, мы вынуждены уехать к своей родной дочери в Крушевац, чтобы у нее жить и кормиться. Мы совсем бедняки и ничего не имеем кроме нашего бедного движимого имущества, и поэтому еще раз самым учтивым образом просим удовлетворить нашу просьбу, и выдать разрешение на перевоз». После полученного вначале особого разрешения от немецкого посольства в Загребе, хорватские власти позволили о. Ивану Щербаку выехать к дочери⁸⁴⁸. (Для вселения из Сербии в Хорватию требовалась рекомендация «Хорватского клуба-канцелярии для отъезжающих» в Белграде, который просьбу направлял в Загреб, а также и разрешение Feldkommandature в Белграде.)

Предательство веры ради спасения жизни было и более открытым. Только одна сжатая биография. Шамульский Павел Ильич (1900–?) священник, мать – Мария Лопаянко. Женился на Анастасии Димопуло. 24. сентября 1922 в Земуне рукоположен во диакона, тремя днями позже его рукоположил в священника митрополит Антоний в Сремских Карловцах. Служил в сербской церкви в Бастаима в Славонии, потом в Пргомелье, а потом в Болч. Окормлял верующих (около 1000 в этом крае) во время партизанской власти в этом крае. В католичество перешел 13 сентября 1941 г.⁸⁴⁹

Повторяю, судьбы были различны. Протоиерей Михаил Готовский (1881–1942) священник в Требинье осенью 1941 г. убежал в Сербию, потом вернулся в Хорватию. В Сочельник 1942 г. был арестован, и на следующий день – Рождество – расстрелян⁸⁵⁰.

Княжев Иван Т. (1878–1941) священник в зворничко-тузланской епархии в зовичском приходе. Убит на втором километре от Зовика из винтовки усташем Рашидом Ужичаниным⁸⁵¹.

В этой ситуации деятельность самого митрополита заключалась в принятии решений о назначении священников с согласия министерства правосудия и вероисповедания да в ходатайствах о своих пасомых перед властями. С осени 1942 г. священники начали преподавать Закон Божий в ряде хорватских школ. С апреля 1944 г. был налажен выпуск газеты «Глас православия». Шло восстановление закрытых и порушенных частично церквей⁸⁵².

848 HDA, 1076, Ponova, № док. 19560, kut. 495.

849 HAD-218, В HAD-218, В-6123 – 28 нояб. 1941, kut. 19.; 6123 – 28 нояб. 1941, kut. 19.; *Bunjevac Stjepan* Izvorni dokumenti OZNE o biskupu dr. Janku Šimraku I «prekrštavanju» Srba u NDH. Nastavak 8. Glas Koncila br. 24/05, str. 25.

850 Spomenica pravoslavnih sveštenika 1941–1945 Beograd. 1960. S. 59.

851 Там же. S. 86.

852 Там же.

Подчеркну, что некоторые материалы в газете были связаны с освещением положения церковных дел в СССР, как например, с кончиной Патриарха Сергия и его преемником Патриархом Алексием I⁸⁵³. Весьма содержательным был очерк о Патриархе Сергии. Там обрисовывались основные этапы жизни гонимой Русской Церкви. Представлены наиболее значительные события в ее истории во время власти большевиков. Приводились некоторые цифры потерь Церкви – около 300 000 убитых церковнослужителей, примерно 70 000 разрушенных храмов⁸⁵⁴. Помещались и другие материалы, например, связанные с Украинской автокефальной православной церковью и посланием ее епископского Синода от 25 марта 1944 г., с визитом украинских епископов к Хансу Франку, генерал-губернатору Польши⁸⁵⁵. Встречались небольшие заметки, посвященные конференции православных епископов «восточного пространства» в Риге в апреле 1944 г.⁸⁵⁶, или обстоятельствах гибели 29 апреля 1944 г. митрополита Сергия (Воскресенского)⁸⁵⁷.

Начали печататься книжки молитв, в которых не упоминались ни усталство, ни коммунизм, ни антикоммунизм. Однако в целях ликвидации сербского духа тексты печатались на латинице⁸⁵⁸. Если говорить об отношении священства к самому Гермогену, то одна его часть была предана своему возглавителю, другая – настроено против него, как русского по национальности⁸⁵⁹.

Само отношение православного населения к ХПЦ и ее возглавителю, было, я бы сказал, индифферентным, даже опасливым, уже по той причине, что развернувшееся в стране партизанское движение (и сторонники Йосипа Тито и сторонники Драже Михайловича) считало новую церковь своим неприятелем, поддерживавшим усташский режим.

Х. Хелм, отмечал, что владыка Гермоген не может укрепиться среди верующих по трем причинам. Первая, непризнание его со стороны Сербского патриарха. Вторая, отношение сербов в Хорватии к его поставлению. Гермоген русский. Сербь хотели и желают видеть митрополитом серба. Многие священники не хотят сотрудничать с ним, выполнять его распоряжения. Третья, католическая церковь⁸⁶⁰.

К этому добавлю, что партизаны в Боснии и Герцеговины в своем письме к владыке обещали ему, еще в 1943 г. как «изменнику и предателю сербов» народный суд, когда они придут в Загреб⁸⁶¹. 8 мая Загреб был взят частями Югославской Народной армии, а сам Гермоген был арестован. Престарелый владыка усташской ХПЦ слабо ориентировался к

853 Novi sovjetski patrijarh // Glas pravoslavljja. № 7/8. 1 kolovoza 1944 g.; N.P. Sovjetski patrijarh Sergij // Glas pravoslavljja. № 4/6. 16 lipnja 1944 g.

854 N.P. Sovjetski patrijarh Sergij // Glas pravoslavljja. № 4/6. 16 lipnja 1944 g.

855 Poslanica ukrajinskih episkopa // Glas pravoslavljja. № 4/5. 15 lipnja 1944 g.

856 Konferencija pravoslavnih episkopa u Rigi // Glas pravoslavljja. № 7/8. 1 kolovoza 1944 g.

857 Litvanski mitropolit Sergije // Glas pravoslavljja. № 4/6. 16 lipnja 1944 g..

859 Požar P. Hrvatska pravoslavna crkva u prošlosti I budućnosti. Zagreb. 1996.S. 316.

859 HDA, RSUP SDB. F. 1561. kutija 002. №. 7. L. 96.

860 Там же. L. 103, 104.

861 Там же. L. 114.

окружавших его реалиях. На допросе от 26 мая 1945 г. Гермоген показал, что он мог бы покинуть Загреб: ему предоставлялась, машина, которая должна была доставить его к поезду. Однако он «решился остаться, так как не чувствовал себя виноватым»⁸⁶².

Для сербов и партизан Гермоген был несомненно виновен. Отделение защиты народа – ОЗНА от 25 июня 1945 г. обратилось в Военный суд в Загребе о проведении суда над Максимовым Гермогеном и рядом деятелей ХПЦ, которые, как говорилось в обвинении, «несут ответственность за всю антинародную деятельность усташской православной церкви и за все услуги, которые та церковь оказывала усташскому движению»⁸⁶³.

29 июня 1945 Военный суд Загреба вынес приговор 58 обвиняемым, из которых 43 приговорены к расстрелу, 6 – к повешению, 9 – к срокам заключения. Весь приговор занимал неполных 18 страниц. Там были, в основном, священнослужители Гермоген (Максимов), патриарх ХПЦ, Мрихин Димитрий, Купчевский Серафим, Борисов Алексей⁸⁶⁴, которые с рядом другими были приговорены к высшей мере наказания. Где захоронены глава Хорватской православной церкви владыка Гермоген и его сподвижники неизвестно, но на одном из кладбищ Загреба, а именно, Мирошевце, есть кенотаф.

В целом, тема русского православия на Балканах остается и по сей день одной из самых сложных.

В Сербии русское духовенство делало все для своей паствы, весьма «разнокалиберной» по своему отношению к некоторым вопросам политики, прежде всего к монархии и к своим иерархам. В Сербии она находилась под благословенным покровительством властей, а в католической Хорватии православных преследовали и уничтожали. Если в Сербии церковно-общественная жизнь можно и нужно назвать богатой, то в Хорватии существовала искусственно созданная симуляция, что нетрудно объяснялось самой политикой Загреба и послушных ей церковнослужителей. Замечу, что после войны русские православные приходы вошли в юрисдикцию Московской патриархии.

Создание ХПЦ было прямым следствием стратегии националистов, стремившихся уничтожить сербов, подчинить себе их души, заставить сменить веру, отказаться от сербского имени. Это была тяжелая судьба православных жителей в государстве фанатичных католиков. От жизни православных собратьев часто была неотделима и судьба русского священства, жестоко страдавшего и в НГХ и в новой Югославии.

Завершая эти строки, могу подчеркнуть, что служба Богу шла, мешали, как часто бывает сами люди, ищущие с одной стороны «закона и благодати», с другой – своего закона и благодати.

862 Там же. Л. 43.

863 Там же. Л. 51.

864 Косик В. И. Хорватская православная церковь (от организации до ликвидации) (1942–1945) Взгляд из XXI века М., 2012. С. 109–110.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ: СУДЬБЫ И КРАСКИ

Одно из первых упоминаний о русских изографах на Балканах относится к началу XVIII столетия. Вполне возможно, что их трудами изукрашивались православные храмы в далеких славянских землях и в более раннее время, однако для этого необходимы фундаментальные исследования, затрудненные уже тем, что в своем большинстве средневековые монастыри и церкви горели, перестраивались, разрушались.

Практически их первоначальное убранство, я имею в виду здесь живопись, невозможно установить – краски горят быстрее всего. Но все же история сохранила для нас имена Ивана Максимова, Леонтия Стефанова, Тихона Иванова, Спиридона Григорьева: иконы, написанные ими, подарил Петр I знаменитому монастырю Раковица за помощь, оказанную его схиигуменом Григорием при заключении в 1699 г. Карловацкого мира⁸⁶⁵.

Мощное появление России на балканском горизонте, укрепление имени ее среди православных народов обычно связываются с чисто политическими делами. Однако в сложнейшем процессе взаимодействия славянских стран свою роль играло искусство в его религиозных формах и проявлениях. Распространение в России стиля барокко в различных областях и сферах художественного творчества⁸⁶⁶ повлекло за собой его появление на Балканах, что просматривается в декоративной пластике храмов, алтарей, внутреннего убранства православных церквей на территории Австрии и Венгрии⁸⁶⁷.

Особенно заметна связь с церковным искусством на Украине, в частности в композиции иконостасов. Безусловно, эта зависимость, сходство обусловлено как учением балканских изографов в России, так и деятельностью их российских собратьев по цеху в славянских землях.

В первом случае, можно назвать имя Дмитрия Бачевича, чье творчество пронизано русским церковным барокко в сербском варианте. По некоторым данным, он был ученик Васы Остоича, художника из Нови-Сада. Возможно, что Бачевич учился в России или у кого-то из русских живописцев, находившихся в Австрии. Известны многие из созданных им иконостасов. Например, иконостас в церкви св. Николая в Земуне (без престольных икон) (1762 г.), написанный вместе с Дмитрием Поповичем; иконостас в церкви в с. Крушедоле (1763 г.) и иконостас в монастыре Беочин (без престольных икон) (1765 г.), созданный в содружестве с Теодором Крачуном; иконостасы в церкви в с. Сарваш близ Осиека (1766 г.) и в Верхней церкви в Сремских Карловцах (1769 г.). Среди созданных им икон известны: св. Иоанна Предтечи (1763 г.) в монастыре Ковиль, свв. Кирика и Иулиты (1766 г.) в

865 Васић П. Црквена уметност код срба у XVIII и XIX веку // Српска Православна Црква 1219–1969. Спо-меница о 750-годишњици аутокефалности. Београд, 1969. С. 339.

866 Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко. М., 1991.

867 Васић П. Указ. соч. С. 338.

монастыре Бешеново, глава Спасителя (находится в Народном музее Белграда)⁸⁶⁸. Приведу еще имя монаха Рафаила (Георгий Момчилович). Во второй половине XIX в. митрополит Михаил, известный русофил, послал его после окончания двухлетней стажировки в Риме на четыре года в Москву для усовершенствования в иконописи, живописи. Мастерство этого талантливого изографа проявилось в сработанных им иконостасах в таких крупных монастырях, как Донья Ковиль, Раковица, в церкви Ружице в Белграде⁸⁶⁹.

Во втором случае речь пойдет о киевском иконописце «племенитом господине Йове Васильевиће», а по-русски – Иване Васильевиче, дворцовом художнике карловацкого Патриарха Арсения IV. По мнению сербского исследователя Павла Васича престольные иконы в монастыре Крушедол (1744 г.), монастыре Боджани (1747 г.) и, возможно, стенопись в содружестве с Васо Остоичем в притворе Крушедольского монастыря принадлежат кисти русского художника. Фигуры сербских правителей на этих фресках изображены в торжественных одеяниях, имеющих много общего с русской царской одеждой. Композиция портретов напоминает соответствующие фрески Ипатьевского монастыря⁸⁷⁰.

В сущности, о наших мастерах известно не так много, гораздо больше об иконах, церковной утвари, подаренных русскими монастырям и церквам. Так, в 1869 г. московские граждане пожертвовали «в ознаменование дня тысячелетней памяти св. Кирилла, просветителя славянских народов <...> утварь, ризницу, иконы и богослужебные книги для православных церквей в Боснии и 4 иконы в киотах и драгоценных ризах»⁸⁷¹.

Безусловно, помощь православному населению в Боснии могла быть разнообразнее. Однако пребывание там русских изографов было сопряжено с опасностью для их жизни, поэтому из России предпочитали дарить необходимую церковную утварь, иконы и пр. Посещение автором этих строк церковных музеев, как, например, в Цетиньском монастыре, наглядно подтверждает традиционный тезис о не прекращавшемся на протяжении столетий процессе дарения различной церковной утвари, ценнейших икон балканским единоверцам.

Казалось, события начала XX века надолго отодвинут на периферию тему русского церковного искусства на Балканах. Однако история показала свой «норов».

Сербская Православная Церковь, чьи храмы сильно пострадали от вереницы войн, от «зуба времени», после революций в начале XX столетия, испытывала настоятельную необходимость в изографах, способных восстановить утраченное сокровище. Своих мастеров явно не хватало: храмов, требовавших реставрации, было гораздо больше.

И тут, если уместно употребить словечко «кстати», появилась возможность привлечь русских, даже не имевших соответствующего образования, но умевших, грубо говоря, держать кисть в руках. Ценился не диплом, а мастерство.

868 Там же. С. 341.

869 Мирковић Л., Здравковић И. Манастир Бођани. Београд. 1952. С.78–79.

870 Васић П. Црквена уметност код срба у XVIII и XIX веку. С. 340.

871 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875. Документы. М., 1988. С.161–162.

Так, с русским храмом св. Троицы связано и имя замечательного изографа Пимена Максимовича Софронова (1898–1973). Его судьба примечательна и удивительна. Он был настолько талантливым учеником старообрядца Гавриила Ефимовича Фролова, что вскоре они стали вместе создавать иконы, расписывать и реставрировать церкви. Потом пришла самостоятельная работа, своя мастерская и ученики в Риге, куда был приглашен староверческим кружком «Ревнителей старины». Выезжал в Бельгию, Францию, Чехословакию, где преподавал, организовывал курсы древнерусской живописи, реставрировал иконы⁸⁷².

В 1934 г. приехал в Югославию, где его имя, как впрочем, и во многих странах мира, знают и уважают. «Софронов, – как отмечал один из ценителей его творчества, – стал как бы посредником между религиозной живописью России, Сербии, Болгарии. Он как бы скрещивал многовековые традиции религиозного искусства этих народов, поставив себе целью возрождение византийских и старославянских традиций в новых временах»⁸⁷³.

Им было написано и отреставрировано множество икон для русских, украинских, болгарских, сербских, греческих церквей. Для упоминавшегося Свято-Троицкого храма он создал несколько икон – св. Георгия и Покрова Святой Богородицы, а также образ Аксайской Божией Матери, написанный к пятидесятилетию священства Владыки Екатеринославского Гермогена (Максимова)⁸⁷⁴.

Следует вспомнить о нем, как и о руководителе иконописной школы в монастыре Раковица. Открытая по инициативе Патриарха Сербского и архиепископа Белградского Варнавы, она действовала с 1934 по 1937 г., придя в запустение после кончины своего покровителя.

Среди ее выпускников были русские, как например, Борис Шаповалов (иконостаc для церкви на Сушаке), сербы – Наум Андрич (иконостаcы, иконы, фрески по различным церквям и монастырям, например, икона св. Саввы в Карловацкой соборной церкви, стенопись в монастыре Мильково); Богдан Малюгич и Слободан Павлович (иконостаc для монастыря Горняк); Гавро Бошкович (Бошковски) из Скопле (иконостаc для церкви в Лепосавиче на Ибре)⁸⁷⁵.

Учились у знаменитого наставника и игумен Тадей Штрбулович, Александр Йованович, Александр Казанов, Антоний Крылов, Божидар Живкович, Здравко Блажич, Варнава Щербан, Владимир Яков, Васа Станисавлевич, Димитрий Мернич, Коста Трайкович, Милосав Йович, Максим Сандович, Павле Матич. История сохранила нам их имена, однако их будущие судьбы и творчество пока мне неизвестны: требуется большой поиск, прежде всего в церковных и государственных архивах Сербии и Македонии.

872 Несговоров А. Художники // Русский американец. № 21, 1997. С. 144.

873 Завалишин Вяч. Лучший иконописец нашего времени (К пятилетию со дня кончины Пимена Софронова) // Русское возрождение. Нью-Йорк – Москва – Париж. 1980. № 12. С. 182.

874 Тарасьев А. В. Запись воспоминаний // Архив автора).

875 Колунцић Д. Црквено сликарство. С. 386–389.

Теперь немного имен с биографиями.

Выпускник Харьковского художественного училища Иван Петрович Дикий (Дикой) (1896–1990). Он вместе с Борисом Образковым, Евгением Варун-Секретом, Виктором Шевцовым, Бычковским, Матвеем Рейтингером, фотографом Борисом Ивашенцевым, Николаем Мейендорфом, Владимиром Предаевичем входил в группу дворцовых художников, снявших с 1922-го по 1927 г. около трех сотен копий из древних храмов (свыше 60). С результатом работ общественность могла познакомиться на выставке в новом здании Университета, а потом в доме королевской гвардии в 1927 г.⁸⁷⁶ Иван Петрович расписывал часовню и дворец короля Александра Карагеоргиевича на Дединье (Белград). Он стал одним из тех русских мастеров, которые украшали храм-мавзолей Карагеоргиевичей на Опленце – о нем один из русских иерархов Московской Патриархии вспоминал: «Снаружи <...> изумителен: весь выложен белым мрамором, двери массивные с барельефами. Внутри – трудно удержаться от восторга: пол выложен каким-то красивым мрамором, светящимся, как стекло. Все стены храма сверху донизу покрыты мозаичными картинами и иконами. <...> Этот храм в своем роде – музей религиозной живописи. Идея храма принадлежит русскому эмигранту; художниками, архитекторами этого храма были исключительно русские эмигранты. Освещение в этом храме замечательное. Вместо стекол вставлен тончайший мрамор разных цветов, который бросает свет и окрашивает все находящееся в храме какими-то особенными цветовыми лучами»⁸⁷⁷.

На Опленце Дикий, пишет замечательная исследовательница русской живописи Елена Межинская, работал (конец 1931 г. – начало 1932 г.) над сценами из жизни св. Петра, ликами трех Архангелов на входе в крипту, декорировании внутреннего убранства. В 1933 г. художник писал фрески в алтаре столичного храма Пресвятой Богородицы – изобразил св. Савву, св. Афанасия Великого, св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого, св. Григория Богослова и св. Арсения Сремца, служащих литургию. Вместе с Борисом Образковым он расписывал стены церкви святого князя Лазаря на Лиме. Написал Иван Петрович копию иконы Богородицы Печской, которая сейчас хранится в белградской церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Примерно в то же время, в 1937 г., русский изограф создал несколько икон для белградской церкви св. Архангела Гавриила. Расписывал он церковь св. Иоанна Предтечи в Грделице (1937). В том же году Дикий трудился над иконостасом церкви в Хайдучице, а с Мейендорфом и Предаевичем – фрески и мозаику для кладбищенской церкви в Алексинце, для церкви Преображения Господня монастыря св. Стефана в Липовце, а также некоторые иконы для этой церкви. А в 1938 г. вместе с Образковым художник украшал церковь св. Саввы на Врачаре. Кроме фресок, Дикий работал и в иных жанрах. В частности, в 1930 г. он представил на выставку в Белграде две картины: «Село в Македонии» и «Ландшафт». В 1939 г. публика могла видеть его четыре полотна – «Портрет»,

876 Межинска Ј. Сликаство цркве светог кнеза Лазара у Прибоју на Лиму. Прибой, 1999. С. 2, 3.

877 Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1946. № 5.

«Зима» «Цветы» и «Этюд головы». После войны он уехал в Австралию, затем в Венесуэлу, потом в Канаду, потом в США. В Америке продолжил украшать храмы и писать иконы⁸⁷⁸.

В окрестностях Белграда работал и изограф Александр Дикий, создавший иконостасы церкви в Конатице, в церкви св. Тома, в церкви св. Марка в Стойнике (1935 г.) и церкви св. Савы в Ропочанах (1936 г.)⁸⁷⁹.

Товарищем Ивана Дикого по копированию фресок был упоминавшийся уже ученик Коровина Борис Иванович Образков (?–1971). В эмиграции на югославской земле он вначале жил в Велесе, а с 1930 г. – в Белграде. С декабря 1931 г. до января 1932 г. Образков работал над житием св. Петра и орнаменте для крипты на Опленце. Вместе с Николаем Мейендорфом, Виктором Шевцовым, Евгенией Варун-Секретом, Владимиром Бычковским в 1934 г. Борис Иванович расписывал дворцовую часовню св. Андрея на Дединье. Четыре года спустя он вместе с Диким трудился над фресками врачарского светосавского храма. Не был чужд Образков и светской живописи. В 1923 г. на выставке в Нише художник выставил портрет короля Александра и Королевы Марии, портрет Г. Косенко, картины «Молодая жительница Баранья», «Молодая жительница Никшича». В 1930 г. посетители могли видеть его «Цыганок», «Солнечный день», «Портрет новосадского владыки епископа Ириныя Чирича»⁸⁸⁰.

Был еще в Королевстве другой Образков (Обрасков – ?, Обрезков – ?) Сергей Иванович (1893–1969), сын полковника драгунского полка, выпускник кавалерийского училища, в первую мировую войну воевал в драгунском полку, потом в кавалерийском. В 1921 г. приехал в Королевство СХС. Дальше бывший драгун волшебным образом становится художником: учит детей в Скопле рисованию, участвует в выставках Объединения художников Вардарской области, реставрирует по благословению Патриарха Варнавы средневековые фрески и иконы по монастырям, пишет картины на религиозную тему, рисует портреты государственных деятелей. После второй мировой войны переехал в США, где продолжал заниматься живописью. В частности, создал иконостас для православного храма в Монтерее⁸⁸¹. Подчеркну лишь одно: превращение драгуна в художника требует дальнейших исследований.

Из изографов назову еще имя Николая Толмачева. Известно, что в 1924 г. он написал икону св. Николая для иконостаса церкви в Джурджево, а также – лики св. Димитрия, св. Георгия, св. Параскевы и св. князя Лазаря. Есть и другие церкви, где он самостоятельно или с Николаем Малышкиным создавал иконостасы.

Нужно упомянуть и Владимира Яковлевича Предаевича (Предоевич) автора икон и фресок в Патриаршей часовне в Белграде. В сущности, все они представляют собой талант-

878 *Межинска Ј.* Сликаство цркве светог кнеза Лазара. С. 3, 4, 5.

879 Там же. С. 4.

880 Там же. С. 5, 6.

881 Часовой (Брюссель). 1969. Май; Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т. 2. С. 183.

ливо выполненные копии из сербских средневековых монастырей. Ряд лет он преподавал в Белградской Академии прикладного искусства.

Известно специалистам и имя Андрея Биценко (1886–1985). Он учился живописи в Киевской Академии художеств, потом в Академии художеств в С.-Петербурге. Его полотна «Пляж» и «Портрет госпожи Свинкиной» находились в постоянной экспозиции городского музея Екатеринбурга. Участник Белого движения. В 1922 г. Биценко прибыл в Сербию. Он расписывал церковь Вознесения Господня в Белграде: на пилястрах – портреты сербских средневековых правителей-ктиторов, на северной стене – молитва в Гефсиманском саду, Рождество Христово, на южной стене – проповедь Иисуса Христа в Иерусалимском храме, на хорах – изображения херувимов и свв. Козьмы и Дамиана. В 1935–1937 гг. Биценко расписал соборную церковь в Смедереве, был автором восьми икон для иконостаса церкви в Шабачкой Каменице, привлекался к росписи и написанию икон в ряде других храмов, в частности, для соборов в г.г. Лесковце, Зреняинине⁸⁸². Он украсил фресками церкви в г.г. Шабац, Приеполье, Велика-Плана, Смедерево (1922–1945 гг.)⁸⁸³.

Среди работ, начатых Биценко в 1928 г., следует назвать роспись и иконостас в Свято-Троицком кафедральном соборе в Лесковце. На стенах церкви размещались шесть композиций из земной жизни Спасителя. Одна из самых значительных была посвящена молитве Христа на Масличной горе. Исследуя ее рисунок, тонкий исследователь творчества Биценко С. Маркович подчеркивает талант художника, сумевшего через соотношение «экспрессивного гористого пейзажа, в котором доминируют стволы масличных деревьев» и фигурой коленопреклоненного в молитве Иисуса Христа передать исключительную важность происходящего⁸⁸⁴. Для иконостаса Биценко написал 42 образа, размещенных в мраморном иконостасе, выполненным Антуаном Франком. Одной из самых лучших икон, по мнению С. Марковича, стала «Вербное воскресенье», или «Вход Господень в Иерусалим». Сербский исследователь пишет: «Своим подходом к изображению Христа <...> Биценко сознательно представил Сына Божьего как человека, утомленного и полного забот, но сознающего свою миссию и судьбу»⁸⁸⁵. Все это позволяет причислить Андрея Биценко к лучшим русским художникам, писавшим для Церкви.

Еще перечислю несколько имен.

Николай Богданович (Феофилович) Мейендорф (1888–1969) барон, полковник лейб-гвардии Конной артиллерии. Будучи даровитым художником, он в «новой жизни» посвятил свой талант Церкви, в частности, участвовал в росписи церкви в монастыре Жича, вместе с другими русскими изографами украшал храм-мавзолей на Опленце.

882 Колунций Д. Црквено сликарство. С. 389.

883 Маркович С. Художник Андрей Биценко // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья, СПб., 2008. С. 78

884 Там же. С. 80.

885 Там же. С. 81.

Борис Селянко – известен своими работами в церкви св. благ. кн. Александра Невского в Белграде: иконы св. Николая, св. благ. кн. Александра Невского, св. Георгия, Пресвятой Богородицы, Благовещенье и ряд других. Писал образа для иконостаса церкви св. Георгия на Чукарице (Белград)⁸⁸⁶.

В 2009 г. я был в храме св. Александра Невского и видел, рождающую раздумия памятную мраморную доску «Великим славянским мученикам царю Николаю II и королю Александру I», помещенную под иконами св. Николаю и св. благ. кн. Александру Невскому.

Георгий Анатольевич Зигерн-Корн (1910–2002), сын офицера, эмигрировавшего в Королевство сербов, хорватов и словенцев. После окончания Белградской Академии художеств начал заниматься росписью православных храмов. Только 15 церквей успел он украсить фресками, как началась война, прервавшая его деятельность. До войны успел поработать художником-декоратором в столичном театре. Будучи в составе кавалерийской дивизии генерала Г. фон Панвица. В числе многих других был выдан англичанами советским органам. Получил 10 лет лагерей. После смерти Сталина и выхода из лагеря сумел воссоединиться со своими родителями, проживавшими в США. Создал серию «документальных и символических зарисовок», названных «Сталинский ГУЛАГ глазами художника»⁸⁸⁷.

Владимир Семенович Курочкин (1883–1943), выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества. До революции преподавал в Ришельевской гимназии и заведовал Одесским городским музеем. В годы эмиграции обосновался в Нови-Саде. По его эскизам были сделаны витражи в храме св. Николая⁸⁸⁸.

Вместе с Николаем Васильевичем Ивановым он расписал часовню Василия Великого в архиерейском доме. На ее стенах были изображены свв. Константин и Елена, Владимир, Борис и Глеб, Александр Невский, Сергей Радонежский, Серафим Саровский⁸⁸⁹.

Известно имя и Марианны Малаховой (из семьи настоятеля новосадского русского прихода Нила Малахова?). Из написанных ею икон можно назвать лики Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы для Духовной семинарии св. Арсения в Сремских Карловцах, а также две иконы на перламутре, выполненные для Соборной церкви⁸⁹⁰.

Из русских изографов, творивших в Королевстве, непременно следует назвать Ивана Иустиновича Мельникова (1896–?), количество работ которого (фрески, иконы) превышает цифру в семь тысяч! Бывший студент С.-Петербургской художественной академии обла-

886 Косик В. И. Русская Церковь в Югославии. С. 71–72; Вујовић Б. Улога руских уметника у развоју ликовне културе у Србији // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 2. С. 58–59.

887 Негговоров А. Художники. С. 156–157; Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т. I. С. 556.

888 Арсеньев А. У излуцины Дуная. С.56.

889 Арсеньев А. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950-е гг.) // Макарьевские чтения: материалы шестой международной конференции (21–23 ноября 2007 года). Горно-Алтайск, 2007. С. 229.

890 Колунцић Д. Црквено сликарство. С. 392.

дал исключительным чувством и даром написания икон. Свои знания он развил, изучая сербскую средневековую живопись в монастырях и церквях. Здесь он стремился «схватить» дух православной иконы, постичь технику старых мастеров. Его первый иконостас был выполнен в 1921 г. для церкви св. Николая в с. Наколец на Преспанском озере. Наиболее широко его искусство представлено иконостасами в церквях и монастырях Македонии: среди них – церковь св. Николая в Струге, церковь св. Анастасия в монастыре св. Наума, церковь св. Параскевы Пятницы в Битоли, три иконостаса в м. Манастирац близ Дебра, церковь св. Феодора Тирона в с. Српци около Битоли. Мастерство Мельникова известно и других регионах: в церквях св. Прокопия и св. Георгия, расположенных недалеко от Чачака; в церкви Вознесения Господня, что в с. Осечине близ Вальево; в овчарском монастыре Преображения. Для храма св. Саввы в монастыре Жича создал единственный в своем роде перламутровый иконостас. Величественный иконостас в церкви Пресвятой Богородицы в Чайниче также связан с его именем. Говоря о стенописи, следует упомянуть фрески, в частности, в монастыре Калиште, в королевской часовне монастыря св. Наума, в церквях Пресвятой Богородицы и св. Недели в Битоли, в церкви св. Николая с. Сопотницы, в церкви св. Ильи в с. Жванье. Мельников был одним из тех редких изографов, получивших высокую оценку, награды и признание со стороны высшего церковного начальства. Ему покровительствовали знаменитые сербские иерархи: епископы – Иосиф (Цвийович) и Николай (Велимирович). Особую благодарность он испытывал к Владыке Николаю, который обеспечил ему свободу посещения всех монастырей Охридско-Битольской епархии и поделился своими познаниями в сфере православной иконографии.

(Замечу, что Владыка Николай стал инициатором в сфере возобновления общения Сербской Православной Церкви с Русской Православной Церковью. Был вместе с Патриархом Сербской Православной Церкви Гавриилом (Дожичем) заключен в концлагерь Дахау. Скончался в монастыре преп. Тихона Задонского в США. В 1991 г. его мощи были перенесены в Сербию. Сам пастырь причислен к лику святых.)

В мастерской педагога Мельникова прошли курс более 50 учеников, которые в своем большинстве связали свою творческую судьбу с церковным искусством. В качестве примера можно назвать имя Младомира Тодоровича, профессора Духовной семинарии св. Арсения в Сремских Карловцах, известного изографа. Из довольно скудных сведений можно узнать, что Мельников входил в общество «Икона» с центром в Париже, поддерживал связи с «Институтом Кондакова» в Праге. После своего переселения в Америку создал изумительные по красоте иконостасы в кафедральной церкви св. Савы в Нью-Йорк-Сити, в церкви св. Николая в Джонстоне (Пенсильвания), в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Виндзоре (Канада)⁸⁹¹.

Из раннего периода сохранились, такие иконы, как «Страшный Суд», «Святой Иоанн Креститель в пустыне», «Вознесение Господа Иисуса Христа». Его творения можно

891 Там же. С. 387, 391.

встретить не только в Македонии, но и за рубежом. Один корпус хранится в Битольской митрополии⁸⁹². Его иконами в 1927 г. была украшена алтарная часть битольской церкви, посвященной Св. Троице (открыта в мае 1926 г., освящена в июне)⁸⁹³.

Назову очередное имя: иконописец Григорий Михайлович Семенов, проживавший в Панчево. О нем писали в «Новом времени»: «В иконах Семенова, блещущих чистотою письма и нежностью красок – и Васнецов, и Нестеров, и древняя манера Костромских и Владимирских монастырей, умело соединенные вместе. Своеобразное выделение контуров, достигаемое при помощи выжигания, и прекрасные византийские орнаментировки дополняют общую красоту его работ». Работа Семенова – большое распятие с фигурами Богоматери и Марии Магdalины – в правом углу были установлены Белградской церкви⁸⁹⁴.

Иконописец Роман Петрович занимался написанием икон для церквей в Босанской Крупи, Травнику и Соколу⁸⁹⁵.

В Преображенской церкви в Панчево есть картины с религиозными мотивами, подписанные инициалами С.Г., которые, вероятнее всего, принадлежат кисти Георгия М. Семенова. Там же имеются еще три иконы с теми же инициалами⁸⁹⁶.

Известной в стране была иконописная мастерская полковника В. Долгова и его супруги Евгении в Чуприи, выполнявшая заказы от сербских храмов. Ее работы есть в церкви в Модриче (Босния): иконы Воскресения Христова, св. Михаила Архангела; в церкви в Предевне (Старая Сербия): иконы на царских вратах. Добавлю, что Евгения Долгова получила художественное образование в Императорском обществе поощрения искусства в северной столице и в ряде других иконописных школах⁸⁹⁷.

Интересны работы Т. М. Челноковой: Феодоровской Божией Матери, Черниговской Божией Матери, св. Николая Чудотворца, св. Пантелеймона, св. Серафима Саровского.

Назову здесь имена С. М. Каменева, А. Н. Селянко, М. К. Генкеля из Земуна, В. Ф. Тимошкина из Белграда⁸⁹⁸.

На постоянной белградской выставке-базаре можно было увидеть иконы св. Георгия и Богоматери (художник В. Пирожков), а также икону св. Саввы – (художник Каменев)⁸⁹⁹.

Религиозные сюжеты присутствовали довольно часто и в творчестве художников-академиков, например, «Тайная Вечеря» у С. Ф. Колесникова, у архитекторов, в частности, В. М. Андросов в 1922 г. представил на выставку ряд полотен в полный рост для церкви в

892 Стерјовски А. Указ. соч. С. 80.

893 Там же. С.153.

894 Новое время. 1928. 30 марта.

895 Пилиповић Р. М. Српска православна црква и руска емиграција. С. 135.

896 Там же. С.86

897 Там же. С. 133–134.

898 Новое время. 1922. 24 мая.

899 Новое время. 1922. 17 сент.

Летнаваце (80 км от Белграда). «Новое время» особенно отмечало изображение Николая Чудотворца⁹⁰⁰.

О художниках-реставраторах не сохранилось много сведений (в основном — это некрологи), хотя вклад их в возрождение тех же храмов на македонской земле весьма значителен.

Среди художников-реставраторов сербской живописи известно имя Елены Владимировны Вандровской (урожденная Чарыкова) (1909–2004). После окончания Харьковского девичьего института в г. Новый Бечей поступила и завершила Королевскую академию искусства и прикладного искусства в Загребе. Параллельно изучала историю искусства на философском факультете Загребского университета. По завершению учебы преподавала в школе. После войны работала в музее Воеводины старшим реставратором, а также выполняла работы, порученные Сербской Академией наук и искусств. Вскрывала первые пласты стенописи в таких монастырях, как Ново-Хопово, Крушедол, Месич. Занималась копированием старинных фресок в Печской Патриархии. Вместе с французскими реставраторами расчищала живопись XI века в соборе св. Софии в Охриде. Совершенствовалась в реставрации в соответствующих центрах Рима, Парижа, Мюнхена, Вены, Москвы, Ленинграда... Написала 14 икон для иконостаса монастыря св. Параскевы Пятницы в Загребе. В создании икон, в частности, для русского храма близ Нью-Йорка, следовала старинному иконографическому письму⁹⁰¹.

Безусловно, не все эмигранты смогли увезти с собой семейные, родовые иконы. Поэтому на новой земле многие заказывали образа у различных живописцев. По стилю исполнения их можно достаточно условно объединить в две группы.

Профессиональные изографы в своих работах в основном придерживались идеи соединения византийской иконописной традиции с техникой западноевропейской живописи. По мнению исследовательницы Елены Межинской, в эту группу входят икона св. Милутина, написанная Степаном Федоровичем Колесниковым, а также «нестеровский лик» Иисуса Христа на фоне русского пейзажа, принадлежащий кисти Елены Андреевны Киселевой.

К другой группе относятся иконы, созданные художниками-любителями. «вопреки небольшой художественной ценности, в них ощущается сильнейшее религиозное чувство и эмоциональность». Некоторые из них подписаны: например, генералом Борисом Литвиновым, Ольгой Богородовой⁹⁰².

Русские художники работали в различных областях, где требовались кисти и краски. Например, Леонид Михайлович Браиловский, Ананий Алексеевич Вербицкий, Владимир

900 Новое время. 1922. 3 янв.

901 Арсеньев А. У излуцины Дуная. С.185; *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 171.

902 Межинска Ј. Дела русских уметника у београдским приватним збиркама // Руска емиграција у српској култури XX века. С. 89–90.

Иванович Жедринский, Владимир Павлович Загороднюк, много и плодотворно трудились в театре.

Из предыстории: сербская сценография испытала краткий взлет в начале XX в., опять-таки связанный с русскими именами. Тогда декоратор в результате художественной реформы переставал быть, грубо говоря, обойщиком, и вместе с режиссером становился равноправным творцом спектакля. Эта ответственная задача доверялась двум русским художникам Александру Ивановичу Андрееву и Владимиру Владимировичу Баллюзеку. Через них на белградскую сцену проникли идеи натурализма и символизма.

Первые постановки Андреева и Баллюзека в Белграде – «Макбета» и «Кориолана» (1912 г.) были связаны с идеями Крейга и Мюнхенского художественного театра в области инсценировки. Премьера «Макбета» представляла собой поворот в процессе модернизации белградской сценографии. Но балканские и Первая мировая войны прервали процесс. Народный театр вновь оказался в начале пути. Были необходимы новые талантливые художники.

Именно с деятельностью бежавших из «красной России» русских мастеров связан всплеск активности постановок сербских исторических драм, сценография которых требовала отличного знания сербской архитектуры и сербской старинной одежды. Будучи профессионалами, успешно сочетавшими традицию с современными формами, русские сценографы внесли свой вклад в развитие сербского театрального искусства⁹⁰³.

Они начинали творить в Белграде, где еще людей косила «испанка» и тихо делал свое дело сыпной тиф. Но была свобода и энтузиазм творцов, вкладывавших свою энергию и талант в Сербию, в ее искусство и культуру.

Итак, страницы биографий избранных мной декораторов. Начну по старшинству. Леонид Михайлович Браиловский (1868–1937). Учился на архитектурном отделении Академии художеств. Работал театральным художником в императорских театрах. В Малом театре его декорации можно было увидеть в 1911 г. в таких спектаклях, как «Горе от ума», «Плоды просвещения». В 1916 г. он в числе пяти ведущих театральных оформителей стал носить звание академик архитектуры. Его работы хранятся во многих европейских музеях. Эмигрировал художник в 1917 г. 24 мая 1921 г. Браиловский был вместе с женой Риммой Никитичной, также сценографом и художницей по костюмам, принят в состав Народного театра. Писал декорации к «Мнимому больному», «Фаусту», «Ричарду III», «Проданной невесте», «Евгению Онегину», «Манон», «Венецианскому купцу», «Пиковой даме», «Королю Лиру», «Царской невесте», «Найденышу» и др. Совместно с женой готовил «Шехерезаду» и «Кармен». Всего Браиловский оформил 17 спектаклей, из них 8 оперных и один балетный. В его декорациях присутствовал и цвет эпохи и «личная нота». В «Фаусте» его сценографию отличал экспрессионизм, создававший для сербского театра совершенно

903 Милановић О. Допринос руских уметника развоју сценографије у срба // Руска емиграција у српској култури XX века. С. 92–105.

новое впечатление силы и свежести. Во всяком случае, его декорации служили наглядным подтверждением того, что в сценографии есть место фантазии художника и не всегда нужно следовать реалистическим канонам⁹⁰⁴.

В своей работе активно использовал сокровища средневекового искусства.

Так, в инсценировке «Найденыша» Б. Нушича (1923 г.) костюмы он заимствовал с фресок, что произвело сенсацию. Точнее, Браиловский использовал в своей работе исследования профессора университета Владимира Петковича и знаменитого сценографа Йована Биелича о сербском средневековом костюме во фрушкогорских монастырях⁹⁰⁵. Достаточно сказать, что костюм царя Душана был представлен в 1925 г. в Париже на выставке декоративного искусства. В 1925 г. уехал с женой в Италию. Судя по его прощальному письму директору театра Милану Предичу, опубликованному Ольгой Миланович, одной из причин могло стать устройство новой сцены, мешавшее проявить в полной мере Браиловскому свой талант. В связи с этим можно высказать предположение, что отъезд Браиловских из провинциального Белграда связывался с надеждами на Европу, на Италию, где в полной мере мог быть оценен и востребован их талант. Принял вместе с женой католичество. Много писал картин, посвященных Руси. Ценился в Ватикане. Погиб в Риме от случайной пули во время внутренней «разборки» фашистов⁹⁰⁶.

Была известна и его жене Римма Никитична Браиловская (урожд. Шмидт или Шмит) (1877–1959). Писала пейзажи и жанровые сценки. Автор серии акварелей по мотивам сказок Пушкина. Занималась художественной вышивкой, гобеленами, панно. Участвовала в многочисленных выставках в Санкт-Петербурге и в Москве. После революции вместе с мужем жила в Белграде. Помогала мужу в оформлении таких опер, как «Царская невеста», «Кармен», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Фауст». В соавторстве с мужем в 1920–1930-е гг. написала цикл картин «Видения старой России». В 1932 г. в Папском Восточном институте была организована выставка 40 картин Браиловских, «воспроизводящих памятники русского религиозного искусства», подаренная потом папе Пию IX. В 1945 г. спасала русских эмигрантов от выдачи в СССР⁹⁰⁷.

Ананий Алексеевич Вербицкий (1895–1974, Герцеговни, Югославия). Сценограф в Народном театре в Белграде (1922–1946 гг.) и в Драматическом театре в Белграде (1952–1963 гг.)⁹⁰⁸.

904 *Васић П.* Сценографија и костим од 1918 до 1968 // Један век Народног позоришта. С. 160.

905 Там же.

906 *Турлаков С.* Руски уметници у Београду // Руси без Русије. С. 28, 43; *Арсеньев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 235; *Милановић О.* Допринос руских уметника развоју сценографије у срба. С. 92–95; *Ракочевић Б.* Магови позоришне радионице // Политика. 1966. 2 авг.

907 Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. СПб, 2019. Т. I. С. 293.

908 *Арсеньев А.* Биографски именик. С. 240.

С 1923 г. по 1938 г. он осуществил 23 сценографии: три оперы, одна оперетта, два балета, остальные были связаны с югославскими и иностранными драматургами. Много сотрудничал с Ракитиным⁹⁰⁹.

В его сценографии были поставлены такие спектакли, как «Еврейка» (1923 г.), «Лакме» (1923 г.), «Фра Дьяволо» (1924 г.), «Царство мрака» (1928 г.), «Счастье» (1933 г.), «Дикая утка» (1935 г.). Продолжал свою деятельность после 1944 г., т. е. освобождения Югославии⁹¹⁰.

Работал Ананий Алексеевич в театрах Ниша, Нови-Сада, Шабца, Титограда (совр. Подгорица), Цетинье, Котора, Тузлы⁹¹¹. В последнем театральном сезоне перед второй мировой войной Вербицкий некоторое время работал в Скопле вместе с местными сценографами над обновлением декораций тамошнего театра⁹¹².

Что еще? Вербицкий входил в еще довоенное белградское объединение художников К.Р.У.Г. (за этими начальными буквами скрывались слова – кисть, резец, уголь, готовальня). Несколько раз участвовал в выставках этой группы. Удастаивался хорошей критики⁹¹³.

Из художников, творивших в провинции следует назвать Владимира Георгиевича Ребезова (1921–2003). В 1942 г. закончил отдел живописи Академии прикладных искусств в Белграде. Тогда же его имя появляется на театральных афишах как сценографа Дунайского народного театра в Панчево (близ Белграда). Свои первые спектакли он оформлял с известным русским режиссером Александром Александровичем Верещагиным (пьесы Гоголя, Горького, Шкваркина, Афиногенова, Катаева, Леонова, Льва Толстого, Нушича, Мольера, Шекспира). Спустя четверть века с небольшим (с 1958 г.) он творит в Народном театре «Тоша Йованович» и театре кукол в ставшем родным Зреняине. В 1995 г., уже будучи на пенсии, он завершил свою работу в театре. На его «счету» свыше 360 сценографий и около полусотни костюмографий⁹¹⁴. Ребезов показал себя и талантливым живописцем. При жизни состоялось его семь персональных выставок (1970 – 1999). Был отмечен 14-ю наградами за свое оформительское мастерство (1959 – 1978), включая Орден труда с серебряным венком (1974). Его современники рисуют его «высоким стройным блондином, барственного и не чуждого жизнерадостной богемной жизни»⁹¹⁵.

Продолжая тему живописи, упомяну двух сценографов Ивана Кюлева (1893–1987) и Алексея Топорнина.

Сын священника Кюлев получил художественное образование в Москве (Московское училище живописи, ваяния и зодчества) и Санкт-Петербурге (Императорская Ака-

909 *Milanović O.* Beogradska scenografija i kostimografija 1868–1941. Beograd. 1983. S. 224.

910 *Vasić P.* Сценографија и костим од 1918 до 1968. С. 161.

911 *Арсењев А.* Биографски именик. С. 240.

912 *Milanović O.* Beogradska scenografija i kostimografija. S. 225.

913 Там же.

914 *Арсењев А.* Самовари у равници Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011. С. 237.

915 Гимназия в лицах. Кн. Вторая. С. 501-502.

демия художеств). Участник первой мировой войны. С 1921 г. обосновался в Королевстве СХС, точнее, в Хорватии, где зарабатывал написанием портретов селян. С 1922 г. по 1926 г. трудился художником–декоратором в Народном театре в Скопле (оформил около 50 постановок сербского, русского и мирового репертуара). Сам длительный срок работы свидетельствует о его профессионализме, которым были довольны в театре, отмечавшим его «интересные и изумительные» сценографии. По поручению Патриарха Варнавы совершил объезд церквей и монастырей Македонии с целью установить изначальный лик св. Саввы, глубоко почитаемого среди православного населения Королевства. Во время поездки скопировал изображения святых, нашел и очистил фрески в монастыре Нерези. В 1926 г. переехал в Париж. Член общества «Икона»⁹¹⁶.

Алексей Владимирович Топорнин, трудился в Скопле с 1929 по 1938 г. Стал одним из учредителей Объединения художников Вардарской области.(1929), участвовал в выставках.

Достиг успехов в реализации мировой классики, особенно русской. Отличную прессу получили его работы в «Анне Карениной», «Преступлении и наказании», «Гамлете», «Короле Ричарде III»⁹¹⁷. В 1939 г. Топорнин переводился в Сараевский народный театр⁹¹⁸. Потом была работа в Белградском театре оперетты. В годы войны был направлен на работы в Германию⁹¹⁹.

Влияние русских художников-сценографов сказалось на творчестве молодых национальных талантов, из которых наибольшую известность получили С. Беложански, М. Денич, В. Маренич⁹²⁰.

В Загребе короткое время творил сценограф Николай Васильевич Харитонов (1880–1944), среди учителей которого был и Репин. Согласно информации Татьяны Витальевны Пушкадия-Рыбкиной, он являлся автором сценографии к поставленной 28 июня 1921 г. опере Римского-Корсакова «Снегурочка»⁹²¹.

Немного о работе в Загребе выпускника московского училища живописи, ваяния и зодчества Павла Петровича Фромана (1894–1940), славного представителя известной театральной фамилии. В хорватскую столицу он прибыл в 1921 г. вместе с братьями и сестрой, известной Маргаритой Фроман, руководительницей балетной труппы. Тогда, в 1920–1930-х гг., основное влияние на русскую сценографию загребского театра оказывало творчество Леона Бакста и Александра Бенуа. Упоминаются еще Шагал, Ларионов, Рерих. Хорватский исследователь русской сценографии Дж. Ковачич ненавязчиво подчеркивает проступавшую у Фромана в оформлении спектаклей стилизацию «в традициях школы

916 *Јовановић З. Т.* Народно позориште Краљ Александар. Т. 1. С. 207. Т. 2. С. 849; Художници рускогo зарубежја Прва и друга волна емиграциjе. Т. I. С. 712.

917 *Јовановић З. Т.* Народно позориште Краљ Александар I. Т. 2. С. 850, 851.

918 *Полчанинов Р. В.* Сообщение (Архив автора).

919 Художници рускогo зарубежја Прва и друга волна емиграциjе. Т. 2. С. 506.

920 *Beloemigracija u Jugoslaviji.* S. 225.

921 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 142.

иллюстрирования детских сказок»⁹²². Здесь довольно вспомнить и назвать имя Ивана Билибина, воздействие творчества которого заметно в «Сказании о невидимом граде Китеже» (поставлена 21 сентября 1935 г.), а также влияние Бенуа в «Петрушке»⁹²³. Однако блестящая исследовательница театральных работ Павла Фромана Марина Багарич утверждает, что все же «постановки Фромана нельзя рассматривать как простую компиляцию. В компиляциях всегда есть “слабые точки”, четко видны “швы”, неувязки, а у Фромана <...> нет. Поэтому будет точнее, если сценографские решения Фромана рассматривать как реинтерпретацию, удачное переоформление различных влияний и уже увиденного и наученного». У Фромана можно найти и некоторые элементы сецессии и символизма. Он оформляет «Петрушку» Игоря Стравинского 16 июня 1923 г., где чувствуются различные влияния, в частности, Бенуа, Бакста, Рериха, Билибина⁹²⁴.

Исследовательница Магдалена Медарич в своем парижском докладе о русских мастерах искусства в Хорватии (2001 г.) подчеркнула, что Фроман для театра выполнил сотню макетов в сфере сценографии, сто эскизов для костюмов⁹²⁵. Все это и позволило Павлу Петровичу Фроману остаться в истории театрального искусства Хорватии.

Поряdochно времени – с 1924 г. по 1931 г. – Павел Фроман проработал в Народном театре в Белграде, где в его сценографии был поставлен ряд таких спектаклей, как «Борис Годунов», «Демон», «Жар-птица», «Петрушка», «Жизель», «Дон Жуан», «Орлеанская дева»⁹²⁶.

Меньше осталось сведений о Василии Митрофановиче Ульянищеве (1887–1934). Он пришел в искусство, оставив химию. Сначала занимался живописью в Воронеже, потом в Москве. Окончил училище живописи, ваяния и зодчества. До 1917 г. Василий Митрофанович жил и работал в Воронеже декоратором. В гражданскую войну он был офицером-артиллеристом у Врангеля. На новой славянской земле вернулся Василий Митрофанович к любимому занятию. В сезоне 1921/22 г. Ульянищев работал театральным художником в Сплите, потом – с 1922 по 1928 г. – в Народном театре в Загребе. Затем художник обосновался в Любляне. В частности, в столицах этих стран Ульянищев стал автором декораций к «Фаусту» Гуно и «Соловью» Стравинского. Успешно решал задачи, от которых отказывались его коллеги⁹²⁷. Добавлю, что в Загребе, где он преимущественно работал в сфере оформления драматических произведений, сохранились не все из его 77 работ⁹²⁸. Эта цифра только по столице Хорватии позволяет представить себе тот громадный

922 См.: *Bagarić M. Elemente modernoga ruskog slikarstva u scenografijama Pavla Fromana // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata. S. 131.*

923 *Bagarić M. Elemente modernoga ruskog slikarstva. S. 132, 133.*

924 Там же. S. 131, 132, 133.

925 *Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi – slikarstvu, kiparstvu, arhitekturi, fotografiji i filmu (od 20-ih do 40-ih godina dvadesetog stoljeća) // Oko književnosti. Osamdeset godina Aleksandra Flakera. Zagreb, 2004. S. 294.*

926 *Vasuh P. Сценографија и костим од 1918 до 1968. С. 161.*

927 Незабываемые могилы. Т. 2. Кн. 2. М., С. 536; *Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 170.*

928 *Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 294.*

объем работы, его вклад в искусство, которому он отдал жизнь. В 2023 г. в Доме русского зарубежья, что на Таганке, был организован вечер, посвященный его творчеству.

Уже известный Иван Иустинович Мельников, чей дом был своеобразный битольский мини-Монмартр, работал сценографом с 1946 г. почти до конца жизни в Битольском Народном театре, для которого сделал свыше 60 сценографий⁹²⁹.

Пейзажистом, графиком, театральным художником, архитектором был Ростислав Дмитриевич Сазонов (1906–1991). В Белграде он закончил архитектурное отделение Технического факультета Белградского университета. Одновременно Сазонов учился в художественной школе у А. А. Вербицкого. Постигал мастерство техники акварели в архитектурном рисунке. Писал декорации. За оформление оперного спектакля «Снегурочка» в Белграде Ростислав Дмитриевич получил первый приз. Долгое время он работал театральным художником в Далмации и Черногории⁹³⁰.

По воспоминаниям Р. В. Полчанинова, «Сазонову приходилось быть и художником, и архитектором, и строить школы, дороги, мосты <...> заведовал постройками в королевском имении где-то в Далмации»⁹³¹. В послевоенные годы он жил в американской оккупационной зоне в Германии, был художником в беженском лагере. В 1947 г. эмигрировал в Марокко. С 1955 г. Сазонов в США. Везде художник продолжал рисовать⁹³².

Самым известным был Владимир Иванович Жедринский (1899–1974), театральный художник, иллюстратор книг, карикатурист. В своей автобиографии он писал, что родился «в высокопоставленной чиновничьей семье, образованной, любящей искусство. Летом отец на даче рисовал акварели разных углов парка. Один из моих дядей был исключительно талантливым пианистом, даже композитором. Мы поставили на сцене и одну написанную им оперетту, в которой я, десятилетний мальчик, имел свою роль. Поэт Апухтин и Чайковский тесно связаны в моих воспоминаниях с моими дядьями Александром и Дмитрием. Они вместе учились и сохранили тесное přátельство. У Апухтина много стихов посвящено сельскому дому, в котором каждое лето отдыхала моя мать. В семейных архивах есть письмо Чайковского моему дяде Александру, в котором он описывает исполнение “Евгения Онегина”. Таким образом, были известные семейные традиции для моих стремлений в мир искусства, которые укоренились в моем детстве. Любил рисовать. Родители, увидевши мою склонность, наняли преподавателя рисования. Всегда имел буйную фантазию. Сколько фантастических композиций нарисовал в своем детстве! И всегда с лицами. Мертвая природа меня не занимала. Гораздо охотнее пытался иллюстрировать, нежели рисовать. Однажды в Москве родители решили меня повести в театр. Тогда мне было семь или восемь лет. Давали Руслана и Людмилу Глинки, оперу, созданную по фантастическому рассказу Пушкина. Этот спектакль настолько меня поразил, что даже и сейчас еще помню,

929 Стерјовски А. Указ. соч. С. 80, 81.

930 Александров Е. А. Указ. соч. С. 445–446.

931 Полчанинов Р. Встречи в Югославии // Новый журнал. № 208. Нью-Йорк, 1997.

932 Александров Е. А. Указ. соч. С. 445–446.

в какой лихорадке следил за диалогом Мертвой головы и Руслана, или полет волшебника Черномора под ритм славного марша Глинки. В 1917 г. в Москве завершил лицей. Решил стать архитектором. Поступил в Школу изящных искусств в Петрограде. Революция и пр. вынудили мою семью уехать в Киев, где стал учиться в Академии изящных искусств и на архитектурном факультете Политехнической школы. В первые два года в Академии познакомился с многими молодыми художниками, посвятившими себя театру. Так как и я был ненасытный любитель театра, решил окончательно оставить архитектуру и вернуться к живописи. Слушал проф. Жука, с живыми моделями и слушал графику ректора Академии Егора Нарбута. Среди моих приятелей в Академии был и Павел Челичев, с которым я навсегда остался связан. Параллельно работал в Комиссии по защите художественных предметов и исторических памятников, которая была под защитой Жоржа Лукомского, архитектора и историка искусства. Молодые студенты были должны искать по домам, квартирам и частным коллекциям и в новооткрытые музеи приносить каждый предмет, имевший художественную ценность. Так как мы были в революции, и я был член Киевского объединения художников, которое входило в Комиссариат по культуре и искусству и как таковое принимало участие в декорировании города по случаю многих революционных манифестаций. Наступление, а потом отступление Белой армии вынудили мою семью и меня двинуться на юг. Так в 1920 г. я оказался в Югославии, в Сомборе. Нужно было найти заработок, чтобы выжить. Начал делать игрушки, а по кафанам рисовать карикатуры. А после с группой молодых актеров образовал небольшую театральную труппу. С успехом показывали представления в одном кинотеатре. Я был декоратор, режиссер, актер, даже пел. Это было первое осуществление моих снов искусства. В тот же год художник Йован Биелич организовал выставку своих картин в Сомборе. Познакомились. Эта встреча дала мне возможность поступить декоратором в Народный театр Белграда, где Биелич был шефом художников и декораторов»⁹³³.

14 апреля 1921 г. Жедринский поступил в Народный театр. Первые годы он начал работать художником-декоратором, учился этому искусству у Леонида Браиловского и одновременно у Йована Биелича. Его дебют, хотя и анонимный, был связан с постановкой Ракитиным в 1921 г. «Ревизора». С первой самостоятельной сценографии 1924 г. в «Коппелии» Делиба до сценографии «Возвращение Кортеса» Шивица в Любляне в 1974 г. прошло 50 лет непрерывной творческой работы – примерно 400 оформленных им спектаклей. На его художественное созревание в межвоенный период повлияли несколько выдающихся белградских режиссеров – Юрий Ракитин, Михайло Исайлович, Бранко Гавелла, Йосип Кулунджич. Так, с Исайловичем он работал в основном над пьесами Голсуорси, Душана Николаевича, Гашека, Шоу и др. В третьем десятилетии с Кулунджичем он ставил оперы «Саломею» Рихарда Штрауса, «Сорочинскую ярмарку» Мусоргского, «Женитьбу Фигаро» Моцарта. Много Жедринский работал в балете с Александром Фортунато, Игорем Василье-

вым и Маргаритой Фроман. В постановке С. Христичем «Охридской легенды» художник использовал элементы национального стиля.

В Белграде с 1921 до 1970 г. в качестве театрального художника он участвовал в 175 премьерх! С середины 1927 г., пишет О. Миланович, Жедринский был постоянным сотрудником в одной из самых популярных и авторитетных газет – «Политике», где был использован его талант художника. В 1941 г. художник переехал в Загреб. Потом была Словения. С начала 1950-х гг. Владимир Иванович примерно два десятка лет работал за рубежом, в основном, во Франции. Создал себе имя и как автор рисованных литературных произведений, например, «Руслана и Людмилы». Эта своеобразная адаптация многих шедевров русской и мировой литературы, вероятно, служила для многих импульсом к оригинальному прочтению классических произведений. Сотрудничал он и как карикатурист в юмористическом журнале «Бух!!!»⁹³⁴.

С 1926 г. Жедринский рисовал карикатуры и для белградской «Политики». По мнению М. Медарич, его стиль можно охарактеризовать как шарж. Первая выставка его рисунков в этом жанре прошла в 1924 г. в Белграде. В 1987 г. также в столице Югославии была организована выставка его работ, а также был выпущен каталог с шаржами⁹³⁵.

Жедринский считался лучшим иллюстратором в Королевстве Югославия. Им было проиллюстрировано около сотни книг, выпущенных югославскими издательствами.

Его графические работы были представлены на выставках в Софии и Праге⁹³⁶.

На театральной сцене Загреба работал с 1937 по 1947 г.

И еще одно добавление о работе в Загребе и Любляне в послевоенное время. В хорватской столице Жедринский оформлял спектакли «Манон» (1954 г.), «Князь Игорь» (1955 г.), «Садко» и «Дон Жуан» (1957 г.)⁹³⁷. В столице Словении – «Дон Кихот» (1970 г.), «Царская невеста» (1971 г.), «Спартак» и «Хованщина» (1972 г.), «Борис Годунов» (1973 г.), «Возвращение Кортеса» (1974 г.)⁹³⁸.

Еще отмечу, что Жедринский в послевоенное время пробовал себя и в режиссуре, поставив «Пиковую даму» на сцене Народного театра в Белграде, куда он приехал как гость из Франции⁹³⁹.

934 Милановић О. Владимир Жедрински, сценограф и костимограф // Руси без Русије. С. 96–115; она же: Допринос руских уметника развоју сценографије у срба. С. 99.

935 Medarić M. Ruski emigranti, likovni umjetnici, i njihov doprinos umjetnosti karikature // Književna smotra. № 122 (4). Zagreb. 2001. S. 45.

936 Театрал // Обозрение. № 16.

937 Žedrinški V. I. Autobiografske bilješke // Književna smotra. Zagreb, 2001, № 119.

938 Там же..

939 Драгутиновић Б. Прологомена за историју Опере и Балета Народног позоришта // Један век Народног позоришта у Београду. С. 131.

В 1986 г. музей театрального искусства Сербии при участии аналогичных институций Загреба и Любляны организовал и провел ретроспективную выставку Жедринского-сценографа и художника по костюмам⁹⁴⁰.

Свой вклад в оформительское искусство внес сын капитана торгового флота Владимир Павлович Загороднюк (1889–1976). По стопам отца он не захотел идти. Его увлекала живопись. Он завершил родное Одесское художественное училище. С 1910 по 1913 г. Владимир Павлович стажировался в Национальной парижской школе искусств, уделяя особое внимание скульптуре. Выставлялся Загороднюк в «Осеннем салоне». В годы Первой мировой войны художник воевал. В 1920 г., как и многие, он эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1921 г. по рекомендации Леонида Браиловского, заинтересованного в создании мастерской, где выполнялись бы скульптурные элементы декорации из папье-маше, Загороднюк был принят в Народный театр Белграда в качестве художника и сценографа. С сезона 1923/24 г. он начал самостоятельную деятельность в качестве сценографа: сделал сценографию к 19 драмам и 12 операм. С ним ставили спектакли режиссеры Феофан Павловский, Михаил Исайлович, Александр Верещагин, Бранко Гавелла, Юрией Ракигин, Момчило Милошевич, Зденко Книтл, Йосип Кулунджич, Радивое Веснич, Эрик Хецел, Велимир Живоинович, Мирко Полич. Лучшие работы Загороднюка связаны с постановками Исайловича, например «Смерть матери Юговичей» Иво Войновича (1924 г.). Сценография этой пьесы награждена золотой медалью в Париже на выставке декоративного искусства. Нужно отметить и его совместную работу с Бранко Гавеллой – «Лоэнгрин» Р. Вагнера (1926 г.) и «Генрих IV» Л. Пиранделло (1927 г.), сценография которых решена в манере от «реалистично-пластичной до фантастически театральной или условно стилизованной». В «Антигоне» и в «Юлии Цезаре» Загороднюк выступил и как художник по костюмам. С 1927 г. он много занимался декоративной скульптурой в строительстве, как и памятниками. Из его работ можно упомянуть две большие бронзовые фигуры у входов в бывший Ипотечный банк в Сараево. Интересен такой же банк в Банялуке. Так, вход в здание обозначил двумя бронзовыми фигурами мужчины и женщин, одетых в змианскую народную одежду, украшенную змианским орнаментом (техника вышивки, которой традиционно занимаются женщины в сёлах Змијања (Змиьяня), что близ Банялуки. (Со временем змиански орнамент был поставлен под защиту ЮНЕСКО.) Вдоль всего фасада установил декоративные междуоконные рельефы. Все рельефы, кроме главного над парадным входом, пострадали в 1969 г. во время землетрясения. При реставрации здания фигуры не были восстановлены. Следует упомянуть и многочисленные бронзовые рельефы в главной зале бывшего Ипотечного банка в Белграде. Нужно упомянуть также и ипотечный банк в Вальево, также украшенного его рельефами и скульптурами. Владимир Павлович регулярно выставлялся в «Салоне архитектуры», был участником выставок группы К.Р.У.Г. В марте

940 Ваганова Н. М. Годы исканий В. И. Жедринского (Белград–Брно–Прага–Загреб. 1921–1939) // Культурное наследие Российской эмиграции 1917–1940. В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 368.

1938 г. он успешно представил свои работы на первой выставке театральной живописи. Преподавал Загороднюк в Академии прикладного искусства, передавая знания своим ученикам. Не принявший ни югославского, ни советского гражданства, он в 1949 г. был изгнан из театра. Много лет спустя Владимир Павлович по завещанию отписал все свои театральные эскизы театральному музею Сербии, где я их видел.

«И после смерти он был с нами. Трогательно и больно для всех нас», – писал один из тех сербов, которые помнили и ценили русский вклад⁹⁴¹.

Тодько с 1923 г. по 1940 г. его имя связано с постановками 31 спектакля – 12 опер и 19 драм⁹⁴².

Переходя к от сценографов к живописцам, следует сказать, что первая художественная студия в Королевстве ведет свой отсчет с Галлиполи. Там в «армянской лачуге» работала «художественная студия 1-го Армейского корпуса», которая потом возродилась в Белграде в 1922 г. как «Студия русских художников» в стенах Русского офицерского собрания.

В 1928 г. эта группа организовала первую русскую художественную выставку, открывшуюся 3 мая в павильоне Офицерского собрания Югославянской армии и флота при помощи полковника С.Тодоровича. В ней участвовало 28 русских художников, скульпторов, архитекторов, выставивших около 300 работ.

Тогда же было решено основать «Общество русских художников в Югославии», начавшее отсчет своей деятельности с 12 июня 1928 г. В мае в Офицерском доме белградцы уже могли посетить первую выставку русских картин. Причем, большую часть расходов по ее устройству взяли официальные власти Королевства, в частности, ее покровителем выступил министр просвещения Милан Грол. Там выставлялись А. Ганзен, М. Кузнецов, В. Пастухов, Е. Варун-Секрет, А. Лажечников, А. Биценко, С. Кучинский, А. Быковский, Е. Киселева-Билимович, Л. Ковалевская-Рык, Е. Андрич-Самонова; сценографы – А. Вербицкий, В. Жедринский, П. Фроман; скульпторы – С. Алисов, В. Загороднюк; архитекторы – В. Баумгартен, Р. Верховской, А. Папков. Свою художественную вышивку показала Елена Александрович, главный инициатор выставки⁹⁴³. В сентябре того же года в связи с конгрессом русских ученых, писателей и журналистов в Белграде была «устроена небольшая выставка» под названием «Югославия в изображении русских художников»⁹⁴⁴.

Что еще можно сказать об Обществе? В 1928 г. оно открыло свою школу, в которую устремились многие – от гимназистов до инженеров. Вначале она располагалась в здании

941 См. : *Ваганова Н. М.* Годы исканий В. И. Жедринского. С. 368; *Васић П.* Сценографија и костим од 1918 до 1968. С. 161; *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С.43–44; *Арсенјев А.* Биографски именовик. С. 255; *Милановић О.* Допринос руских уметника развоју сценографије у срба. С. 92–99; *Ракочевић Б.* Магови позоришне радионице; Белоемиграција у Југославији. С. 224; *Просен М.* Зграда државне хипотекарне банке у Ваљеву: непознато дело архитекте Василија фон Баумгартена // *Зборник Музеј примењене уметности.* 06/2010. С. 081; *Мачкич З., Косик В.* Указ. соч. С. 45–46.

942 *Milanović O.* Beogradska scenografija i kostimografija. S. 238.

943 *Beloemigracija u Jugoslaviji.* S. 226.

944 *Русский Дом имени императора Николая II.* Белград, 1933. С. 24–25.

Академии наук, а в 1933 г. переехала в Русский Дом. Из ее учеников можно назвать имя Василия Резникова, получившего известность своими смелыми импрессионистскими работами⁹⁴⁵.

В Скопле русские художники участвовали в работе основанного в 1929 г. общества живописцев Вардарской области. Членами общества художников Моравской области, основанного в 1931 г. были Анатолий Баев, Евгений Лаптев, Иван Лукомский, Василий Рудановский. Просуществовавшее до 1939 г. оно провело несколько выставок-продаж: Ниш (1931), Заечар (1932), Крушевац (1933)⁹⁴⁶.

Немного о поледнем из названных. В галерее городского музея в Нише, устроенного при его участии, хранится его «Портрет неизвестного»⁹⁴⁷.

В июне 1929 г. русские художники участвовали в югославянской выставке «1-го салона архитектуры современного направления» в Белграде⁹⁴⁸. На рубеже десятилетий русские художники, скульпторы, мастера прикладного искусства организовали уже упоминавшуюся группу К.Р.У.Г. в составе: А. Быковский, А. Вербицкий, В. Жедринский, В. Загороднюк, Л. Ковалевская-Рык, В. Лукомский, В. Предаевич, И. Рык⁹⁴⁹. С течением времени туда вошли Е. Варун-Секрет, С. Кучинский, Колп-Стелецкая (Колба-Селецкая О.), А. Биценко, Б. Пастухов, Бризворнов (?), А. Папков, В. Баумгартен, С. Колесников, Н. Исаев, Е. Самонова, П. Фроман⁹⁵⁰. В апреле 1930 г. они открыли свою первую выставку, в марте 1931 г. устроили вторую⁹⁵¹.

Добавлю, что Белград вобрал в себя немногих художников-профессионалов, большинство предпочло Париж – столицу мирового искусства. Может быть, это было и естественно, иначе главный город Королевства «лопнул» бы от переизбытка живописцев, ссорящихся из-за клиентуры. И кого же можно назвать из «академиков» и любителей?

Вначале несколько имен и судеб.

Николай Александрович Исаев (1891–1977), сын станционного смотрителя. Участник первой мировой войны. Был ранен. В 1919 г. уехал в Королевство СХС. С 1920 г. по 1924 г. трудился декоратором Народного театра в Белграде, занимался копированием византийских фресок. В 1925 г. переехал в Париж. Участник многочисленных парижских салонов. Писал пейзажи, натюрморты... В годы войны укрывал в своем доме участников Сопrotивления⁹⁵².

Павел Прокофьевич (Прокопьевич) Королев (1896–1992), крестьянский сын. Учился в Центральном училище технического рисования барона А. Л. Штиглица, потом в

945 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 228.

946 Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т. I. С. 56.

947 Там же. Т. 2. С. 350.

948 Русский Дом. С. 27.

949 Новое время. 1930. 6 мая.

950 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 226.

951 Русский Дом. С. 27.

952 Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т. I. С. 587.

Императорской Академии художеств. Участник первой мировой войны. Известно, что впоследствии некоторое время жил в Сараево. Занимался живописью, графикой. Владелец собственной студии. В 1929 г. уехал в Сирию, где занимался, в основном, прикладной графикой. Получил известность далеко за пределами Сирии⁹⁵³.

Степан Федорович Колесников (1879–1955). Этот крестьянский сын с детства увлекался «бумагомаранием», что в деревенской среде сразу отличало от остальных детей. Первые «уроки» письма он получил от заезжих изографов. «В 1896 г. его рисунки были взяты на Нижегородскую выставку, после чего от земства ему была назначена стипендия»⁹⁵⁴. С 1897 по 1903 г. он стал учиться в Одесском художественном училище у Г. Л. Ладыженского и К. К. Костанди (по др. данным: у А. А. Попова⁹⁵⁵). Его новыми друзьями стали Исаак Бродский и Митрофан Мартыщенко (получивший позднее отцовскую фамилию Греков). Окончание училища по первому разряду дало ему право в 1904 г. поступить без экзаменов в Высшее художественное училище при Императорской Академии Художеств в Санкт-Петербурге. Среди его академических учителей был Илья Репин, оставивший самые лестные воспоминания о мастерстве своего бывшего ученика.

К этому времени у него в браке с Ириной Федоровной Попандопуло, которую он «увел» от Мартыщенко под страхом убить ее и соперника, родилась дочь Люба. Как вспоминала Л. Ф. Гейрот, у художника был весьма непростой, увлекающийся, можно сказать, характер. Достаточно напомнить, что в 1905 г. он принимал участие в студенческом движении, но потом превратился из революционера в монархиста. В этой смене убеждений свою роль сыграли успехи на выставках, подарки...⁹⁵⁶

В 1909 г. его картина «Весна», ранее награжденная в Академии Художеств, была удостоена большой золотой медали и на международной выставке в Мюнхене. Ее сюжет прост: «Поперек картины – река, направо, на склоне высокого берега – пласты снега. Над водой – бурные ветки кустов. На другом берегу кое-где деревья и остатки снега. Небо облачное, хмурое». За свою «русскую жемчужину» он получил благодарность правительства, а от Николая II «золотой портсигар с неотшлифованной верхней крышкой как слиток золота, в левом углу на крышке был отшлифован небольшой круг, посередине которого был крупный бриллиант карата 2-3, с расходящимися от него лучами и подпись: “Да будет твоей путеводной. Николай II”»⁹⁵⁷. Добавлю, что излюбленными темами у него были ранняя весна и поздняя осень. Причем, «деревья у него, – вспоминала Л.Ф. Гейрот, – – всегда бывали какими-то особенными, со своеобразным переплетением ветвей»⁹⁵⁸.

953 Там же. С. 669– 670.

954 РГАЛИ. Ф. 1951. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 23.

955 Незабываемые могилы. 2001. Т. 3. С. 383.

956 РГАЛИ. Ф. 1951. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 26.

957 Там же.

958 Там же. Л. 29.

В том же году имело успех и полотно «В старой усадьбе»: «На переднем плане изображены стволы обнаженных деревьев; тени от них падают влево, на снег и на прогалы. Далее, вглубь, направо, виден каменный забор, а за ним строения. Небо облачное с голубыми просветами». За него Колесников получил право на стажировку за границей. Он поездил по Бельгии, Франции, Германии, Сербии, Болгарии⁹⁵⁹.

Стал членом парижского международного художественного общества «Леонардо да Винчи».

Сербка Соня Маричевич, блестяще защитившая в 2008 г. кандидатскую диссертацию «Творчество С.Ф. Колесникова в контексте художественной культуры русской эмиграции в Югославии в период между двумя мировыми войнами» и отснявшая документальный фильм о его жизни и творчестве, нашла в совсем «не художественных» «Биржевых ведомостях (6 ноября 1912 г.) следующий отзыв о художнике: «... поэт половодья и тающих снегов, тихих русских вод, русской распутицы и хаотической, но какой-то бодрой весны». И каждый, кто видел или увидит картины Колесникова, может полностью согласиться с этими словами.

В 1912 г. С.Ф. Колесников организовал свою экспедицию в Азию, Туркестан и Монголию для художественных, этнографических и археологических целей. После двух лет работы вернулся в Петербург, привезя богатейший материал, и организовал две огромные по количеству выставленных полотен выставки в обеих столицах. Большинство картин было распродано по музеям и частным коллекциям⁹⁶⁰. Его пейзажи, вспоминала Л. Ф. Гейрот, были «залиты знойным солнцем, небеса изумительно лазурные, зелень яркая <...> сарты смуглые в пестрой одежде»⁹⁶¹. Любители высокого искусства, не обладавшие достаточными средствами, могли довольствоваться репродукциями в расхоронившейся по всей России «Ниве»⁹⁶².

В 1914 г. он стал академиком живописи.

На картинах Колесникова нашла свое отражение и Великая война. В частности, много батальных сюжетов кисти художника можно было встретить в журнале «Огонек»⁹⁶³.

После революций 1917 г. художник, как и многие, покинул Россию.

С 1920 г. Степан Федорович осел в Сербии, откуда была родом его мать. Вначале никому здесь не известный сорокалетний художник был вынужден, как пишет С. Маричевич, работать грузчиком на железнодорожном вокзале. Но он продолжал верить в свою звезду и не бросал кисти: в витрине одного из книжных магазинов, он выставил две акварели с предложением писать на заказ. Колесников быстро снискал известность, вошел в моду.

959 Там же.

960 Новое время. 1922. 3 янв.

961 РГАЛИ. Ф. 1951. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 35.

962 Новое время. 1922. 3 янв.

963 РГАЛИ. Ф. 1951. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 50.

В январе 1922 г. белградцы уже смогли посетить его выставку картин. Там экспонировались полотна под незатейливыми названиями как «Село Всехсвятское», «Базарный день на Волге», «Разлив», «Помидоры», «Тает снег», подтверждавшие славу замечательного колориста. Выставлялись и портреты, например г-жи Юреновой. На обозрение публике были представлены и картины иного характера: «Тайная Вечеря», полотно с изображениями святых в полный рост для церкви в Летнаваце (архитектор Андросов), в 80 км от Белграда. Особенно отмечалось прессой изображение св. Николая Чудотворца. Ко времени открытия выставки он написал в Сербии около 100 картин и 20 уже успел продать во время ее работы⁹⁶⁴.

Пользовалась популярностью у недавних жителей России и у строителей Великой Сербии картина, написанная Колесниковым по идее М. Г. Шевича. На левой стороне полотна – Россия под большевиками, на правой – цветущее Королевство сербов, хорватов и словенцев, в центре – будущее воскресение славянства⁹⁶⁵.

В своем письме к Репину от 2 февраля 1925 г. Колесников писал о принявшей его стране и своих успехах: «... Я брошен судьбою в Белград (Сербия) и вот уже 4 ½ года работаю здесь: написал плафон в оперном театре, около 80 квадр. метр. (Мифологическая фантазия), написал 17 панно больших для Палас-отеля, написал 8 панно для зала заседания в банке в Белграде, в 21 году устраивал свою выставку, было 97 номеров (картин – В. К.). Очень успешно прошла и морально и материально, а сейчас, т. е. 2 февраля, по желанию Его Королевского Величества, устраиваю выставку на 3–4 дня в королевском дворце для их Величества. А вообще готовлю свою выставку на ноябрь месяц в Белграде довольно большую (около 200 номеров). Есть несколько вещей довольно больших по размерам <...>. Работаю очень много и только в любимом труде нахожу облегчение и временно забываю свою тяжкую болезнь – беспредельную тоску по Родине. Верьте мне, глубокоуважаемый Илья Ефимович, я обласкан в стране близкого нам народа – сербов, и тепло мне и моей семье (которую я с трудом отыскал в Египте в 20 году), но я страдаю, болит душа, как только оставляю палитру и кисти. Та колоссальная продукция и энергия остается вне моей родины и не отдается мною моей родной земле. Но, Бог милостив, я жду»⁹⁶⁶.

В ноябре 1925 г. состоялась упомянутая выставка Колесникова, разножанрового характера. Здесь и картины, сюжеты которых связаны с недавним боевым прошлым сербов, такие, как полотно «За отечество на Каймак-Чалане»⁹⁶⁷. Соня Маричевич отыскала на эту картину весьма любопытный отзыв, опубликованный в том же году в газете «Вечернее время»: «Колесников является единственным из всех иностранных художников, живущих у нас, который смог создать наш пейзаж, но Колесников пошел и дальше; он вошел в нашу историю, он передал то, что ни один из наших военных художников до сих пор не передал и

964 Новое время. 1922. 3 янв.

965 Новое время. 1922. 2 февр.

966 РГАЛИ. Ф. 1951. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 1 и об.

967 Новое время. 1925. 26. нояб.

вряд ли передаст, он передал Каймакчалан, он передал это как брат, понимающий страдания своего брата, такая картина нам была нужна и вот теперь она у нас есть». Ее сюжет связан с тяжелой битвой в сентябре 1916 г. сербской армии с болгарскими войсками на Салоникском фронте, близ Битоли. В ней они проявили чудеса героизма, в итоге освоив «неосвоюемую» горную вершину Каймакчалан, имевшую стратегическое значение. Само полотно с изображением поля битвы с разбросанными мертвыми телами и кружащими над ними стервятниками выдержано в русской традиции батальной живописи и несколько напоминает знаменитую картину Виктора Васнецова, которую можно увидеть в Третьяковке.

Экспонировались полотна, на которых можно было любоваться безыскусной жизнью и красотой природы – «На дороге Сараево – Мостар», «У Прилепа», «Осень около Лукова» (близ Заечара). Были представлены и среднеазиатские воспоминания: «Тигр в горах Тяньшана», «Туркестанские сарты», «В Туркестане». Непременными были и картины, посвященные ушедшей России: «Соперницы» – сцена из малороссийской жизни, «Водяная мельница», «Утром», «Рыбак», «Курская губерния», «В Виленской губернии», «У церковной ограды»⁹⁶⁸. Репин в письме к Колесникову от 21 октября 1926 г. чертил стремительные строки: «Я так очарован снимками с Ваших чудесных картин!.. От восторга у меня язык прилип к гортани... Ваши картины чудо! Какой размах! Какая кисть! И сколько вкуса!...»⁹⁶⁹

Конечно, Илья Ефимович всегда был щедр на похвалу, даже чрезмерен в своих восторгах. Но о Колесникове в его высказываниях нет преувеличений. Надо просто смотреть его картины. Один из шедевров художника, которые я видел, – это «Летний луг». На сравнительно небольшом куске фанеры (38,5 x 52, 4) на переднем плане изумительно свежая зелень луга с краплениями маков и головок белых цветов, на втором – небольшая темно-зеленого цвета рошица, возможно тянущаяся вдоль воды с фиолетовым оттенком. Правда, немного смущает темно-синий цвет, запутавшийся в ветвях деревьев. Это не голубой проблеск неба, а что-то другое. Картина с ее простым сюжетом дарит впечатление свежести и в то же время какой-то тайны, проглядывающей в холодной синеве воды. Будучи модным художником, Колесников имел обширную клиентуру, вкладывавшую деньги в «картинную недвижимость». На его полотнах были не только русские традиционные мотивы с церквями, но и сербские пейзажи, сербские святые, зарисовки балканской природы. «Люди, изображенные на картинах, на фоне пейзажей – это крестьяне, рыбаки, нищие <...> любил писать портреты стариков с морщинистой кожей»⁹⁷⁰.

В его жизни и творчестве случались и чудеса или необъяснимые явления. Просматривая сербскую прессу, Соня Маричевич, рассказывала мне, что обнаружила в одной из белградских газет небольшую заметку «Лик императора Николая II в сербском монастыре св. Наума» (от 11 августа 1927 г.). В ней рассказывалось о том, что художник, приглашенный

968 Новое время. 1925. 26 нояб.

969 РГАЛИ. Ф. 1951. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 4

970 Там же. Ед. хр. 12. Л. 49.

для росписи храма, задумал написать на стенах лики 15 святых в 15 овалах. 14 изображений были написаны без труда, а последний овал оставался незаполненным. Однажды, когда Колесников вошел в церковь, купол которой прорезывали лучи заходящего солнца, он внезапно увидел, как в пустом овале появилось изображение Николая II. Под влиянием увиденного художник и вписал в последний овал лик последнего русского царя-страсто-терпца. К настоящему времени нахождение всех этих овалов с ликами неизвестно.

Цена на его картины были высокими, особенно после того, когда он, как уже упоминалось, расписал потолок – композиция «Богиня Талия на квадриге» – в обновленном Народном театре. Правда, в 1941 г. во время немецкой бомбардировки Белграда 6 апреля его живопись серьезно пострадала, впоследствии была реконструирована.

Причем сам художник довольно критично относился к своим работам. В письме к Репину от 12 августа 1929 г. о своем путешествии по стране он писал: «... Много месяцев я провел в южной части Балканского полуострова – Македонии и Албании. Чрезвычайно живописный и какой-то особенно дикий край, конечно, дикий в смысле природы, когда углубишься в горы и долины, то так и кажется, что вот, вот тебя окружит первобытная, косматая порода людей, а потому и кладет эта природа на современное население невероятно загадочный и мистический облик в costume, и в характере, в образе жизни и в манере говорить. Работаю, как всегда много, иногда хорошо, когда очень плохо, но больше плохо, чем хорошо, а это приносит постоянное, почти постоянное душевное страдание, трепетное ожидание результатов работы, потом чувство обиды и досады, почему-то всегда думаешь лучше, чем пишешь, но надежда всегда спасает, всегда убежден, что вот теперь напишу, следующее так уж не так, как предыдущее, и так бесконечно, всегда кому-то угрожаешь тем, что следующая работа будет именно то самое, что хочу написать, а неумолимое колесо вертится без остановки»⁹⁷¹.

Безусловно, русского художника и его картины воспринимали по-разному. Одни называли за его творческую плодовитость «фабрикантом картин» (примерно 6 000 картин, эту цифру приводит Соня Маричевич, основываясь на утверждении самого художника), забывая Рубенса, Гойю, Тициана. Другие видели в его картинах выгодное вложение капитала. Третью, как один из самых известных и знаменитых мастеров кисти Пайя Йованович, считали его «самым лучшим современным югославским художником». Последнее десятилетие своей жизни Колесников страдал от болезни Паркинсона и «было настоящее чудо как он мог ухватить кисть, но он работал не ради денег <...> а потому, что его талант не давал ему покоя». После его кончины один из почитателей его таланта, Божо Божич, риторически вопрошал недоброжелателей Колесникова, почему в Югославии подделывают только его живопись, почему люди за «Колесникова» готовы платить десяти кратную цену?⁹⁷²

971 Там же. Ед. хр. 7. Л. 2 об.3.

972 Там же. Ед. хр. 11. Л. 4.

Многие его картины «разлетелись» по свету, что-то осталось и для Белграда нынешнего, XXI века и для Москвы, России, в которой он опять вызывает восхищение своим мастерством. Кстати, зимой 2009 г. в магазине на Тверской, что рядом с памятником князю Юрию Долгорукому, я увидел одну из картин Колесникова. Его «Прачка. Зима» (картон, смешанная техника) стоила примерно 35 тысяч долларов. Дороговато. Но колорит потрясающий: темноватый от сумерек снег, на переднем плане удаляющаяся фигура крепко сбитой женщины в синей юбке с белыми горошинами, поверх жакета полушалок с кистями и красной каймой. С одной руки свешивается пук белья, другой тянет легкие изящные санки с выстиранным цветным платьем.

Картины Колесникова обнаруживаются и в непривычных местах, как при раскопке Королевского замка в Кенигсберге (совр. Калининград), (пейзаж «Весна», 1912 г.)⁹⁷³ и в традиционных московских галереях.

Например, осенью 2023 г. в галерее «Коносьерь», что в Банковском переулке, мне посчастливилось увидеть еще несколько полотен, например, «Урожай». Картина с изображением двух девушек, убирающих хлеб серпами, выдержана в изумительной гамме тончайшего «урожайного» цвета с белизной девичьих рубашек и бордовым цветом, присутствующим в их платье...

Что еще? В Белграде он слыл «знаменитым русским художником» как подписывал на конвертах к нему Репин.

Кстати, вместе с Колесниковым у него училась и Елена Андреевна Билимович (1878–1974), о которой Илья Ефимович в письме от 21 октября 1926 г. писал такие строки Степану Федоровичу: «... вот что удручает: как она при ее фундаментальном таланте, так не верит в себя и так не производительна, и мы о ней ничего не знаем!!!!!! Подымите ее до облаков и заставьте летать! Летать! Летать!»⁹⁷⁴ Однако было не так просто «летать». В 1929 г. в письме от 12 августа Колесников писал Репину, что «Елена Андреевна Киселева ничего не пишет, дети ее захватили»⁹⁷⁵.

Судьба этой женщины могла бы послужить основой для романа с грустной концовкой.

Елена родилась в семье учителя математики реальной гимназии Андрея Киселева, автора знаменитого учебника по математике, и его супруги Марии Эдуардовны (в девичестве – Шульц). В 1890 г. девочка пошла в гимназию сразу во второй класс, закончив ее с золотой медалью. В 1897 г. уезжает в Санкт-Петербург и поступает на математическое отделение Бестужевских курсов. Потом она подхватила тиф, и врачи запретили умственные занятия. С математикой было покончено. Тогда появилась новая страсть – живопись. Осенью 1898 г. Елена Андреевна была принята в императорскую Академию художеств.

973 Пржедомский А. С. Янтарный призрак. Документальная повесть. Калининград, 1997. С. 236.

974 РГАЛИ. Ф. 1951. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 1 об.

975 Там же. Ед. хр. 7. Л. 3.

Завершив обучение в 1907 г. по классу Ильи Репина, она в 1908 г. поехала в Париж на стажировку. Веселая и свободно-любовная Лютеция стоила ей мужа (Николай Черный-Перевертанный), женившегося на некоей русской балерине, но дружба осталась. К парижскому периоду относится ее автопортрет «У себя», удостоенный позднее премии имени А. И. Куинджи. У этой картины есть прекрасный словесный портрет от тонкой ценительницы и знатока творчества русских художников на Балканах, Сони Маричевич. Она пишет: «Е. А. Киселева изобразила себя в ярких декорациях своего дома. Широко распахнутые двери, красные стены с яркими живописными полотнами, фигура самой художницы в синем платье с широкой пышной юбкой и плаще. Поворот фигуры и осанка, высокая прическа и улыбка на лицо <...> говорят зрителю о невероятном жизнелюбии художницы. Этот портрет полон энергии, счастья, молодости и красоты». После двух лет Елена вернулась в Россию. Продолжила рисовать в традиции «передвижников» и «мирискусников». Выставлялась успешно в России, Германии, Италии. В 1910 г. она стала первой из женщин членом общества архитекторов-художников. Еще раньше, в 1908 г. ее выбрали в члены Академии художеств Франции, в 1911 г. – Италии. В 1913 г. художница написала еще один изумительный портрет «Маруся», который можно увидеть сейчас в Воронежском музее. На картине изображена молодая черноволосая красавица с беломраморным лицом и с янтарным ожерельем вокруг шеи. На ней темно-синее платье и просторная накидка смешанных белого и розового или красноватого цветов. Сочетание красок изумительно. Немного напоминает Серова. Недаром Киселева первой из женщин России была удостоена Академией художеств пенсионерства, т. е. поездки для совершенствования за границу. Позднее, уже в эмиграции, Елена Андреевна напишет: «Я всегда была портретисткой и страстно любила изображать красивых, интересных женщин». В годы германской войны прибыла в Одессу, встретила известного математика, родом из Житомира, Антона Дмитриевича Бич-Билина Билимовича, с которым связала свою жизнь. В 1920 г. они с сыном покидают Одессу и приезжают в Сербию. Чувство благодарности за гостеприимство и симпатии к братьям сербам отразилось в рисунке Киселевой. На фоне панорамы Белграда молодой смуглый сербский крестьянин с крючковатым носом в народной одежде сердечно протягивает руку русскому, к которому прильнула белокурая девочка с косичками. 4 сентября 1923 г. после развода с первым мужем, она венчалась с Антоном Дмитриевичем и взяла второй фамилией фамилию мужа, став Киселевой-Билимович. А 25 сентября священник Петр Беловидов и дьякон Владислав Неклюдов крестили их сына. Живопись все больше уходила в прошлое. В письмах к воронежской исследовательнице М.И. Луновой, открывшей для России Елену Андреевну Билимович, есть такие строки: «Я согласна, что я была очень одаренная художница в свое время, но это как-то стерлось, заглохло», «Жизнь давно забрала меня всю целиком, и художницей я была как-то сбоку, в стороне. А главное была очень сложная, трудная жизнь. А тут революция, война, беженство. В это трудное время у меня создалась новая семья, родился сын, где уж тут было думать о художестве». «Временами, когда было легче, когда жизнь

успокаивалась, возвращалась возможность мне вспомнить, что я могу взять кисть в руки», «Мой муж слишком большой ученый, совершенно поглощенный своей наукой и своими работами, не мог помогать мне в ведении хозяйства и в воспитании сына. Все было на мне», «У нас много людей, бывало, жили, что называется “открыто”, но никто не интересовался художницей Киселевой», «Но иногда, когда что-нибудь исключительно меня воодушевляло, я снова бралась за кисть, таким образом, получилось несколько хороших портретов, но уступающих “Марусе”». «Со стороны сербских художников замечена не была – здесь направление очень новаторское, а наша старая манера слабо ценится», «В эмиграции было, конечно, очень трудно и не до живописи. А когда мы стали на ноги, было уже поздно. Восторжествовало новое направление в живописи, и я стала не нужна, или я так чувствовала для себя». К этим грустным размышлениям могу только добавить, что творчество Елены Андреевны нашло своих поклонников на родине. А тогда, в эмиграции, она по мере сил принимала участие в выставках с картинами «Портрет госпожи Ковалевской», «Портрет поэтессы Журавской», «Портрет Петра Струве» и пр. Занималась и иконописью: упомяну «нестеровский лик» Иисуса Христа на фоне русского пейзажа. И все же больше сведений о светской живописи. Так, я нашел отзыв из «Нового времени» о работах Елены Киселевой-Билимович, экспонированных в мае 1928 г. на выставке объединенных русских художников: «Очаровательны “Крестьянские девушки” Киселевой. Русский Север смотрит с картины во всей свежести своего колорита. Сидят на скамье в ряд деревенские красавицы в красных юбках, и у каждой – свое лицо и движение. Что-то “маявинское”, но смягченные, умиротворенные и выписанные». Потом были и другие выставки. Казалось, жизнь только будет радовать. Сын женился. Можно больше времени отдавать живописи, но вмешалась Вторая мировая война. Пришло время страданий. Сын Арсений и его жена в 1942 г. были увезены в Германию. Вернувшись в 1944 г., Арсений тяжело заболел и ушел из жизни. Мать решила тогда проститься со своей радостью, бросив живопись. Последним рисунком был «Син на одору» («Сын на одре»), который до своей кончины держала у себя в комнате. Во время кремации был сожжен и этот последний рисунок. Муж умер в 1970 г. Сама, осудив себя на вечное молчание, находя утеху в саду с розами, Елена Андреевна ушла из жизни через несколько лет, завещав картины родному Воронежу⁹⁷⁶. В 1969 г. в Воронеже состоялась первая выставка, посвященная 90-летию со дня ее рождения. Потом музей приобрел ряд картин художницы у коллекционеров, получил картины в дар от автора. В 1974 г. в музее был организован отдельный зал, где были выставлены несколько десятков ее произведений⁹⁷⁷.

976 Новое время. 1928. 16 мая; *Межинска Ј. Јелена Андрејевна Киселов Билимович // Руси без Русије. С. 141–148; она же. Дела русских уметника у београдским културним збиркама // Руска емиграција. С. 89–90; Лунева М. Сербский дар // Славянская душа. 2004. № 2; Маричевич С. Елена Киселева: жизнь и творчество // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 3 (22).*

977 *Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники русского зарубежья 1917–1939 Биографический словарь. Санкт-Петербург, 1999. С. 324–325.*

Еще несколько имен и судеб художников и их картин.

В 1926 г. в зале клуба югославянских журналистов состоялась первая выставка А. И. Лажечникова, ученика А. А. Кисилева и А. И. Куинджи, близко знавшего Левитана, с которым ездил на этюды. Тогда белградские ценители прекрасного могли увидеть такие его полотна, как «Раба», «Дубровник», «Сплит», «Великий Бечкерек», «Аллея в Турецком Бечее», «Родные дали»⁹⁷⁸.

Кто же он был? Александр Иванович Лажечников (1872–1944), внук Ивана Ивановича Лажечникова, автора исторических романов, когда-то имевших шумный успех. После окончания императорской Академии художеств он стал учиться в Археологическом институте. В 1920 г. Александр Иванович прибыл в Королевство. Зарабатывал на жизнь в школе: с 1923 г. по 1941 г. в Великом Бечкерек Лажечников преподавал рисование в гимназии. Вошел в группу «великобечкерекских импрессионистов», куда входили Биценко, Шеломов, Карпов, Михайловский. С 1921 по 1940 г. у него было пять персональных выставок. В 1921 г. художник, вероятно, по заказу, создал «требуемую» композицию на популярную тему «Братство Югославии» для интерьера городского филиала Сербского кооперативного банка. Писал Лажечников портреты, миниатюры, пейзажи Адриатики, Македонии, Словении, Баната. В Белграде он начал выставляться с июля 1926 г. (вернисаж в Югославском клубе журналистов). С 1928 г. Лажечников регулярно участвовал в коллективных выставках русских художников в Белграде. А в военном 1941 г. художник совершил смелый поступок: отказался написать портрет одного из нацистских вождей по требованию местных властей. Поплатился он малым: отправили на пенсию. В 1944 г. Александр Иванович открывал последнюю выставку русских художников в Белграде. Не забывал и свою археологию: после его смерти были найдены написанные, но не изданные работы по археологии в России. В 1962 г. его жена Ольга Лажечникова отвезла в СССР свыше ста полотен своего мужа⁹⁷⁹.

Лукомский Иван Степанович (1897–1965), живописец, скульптор, педагог и... «путешественник». Летом 1917 г. двадцатилетним юношей он уехал с друзьями из «свободной России» в путешествие по Европе и Африке. В 1919 г. он оказался в Турции, откуда уже со статусом беженца перебрался в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1925 г. Лукомский окончил королевскую художественную школу. Как и многие его товарищи по ремеслу, он зарабатывал на жизнь преподаванием рисовани: учил детей в мужских гимназиях Скопле и Крушевца. В 1929 г. Иван Степанович принял югославское подданство, что позволяло упрочить положение в школе. Работая преподавателем, он не бросал и свою любимую живопись. Более того, Иван Степанович стал одним из основателей Объединения художников Моравской области: участвовал в его выставках с пейзажами и натюрмортами. В 1943 г. Лукомский «ушел в лес», в партизаны. После освобождения

978 Новое время. 1926. 18 июля.

979 Латинчич О., Ракочевич Б. Указ. соч. С. 633–634.

Крушеваца Ивана Степановича новая власть назначила его, как интеллигентного человека, а главное, проверенного войной, на пост директора городского театра. Правда, в 1946 г. Лукомский переехал в Тузлу, затем в Биелину, где вернулся к старой профессии учителя рисования в гимназии и в педагогическом училище. Что еще сохранила о нем память? Лукомский вылепил бюст своего собрата по цеху художника Д. Васильева (надгробие на кладбище в Крушевце), создал памятник красноармейцам – освободителям Крушевца⁹⁸⁰.

Петр Петрович Сухачев (1886–1967). Известно, что он получил художественное образование еще в России. После 1920 г. Петр Петрович, участник Гражданской войны, эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев и осел в Хорватии или в «Новой Сербии», как тогда называли эту недавно присоединенную страну сербы, строившие Великую Сербию. Продолжил учебу Петр Петрович в Королевской академии искусств в Загребе. Потом, как и все, он работал со 2 сентября 1926 г. учителем рисования по контракту в гимназии г. Бихача, в этом «медвежьем углу» Королевства. В свободное время Петр Петрович продолжал рисовать: выставлял свои работы в Русском доме в Белграде. Сухачев был одним из тех, кто расписывал здание Народной Скупщины в Белграде, писал фрески в нескольких православных храмах. Новую власть Сухачев, как и большинство старых русских «эвакуантов», не желал признавать. Поэтому в 1945 г. он вновь стал беженцем, попал в лагерь перемещенных лиц в Западной Германии. Потом Сухачев выехал в Абиссинию, семь лет занимался росписью церкви, дворца негуса и его трона. С 1957 г. художник обретался в Канаде, где приобрел известность в сфере религиозной живописи и как портретист⁹⁸¹.

Василий Петрович Антипов (1889–1968) получил художественное образование в Северной Пальмире. Судя по исследованию М. Медарич, прибыл в Королевство, точнее, в Славонский Брод в составе труппы Федора Щукина, работавшего в мирной России режиссером севастопольского театра. Однако гастроли провалились, что было редкостью, и труппа, в которой Антипов работал сценографом, распалась. Каждый был волен выбирать свою дорогу: Антипов предпочел остановиться в Славонском Броде: там получил работу в местном музее, занимался оформлением этнографических и археологических экспозиций. Этот музей приобрел и ряд его живописных работ, связанных со славонскими пейзажами, городом, его историей⁹⁸². Могу только здесь добавить, что его биография еще полна белых пятен. В частности, в конце 1920-х гг., как будет позже сказано, он работал сценографом в столице Королевства. И что его заставило приехать, а потом покинуть Белград, пока неизвестно. Антипов не смог нигде прочно «зацепиться», поэтому был вынужден вернуться к твердому заработку, рутинной работе и к провинциальной жизни.

Кучинский Сергей Иванович (1886–1969). В 1905–1913 гг. он учился в Московском училище живописи, ваяния, зодчества, что на Мясницкой улице. Параллельно

980 Незабываемые могилы. 2004. Т. 4. С. 235.

981 Александров Е. А. Указ. соч. С. 401; Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 295.

982 Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 297.

занимался на юридическом факультете Московского университета, что было, видимо, связано с требованиями отца, не видевшего «в художничестве» особого толка. Но связь с искусством у сына оказалась сильнее. В 1913 г. Сергей Кучинский выставил свои работы в первопрестольной. Потом начались войны, и наступило время выбора: «Кто не с нами, тот против нас». И Кучинский сделал его, покинув в 1920 г. «большевистскую» Россию и обосновался в Белграде. С 1920 г. по 1946 г. Сергей Иванович работал сценографом на театральных подмостках столицы и подрабатывал преподаванием рисования в 1-й русско-сербской мужской гимназии (1924–1944 гг.). Правда, у Т. В. Пушкадия-Рыбкиной указано, что вел преподавательскую деятельность с 20 сентября 1923 г. по 2 сентября 1944 г. Что еще? Писал Кучинский пейзажи, натюрморты, портреты. Был оформителем многих спектаклей Русских театров, а также столичного Народного театра в Белграде. Участвовал в 1-й выставке объединения русских художников в Королевстве СХС (1928 г.), в Большой выставке русского искусства (1930 г.), в Выставке Русского художественного общества (1933 г.). Выставлялся и в 1-й и 2-й периодических выставках русских художников (1937/38 и 1939 гг.). В 1940 г. Сергей Иванович провел персональную выставку картин в стиле постимпрессионизма. В 1945–1946 гг. он работал сценографом Народного театра в Белграде. В 1947 г. Кучинский переехал в Риэку, где встал во главе художественной части местного народного театра. В его сценографии были, в частности, поставлены «Шехерезада», «Борис Годунов», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Бахчисарайский фонтан», «Ревизор», пьесы К. Гольдони и Л. Пиранделло для итальянского театра. В 1953 г. он участвовал в 1-й сценографической выставке и выставках Общества художников Хорватии (1952–1968) в Риэке. Персональные выставки художника прошли в 1953, 1961, 1964, 1965 гг. В 1965 г. Кучинский посетил Москву, сделал ряд зарисовок старой и новой Москвы, которые представил на выставке «Москва-Риэка – две любви» (Риэка, 1965)⁹⁸³.

Сергей Байкалов-Латышев (1905–1983) родился в офицерской семье. Детство он провел в тогда еще русском Харбине. Семи лет Сергей надел форму, став воспитанником харбинской Школы-Приюта Его Императорского Величества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича для детей офицеров Заамурского округа пограничной стражи. В военном 1914 г. Сергей переехал в Киев, где продолжил обучение в Киевском Владимирском кадетском корпусе. Потом, в 1920 г., был сводный Киево-Одесский кадетский корпус в Сараево и увлечение рисованием, озорными графическими портретами своих преподавателей и воспитателей. Талант к живописи у него не случаен, если вспомнить, что родным братом его матери был председатель Петербургского общества куинджистов Яков Иванович Бровар. Но, вероятно, Сергей к своему дарованию не относился серьезно. В Белградском университете он сменил два факультета, технический и философский, прежде чем вновь вернулся к живописи. Дебютом стали открытки с изображением характерных

983 *Лейкинц О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники русского зарубежья 1917–1939. С. 358–359; *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 147–148.

типов столичных улиц: разносчиков, пильщиков-албанцев, чистильщиков сапог и пр. Брали их в киоски неохотно, в одном даже обругали, сказав, что его рисунки просто позор для Белграда: выручили немецкие летчики, раскупившие все! Спустя много лет он издал альбом «Типы старого Белграда», получивший отличную критику и прессу. Но до этого было очень далеко. Как вспоминал сам художник, его «соблазнителем» стал Николай Тищенко, сотрудник юмористического журнала «Ошишани Жеж» («Остриженный Еж»). С его помощью Байкалов-Латышев опубликовал там несколько своих рисунков, а потом, по совету «Слона» (кадетское прозвище Тищенко), записался на вечерний курс рисунка сербского художника Добровича. Учился Сергей у многих. Здесь можно назвать школу академика живописи Младена Йосича, как-то сказавшего небольшую, но очень яркую речь: «Господа! Вас здесь около ста, мечтающих стать художниками. У вас есть одно общее – это то, что вы все немножко “тронутые” <...>. Но выбьются в художники двое-трое. А остальные потонут». Сергей «выплыл». Как вспоминал он дальше, многому его научил своими рисунками академик живописи Любомир Йованович, блестящий рисовальщик карандашом. Из русских художников Байкалов-Латышев с благодарностью отмечал Колесникова, советы которого «всячески старался использовать», а также мариниста Сосновского, оказавшего на него влияние своим «письмом» моря. О художниках моря Байкалов-Латышев, ставший позднее сам блестящим маринистом, напишет так: «хороших маринистов мало. Вот условия для этого: надо любить морскую стихию, во всех ее перевоплощениях. И тогда, когда оно приятно вас ласкает и нежит, и тогда, когда оно срывает свой буйный нрав взволнованной стихии, на нас, потерянных в бесконечных просторах океанов. Здесь получает свое оправдание и глубокий смысл поговорка: “*Кто в море не бывал, тот Богу не молился*”. Ощущение реального присутствия Творца и Его воли испытывал не раз моряк <...> в реве разъяренной бушующей стихии. В любви к морю кроется творческая интуиция художника-мариниста...». Но наступившая вторая мировая война «отодвигала» море. Надо было решать: с кем ты и кто ты. Сергей не стал отсиживаться дома и не ушел «в лес», к партизанам. Сын офицера сделал свой выбор. Вначале была служба в казачьей дивизии, потом в РОА (Русская освободительная армия, священная с фамилией А. А. Власова). Он вернулся к морю только после войны, уехав в Чили, где заново создал себе имя в Сантьяго и Вальпараисо полотнами Тихого океана. Не бросал там и религиозную живопись: написал для православного храма в Винья дель Мар иконы северных и южных врат и двухметровые иконы поклонного ряда. Незадолго до прихода к власти президента Альенде Сергей Байкалов-Латышев уехал в Испанию, а потом во Францию. В Европе он рисует Атлантику, иконы. Его работы выставляются в хороших галереях. Пользовался вниманием ценителей марины. Ушел из жизни после продолжительного и тяжелого недуга⁹⁸⁴.

984 Байкалов-Латышев С. Как я стал художником (<http://www.xx13.ru/kadeti/baikalov.htm>)

Матвей Эдмундович Рейтлингер (1897–1983) успел повоювать и в Первую мировую и гражданскую войны. О нем известно не так уж много. С 1920 г. Матвей обосновался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В 1932 г. он окончил Королевскую школу искусств. Но вплоть до 1941 г. продолжал посещать вечерние классы профессора Петра Добровича. Еще в студенческие годы, во время каникул, художник участвовал в росписи храмов по всей Югославии. В 1933 г. приглашен был расписывать королевскую виллу на Дединье, что говорит уже о его высоком профессионализме, таланте. Работал и в области книжной иллюстрации. Не желая попасть «в руки красных», он в 1944 г. бежал в Германию. А оттуда обычная для многих дорога в США, куда он приехал в 1951 г. и продолжил заниматься любимым делом. Писал иконы для православных приходов и частных лиц, рисовал картины на пушкинские темы, иллюстрировал произведения русских классиков. Успешность живописи Рейтлингера подтверждалась выставками в Югославии, Германии, США⁹⁸⁵.

Прудков Евгений Николаевич (1903–1991). В 1920 г. в составе Крымского кадетского корпуса Евгений прибыл в Королевство СХС. Отличавшийся уже к этому времени несомненным талантом к живописи, он написал для корпуса портреты императора Николая II и императрицы Марии Феодоровны, ряд икон и декоративное панно с изображением Московского Кремля. После ухода из кадетов Прудков уехал за знаниями в Белград. Он пробовал себя на архитектурном отделении Белградского университета, в художественной школе и в Академии художеств у сербского импрессиониста М. Миловановича. В 1931 г. Евгений окончил академию, «получил стипендию для продолжения учебы в Бельгии, но отказался от поездки из-за слабого знания французского языка». А потом была обыкновенная история: стране требовались учителя рисования, а молодым талантам нужны были деньги на жизнь. С 1936 г. Евгений Николаевич преподавал рисование, каллиграфию и историю искусств в гимназиях городов Обреновац, Пирот, Бела-Паланка. Но он не бросал красок: писал картины, иконы, занимался театральной живописью. Немного из личной жизни: женился на Ольге Павловне Милованович. По его совету она окончила художественную школу и также стала учительницей рисования. В годы войны художник жил в Неготине, после ее окончания осел в Косовской Митровице. До выхода на пенсию (1970 г.) продолжал учительствовать, не бросая живописи. Писал пейзажи, портреты государственных деятелей, в том числе и маршала Тито для официальных учреждений, а русских царей для своих соотечественников. В конце 1960-х гг. Прудков провел в Косовской Митровице две персональные выставки. «Занимался каллиграфией и участвовал в почерковедческих экспертизах в суде». В конце 1970-х гг. художник переселился в Белград. С 1978 г. вследствие болезни прекратил заниматься любимым делом⁹⁸⁶.

); Козьякин Н. Светлой памяти Сергея Байкалова-Латышева (Там же.)

985 Александров Е. А. Указ. соч. С. 426.

986 Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники русского зарубежья 1917–1939. С. 474.

С городом Битоли связаны имена живописцев Георгия Канарева, писавшего старый Битоли и пейзажи, Иосифа Муравича, Евгения Двораковского плодovitого Владимира Клочко, множество полотен которого находится в далекой Словении⁹⁸⁷.

В Белой Церкви для новопостроенного храма св. Иоанна Богослова писали иконы Иван Павлович Трофимов и Евгения Лукинская, резьбу по дереву выполнил Петр Севастьянович Савченко⁹⁸⁸.

Борис Нилович Литвинов (1872–1951), генерал-майор, член-корреспондент императорской Академии художеств (с 1895 г.). По служебной надобности он изучал Туркестан, собирал материалы по истории и географии этого региона. В годы германской войны Литвинов был награжден Георгиевским оружием и орденом св. Георгия. Воевал он и в составе Добровольческой армии. В эмиграции обосновался в Белграде⁹⁸⁹. Его военные знания не были, видимо, востребованы: связей не имел, и по возрасту уже не подходил. Выручал талант незаурядного художника.

Писал образа, но об иконописце Литвинове мало что известно. Больше сохранилось свидетельств о его светской живописи.

Так, корреспондент белградского «Нового времени» Константин Шумлевич, побывав на закрытой выставке 55 написанных гуашью картин, писал, что «картины написаны с тончайшей отделкой деталей и напоминают миниатюры». Глядя на них, можно было увидеть, а кому-то и вспомнить Русский Восток – Туркестан и Бухару, где «синее южное небо, восточные храмы и минареты с их нежной ажурной архитектурой». Удостоились похвалы «Купола великого Тамерлана (XIV—XV вв.), «Маки в цвету» (Бухара), «У берегов Каспийского моря» (Краснозаводской залив), «Развалины гор. Мерва», «Утро на афганской границе», «Рассвет в Каракумах»⁹⁹⁰. Не был забыт Литвиновым и Русский Север – «Сбитеньщик», «Серенький денек», «Деревушка», «Березовые дороги Аракчеева», «Утро в Вологде» и др.⁹⁹¹

Успех, казалось, сопутствовал художнику-генералу. После двух выставок за океаном, в Бостоне, Литвинов устроил закрытую выставку в Белграде в Сербском офицерском доме. Картины – Туркестан, Дубровник⁹⁹².

Но, видимо, живопись все же не давала достаточно средств. Здесь свою роль играла и конкуренция и мода. Среднеазиатские сюжеты, вероятно, не пользовались успехом у сербов, которым они были чужды, а картинами с «серенькой Русью» был заполнен рынок.

Его внук профессор Белградского университета Андрей Витальевич Тарасьев в беседе (18 сентября 2008 г.) с Александрой Никифоровой вспоминал, что дед говорил

987 Стерјовски А. Указ. соч. С. 78, 79.

988 Арсеньев А. Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине. С. 233.

989 Незабываемые могилы. 2004. Т. 4. С. 177.

990 Новое время. 1927. 9 апр.

991 Новое время. 1927. 17 апр.

992 Новое время. 1927. 7 июля.

«Написать картину – это искусство. Продать картину – гениальность». Поэтому, когда Борису Ниловичу «удавалось продать несколько картин», то он «бросал эти деньги на пол и танцевал от радости какой-то индейский танец. Потом покупал всем и все, а потом вновь жили впроголодь». Добавлю, что два его больших полотна с среднеазиатскими видами были в канцелярии Русской церкви в Белграде⁹⁹³.

Поэтому 5 июля 1930 г. в «Новом времени» появилось объявление об открытии новых курсов живописи генерала Б. Н. Литвинова (улица Хаджи-Проданова, 11). Реклама сообщала: «Групповые сеансы живописи – масло, акварель и гуашь. Группы не более 4–5 человек. Для русских льготы»⁹⁹⁴.

Не знаю, сумел ли он найти учеников в годы мирового кризиса? Сведения о нем обрываются. Известно, что в 1945 г. семидесятидвухлетний «белогвардеец» Литвинов был выдан СССР, где погиб в лагере⁹⁹⁵.

Все это грустно, многие от Родины ждали иного. Обозреватель «Нового времени», освещая Большую выставку русских художников в эмиграции, устроенную в марте 1930 г., писал:

«Такое особое, щемящее светлой грустью настроение охватило на этой выставке. Сплетение тоски и радости, гордости и печали.

Не мы в России, нет, а это Она, Сама пришла к нам измученным в гости.

И кричит с малявинских полотен ярким задором русская баба:

– Не бойсь, не пропала! Поди-ка, свали эдакую!

И кружится в вихряном хороводе.

– Эй, сгинет нечистая сила! Будет опять на нашей улице праздник!

Страшной сказкой пугает Билибин, но утишают страх спокойные лики Бориса и Глеба.

– Мало ли знала невзгод и древняя Русь.

И показывает Бенуа стройную колонну Александровскую, гордо, уверенно к самому небу вздымающуюся. И водит по Петербургу, сказочно-прекрасной столице выросшей на болоте по приказу гиганта Царя.

Россия приехала к нам с полотнами всех наших художников.

На ее просторе развивались их таланты, буйные ветры создали темперамент, цветущие луга и сады, пламень зорь дали краски из палитры, шелест лесов, песни и сказки родного народа вспоили образами душу.

Кто говорит, что Великодержавная Россия была царским застенком, придите и посмотрите.

Творчество гибнет в оковах, и потому – нет художников в красной России.

993 Былой России чекан /Православие. Ru (<http://www.pravoslavie.ru/guest/4822.htm>)

994 Новое время. 1930.13 июля.

995 Незабываемые могилы. 2004. Т. 4. С. 177.

Родными сестрами рядом стоят хозяйка и гости.

Воздушны, как песнь мандолины, акварели Великой княгини Ольги Александровны – недопитая чашка чая на покрытом скатертью столе, просфорка на тарелочке. Белая пасха и кулич – все нам же родное и все такое живое, настоящее.

Стучат красные молотки, вдребезги расколачивают, убита красота. Она воскреснет и снова осветит Россию – славная плеяда творцов русского искусства воскресит ее дыханием своего таланта, за ними идет новая смена, загоревшаяся от их священного огня. И это будет скоро. И в ожидании сидит, словно живой, русский офицер с печальными глазами на полотне портретистки Барановской. Раздастся звук трубы, – он встанет и пойдет»⁹⁹⁶.

Добавлю, что тогда Белград, уже задолго до открытия выставки, ожидал увидеть картины «поэта современного города» Добужинского, Коровиных – отца и сына, Альб. Бенуа, Ал. Бенуа, А. Белобородова, Гр. Шильдяна, коричневую гамму 42 картин В. Шухаева, Н. Богданова-Бельского, Виноградова из Риги, К. Терешкович, Н. Гончаровой, Б. Григорьева, А. Лаховского, А. Яковлева, Ланчевскую, Х. Сутина, С. Чехонина, Г. Лапшина, Стеллецкого, М. Ларионова, Н. Миллиотти, П. Нилуса, П. Шмарова, З. Серебрякову, К. Сомова, Чехо-Потоцкую, Черкесова, К. Вещилова, Ф. Малявина (не удержусь, простите!) с «Бабами», А. Ланского, И. Билибина, Сологуба, скульптуру Н. Аронсона, Ю. Анненкова, Беклемишева, В. Андрусова, А. Гюрджана, китайские лаки С. Судьбинина⁹⁹⁷.

И 9 марта 1930 г. столица Королевства собрала цвет русского искусства. На «Большой выставке русского искусства», устроенной Русским художественным обществом в Белграде при мощной поддержке Русского Культурного Комитета, финансируемого властями, было представлено в выставочном зале Общества друзей искусства «Цветы Зюзорич» свыше 400 экспонатов. Для тех, кто не знает, скажу, что павильон «Цветы Зюзорич» находится на Малом Калемегдане справа, если идти в крепость. Перед ним установлена скульптура Татьяны Зарин «Полет к солнцу», моделью для которой послужила очаровательная Муся Раевская.

В выставке приняли участие и русские белградцы. Так, Р. Н. Верховской выставил модель памятника павшим героям, установленном в 1931 г. на новом кладбище в Белграде, В. Ф. Баумгартен представил чертежи здания Генерального штаба в Белграде⁹⁹⁸.

В течение месяца выставку посетило более 12 тыс. человек, что было рекордным для художественного Белграда⁹⁹⁹. Из парижских русских, представивших около 250 работ и пользовавшихся особым вниманием, можно назвать Арнольда Борисовича Лаховского с видами Пскова. Привлекал и Александр Николаевич Бенуа со своими Версалем и старым Петербургом. Мстислав Валерианович Добужинский чаровал Северной Пальмирой. Зна-

996 Новое время. 1930. 11 марта.

997 Новое время. 1930. 28 янв.

998 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 228.

999 Русский Дом. С. 26.

ида Евгеньевна Серебрякова приковывала взоры своими «женскими актами». И конечно, можно было видеть картины Ильи Ефимовича Репина¹⁰⁰⁰.

Стараниями организаторов прошли публичные лекции о русском искусстве – профессора Бранко Поповича в помещении выставки, а также Александра Бенуа – в большом зале Белградского университета, собравшей «весь Белград»¹⁰⁰¹.

«Новое время» также отвело место для коротких отзывов о художниках: Шухаев – «художник талантливый, но талант его какой-то тяжеловесный. Не потому, конечно, тяжеловесный, что выставленные им “Нагая женщина” и нагая баба в “Гадании” обе вместе весят сто пудов, а потому что тяжеловесны его письмо и краски (полностью согласен. Коричневая гамма утяжеляет. – В. К.)», автор портрета Мейерхольда Григорьев, выставивший восемь работ, удостоился замечания, что его работа «кариатура в изломанности линий», Гончарова – «все работы носят мертвенный оттенок и поэтому очень скучны»¹⁰⁰². Позволю себе маленькое здесь замечание: человечество делится на творцов, критиков и простодушных зрителей. Здесь было мнение «отставшего от времени» критика.

Были и лестные слова, например, для великой княгини Ольги Александровны с ее акварелями¹⁰⁰³, для рисунков, например, «1001 ночь», и для «своей» Андрич-Самоновой¹⁰⁰⁴.

Замечу, что выставка – это и своеобразная реклама, возможность заработать авторам. Поэтому тот же Малявин, приехавший в Белград, после выставки получил ряд заказов: писал королеву Марию, семью академика Белича и др.¹⁰⁰⁵

Иметь свою картинную галерею, свой музей было традиционным для монархов, знати. Не стала исключением и династия Карагеоргиевичей. Так, в музее князя Павла были представлены работы Ф. Малявина, А. Харламова, Н. Кузнецова, С. Сорина, К. Коровина, М. Добужинского, Б. Григорьева, Н. Богданова-Бельского, В. Фельтена, С. Виноградова, а также и многочисленные творения других художников¹⁰⁰⁶.

Мимоходом добавлю, что в нынешнем Народном музее Белграда хранятся 33 творения «мирискусников»: Александр Бенуа, Сергей Виноградов, Борис Григорьев, Мстислав Добужинский, Александр Яковлев, Василий Кандинский, Константин Коровин, Филипп Малявин, Николай Рерих, Илья Репин, Зинаида Серебрякова, Василий Шухаев¹⁰⁰⁷.

При этом весьма интересна история появления в Королевстве картин Николая Константиновича Рериха, писавшего в одном из своих писем следующие строки: «Моя душа стремится к Югославии и в первую возможность я, конечно, буду счастлив посетить

1000 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 227.

1001 Русский Дом. С. 27.

1002 Новое время. 1930. 15 марта.

1003 Новое время. 1930. 14 марта.

1004 Новое время. 1930. 16 марта.

1005 *Межински-Миловановић Ј.* Дела сликара круга «свет уметности» у Београдском народном музеју // Сепарат. Зборник народног музеја – Београд. XVII / 2. Историја уметности. Београд. Народни музеј. С. 385.

1006 Muzej Kneza Pavla – moderna umetnost. Katalog Predgovor *M. Kašanin*. Београд, 1938. S. IX, XII.

1007 *Межински-Миловановић Ј.* Дела сликара круга «свет уметности». С. 395–397.

Вашу славную героическую страну, которую по славянским корням как бы считаю второй родиной. Полно мое сердце влечения к славному государю Вашему Королю Александру. Души человеческие могут знать друг друга и заочно. Вот и я знаю Светлую Душу, Покровителя Культуры, Знания и Художества – т. е. всего того, чем жив дух человеческий»¹⁰⁰⁸.

Благодаря хорватской исследовательнице Магдалене Медарич, опубликовавшей с обширным научным введением письма Н. К. Рериха, избранного вместе с художником Альфонсом Марией Мухой 30 мая 1930 г. почетным членом Академии наук и искусств Хорватии, стали известны некоторые страницы его жизни, связей с Белградом, с Загребом. Как пишет Магдалена Медарич, первый отклик на живопись Рериха был помещен в газете «Политика» от 7 сентября 1932 г. после вернисажа в новооткрытом белградском музее. «Он, – подчеркивает хорватская исследовательница, знаток русского искусства, литературы, – объясняет возможную странность искусства Николая Рериха для белградской публики тем, что Н. Рерих был “в первую очередь сценографом”. Именно это определение Рериха как сценографа и перекочевало в знаменитую статью тех лет писателя Мирослава Крлежи, считающего себя арбитром и в делах изобразительного искусства. Его ядовитая статья... определяет картины Рериха как работы “петербургского второстепенного сценографа”, которые своим уровнем не превосходит “анзискарты”, то есть открытки, посылаемые с дальних путешествий и которые Рерихом подаются публике как очень “дорогой товар”»¹⁰⁰⁹. Комментарии излишни. Из его картин, которые могли видеть в Загребе, назову две: «Древняя Русь» и «Приказ Учителя»¹⁰¹⁰.

Добавлю, что в столице Хорватии в 1935 г. было создано Общество почитателей Н. Рериха. Оно ставило своей целью «ознакомление и пропаганда творчества Николая Рериха, знаменитого художника и мыслителя, его художественных, просветительных и философских идей, содействие его начинаниям на поприще международного сотрудничества и сближения между народами на фундаменте неизменных принципов любой живой этики: истины, красоты и добра»¹⁰¹¹.

Картины многих русских мастеров хранятся в Военном музее, расположенном на Калемегдане. В одну из своих поездок в Белград я побывал там и был радушно принят хранителем Любицей Дабич, устроившей для меня обзорную экскурсию по своим владениям. От нее я и узнал имена Валентины Васильевой и Алексея Васильева, Всеволода Гулевича, Павла Кравченко, Афанасия Шелоумова, полотна которых в далекие 1938–1939 гг. были приобретены музеем. Мои впечатления от их картин можно передать такими словами, как «изумительно», «свежо», «талантливо».

1008 Цит. по: *Medarić M.* Николай Константинович Рерих и Загреб (архивные исследования) // Sub Rosa Köszöntő könyv. Léna Szilárd tiszteletére, Budapest, 2005. С. 463.

1009 Цит. по: *Medarić M.* Николай Константинович Рерих и Загреб. С. 469–461.

1010 *Рерих Н.* Листы дневника (1942–1947). В 3 т. М., 1996. Т. III. С. 352.

1011 *Medarić M.* Николай Константинович Рерих и Загреб. С. 459.

Начну по алфавиту. Алексей Алексеевич Васильев (1901–1991). В Хабаровске Алексей закончил кадетский корпус, успел поучаствовать в Гражданской войне, потом короткое время учился в Морской академии во Владивостоке. В 1920 г. он морем прибыл в хорватский Дубровник, а оттуда уехал в «обетованный» для многих Белград. Последовала учеба в художественной школе, на архитектурном отделении технического факультета Белградского университета. Уже в 1922 г. Васильев был участником первой выставки русских художников. Сотрудничал с архитектором Григорием Самойловым¹⁰¹².

С 1936 по 1941 г. А. А. Васильев работал в Военном музее: был и архитектором и художником и мастером художественной фотографии. Занимался копированием сербских униформ и знамен, в их числе и знамени генерала Михаила Григорьевича Черняева. Алексей Алексеевич написал и нескольких акварелей с изображениями сербских солдат и офицеров. С 1941 г. работал в музее Белграда. Участник многих выставок. В коллекции Военного музея хранятся 22 его работы¹⁰¹³.

Были куплены музеем и шесть картин его жены Валентины Васильевой (1904–1990). Она приехала в Белград примерно в 1920 г., училась в художественной школе у профессора Любы Йовановича. Выставлялась. Ее картины были связаны, в основном, с сербской историей и ее героями. До нашего времени сохранился лишь талантливо написанный портрет черногорского князя Данило, в костюме которого причудливо сочетались элементы Европы и Азии. Остальные – «сожрала» война¹⁰¹⁴.

Гораздо благосклоннее судьба отнеслась к творениям выпускника Крымского кадетского корпуса Всеволода Гулевича (1903–1964). Сохранились 60 акварелей, на которых изображены сербские воины VI–XX вв. в соответствующей одежде и вооружении, для чего были использованы сведения Константина VIII Порфирогенета, фрески древних сербских монастырей, даже Русская военная энциклопедия, изданная в Санкт-Петербурге в 1867 г.¹⁰¹⁵

Некоторые его картины полны экспрессией, настроением схватки.

Из портретов работы Гулевича до нас дошли только четыре портрета 1939–1940 гг.: Вождь Карагеоргий, Милош Обренович, король Петр I, король Александр I Карагеоргиевич¹⁰¹⁶.

Во время немецкой оккупации сербской столицы занимался иллюстрированием книг и рисованием комиксов. Перед освобождением в 1944 г. Белграда советскими солдатами успел покинуть Югославию. Жизненный путь завершил в США¹⁰¹⁷.

Не премину отметить, что талант Гулевича, как и другого русского художника Николая Малышкина, выполнявшего, бывало, реставраторские работы в католических

1012 *Арсеньев А.* Биографски именик. С. 238.

1013 *Дабих Љ.* Руски уметници емигранти у Војном музеју. Каталог изложбе. Београд, 1996. С. 16, 24.

1014 Там же. С. 17, 29.

1015 Там же. С. 17, 30.

1016 Там же. С. 17–18.

1017 Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т. I. С. 464.

храмах, хвалило и священство римо-католической церкви. Тут не смогу не удержаться, чтобы не сказать о том, что неизвестные русские художники сумели поместить на одной фреске на тему Страшного суда поместить в ад Льва Троцкого и его «сотоварищей»¹⁰¹⁸.

С 1935 до 1940 г. в музее находились картины кисти Павла Кравченко и Сергея Обрезкова, но, к сожалению, они не дошли до нас. В основном это были портреты сербских правителей, среди них было и полотно с изображением Николая II¹⁰¹⁹.

В Военном музее есть и акварель «Казак» с обязательными газырями и папахой¹⁰²⁰. Ее автор – Афанасий Иванович Шелоумов (1892–1983), с детства увлекался рисованием лошадей. После гимназии он поступил в Одесское художественное училище, откуда перевелся в Императорскую академию в Петербурге, учился у баталиста Николая Семеновича Самокиша. Учеба была прервана войнами, в которых Шелоумов сражался солдатом, потом офицером. В 1920 г. Афанасий Иванович обосновался в Сербии, жил в Великом Бечкереке. Вначале для заработка копировал картины передвижников, потом стал известен как баталист, например, стал автором полотен «Бородинская битва», «Битва под Лейпцигом», «Въезд Минина и Пожарского в Москву», «Последний резерв Добровольческой армии», «Молитва Шамиля перед битвой». Писал Афанасий Иванович и для Музея русской конницы, разместившемся в Русском доме имени царя-мученика Николая II. Известно, что любил рисовать русскую степь с лошадьми и сцены охоты. для Церкви. Был автором почти всех алтарных икон в храме св. Архангела Михаила в Великом Бечкереке. Отмечу только, что икона «Тайная вечеря» была написана генералом Алексеем Шестаковым¹⁰²¹. Участник многих выставок. В 1941 г. Шелоумов продолжил борьбу с «красными», вступив в Русский охранный корпус. Потом был опять «бег», Германия. С 1945 г. проживал в Штарнберге, близ Мюнхена. В 1962 г. устроил в Штарнберге и Мюнхене выставку, посвященную 150-летию Отечественной войны 1812 г. В 1982 г. к своему 90-летию стал почетным гражданином Штарнберга, преподнес в подарок городскому управлению Картину «Русская тройка». В 2006 г. ряд его работ поступил в фонды Центрального музея Вооруженных сил в Москве от Американско-русского культурно-просветительного и благотворительного общества «Родина»¹⁰²².

Безусловный интерес вызывает хранящаяся в музее коллекция – Альбом русской конницы из 1939 г.: 152 рисунка. Их автор царский офицер – Керим Бег Ратай, художник-любитель¹⁰²³.

Мне удалось увидеть некоторые: они впечатляют профессионализмом, тщательностью отделки деталей.

1018 *Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 299.*

1019 *Дабућ Љ. Указ. соч. С. 18.*

1020 Там же.

1021 *Арсеньев А. Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине. С. 232.*

1022 *Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т. 2. С. 638.*

1023 *Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 18.*

Во многом только благодаря выставкам и информации о них в прессе, можно узнать о творчестве русских художников, рассеянных по городам Королевства. Разумеется, больше всего их было в Белграде. Следовательно, больше и выставок. Наиболее распространенной формой продажи были выставки-базары, на которых продавались различные поделки русских, выставлялись там и картины, иконы.

В конце октября 1921 г. в Сомборе успешно прошла выставка-продажа свыше трехсот полотен русских художников: Вещилова, Лажечникова, Холодовского, Дворского, Головкова, Ганзена, графа А. С. де Бальмена¹⁰²⁴.

На постоянной выставке-базаре в сентябре 1922 г. в Белграде можно было полюбоваться вышитой картиной Гофман-Степановой – «Прогулка на лодке»¹⁰²⁵.

Можно назвать и Д. П. Мордвинова. В 1922 г. он закончил любопытную картину: «Внутри лаврового венка овальной формы, украшенного сверху королевской короной, а по бокам сербскими гербами, написана тушью мелким, но четким почерком вся родословная династии Карагеоргиевичей, причем в некоторых местах родословной нажим пера сделан несколько сильнее. В результате этих нажимов получается портрет-бюст в натуральную величину Е. В. Короля Александра». Находчивый художник просил Министерство Двора о разрешении на размножение портрета¹⁰²⁶.

Мне неизвестно, получил ли он просимое? Несомненно лишь одно – неординарность живописца. К сожалению, о его дальнейшей судьбе у меня нет сведений.

Зарабатывал на портретах местных общественных и государственных деятелей и Георгий Игнатьевич Гринкевич-Судник (ок. 1885–1938), известный тем, что в 1914 г. руководил художественными работами и расписывал в Санкт-Петербурге Сергиевский всея Артиллерии собор¹⁰²⁷.

Устраивались и передвижные выставки, как это делали в 1923 г. Митрофан Петрович Косенко (1890–1956) и Образков (Битоли, Прилеп, Ниш, Скопле, Белград). Самые дорогие шли по 5 тыс. динаров, самые дешевые – 50 динаров, т. е. один доллар. Белградцы могли увидеть и иллюстрации Косенко к «Сказке о царе Салтане» (14 рисунков), изображения македонца и македонки, которых как бы не было в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Публика могла посмеяться, глядя на его карикатуры на советскую «режь публику» – Троцкого, Ленина, Чичерина, Коллонтай и др. Его товарищ сделал ставку на портреты государственных деятелей – короля и королевы, Николы Пашича, рассчитывая на их покупку представителями власти для украшения приемных и прочих официальных помещений. Был представлен и популярный сюжет «Кравевич Марко перед султаном». Под

1024 Новое время. 1921. 16 нояб.

1025 Новое время. 1921. 17 сент.

1026 Новое время. 1921. 12 нояб.

1027 Царский вестник. 1934. 25 февр.

Васнецова была картина «Матерь Божия». Любители обнаженной натуры, «европейцы», могли с интересом рассматривать «Интересный роман» и «Доброе утро»¹⁰²⁸.

Богат на выставки был 1924 год.

На Пасхальной неделе открылась выставка Виктора Ивановича Пастухова (1892–?) и его брата Бориса Ивановича Пастухова (1896–1974).

Немного о них. Виктор, судя по его словам, учился четыре года на архитектурном отделении политехникума, потом три года в Украинской академии искусства в Киеве. В боях Первой мировой войны он «заработал» инвалидность. Уже находясь в эмиграции, в Загребе, Виктор записался в Королевскую академию художеств, но, видимо, вследствие неудовлетворительных оценок, ему отказали в учебе. У его брата Бориса была похожая биография: два года политехникума и три года учебы живописи у проф. Мурашко в академии, и такая же неудача с продолжением образования в Загребе. Из хорватской столицы Борис уехал в Белград, а оттуда, в 1930-х гг. во Францию с его волшебным Парижем¹⁰²⁹. Сюда добавлю, что, по сведениям Магдалены Медарич, младший брат начал учиться живописи еще в Риге у профессора Розенталя¹⁰³⁰.

Первый представил публике 16 картин, в основном натюрморты, которые ему удавались лучше, например, «Цветы»¹⁰³¹.

Второй – 72 картины, среди которых портреты Васы Лазаревича, Лидии Шуневич. Отмечались отлично исполненные натюрморты, например, композиция с двумя глиняными кружками и тарелкой с яйцом. Менее удачными, по мнению газетного обозревателя, были пейзажи (озеро Блед и др.)¹⁰³². Добавлю, что в феврале 1928 г. у него состоялась в здании Академии наук выставка – живописный «отчет» о результатах поездки по Италии и Венеции. Там можно было полюбоваться картинами «S. Marko», «Старинный фасад», «Канал S. Apostoli», который, по словам Константина Шумлевича, можно назвать «сиреневым каналом» с прекрасно выписанной водой, солнечный канал «S. Giovanni e Paolo», знаменитая «Палата дождей». В его картинах «ослепительный блеск солнца, поражающая глаз синева неба, яркие отражения от бледно-оранжевого до малинового – солнечных бликов на стенах домов, сторожащих венецианские каналы». Там же выставлялись и заказные портреты: «Г-жа Ружа Николаевич», «Г-жа Ана Новакович», «Г-жа Цана Тадич»¹⁰³³, на вырученные деньги, от которых он, вероятно, и осуществил поездку. Сюда добавлю, что картины братьев Пастуховых ценятся коллекционерами и иногда появляются на аукционах, как это было в 2003 г. в Загребе¹⁰³⁴.

1028 Новое время. 1923. 25 июля.

1029 *Puškadija-Ribkin T.* Ruski emigranti. S. 156–157.

1030 *Medarić M.* Doprinis ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 299.

1031 Новое время. 1924. 4 мая.

1032 Новое время. 1924. 4 мая.

1033 Новое время. 1928. 11 февр.

1034 *Medarić M.* Doprinis ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 300.

Мимоходом замечу, что в собраниях загребских коллекционеров можно встретить работы и Моисея Михайловича Гуревича (1899–?), учившегося в Загребе у профессоров Кризмана, Ванке, Бабича, позже уехавшего в Париж¹⁰³⁵.

В июле 1924 г. в зале Экспорт-банка, где была постоянная выставка из коллекции картин покровителя и собирателя русских картин Данилы Поповича, были выставлены 10 миниатюр М. В. Виноградова: «Прибой», «Закат», «Новороссийск», «Эльбрус», «Ночь». «Волга», «Морской вид», миниатюры с крымскими видами. Сербские мотивы прекрасно были представлены в работе «Замок на Ибре»¹⁰³⁶.

Теперь, чтобы передохнуть от имен, цифр, названий, небольшое стихотворение Е. Журавской о русской выставке, открытой в здании университета 24 августа 1924 г.:

Со всех концов земли любезной
Мы принесли сюда вчера
И тяжкий труд кирки железной,
Иглы и кисти и пера,
И наших дум и наших знаний
Плоды, созревшие в тиши,
Средь терний долгого изгнания,
Средь грустных сумерек души,
И вот смотрите: в строгой зале
Цветут гирлянды пышных роз
И бледно-палевых азалий
И ветви трепетных мимоз
Там кружев нежных паутина
А вот работы наших школ,
Эскизы, книги и картины,
Тут слон из мыла, улей пчел
И детских кукол ряд забавный,
Шелками вышитый павлин,
Вот на стене в борьбе неравной
Со змеем бьется исполин,
Резьба по дереву ручная,
Иконы древнего письма
И фотография цветная,
И карт узорная тесьма,
Попытка первая малютки –
Рисунок робкий и простой,

1035 Там же.

1036 Новое время. 1924. 17 июля.

И милый облик институтки
С наивной девичьей косой...
И все напомнит, что в лишениях,
Терпя обиды едкий дым,
Обломки грозного крушения,
Мы живы, мыслим и творим¹⁰³⁷.

На Второй выставке русских художников были замечены работы Анания Вербицкого, Николая Исаева, находившегося под влиянием петербуржцев Шухаева и Яковлева.

Юрий Ракитин, ценивший живопись, писал в «Новом времени»:

«Несмотря на сильную склонность (Яковлева – В. К.) к станковой живописи... виден и декоративный талант. Его небольшая вещь “Голод” хороша по композиции. Хороши и красочны эскизы Боснии. Несомненно, он весь в духе петербургского “Мира искусств”, тогда как сочный Ананий Вербицкий тяготеет к “Московскому союзу”. Его эскизы к “Хованщине”, несколько портретов и рисунок занавеса на окне, и главным образом, копии старинных фресок, все эти вещи говорят о таланте молодого художника»¹⁰³⁸. Там же белградцы могли полюбоваться на скульптурную группу «Атака казаков» работы проживавшего в Вршце академика П. А. Самонова¹⁰³⁹, автора известных памятников в Москве и Петергофе.

Попробую напомнить хотя бы об одном, самом знаменитом. Я говорю о памятнике «белому генералу» Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, герою освобождения балканской Болгарии. Он появился в 1912 г. на Тверской площади, получившей название Скобелевской. Скульптурный ансамбль включал конную статую генерала, мчащегося в бой с высоко поднятой саблей. В 1918 г. памятник был снесен большевиками. Площадь стала называться Советской, на которой установили новый монумент – обелиск Свободе, а в 1954 г. там появился уже всем знакомый памятник киевскому князю Юрию Долгорукому.

И еще немного о Самонове: он с полковником М. С. Стаховым написал иконы для русской домово́й церкви св. Иоанна Златоуста в Вршце¹⁰⁴⁰.

На выставке русских художников 1924 г. «вне конкурса» были награждены Верховской и Семенов. Высшая же награда присуждена Исаеву, Козановичу, Ковалевскому, Рыкк (правильно: Ковалевская-Рык – В. К.), Полякову, Биценко, барону Мейендорфу, Варун-Секрету, Виноградову, Маслоу, Долговой, Столыпину. Почетный отзыв присужден Нищенкову, Лажечникову, Долгову, Иванову, Челноковой, Тромпстер, Трунову, Шрамченко, Шамину, Максимовичу, Клейман¹⁰⁴¹.

1037 Старое время. 1924. 22 авг.

1038 Там же. 28 авг.

1039 Там же. 31 авг.

1040 *Арсеньев* А. Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине. С. 235.

1041 Новое время. 1924. 11 нояб.

Летом 1925 г. в отеле «Париж» популяризирующий русскую живопись серб Попович открыл выставку картин русских и сербских художников. Там был А. И. Шелоумов с картинами: «Казаки» (шоссе, казаки идут в поход), «Трагедия России – начало гражданской войны» (русские убивают русских). Почти неизвестный сейчас Е. Варун-Секрет выставил «Солнечный сад», «Окрестности Дубровника», М. Виноградов «Вход в Дарданеллы» – мрачная ночная марина, А. Анатольевич – «Мотив из Бачки». Были там и В. Зелинский и А. Сосновский¹⁰⁴², приехавший в Белград из Цетинья, где учил детей в школе рисованию¹⁰⁴³.

Осенью последовала устроенная неутомимым Поповичем выставка в отеле «Клеридж». Там можно было увидеть Марины Виноградова, пейзажи Зелинского, батальные сцены Шелоумова, эскизы Литвинова, в том числе его «Волгу», полотна Варун-Секрета – «Последние лучи солнца», «Зима в агонии», «Заяц в поле», Сосновского – «Залив в Дубровнике», Анатольевича – «Дорога», Долгова – «Окрестности Крыма»¹⁰⁴⁴.

1926 год был особенно щедр на выставки. Скажу о трех.

Алексей Петрович Плетнев, статский советник, сын П. П. Плетнева – друга Пушкина, которому был посвящен «Евгений Онегин», сделал подарок дамам, выставив 25 небольших картин – виды Афона¹⁰⁴⁵.

Борис Пастухов в мае сумел устроить персональную выставку из 114 полотен – пейзаж, натюрморт, портрет и притягивающие взоры пие. В прессе отмечались портреты короля Александра и певицы Лизаветы Ивановны Поповой в «Манон»¹⁰⁴⁶, о которой пойдет речь в свое время.

В ноябре русская колония в Смедереве устроила в пользу детей выставку-продажу картин 56 картин Василия Николаевича Резникова (1897–1991). На большинстве – виды Смедерева, встречались и русские пейзажи. Три больших полотна приобретены общиной города¹⁰⁴⁷. Добавлю, что в 1929 г. Союз русских педагогов организовал выставку полотен Резникова, таких как «Смедеревская крепость и развалины замка», «Голубацкая крепость», «Дервентский луг». Тогда же выставлялись работы знатока Туркестана Матвеева, выполненные карандашом, пером, тушью. Были представлены и две скульптуры его учеников: А. В. Стерлигова («Русский витязь») и Г. А. Зыкова («Смертельно раненый») ¹⁰⁴⁸.

Именно многочисленные государственные и другие разнообразные организации не раз выручали русских художников, покупая у них картины для украшения своих залов. Здесь назову еще раз имя Сергея Ивановича Образкова (1895–1969). Написанные им портреты короля Александра, королевы Марии, престолонаследника Петра в морской

1042 Новое время. 1925. 16 июня.

1043 *Арсеньев А.* Биографски именик. С. 307.

1044 Новое время. 1925. 24 сент.; Незабываемые могилы. 1999. Т. 2. С. 398.

1045 Новое время. 1926. 17 марта.; Незабываемые могилы. 2004. Т. 5. С. 482.

1046 Новое время. 1926. 8 мая.

1047 Новое время. 1926. 16 нояб.

1048 Новое время. 1929. 12 мая.

форме, финансового деятеля, пивного короля Джордже Вайферта, функционера Чирковича можно было увидеть в зале заседаний «Белградской задруги»¹⁰⁴⁹. Образков был и автор картин-портретов в зале Русского офицерского собрания в Белграде.

В Королевстве насчитывалось немало памятников прошлого, большую роль в знакомстве столичных жителей со своим богатством сыграли опять-таки русские художники. С ними пробудился настоящий интерес к средневековому искусству, особенно к фрескам.

Так, в феврале 1927 г. в здании университета открылась выставка 36 копий фресок средневековых сербских монастырей работы А. Вербицкого и В. Предаевича¹⁰⁵⁰.

Может быть, их было бы и больше выставлено, но мешали любители чистоты, белившие, бывало, поверх грязных от времени фресок стены церковей нового Королевства.

Один из русских белградцев, повествуя о поездке по Македонии, входившей тогда в его состав, писал, что они хотели посмотреть фрески времен короля Милутина в храме близ села Нагоричаны, около Кумановской долины, но, приехав туда, увидели стены, сверкающие белизной, кроме одной. Сторож грустно объяснил им, что известки не хватило, «но ничего, к Рождеству и эту побелим. Везде будет чисто»¹⁰⁵¹.

В том же 1927 г. году в клубе югославянских журналистов (Короля Милана, 43) состоялась выставка картин Людмилы Ковалевской-Рык, внучки баталиста академика Павла Осиповича Ковалевского¹⁰⁵².

О ее картинах писали, что ей «наиболее удаются также мотивы предвечерних освещений без солнца и утренних лучей». Полотна «Джордано», «Утро на Саве», «В Эрцегнови»¹⁰⁵³.

Две другие русские женщины Мария Адольфовна Ненадич (урожд. графиня Нирод) (?–1930) и Альфреда Маркович устроили тогда же выставку своих картин в залах Основной школы на улице Короля Петра. Талантливая художница, жена королевского дипломата-русофила Милана Ненадича, благотворительница, одна из основательниц Русского дома для престарелых деятелей царской России, Мария Адольфовна выставила «прелестные картинки» с видами Авалы, Топчидера, Калемегдана. На ее полотнах высилась горная Словения с замковыми руинами, «мледа» Адриатика, «рисовалась своими красотами» Далмация. Госпожа Альфреда представила несколько мужских и женских портретов. Вызывали восхищение ее копии с картин Франса Гальса¹⁰⁵⁴. В декабре 1931 г. открывала интимную выставку своей графики и иллюстраций Евгения Самонова-Андрич¹⁰⁵⁵.

Неординарная для живописца судьба ждала потомственного дворянина Тверской губернии Николая Евгеньевича Колтыпина-Валловского (1900–1965). Активный участник

1049 Царский вестник. 1932. 13 нояб.

1050 Новое время. 1927. 18 февр.

1051 Новое время. 1924. 24 июля.

1052 Новое время. 1927. 30 марта.

1053 Новое время. 1927. 7 апр.

1054 Новое время. 1927. 19 окт.; Незабываемые могилы. 2004. Т. 5. С. 80.

1055 Русский Дом. С. 27.

Гражданской войны он был после третьего ранения эвакуирован в Крым, оттуда в Галлиполи, потом в Константинополь, затем в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Видимо, раны вскоре затянулись, и Николай Евгеньевич стал наездником-инструктором при дворе короля Александра. Его прилежную работу отметили золотой и двумя серебряными медалями. Мог бы жить спокойно. Но таланты и деятельная натура не давали «засидеться». Николай Евгеньевич начал писать иконы, расписывать храмы. Одновременно он пробовал себя в жанре портрета. Получил популярность как автор картин кавказских сражений. Окончил художник и Высшие Военно-научные курсы Н. Н. Головина, был в боевой группе генерала А. Г. Туркула. Два раза Николай Евгеньевич засылался в СССР. Разумеется, во время войны он служил в Русском охранном корпусе, потом при штабе генерала Шкуро, в 1945 г. – у Власова. В том же году Колтыпин-Валловский переехал в Мюнхен, подальше от советской оккупационной зоны, продолжив там свои занятия живописью, одновременно работая в антикоммунистических организациях. Участвовал Николай Евгеньевич и в составлении карты лагерей в СССР. В 1951 г. Колтыпин-Валловский переехал в США, расписывал церкви, писал иконы¹⁰⁵⁶.

Живописью «баловались» не только в столице. В Нови-Саде красками увлекались Елена Николаевна Иеропольская, князь Всеволод Иванович Ханыков-Лебедкин, Валентина Зиновьевна Румянцева, акварельные пейзажи которой висели во многих домах русских новосадцев. Забавно, что подпись «Румянцев» на картинах ставил ее супруг Александр Иванович¹⁰⁵⁷.

В соседнем от Белграда Панчево жил художник Юрий Александрович Петров (1895–1940). В панчевачских частных коллекциях хранятся его полотна: «Монастырь на острове», «Ландшафт», «Речной пейзаж». Этот город писал и Николай Ама(о)сов, оставивший полотно «Вид Панчева»¹⁰⁵⁸. На православном кладбище в Панчево похоронены художники Петр Васильевич Андриевский (1893, Чернигов, – 1929, Панчево), Валентина Самонова (1861, Оренбург, – 1944, Панчево)¹⁰⁵⁹. В Панчево прошли две больших русских выставки. Первая состоялась 19 декабря 1921 г. на Евгеньевской улице, 131, напротив кинотеатра «Аполло». Выставку организовал русский военный журнал «Развей печаль в чистом поле». Было представлено 150 картин военных художников из времени борьбы русской армии с большевиками, а также из жизни Первого армейского корпуса в Галлиполи¹⁰⁶⁰.

Вторая, открытая 22 мая 1938 г., была связана с творчеством Ларисы Владимировны Барановской-Шрамченко, представившей свыше 40 работ, преимущественно портретов. Художница училась в Санкт-Петербургской академии искусства у профессора Ционглинского. В 1915 г. ее портрет дворцовой дамы Свечиной был отмечен критикой. Учительница

1056 Александров Е. А. Указ. соч. С. 263.

1057 Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 50.

1058 Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 85.

1059 Там же. С. 86.

1060 Там же. С. 87.

рисования в русско-сербской гимназии в Белграде, она много раз участвовала в выставках: в 1922 г. на русской выставке в университете, затем на выставке русских мастеров искусств в павильоне «Цвета Зюзорич» и на выставке русских мастеров искусства в 1933 г. в Русском доме. В марте 1936 г. Лариса Владимировна сама организовала удачную коллективную выставку в Русском доме. На Рождество 1937 г. художница открыла вместе с двумя своими коллегами большую выставку русских мастеров искусств «от Финляндии до Туниса», на которой выставила 12 своих работ¹⁰⁶¹.

С Дубровником, этим градом-крепостью связано творчество многих русских художников.

Итак.

Ганзен Алексей Васильевич (1876–1937). Внук Ивана Айвазовского, он учился живописи в «сухопутных» Мюнхене, Берлине, Дрездене. В Париже работал под руководством Роберта Флери и Жюля Лефевра. В период 1901–1912 гг. выставлялся в салоне des Artistes Français. Его полотна есть в Елисейском дворце, в музеях Бреста, Тулона, Марселя, Чикаго, Нью-Йорка. В России полотна Ганзена украшали Зимний дворец, морское министерство, морскую военную академию. Сам художник служил в морском министерстве и в морской военной академии. Даже в эмиграции он жил с морем, в Дубровнике. Написал Алексей Васильевич несколько тысяч полотен, в том числе серию картин на темы морских сражений в русско-японской и первой мировой войнах, а также по истории югославского флота. Творения Ганзена можно было видеть в этом городе, в частности, в отеле «Империал»¹⁰⁶². Сейчас не знаю, висят ли?

Художник Сергей Латышев-Байкалов писал в своих воспоминаниях, что «у Ганзена на его выставках в Белграде» он «запомнил, как звучала несколько приглушенная его благородная цветовая гамма без ярких эффектов»¹⁰⁶³.

1 ноября 1924 г. жители Белграда могли посетить его выставку в здании Академии Наук. Однако они не были первыми. Король с королевой посетили выставку до открытия и купили 7 картин: «В полдень», «Адриатический берег при ярком солнце», «Шквал», «Туман над Ловченом», «Скалистый берег у Гружа», «Бока Которска» и «Перасто»¹⁰⁶⁴. К сказанному добавлю, что в новой стране он нашел блестящий прием, отличную прессу. Картины Ганзена продавались без особых трудностей. В 1924 г. на выставке в Загребе было выручена грандиозная сумма около 100 тыс. динаров за полотна. Его морские пейзажи и виды далматинского побережья приобретали королевские дворы Европы. Об успехе Ганзена свидетельствовали и его многочисленные выставки. Например, в Белграде художник

1061 Там же. С. 86, 161.

1062 *Medarić M.* Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 302.

1063 (<http://www.xx13.ru/kadeti/baikalov.htm>)

устроивал выставки в 1924, 1933, 1936 гг., а в Загребе Ганзен выставлялся около десяти раз¹⁰⁶⁵.

Портрет самого художника можно представить из слов автора многих публикаций о Ганзене журналиста Н. Брешко-Брешковского: «Как сейчас вижу, Ганзен с сигарой в зубах, в сюртуке и в бархатном жилете уверенно действует кистью, как фехтовальной рапирой, а кругом группа гостей с трепетным любопытством следит за “кухней творчества”»¹⁰⁶⁶.

Добавлю, что на Большой выставке русских художников в Белграде в 1930 г. две картины Ганзена «Адриатическое море» и «После захода солнца» были проданы по 20 тыс. долларов каждая¹⁰⁶⁷.

Последняя выставка прошла в 1936 г. в столице Королевства и была посвящена флоту Далмации – от первых парусных судов до крейсера, носившее гордое имя «Дубровник»¹⁰⁶⁸.

И несколько слов искусствоведа Иво Шишкевича о творчестве художника: «Красотою своих дивных картин он прославил Адриатику среди народов»¹⁰⁶⁹. Сейчас картины Ганзена можно встретить в разных городах мира – от Риеки и Загреба до Феодосии и Москвы. В начале 2009 г. я видел его небольшое полотно «Летняя улица» в одном из московских магазинов. Оно привлекает внимание своей лиричностью, спокойствием провинциальной жизни, которое струится с картины.

Виды Дубровника это не только Ганзен. Красоты этого города, его окрестностей, волнующихся далматинских берегов вдохновляли Всеволода Волчанецкого, с 1920 г. проживавшего в этом красивейшем средиземноморском полисе и устраивавшего здесь свои выставки картин. На большой выставке русских художников в 1930 г. в Белграде Волчанецкий представил полотна: «Кафедральный собор в Дубровнике» и «Улица в Дубровнике»¹⁰⁷⁰. На острове Раб и в Дубровнике жил Василий Красовский, три картины которого были также на упомянутой выставке¹⁰⁷¹. Вторя Арсеньеву, назову еще несколько художников, запечатлевших на своих полотнах Дубровник и далматинское приморье. Это и белградец Борис Литвинов, автор серии акварелей «Старый Дубровник», Илья Ахметов из Сараева, Александр Лажечников из Великого Бечкерека, Анатолий Павлович Баев из Заечара¹⁰⁷², дубровчанин Евреинов, житель античного Сплита Ипполит Данилович Майковский, выставлявший в 1935 г. в Загребе виды Гружа, Дубровника, Комиже¹⁰⁷³.

1065 *Arsenjev A.* Ruska emigracija u Dubrovniku // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata. S. 50–51.

1066 Цит. по: *Маричевич С.* Из истории русской марины: творческий путь А. В. Ганзена (1876–1937) // Искусство и образование, 2007, № 7. С. 109.

1067 *Касацкая И. Ф.* Художник-маринист Алексей Ганзен. Потомки Айвазовского: жизнь, воспоминания, род. Брянск, 2005. С. 21.

1068 Там же. С. 5.

1069 Цит. по: Там же. С. 19.

1070 *Arsenjev A.* Ruska emigracija u Dubrovniku // Ruski emigranti u Hrvatskoj. S. 51.

1071 Там же.

1072 Там же. С. 52.

1073 Там же.

Немного об уроженце Полтавской губернии Майковском, родившемся в 1885 г. и окончившим свой жизненный путь в 1963 г. во Франции, около Льежа. Мастерству художника Майковский учился в Киеве, работал сценографом в московских и киевских театрах. В Хорватии он обосновался с начала 1920-х гг., преподавая рисование в Далмации, в городах Сплит, Синь. Писал портреты, натюрморты, но публике больше всего нравились его морские виды. И это понятно – тех, кто жил у моря и кормился им, не могла не волновать их родная чарующе-волшебная Адриатика. В 1944 г., как и многие, вследствие наступавших перемен во власти, он покинул Хорватию, где прошли двадцать выставок его картин, и на восьми он выставлялся как один из участников. Потом, была жизнь в соседней Австрии, а затем в Бельгии¹⁰⁷⁴ и, наконец, во Франции.

Благодаря разысканиям Магдалены Медарич можно немного больше раскрыть вехи жизни Ильи (Ильяс, Ибрагим) Ахметова (1893–?). Жил Ильяс в многонациональном Сараево, городе с мусульманским обличем, в европейско-средиземноморско-античном Сплите. В 1929 г. в этих городах прошли две его самостоятельные выставки. В 1930 г. на Большой выставке русского искусства в Белграде был представлен двумя картинами — «Далматинец» и «Весна». В 1930 г. выехал в Аргентину. К этим общеизвестным сведениям М. Медарич добавляет, что Ахметов был по национальности черкесом, мусульманином, родившимся на Кавказе. В Петрограде юноша получил художественное образование и отправился на фронт в качестве военного художника. А в эмиграции горец выбрал постоянным местом жительства город Сплит. И уже в 1924 г. в приморском Шибенике были организованы две выставки его картин¹⁰⁷⁵.

С далматинским побережьем связано и творчество Арсения Петровича Сосновского (1895–1967), морского офицера в изгнании, ученика Алексея Ганзена.

В России Сосновский изучал сугубо мирные науки – историю, философию. С 1914 г. он воевал на военном корабле. В 1921 г. прибыл из Евпатории в Герцег-Нови. Там Арсений Петрович встретил свою будущую жену – выпускницу всеизвестной Строгановки Галину Георгиевну Бояджиеву (1892–1971), получившую известность своими крымским пейзажами. Сам Сосновский несколько раз менял место жительства. Выставлялся в Загребе, Праге, Париже, на совместных выставках в Париже и Флоренции. Как вспоминал его друг Сергей Байкалов-Латышев, Сосновский «отличался тонким знанием анатомии волны и “чувством воды”. Морская стихия была ему сродни и его колористическая гамма была звонче и оптимистичнее», нежели у знаменитого мариниста Алексея Ганзена». Художник Сосновский был известен и как вокалист. Выступал как оперный и камерный певец в Белграде и по Загребскому радио. Перед войной Сосновский стал жить в Белграде, где имел свое ателье. С наступлением мира решил принять гражданство новой Югославии, власти которой, видимо, в конце 1940-х гг., т. е. в разгар конфликта между Сталиным и

1074 Medarić M. Doprinis ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 296.

1075 Medarić M. Doprinis ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 296.

Тито, выслали его вместе с женой в Болгарию. Оттуда в 1954 г. через Турцию и Триест Сосновские прибыли в Швецию. Морские виды далматинского побережья Сосновского есть в музеях Котора, Герцег-Нови, Цетинья, галереях Загреба, в частных собраниях коллекционеров из Хорватии, Черногории, Сербии, Швеции¹⁰⁷⁶. Жена у него создавала необычные картины из цветных лоскутков. Вместе с мужем проводила персональные выставки в Белграде, Загребе, Праге, Париже, Брюсселе. Выставлялась на выставках во Флоренции и в других городах¹⁰⁷⁷.

Замечу, что лоскутки в русском Белграде шли не только на картины, из них шивались самые разнообразные, я бы сказал, стильные вещи, украшавшие быт.

В мае 1928 г. в павильоне сербского Дома офицеров открылась, повторю, Первая русская художественная выставка 26 художников.

Там были полотна Варун-Секрета, Кучинского, Биценко, Ненадич, декорации Фромана и Жедринского, скульптура Загороднюка, много работ Алисова (картины и скульптура – донской казак, буйвол, лошадь, собаки), картины Вербицкого, Лажечникова. Пастухов выставил портреты. Киселева – картины «Костромские девушки», «Портрет П. Б. Струве» и ряд иных, Верховской – «Костурница» («Гробница») и еще некоторые работы, Баумгартен – проекты Генерального штаба, Офицерского дома в Скопле, флигеля для гостей на Дединье. Примечательно, что посетивший выставку королевский министр Милан Грол подметил, что отличительная черта русского искусства по сравнению с западным искусством в «ощущении колорита, яркости и разнообразии композиции»¹⁰⁷⁸. Может быть и так, но все же это весьма спорное восприятие, достаточно вспомнить импрессионистов.

На этой выставке можно было увидеть и живопись академика Николая Дмитриевича Кузнецова (1850–1929), старейшего члена Общества русских художников в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Он родился на юге России в старой и богатой дворянской семье. До 35 лет хозяйничал в своем имении, вывел новую породу «кузнецовских» свиней, славившихся на всю Новороссию. Приехав по делам в Одессу, посетил передвижную художественную выставку и «заболел» живописью. «Талант Кузнецова, – писал Н. Брешко-Брешковский, – оказался таким же пышным, как и жирный густой чернозем, вскормивший, взлелеявший этого богатыря, гнувшего подковы и сворачивавшего кочергу в крендель». Дебютировал помещик пейзажами, «расцвеченными фигурами людей и животных». Автор ряда портретов художников, например, Репина, Поленова, Васнецова, Похитонова, композиторов Чайковского, Направника, знаменитого Шаляпина. В свою очередь его портрет писал Репин, Кузнецов послужил ему моделью «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (образ казака с повязкой на лбу). Написал около 50 портретов своей дочери Марии, знаменитой певицы, основательницы Русской частной оперы в Париже. Некоторые из его картин были

1076 *Arsenjev A. Ruska emigracija u Dubrovniku. S. 51, 52; Байкалов-Латышев С. Как я стал художником; Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т. 2. С. 440.*

1077 *Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции.. Т. I. С. 291.*

1078 *Новое время. 1928. 5 мая.*

приобретены королем Александром. Автор портрета королевы Марии. Жил в провинциальных городах Вршац, Белая Церковь, Сараево. Долгое время пробыл в Дубровнике, куда был приглашен Джурджиной Пашич для написания ряда фамильных портретов¹⁰⁷⁹.

Газета «Новое время» в очередной корреспонденции писала об упомянутой выше Первой русской художественной выставке так: «Многообещающая графика г-жи Андрич-Самоновой – иллюстрации к Оскару Уайльду – с фантазией и своеобразной манерой рисунка. Рисовальщика с будущим»; «Декоративная живопись также представлена сильными эскизами – г. Фромана (“Садко”, “Снегурочка”, “Борис Годунов”), г. Вербицким – умеренного “кубиста”, удивляющего богатством плоскостей и умеющим уравнивать их нагромождения»; «Бросаются в глаза пейзажи Ковалевской, нежные по тонам и богатые по перспективе, архитектурные пейзажи г. Рика (Рыка – В. К.), дающего сильные композиции городских массивов, пейзажи плодового г. Кучинского. Красочно сильно выписана “Хорватка” г-жи Варун-Секрет (Ошибка, он г-н – В. К.). Что касается прикладного искусства, то в нем русским нет равных. По вкусу, по оригинальности и изысканности. Смотришь на работы ателье г-жи Александрович – на горы затейливо расписанных и расшитых подушек, – как умело-изящно подобраны ткани, какая причудливость складок, фестонов, сколько подлинной красоты в этой кокетливо изукрашенной пестряди». Она и «душа» первой русской выставки¹⁰⁸⁰.

В 1936 г. в русском павильоне, впервые открытом на традиционной ярмарке в Любляне, наряду с женским рукоделием, кустарными работами, редкими коллекциями русских бумажных денег времен революции и гражданской войны, были представлены полотна княгини Ольги Александровны, Репина, Ганзена, Волчанецкого, Баева и др. Общее внимание привлекли, как писали в «Русском голосе» картины из шелка Улянищевой и иконы, написанные г-жой Хайер¹⁰⁸¹. Тогда через русский павильон прошло не менее 10 тыс. человек. Некоторые картины шли нарасхват, как, например, 12 картин Баева¹⁰⁸².

Кстати, немного об уже упоминавшемся Анатолии Павловиче Баеве (1862 или 1863–1938). Учился в Рисовальной школе Общества поощрения художников. Выставлялся в Москве и Санкт-Петербурге. Потом было Королевство сербов, хорватов и словенцев, жил в Княжевце, после 1933 г. – в Заечаре. На его картинах, выполненных в академической манере, можно увидеть и натюрморты, пейзажи, в частности, Плитвичские озера, виды Адриатики, берега Дуная. Занимался иконописью. Собирал коллекцию фаянса, которая после кончины художника была рапродана на аукционе вместе с картинами. Из трехсот известных его работ, 96 хранятся в Народном музее в Заечаре, остальные по частным кол-

1079 Новое время. 1927. 12 мая.; Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. С. 700.

1080 Новое время. 1928. 16 мая.

1081 Русский голос. 1934. 10 июня.

1082 Там же. 5 авг.

лекциям в Сербии, Словении, Швейцарии, Канаде. В 1993 г. в Заечаре была организована мемориальная выставка¹⁰⁸³.

Однако в самой Любляне, в Словении, русские художники были редкостью. Они предпочитали Сербию. В Народном музее Любляны я нашел только несколько картин наших соотечественников: Филипп Андреевич Малявин («Женский акт», 1910 г.), Алексей Явленский, фон («Цветы в кувшине», 1909 г.), который учился у знаменитого словенского художника Антона Ажбе, Игорь Бондаренко (1927–?) с полотном «Море», а также Н. Борисов с Мариной.

Гораздо лучше складывалась ситуация в Сербии, Хорватии.

Но позволить себе жить только на средства, вырученные от продажи картин, могли немногие.

Представлю две судьбы.

Людмила Павловна Данилевская-Карагодова (1903–?), прибывшая в Королевство через Грецию вместе с матерью и бабушкой (отец, по некоторым сведениям, университетский профессор, навсегда остался в России), окончила девичий институт в г. Белая Церковь. Потом в Белграде она училась живописи у профессора Поповича. С 1929 г. Людмила Павловна стала жить в Хорватии. В основном она писала пейзажи, натюрморты, Марины. В 1935–1944 гг. художница участвовала в пяти коллективных выставках, имела и одну самостоятельную, организованную в 1944 г. в салоне, где в основном занимались продажей картин. Критика к ее творчеству не была благосклонной, хотя цены на проданные полотна были весьма большими. После войны, в 1946–1947 гг., преподавала русский язык и литературу в Загребской средней технической школе. В 1950 г. как и многие русские, была вынуждена покинуть народную Югославию, власти которой после конфликта Сталина с Тито считали их «нежелательными элементами». Поэтому неудивительно, что тогда она покинула Загреб и поселилась в Париже, стала работать в Лувре копиисткой. Получила известность и как портретистка. Будучи членом *Société des Artistes Indépendants* ежегодно выставлялась вместе с соотечественниками по Обществу в *Grand Palais*. Потом вместе с семьей уехала в США¹⁰⁸⁴. Собственно говоря, расцвет ее профессиональной деятельности пришелся на то время, когда она уже находилась вне границ Югославии.

Теперь о судьбе Анатолия Дмитриевича Сергеева (1888–1971). Он унаследовал талант художника от матери, немки, также занимавшейся искусством. Но, тем не менее, исполняя волю родителей, начал учиться постигать экономико-юридические дисциплины. Правда, в свободное время посещал частную художественную школу. Некоторое время работал в ателье Эрнеста Лисснера, когда-то учившегося у Ильи Репина. После революционных событий и последовавшей за ними гражданской войны Анатолий обосновался в хорватской столице, где он прожил с октября 1921 г. (по данным из журнала «Obitelj»,

1083 Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т. I. С. 188–189.

1084 *Medarić M. Doprinosi ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 301–302.*

с 1920 г.). Женился на Марии Милошевич, принял югославское подданство, получил естественное образование и четыре года был ассистентом у профессора Воука на ботанической станции, где одновременно выполнял задания, требующие мастерства художника. Талант портретиста позволил ему оставить государственную службу. Нередко картины с изображениями известных людей, думается, из Загреба, украшали приемные и прочие присутственные места. Здесь можно назвать два портрета: государственного деятеля бана Шиловича и барона Эдуарда Елачича-Бужимского. Писал он много. Уже в начале 1930-х гг. он готовит свою первую выставку из написанных в Загребе самых лучших картин-портретов. Зарабатывал Сергеев и реставраторскими работами в местных храмах. К слову сказать, глагол «писать» очень хорошо подходит к его творчеству: он писал картины и стихи, много стихов. Магдалена Медарич упоминает ею виденные в семейном архиве Сергеевых стихотворения «Из русского цикла», «Из беженского цикла»¹⁰⁸⁵.

У меня есть большая подборка его стихов, доставшихся мне во время одной из поездок в Загреб. Таю надежду, что мне удастся издать их в его России.

Приведу одно из его замечательных лирико-ностальгических стихотворений.

«В альбом чужестранке»

(Баня Лука, январь)

Про злобной-прихоти войны,
Ваш гость случайный и недолгий,
Я сын – далекой стороны,
Страны лесов, степей и Волги,
На вашем бледном языке
Мне не сыскать родных созвучий,
Забывших ветром в тростнике,
Пролитых бору хмурой тучей.
Хотя язык твой с нашим схож,
В нем нет бескрайней русской шири:
Ты нашей песни не поймешь,
Как не поймут и в целом мире¹⁰⁸⁶.

Осталось написать только исследование об этой разносторонней личности, оставившей свой заметный след в культурной жизни Загреба.

А чаще всего художники шли в учебные заведения преподавателями рисования: в Заечаре учил детей Анатолий Баев, в Крушевце – Иван Лукомский, в Пироте – Аполлон Прокофьев, в Алексинце – Евгений Лаптев, в Нише – Василий Рудановский, в Аранджеловце – Митрофан Косенко, в Чачке – Владимир Костин, в Великом Бечкереке – Алек-

1085 Medarić M. Doprinis ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 297–298.

1086 Архив автора.

сандр Лажечников, Афанасий Шелоумов, Андрей Биценко, в Белой Церкви – Михаил Христогонов, Иван Трофимов, в Сараево – Николай Кузнецов, в Дубровнике – Алексей Ганзен, в Скопле – Григорий Орлов, Сергей Образков, в Нови-Саде – Николай Иванов, Владимир Курочкин¹⁰⁸⁷.

Что рисовали? Пейзажи, натюрморты с сиренью, портреты.

У обосновавшегося после войны в Венесуэле Христогонова, как рассказывали на одной из конференций в Доме русского зарубежья, была и сирень, и лица Петра Струве, Ивана Ильина, Юлии Литвиновой, «заглядывавшего в Белград» Игоря Северянина, Василия Шульгина, генерала Бориса Адамовича, Татьяны Хлытчиевой, жены Якова Хлытчиева.

Но не всем так везло.

Евгений Лаптев был расстрелян после освобождения города в конце 1944 года.

Необходимо отметить, что Югославия не только «получала» готовых мастеров, но и растила их в своих художественных вузах. Остановлюсь на студентах Загребской Академии художеств, окончивших это учебное заведение до конца 1930-х – начала 1940-х гг. Это и Елена Вандровская, Моисей Гуревич, Надежда Долуханова, Сергей Головченко, Василий Качуринцев (1901–?), Владимир Розмянский (1895–?).

Там в свое время учился и Григорий Саркис-бек (1893, Армавир, – начало 1930-х), который трудился на тяжелой преподавательской ниве учителем рисования в провинциальных Заечаре, Неготине, Пироте, продолжая писать городские виды, портреты, иконы... Его картины представлены в Народном музее Заечара, музее Краины в Неготине, в частных собраниях коллекционеров в Заечаре и в Белграде¹⁰⁸⁸.

Известно, что выпускник академии Владимир Курицын (1889–?), учился живописи у известных мастеров Рудольфа Валдеса и Роберта Франгеша. Академию посещали и княжна Ольга Стокосимова, в замужестве Измествьева¹⁰⁸⁹ (1910/1911–1944)¹⁰⁹⁰, и Петр Сухачев, и Владимир Титов (1905–?), и Нина Тумина (1911–1972), которая после завершения учебы в 1935 г. учебы жила в Скопле, а после второй мировой войны короткое время была в Загреббе¹⁰⁹¹. Занималась мультипликацией. Работала в «Ядран фильме». Сюда добавлю выпускницу Лидию Походжееву, умершую 10 января 1930 г. от туберкулеза¹⁰⁹².

Немного скажу о княжне Ольге Стокосимовой, отец которой, татарский князь, был потомком знаменитого Касимовского царевича Симеона Бекбулатовича, «великого князя всея Руси». Выпускница (1930 г.) Донского девичьего института, размещавшегося в г. Белая Церковь, Ольга училась сначала в Белградской, потом в Загребской академии художеств.

1087 Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отацбине, живи моћ стварања...». С. 204.

1088 Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т.2. С. 377.

1089 Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 295, 306; Puškadija-Ribkin T. Указ. соч. S. 121.

1090 Полчанинов Р. В. О. М. Измествьева и ее открытие. Сообщение автору.

1091 Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 295, 306; Puškadija-Ribkin T. Указ. соч. S. 121.

1092 Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 121.

С 1933 г. член НТСНП. По воспоминаниям знакомого с ней Р. В. Полчанинова, она была автором серии картин-портретов «молодых борцов с большевизмом, украшающих помещение белградского клуба НТСНП»¹⁰⁹³. Во время жизни в Цетинье увлекалась акварелью, но ее картины не пользовались большим спросом. Популярность среди местного населения снискало только ее умение рисовать тушью портреты по фотографиям. С 1939 г. вплоть до своего отъезда из Цетинья в Панчево в 1940 г. иллюстрировала цетиньский ежемесячный скаутский журнал «У костра». До своего переезда в 1942 г. в Берлин, как сообщает Р. В. Полчанинов, Ольга Стокосимова «принимала участие в подпольной разведческой работе в Сербии». В германской столице она поступила в Академию художеств, в 1944 переехала в Вену, где и окончила дни¹⁰⁹⁴.

Продолжая тему русского таланта, необходимо подчеркнуть, что если есть «высокое» искусство, рассчитанное на элиту, то обязательно должно быть и «приземленное» – для масс. Само искусство при этом остается таковым, не меняясь в своей сути. И здесь русская талантливая молодежь также внесла свой вклад, выступив зачинателями стрипа (комикса) в столичной прессе. Любители этого нового жанра могли регулярно наслаждаться не только авантурными историями в технике графики, но и смеяться над точно схваченными чертами городской жизни при передаче житейских ситуаций.

И здесь, благодаря авторам «Истории югославского стрипа» С. Драгиничу и З. Зупану, можно вкратце очертить несколько творческих биографий русских стрип-мастеров.

Добавлю, что неоценимый вклад в историю сербского комикса привнесла Ирина Антанасиевич, замечательный знаток русской жизни в Сербии, награжденная в 2021 г. за подписью президента РФ медалью А. С. Пушкина. Ирина изумительно много сделала в сфере исследования русского мастерства на полях комикса, в организации в Доме русского зарубежья выставок творчества русских художников. Ей принадлежит несколько книг и множество публикаций, посвященных этой, совершенно незнакомой отечественному читателю теме.

В тандеме с ней деятельно и плодотворно трудится Марина Юрьевна Сорокина, заведующая Отделом истории Российского зарубежья.

Эти две замечательные исследовательницы практически открыли мир сербского комикса в русском исполнении, и не только комикса.

Итак, Сергей Миронович Головченко (1898–1937). Сергей воевал в Первой мировой (гусарский Павлоградский полк) и в гражданской войнах, трижды был ранен. В 25 лет, уже в «чужом» Загребе он начал учиться живописи у профессоров Кризмана, Ванке, Бечича. Бросил учебу он то ли вследствие неких обстоятельств, то ли отставания в предметах. Ему оставалась карикатура, которой Головченко начал заниматься годом раньше, т. е. с 1922 г., и продолжать размещать их в журнале «Корґива» («Крапива») под «нерусским» псевдонимом S. Mironović, с текстами И. Пасарича. Занимался он и тем, что писал

1093 Полчанинов Р. В. О. М. Измествева и ее открытка.

1094 Там же.

и иллюстрировал новеллы в таких журналах, как «Novosti», «Riječ», «Peckalo», «Kulisa», «Око», «Vreme», «Ošišani jež»¹⁰⁹⁵. При этом в своих лучших рассказах Головченко нимало не юмористичен, а иллюстрации к ним нельзя отнести к карикатуре или шаржу. Например, в новелле: «На смерть Мишки Топтыгина» («Kulisa», № 25, 1932 г.) повествуется об охоте на медведя в хорошо знакомой автору Сибири и напоминает произведения Фенимора Купера или Льва Толстого в смысле психологической обрисовки главного героя – старого охотника, человека из народа¹⁰⁹⁶. Головченко охотно публиковала не только хорватская пресса, но и «Figaro», и «The Patriot», и «Humor»¹⁰⁹⁷. В Загребе его дружелюбно прозвали «сибиряком», так как Сибирь была родиной его отца, там он учился, эмоционально был связан ее просторами¹⁰⁹⁸. Сергей имел много друзей, которые стали авторами искренних, не сухо-стандартных, некрологов на раннюю кончину «сибиряка», ставшего из «чужого» «своим» в художественных кругах Загреба¹⁰⁹⁹.

Именно Головченко стал автором стрипа «Макс и Максич». Первая серия этого стрипа называлась «Макс и Максич – рыболовы» появилась 4 апреля 1925 г. в № 14 в родном журнале. Каждая серия, в которой изображались забавные проделки пары мальчишек-озорников, состояла из шести картинок, под которыми обычно помещались стихотворные строки. «Макс и Максич» быстро завоевали популярность и уже в 1926 г. была издана первая книга с их проделками. Свою блистательную карьеру герои Головченко закончили 2 марта 1934 г., когда в «Крапиве» появилась последняя серия под названием «Макс и Максич и Сима-вампиры»¹¹⁰⁰. Похоронен с воинскими почестями.

В Загребе работал и Леонтий (Леонид) Семенович Савченко (1895–1964). Художник в государственной кинофабрике в Загребе он получил известность как рисовальщик стрипов, например, таких, как «Гость из космоса». Успешно пробовал себя в карикатуре, сотрудничал в 1924 г. и 1926 г. в журналах «Крапива» и «Пилюля» под псевдонимом Бельский¹¹⁰¹.

«Баловался» стрипами и уже знакомый Анатолий Дмитриевич Сергеев. В иллюстрированном еженедельнике «Obitelj» («Семья») печатались в 1936 г. его «сказки в картинках»: о рыбаке и рыбке, о царевне и о семи богатырях, о золотом петушке, Коньке-Горбунке¹¹⁰².

Родоначальником же сербского стрипа был Юрий (Джордже) (Георгий) Лобачев (1909–2002) – художник исключительного стиля по своей талантливой простоте, твор-

1095 Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 140; Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 300–301; она же. Ruski emigranti, likovni umjetnici. S. 46.

1096 Medarić M. Ruski emigranti, likovni umjetnici. S. 46–47.

1097 Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 300; она же. Ruski emigranti, likovni umjetnici. S. 45.

1098 Medarić M. Ruski emigranti, likovni umjetnici. S. 46.

1099 Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 301; она же. Ruski emigranti, likovni umjetnici. S. 46.

1100 Драгинчић С., Зупан З. Историја југословенског стрипа I- до 1941 године (http://www.rastko.org.yu/strip/1/zupan-draginic_1/index.html).

1101 Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 128.

1102 Там же. S.164.

ческой интуиции. Его стиль отличала доброта, ясность, свежесть. Он понимал стрип как совершенно новую художественную дисциплину, новый тип коммуникации, интегральное искусство¹¹⁰³. Он родился в 1909 г. в семье русского дипломата в албанском Скадаре. После смерти отца жил матерью и братом в Нови Саде. Оставшись сиротами в 1922 г. дети бежали в Белград, где Юрий поступил в I русско-сербскую гимназию. Потом началась студенческая пора: философский факультет Белградского университета, где Лобачев изучал историю искусства у профессора В. Петковича. Но эта область редко приносит деньги. Пришлось идти «в жизнь», но в 1934 г. предприятие «Батиньоль», где он работал, обанкротилось. Тогда, Лобачеву, который только что стал семейным человеком, начал рисовать рекламные объявления для различных фирм. К тому времени относятся и его первые опыты в области стрип-рекламы¹¹⁰⁴. Первый целостный, так сказать литературный, стрип «Кровавое наследство», представленный как «продукт творчества югослава и американца» Лобачев напечатал 23 марта 1935 г. в № 6 белградской газеты «Панорама» под псевдонимом Ц. Автором этого «криминального» сценария стал его школьный друг Вадим Курганский, скрывшийся под псевдонимом Вл. Цилич. *Потом Лобачеву последовало предложение сотрудничества с «Политикой», самой влиятельной газетой в стране. Разумеется, оно было им принято и 4 мая 1936 г. появляются первые серии стрипа «Гайдук Станко». Потом последовали – «Дети капитана Гранта», «Дубровский», «Барон Мюнхгаузен» и др. С приключенческим жанром связан и его стрип «Белый дух». «Принцесса Ру» Лобачева полна оригинальной фантазии. Во «Властелине смерти» он стремился передать свое чувство сопротивления войне и ее ужасам. А, например, в «Женитьбе царя Душана» Лобачев раскрылся как великолепный иллюстратор национального фольклора. Именно в этой сфере им были созданы лучшие произведения. Его рисунки можно было видеть в таких изданиях, как «Политика», «Микки Маус», «Политикин забавник», «Царство Микки», «Коло»¹¹⁰⁵.*

Его комиксы даже «проникли» в школьные учебники, что является ярчайшим свидетельством таланта художника.

Лобачев был одним из немногих русских, кто активно участвовал в освобождении Белграда. В 1946 г. Новые власти запретили комикс как «вредный продукт» для социализма. Талант, опыт, мастерство позволили ему работать редактором, иллюстратором. Принял советское гражданство. В годы Информбюро «успел», посидеть в тюрьме. Спустя некоторое время, в 1949 г., был «выдворен» в Румынию, где опять талант позволил ему сносно жить. Но эта земля не Россия. После смерти Сталина ему с семьей было разрешено вернуться на родину, укрытую под аббревиатурой СССР, куда в 1955 г. и приехал. Стал работать в Ленинградских газетах «Смена», «Ленинградская правда», в детском журнале

1103 Богданович Ж. Ђорђе Лобачев или детство које не пролази // Руси без Русије. С. 152.

1104 Драгинчић С., Зупан З. Указ. сач.

1105 Там же.

«Искорка»¹¹⁰⁶ Обосновавшись в городе на берегах Невы, он чуть было не стал родоначальником советского стрипа, но «начальство» углядело «крамолу» и комикс был запрещен. Оставалась иллюстрация... Тем временем в Югославии перепечатывались в «Политическом забавнике» такие стрипы, как «Гайдук Станко». В 1965 г. на его страницах появился стрип «Таинственная пещера», потом еще четыре стрипа за три последующие года. В 1974 г. для первого номера ревью «Пегас» он закончил «Волшебника из Оза», а спустя два года издательство «Югославия» опубликовало книгу «Чудесный мир Джорджа Лобачева».

Добавлю, что Лобачев лауреат многочисленных наград. В 1985 г. на втором Салоне югославянского стрипа в Винковцах, посвященному пятидесятилетию отечественного творчества в этой области, «рус» Лобачев получил Гран-при за свое искусство, которому посвятил жизнь.

К сказанному добавлю, что упоминавшееся возвращение на родину состоялось после того, как его в числе многих русских выслали из страны, «поссорившейся» с СССР. Вначале, в 1949 г., он был выслан в Румынию. Сейчас имя Лобачева носит школа стрипа в Белградском Студенческом культурном центре. В 1997 г. Вышли его воспоминания. В 2011 г. был снят документальный фильм «Юрий Лобачев. Отец русского комикса» (реж. П. Фетисов).

Еще один творческий портрет. Николай Навоев (1913–1940). Дебютировал в сентябре 1935 г. в № 25 белградского «Стрипа» с серией «История Абиссинской династии». Менее чем за два года Навоев напечатал в нем еще десяток «историй».

Огромную популярность завоевал его авантюрный стрип «Малыш мореплаватель», поставленный его обожателями на первое мест, оставивший позади таких именитых мастеров, как А. Реймонд, Х. Фостер, Л. Фок, Л. Янг. Успехом пользовался и стрип Николая Навоева об авантюрах пирата Йона Ван Драка. В 1939–1940 гг. Навоев связывает свою творческую судьбу с новым журналом «Царство Микки», в котором найдут место приключенческие сериалы «Малыш-мореплаватель», «Молодой Бартуло», «Зигомар», а также стрип, разворачивающийся во времена Французской революции – «Две сиротки». К этому времени относятся и его рисунки к «Тарасу Бульбе», «Женитьбе Максима Црноевича»... Однако туберкулез помешал таланту Навоева продолжать радовать своих почитателей. Последние свои работы он делал лежа в постели...¹¹⁰⁷. Стоит добавить, что популярность его была столь велика, что после его кончины сериалы Навоева продолжит другой художник Душан Богданович, тщательно копировавший его стиль¹¹⁰⁸.

Еще одно имя – Сергей Соловьев (1901–1975). В конце 1920 г. он, как и многие другие, обосновался в Королевстве. За годы молодости Сергей служил и в коннице офицером и зарабатывал на жизнь физическим трудом, и был в налоговой службе. Свое призвание

1106 Каталог выставки. Русские в Сербии: Павел и Юрий Лобачевы, дипломат и художник / Руси у Србији: Павле и Ђорђе Лобачев, дипломата и сликар. Сост. Антанасиевич И., Сорокина М., Радженович Р., Белград–Москва, 2020, Београд–Москва, 2020. С. 135.

1107 Драгинчић С., Зупан З. Указ. соч.

1108 Гимназия в лицах. Кн. Вторая. С. 135.

он нашел, когда учился в белградской Академии художеств. Рисовать Соловьев начал сравнительно поздно. Только 21 мая 1937 г. в № 99 «Микки Мауса» он напечатал первые рисунки к сериалу «Легион проклятых». В отличие от остальных стрип-мастеров «Белградского круга» Соловьев сразу показал себя зрелым художником, свободным от заблуждений, свойственных ученичеству. С 1937 по 1941 г. он создал 31 стрип-историю, превзойдя по количеству всех, за исключением Навоева. Больше всего он печатался в «Микки Маусе», наполовину меньше в «Царстве Микки» и всего один в журнале «Политикин забавник». Практически, для половины его стрипов текст писал Бранко Видич, но случалось, что и сам занимался «писаниной». Большую известность получили такие его короткие сериалы, как «Черный атаман», «Буффало Билл», «Царский оруженосец». Во время войны Сергей Соловьев прекратил свою деятельность. После освобождения некоторое время он жил в Риеке, где снова вернулся к стрипу. Большинство его стрипов многократно помещалось на страницах югославских печатных стрип-изданий и почти не было ни одного из них, которые не поместили бы хотя бы одну его «историю». В 1950-х гг. переселился в Италию¹¹⁰⁹.

Его коллега по «белградскому кругу» Иван Шеншин (1897–1944) (родственник Афанасия Фета) свой первый опыт со стрипом осуществил 7 января 1932 г., когда поместил в детском журнале «Веселый четверг» «Приключения Микки Мауса», рисованные по образцу известного диснеевского персонажа¹¹¹⁰.

После пятилетнего перерыва Шеншин вновь возвращается к стрипу. 3 сентября 1937 г. в № 129 «Микки Мауса» помещена первая его серия к стрипу «Маньчжурия в огне». Реалист Шеншин к стилизации рисунка подошел несколько раз и именно тогда достиг таких впечатляющих результатов, как, например, рисунки в «Храбром солдате Швейке». Он сам писал сценарии, часто используя литературные сюжеты, темы народных песен, повествований. Больше всего печатался в «Царстве Микки», в котором стал главной опорой после кончины Н. Навоева. В последнем номере этого издания, прекратившего выпуск в связи с началом войны, были помещены рисунки к так и незавершенным трем стрипам Ивана Шеншина – «Оковы прошлого», «Королевич Марко» и «Нина Джавахи». Прекратил свою деятельность и Шеншин художник¹¹¹¹. В годы войны рисовал для книжного издательства «Юго-Восток»: иллюстрации к сказкам братьев Гримм и Г. Х. Андерсена, а также к сербским народным сказкам и книгам для юношества. В 1944 г. Иван Шеншин по обвинению в сотрудничестве с фашистами был расстрелян пришедшими к власти коммунистами. (Добавлю, что в Белградском университете работал его родной брат Алексей, агробиолог.)

Следующее имя – Алексей Ранхнер (1897–1942). Первый раз Алексей предстал как автор стрипа 20 февраля 1937 г. в первом номере журнала «Весели забавник» с небольшой историей «Мраморный город». Месяцем позже в № 82 «Микки Мауса» появились первые

1109 Драгинчић С., Зупан З. Указ. соч.

1110 Там же.

1111 Там же.

серийные рисунки стрипа «Граф Монте Кристо». Потом печатались стрипы «Гайдуки», «Ревизор». За четыре года А. Ранхнер напечатал 18 стрипов, многие из которых были перепечатаны в послевоенных изданиях, которых уже автор не увидел¹¹¹².

Последний его незаконченный графический роман также представлял собой рисованную версию известного произведения Г. Уэллса «Остров доктора Моро». Работа Алексеем Ранхнером не была закончена – в 1942 году он погиб. В настоящее время бытует несколько версий его смерти: исследователь Здравко Зупан утверждает, что он найден мертвым в одном из оврагов, в районе Карабурмы, в Белграде, куда упал, вследствие воздействия вина, и замерз. По другой версии, был застрелен как коллаборант¹¹¹³.

Ирина Антанасиевич писала, что рисованный «Ревизор» у Ранхнера «обращает на себя внимание не только тем, что является переработкой русской классики, и даже не тем, что представляет собой высокий образец рисованной литературы, а тем, что обладает особым стилем, своеобразной манерой исполнения и интересным подходом к текст»¹¹¹⁴.

Необходимо добавить, что тогдашние авторы «стрипов» группировались вокруг журнала «Микки Маус», первый номер которого вышел из печати в 1936 г., а инициатором его издания стал русский эмигрант Александр Ивкович (1894–?), женившийся на сербке и взявший ее фамилию, чтобы легче войти в сербскую среду. Ивкович был владельцем издательства и фотоцинографии «Русь». В 1937 г. он вместе с Л. Люстигом учредил фирму «Юниверсал пресс», которая стала выпускать «стрип-романы».

Опорой журнала стал Константин Кузнецов (1895–1980). С 1937 по 1941 г. он нарисовал 25 стрипов. Именно Кузнецов стал «главным оружием» в конкурентной борьбе. Кроме русской классики он рисовал стрипы «Графиня Марго», «Барон вампир», «Три жизни». Помимо «Микки Мауса» русский художник печатался в журналах «Забавник», «Тарзан», «Политикин забавник». Константин занимался и карикатурой. Не был он чужд и рекламе (работал рекламным художником в магазине одежды «Матич»). Известен Кузнецов и как иллюстратор: книги «1001 ночь», «Маленький лорд Фаунтлерой». Накануне войны, за два дня до немецкой бомбардировки Белграда вышел последний номер «Микки Мауса». Символично, что в этом номере было окончание стрипа Кузнецова под названием «Печать смерти!» В новые времена Кузнецов рисует плакаты, работая шефом ателье Пропагандного отделения «Югосток» немецкого командования в Сербии. В его карикатурах предстают Черчилль, Сталин, Рузвельт, причем первые два с красными носами. Британская империя у него – традиционный дряхлый лев, Америка представлена черным бешеным быком, штурмующим карту мира, СССР – белым медведем с огромной лапой на политической карте. Нередко темой для карикатур служили отношения между союзниками с обычным заключением: Лондон, ведущий грязную игру, обманут нечестной политикой Вашингтона

1112 Там же.

1113 Антанасиевич И. «Ревизор» Алексея Ранхнера в югославском графическом романе // Русское зарубежье и славянский мир. Сборник трудов. Сост. Буняк П. Белград, 2013. С. 467.

1114 Антанасиевич И. «Ревизор» Алексея Ранхнера. С. 467.

и Москвы, так как, «хотя у них различные звезды, но цель одна» – добиться большего в переделе мира, а позади всех них стоит еврей, фигура которого должна подтверждать нацистскую теорию антисемитизма и оправдывать расовую борьбу в мире. В историческом архиве Белграда и сейчас хранятся полсотни плакатов Кузнецова военных лет¹¹¹⁵.

Дальнейшая судьба русского художника была опять связана с «бегом». В 1944 г. он бежит в Австрию, потом в Германию, где под разными псевдонимами иллюстрирует, рисует карикатуры для журналов «Огни», «Петрушка». С 1950 г. Кузнецов продолжил рисовать уже в США: работает в Лос-Анжелесе художником-дизайнером почтовых открыток, иконописцем, иллюстратором. В 1988 г. репринт канадского издания одной из оформленных им книг появился в Москве.

Возвращаясь в «классику» скажу, что начавшаяся война, конечно, изменила судьбы у многих художников. Но война войной, а жизнь шла... Регулярно устраивались художественные выставки.

В 1942 г. на одной из них запомнилась «стена Степана Федоровича Колесникова, осветившая мягким и в то же время звонко-жизнерадостным колоритом его полотен весь выставочный зал, посреди которого в такой гармонии сочетались скульптуры Загороднюка»¹¹¹⁶.

В июне следующего года примерно с тем же составом открылась выставка русских художников в залах художественного павильона на Калемегдане. Участники: Сосновский Арсений, Вербицкий Ананий – художник-сценограф, Васильев Алексей, Гребенщиков Олег, Золотарев Анатолий, Загороднюк Владимир, Ковалевская-Рык Людмила, Колба-Селецкая Ольга, Кучинский Сергей, Резников Василий, Бояджиева Галина, Папков Андрей, Стоянович-Сахарова, Тарасов Леонид, Шелоумов Афанасий, Шевцов Виктор, Шаповалов Борис, Хрисогонов Михаил. Было представлено выше двухсот художественных работ¹¹¹⁷.

15 декабря 1943 г. русские художники устраивали в Русском доме вечер, сбор от которого шел на зимнюю помощь нуждающимся русским людям, а таких было немало, замерзающих и голодающих. Свои картины на аукцион выставляли: Вербицкий, Загороднюк, Золотарев, Ковалевская, Колесников, Колб-Селецкая, Кучинский, Рык, Сосновский, Хрисогонов, Шрамченко... Было благородство, была и дикость: когда на помощь бедным людям «человек свободной профессии с крупным заработком дал 4 динара и просил оставить его в покое»¹¹¹⁸.

Кончилась война, и вновь для многих художников начался «бег». Алексей Арсеньев в своем замечательном именованном регистре русских эмигрантов в Югославии приводит ряд имен: Иван Рык убыл в Аргентину, Владимир Загороднюк – в Австралию, Михаил Хрисогонов – в Венесуэлу, Афанасий Шелоумов – в Западную Германию, Арсений Сосновский

1115 *Ракочевич Б.* У службы стрипа и – оккупатора // Политика. 1996. 9 авг.

1116 Русское дело. 1943. 20 июня.

1117 Там же.

1118 Там же. 5 дек.

– в Швецию, Владимир Предаевич – в Чили, Андрей Папков – в Аргентину, Пастухов Борис – в Великобританию...

А что было там?.. Старое ремесло и тоска по России. Только одна судьба живописца, поэта, театрала Василия Резникова. Обосновавшись в 1961 г. в Аделаиде, он в 1957 г. имел персональную выставку. Создал галерею портретов ушедшей Руси: гадалки, купчихи, сводницы, конокрады, юродивые... Написал «Деисус» для Свято-Николаевской церкви¹¹¹⁹.

Писал Россию, которую продолжал воспевать и в своих стихах. Не удержусь, чтобы не привести отрывок из его «Тополей»:

Мне не забыть... Тогда шумели тополя...
В тот час растерянно они шумели.
За садом таяла багровая заря,
Нахмурясь облака висели.

Я дом свой оставлял. Шумели тополя...
Их дед мой посадил когда-то.
Там жили мать, отец, моя семья...
И там родился я.

Тогда шептали тополя
И шелестом баюкали меня,
Родные тополя...

Там дни моей весны текли,
И мирный труд дарило лето
Там я любил и радовался я,
И солнцу много песен было спето.

Печаль мою... Все знали тополя!
Всегда утеху мне шептали...
О милые вы тополя!
Листок ваш в ладанке на сердце у меня.
Мне не забыть!.. Шумели тополя тогда¹¹²⁰.
И тополя шумели русским на прощанье и в Югославии.

Конечно, были и те, кто остался. Среди них Елена Киселева-Билимович, Алексей Васильев, Ананий Вербицкий, Алексей Ганзен, Степан Колесников, Сергей Кучинский, Александр Лажечников, Николай Навоев...

1119 Австралиада. 1996. № 7 (Сидней).

1120 Цит. по: Там же.. С. 20.

Кто-то был арестован и вывезен в лагерь, как Борис Литвинов.

Трудная судьба ждала Игоря Васильева (1928–1954). В 1948 год он завершил школу и поступил в Художественную академию. Однако довольно быстро он отошел от «насаждаемого» там метода социалистического реализма, впрочем, как и от абстракционизма. Его привлекают иные мотивы: цветы, портреты, природа, сюжеты, вдохновленные искусством фрески... В 1952 г. после нескольких перерывов в учебе академия была отставлена. Вскоре свобода сменилась арестом и тремя годами каторги. Причина? В приговоре Васильеву и его друзьям говорилось: «Преступная деятельность в целях проведения террора и разных видов диверсий, владение оружием, чтение и распространение антикоммунистической литературы, членство в подпольной организации Демократическая молодежь Югославии». В итоге все получили по три года каторги. (В СССР приговор был бы значительно жестче.) Амнистия позволила сократить срок до 11 месяцев. Несмотря на все перенесенное, Васильев отказался сотрудничать с «компетентными органами», читай, госбезопасностью, и стать информатором. Васильев поступил на Философский факультет (отделение истории искусств), продолжил занятия любимой живописью. После выставки своих картин становится самым молодым членом Общества художников Сербии. За короткое время своей жизни талантливый живописец создал свыше 120 картин и множество рисунков. В его творчестве можно увидеть влияния Ван Гога, Гойи, Руссо, Мунка. Жизнь Игоря Васильева оборвалась внезапно: выпал из поезда по официальной версии¹¹²¹. Но можно ли ей верить, зная его отношения с властью?

Стоит добавить, что в апреле 2016 г. состоялась посвященная его творчеству выставка картин¹¹²².

Совсем иной путь прошел Руч Александр Александрович (1916–1997), оперный певец, живописец, график, скульптор. В 1941 г. он числился студентом Белградской Академии художеств. В 1943 г. вместе с родителями покинул сербскую столицу и приехал в Вену, учиться там оперному пению, идя по стопам отца. Однако последующие успешные выступления в Баденском и Венском оперных театрах, видимо, не удовлетворяли молодого певца. В конце 1940-х гг. он «бросил» пение и вернулся к живописи. И здесь вновь успех. Последовали выставки... В феврале 1951 г. он участвует в «Ретроспективной выставке графики» в галерее Академии художеств. Потом последовали выставки в Европе, США. Его имя получило широкую известность. В 1972 г. о нем был снят фильм «Внутренне око Александра Руча»¹¹²³.

А были ли ученики у русских художников? Безусловно, следует ответить утвердительно. Из художников, осваивавших мастерство в послевоенное время, назову двоих,

1121 Гимнзия в лицах. Кн. Вторая. С. 422–423.

1122 Там же. С. 423.

1123 См. Там же. С. 502–503.

самых известных: это Леонид Шейка и Ольга Иваницкая, творчеству которых посвящены многочисленные статьи и книги на разных языках мира.

Леонид Шейка, родился в Белграде в 1932 г. в семье офицера-картографа украинца Трофима Васильевича Шейки. Мать будущей знаменитости, Катарина Зисич, не была чужда искусству, достаточно сказать, что только после замужества оставила карьеру оперной певицы. В 1949 г. Леонид Шейка поступает на отделение архитектуры в Высшей Технической школе. Уже в студенческие годы его рисунки отличаются от привычного стиля классического рисунка. Вместе с М. Главуртичем они становятся инициаторами «интегральной живописи», поддержанной теми, кто стремился вырваться из «закостеневшего» в традиции творчества¹¹²⁴.

Сам Шейка тогда постоянно находился в поиске: в 1956 г. он вступает «в фазу синтетического классицизма-панреализма» При этом панреализм, по Шейке, представляет «мир предмета и структур в континуитете как собрание различий, стремящихся к единству, переходя из одной сферы реальности в другую»¹¹²⁵. В 1958 г. в связи с первой самостоятельной выставкой работ Л. Т. Шейки в газете коммунистов Югославии «Борба» анонимный автор писал: «Молодой Леонид Шейка показывает своей выставкой работ, что для него первейшая задача состоит в том, чтобы оставить проторенные пути и дать своей живой и необычной фантазии как можно больше простора. Такой Шейка многих удивит, многих ошеломит, но никто перед его картинами не останется равнодушным, вдохновлялся ли он искусством великих мастеров Ренессанса, или, оставляя их, конструировал свои картины из хаотичных и раздельных частей видимого мира и таинственных подсознательных предчувствий»¹¹²⁶. М. Стамболич, один из редких ценителей, обративших внимание на проблему реализации предмета у Л. Т. Шейки, подчеркивал, что художник «... подходит к предмету без априорной идеи о нем <...> цель у Шейки не человек, а мир <...> части индифферентны по отношению к целому, хотя оно без них не может»¹¹²⁷. Творчество Леонида Шейки насчитывает несколько так называемых фаз или периодов. С конца 1950-х гг. он вошел в период «комнаты». Тогда появляются его картины с такими названиями, как «Комната с зеркалом», «Комната центра». Как пишет С. Маркович, «комната» «олицетворяет космос, населенный предметами собственной жизни, в котором память, искусство и мечта не могут быть разделенными»¹¹²⁸. В 1964 г. художник издал в Белграде «Трактат о живописи», в котором изложил взгляд на искусство в целом и основные положения своего творчества. С. Маркович подчеркивает, что труд Шейки представляет собой «не только глубокий анализ искусства времени, в котором живет и искусство ранних эпох <...> но и моральное неудовлетворение истинного творца, а также и несогласие с процессом маргинализации

1124 *Марковић С.* Леонид Шејка и медиала. Ниш, 1993. С. 59–61.

1125 Там же. С. 63.

1126 Цит. по: Там же. С. 81.

1127 Цит. по: Там же. С. 82.

1128 Цит. по: Там же. С. 84.

искусства»¹¹²⁹. В 1967 г. Шейка начал серию картин, посвященных «мертвой природе». При этом изображенные на них предметы входят в категорию тех, которые обычны для свалки. Своим циклом мастер стремился примирить две полярности в сфере предметов. С одной стороны, напомнить нам о первоначальном назначении того или иного предмета, а с другой – извлечь его из «анонимности свалки» и дать возможность установить связи «между его прообразом и его наружным воплощением»¹¹³⁰. В творчестве Шейки, надреалиста, как называли его одни критики, были не только темы «комнат», «террас», но и «свалки», которую он никогда не оставлял, как, впрочем, и другие. Для него «свалка» означала место, на котором предметы поглощают друг друга, «оставляя на оборотной стороне Ничего свой прообраз»¹¹³¹. Денегри, один из критиков творчества художника, писал, что «своим циклом мультипликации предмета Шейка прорвался в некоторые фундаментальные вопросы современной битвы человека, в которой отношение человек – предмет заменило прежнее отношение человек – природа, неся с собой кроме некоторых бесспорных утилитарных удовлетворений и одну новую категорию травмы, которая может квалифицироваться фактом современной фетишизации присутствия, роли и значения вещей в ежедневной жизни»¹¹³². В 1968, 1969, 1970-ых гг. с успехом выставлялся в Швейцарии. Умер 15 декабря 1970 г. в Белграде. В своей «Последней записи» Леонид Шейка писал в завершающей строке: «Рисование есть облик молитвы»¹¹³³.

Мне пришлось видеть некоторые его картины. Я бы не отважился утверждать, что они мне близки и понятны. Но мир воспринимается по-разному, а Леонид Шейка все же был признан в нем.

Его женой была безмерно талантливая Оля Иваницкая (художница, скульптор, поэтесса, мультимедиаальный мастер). Она родилась в 1931 г. в Панчево в семье военного инженера, майора Василия Яковлевича Иваницкого и Вероники Михайловны Пиотровской. Завершила Академию прикладного искусства. Потом, получив стипендию фонда Форда, Оля стажировалась в США. Русская художница участвовала в коллективных выставках с 1955 г. (более тысячи), а с 1957 г. выставлялась самостоятельно (около сотни). Иваницкая входила в знаменитую авангардистскую группу «Медиала». В ее картинах отразилась эпоха художественных поисков XX столетия. В 1960-е гг., благодаря Иваницкой, в Белграде появился поп-арт. Ее картины и скульптуры находятся в частных коллекциях, например, у Рокфеллера, Киссинджера, Карло Понти и Софии Лорен, и в многочисленных музеях мира. Именно Оля Иваницкая победила в выборе на звание лучшего художника Югославии в XX столетия. Ее творчество отмечено в Сербии и в мире рядом высших премий и наград. Только два примера: международный биографический центр в Кембридже включил ее

1129 Цит. по: Там же. С. 108–109.

1130 Цит. по: Там же. С. 89.

1131 Цит. по: Там же. С. 93.

1132 Цит. по: Там же. С. 96–97.

1133 Цит. по: Там же. С. 100–101.

в 1999 г. в число «2000 тысяч ведущих интеллектуалов мира», а также в книгу «Живые легенды мира 2001 г.». В 2005 г. Иваницкая стала одним из основателей Фонда искусства для молодых художников в городе Ниш. В конце 2006 г. она участвовала в учреждении салона «Медиал арт». Из книг, выпущенных Олей Иваницкой, отмечу «Ogledalo ljubavi, prepiska Olja-Šejka» («Зеркало любви, переписка Оля – Шейка») (1995), и «Videla sam pre I posle, pesme I esseji» («Я видела до и после, стихи и эссе») (1998). Ее творчеству посвящен ряд монографий, в частности, Драгош Калаич написал книгу «Оля, дочь Леонардо». В процессе подготовки были новая книга стихов, сборник писем и очередная книга. Новейшие скульптуры: Меркурий (Белград), воевода Шупликац (Панчево)... Разносторонность таланта Оли ошеломляет. Только несколько примеров: Иваницкая автор проекта торгового центра в Нью-Йорке под названием «Big Apple Twins – Ground and Sky Zero Memorial», двух зданий (мужского и женского) «Matrimonial Buildings» на Марсе. В 2004–2005 гг. Оля создала проект Белградского моста через Дунай «Белградские звездные врата», участвовала в «Третьих соревнованиях Пежо» с проектом автомобиля ближайшего будущего, участница конкурса для мемориального центра («Memorial Sphere») в Нью-Йорке. Она пробовала себя в Народном театре в Белграде художницей по костюму в оперетте «Летучая мышь» Штрауса. В 2005 г. с Домом моды «Мона» Иваницкая показала ревью «Тесла», посвященное 150-летию знаменитого ученого¹¹³⁴. Власти, еще при жизни художницы, выделили место для создания галереи Иваницкой, что неподалеку от ее дома на Косанчичевом венце. Будущую галерею сразу можно узнать по огромному «постеру» почти на всю стену дома с портретом знаменитой художницы.

В конце мая 2009 г., совсем незадолго до ее поразившего меня известия в июне о смерти Оли, я разговаривал с нею в ее квартире, где все стены заняты картинами: ее, Шейки, есть и Рафаэль. И, конечно, картины хозяйки сразу начинают «играть» с тобой, и разгадать их непросто. А с другой стороны, нужно ли? Главное, что они «думающие»! Описывать их мне невозможно. Скажу только, что полотна многосюжетные и разновременные, в них фантазия цвета сплетается с историей, классика с авангардом, космос, пришельцы со страданиями, провокационное с реализмом и далее, которое нужно увидеть самому. Багровый цвет, присутствующий во многих картинах, усиливает смысловую напряженность изображаемого.

Сама Оля в разговоре заметила невзначай: «Я никогда не считала себя художницей, я только пытаюсь, но попытка иногда удается». Так может сказать только мастер.

А в процессе разговора передо мной раскладывались все новые и новые картины на основе упаковочного картона.

Именно раскладывались: художница нашла весьма остроумный способ создавать портретные шедевры на картинах-«раскладушках» из девяти квадратов. Этот прием позволяет по иному взглянуть на портрет, да и экономится место для хранения.

¹¹³⁴ Olga Olja Ivanicki: slike painting peintures Ольга Оля Иваницки: картины. Каталог. Beograd, Белград, 2006.

У нее были лысый Пикассо с грустно-умными глазами, Энди Уорхол с копной волос, пронизательный Никола Пуссен, саркастический Билл Гейтс и другие делатели и «копиисты времени», даже, совсем неожиданно для меня, я увидел синеглазого Путина. На мой вопрос, почему? Ответ был краток – «он спас Россию».

И, конечно, полотна Оли рождают вопрос: это искусство или философия или наоборот. Во всяком случае, это всегда поиск или бег «от» или «за», или «вместе». Конечно, она, как и многие другие мастера, испытала влияние гения Дали, но у Оли свой путь и собственная философия, которую и легко и трудно увидеть в ее провокативных картинах, в ее прозе и поэзии, пронизанных размышлениями о вечности, вернее, времени, о художнике, задачах искусства. Чтобы немного дать представление о путях ее мысли, прошу прочесть следующие строки Оли Иваницкой: «Какую тему изобразительное искусство разрабатывало как главную на протяжении всего своего существования? С чего все началось? Согласно хронологии, которую составил музей Метрополитен, первой была создана маленькая овечья голова. Значит, представлено одомашненное животное. Потом были животные, на которых охотятся. И потом пошли охотники. И художники. Художников ловят, чистят, перевозят, перепродают. Было бы нескромно пресекать визуально-абстрактную историю мира, но напрашиваются темы: бесконечности, смерти, радости, власти, рождения, веры, наказания, телесного, некогда скрытого, а сейчас – явного, весьма телесного, темы мифологии; и потом взаимоотношения; человек – животные, битвы, столкновения, охота всех видов – на диких животных, на птиц, на волков, лисиц, все виды убийств, плетение времени, плетение шелка. Темы, связанные с едой, что мы едим, чем едим, как едим, темы связанные со сном, с тем, как мы ходим, стоим, держимся, цепляемся, а также трости, столы, стулья, троны, ложи, переносные кресла, конные повозки, прицепы, двуколки, упряжки, короны, одежда, туфли, тапочки, подвески, накидки, плащи, книги, инициалы, иллюминация, буквы, полки, стены – все принадлежит искусству, которое создается, которое нам что-то демонстрирует и нами же потребляется. И каждая вошедшая деталь вместе составит целостную картину <...> Что предлагает изобразительное искусство?

То, что спасет изобразительное искусство – это изображение архитектуры.

Не выглядит ли это предложение достаточным?.. Или можно было бы заняться сегодняшними проблемами мира? Или быть взглядом, обращенным в себя, на свое “внутреннее”? Или перейти границу того, что создает время сегодня, перейти собственное, перейти границу завтрашнего времени, послезавтрашнего, и поставить вопросы на сто, двести лет вперед, чтобы наконец-то дать программу. Быть может, через двести лет она будет выглядеть недостаточной, наивной, поверхностной, минималистской, но она будет существовать. Дать идею программы!..»¹¹³⁵

По сути, как мне видится, эти задачи и решала, как ни грустно о ней говорить в прошедшем времени, в красках Оля Иваницкая. Местом упокоения ее в Белграде стала

1135 Там же.

Аллея великанов (Ново гробље) (Новое кладбище), где покоятся те, кто вошел в историю Югославии.

И вместо традиционных нескольких прощальных слов о русских художниках я хочу подчеркнуть, что само русское творчество продолжает дарить радость встречи с прекрасным, с талантом, умеющим увидеть неожиданное в будничном, придать краски бытию, увидеть неразгаданное в обыденном, предвосхитить время, смешать его краски. Все это позволяет утверждать, что красота живет вечно.

ЧАРУЮЩИЙ МИР ПЕНИЯ И МУЗЫКИ

Вначале немного о хоре. Пожалуй, в каждом городке, местечке русские ходили в церковь. А где храм, там и хор, русский хор, получивший широкую известность на балканской земле, помогавший «забыть» суету дня и хористам и слушателям.

Протоиерей В. А. Мошин в своих воспоминаниях писал, что, прибыв в 1921 г. в Копривницу, русские «основали и хор в местной православной церкви с участием местных певцов-сербов, которым первое время руководил мой брат, а после его отъезда в Белград принял управление я и управлял им 12 лет до нашего отъезда <...> В Копривнице нам удалось сначала по памяти восстановить наиболее известные композиции хорового пения, начиная с «обиходных» мотивов и привычных праздничных тропарей и кондаков, а потом постепенно собралась и довольно большая нотная библиотека путем копирования концертных композиций Бортнянского, Виноградова, Львова, Архангельского и других из репертуара русских художественных хоров в Загребе (Космаенко) и в белградской русской церкви (Маслова и др.). Иногда приезжавшие в Копривницу певцы-артисты и капеллы русских певцов-балалаечников усиливали и украшали наш скромный местный хор. Особенно памятен мне один такой приезд группы певцов-музыкантов, которые присоединились к нашему хору на Пасхальной литургии, когда наше первое торжественное «Христос Воскресе» так потрясло атмосферу, что полопались и посыпались стекла из окон под церковным куполом... Ездили мы иногда с нашим хором и в соседние места на праздники – в монастырь Леповину, в Вараждин, в Крижевцы, в Беловар и др.»¹¹³⁶.

Для «неумирания» хора в Белграде много сделали четыре хора: Свято-Троицкой церкви, Вознесенской церкви, хор «Глинка» и Дворцовая капелла.

Начну с первого. Уже 24 сентября 1922 г. хор под руководством о. Петра Беловидова давал концерт в Панчево – произведения Бортнянского, Архангельского, Гречанинова, Кастальского, Ломакина и др.¹¹³⁷

Чтобы почувствовать музыку, я приведу написанное 4 августа 1923 г. стихотворение «Царь-девицы» Марины Цветаевой о Кастальском под названием «Заочность»

Кастальскому току,
Взаимость, заторов не ставь!
Заочность: за окном
Лежащая, вящая явь.

1136 Из воспоминаний академика, протоиерея Владимира Мошина // *Косик В. И. Русская церковь в Югославии.* С. 192–193.

1137 Новое время. 1922. 22 сент.; Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 78.

Заустно, заглазно,
 Как некое верхнее ла
 Меж ртом и соблазном
 Версту расстояния для...

Блаженны длинноты,
 Широги забвений и зон!
 Пространством, как нотой,
 В тебя удаляясь как стон –

В тебе удлиняясь
 Как эхо в соборную грудь,
 В тебя ударяясь;
 Не видь и не слышь и не будь –

Не надо мне белым
 По черному – мелом доски!
 Почти за пределом
 Души, за пределом тоски –

...Словесного чванства
 Последняя карта сдана.
 Пространство, пространство,
 Ты нынче – глухая стена!

Из наиболее известных был хор «Глинка» под руководством музыканта И. И. Слатина. Могу только сказать, что он выступал не только в Белграде, но и гастролировал по другим городам Королевства. В частности, в марте 1927 г. был организован его концерт в Панчево с участием жены, певицы Софии Давыдовой-Слатиной (колоратурное сопрано), и Д. Орлова (тенор), Звучала музыка Рахманинова, Римского-Корсакова, Чайковского¹¹³⁸.

И, наконец, Дворцовая капелла, в которой славились К. Борисов, Т. Хитрина, В. Стеллецкий¹¹³⁹.

О них известно немного.

Кирилл Борисович Борисов (?–1984) после окончания Крымского кадетского корпуса в Королевстве поступил в Загребский университет, потом в Загребскую консерваторию. Потом Белград, Зальцбург, исполнение заглавных партий в городской опере. Он много гастролировал. Переселившись после войны в США, Кирилл Борисович пел в

1138 Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 149.

1139 Конради Д. Русские эмигранты в музыкальной жизни Белграда // Новое русское слово. 1982. 22 сент.

опере в Сан-Франциско. Последних 17 лет он был на преподавательской работе. Похоронен Борисов на Сербском кладбище в Сан-Франциско¹¹⁴⁰

Всеволод Павлович Стеллецкий (1904–1982), создатель русского военно-исторического музея в штате Нью-Джерси. Родился Всеволод в семье полковника Русской Императорской армии. В 1914 г. он поступил в Сумской кадетский корпус. После 1917 г. Стеллецкий эмигрировал в Королевство и продолжил обучение в Крымском кадетском корпусе. В 1924 г. по окончании учебы он был зачислен в кадровый состав 10-го уланского Одесского полка, работавшего на строительстве дорог в Македонии. В 1930 г. Стеллецкий переехал в Белград, зарабатывал на жизнь своим голосом – бас. В 1941–1945 гг. воевал в составе Русского охранного корпуса. Потом настало время бегства в Австрию, а с 1950 г. жил в США, где при обществе «Родина» и создал свой знаменитый музей. Мечтал он вернуть свой музей родине после освобождения ее от советской власти, что сбылось после его кончины. Экспонаты его собрания были переданы в Музей Вооруженных Сил РФ¹¹⁴¹.

О Татьяне Хитриной, к сожалению, я не смог найти подробных сведений.

Стяжал заслуженную славу и русский хор Свято-Богородичной церкви из Земуна. Его руководитель Евгений Прохорович Маслов «говорил, что служба Божия это дивная симфония, где все должно гармонировать, и возгласы священнослужителя, и пение хора. Эта симфония поднимает молитвенное настроение, молящийся своими мыслями уходит ввысь к Богу и “всякое ныне житейское отложим попечение” – претворяется в действительность». По словам одного из современников, «его хор в Белграде был самый лучший, концерты, на которых он выступал, собирали громадное количество слушателей и пользовались большим успехом. В торжественные дни Масловский хор приглашался всегда Сербским Патриархом, который его очень ценил. Одной из отличительных черт в хоровом пении у Е[вгения] П[рохоровича] было, что все слова молитвенных песнопений были отчетливо слышны с правильной фразировкой и ударением. Особое внимание он обращал всегда на старинные русские напевы, и многое из обиходного пения исполнялось знаменным распевом с самой тщательной отделкой»¹¹⁴². Именно этот хор отпевал убитого в Марселе в 1934 г. короля Александра и провожал его в последний путь в храм-усыпальницу на Опленце.

Его хор много раз выступал в близком Панчево. 14 ноября 1926 г. в зале «Трубач» был его первый концерт, в программе которого были: «Вечери твоя тайная» Львова, «Отче наш» Заводского, «Хвалите имя Господне» Архангельского с канонархом, «Тебе поем» Фатеева, соло Баниной с хором, произведения Бортнянского, Чайковского, и др. Хор был смешанный из 25 человек, профессиональных русских певцов и певиц. В нем пели, в частности, Вера Банина, Татьяна Олейникова, Елена Гергеска, Михаил Дзуба, Николай Яворский, Василий Каменский, Павел Рож(дж)ин, а также и некоторое число сербов. В

1140 Александров Е. А. Указ. соч. С. 71.

1141 Там же. С. 483.

1142 Православная Русь. 1968. № 12.

марте 1928 г. хор вновь выступил. Тогда «Панчевац» писал, что «хор имеет отличных солистов, между которыми первое место занимает г-жа Вера М. Банина с таким чистейшим, красивым сопрано, который проникает в самую сердцевину души»¹¹⁴³.

В ноябре 1928 г. хор прибыл в Панчево в третий раз. Вызвало целую бурю аплодисментов песнопение «Господи, помилуй» Чеснокова¹¹⁴⁴.

С концертами выступал и местный русский церковный хор, руководимый И. С. Власовым¹¹⁴⁵.

Получило известность в Панчево и сербское певческое общество «Венац», во главе которого с 1930 г. был поставлен русский Сергей Мошин. О нем писали в сербской прессе, что он, «хотя и любитель, но показал в работе с «Венцем» такие результаты, которым могли позавидовать и многие профессиональные руководители хоров. Его труд в хоре был пронизан чистой и благородной любовью к своим певцам и именно поэтому был ценен и любим ими»¹¹⁴⁶.

В поликультурном Нови-Саде сын священника, выпускник Московского коммерческого училища, есаул Кубанского войска Павел Александрович Фигуровский (1889–1959) свыше 15 лет был регентом любительского хора ремесленников «Невен», в репертуаре которого были русские духовные песнопения. Одновременно он являлся регентом сербского соборного храма св. Георгия и венгеро-немецкого хора. Другой русский новосадец Алексей Николаевич Аплечев в 1930-х гг. управлял хором униатского храма св. Апостолов Петра и Павла и русинским хором «Максим Горький»¹¹⁴⁷. В храме Успения Пресвятой Богородицы регентовали Петр Моисеевич Таран (1892–1973) и Борис Михайлович Моисеев (1896–1974). Упомяну вслед за А.Б. Арсеньевым еще двоих русских, трудившихся регентами в сербских церквях: Борис Петрович Арсеньев (1908–1972) и Николай Федорович Букин (1903–1994). В довоенные годы регентом русского церковного хора был уроженец Екатеринодара Василий Федорович Григорьев (1884–1970), войсковой старшина Кубанского казачьего войска. После войны им управляли Екатерина Федоровна Мазараки (1888–1965) и Григорий Моисеевич Пальчик (1899–1979). В Сомборе управлял церковным хором Н.В. Капустин (1876–1930), он же возглавлял Сербское певческое общество ремесленников. В этом же городе в сербском храме св. Георгия в 1920–1930-е гг. пел хор под руководством юриста по профессии Хрисанфа Хрисанфовича Зенькевича. В Вршце церковным хором и Сербским певческим обществом руководили Курагин и Иван Федорович Котов, расстрелянный в 1941 г. немцами. В Стара-Пазове был известен русский хор под управлением капитана Прокопрука¹¹⁴⁸.

1143 Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 77.

1144 Там же. С. 78.

1145 Там же. С. 141.

1146 Там же. С. 79.

1147 Арсеньев А. У излучины Дуная. 56, 57.

1148 Арсеньев А. Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине. С. 226–227, 232, 239.

В Белой Церкви в русском храме св. Иоанна Богослова пел смешанный хор под руководством Ивана Алексеевича Гусева, которого в 1938 г. сменил Поликарп Емельянович Скриль (1897 – ?). «Последними регентами, – пишет А.Б. Арсеньев, – были больной и полуслепой Павел Михайлович Поршневу (с 1948 г. по 1955 г.) и Дмитрий В. Болдырев (вплоть до середины 1960-х гг.)». В Мариинском донском девичьем институте, нашедшим приют в этом городе, регентом церковного хора воспитанниц была Е.В. Говорова, а в находившемся там же Первом русском вел. кн. Константина Константиновича кадетском корпусе регентом в 1930-е гг. был полковник А.Н. Пограничный¹¹⁴⁹.

В Осиеке с 1922 г. было известно певческое общество «Баян», действовавшее вплоть до 1927 г., распавшееся вследствие отъезда хористов по другим городам и весям Югославии. Известно, что оно исполняло русские народные песни и церковную музыку. Давала обычно два раза в год концерты в Осиекском Сербском Доме¹¹⁵⁰.

Еще одно имя. Юрий Михайлович Арбатский, композитор, органист и музыковед. С 1933 г. он руководил хорами в Лесковце и в Сремской Митровице, а с 1935 г. – органист и руководитель хора католической соборной церкви в Белграде. Добавлю, что Арбатский автор многих симфоний и других музыкальных сочинений, собрал около 4 тысяч народных мелодий, преимущественно албанских и македонских (все фонографические записи были повреждены при бомбардировке Белграда)¹¹⁵¹.

Пели везде.

В родоплеменной Черногории горстка русских (около сотни к концу 1920-х гг.) и здесь не изменяла традициям: составлялись небольшие русские хоры и оркестры¹¹⁵², позволявшие «забыться» в голосе, музыке.

В хорватском Дубровнике, в котором к апрелю 1921 г. было примерно 700 русских, имелся отличный хор¹¹⁵³.

В сербском Лесковце хормейстером певческого общества «Бранко» был выпускник Санкт-Петербургской консерватории Иван Татаркин. В 1921 г. он выпустил книгу «Литургия для смешанного хора». Последовательно хормейстерами этого общества, пропагандистами музыкальной культуры были Юрий Арбатский, Владимир Курагин¹¹⁵⁴.

27 сентября 1921 г. в Карловце дал свой первый концерт Национальный русский смешанный Загребский хор (35 человек) под управлением Александра Порфирьевича Космаенко (1888–1945). Весь хор был в национальной одежде – дамы в сарафанах, мужчи-

1149 Там же.

1150 *Beloemigracija u Jugoslaviji*. S. 220.

1151 *Арсеньев А.* «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 206.

1152 Новое время. 1923. 22 июня.

1153 Новое время. 1921. 24 апр.

1154 *Марковић С.* Вклад русской эмиграции в культурную и художественную жизнь Лесковца и Лесковцакого района (Сербия) // *Славянский альманах*, 2007, М., 2008.

ны в рубахах и шароварах. Исполняли русские и «малороссийские» песни, произведения русских композиторов

В годы войны хор переживал тяжкие времена, денег почти не было, много приходилось петь в церкви. Судя, по собранным Татьяной Витальевной Пушкадией-Рыбкиной сведениям, были обращения о помощи, но особого успеха хор не добился.

Нельзя не упомянуть и другого хормейстера, выпускника Симферопольской духовной семинарии, капитана Бориса Викторовича Комаревского (1893–1945). В Королевстве сербов, хорватов и словенцев он сначала был учителем пения в Крымском кадетском корпусе. В 1927 г. завершил Королевскую музыкальную школу в Загребе. Потом Комаревский работал концертмейстером в Хорватском Народном театре¹¹⁵⁵. С 26 мая 1932 г. он встал во главе действовавшего при Греко-католической церкви Кирилло-Мефодиевского хора¹¹⁵⁶. В 1934 г. был снят звуковой фильм «*Čirilo-Methodov kor, kulturno značenje umjetničkoga delovanja*» (Кирилло-Мефодиевский хор, его значение в искусстве): режиссер – Анатолий Юрьевич Базаров-Брюховецкий, оператор – Александр Герасимов¹¹⁵⁷. В том же году вышел из печати первый «Сборник старославянских церковных песнопений». В него вошли исполняемые хором сочинения Архангельского, Бортнянского, Чайковского, Чеснокова, Гречанинова, Львова, Мусоргского, Римского-Корсакова, Соловьева, Турчанинова, Вишневого¹¹⁵⁸. Не удержусь, чтобы не отметить: свой первый концерт, состоявшийся 20 сентября 1931 г. в Загребе, Кирилло-Мефодиевский хор посвятил исключительно исполнению произведений Бортнянского¹¹⁵⁹. Под руководством Комаревского хор успешно выступал не только в Королевстве, но и за его пределами. Участвовал и в празднествах, проводимых католической церковью¹¹⁶⁰. Сохранился отзыв Марко Баука о выступлении хора в 1935 г. в Любляне: «Комаревский – мастер. Его ярко выраженная творческая индивидуальность ярко проявляется в том, как можно талантом оживить в песнопении те места, которые в партитуре местами кажутся безжизненными»¹¹⁶¹. В 1936 г. Комаревский был удостоен золотой медали свв. Кирилла и Мефодия за заслуги¹¹⁶². В 1937 г. после блестящих выступлений хора во Франции Борис Комаревский был избран членом-корреспондентом и почетным членом Union des Maîtres de Chapelle et Organistes de France¹¹⁶³.

Расстрелян по приговору Военного суда новой власти¹¹⁶⁴.

1155 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 145–146.

1156 Там же. S.95.

1157 *Ivanišević G.* Sedamdeset godina Čirilo-Methodova kora / Čirilo-Methodov kor Crkveno pjevanje u Hrvatskoj Knjga izlaganja na simpoziji održanom u Zagrebu 20 prosinca 2001. povodom 70. obljetnice osnutka Čirilo-Methodova kora/ Zagreb, 2002. S. 76.

1158 Там же.

1159 Там же. S. 70.

1160 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 95.

1161 *Ivanišević G.* Указ. соч. S. 77.

1162 *Ivanišević G.* S. 78.

1163 *Ivanišević G.* S. 80.

1164 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 145–146.

В 1984 г. началось возрождение хора. В 1992 г. он вернул себе старое название. Сейчас, в XXI в., в его репертуаре, как и прежде, множество произведений русских композиторов. Так, в 2001 г., в программу концерта, посвященного 70-летию хора, были включены творения Бахметьева, Архангельского, Чеснокова, Римского-Корсакова, Вербицкого¹¹⁶⁵.

В 1923 г. уже был известен хор в Сараево под руководством преподавателя пения в Русском кадетском корпусе С. Ф. Стефановича. Ансамбль выступал с церковными песнопениями, произведениями русской классики¹¹⁶⁶. 16 февраля 1927 г. хор впервые выступил в городском театре с большим концертом перед широкой публикой и в присутствии митрополита Дабробосанского и Сараевского Петра и местных властей. В первом отделении концерта были пропеты такие шедевры, как «Отче наш» знаменного распева XI в., гармонизированного Римским-Корсаковым, «Херувимскую» напева XVII в. в обработке Бортнянского, знаменитое произведение Веделя «Покаяния отверзи ми двери». Потом солист-тенор Кузнецов знакомил аудиторию с жизнью и творчеством Глинки. Второе отделение концерта было посвящено народной песне. «Вниз по матушке, по Волге», «Эй, ухнем», «Эй калинка, малинка моя». Третье отделение посвящено классике — композиторам Гречанинову, Даргомыжскому, Бородину и др.¹¹⁶⁷

И так было везде, где жил русский люд, певший на клиросе, в светских и церковных хорах, на концертах. Повторю, что именно благодаря русскому духовному пению жители Королевства стали чаще ходить в церкви, где имелись русские хоры.

И, наконец, «высокая» опера.

В этой сфере искусства россыпь имен.

А сейчас страны Югославии.

Опера, оперное искусство всегда есть элемент цивилизации, Европы. До Великой войны, начавшейся в 1914 г., в Белграде певцы-любители ставили «Трубадура», да еще две-три оперы и оперетты. Ситуация резко изменилась с образованием Королевства, в котором, как во всяком европейском государстве, должна быть опера! И тут помог «случай» под названием «русский исход», когда в столицу прибыли русские певцы и певицы, и «сразу же организовалась опера уже не на любительский лад».

Выступления русских оперных певиц и певцов аплодировали в Белграде и Загребе, в Нови-Саде и Любляне, в Скопле и Сараево, в больших и маленьких городках Югославии. Русские принесли с собой не только итальянскую школу пения, но и традиционный для отечественных спектаклей русский исполнительский стиль, служивший образцом для сербских артистов.

К началу сезона 1921/22 г. Белградская опера наряду с несколькими выдающимися отечественными артистами имела почти полностью сформированную труппу из русских

1165 *Ivanišević G.* Указ. соч. S. 83, 85, 127.

1166 Новое время. 1921. 11 дек.

1167 Новое время. 1927. 27 февр.

беженцев, которые, как в сказке, дали возможность совершенно, фантастически, обновить репертуар¹¹⁶⁸.

Таланты и профессионализм русских артистов позволяли им не только успешно участвовать в сербских операх, но и знакомить поклонников этого вида искусства с оперной классикой России: «Евгением Онегиным», «Пиковой дамой», «Царской невестой», «Борисом Годуновым» и многими другими замечательными творениями. Самый решающий вклад в Оперу внесли сами солисты, среди которых были такие, какими могла гордиться любая сцена. Станислав Винавер, который в первом десятилетии обновленной оперы был единственным настоящим ее критиком, написал даже одну «молитву» после «Миньоны» Лизе Поповой: «Пусть больше и чаще поет, а мы ей будем молиться как потерпевшие кораблекрушение моряки, моряки в море грубости – ей, звезде моря, вместилищу милосердия и спасения»¹¹⁶⁹.

С 1920 до 1941 г. было поставлено 156 оперных и балетных спектаклей, а в 132-х участвовали русские артисты¹¹⁷⁰.

Их влияние приняло характер школы.

По сути дела русские, как подчеркивают сами сербы, так или иначе «содействовали росту художественного уровня белградской оперы, даже созданию некоторых белградских оперных традиций, и, что весьма важно, воспитанию отечественных певцов<...> заменивших впоследствии своих русских коллег, учителей»¹¹⁷¹.

Это признание особенно важно в той ситуации, когда русские певцы, как правило, не стремились овладеть сербским языком. Возможно, это обстоятельство было одной из причин рождения следующего парадокса: с одной стороны, слышалось, что «благодаря русским у нас есть своя опера», а с другой – утверждалось, что «из-за русских мы не имеем своей оперы». Негативная реакция была, вероятно, вызвана и завистью, неудовлетворенными личными амбициями, доминантной ролью русских артистов и их претензиями на верховодство, «затирианием» национальных кадров. Как остроумно отмечено П. Крстичем: «Если бы “Фауст” стал сербской оперой только по той причине, что ее исполняли сербы, тогда бы “Тамлет” был сербской трагедией, когда его играют сербы»¹¹⁷².

Ситуация в опере обсуждалась и в русской прессе. Один из безвестных любителей театра писал: «В сербской прессе появляется ряд статей в защиту русских. Особенно знаменательна большая статья одного выдающегося местного журналиста. В ней он с возмущением и большим знанием дела подвергает горячему, бичующему разбору все

1168 Турлаков С. Руски уметници у Београду. С. 28.

1169 Там же. С. 33.

1170 Там же. С. 29.

1171 Мосусова Н. Руска уметничка емиграција и музичко позориште у Југославији између два светска рата // Руска емиграција. С.145.

1172 Павловић М. Институционализовања опере (и балета) у народном позоришту у Београду и руски уметници // Руска емиграција. 161.

шовинистические и неосновательные нападки, квалифицируя их весьма резко и заявляя, что они – “оскорбляют не только русских артистов, которые с полным самозабвением исполняют свою миссионерскую и пионерскую роль у нас, за что они имеют право ожидать, по крайней мере, признания, но это унижает и нас самих, так как мы делаемся смешными и пошлыми, отчаянными карикатурами в глазах всякого сознательного музыкального человека <...> Для развития нашей музыкальной культуры настоящее счастье, что пришли русские”. Может и теперь есть, кто бы заменил с большим удовольствием русских поляками или чехами, что, кстати, подчеркнуло бы дружескую связь с этими новыми славянскими образованиями, но равных по художественному достоинству и дешевизне оплаты труда, к их большому сожалению, они найти не могут»¹¹⁷³.

«Все, выпады, – указывалось далее в статье, – по счастью, исходили из весьма небольших, хотя и крикливых групп, масса же театральной публики и пресса относились к русским не как к эмигрантам, а как художникам, ценя и любя их за те эстетические ценности старой русской театральной культуры, благодаря которым так легко и безболезненно создалась опера. Опера, которой может гордиться не только Сербия, но и все Королевство С. Х. С.»¹¹⁷⁴

Благодаря русским артистам репертуар Народного театра обогатился не только классическими произведениями, но и современными спектаклями. Последней новинкой на столичной оперной сцене в межвоенном периоде была в 1937 г. «Катерина Измайлова» Шостаковича.

И конечно, дирекция театра при приеме русских оперных талантов, руководствовалась «не русофильством и не желанием помочь эмигрантам, а простым коммерческим и художественным расчетом»¹¹⁷⁵.

Итак, все началось 24 июня 1919 г., когда в Офицерском доме на концерте «Для русских беженцев» наряду с Еленой Докич – фортепиано, Йованом Зорко (московский воспитанник) – скрипка, и Вячеславом Рендлом – виолончель, выступала Мария Федоровна Валуева с романсами Даргомыжского. 9 декабря в зале Касины (центр Белграда) состоялся чисто русский концерт оперных певцов, где выступал и бас Евгений Семенович Марьящев¹¹⁷⁶.

Русские доминировали во многих представлениях. Два примера. В 1920 г. на премьере «Евгения Онегина» пели: Н. Вирен-Рейманова – Татьяну, А. Свечинская – Ольгу, Е. Марьящев – князя Гремина, Лубинецкий – Ленского. В 1925 г. на премьере «Аиды» все сольные партии исполняли Е. Вальяни, К. Роговская, Н. Гукасов, Г. Юренев, Е. Марьящев¹¹⁷⁷.

1173 Театрал. Русское искусство в Королевстве С.Х.С. // Призыв (Белград). 1926. № 4. Июль.

1174 Там же. С. 48.

1175 Там же. С. 47–48.

1176 Турлаков С. Руски уметници у Београду. С. 26.

1177 Петровић В. Руски оперски певачи и београдска музичка критика и публика // Руска емиграција. С. 176.

Первым принятым в оперу русским был концертмейстер Владимир Нелидов (1 марта 1920 г.)¹¹⁷⁸. Он уже упоминался ранее несколько раз и настал удобный момент, чтобы сказать несколько слов об этой артистической натуре. Владимир Александрович Нелидов (1887–1978) всю свою жизнь отдал музыке. И Белграду, как говорится, повезло, что Нелидов, со всеми его дарованиями обосновался не в Париже, куда он все же потом уедет, а в столице Королевства сербов, хорватов и словенцев. О его творчестве сохранились любопытные строки, связанные с сочиненной им музыкой к спектаклю «Смерть Тентажиля», поставленного, повторяю, в 1921 г. Ракитиным. Наталья Вагапова, одна из немногих знатоков русского театра за рубежом, желая подчеркнуть оригинальность и талант Нелидова, приводит отрывок из отзыва на его музыку, звучавшую «как заледенелая судорога, предваряющее каждое событие, каждое переживание <...> Не будь этой музыки, и спектакль сон остался бы сном, ничем не задевшим нашу душу. Ирреальная музыка придала реальность всей этой мистике»¹¹⁷⁹. Немножко страшно, конечно, когда читаешь о «заледенелой судороге» музыки! Но мысль ясна.

Потом в оперу пришел режиссер Михаил Петрович Зацкой (27 апреля 1920 г.), который поставил «Евгения Онегина», затем примадонна Ксения Роговская (30 октября 1920 г.)¹¹⁸⁰.

В экстаз ценителей оперного пения приводили выступления упоминавшейся в самом начале Лизаветы Ивановны Поповой (1889–1967). После окончания Санкт-Петербургской консерватории (1912 г.) она была принята в Мариинский театр, где пела сольные партии. Дебютировала в роли Татьяны. Потом были выступления в Большом театре и других известных театрах. В 1919 г. жила в Крыму, откуда с мужем, Михаилом Каракашем, также оперным певцом, уехала в 1921 г. в Италию. С большим успехом пела во Флоренции, в Риме, Барселоне, Париже, Загребе, Белграде. В столице Королевства семья решила остаться, благо «русские голоса» там ценились. В репертуар Лизаветы Ивановны входило множество заглавных партий. Назову только некоторые – Татьяна, Мадам Баттерфляй, Тоска, Манон, Лиза, Джульетта, Марта, Тамара, Луиза, Ярославна, Дездемона, Кармен¹¹⁸¹. Русский театрал писал: «Попова, бывшая артистка Императорского Мариинского театра, выдающаяся, редкая на оперной сцене, проникновенная и глубокая актриса. Лучшие ее достижения Миньон, Баттерфляй, Лиза и в особенности Сента в „Моряке Скитальце“»¹¹⁸².

Знакома публике с произведениями русских и советских композиторов – М. Глинки, А. Гурилева, А. Варламова, М. Мусоргского, А. Бородина, Ц. Кюи, М. Балакире-

1178 Турлаков С. Руски уметници у Београду. С. 26.

1179 Вагапова Н. Счастливые московские годы Юрия Ракитина // Юрий Львович Ракитин – живот, дело, сећања. С. 26.

1180 Турлаков С. Руски уметници у Београду. С. 26.

1181 См.: Там же. С. 33.

1182 Театрал. Русское искусство. С. 46; Арсеньев А. Биографски именик. Т. II. С. 293.

ва, Н. Римского-Корсакова, П. Чайковского, С. Рахманинова, М. Гнесина, В. Шебалина, Н. Мясковского. Некоторые романсы пела в 1933, 1939, 1940 гг. по Белградскому радио.

И теперь слово балерине Ксении Грундт. В своих воспоминаниях она писала: «Я неоднократно ее слышала в Белградской и в Загребской Операх в “Евгении Онегине” и в “М-м Беттерфлай”. Она хорошо пела, хотя дирижер Ловро Маточич находил, что она очень «неудобна» в смысле ритма. Чудно играла и была очень красива. Она была любимицей королевы Марии. При немецкой оккупации ей не давали больше петь главные партии и я ее слышала в “Борисе” – как... корчмаршу. Якобы она потеряла голос. У нее был сын, кот[оторый] выбрал практичное ремесло: стал сапожником. Та же г-жа Волевач говорила, что г-жа Попова с сыном поехали в СССР. Для меня Лиза Попова останется незабываемой м-м Веттерфлай по игре и трогательному образу, кот[орый] она создавала. Я любила менее ее “постельную” версию Татьяны. Режиссер Борис Кривецкий ставил “Онегина” в Загребе в версии “диванной” и у него вышли столкновения с г-жой Поповой, требовавшей “кровать”»¹¹⁸³.

В 1944 г. певица вернулась на родину. Погибла в автомобильной катастрофе. После смерти сына личные вещи певицы практически сразу были расхищены.

Из певиц, на которых во многом держалась белградская опера, назову еще несколько имен.

Евгения Дмитриевна Вальяни (1901–ок. 1962), меццо-сопрано, выпускница Академии «Санта Цецилия» в Риме. Пела на сцене оперы Зимина. С 1921 и до 1939 г. как гость или постоянный член белградской труппы спела Ацучену, Кармен, Ольгу, Миньон, Амнерис, Кончаковну, Марину, Полину, графиню в «Пиковой даме»¹¹⁸⁴. Добавлю, что уже в первые белградские годы она смогла спеть партию Миньон на сербском языке, что сразу было отмечено в «Музичком гласнике»¹¹⁸⁵. Балерина Ксения Грундт, вспоминая ее, писала о ней как «хорошей певице, но не имевшей удачи». В частности она приводит следующую историю: «Очень рано потеряв службу в государственной опере, м. б. в силу скверного характера <...> г-жа Вальяни вынуждена была устраивать концерты в свою пользу, сама разнося и тщетно предлагая билеты по магазинам <...> занятие и бесполезное и унижительное <...> Вряд ли эти концерты давали ей что-либо существенное. Лишь один раз она получила хороший реванш, во всяком случае, артистический. Вот как это было: на гастроли приехала итальянская опера; давали “Трубадура” – певица исполнявшая цыганку, заболела, в их труппе “запасной” не было. Директор “Югоконцерта” («Женя») Жуков запросил Вальяни. Она знала партию по итальянски. Как в моем случае с “русской” (плясовая – В К.) – напечатали летучки, объяснявшие, что в итальянской опере заменяет заболевшую итальянку г-жа Вальяни в партии цыганки. К чести русской и, главное, сербской публики

1183 *Грундт Кс.* Балетные воспоминания. Рукопись. Ксерокопия. С. 279–280.

1184 *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С. 28, 34; Театрал. Русское искусство. С. 46; *Арсењев А.* Биографски именик. С. 237.

1185 *Павловић М.* Институализовања опере (и балета) у народном позоришту у Београду. С. 158.

скажу, что она устроила такую овацию “своей” Вальяни, что итальянцы раскаялись, что просто не аннулировали эту оперу»¹¹⁸⁶.

Неонила Григорьевна Волевач (Вольевач) (1892–?), солистка Мариинского театра в Петербурге. С 1920 г. в Королевстве, с 1921 по 1931 г. примадонна оперной труппы в Белграде. О ней в одном из русских журналов писались такие слова: «Волевач <...> блестящее колоратурное сопрано, пение которой отличается большой задушевностью, простотой и редким техническим совершенством. Выдающаяся Царская невеста, блестящая Лакме, Джульетта, очаровательная Манон»¹¹⁸⁷. О ней в 1921 г. в белградской «Трибуне» писали: «В среду 1 июня первый раз на нашей сцене она пела “Джилду”. Этот день стал небольшой, но датой, в развитии нашей Оперы. Случилось чудо. После первых нот публика разинула рот от удивления, а потом взволнованная неожиданным действием чарующей арии, затаив дыхание слушала, чтобы потом дать волю своим чувствам и разразиться аплодисментами»¹¹⁸⁸.

София Рудольфовна Драусаль (1893–1991), колоратурное сопрано¹¹⁸⁹. Родилась в городе Александровске (совр. – Запорожье) Екатеринославской губернии. Ее дорога в большую оперу была непростой, как впрочем, у многих певиц. Еще будучи гимназисткой, она пела в церковном хоре, на многих благотворительных концертах. Особый успех снискала во время прославления в ее городке 300-летия Дома Романовых, когда один из великих князей похвалил ее пение. И не удивительно, что София возмечтала о консерватории. Однако отец, довольно сурового нрава, и ранее запрещавшей дочери петь на сцене, высказался весьма определенно о желании получить консерваторское образование: «Лучше раньше тебя увижу мертвой!». И будущая знаменитость пошла в сельские учительницы. Она продержалась все же недолго, год. Помогла мать, ее любящее сердце¹¹⁹⁰. Уже весной 1919 г. она закончила Одесскую консерваторию и через два дня уже выступала в городской опере. Потом было турне по южной России со знаменитыми Георгием Баклановым (наст. фамилия Баккис Альфонс-Георг Андриасович)¹¹⁹¹ и Леонидом Собиновым. Обладательница самой маленькой ножки (размер 31) бежала вместе с мужем (Лаптев), русским офицером, из Александровска под артиллерийским огнем. Эмиграция для нее началась в волшебном Дубровнике¹¹⁹².

После первого же концерта она была замечена и привлечена в труппу Белградского Народного театра¹¹⁹³.

1186 *Грундт Кс.* Указ. соч. С. 368, 369, 370.

1187 *Театрал.* Русское искусство. С. 46; *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С. 28.

1188 *Палибрк-Сукић Н.* Указ. соч. 72.

1189 *Арсењев А.* Биографски именик. С. 253.

1190 *Comoedia.* 1926. № 39.

1191 *Незабытые могилы.* 2006. Т. 1. С. 181.

1192 *Comoedia.* 1926. № 39.

1193 *Петровић В.* Указ. соч. С. 174.

С 1920-го по 1928 г. София Рудольфовна – солистка Белградской и Нови-Садской опер¹¹⁹⁴. (У В. Петрович – по 1926 г.¹¹⁹⁵).

11 февраля 1921 г. вместе с Г. Юрневым пели в поставленной первый раз на сцене столичного театра «Риголетто»¹¹⁹⁶.

Хвалебного отзыва удостоились ее «прекрасная Розина, замечательная Микаэла, Пастушка (Пиковая дама)»¹¹⁹⁷. Потом «скучный» Белград «кончился», и началось увлекательно-экзотическое турне: южная Франция, Испания, Марокко, Канарские острова¹¹⁹⁸. В 1931 г. она стала петь в Париже в «Русской опере»¹¹⁹⁹. Затем, видимо, муж «затребовал» ее возвращения или сама она соскучилась, но София Рудольфовна бросает столицу мира и едет в Нови-Сад, туда, где служил ее супруг. В этом городе, славном своим историческим прошлым, замечательными памятниками архитектуры, она на целых десять лет посвящает себя педагогической деятельности. Затем последовало возвращение в столицу Королевства и сольные выступления на «Радио-Белград», перемежавшиеся воспоминаниями о начале белградской оперы, том времени, когда артисты в промежутках между актами собирались в одном из помещений около жаровни, чтобы согреться перед выходом на сцену¹²⁰⁰.

Несколько по-иному пишет А. Б. Арсеньев: в конце 1930-х гг. Драусаль вернулась в Белград и с 1948 по 1952 г. ее голосом могли наслаждаться слушатели «Радио-Белграда»¹²⁰¹. Закончила выступления в 1946 г. партией изумительной Джильды, с которой и дебютировала на белградской оперной сцене¹²⁰². Позже ее голос можно было услышать на различных концертах.

Свои последние годы провела в Доме престарелых «Вежањска коса», что в Земуне. Коротала время слушанием кассет с ариями из «Риголетто», «Травиата» и из других спектаклей, в которых когда-то блистала¹²⁰³. Подписывалась: примадонна Белградской оперы на пенсии.

Назову здесь и имя приехавшей из красной Москвы на заработки певицы Дарьи Федоровны Захаровой (1887–1963). Она пела в 1925 г. в белградской опере Аиду, Марину Мнишек, Кармен... Полагаю, что ей платили в Сербии гораздо больше тех двухсот долларов в месяц, которые она получала в Москве¹²⁰⁴.

1194 Арсеньев А. Биографски именик. С. 253.

1195 Петровић В. Указ. соч. С. 174.

1196 Ђирилов Ј. Снег се цедио са декора // Политика. 1982. 13 нояб.

1197 Театрал. Русское искусство. С. 46.

1198 Петровић В. Указ. соч. С. 174.

1199 Арсеньев А. Биографски именик. С. 253.

1200 Петровић В. Указ. соч. С. 174.

1201 Арсеньев А. Биографски именик. С. 253.

1202 Петровић В. Указ. соч. С. 173.

1203 Письмо С. Драусаль директору Музея театрального искусства в Белграде Јањићу от 22. XI. 1988 // Копия.

Архив Музея театрального искусства. С. Драусаль.

1204 Comodia. 1926. 22 февр. № 25.

Евгения Владимировна Лучезарская (1881–1968), меццо-сопрано. О ней известно немногим больше, чем о Захаровой: после завершения обучения в консерватории в Санкт-Петербурге пела в Народном доме в Северной Пальмире, потом три года – в Большом театре. Последние три года перед эмиграцией она выступала в городском театре Одессы. С 1918 г. Евгения Владимировна в эмиграции, пела в Белграде, потом в Бухаресте, в Италии. Ее можно было видеть и слышать и в «Русской опере» в Париже. Белградские любители оперы могли очаровываться ее голосом и в 1926 г. – Марина, Кармен, Амнерис¹²⁰⁵. В 1927 г. руководство театра не подписало Лучезарской контракт на следующий сезон¹²⁰⁶. Почему? Может быть, интриги или требование сверху о продвижении национальных кадров? И то и другое возможно, причем сразу и вместе.

Волшебным лирическим сопрано обладала полька Елена Ловшинская (Ловчинская). Была первой певицей, получившей 17 мая 1919 г. ангажемент в Народном театре, т. е. еще до открытия Белградской оперы, в которой она блистала до 1925 г. Елена завоевала публику своей Чио-Чио-Сан, голосом то полным радости, то глубокой трагической боли. В 1924–1925 гг. – солистка Нови-Садской оперы. Часто Елена гастролировала и в Осиеке¹²⁰⁷.

Короткое время (май 1920–1922 гг.) на сцене столичной оперы звучало меццо-сопрано Антонины Свечинской в «Евгении Онегине»¹²⁰⁸.

Известность в Сербии получила обладательница меццо-сопрано Александра Емельяновна Ростовцева. Опыт выступлений у нее был весьма большой. Свою артистическую карьеру она начала в 1896 г. в театре Солодовникова, потом пела в операх Зимина и Мамонтова. Репертуар – Любава в «Садко», Любаша в «Царской невесте» Римского-Корсакова, Любовь в «Мазепе», Морозова в «Опричнине» Чайковского, Далила в «Самсоне и Далиле» Сен-Санса, Амнерис в «Аиде» Верди, Рогнеда в «Рогнеде» Серова и др.¹²⁰⁹ Как писали в театральном журнале «Сомоедиа», Римский-Корсаков специально для ее меццо-сопрано написал «Царскую невесту» и «Садко»¹²¹⁰.

Она прибыла в Белград в 1921 г. и сразу стала петь в столичной опере. Первый раз предстала перед слушателями, исполняя партию няни в «Евгении Онегине». Участвовала много раз в русских благотворительных концертах. Потом вскоре покинула сцену, вступив на путь преподавания сначала в музыкальном обществе «Станкович», где была, благодаря выдвинутой ею идее, открыта в 1922 г. первая оперная школа (улица Стишка, № 56) в Сербии¹²¹¹.

1205 Турлаков С. Руски уметници у Београду. С. 34; Незабутые могилы. 2004. Т. 4. С. 250.

1206 Новое время. 1927. 9 июля.

1207 Павлович М. Указ. соч. С. 172; Арсеньев А. Биографски именик. С. 274;

1208 Павлович М. Указ. соч. С. 158; Арсеньев А. Биографски именик. С. 301.

1209 Новое время. 1926. 12 февр.

1210 Сомоедиа. 1926. 5 апр. № 31.

1211 Сомоедиа. 1926. 5 апр. № 31.

Вместе с ней там учили Надежда Крюкова-Илич (пение), Илья Слатин и Нина Мисочко-Егорова (клавір), Владимир Слатин (скрипка)¹²¹². Оттуда вышел будущий замечательный пианист Алексей Бутаков, ученик Ильи Слатина¹²¹³.

Ученицами Ростовцевой были: Быкова – контральто, Верович – сопрано, Мебон – сопрано, Роксикова – меццо-сопрано, Волоцкая – меццо-сопрано, Пассек – сопрано, Радойчич – сопрано, Столич – сопрано, Троянова – меццо-сопрано, Диевский – баритон, Пономарев – бас, Борисевич – тенор¹²¹⁴. Из воспитанниц Ростовцевой можно назвать еще имя Ольги Николаевны Ольдекоп (ок. 1906–1946), ставшей профессиональной оперной певицей¹²¹⁵.

В 1925 г. перед белградской публикой появится и меццо-сопрано Елена Алексеевна Садовен (?–1978), выпускница Санкт-Петербургской консерватории по классу Натальи Александровны Ирецкой. Пела Елена в Милане, Париже, Мадриде¹²¹⁶. В сезоне 1929/30 г. она поет партии Кармен, Любаши, Амнерис, Далилы и Лотты. О божественном даре певицы свидетельствует не только любовь публики, но и избрание почетным профессором консерватории имени Сергея Рахманинова¹²¹⁷.

Теперь о примадонне Ксении Роговской, принятой в оперу 30 октября 1920 г.¹²¹⁸, «обладательницы лирико-драматического сопрано редкой красоты. Прекрасная Тоска, нежная Аида, трогательная Мими, благородная Лиза»¹²¹⁹.

Итак, генеральская дочь Ксения Ефимовна Роговская-Христич (1896–1961). Ее путь в театр начался в Иркутске. Здесь в пять лет Ксения слушала очаровавшую ее оперу «Кармен», на десятом году получила первую роль – карлика в Спящей красавице. Потом были Италия, Милан, консерватория, учеба у знаменитой Терезы Аркель. В 1916 г. Роговская дебютировала на знаменитой миланской сцене в опере «Лючия де Ламермур». Потом последовало возвращение в военную Россию. Сразу она была принята в московскую оперу Зимина. Ее восхождение на оперный Олимп чуть было не сорвалось: ожидая своего выхода в опере «Лакме», молодая певица «так была испугана, что хотела сбежать домой, когда услышала вступление оркестра». Задержали ее два режиссера. Позже, в том же 1916 г. в мае, она споет Маргариту в «Фаусте». В опере «Таис» Ксения поет со знаменитой Марией Кузнецовой, Павлом Холодковым, ее будущим партнером в Югославии¹²²⁰.

После Роговская выступает в Большом театре, поет с Шаляпиным и Собиновым. В концертах исполняет романсы дирижера Мариинки и композитора Эдуарда Францевича

1212 *Beloemigracija u Jugoslaviji*. S. 216.

1213 Там же.

1214 *Новое время*. 1926. 13 февр.

1215 *Арсењев А.* Биографски именик. С. 286; *Незабытые могилы*. 2004. Т. 5. С. 226.

1216 *Новое время*. 1925. 18 нояб.

1217 *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С. 34; *Незабытые могилы*. 2005. Т. 6. Кн. I. С. 388.

1218 *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С. 26.

1219 *Театрал.* Русское искусство. С. 46.

1220 *Петровић В.* Ксенија Роговска-Христић // *Руси без Русије*. С. 58.

Направника. На 24-м году как беженка прибыла в Королевство СХС вместе со своей теткой игуменьей Екатериной (Ефимовской) в монастырь Кувеждин на Фрушкой горе, который был в 1920 г. предоставлен русским монахиням. В этой обители, как сама потом говорила, – «прозябала». Благодаря управителю Народного театра Милану Гролу, формировавшему ансамбль оперы, она была принята в 1920 г. в труппу. Первый раз Ксения появилась на сцене в роли Татьяны, заслужив в прессе восторженные отзывы.

В частности, в сербской газете «Правда» от 6 января 1921 г. можно было прочесть хвалебную рецензию на ее выступление в «Евгении Онегине». В ней подчеркивалось, что для удержания столь блистательной артистки на сцене можно уволить «неспособных».

Эту партию она исполняла с 1920 г. по 1923 г, и в 1933 г. как гость. Свои роли пела на сербском языке, чем потом гордилась¹²²¹.

Ее Виолетта в «Травиате» также снискала отличные отзывы в прессе. Все это вызывало ревность у коллег¹²²².

Нападки шли на всю русскую эмиграцию в опере и театре. Авторитетный музыкальный критик М. Милоевич, озабоченный будущим отечественных кадров певцов, которым якобы мешают русские своим многочисленным присутствием, утверждал, что «благодаря Революции в России» у них нет своей оперы. Была еще одна проблема, о которой повсюду писали и говорили, – язык. Многие певцы так и не научились правильному сербскому языку, поэтому пели на русском или некоем «сербско-русском варианте». И у Роговской здесь тоже были свои трудности¹²²³.

В сезоне 1921/22 г. она прекрасно спела Мими в «Богеме», надолго запомнилась своей Аидой (май 1925 г.) – с собственной концепцией этой роли, отличавшейся от других. В 1927 г. после отказа в продлении контракта Роговская уехала в Париж в оперу своей старой знакомой М. Н. Кузнецовой. Отъезд был вызван тяжелой ситуацией в театре и все учащавшимися интригами вокруг нее. В 1929 г. она вышла замуж за талантливого композитора, автора многих прекрасных симфонических и хоровых произведений Ст. Христича¹²²⁴, ставшего впоследствии директором оперы. Потом это замужество напрямую связывалось критиками с ее «тиранством» в опере, что создавало нездоровую атмосферу¹²²⁵.

В 1929 г. Роговская приехала в Белград на гастроли: публика и критики приняли ее тепло и восхваляли ее Ярославну в «Князе Игоре». В 1933 г. она получила ангажемент в родном театре и 10 июня выступила в опере «Федора» в главной партии¹²²⁶.

Ксения получила хорошую прессу в главной газете страны «Политике» от 11 июня, но в последние месяцы того года один за другим следуют материалы о незащуженно высо-

1221 Там же. С. 62.

1222 Там же. С. 63.

1223 Там же. С. 66.

1224 Там же.

1225 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 810– 811.

1226 Петровић В. Ксенија Роговска-Христич. С. 69.

кой плате, критика ее мужа, замечания анонимных журналистов об изменении в худшую сторону голоса певицы. Ситуация усугублялась тем, что она действительно все меньше выходила на сцену. Тем не менее, несмотря на все удары, сыпавшиеся на нее и семью, Ксения все же осталась на сцене до 1943 г. Ее искусство, опыт, умение петь сердцем, актерское мастерство в «статичной» опере – все это было ее вкладом в подъем белградской труппы¹²²⁷.

Ветераном сербской оперы был один из любимцев столичной публики баритон Павел Федорович Холодков (1888–1967), почти без перерывов выступавший с 1921 по 1951 г. на сцене оперного театра. Искусству пения он учился в Санкт-Петербурге и в Москве, пел в опере Зимина. Партнер Шаляпина. «Ему аплодировали Ленин, Горький, Иван Бунин, Ромен Роллан <...> с Горьким и Ролланом познакомился через Шаляпина. А с Федором Ивановичем пел в “Фаусте», и “Князе Игоре», в опере Зимина»¹²²⁸. В годы Гражданской войны – в «белой» Одессе (1918–1919 гг.).

В эмиграции Холодков обосновался в Белграде. Он спел около тридцати партий, исполнение которых, по мнению публики и критики, всегда было безукоризненным. Павел Федорович принадлежал тому поколению оперных артистов, которые расширяли интерес к музыкальной культуре среди сербов. В его репертуаре были Риголетто, Жермон, Онегин, Мефистофель, Эскамильо, Яго, Валентин, Грязной, Игорь, Писарро, Бег Пинтарович в «Хасанагинице» и пр. Радовал певец своим голосом Люблян (1925–1928 гг.). Выступал в Скопье (с 1949 г.), где еще и преподавал вокал. Гастролировал Холодков по Европе, где был желанным гостем ее оперных сцен¹²²⁹.

В 1938 г. Белград театральный широко праздновал 25-летие служения Павла Холодкова на оперной сцене. Его служение опере было отмечено рядом наград, в частности, орденом Св. Саввы третьей степени, серебряным венцом от его родной белградской оперы, венком от Объединения югославянских артистов. Также ему были вручены многочисленные подарки от Короля Югославии, королевских наместников, премьер-министра и великого множества других лиц и объединений¹²³⁰.

В новой Югославии некоторое время работал, повторю, в столице Македонии наставником молодых талантов.

Из мужских солистов назову еще несколько имен. Начну с «царя» – Льва Борисовича Зиновьева (наст. фамилия Гипс) (1876–1927): баснословный тенор, который начиная с 23 сентября 1921 г. пропел в течение шести сезонов самые крупные партии. Музыкальное образование он получил в Одессе. Потом последовали выступления в Киеве и отъезд на «обязательно-желанную» стажировку в Италию. Затем турне по Европе и Америке и возвращение на родину. После 1917 г. Лев Борисович уехал в Европу. С короткими переры-

1227 Там же. С. 72.

1228 *Михајловић Ал. Д.* Некадашњи Шаљапинов партнер живи у Београду // Политика. 1965. 6 июля.

1229 *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С.37; *Петровић В.* Руски оперски певачи. С. 174; *Арсенјев А.* Биографски именик. С. 319.

1230 Синоћна прослава уметничког рада г. Павла Холодкова у Народном позоришту // Политика. 1938. 1 окт.

вами – пел с 1921 по 1926 г. – на белградской сцене. «Зиновьев, – писал о нем белградский театрал, – певец европейской и американской карьеры, драматический тенор хорошей итальянской школы. Очень хорош в “Аиде”, забываем и как актер, и как певец в “Жидовке”». В Белграде нашел свое семейное счастье, женившись на русской беженке – сестре милосердия¹²³¹. Похоронен на еврейском кладбище.

Ушел из жизни, случайно или нет, после своего увольнения из театра Георгий Матвеевич Юренев (1891 или 1893–1963), драматический тенор. После учебы в Московской консерватории он был принят в 1917 г. в Большой театр. В том же году Георгий бежал в Одессу, куда устремлялись люди, спасавшие свои жизни от красных. Был призван в Добровольческую армию, воевал. Покинул Юренев «красневшую» Россию уже из Севастополя. Попал он в Далмацию, концертировал в Черногории. По некоторым данным, еще до своего появления на белградской сцене Георгий Матвеевич совершенствовался в Италии, во Франции. Видимо, в Европе тогда все места были «заняты», и с 1921 по 1928 г. он солист Белградской оперы, где запомнился как «обладатель исключительной силы баритона. Великолепный Моряк-Скиталец, хороший Борис Годунов, блестящий Валентин, яркий Риголетто». Дебютировал в «Риголетто». За восемь белградских лет Г.М. Юренев гастролировал в Барселоне (4 сезона), в Монте-Карло, в Варшаве, в Вене. Пел он все заглавные партии в операх «Риголетто», «Тоска», «Борис Годунов», «Аида», «Фауст», «Кармен», «Царская Невеста», «Сказки Гофмана», «Паяцы», «Летучий Голландец», «Лоэнгрин» и др. – около 40 опер¹²³². Замечу, что в своем поведении вне сцены был не всегда сдержан. София Драусаль в своем интервью в газету «Политика» говорила о корректных отношениях между артистами, хотя не преминула вспомнить случай, когда Юренев позволил себе неподобающую вольность по отношению к певице Евгении Вальяни¹²³³.

Потом белградская сцена была им оставлена: провинциальные Балканы он поменял на артистическую Европу: выступал в парижской труппе князя Церетели, гастролировал по многим европейским столицам, в их числе был и «старый приятель» Белград. После второй мировой войны певец осел в бельгийской столице и стал учить других искусству вокала¹²³⁴.

Александр Аркадьевич Балабан (?–до 11 февраля.1950, Нью-Йорк), артист оперы и оперетты, баритон. О нем известно немного: на сцене Народного театра в Белграде он спел 5 сентября 1923 г. партию Фигаро, четыре последующих сезона его можно было слышать в ролях Онегина, Себастиана, Сильвио, Альфио, Валентина и Эскамильо, Жермона и Амонасра и пр.¹²³⁵ Знаток «белградско-русского» театрального мира написал о нем две

1231 Театрал. Русское искусство. С. 46; *Арсењев А.* Биографски именик. С. 257; *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С. 34; Незабитые могилы. 1999. Т. 2. С. 625.

1232 Новое время. 1928. 14 июня.

1233 Ђирилов Ј. Снег се цедио са декора.

1234 Театрал. Русское искусство. С. 46–47; *Арсењев А.* Биографски именик. С. 261.

1235 *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С. 37; Незабитые могилы. 1999. Т. 1. С. 184.

строчки: «Балабан, опытный провинциальный баритон, интересный актер. Дал захватывающее исполнение Грязного»¹²³⁶.

Добавлю, что Балабан был известен не только белградцам, но и жителям многих городов Королевства, куда он ездил на гастроли с концертами.

Михаил Николаевич Каракаш (1887–1937), актер, режиссер, педагог и певец. Первые уроки вокала он получил у своей матери – известной оперной певицы. После Санкт-Петербургской консерватории Михаил стажировался в Милане. Потом был Большой театр, а с 1911 г. Мариинский.

Критики видели в нем одного из лучших интерпретаторов ролей Евгения, Елецкого, Фигаро, которому «не было равных в России». После революции Михаил Николаевич эмигрировал в Белград¹²³⁷. Несколько по-иному пишет Арсеньев. По его данным, вначале Каракаша увидела знакомая Италия. Потом со своей женой Лизаветой Поповой через Мюнхен он прибыл в 1922 г. в Королевство¹²³⁸ (по данным В. Петрович: семья прибыла в 1921 г.¹²³⁹). Первый раз певец выступил 20 января 1922 г. в роли Онегина, потом последовали сольные партии Сильвио, Марселя, Валентина, Фигаро и пр.¹²⁴⁰ Каракаш часто гастролировал по стране. В частности, 3, 7, 10 февраля 1922 г. в Великом Бечкереке он выступал вместе с Л. Поповой с огромным успехом. Сбор от последнего концерта был передан в фонд помощи беженцам¹²⁴¹

В 1926 г. Каракаш потерял голос. Певец начал другую жизнь: пробовался в оперной режиссуре, основал частную киношколу, играл в театре своего земляка Александра Черепова¹²⁴², получил специальность строителя после окончания технического факультета Белградского университета¹²⁴³ (по данным В. Петрович: закончил технический факультет Мюнхенского университета¹²⁴⁴).

Известен как строитель Панчевского моста¹²⁴⁵.

Певец, режиссер, педагог Евгений Семенович Марьяшец (1883–1953). Учившийся в свое время в Санкт-Петербурге и в оперной Мекке¹²⁴⁶ (выступавший в «Ла Скала» в 1915 г.¹²⁴⁷), он сыграл большую роль в становлении Белградской оперы¹²⁴⁸.

1236 Театрал. Русское искусство. С. 47.

1237 *Петровић В.* Руски оперски певачи. С. 173.

1238 *Арсенјев А.* Биографски именик. С. 262.

1239 *Петровић В.* Руски оперски певачи. С. 173.

1240 *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С. 38.

1241 Новое время. 1922. 28 февр.

1242 *Петровић В.* Руски оперски певачи. С. 173.

1243 *Арсенјев А.* Биографски именик. С. 262.

1244 *Петровић В.* Руски оперски певачи. С. 173.

1245 Там же.

1246 *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С. 26.

1247 *Арсенјев А.* Биографски именик. С. 278.

1248 *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С. 26.

30 июня 1920 г. Марьяшец официально вошел в труппу Народного театра. В новом сезоне Евгений Семенович поставил «Севильского цирюльника» и «Риголетто»¹²⁴⁹. Ему принадлежат постановки «Лакме» и «Демона»¹²⁵⁰. Блестящие выступления с 1921 по 1925 г. (спел 26 партий) были внезапно прерваны, вероятно, вследствие каких-то проблем с голосом. Потом Марьяшец работал суфлером, затем пробовал себя на режиссерской ниве. При жизни его даже «хоронили»: в некрологе, опубликованном на основании непроверенных данных, были слова: «Бас феноменальной глубины и талантливейший артист <...> непревзойденно сыграл целый ряд оперных персонажей, из которых такие, как Дон Базилио в “Севильском цирюльнике” и Варлаам в “Борисе Годунове” еще не скоро получат лучшего интерпретатора»¹²⁵¹.

После второй мировой войны Е. С. Марьяшец продолжал служить своим опытом и талантом сербской опере уже в качестве педагога в музыкальной школе в Нови-Саде, а в конце жизни – в Титограде (совр. Подгорица – В. К.)¹²⁵².

На оперной сцене столичного театра однажды выступила и Лидия Мансветова в «Любовном напитке»¹²⁵³.

С 1924 по 1936 г., с некоторыми перерывами, белградцы могли слышать бас-баритон Бориса Павловича Попова¹²⁵⁴ (1888–?)¹²⁵⁵. Ранее, в 1923–1924 гг., он радовал своим искусством и Люблян, куда вернулся в 1939 г. и пел там до 1945 г.¹²⁵⁶ Будучи мужем знаменитой балерины Нины Кирсановой, Борис Павлович удостаивался в прессе не менее лестных отзывов: «Попов, артист Московского Большого театра. Редкий среди русских певцов вокалист, обладатель чарующего тембра музыкального баритона. Выдержанный, стильный Онегин, прекрасный Фигаро, отличный Елецкий»¹²⁵⁷.

Могу назвать и имя латыша по национальности Георгия Андреевича Бакланова (1881–1938). Русский и американский оперный певец, баритон. Гастролировал в Белграде в середине 1920-х гг. и «показавшего белградской публике образы редкой отделки и вдохновенного творчества»¹²⁵⁸.

Из многих гостей Белградской оперы назову еще одно знаковое имя – Владимира Васильевича Полякова-Байдарова (1890–1952), артиста, известного в оперном мире Европы. Добавлю, что он был отцом популярной в СССР актрисы Марины Влади, преобразовавшей имя отца в фамилию.

1249 Там же.

1250 Драгутиновић Б. Указ. соч. С. 123.

1251 Петровић В. Руски оперски певачи. С. 173.

1252 Арсењев А. Биографски именик. С. 278.

1253 Драгутиновић Б. Указ. соч. С. 123.

1254 Турлаков С. Руски уметници у Београду. С. 37.

1255 Арсењев А. Биографски именик. С. 293.

1256 Там же.

1257 Театрал. Русское искусство. С. 47.

1258 Там же.

Я назвал лишь нескольких, о которых что-то известно, но есть имена, ждущие еще своих биографов. Это – Нерсес Гукасов (1924, сезон 1924/25 г.), Евгений Виттинг (сезоны 1929/31 гг.), Иосиф Степневский (сезон 1921/1922 г.), имевший опыт выступлений в «Ла Скала» лирический тенор Александр Веселовский (начало 1920-х гг.), Александр Викинский (сезон 1921/22 г.), Валентинов, Смирнов, Третьяков, певший Радамеса и Фауста в 1925/26 г.¹²⁵⁹ Тенор Федор Рич, тенор, уехавший в 1929 г. в Париж¹²⁶⁰, солист Белградской оперы Александр Риго¹²⁶¹. Сюда добавлю имена Т. Батранец, В. Старицкой, К. Оневского¹²⁶².

Из гостей Белградской оперы назову еще С. Залесского, Лидию Липковскую, колоратурное сопрано, знакомую оперному дореволюционному Петрограду, Запорожца, обладателя мощного баса, Юлию Мозгову, сопрано¹²⁶³.

Сюда надо внести и артистку Петербургского театра музыкальной драмы Аду Полякову – любимицу белградских ценителей оперы. В сезоне 1922/23 г. она с успехом исполнила партии Джильды в «Риголетто», Марженки в «Проданной невесте»¹²⁶⁴. Портрет красавицы Ады был помещен на обложку второго номера журнала «Comœdia» за 1924 г.

Погружаясь в оперный мир, нельзя обойти вниманием знаковую фигуру в белградском театральном мире – Феофана Венедиктовича Павловского (ок. 1880–до 2 июля 1936), оперного певца, режиссера. За его плечами были юридический факультет Киевского университета св. Владимира, Санкт-Петербургская консерватория по классу пения и сценических постановок. Он выступал в Большом театре. Баритон Павловского был отмечен Ф.И. Шаляпиным, с которым он ездил, уже в эмиграции, на гастроли в Барселону. Вместе с К.С. Станиславским Феофан Венедиктович организовал в Москве оперную студию. В 1920 г. он эмигрировал из Крыма вместе с армией Врангеля в Константинополь, работал в порту грузчиком. Потом Павловский обосновался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В сезоне 1920/21 г. Феофана Венедиктовича видели на столичной сцене в роли Риголетто и Онегина, но потом перешел на режиссерскую работу¹²⁶⁵.

С 1 августа 1921 по 1928 г. Феофан Венедиктович – режиссер драмы и оперы Народного театра в Белграде. Сразу отмечу, что Павловский поставил всю репертуарную основу оперы (23 премьеры и 9 обновленных). Что еще? Он – создатель, управитель и режиссер Русского художественного драматического объединения в Белграде (1923 г.), преподаватель в Актерско-балетной школе. С 1928 г. Павловский жил в Литве, работал в Ковно (совр. Каунас) режиссером в Литовской государственной опере. Поставил оперы:

1259 Турлаков С. Руски уметници у Београду. С.34

1260 Новое время. 1929. 20 апр.

1261 Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 68.

1262 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 211.

1263 Там же.

1264 Comœdia. 14 янв. 1924. № 2.

1265 Драгутиновић Б. Указ. соч. С. 122; Петровић В. Руски оперски певачи. С. 172.

«Дубровский», «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Сказка о царе Салтане». Обновил постановки «Демона» и «Евгения Онегина»¹²⁶⁶.

О его мастерстве режиссера так писал аноним-театрал: «Павловский, бывший артист Московского Императорского Большого театра, приглашенный в Белградскую оперу, заявил себя врагом устаревших традиций и консерватизма и начал борьбу, подчас тяжелую, но из которой вышел с большой честью.

Отличаясь оригинальностью замыслов, Павловский в своих постановках все – и декорации, и костюмы, и движения, и настроения – подчинил духу, характеру и стилю музыки. Ему чуть ли не первому, после Комиссаржевского, принадлежит заслуга пронизать все исполнение внутренним и внешним ритмом. Мастер массовых сцен, Павловский, отделяет до мельчайших деталей исполнение отдельными артистами своих ролей. Конечно, только немногие постановки отличаются вышеуказанными качествами. Думаем, что внешние причины редко когда позволяют отдать каждой постановке столько внимания, сколько следовало бы. Но если мы можем насчитать 5–6 таких постановок, то это уже громадная заслуга»¹²⁶⁷.

Уже в 1921 г. Павловский, опираясь на мастерство русских певцов и певиц, показал ряд премьер: «Сказки Гофмана» Оффенбаха, «Виндзорские проказницы» Николаи, «Проданная невеста» Сметаны, «Севильский цирюльник» Россини, «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского, «Мадам Баттерфляй» Пуччини, «Паяцы» Леонкавалло, «Кавалерия Рустикана» Масканьи. Заглавные партии пели звезды – Роговская, Юренев, Зиновьев, Холодков¹²⁶⁸.

С 1922 по 1928 г. поставил двадцать опер разного стиля: в их числе и «Пиковая дама», и «Царская невеста», «Борис Годунов», «Сказка о царе Салтане», «Проданная невеста», «Поцелуй», «Енуфа», «Дон Пасквале», «Бал-маскарад», «Аида», «Кармен», «Манон», Сказки Гофмана», «Еврейка», «Фра Дьяволо», «Виндзорские проказницы»¹²⁶⁹.

Сам Павловский уже в начале своей режиссерской работы писал: «Хотел бы помечтать о том, что сербский оперный театр пойдет по пути русского театра, по пути развития, пути прогресса и эксперимента. Пройдет несколько лет, и театр заблещет путеводной звездой в мире европейского театра, так как последний <...> почивает на засушенных лаврах. Девственная славянская душа, которая питается из источника живой воды, из богатой народной поэзии, скажет миру новое свежее слово»¹²⁷⁰.

1266 Арсеньев А. Биографски именик. С. 288; Турлаков С. Руски уметници у Београду. С. 28, 33; Незабытые могилы. 2004. Т. 5. С. 308.

1267 Театрал. Русское искусство. С. 45–46.

1268 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 209.

1269 Драгутиновић Б. Указ. соч. С. 122.

1270 Цит. по: Павловић М. Институализовања опере (и балета). С. 160–161.

Однако неординарностью своих постановок он стал неугоден критикам, дирекции, видевидами, грубо говоря, в «перестановке табурета на сцене» революцию в опере, задышавшейся в тисках статичных традиций.

Время все расставило по своим местам. Сербский исследователь Бранко Драгутинович напишет, что режиссура Феофана Павловского, основанная на принципах сценического реализма придала репертуару белградской оперы традиционалистскую солидность и создала твердую базу для движения вперед¹²⁷¹.

Собственно говоря, не все было гладко с выступлениями на оперной сцене и у других артистов. Об этом немного говорилось ранее, теперь, когда представлены портреты артистов, скажу подробнее. Кризис, трения, возникшие у русских певцов и певиц с белградскими театрами и руководством белградской оперы, обусловлены двумя причинами. Первая, о ней я уже говорил, связана с пением на русском языке. Большинство не хотело учить сербский уже потому, что он давался тяжело, к тому же актеры опасались неуверенности на сцене, а от суфлера они напрочь отказывались. Сербская же публика, естественно, хотела понимать, о чем поют на сцене, что там происходит. Критика, была, грубо говоря, также раздражена доминированием русского языка и требовала решить вопрос языка на оперной сцене в пользу сербского.

Так, М. Милоевич, в главной газете страны «Политике» не только вел кампанию против господства русских певцов, что может быть оправдано, но и против «устаревшего» Чайковского, что непонятно. Вторая была тесно связана с первой: все главные роли пели русские, не было места сербским молодым талантам. Отсюда со временем пошли интриги, сплетни. Русские мастера становились нежеланными на сербской сцене, последовал отказ от контрактов с некоторыми из них, например с Павловским¹²⁷².

После его ухода новая постановка под руководством Марьяшеца «Демона» Рубинштейна не была особо удачной.

Но так или иначе, русские имена не сходили с театральных афиш.

После полугода Феофан Венедиктович вернулся на старую сцену, но только для того, чтобы по приглашению руководства театра поставить оперу «Маскарад» Верди. После этого отношения не возобновились и в 1928 г. Павловский уехал в Каунас. После него имена режиссеров менялись на афишах: уже знакомый Севастьянов, поставивший с триумфом «Царя Салтана» Римского-Корсакова, киевлянин Улуханов, представивший на сцене величественную «Хованщину» Мусоргского, «Гальку» Монюшко и советскую оперу «Катерина Измайлова»¹²⁷³.

Упомяну здесь опять имя Юрия Ракитина, вошедшего в историю оперы как постановщика таких спектаклей, как «Травиата», «Фауст», «Князь Игорь»¹²⁷⁴.

1271 Драгутинович Б. Указ. соч. С. 122–123.

1272 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 210.

1273 Там же. S. 211.

1274 Драгутинович Б. Указ. соч. С. 123.

Теперь очередь Нови-Сада, где оперная труппа в сербском театре была создана благодаря увиденному искусству оперных певцов и певиц, гостивших в этом городе.

Хотя? Еще до знакомства с русскими голосами в театральном журнале «Позориште» можно было прочесть следующие, довольно злые, строки: «Национальный театр уже не театр. Скорее его можно назвать прибежищем беженцев из разных стран. Тут привольно кочуют беженцы и беженки из России, которым еще и платят, принятые сюда из некоего славянского милосердия, дающего им возможность прокормиться, независимо от того, обладают ли они необходимой квалификацией или не обладают»¹²⁷⁵

Но практика блестяще доказала мастерство русских артистов.

Культурная столица Воеводины не могла уже существовать без оперы. За 1920–1925 гг. новосозданная труппа представила свыше 20 оперных спектаклей. Большинство ее составляли русские из оперных театров Варшавы, Киева, Москвы, Одессы, Санкт-Петербурга, Тифлиса, «принятые по контракту или приезжавшие на гастроли из Белграда»¹²⁷⁶. В частности, некоторое время солистом оперы выступал Василий Сергеевич Ширай, баритон¹²⁷⁷. Дирижерами были Петр Иванович Колпиков и симферополец Федор Иванович Селинский¹²⁷⁸. Кстати, его дочь Лидия Селинская оказывала мне помощь в розысках разнообразной информации, за что ей глубоко благодарен.

После закрытия новосадской оперы Федор Иванович переехал в Белград, играл на альте в оркестре Народного театра. После основания Радио-Белграда он стал руководителем Радио-оркестра, позже и эстрадного оркестра¹²⁷⁹.

Среди местных певцов можно назвать Надежду Архипову, Николая Баранова, Веру Горскую, Антонину Трегубову, Марию Ванифатову (урожд. Шевченко), Александру Флегинскую, Сергея Усова, вспомнить инструментальное трио – скрипач Павел Фигуровский, виолончелист Петр Пожарский, София Полетика, фортепиано¹²⁸⁰.

Некоторое время в Нови-Саде пел Александр Михайлович Траснянский (ок. 1884–1936). Но в 1924 г. он уехал в Италию, был четыре года регентом флорентийского собора, потом перебрался в Париж¹²⁸¹.

Благодаря отличному исследованию Несибы Палибрк-Сукич, можно говорить о русских оперных артистах и артистках в Панчево.

Первая встреча жителей этого города с русским искусством состоялась благодаря опять-таки опере. Так, в сентябре 1919 г. в Панчево блестяще выступила Татьяна В. Ника-

1275 Цит. по: Арсеньев А. Б. Феномен «русской оперы в Нови-Саде (1920–1925) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2017. С. 10.

1276 Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 43, 44.

1277 Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 197.

1278 Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 43, 44.

1279 Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 205.

1280 Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 50.

1281 Незабываемые могилы. 2006. Т. 6. Кн. 2. С. 441.

нова (аккомпаниатор Мария Кригина). Назову еще ряд имен: А.И. Бобраховас, Юршевская, Лузанова, Марк Марков, Волевач, Холодков, Юренев. Марьяшец, братья Слатины¹²⁸².

18 сентября 1921 г. там гастролеровали русские мастера с оперой «Евгений Онегин» в исполнении Викинского, Ф. Павловского, В. Нелидова, Де Спирел, Кучеровой¹²⁸³.

С этим городом связаны жизнь и творчество замечательной певицы Фатимы Федоровны Палибиной, знакомой зрителям по оперным спектаклям в Москве. Пела на сербском, польском, румынском, турецком языках. В сентябре 1920 г. она открыла концертный сезон. Выступала тогда вместе с балериной Ниной Хитрово и пианистом Покровским. На концерте пела арию из «Пиковой дамы» и вне программы исполнила романсы, восторженно принятые публикой¹²⁸⁴. Правда, потом в местной газете «Панчевац» ей все же советовали обновить репертуар: «Хабанера» и романс «Жить будем жить» изрядно приелись¹²⁸⁵. В 1926 г. в зале «Трубач» выступала на вечере оперных певцов вместе с Идой Ард и Нерсесом Гукасовым (фрагменты из «Аиды», «Кармен», «Еврейки»).

Много раз гостил в Панчево Павел Холодков. В 1925 г. он выступал в «Травиате» вместе с дирижером Слатиным и режиссером В. Туринским, Софией Давыдовой в роли Виолетты и С. Полич в роли Фиоры. Свой первый собственный концерт в Панчево Холодков отметил 4 октября 1936 г. в концертном зале отеля «Эспланада». Программа включала арию из «Князя Игоря» Бородина, «Романс» Чайковского, «Куплеты тореадора» из «Кармен» и др. Его пианистом был знакомый уже Алексей Алексеевич Бутаков (1907–?), закончивший в 1924 г. русско-сербскую гимназию в Белграде и музыкальную школу им. С. Мокраньца по классу фортепиано¹²⁸⁶.

В наше время влюбленная в Сербию Елена Зелинская во время одной из своих поездок, обнаружила, вернее, ей показали «дневник» Алексея Бутакова. В годы второй мировой войны, как следует из найденных бумаг, он провел несколько лет в концлагере (Нюрнберг), но и там умудрялся заниматься сочинительством. В «дневнике» содержатся музыкальные записи (1941–1943 гг.). Уже после освобождения продолжил выступать, растить учеников. Его листы были скопированы Е. Зелинской и отправлены московским специалистам¹²⁸⁷.

В 1925 г. в Панчево были сыграны еще три оперы. Это – «Севильский цирюльник», в которой публика впервые познакомилась с солисткой Драусаль. Затем – «Мадам Баттерфляй» (дирижер И. Слатин, режиссер В. Туринский) с Лизой Поповой в главной роли. И – «Травиата» с дирижером Слатиным и режиссером Туринским.

1282 Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 67, 68.

1283 См.: Там же.. С. 73.

1284 Там же. С. 68, 69

1285 Там же. С. 70.

1286 Там же. С. 70.

1287 Зелинская Е. «Моя здоровая Сербия»: под яблоней, в тени истории // <https://balkanist.ru/moya-zdorovaya-serbiya-pod-yablonej-v-teni-istorii>

Пожалуй, лучше всего о русском оперном пении и его восприятии в Панчево сказано в «Панчевце» в связи с концертом в апреле 1922 г. Волевач и Павловского: «Русские мастера искусств содействовали тому, что сейчас и у нас культивируются лучшие произведения музыкального искусства. Госпожа Волевач и на этот раз очаровала нашу публику своей бриллиантовой колоратурой. "Волшебную флейту", "Риголетто" и "Травиату" спела со свойственной ей виртуозностью, но особенное впечатление произвела в пении "Баюшки-баю" Гречанинова. Господин Павловский и на этот раз оставлял впечатление, что все партии пел слишком низко. Кроме того, ни выбор его программы нельзя признать удачным, для нашей публики Римский-Корсаков – слишком классичен, а "Im Treibhause" Вагнера – слишком тяжел, она бы охотнее слушала "Демона" Рубинштейна <...> Из дуэтного исполнения весьма понравились "Севильский цирюльник" и "Травиата"»¹²⁸⁸.

И конечно, русские артисты имели свое Музыкальное общество, которое поставило и «Ивана Сусанина», «Китеж», «Майскую ночь» и ряд оперетт, а также вокальные произведения из области духовной музыки.

Его «отцами-основателями» являлись Владимир Нелидов и Илья Слатин, Владимир Бельский, дипломат Василий Штрандман, историк Александр Соловьев, Михаил Каракаш. Во главе встал Илья Слатин, которого потом сменил Владимир Бельский, руководивший обществом до военного 1941 года¹²⁸⁹. Начало обществу было положено небольшой группой музыкантов и любителей, которые с 1925 г. поддерживали концерты «Союза городов», а потом и музыкальные представления И. Слатина¹²⁹⁰. Размещалось в Русском доме.

Официально он стало действовать со 2 января 1928 г., когда был утвержден его устав. «Кроме публичного исполнения музыкальных произведений, с целью пропаганды русских композиторов и исполнителей, задачей Общества, – подчеркивал его глава В. И. Бельский, – являлась забота о музыкальном просвещении его членов и русской молодежи вообще <...> надлежало постараться обереечь русское молодое поколение от забвения существующих образцов нашего музыкального искусства»¹²⁹¹. И дальше: «В сознании своей главной цели, Общество позаботилось об организации чтений о русском искусстве. За время своего пребывания в Белграде профессор И. И. Лапшин, живущий постоянно в Праге, прочитал с исключительным успехом 12 лекций под названием "Силуэты русских композиторов" ... По примеру И. И. Лапшина продолжали аналогичные чтения о русских операх профессор университета А. В. Соловьев и преподаватель гимназии Е. А. Елачич»¹²⁹². Добавлю, что лекции сопровождалась вокальными «иллюстрациями», в которых были задействованы молодые таланты – Татьяна Батраец, Наталия Раевская, З. Якубджанова, А. Бутаков¹²⁹³.

1288 Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 72.

1289 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 218.

1290 Русский Дом. С. 19.

1291 Там же. С. 19–20.

1292 Там же. С. 21.

1293 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 218.

При всем этом общество «не удовлетворялось» концертами и пр. и жаждало испробовать свои силы в постановке опер. В конце 1933 г. в Русском доме оно представило ценителям этого искусства «Майскую ночь». Режиссером стал М. Каракаш, дирижером – И. Слатин, сценографом С. Алисов. В главных ролях выступали колоратурное сопрано София Давыдова–Слатина, Татьяна Батранец, тенор Маношевский из Загреба, бас Коровников. В следующем году на той же великолепной сцене зрители увидели «Жизнь за царя». Режиссер был прежним, а главные роли исполняли С. Давыдова-Слатина, меццо-сопрано Л. Алексова (Алексеева?), и бас Малюта. В спектакле принимали участи хор «Глинка» и оркестр королевской гвардии под управлением И. Слатина¹²⁹⁴.

При опере действовала своя школа, где учились сербские и русские дети. Участвуя на равных с взрослыми в спектаклях, ее воспитанники разделяли триумф вместе со своими учителями¹²⁹⁵.

Обязательно нужно вспомнить и русских музыкантов, выступавших в оркестре Белградского радио. Там регулярно выступали один из основателей Владимир Слатин (с Петром Крстичем), пианист Дмитрий Герасименко, дирижер Федор Селинский¹²⁹⁶.

В оркестре играли скрипачка С. Цветкова (ученица Л. С. Ауэра), Авенариус, Микеладзе и др. Это было время зарождения звукового кино, и музыканты, ранее работавшие таперами, остались без заработка, появление радио-оркестра было для них настоящим спасением¹²⁹⁷.

С 1945 г. в большом оркестре радио Белграда и оркестре Белградской филармонии играл воспитанник Крымского кадетского корпуса, Яков Михайлович Бартош (1912–1979)¹²⁹⁸. Его старшая сестра была оперной певицей и впоследствии создала в Одессе целую плеяду оперных певцов.

После окончания Крымского кадетского корпуса Яков поступил в музыкальную школу имени Станковича по классу пения. В 1943 г. Бартош уже пел партию Грозного в «Царской невесте» Римского-Корсакова. Потом у него были баритонные партии из опер «Мазепа» и «Снегурочка». В Радио-оркестре дирижер Ф. Селинский, оценив музыкальность и голос Якова Михайловича, предоставил ему выступать с оперным репертуаром, петь арии из опер «Князь Игорь», «Алеко», «Мазепа», «Царская невеста» и др. В 1950 г. он уехал с семьей в Марокко, потом был Нью-Йорк, выступления по концертам¹²⁹⁹.

1294 Там же. С. 219.

1295 Россия и славянство. 1933. 4 марта.

1296 Турлаков С. Руски уметници у Београду. С. 42.

1297 Конради Д. Русские эмигранты в музыкальной жизни Белграда // Новое русское слово. 1982. 22 сент.

1298 Александров Е. А. Указ. соч. С. 47.

1299 Памяти павших. Кадетская переключка, 1978–80. № 20–25 (http://www.xx13.ru/kadeti/kp20_25.htm#-барям).

Русский мир оперы связан и с сочинительством. Только одно имя – Владимир Нелидов, написавший музыку к ряду драм, шедших в Национальном театре, и оперу «Смерть матери Юговичей»¹³⁰⁰.

Василий Сергеевич Севастьянов (1875–1929), оперный певец и режиссер родился 1 января в Тамбовской губернии. По завершении учебы в Харьковском технологическом институте уехал в 1908 г. в Милан, чтобы учиться оперному пению. Потом его могли слушать ценители оперного пения в Одессе¹³⁰¹, Николаеве, Киеве, Ростове. В 1901–1905 гг. выступал на сцене Большого театра. Один из лучших теноров в России.

Сергей Юрьевич Левик в своей книге «Записки оперного певца» (М., 1962) вспоминая оперу «Кармен» писал о Севастьянове: «И когда у зрителей начинали шевелиться волосы на голове от надвигавшейся грозы, Севастьянов-Хозе вдруг выпускал Кармен из руки, охватив себя за голову и широко раскрыв почти безумные глаза, таким страшным голосом произносил: “Скорее с жизнью я расстанусь, но тебя другому не отдам” – что освобожденная Кармен не рисковала сдвинуться с места. Севастьянов застыл неподвижно вплоть до фразы “Прощай, но я еще вернусь” и наделял ее таким леденящим звуком, что зритель после его ухода не без удовольствия встряхивался от этого впечатления»¹³⁰².

С 1920 г. для него открылись югославские сцены. Оперный режиссер в Загребе, потом в Осиеке. В сезоне 1922/1923 гг. работал режиссером в Любляне. Затем ему предложили место режиссера в Белградском театре, куда после прощального концерта и уехал. В разные годы записал несколько грампластинок с 15 оперными композициями, некоторые хранятся в Центральном музее музыкальной культуры в Москве¹³⁰³.

Музыки и пения слиянье – это и концерты.

Благодаря Евгению Андреевичу Жукову, в Югославию приезжали Рубинштейн, Корто, Прокофьев, Унинский, Магалов, Менухин¹³⁰⁴.

Концерты – это и провинция, куда приезжали на гастроли русские артисты, где «цвела» самодеятельность.

Совместные выступления столичных артистов и местных талантов не были исключительным явлением. Смешанные концерты практиковались с самого начала эмиграции. 12 июня 1921 г. смешанный русский хор под управлением Степана Георгиевича Гущина выступал в Панчево вместе с Неонилой Волевач и Георгием Юрневым, с Марией Бологовской, прима-балериной Народного театра¹³⁰⁵.

1300 Театрал. Русское искусство. С. 43.

1301 См. по: Рант Т. Русские артисты в Словении после Октябрьской революции // Slovenica IV. Российско-словенские отношения в XX веке. Сб. ст. М., 2018. С. 289.

1302 См. по: Там же. С. 289.

1303 См. по: Там же. С. 289.

1304 Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 207.

1305 Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 71.

Назову еще один концерт. 8 ноября 1924 г. в Панчевачском зале «Трубач» горожане могли пойти на концерт с участием С. П. Потоцкой и оперной певицы сербского народного театра в Белграде М. М. Папковой, аккомпанировала – Л. Курилова¹³⁰⁶.

И таких концертов по городам и городкам, большим и маленьким, известным и захолустным было много.

В 1926 г. под руководством В. С. Севастьянова начаты занятия по сольному пению в русской студии искусств, созданной при представительстве «Земгора» (улица Милоша Великого, № 45)¹³⁰⁷.

В середине 1928 г. Михаил Николаевич Каракаш и известный петербургский пианист Александр Георгиевич Руч открыли в Белграде школу оперного пения¹³⁰⁸.

Добавлю, что роль и значение концертмейстера Александра Руча в опере было велико. Пианист, знаток вокальной техники и практики, он был незаменим для оперных певцов, особенно солистов. Александр Георгиевич стал первейшим сотрудником и помощником у Стевана Христича, тщательно готовя солистов и хор для выступления. И если что-то в спектаклях было точно исполнено и поставлено, то это во многом являлось заслугой Александра Руча¹³⁰⁹.

Здесь же нужно назвать имя Ольги Кариной, одно время сотрудничавшей с Михаилом Каракашем¹³¹⁰. Замечу, что у нее одно время училась и упоминавшаяся Ольга Ольдекоп, а также Ида Черни (?), получившая известность¹³¹¹. Нельзя обойти и имя Лидии Бранкович-Сухотиной, державшей школу рояля¹³¹².

Нужда в деньгах, объясняет «вечные уроки» артистов, стремившихся подзаработать.

Поэтому «уроками» занималась и выпускница Петроградской консерватории Нина Дмитриевна Мисочко-Егорова (1888–1969), преподававшая в музыкальной школе (1920–1939 гг.), а потом в средней музыкальной школе при Музыкальной академии (1939–1949 гг.)¹³¹³.

В музыкальной школе вел уроки рояля и упоминавшийся Илья Ильич Слатин (1888–?), пианист, дирижер, хормейстер, композитор, педагог. В 1912–1918 гг. Илья Ильич был дирижер оперного и оркестрового отделений Московской консерватории. В 1920 г. он эмигрировал в Королевство и стал одним из первых оперных дирижеров в Белграде (1921–1923 гг.). Слатин был везде: основатель инструментального трио «Слатин», руководитель хора «Глинка», один из основателей Русского музыкального общества в столице (1932

1306 Там же. С. 147.

1307 Новое время. 1926. 7 сент. С. 4.

1308 Новое время. 1928. 26 дек. С. 3.

1309 Драгутиновић Указ. соч. С. 115.

1310 Турлаков С. Руски уметници у Београду. С. 42.

1311 Beloemigracija u Jugoslaviji. С. 216.

1312 Турлаков С. Руски уметници у Београду. С. 42.

1313 Арсењев А. Биографски именик. С. 281.

г.), преподаватель пения в Русско-сербской гимназии (1929–1931 гг.), дирижер оркестра Белградского радио. Перед войной он покинул Югославию¹³¹⁴.

Что еще? Написал «Краткий учебник элементарной теории музыки для средних учебных заведений. Составлен применительно к Программе общеобразовательных учебных заведений в виде вопросов и ответов» (Белград, 1931 г.)¹³¹⁵.

Его брат В. Слатин и Р. Володарский¹³¹⁶ давали уроки скрипичного мастерства, Андреева-Илич – пения, В. Нелидов, А. Руч и Б. Добровольский – «оперный и концертный репертуар», Ф. Павловский, певец и режиссер – «пения и сцены»¹³¹⁷.

И еще немного о братьях Слатиных. Чтобы не испортить пересказом текст о них, позволю себе привести обширную выдержку из статьи «театрала» (1926 г.): «Особое место занимают по их громадному культурно-музыкальному значению концерты братьев Слатиных. До начала их камерных концертов в Белграде бывали один или два камерных концерта в год случайного, несыграншего ансамбля. Начали Слатины с исторических камерных концертов в составе трех братьев (скрипка, виолончель и рояль) и директора музыкальной школы серба Зорко (альт – ученик Московской консерватории). За это время они успели устроить около 30 камерных собраний с прекрасной программой и в отличном исполнении. Исполнялись и произведения сербских композиторов, что следует поставить им в особую заслугу, так как произведения эти широкой публике доселе были неизвестны. Нет возможности перечислить все сыгранное на этих концертах, но благодаря этим концертам сербская, да и русская публика не только получала большое художественное наслаждение, но научилась любить камерную музыку и ценить ее. Поэтому, когда “Союз Городов” под председательством г. Брянского устроил тринадцать популярных камерных концертов Русского Народного Университета с участием тех же братьев Слатиных при доступных ценах, то зал “Манежа” (тоже Национальный театр) бывал уже всегда переполнен. Квартет играл в составе: В. Слатин (1-я скрипка), Немачек (2-я скрипка), Надж (альт) и Ал. Слатин (виолончель). Из солистов следует отметить: И. Слатина, Сухотину и Мисочко (рояль) и Роговскую, Волевач, Попову и Попова (пение). Кроме того, было устроено 2 раза концертное исполнение отрывков “Китежа” со вступительным словом Бельского (автора поразительного либретто этого гениальнейшего произведения Римского-Корсакова). Как на русскую, так и на сербскую публику, эти концерты произвели неизгладимое впечатление. В настоящее время уже объявлен цикл концертов и на будущий сезон, устраиваемый там же “Союзом Городов”. В программу вошли наряду с русскими и иностранными классиками и новейшие произведения. Так, например, намечены, например, произведения Мясковского, Стравинского, Штейнберга (Штейнберг? – В. К.), Акименко, Прокофьева. Кроме того, предполагается дать 2 концерта истории русского романа и 2 хоровых концерта.

1314 Там же. С. 304.

1315 Качаки J. Указ. соч. С. 239.

1316 Незабываемые могилы. Т. 1. 1999. С. 615.

1317 Театрал. Русское искусство. С. 43.

Под управлением И. Слатина организовался любительский хор имени Глинки, участие которого предусмотрено в этих концертах. Роль этих концертов, роль братьев Слатиных в музыкальной жизни страны должна быть особо отмечена, и мы думаем, что должное признание они получают и от сербской музыкальной среды, в настоящее время, быть может, несколько ревниво относящейся к их деятельности»¹³¹⁸.

Немного хочу сказать о композиторе Олеге Сергеевиче Гребенщикове (1905–1980). Еще в детстве он, бывало, клал вместо нот какой-нибудь роман Жюль Верна, пытаясь проиллюстрировать музыкой прочитанное. Уже находясь в Королевстве, поступил ради заработка в Народный театр, где вновь произошла встреча с музыкой. Как вспоминал сам Гребенщиков, сторожа постоянное выгоняли его из театра за “незаконное” пользование роялем, но, в конце концов, и сам директор сдался, махнул рукой, видя, что Олег работает всерьез. Потом последовали первые сочинения, среди которых был даже драматический отрывок из “Записок сумасшедшего” Гоголя для фортепиано и баритона, который исполнялся оперным певцом Александром Балабаном (ему чрезвычайно понравилась эта вещь), и он исполнял ее позже на концертах в Париже»¹³¹⁹.

В 1933 г. Гребенщиков окончил Белградский университет, получив диплом инженера-лесоведа.

Однако театру отводилась главная роль. Олег Сергеевич стал помощником режиссера балетной группы театра и главным мимистом <...> и не бросал занятий музыкой. «К 1940 и началу 1941 года, – вспоминал Гребенщиков, – относятся сочинения: музыка для комедии “Мнимый больной” Мольера (был, как говорили, удачен “Марш глупости”), “Симфоническое скерцо”, исполнявшееся Радио-оркестром <...> и очень грустная (вероятно, выражавшая затаенную предвоенную тревогу) “Колыбельная” для струнного оркестра. В 1941 г. написан и романс для сопрано (исполнялся неоднократно певицей Батранец), “Мы к звездам шли...” на слова молодой поэтессы Нонны Белавиной (в традиционном и несколько сентиментальном духе романсов Аренского). В этом же году сочинена музыка для драмы “Ифигения в Тавриде” Гете, для сцены белградского театра, много раз исполнявшейся уже и в эпоху оккупации (хор, оркестр, декламация под музыку)»¹³²⁰. Всего за югославский период было сочинено 29 произведений. Среди них: «Дубровницкий реквием», для сопрано и фортепиано, (1931 г.) на стихи Й. Дучича, «Песня о Гайавате», увертюра для симфонического оркестра (1938 г.), «Момачко коло», балетный номер для оркестра (1944–1946 гг.)¹³²¹.

1318 Там же. С. 42–43.

1319 Краткая автобиография О. С. Гребенщикова (как композитора-музыканта) // Жизнь и приключения геоботаника, художника, композитора, поэта – Олега Сергеевича Гребенщикова (1905–1980). М., 2006. С. 70.

1320 Там же. С. 72.

1321 Там же. С. 75–76.

Олег Гребенщиков не только писал музыку, но и участвовал в 42 балетных спектаклях на сцене Народного театра в Белграде¹³²².

В 1950 г. во время конфликта между Москвой и Белградом Гребенщиков, к тому времени покинувший театр и работавший в сфере ботаники, был вынужден выехать в Чехословакию, где к 1956 г. работал директором лаборатории геоботаники и систематики растений при Словацкой Академии наук. В тот же 1956 год Олег Сергеевич приехал в Москву, работал в системе АН СССР. Ботаник-географ Гребенщиков не переставал заниматься и музыкой, знакомя советского слушателя с музыкальным фольклором балканских народов – сербов, македонцев, босанцев, черногорцев и других¹³²³.

Супруги, бывшие солисты Одесского оперного театра, Надежда Николаевна Архипова (1894–1967) и Николай Сергеевич Баранов (1893–1933) открыли в Нови-Саде школу вокала, «бесплатно обучая талантливых учеников; из этой школы вышло несколько выдающихся югославских певцов. Позднее через профессиональный класс Ольги Константиновны Молчановой (1879–1971), выпускницы Киевской консерватории, бывшей солистки Киевского оперного театра, педагога Новосадского Среднего музыкального училища, пройдет новая плеяда будущих оперных певцов»¹³²⁴.

Можно вспомнить и концерты профессора по классу фортепиано Елену Трагер, выпускницу Московской музыкальной академии, имевшей в Панчево частную музыкальную школу. 24 марта 1928 г. на одном из них в зале пивоварни Вайферта выступили и ее воспитанники и воспитанницы – музыканты и певцы и певицы. Исполнялся Дворжак, Падеревский, Тивольский, Левин, арии из оперы «Миньон», «Тоска», «Горные вершины» Рубинштейна. В своей квартире на улице Бранко Радичевича регулярно со своими ученицами и учениками она организовывала домашние концерты. Так, 6 апреля 1930 г. был концерт из произведений Моцарта и Шопена, заслужив отличный отзыв в местной прессе¹³²⁵.

Второе поколение русских дало многих выдающихся мастеров в искусстве – пианистку и педагога Татьяну Картель, заслуги которой велики особенно в распространении и пропаганде произведений современных босанско-герцеговинских композиторов, композитора, доктора музыкологии Надежду Мосусову, композитора и педагога Юрия Тростянского, оперную певицу Татьяну Сластенко¹³²⁶, педагога Анну Масловскую (Олуич – по мужу), обучавшую студентов вначале на музыкальных курсах в Железнике (пригород Белграда), затем в музыкальном училище в Панчево, потом в Белграде, в том числе на факультете музыкального искусства Белградского университета. В столице проработала 25 лет. Ее имя знали в консерваториях Москвы, Варшавы, Парижа¹³²⁷.

1322 Там же. С. 81–82.

1323 Там же. С. 73, 74.

1324 Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 44.

1325 Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 80, 81.

1326 Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 206.

1327 Гимназия в лицах. Кн. 2. С. 471–472.

Из музыкальных педагогов, вслед за Алексеем Арсеньевым, назову Зинаиду Грицкат, Евгению Канукову-Краснопольскую, Любовь Курилову, Нину Мисочко-Егорову, Наталию Крюкову-Илич, Раису Короводину, Константина Шатрова, работавших в Белграде; Капитолину Петину из Великого Бечкерека¹³²⁸.

В разных регионах страны открывались разнообразные школы, студии, классы, курсы. В далекой от столичной жизни Великой Кикинде действовала под руководством Курагина музыкально-вокально-пластическая студия, где класс пластики вела София Робертовна Михайлова (? – 03.10.1923, Великая Кикинда)¹³²⁹.

И, конечно, родители стремились, сообразуясь, конечно, со своими материальными возможностями, чтобы дети, особенно девочки, получали и музыкальное образование. Педагогов было достаточно.

После войны русские имена не исчезли с музыкально-оперного горизонта.

С 1949 г. в Нови-Саде работал композитор и педагог Николай Николаевич Петин, выпускник первого русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви и музыкальной академии в Белграде, участник народно-освободительной борьбы в северном Банате. Его сочинения стали известны в Англии, Франции, Германии, России, США и других странах. Он лауреат многочисленных наград, в частности, обладатель почетного диплома Музыкального биографического центра в Кембридже (1977 г.), медали международного академического фонда «Альберт Эйнштейн» (1990 г.).

В 1957 г. солисткой в труппу новосадской оперы была принята окончившая белградскую музыкальную академию Елена Алексеевна Ечменица (урожд. Никифорова). Исполнила десятки ролей в операх и опереттах. Десять лет преподавала вокал. Пользовалась популярностью и как исполнительница наших непревзойденных по настроению русских песен и романсов¹³³⁰.

Что еще?

В том же Белграде на столичной сцене выступали в качестве гостей обладательница лирико-драматического сопрано Галина Вишневская, баритон Александр Швед, басы Иван Петров и Александр Пирогов...¹³³¹.

Теперь Загреб. Опера в Хорватии была не только желанным гостем на сценах, но и давно вошла в мир театральной культуры страны, тесно связанной с музыкальной Веной.

В то же время парадоксально, но факт, что в хорватской столице в начале XX в. больше уделяли внимания постановкам русских опер, нежели в Белграде, в котором после Первой мировой войны начали ставить прежде всего итальянскую и французскую оперы. В Загребе же в эти годы можно было увидеть и услышать «Бориса Годунова» и «Хован-

1328 Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 206.

1329 Новое время. 1923. 26 окт. С. 3.

1330 Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 185, 186.

1331 Драгутиновић Б. Пролегомена за историју Опере и Балета Народног позоришта. С. 136.

щину» Мусоргского, «Царскую невесту», «Снегурочку» и «Сказание о граде Китеже» Римского-Корсакова, причем две последние вообще не показывали на белградской сцене¹³³².

В то же время здесь приживались немногие из русских оперных певцов и певиц. В основном сюда любили приезжать на гастроли из Белграда, о чем я уже говорил выше. Но были и мастера оперной сцены, ставшие своими в Загребе. Здесь можно назвать обладательницу чудесного меццо-сопрано Елену Андреевну Морозову (1894–1935). Судя по книге Т. В. Пушкадия-Рыбкиной, Елена Андреевна вначале принята была на белградской сцене. С осени 1921 по 1927 г. она чаровала свои голосом, «особой окраски» Загреб. Лучшие партии спела в русских операх¹³³³.

К этому следует обязательно добавить, что певицей и актрисой стала и ее дочь Елена Нюренберг (в замужестве Бинички) (1920–1992), выступавшая под именем Елены Морозовой. В Загребе Елена окончила музыкальную академию и с 1944 г. стала выступать на сцене Народного театра. Позднее – с 1947 по 1950 г. – певица входила в постоянный состав его труппы. В сезоне 1951/52 г. в амплу драматической актрисы она играла в Риеке. С 1957 г. Елена выступала в составе труппы Загребского театра кукол¹³³⁴.

Еще раньше, весной того же года в Загребе гостили Полякова и Садовен, а также тенор С. Б. Белина-Скупиевский, выпускник киевской музыкальной школы, артист Киевской оперы, и Поземковский, артист Мариинского театра¹³³⁵. В 1922 г. загребские ценители оперного пения могли услышать и оценить тенор Григорьева¹³³⁶. К этому краткому списку имен и дат добавлю имя артиста императорских театров Е. А. Виттинга, обладателя драматического тенора. В хорватской столице он пел, в частности, в «Пиковой даме». Как и все артисты, выезжал с гастроями: в 1929 г. он пел в Белграде, потом выступал и в соседней Любляне в «Аиде»¹³³⁷. В Загребе был знаком тенор В. С. Севастьянова¹³³⁸.

С 1921 г. в Загребе вместе мужем обосновалась выпускница Санкт-Петербургской консерватории Елизавета (Лиля) Ивановна Кульженко (девичья фамилия Мусатова) (1871–1951). Ее меццо-сопрано можно было услышать в самых различных местах: от Мюзик-холла до протестантской церкви, от зала Теософского общества до неврологической больницы. Занималась Елизавета Ивановна и преподавательской деятельностью¹³³⁹.

Из семейного архива можно узнать, что в ее репертуаре были народные песни, классические и современные романсы, песни на русском, хорватском, украинском, польском, французском, итальянском, греческом наречиях. Пела в операх: М. И. Глинка «Жизнь за царя», «Руслан и Людмила», А. С. Даргомыжский «Русалка», А. П. Бородин «Князь Игорь»,

1332 *Beloemigracija u Jugoslaviji*. S. 212.

1333 *Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije*. S. 152.

1334 Там же. S. 152–153.

1335 Новое время. 1921. 21 мая.; Новое время. 1925. 28 окт.

1336 Новое время. 1922. 14 сент.

1337 Новое время. 1929. 20 апр.

1338 Новое время. 1923. 1 нояб.

1339 *Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije*. S. 148.

А. Г. Рубинштейн «Демон», П. И. Чайковский «Дама пик», «Евгений Онегин», «Мазепа», Н. А. Римский-Корсаков «Снегурочка», «Царь Салтан», арии из опер И. Зайца, Р. Вагнера, Ж. Массне, Дж. Пуччини, Дж. Мейербер, Кл. Дебюсси и др. В начале первой мировой войны выпускница Санкт-Петербургской консерватории, концертирующая певица оставила пение и устроила у себя на квартире лазарет для раненых. С установления советской власти выступала перед красноармейцами. В 1919 г. уехала в Афины. В 1921 г. прибыла в Загреб, где мужу предложили работу в клинике на Медицинском факультете. Как и раньше, в Загребе и в провинции много выступала, в частности, с А. Т. Гречаниновым, давая концерты, посвященные его композициям¹³⁴⁰. Добавлю, что Р. М. Глиэр посвятил ей романс «Ты мне была сестрою».

Слышали в Хорватии и голос выпускника Загребской музыкальной академии Анатолия Маношевского (1901–1983). С 1926 г. он выступал в Загребской опере, потом в Осиеке и Риеке, где в 1953 г. отметил 25-летие своей сценической деятельности. Спел около 90 партий¹³⁴¹.

Были незаметные широкой публике имена тех, кто пел в хоре, исполнял эпизодические роли. Упомяну трех.

Ида Евгеньевна Саприновская (1896–1968), сопрано. С 1923 г. сорок лет пела в оперном хоре Хорватского Народного театра в Загребе. Выступала и с небольшими сольными партиями. Добавлю, что занималась переводами пьес русских авторов¹³⁴².

Иван Дмитриевич Павлов (1889–1961), бас. Он начал петь еще в Москве в любительских оперных спектаклях. Находясь с 1921 г. в Королевстве, первый ангажемент (1922/23 г.) Иван Дмитриевич получил в хоре театра в Нови-Саде, исполняя небольшие сольные партии. С 1923 г. Павлов – член труппы Хорватского Народного театра в Загребе¹³⁴³.

Федор Дмитриевич Сахно (1896–1976), баритон. Искусству пения он учился в Музыкальной академии в Загребе. С 1923 г. Федор Дмитриевич – постоянный член оперного хора, потом исполнитель эпизодических ролей в Хорватском Народном театре. Спел множество небольших партий¹³⁴⁴.

Можно вспомнить и учителей. Пианист, педагог Ваулин Евгений Владимирович (1902–1970). Воспитал нескольких талантливых пианистов. Приобрел известность как камерный музыкант. С 1945 по 1948 гг. был ректором Музыкальной академии в Загребе¹³⁴⁵.

Опера это не только чудное пение, но и музыка, оркестр. И здесь я опять назову русское имя. Гобоист Александр Смирнов (1886–1973). Класс гобоя Александр закончил в Северной Пальмире. С 1907 по 1917 г. музыкант играл в оркестре А. Д. Шереметьева.

1340 Hrvatski državni arhiv. Obiteljski arhiv Мусатовой Кульженко, аквизиция 2/1983.

1341 *Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 150.*

1342 Там же. S. 164.

1343 Там же. S. 157.

1344 Там же. S. 163.

1345 *Пушкадия-Рыбкина Т., Грубмайр И., Указ. соч. С. 149.*

Тридцать лет – с 1923 по 1953 г. – он был солистом оркестра Загребской оперы и первым гобоистом Загребской филармонии. Передавал свое искусство в средней музыкальной школе¹³⁴⁶.

На русскую оперу можно было пойти и в Далмации, в театральном Дубровнике, где сами улицы и площади средневекового города были лучше всяких декораций. В зарисовке «Русские в Далмации» А. Барсов писал: «Далматинцы были очарованы художественностью постановки и красотой исполнения русскими артистами опер «Евгений Онегин», «Травиата», «Риголетто»¹³⁴⁷.

В другой жемчужине Адриатики – античном Сплите первым дирижером новой оперы в 1923 г. стал Илья Слатин, а примадонной была София Давыдова¹³⁴⁸. Ценители оперного пения слышали голос певицы Зинаиды Комаровской¹³⁴⁹.

Главная заслуга Слатина была не в том, что во многом благодаря ему был увеличен приток зрителей, и не столько в том, что только итальянцы, но и русские могут понять и поставить итальянскую оперу, а в знакомстве жителей Сплита с русской музыкой. Представленный им «Евгений Онегин» познакомил сплитчан с русской музыкой, с русским искусством, которое славянам, как писали в театральном журнале «Comoedia», «гораздо ближе, полезнее и милее. Это было настоящее откровение. И успех не заставил себя ждать»¹³⁵⁰. Отличным певцом зарекомендовал себя и обладатель баритона Архипов. К Софии Давыдовой, исполнявшей партию Травиаты, вначале с недоверием отнеслись ценители итальянского пения, но после спектакля появились похвальные отзывы не только во многих сплитских газетах, но и в загребском «Обзоре». К сожалению, в 1924 г. опера была закрыта по распоряжению из Белграда и артисты разъехались в поисках работы/театра¹³⁵¹.

В соседней Словении ситуация в чем-то была схожей с хорватской. Там имелась своя опера, венского образца. К концу 1925 г. в столице католической Словении проживало около 300 русских, в своем большинстве студентов. Здесь все дышало Европой. Правда, Любляна не Вена, но все же ставились отличные оперные спектакли, в которых пели и русские артисты. Их было немного, но это были звезды первой величины. Назову имена знакомых уже Бориса Попова, Александра Балабана, Павла Холодкова¹³⁵², который уже в 1920 г. начал здесь петь на сцене¹³⁵³.

На сценах словенских театров XX веке звучала музыка П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского, А. П. Бородина, М. И. Глинки, Н. А. Римского-Корсакова, С. С. Прокофьева,

1346 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 166.

1347 Новое время. 1921.14 авг.

1348 *Beloemigracija u Jugoslaviji.* S. 212.

1349 *Арсеньев А.* «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 202.

1350 *Comoedia.* 1924, 20 окт. № 8.

1351 Там же.

1352 Ушедшая Любляна // Новое русское слово. 1975. 17 авг.

1353 *Beloemigracija u Jugoslaviji.* S. 212.

И. Ф. Стравинского, Д. Д. Шостаковича, С. В. Рахманинова, Б. В. Асафьева, Р. К. Щедрина, А. П. Петрова.

Русские уважали талант, знания и готовы были платить за праздники, устраиваемые разнообразными исполнителями, искусство которых позволяло уйти от серых буден и забот в мир музыки, пения, танца, в мир волшебных грез. Искусство очищало душу. А это было главным.

В марте 1926 г. в Загребе гостил Игорь Стравинский. О нем писали в газете «Народное дело», что его мощная музыка пробудила уснувшее славянское чувство. «Футуристическому анархисту», каким некоторые ценители считали Стравинского до его выступления, были устроены овации, превратившиеся в торжество. Разочарованными остались только те, писали в газете «Ријеч», которые ожидали, что Стравинский будет играть ногами¹³⁵⁴.

Концерты – это и провинция, куда приезжали на гастроли русские артисты, где «цвела» самодеятельность, о которой чудесно написал протоиерей Владимир Мошин, тогда еще не принявший сана: «Как и вся русская интеллигенция, которую остроумный Степанов в своих мемуарах метко охарактеризовал как “поющую, вопиющую, взывающую и глаголющую”, наша русская колония не оказалась без талантов. Все пели, многие играли, декламировали, танцевали. Вероятно, уже через месяц-два по приезде в Копривницу был устроен первый “русский вечер” с концертным отделением, где Оля (жена В. А. Мошина. – В. К.) с Веселовским блестяще исполнили на рояле в четыре руки увертюру к Вагнеровскому “Тангейзеру”, княгиня Тохтамышева, хорошая балерина, удивила публику классическими балетными номерами, маленький хор исполнил в декорациях популярную “Волга-Волга”, и с двухактной маленькой опереттой “Мезальянс”, скомпонованной мною как мозаика из русских известных ансамблей, дуэтов, трио, хоров. Зал был переполнен, успех потрясающий! И это выступление не было единичным»¹³⁵⁵.

Любовь к искусству была у русских, кажется, в крови. И артистов хватало. Их легко было найти среди военных, чиновников, служащих, интеллектуалов и рабочих, не говоря уже о студенчестве. Активно работал и действовавший в Загребе кружок, который ставил своей целью приближение к России, русскому языку, русской культуре... В частности, он организовал ряд музыкальных вечеров, посвященных творчеству Чайковского, Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Бородина, Кюи, с участием русской певицы Мусатовой¹³⁵⁶.

Концерты это не только искусство ради искусства. Выручка от них нередко шла на помощь самым нуждающимся, старикам и старухам, больным. Так, 19 ноября 1922 г. в Загребе в помещении «Хорватского коло» прошел благотворительный концерт, устроенный местным союзом русских студентов. Большое участие в нем приняли артисты МХТ Качалов,

1354 Comoedia. 1926. 29 марта. № 30.

1355 Из воспоминаний академика, протоиерея Владимира Мошина // *Косик В. И.* Русская церковь в Югославии. С. 192.

1356 Новое время. 1922. 20 июля.

Вишнеvский, Книппер-Чехова и др. Несколько балетных номеров исполнили Маргарита Фроман и Макс Фроман. Выступил и оперный певец (лирический тенор) Петр Райчев¹³⁵⁷.

Алексей Арсеньев в своей великолепной статье «Русская эмиграция в Дубровнике» писал, что в 1921 г. русские своим достойным поведением вызвали симпатию в тогдашнем обществе, которое имело возможность соприкоснуться с русской душой, полюбить ее, чему немало способствовали русские концерты, в которых выделялись выступления Милич, Морозовой, Архиповой, Скоробогатова, баритона Баранова¹³⁵⁸. При этом замечу, что выручка с одного из концертов пошла нуждающимся югославским студентам¹³⁵⁹.

В марте 1923 г. там состоялся концерт Ады Поляковой¹³⁶⁰. В апреле того же года театралы, в том числе и королева Мария, могли наслаждаться голосами Лизаветы Поповой и тенора Иво Батистича¹³⁶¹. В следующем году в Дубровнике с сольным концертом выступал знаменитый Павел Холодков¹³⁶².

Концерты, я бы сказал, были массовым явлением. Их устраивали везде, где можно и где не очень... В 1929 г. в далекой – не только от Белграда, но и от Европы – Приштине состоялся невиданный здесь концерт-бал. Впервые выступил лирико-драматический тенор А. Щербаков – любимец публики в Скопле, Штипе, Велесе, Битоли – он и здесь захватил слушателей, исполняя арии Ленского в «Евгении Онегине» и герцога в «Риголетто». Блестяще спел арии из «Паяцев»¹³⁶³.

В многонациональном Сараево русская культура объединяла в литературно-музыкальном кружке и русских, и хорватов, и сербов, и мусульман. И, конечно, были концертные выступления, как же может жить артист без зрителя! Приглашали и «чужих»: в 1921 г. кружок организовал концерт Е.П. Смоляковой, исполнительницы цыганских романсов¹³⁶⁴, так украсивших эмигрантскую жизнь.

В Македонии с 1921 г. работал Сергей Николаевич Михайлов (1885–1975) педагог, организатор музыкальной жизни, сначала в глухих Кавадарцах, потом Джевджелии, а с 1924 г. в Штипе. В тамошнем театре организовывал оперные представления. Был основатель и педагог средней музыкальной школы. Занимался и сочинительством – написал детскую оперетту «Ружанка»¹³⁶⁵.

Могучая русская культура органически входила в славянский мир и конечно не могла не содействовать развитию национального искусства.

1357 Новое время. 1922. 5 дек.

1358 *Arsenjev A. Ruska emigracija u Dubrovniku. S. 33–34.*

1359 Там же. S. 34.

1360 Там же. S. 43–44.

1361 Там же. S. 44.

1362 Там же. S. 44.

1363 Новое время. 1929. 29 мая.

1364 Новое время. 1921. 11 дек.

1365 *Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...».* С.198.

ИГРА НА РЕСТОРАННЫХ ПОДМОСТКАХ

«Жила тихо, мирно старая Сербия. Через каждые два-три шага полусонная кафана, с “црной кавой”, ”чевапчичами“, городскими слухами, “новинами” и, как необязательная дань эстетике, цыганский оркестрик. Ночь начиналась в 9 часов вечера, утро в 6 часов утра. Но стряслась великая русская, налетели русские эмигранты, и все пошло вверх дном. Белград запел, затанцевал, засиделся до поздней ночи. Всякая уважающая себя кафана считает теперь минимумом респектабельности иметь у себя сценку и на ней русские театры типа гротеск, либо на худой конец “руске балалайки”»¹³⁶⁶

«Цыганская песня и балалайки чуть было не были признаны за самое характерное в русском искусстве»¹³⁶⁷.

Только в Белграде было более 10 балалаечных оркестров¹³⁶⁸.

На первом месте будет сформированный в Нови-Саде в конце 1921 г. оркестр и хор под управлением Георгия Диодоровича Черноярова, завоевавшего за короткое время Европу и ее центр – Париж. Тогда в составе было 9 человек и 15 песенок. Первый концерт дал в местечке Темерин. В репертуаре 150 и более пьес. Был в 73 городах и местечках Королевства. Играл для короля¹³⁶⁹. К осени 1924 г. в нем было уже 17 человек. В угоду «нравам» играл модные танцевальные мелодии под «бесовские пляски» веселящегося Белграда¹³⁷⁰.

Потом назову ресторан «Старая скупштина» (угол улицы Милоша Великого, 23 и улицы Масариковой) и игравшие в ней оркестры Мики Островского, исполнявшего как русские, так и сербские песни¹³⁷¹, и Кинашевского под управлением Ф. И. Данилова¹³⁷².

В 1923–1924 гг. в ресторане «Загреб» (улица Дечанская, 5), и «Позоришном бифе» (Театральном кафе) выступал одно время созданный еще в Константинополе русский оркестр «Балалайка» под управлением М. С. Собченко при участии солиста виртуоза Д. И. Турова и баритона А. А. Орлова. В репертуаре оркестра насчитывалось до 100 пьес, например, из опер «Аскольдова могила», «Пиковая дама», «Травиата», «Кармен», «Тоска», «Сказки Гофмана», интермеццо из «Сельской чести» Масканьи, произведения Чайковского, Глинки, Шуберта, Грига и др. Есть мелодии из сербских композиторов, русские и сербские народные песни, русские и цыганские романсы, русское и сербское попури. Традиционными были «Калинка», «Вниз, по матушке, по Волге», «Кудеяр». В хоре пел

1366 Новое время. 1927. 12 июня.

1367 Театрал Русское искусство в Королевстве С. Х. С. // Призыв, № 4, июль, 1926. Белград.

1368 Новое время. 1924. 14 янв.

1369 Старое время. 1923. 24 нояб.

1370 Там же. 1924. 14 сент.

1371 Там же. 1922. 21 сент.

1372 Там же. 1925. 19 сент.

сподвижник В. В. Андреева А. С. Шевелев. Солисты: первый тенор – Севрюгин, второй тенор – Турок, Бартош – бас¹³⁷³.

В ресторане «Великобритания» (улица Пуанкаре, 13) играл великорусский оркестр балалаечников «Баян» под управлением Шаповаленко при участии солистов О. Н. Григорьевой и В. Д. Шумского¹³⁷⁴.

В сербском ресторане «Врачарска касина» (улица Негушева, 25) под русские закуски, русскую водку и сербские блюда играл русский оркестр балалаечников в составе 16 человек под управлением А. Н. Кузьменко при участии солистов баритона Е. С. Габаева, исполнительницы цыганских романсов О. Н. Григорьевой. Репертуар – мелодии из «Князя Игоря», «Кармен», «Пиковой дамы», «Травиаты» и др. Много русских и сербских песен. Современники отмечали тенор Андреева, баритон Габаева, а также голоса Галилея, Орлова и Янушевского¹³⁷⁵.

В Топчидерском ресторане в парке выступал оркестр балалаечников Квятковского с участием исполнительницы цыганских песен Н. Г. Вишняковой – «Раз пошел...», «Лапти мои», «Соса-Гриша» и др.¹³⁷⁶

«Из струнных ресторанных оркестров, – писал один из тогдашних театралов, – следует упомянуть оркестры Александрова и Володарского, хороших скрипачей.

Все эти труппы облагораживающе влияют на характер кафанных развлечений, прививаются иные вкусы, а порой играют своего рода просветительную роль, проникнув в такие места, где доселе кроме цыганской музыки ничего не видали и не слышали. Такие группы встречают в захолустьи живой отклик, признание и выражения искренней благодарности, втягивая в круг интересов и культурных влияний и знакомя с подлинным искусством такие круги населения, которые может быть так бы никогда и не заинтересовались какими-то спектаклями и концертами, даваемыми в театральной обстановке»¹³⁷⁷.

В ресторане «Империя» (Кральев трг) с 1 сентября 1926 г. играл перешедший туда из Топчидерского ресторана оркестр «Яр» под управлением В. В. Добровольского. В парке же стал выступать оркестр П. И. Недзельницкого при участии солистов Е. Г. Ивановой и Н. В. Лебедева¹³⁷⁸.

В ресторане и пивной «Задруга» на Славии ежедневно можно было слышать русский оркестр и хор под управлением Квятковского¹³⁷⁹.

«Весьма знаменательно, – писал театральный обозреватель «Нового Времени» К. Шумлевич, – что не только русские, но, можно сказать, даже главным образом, сербы

1373 Там же. 1924. 5 янв.; там же. 15 февр.; там же. 1923. 4 нояб.

1374 Там же. 1922. 30 нояб.

1375 Там же. 1923. 15 июля; там же. 1924. 23 октяб.

1376 Там же. 1924. 23 авг.

1377 Театрал Русское искусство в Королевстве С. Х. С. // Призыв, июль, 1926. Белград.

1378 Старое время. 1926. 1 сент.

1379 Там же. 1924. 5 нояб.

слушают балалаечников с неослабным вниманием и “требуют тишины”. Русские песни “Волга-Волга”, “Кудеяр” и другие, в особенности меланхолические, пользуются у сербов неизменным, огромным успехом»¹³⁸⁰.

В ресторане отеля «Славия» выступал оркестр и хор балалаечников «Сокол» при участии артистки Марии Ласки, ее мужа Яши Яковлева и солистов Е. Габаева, В. Галилея¹³⁸¹. «Большим успехом пользовался комический дуэт Цоца-Моца – актер Аркадий Тамаров и певец Орлов»¹³⁸².

Позднее, в 1927 г., там стала выступать известная когда-то по северной столице оперная певица, скрывавшаяся под громким псевдонимом графини де ла Рок, Ольга Янчевецкая. В эмиграции она сменила амплу и завоевала публику своими романсами и песнями. В своей «исповеди» она писала: «Помню, в моем репертуаре наряду с романсами *Очи черные* и *Прощай* была любимая всеми песня *Эй, шарабан...* Гости нетерпеливо ожидали начала моего выступления в костюме цыганки с шалью, и как только начну по слогам распевать *Ша – ра – бан*, все уже поднятые бокалы с треском разлетаются на осколки по бетонному полу. И веселье продолжалось... Разбивались все бокалы, а публика, аплодируя мне, просила повторить ту самую, излюбленную ею песню. Хозяин ресторана, смеясь, мне говорил: – “Боже, госпожа Янчевецкая, фабриканты стекла должны были бы вам дать особую премию и пенсию”»¹³⁸³.

Конечно, большинство русских трупп кочевало по увеселительным заведениям, владельцы которых также, имея свой интерес, меняли артистов. Поэтому сегодня они выступали в одном ресторане, через неделю или месяц – в другом, третьем. Шла своеобразная театрально-ресторанная круговерть.

Тут нельзя не вспомнить и открывшийся в ноябре 1921 г. театр товарищества русских артистов «Триолет» под управлением Лебединского (может быть, это был П. А. Лебединский, бывший артист «Кривого зеркала») вначале в Русском ресторане Завалишина (улица Пуанкаре, 7). Репертуар балиевский: водевили, миниатюры, инсценировки и пр. В «Новом времени» отмечали изящную пьесу «Менуэт» в исполнении Н. И. Каряжиной и А. М. Адриановой, Андреевой, водевиль «Репетиция» с Адриановой и Юрьевым, декламацию Каряжиной по-русски и по-сербски¹³⁸⁴. Потом была постановка оперетты «Лекарство от девичьей тоски»¹³⁸⁵. С успехом выступал в «Триолете» балалаечник В. Шумаков, игра которого напоминала лучшие дни балалайки Василия Андреева, Бориса Трояновского, Виктора Абазы. Однако потом «Триолет» как-то незаметно сошел с газетных страниц и,

1380 Там же. 19 февр.

1381 Там же. 1925. 11 июля.

1382 *Димитријевич К.* Краљица руске романсе Животна исповест госпође Олге Јанчевецке. Белград, 2003. С. 69.

1383 Там же.

1384 Новое время. 1921. 24 нояб.

1385 Новое время. 1921. 30 нояб.

вероятно, со сцены. Возможно, сыграла свою роль конкуренция, может быть, интриги, на которые так щедр артистический мир.

Нельзя забыть и знаменитого ресторатора Марка Ивановича Гарапича, много лет управлявшего ресторанами «Стрельна» и «Мавритания» и владельца ресторана «Жан» в Москве. С 1920 г. содержал ресторан «Москва» в Загребе. В его руки в середине 1920-х гг. перешла «Русская семья» (бывшая «Русская Лири») ¹³⁸⁶. По вечерам у Гарапича играл балалаечный оркестр «Яр» под управлением П. Дриджа ¹³⁸⁷, выступала примадонна осиекской оперы Е. И. Линевиц ¹³⁸⁸. Там же можно было услышать известную В. М. Андрееву с цыганскими песнями ¹³⁸⁹. 9 июня 1926 г. в ресторане прошел прощальный бенефис А. Вертинского ¹³⁹⁰. С ноября того же года перед вечерней публикой выступала опереточная артистка Сара Лин ¹³⁹¹, которую Гарапич переманил из прогоревшего театра «Гротеск», гастролировавшего в Белграде в октябре 1926 г.

В 1927 г. у него выступали «Русский Баян» Юрий Спиридонович Морфесси с куплетистом Павлом Троицким ¹³⁹². Знаменитый певец пел в «Русской семье» более полугодом (до февраля 1928 г.) и отпраздновал там 25-летие своей концертной деятельности (11 декабря 1927 г.). Он начал карьеру в Одессе в оперном «Русском театре». Дебютировал в «Фаусте» в роли Валентина. После пел в Киеве в опере Бородея и Брыкина, позднее перешел в оперетту к Семену Николаевичу Новикову, где режиссером был знаменитый Александр Эдуардович Блюменталь-Тамарин. С последним уехал в Москву в Никитский («Интернациональный») театр. Потом был Санкт-Петербург и участие в оперетте Николая Георгиевича Северского в «Екатерининском театре». Выступал в Санкт-Петербурге на сценах «Олимпии» и «Пассажа» и других подмостках. Затем пошли концерты. Объехал всю Россию. Из Питера уехал в 1918 г. Обосновался в Париже ¹³⁹³.

В апреле 1928 г. у Гарапича гастролировал тенор Михаил Федорович Вишневицкий и солистка Елизавета Григорьевна Иванова ¹³⁹⁴. Репертуар традиционный: «Вдоль по улице метелица метет», «Москва», «Эх, была, не была», «Вдоль по Питерской». Цыганские песни: «Цыганка Маша», «Мы вышли в сад» ¹³⁹⁵.

В ресторане со знаменитым названием «Стрельна» танцевала Аня Захаренко, молодая русская балерина, сменившая кордебалет королевской оперы в Бухаресте на варьете ¹³⁹⁶.

1386 Новое время. 1925 3 окт.

1387 Новое время. 1925. 17 нояб.; 12 дек.

1388 Новое время. 1925. 12 дек.

1389 Новое время. 1926. 2 янв.

1390 Новое время. 9 июня.

1391 Новое время. 7 нояб.

1392 Новое время. 1927. 7 июня.

1393 Новое время. 10 дек.; Новое время. 1928. 4 февр.

1394 Новое время. 1928. 15 апр.

1395 Новое время. 1928. 24 апр.

1396 Царский вестник. 1930. 26 окт.

Можно назвать и еще одного известного певца – баритона Николая Михайловича Аммосова (Амосова). Днем пел в кинотеатре «Коларац» четыре раза перед сеансами, а по вечерам – в «Русской семье». Он окончил Киевскую консерваторию у профессора Цветкова. Артистической деятельностью занимался с 1920 г. Репертуар обширен: оперные арии из «Евгения Онегина», «Князя Игоря», «Хованщины». Песни «Тени минувшего», «Умчались годы», «Очи черные», «Бывали дни веселые», «Тоска, печаль...», «Я забуду тебя очень скоро», «Бубенцы», «Статуэтка», «Благодарю» и т. д.¹³⁹⁷

Русское театральное искусство тесно связано и с рестораном со знаменитым названием, навевавшим воспоминания о Санкт-Петербурге, «Медведь» (улица Доситеева, 1). В 1924 г. там играло тривиальное трио. Выступал известный С. Н. Франк¹³⁹⁸. С сентября на его сцене пошли представления театра «Мозаика»: «Вор» А. Т. Аверченко, «Тени прошлого и настоящего», кинофильм, «Вечерний звон», музыкальная картина, «Сатир», гротеск Н. Я. Агнивцева, «Яша, Глаша и Луна», «Ямщик, не гони лошадей» — лубки и др.¹³⁹⁹

В феврале 1925 г. в «Медведе» стал работать «Подвал артистов», открытый по инициативе артистов во главе с В. С. Севастьяновым. Они хотели устроить его наподобие знаменитого мюнхенского «Simplicissimus», в котором за 50 лет пересидели все знаменитости искусства и сцены. К оформлению помещений были привлечены разностилевые В. И. Жердинский, А. А. Вербицкий и В. Я. Предаевич¹⁴⁰⁰.

15 февраля 1925 г. появилась реклама «Подвала артистов» – «буфет, лучшая кухня, обеды, ужины, музыка, сольные выступления артистов, модные танцы»¹⁴⁰¹. С марта шла ежедневно программа кабаре¹⁴⁰². Выступал цыганский хор при участии известной Н. Г. Вишняковой¹⁴⁰³. В апреле на сцене игралась оперетта «Кармен»¹⁴⁰⁴. В мае – фарс «Пуговица от штанов»¹⁴⁰⁵.

Тогда же там выступала труппа с модным названием «Фокс»: «Настоящие парни», одноактная пьеса Аверченко; «Любовь по прямому проводу», фарс. Танцы, куплеты, лубки. Режиссер А. А. Орлов¹⁴⁰⁶. Однако, мюнхенского «Простофили» не получилось и «Подвал артистов» к 1928 г. «провалился». Причина? Конкуренция, отсутствие необходимой сметки, «таяние» денег у эмиграции, бедность репертуара, отъезд в иные страны артистов, искавших европейской известности, а не провинциальной славы «огородных» Балкан.

1397 Новое время. 1928. 6 нояб.

1398 Новое время. 1924. 19 авг.

1399 Новое время. 1924. 6 сент.

1400 Новое время. 1925. 8 февр.

1401 Новое время. 1925. 15 февр.

1402 Новое время. 1925. 21 марта.

1403 Новое время. 1925. 28 марта.

1404 Новое время. 1925. 26 апр.

1405 Новое время. 1925. 3 мая.

1406 Новое время. 1925. 22 мая.

По сравнению с «Подвалом артистов» более удачным оказался трактир «Самарканд» (улица Влайковича, 5), дававший приют многим театральным группам. В ноябре 1924 г. общество балаганщиков «Ягодка» устраивало свой первый вечер в его помещении, отремонтированном в стиле старых московских трактиров. В труппу входили В. Андреева, М. Бологовская, В. Бологовской, А. Вербицкий, Г. Елачич, В. Жедринский, В. Нелидов, М. Оленина, Г. Троицкий, С. Франк, О. Шматкова и др.¹⁴⁰⁷ Руководители труппы: Нелидов и Жедринский. Жанр – театр миниатюр, театр «Гиньоль». Доминировал балет с Мурой Бологовской, познакомившей сербов с пуантами, с Ольгой Шматковой и другими танцовщиками Королевского театра. В сопровождении импровизированного хора из профессионалов и любителей под управлением В. И. Пржевальского пела цыганские романсы В. Андреева. Пользовалась успехом кантата в честь «Ягодки» в исполнении «духовой капеллы» из бумажных труб. При этом Жедринский обнаружил талант и декламатора. Собравшиеся острили «В Туле Белград» (tout le Белград)¹⁴⁰⁸. В «Ягодке» выступал вездесущий Сергей Франк¹⁴⁰⁹. Потом «Ягодка» ушла и дала рекламу о своем концерте в конце февраля и в начале марта в помещении «Свободного театра» (улица Якшичева, 11). Вначале программа была обозначена как «Вечер смеха, балета и пения», потом – «Вечер балета, смеха и мимики»¹⁴¹⁰. Состав «Ягодки» был несколько сокращен, в него входили М. Бологовская, М. Оленина, О. Шматкова, В. Бологовской, Г. Троицкий, С. Андреевич, С. Браня (?), В. Севастьянов, Г. Елачич. Музыка Вл. Нелидов. Художник Жедринский. У рояля Ольга Цакони¹⁴¹¹. Это было последнее упоминание о «Ягодке».

На месте пропавшей «Ягодки» появилась 21 декабря 1924 г. в «Самарканде» более удачная труппа «Фокс». Артисты выступали со спектаклями «Веселая мельница», «Ну, пустяки, что такое», «Без суфлера», «Улица», «Мичман Джонс», «Китайский рай», «Флирт Розенберга». До и после спектакля играл ставший неизменным струнный оркестр¹⁴¹².

Бешеным успехом пользовался С. Франк, выступавший под гитару с цыганскими и русскими песнями и романсами. «Новое время» писало о нем: «Голоса почти нет. Но есть школа и превосходная игра на гитаре. А, в общем, создается приятное настроение. Ведь русская и особенно цыганская песня – вся в настроении». Франк, отмечалось далее в газете, «неподражаем» в роли рассказчика рассказов И. Горбунова, Н. Лейкина, А. Аверченко. «Особенно хорошо удаются г. Франку рассказы о купеческом быте»¹⁴¹³.

Успехом, в частности, пользовалась и игра Сазоновой и Ольшевского в скетче Аверченко «Милая головка», Е. Евгеньев и Е. Романова в комедии «Без суфлера».

1407 Новое время. 1924. 20 нояб.

1408 Новое время. 1924. 10 дек.

1409 Новое время. 1924. 14 дек.

1410 Новое время. 1925. 1 марта.

1411 Новое время. 1925. 28 февр.; Новое время. 1925. 1 марта.

1412 Новое время. 1924. 21 дек.

1413 Новое время. 1924. 18 окт.

Декорации делали Б. И. Дачевский (Дочевский, Дячевский) и Н. К. Мамонтов, потом к ним присоединился и А. В. Топорнин. Конферанс вел С. С. Страхов¹⁴¹⁴.

Его выступления в «Фоксе» были, вероятно, одной из приманок для публики. 27 декабря 1924 г. «Фоксом» были заявлены «Царство доллара», «Собачий фокстрот», «Новогодняя Пасха», Русско-сербские частушки, «Женская чепуха», «хор братьев Фоксовых» и др.¹⁴¹⁵

3 и 4 января 1925 г. «Фокс» оповещал «почтеннейшую публику» о новых миниатюрах – «В дамском белье», одноактный фарс; А. Н. Вертинский «Старички и девчонки», одноактная оперетта; «Собачий фокстрот», «Три кинто на трех ослах», лубок, злободневные куплеты, «Разбитое зеркало», одноактная комедия, сольные выступления¹⁴¹⁶.

17 января 1925 г. «Фокс» уже заявлял о постановке мозаики: «Я ничего себе не позволял», «Танго смерть», «Лебединая песнь», «Бабочки», «Экстерн Кац», «Яша, Глаша и луна», дуэт из оперетты «В волнах страстей», цыганские песни, танцы и С. Н. Франк¹⁴¹⁷.

Новый год в «Самарканде» встретили с серьезной программой, поставив Э. Ростана «Белый ужин» с декорациями Топорнина и Дачевского. В рецензии писали, что отлично сыграли артисты Е. Романова и А. Баташев, в фарсах успех имели Евгеньев и Харламов, цыганские романсы мило были пропеты Саликовой¹⁴¹⁸.

Пела там романсы и актриса Ксения Сибирякова, танцевала великолепная Екатерина Лорен. Особый успех выпадал, как всегда, на долю дуэта Орлова с Тамаровым, спевших злободневные куплеты на русском и сербском языках.

Как и все другие труппы «Фокс» «кормился» талантом Аверченко, чья «Бочка красного вина» была отыграна Орловым и Евгеньевым, а «Красивая женщина» разыграна Евгеньевым и Тамаровым¹⁴¹⁹.

В 1926 г. в Рождественской программе «Фокса» значились: «Трагедия молодого моряка», гротеск; «Так, значит, вы мне не папаша?», фарс; «Рождественские мальчики в Белграде», лубок; «Американский скетч», дуэт; цыганский хор. Заявлялись сольные выступления, характерные и классические танцы, романсы, песенки, арии, баллады, рассказы, куплеты и пр.¹⁴²⁰

Здесь трудно сказать, почему «Ягодка» пропала так быстро, а, по сути, ее близнец «Фокс» продержался на сцене значительно дольше. Здесь может быть выдвинуто множество объяснений: от гонора до интриг с подбором труппы, когда талантливые исполнители были нарасхват. Что же касается программы, то она может быть обозначена и как мозаика,

1414 Новое время. 1924. 23 дек.; Новое время. 1924. 26 дек..

1415 Новое время. 1924. 27 дек.

1416 Новое время. 1925. 4 янв.

1417 Новое время. 1925. 17 янв.

1418 Новое время. 1925. 18 янв.

1419 Новое время. 1925. 14 июня.

1420 Новое время. 1926. 7 янв.

или дивертисмент, театр миниатюр, жанр которых «не ограничен никакими рамками, все подойдет: и маленькая драма, и водевиль, и оперетта, и рассказ в лицах, и бытовая картинка, и танцы, и кинематограф»¹⁴²¹.

Наряду с «Фоксом» в 1925 г. в «Самарканде» пошли спектакли «Маленького театра», представлявшего молодые артистические силы русского Белграда. Комедии, скетчи, пародии, инсценировки, лубки, оперетты – вот программа выступлений «молодых сил» со «старым набором» по субботам и воскресеньям и в предпраздничные дни¹⁴²². Из скромного репертуара театра можно назвать оперетту-пародию С. Страхова «Кармен», музыкальную картину неистощимого Н. Агнивцева «Уроки танцев», комедию обязательного А. Аверченко «Черная и белая кость», выступления талантливого балагура С. Н. Франка. Режиссер В. И. Щучкин, декорации Б. И. Дачевского и Н. В. Мамонтова¹⁴²³.

Напомню, что Франк был не только ярким рассказчиком, но и неплохим актером: играл роль Хозе в «Кармен» вместе с Саликовой, исполнявшей заглавную роль¹⁴²⁴.

Потом объявлялись «Старички и девчонки» Вергинского, «Семейная драма» и «Черная и белая кость» Аверченко, лубок «Ямщик, не гони лошадей», киносилуэты «Тени прошлого и настоящего»¹⁴²⁵. В феврале планировали поставить «Семейную драму» Аверченко, гротеск Агнивцева «В парке», комедию Амба «Без протекции», лубок «Ямщик, не гони лошадей», Аверченко «Женщины и воры»¹⁴²⁶.

Но «Маленький театр» подобно своим старшим собратьям, видимо, скоро прогорел и каких-либо объявлений о выступлениях больше не было видно. Причина прогара, возможно, заключалась в приевшейся программе: фарс, гротеск, лубок, пародия и т. д. Репертуар других трупп, соединявших в своих программах балаган и классику, был более привлекателен.

Недолгая сценическая жизнь была и у открытой в июне 1926 г. русской артистической группы «Черная кошка» с ее оперетками, комедиями, фарсами, инсценировками, лубками, пением, характерными и балетными танцами¹⁴²⁷.

В «Самарканде» время от времени устраивались и бенефисы популярных артистов, привлекавшие белградцев. Так, 1 апреля 1925 г. русская читающая публика через «Новое время» оповещалась о бенефисе (5 апреля) С. Франка. На трактирных подмостках обещалась быть поставлена комедия Ренникова «Жена из Совдепии», в главной роли Юлия Ракитина, планировалось выступление артистки оперы М. Папковой, инсценировка

1421 Цит. по: Тихвинская Л. Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995. С. 153.

1422 Новое время. 1925. 27 янв.

1423 Новое время. 30 янв.

1424 Новое время. 1925. 6 февр.

1425 Новое время. 1925. 12 февр.

1426 Новое время. 1925. 14 февр.

1427 Новое время. 1926. 9 июня.

шлягера «Ханум» – музыка и слова С. Франка. Над декорациями для «Ханум» работал Ананий Вербицкий.¹⁴²⁸

11 июля там был объявлен вечер лучшего русского пианиста Бориса Александровича Игнатъева, играющего произведения русских и иностранных композиторов¹⁴²⁹.

Свои вечера-концерты устраивало в «Самарканде» и Белградское литературно-художественное общество. Так, 7 июня 1925 г. на одном из них должна была идти двухактная пьеса из советского быта «Уплотнение» Е. В. Глуховцовой. В пьесе действовали начштаба еврей Гроссман, его жена, хвастающая награбленным у «буржуев», красные офицеры, бывшая горничная и «бывшие» интеллигенты. Объявлялось участие «непременных» С. Франка – что-нибудь расскажет, М. Папковой – что-нибудь споет. Конферанс доверялся вести опытному в этом важном деле Ю. Ракитину¹⁴³⁰.

В 1926 г. «Самарканд» перешел в новые руки, и постепенно трактирная сцена опустела. В конце 1928 г. трактир стал именоваться столовая-буфет М. И. Михайлика¹⁴³¹.

Нужно вспомнить и выступления театра-ревю «Стрекоза» на сцене в ресторане «Русская круна (корона. – В. К.)» (улица Скопьянская, 11). В новой программе летнего сезона 1928 г. «Когда и где?» ставились такие сценки, как «Деревенская Арлекинада», «Шляпные картонки», «Али-баба», «Способы передвижения разных веков», «Паук и бабочка»¹⁴³². В целом, как отмечалось в «Новом времени», на сцене шли «перелицовки неувыдаемого Н. Агнивцева». Из недостатков – большие антракты и «тарелочный сбор среди публики». В газете с иронией подчеркивали, что эту «систему протянутой руки в ресторане... допустили в тех местах, где не берут денег за вход. Здесь же вопреки поговорке, дирекция старается содрать две шкуры: и за билет плата, да, кроме того, кладь на тарелку...»¹⁴³³.

У молодежи были другие возможности делать первые шаги в искусстве. Общество «Ассамблея» – любителей русского искусства всех направлений – нашло приют в ресторане «Теремок» (улица Короля Милана, 77). На последних вечерах были поставлены отрывки из пьес В. В. Романова «Когда умирает любовь» и его же одноактная пьеса «Развод» – режиссер В. Н. Плющевский-Плющик; «Хирургия», «Рассказ г-жи N. N.» А. П. Чехова, пародия на «Горе от ума» С. С. Страхова, «Китайский рай» Н. Я. Агнивцева (режиссер В. Щучкин)¹⁴³⁴. Оформляли спектакли Н. В. Мамонтов и А. М. Росселевич¹⁴³⁵.

Более успешным были выступления «отцов» в калейдоскопе трупп, таких, как пестербургская из 1917 г. «Би-ба-бо» под управлением супружеской четы Я. Яковлева и М. Ласки и сербо-русская «Весела кокошка» («Веселая курица») под управлением Н. Альвар

1428 Новое время. 1925. 1 апр.

1429 Новое время. 1925. 10 июля.

1430 Новое время. 1925. 5 июня.

1431 Новое время. 1928. 23 нояб.

1432 Новое время. 1928. 2 июня.

1433 Новое время. 1928. 4 июля.

1434 Новое время. 1924. 7 мая.

1435 Новое время. 1924. 17 мая.

и Е. Габаева. Программа в обеих группах выдержана была в стиле русских театров-миниатюр¹⁴³⁶. В «Би-ба-бо» в программе играли главную роль две пьески на сербском языке. Так, в шутке «Болтушка» (играли К. Сибирякова и Е. Евгеньев) муж не выносит болтовни жены и уходит из дома, а жена симулирует самоубийство. Имел успех у публики и «Ансамбль четырех кавалеров» Яковлев, Тамаров, Орлов, Евгеньев, равно как и комические куплеты Тамарова. Можно было услышать арии и романсы в исполнении Германович¹⁴³⁷. В «Веселой кокошке» играли сербские артисты Мила Данулович, Данулович 2-я; из русских – баритон Габаев; пианист и композитор Веселовский; фарсовый комик Харламов и др.¹⁴³⁸

9 июня 1927 г. в кафане «Славия» открыла сезон новая артистическая группа «Жар-птица». Режиссером и распорядителем стал преданный миру театра В. И. Щучкин. В программе миниатюры и сольные выступления¹⁴³⁹. В «Жар-птице», отмечали в «Новом времени», конферанс шел на сербском языке, что сразу завоевывало симпатии местной публики, прекрасные стильные декорации и костюмы. В программе: старые номера из репертуара дореволюционных театров миниатюр; лубок «Ванька и Танька», старый «Царь Ахрамей» и скетч из жизни апашей, репертуар «Театра ужасов». Добавлю, что «Сказка о премудром Ахромее и пресветлой Евпраксии» шла в 1912 г. в петербургском «Театре Мейсонье», программа которого определялась четырьмя словами – «Юмор. Сатира. Музыка. Краски». Название было плодом нехитрых рассуждений: «Есть Рубенс, но есть и Мейсонье. Устроим театр Мейсонье, театр небольших по объему сценических вещей». Рисуя картину этой сказки, рецензент сам впадал, пишет Л. Тихвинская, в «древнерусский стиль»: «Царь Ахромей все ест да пьет <...> горы высокие индеек, баранов и пирогов, окруженные озером из вин, да ласкает царицу. А сам старый, не то, что Чур-Чурилушка, добрый молодец с кудрями вихрастыми, со щеками румянными, с песней и пляской <...>. И уходит царица Евпраксия на утеху любви с Чуром, а вместо себя наряжает девку-чернавку. Но девка-чернавка тоже не хочет утех со старым королем и надевает женское платье на гусяра. И чудятся Ахромею рожи Евпраксии в трех лицах»¹⁴⁴⁰.

После таких довольно пошлых картин из псевдоцарского быта шли отдельные соль-ные выступления. Небольшой лирический тенор, две танцовщицы, исполнившие порознь и вместе характерные танцы. И в качестве сюрприза выступление с французскими шансонетками и песенками, «уже не молодых по рождению, но вечно юных по темпераменту. Прекрасный изысканный французский язык, каким говорят, кроме некоторых французов, только русские. Красивые изящные жесты. Много интимной шалости во фразировке...»¹⁴⁴¹

1436 Новое время. 1926. 29 апр.

1437 Новое время. 1926. 14 окт.

1438 Новое время. 1926. 27 июля.

1439 Новое время. 1927. 9 июня.

1440 Тихвинская Л. Указ соч. С. 152, 155.

1441 Новое время. 1927. 12 июня.

В октябре следующего, 1928 г., труппа давала представления в ресторане «Академия» на Кнез Михайловой улице. Программа составлена в стиле «Летучей мыши», «Кривого зеркала» и «Синей птицы»¹⁴⁴². В первую программу входили: «Кармен наизнанку» – оперетта-пародия; «Термометр любви» – веселые сцены; серенада трех кавалеров – буффонада; «Праздник в деревне» – веселый ансамбль. Режиссеры Л. В. Леонский и В. И. Щучкин¹⁴⁴³. Сама программа менялась еженедельно и состояла из доброго десятка номеров. Там были и гавот балерины Федоровой, номера стильной актрисы Таракановой, выступления Боровиковской в характерных ролях, певицы Фалиери с французскими шансонетками. Декорации Голдшмита, Дачевского, Антипова¹⁴⁴⁴. Можно упомянуть и сценку, в которой представлены три купе спального вагона – одно занято новобрачными, другое – старыми супругами, третье – веселящейся парочкой¹⁴⁴⁵.

Развлекали беженцев и оперетки, в основном представленные на ресторанных подмостках. Например, в 1925 г. в бывшем Свободном театре начались спектакли опереточной труппы, организованной В. Бураго-Цехановской. Была поставлена на сербском языке «Жрица огня» В. Валентинова. Неплохие отзывы в «Новом времени» получили Мария Ласка, Яша Яковлев, Сергей Бартенев (Бартеньев) и артист Данулович (раджа). Были отмечены декорации Трунова¹⁴⁴⁶. Можно вспомнить 1 мая 1936 г., когда в Русском доме шла оперетта В. Валентинова «В волнах страстей»¹⁴⁴⁷.

19 октября 1929 г. был открыт «Theatre Intime» (ресторан «Сити» в Пассаже Югословенского банка), театр художественных миниатюр по образцу петербургских театров. Во главе труппы стояла Вера Бураго¹⁴⁴⁸. Программа состояла из 2 отделений по 4 номера в каждом. Пресса отмечала «Песнь индийского гостя» из «Садко» в исполнении Говорова и в сопровождении танцев Драгневич и Ланшевского (Ланцшевский?), мелодраматический этюд С. Страхова «Роковая маска», разыгранный Гордановой (Гардановой) и Эккерсдорфом. Не были забыты и сцена искушения из «Таис» Массне в исполнении Бураго с Ланшевским и очаровательная «Осень» Шопена в исполнении Линевиц. Фурор вызвал любимец публики «Чарльстон» да вдобавок еще и «Эксцентрик». При этом костюм танцовщицы Драгневич состоял из минимального количества «тканей», остальное добавляла сама природа; словом, как выражался куплетист Павел Троицкий, «декольте до аппендицита»¹⁴⁴⁹.

Обязательным атрибутом культурной жизни русского Белграда были вечера-концерты, устраиваемые обычно по ресторанам. Так, в Русском ресторане (улица Дворская, 5) 5 апреля 1924 г. Е. И. Попова спела арию Маргариты, Н. Г. Волевач – арию из «Травиаты»,

1442 Новое время. 1928. 18 окт.

1443 Новое время. 1928. 20 окт.

1444 Новое время. 1928. 28 окт.

1445 Новое время. 1928. 3 нояб.

1446 Новое время. 1925. 18 июня.

1447 Царский вестник. 1936. 1 марта.

1448 Новое время. 1927. 18 окт.

1449 Новое время. 1927. 22 окт.

К. Томич – песню Бинички, А. А. Балабан – романс «Она хохотала». В. А. Нелидов пел тенором, баритоном, басом и меццо-сопрано. Концерт был устроен директором Королевской оперы С. Христичем для поправки материального положения одного бывшего артиста Императорских театров. Цена билета 30 динаров, т. е. бутылка смирновской в золоченой бутылке¹⁴⁵⁰. Играл оркестр Георгия Черноярова¹⁴⁵¹.

Здесь надо назвать и упоминавшиеся «субботники» литературно-художественного общества, устраиваемые с февраля 1921 г. по разным ресторанам, отелям, залам. Так, на исходе зимы в Русском ресторане «Златан лев» (улица Пуанкаре, 20) Ю. Ракитина читала стихи, О. Эрнани и В. Андреева выступали с цыганскими песнями, Ю. Ракитин декламировал, жестокий критик масонства Гр. Бостунич читал свои стихи, галлиполиец С. Мошин пел романсы, В. Борзов исполнял кавказские песенки. Гости также экспромтом выступали со стихами¹⁴⁵². На другом «субботнике» в октябре 1922 г. играл на балалайке ее виртуоз Валериан Шумаков, выступала Анна Александровна Степовая, приехавшая из Праги, с цыганскими и русскими романсами. Тембр голоса – глубокое контральто.¹⁴⁵³ В ее «Песнях улицы», писали в «Новом времени», звучала «вечная элегия жизни, которая близка сердцу каждого человека». Огромным успехом пользовались романсы «Подруга ль тебя разлюбила», «Продавщица фиалок»¹⁴⁵⁴.

И в завершении эстрадной темы позволю предложить «избранные места» из замечательных мемуаров Ольги Янчевецкой, которую знали и любили в Югославии – королевской ли, титовской ли.

Итак: 1921 г. Эмиграция.

«Через Сплит прибыли в Трогир, где на берегу с музыкой нас встретила множество горожан, приветствовавших нас “Да здравствует матушка-Русь!”, “Добро пожаловать!”» Эту сердечную встречу в этом небольшом городе-музее организовал католический священник Винко Брайевич, которого я не забуду, пока живу.

В то время как остальные беженцы были размещены в школе, меня приютила семья торговца Владе Рубиниона. Получила в свое распоряжение комнату и подружилась с Анкицей, женой этого богатого торговца, доброй душой. Желая хотя бы чем-то отплатить за гостеприимство, давала дочке Рубиниона уроки игры на рояле и французского. Вести из дома были все хуже, мать в России голодала, и я начала туда слать пакеты с едой. Чтобы заработать хотя бы немного денег наши эмигранты в Сплите тем летом 1921 года на своем собрании решили организовать театр Шишмиш (Летучая мышь – В. К.) <...>

С небольшой труппой Шишмиш побывали на многих островах, из которых мне в памяти остались: Вис, Хвар, Корчула, Комижа <...> Публика нас хорошо приняла, осо-

1450 Новое время. 1924. 5 апр.; Новое время. 1924. 10 апр.

1451 Новое время. 1923. 17 февр.

1452 Новое время. 1922. 9 марта.

1453 Новое время. 1922. 29 сент.

1454 Новое время. 1922. 11 окт.

бенно на Хваре, где выступали в старинном театре, вероятно, одним из первых в Европе. Там было все запущено и покрыто пылью, а акустика ужасна <...> Помню, что балерины были одеты в костюмы из бумазеи, так как не было денег на шелк. Все это не было важным, главное, что наше представление понравилось жителям и гостям <...>

Шишмиш – миниатюрный театр, находился в Сплите <...> Там мы показывали комические одноактные пьесы и небольшие оперетки, в которых блистали Радомский и Павлова <...>

В 1924 г. уехали в Загреб. Спали в кухне на полу у родственника Юрия Азбукина. Стала петь в небольшом ресторане “Москва” на Илище, который держал наш земляк Марк Иванович Гарапич. Он и раньше, взяв богатую жену из Замоскворечья, держал известный ресторан “Яр” со знаменитым цыганским хором и оркестром. Так и здесь, в Загребе, ресторан Марка “Москва” был полон русских эмигрантов – офицеров, которые топили тоску по родине борцом, пирожками, водкой и балалайкой...

В 1926 г. получила ангажемент в небольшом театре Би-ба-бо, который находился на месте нынешнего Дома молодежи. Этот театрик Яши Яковлева и его жены Марии Ласки находился в составе тогдашнего ресторана Загреб и имел прекрасный сад и большую сцену. Репертуар был разнообразен: балет, куплеты, одноактные пьесы, оперетки. Это было время танго, и я первый раз пела романсы на сербскохорватском языке, а публика меня засыпала гвоздиками и розами <...>

В 1927 г. перешли в отель “Славия” и выступали в саду <...> Нас так полюбила публика, что приходила слушать, даже когда падал дождь <...>

Выступала в загребском ресторане “Ройял” на Илище, который никогда не забуду <...> Храню пулю из револьвера, который некий слушатель в этом загребском ресторане нацелил на меня <...> и как только я завершила пение, раздался выстрел... пулю нашли где-то за сценой <...>

В 1934 г. оставила драматическую сцену, так как мне, как примадонне, мало платили. Тогда мне хозяин известного бара “Казбек” Рубен Ратинов предложил ангажемент <...> начала петь в известном русском ресторане “Казбек”, который находился напротив сегодняшнего Студенческого культурного центра. Целых три года я выступала в подвале элитного ресторана “Казбек”, где гостей встречал Петр Иванович в золотом обшитой ливрее. Этого старца, когда-то бывшего судьей, родом из Киева, посетители “Казбека” весьма уважали. Симпатичный Петр Иванович, здесь, на входе, был неподкупным судьей: он решал, кого можно пустить в локал, и при этом редко ошибался. Здесь я должна подчеркнуть, что в русские рестораны того времени выходили как в церковь. В них царили мир и порядок, а пьяницы и возмутители немедленно выставлялись. У нас царила почти семейная атмосфера: не было ни скандала, ни ругани, ни драки. Самыми частыми гостями были русофилы, любители романсов и нашей музыки. ... Вообще, можно сказать, что элитные рестораны того времени не были такими доступными, как сейчас, так как были недоступны и дороги для молодежи и обычной публики... Выступления в “Казбеке”

только увеличили мою популярность. На Радио-Белграде, студия которого находилась в помещении нынешней Академии наук, пела "вживую" перед микрофоном. Меня слушал весь мир, и я получала сотни писем... Когда в 1936 году в Народном театре был поставлен Ракинским "Живой труп" Толстого, я пела роль цыганки Маши <...>

В том же году с небольшим театриком "Веселая курица" гастролировала по Македонии <...> Помню, что в Штипе на первых представлениях были только мужчины, ни одной женщины! То же повторилось на другой день. А на третий день пришла одна женщина! Увидев, что мы серьезные, семейные, скромные люди, сразу же на наши представления валом повалили и девушки, и матери, и дети. Так и случалось, что приедем на две недели, а останемся на два месяца <...>

Осенью 1937 года за большой гонорар я перешла в прекрасный русский ресторан "Мимоза" в Коларчевой 1, где десятью годами раньше находился Кристалл-бар. Зная, что я пишу тексты песен, хозяин меня попросил написать рекламную песню, и вот так и появилась моя "Мимоза", начальные строки которой начинаются словами: "Я и не роза, и не тюльпан, и даже я не белая сирень... я только веточка мимоза, что прячет цвет – как заискрится день..."

В "Мимозе" пела многие чувствительные песни из репертуара Александра Вертинского, тогдашнего русского Арсена Дедича, и мои любимые мелодии: "Цыгане", "Друже мой", "Все мы были молодыми", "Голубой платок", "У меня золотой перстень на руке"... Да, тогда Сергей Франк сочинил известный романс "Золотой перстень", который так прижился, что меня один человек долго уверял, что это сербская городская песня. Никак не могла его разуверить, пока не показала типографские ноты с текстом Сергея Страхова и аранжировкой моего супруга Юрия Азбукина, который всегда мне аккомпанировал. Еще одна композиция Франка была весьма популярной. Называлась "Ханум", и я ее часто пела на Радио-Белграде, в "Казбеке" и "Мимозе". У нас еще был один Сергей (Вендерович), который из "Казбека" перешел к нам в "Мимозу" и был отличный интерпретатор русских военных песен <...>

В те годы несколько вечеров вместе с Жозефиной Беккер выступала в "Луксоре" <...> Накануне войны гостила в Загребе, вернулась в Белград 1 апреля 1941 г.

Лежала в гриппе с высокой температурой, которая разу упала, как только раздались первые ужасные взрывы. Испуганная, вместе с Юрочкой, сбегала с нашей мансарды вниз... Мы стояли в коридоре, я тряслась от страха, а все вокруг нас сотрясало от детонации. Помню только какого-то человека, стоявшего возле меня: без слов ткнул мне сигарету в губы и, зажегши спичку, сказал два слова: "Втяните дым!" Я глядела на него испуганно, а он продолжил приказным тоном: "Курите, госпожа, будет легче!" И я начала курить первую сигарету в жизни... После окончания воздушного нападения бежали к Вождовцу, а за нами оставались горящие дома, на улицах лежали убитые люди и кони <...>

Не хотела работать на немцев и выходила на улицу только для покупки продуктов. Была у меня целая делегация, умоляя меня выступить на волнах Радио-Белграда, нахо-

дившегося в руках оккупантов. Эта передача, где я должна была бы выступать, звалась *Весельчак*. Но я сказала: – Во время войны нет места песням!

Когда опять пришли, нашла другой ответ: – Не могу петь от страха, так как после бомбардировки потеряла голос.

Но и тогда меня не оставили в покое, поэтому должна была сказать им истину: – Поймите, мой репертуар таков, что могу петь только сердцем. А как петь романсы, когда вокруг себя вижу только несчастья: немилосердно убивают школьников, всюду слезы, боль и печаль! <...>

Освобождение славили <...>

Было много концертов, на улицах, в Манеже, в Коларчевом университете, в Русском Доме культуры, в больницах <...> Помню, что однажды нас в воловьей повозке возили на концерт под открытым небом, а в качестве гонорара получили кукурузу и тыквы <...> Часто нас (с мужем Юрием Азбукиным – В. К.) и ночью будили, чтобы ехать на концерт, но мы и не смели подумать об отказе. Все были довольны нами, а больше всего тяжелораненые, которые приветствовали нас от всего сердца.

В 1948 г. первый раз после войны подписала договор <...> о выступлениях в “Лотосе” <...> Потом пела в ресторане “Империал”. С 1955 пела в ресторане “Скадарлия”¹⁴⁵⁵.

И немного личного. В 1970–1980-х гг. в Белграде весьма популярным был ресторан с русским названием «Тройка», славившийся своей концертной программой. И действительно, я был в восторге от певицы Наташи, исполнявшей старые, но не терявшие очарования шлягеры, в основном одесские. Ее полное имя Наташа Шверидзе-Попович. Обладательница свежего, хорошо поставленного голоса, который сразу забирал зал, потом выступала в ресторане «25 май» (день рождения Иосипа Броз Тито) и в саду-ресторане под философским названием «Панта рей» («Все проходит»). Прошло уже немало времени, а впечатление от волшебницы Наташи не проходит.

А сейчас, в XXI веке, на одной из центральных улиц Белграда, около «Лондона», можно услышать русские песни в исполнении пожилого серба. Народ слушает. Я тоже заслушался, когда был в сербской столице.

---

¹⁴⁵⁵ *Димитријевић* К. Указ. соч. С. 55, 56, 57, 62, 65, 68, 69, 70, 72–80, 83, 84.

ВДАЛИ ОТ ЕВРОПЫ: БАЛЕТ И ЕГО МАСТЕРА

«То, что сделано в балете, должно только поражать и изумлять. Белградский балет в настоящее время, благодаря Поляковой и Фортунато, может доставлять большое удовольствие и искушенному балетману. Успех у публики балет имеет громадный и неизменно наполняет зрительный зал. На первом месте в балете необходимо поставить Кирсанову, московскую балерину, характерную танцовщицу и горячую, темпераментную исполнительницу. Весь состав балета насчитывает 45 человек, из них 30 русских балерин и танцовщиков. Из русских балерин следует отметить прекрасных характерных танцовщиц Оленину, Шматкову, Грунд и Нечепоренко, опытную танцовщицу Бологовскую и подающих надежды молодых Ланкау и Васильеву. Конечно, балету еще многого недостает, но время, школа Поляковой и неукротимая энергия и талант режиссера дают надежду, что балет не застынет на достигнутом. С большой гордостью и радостью мы все русские смотрим на это наше создание»¹⁴⁵⁶. Эти слова можно отнести ко всему творчеству русских мастеров искусства балета на югославской земле. Солистами, блиставшими на балетной сцене, были и Яна Васильева, Ксения Грундт-Дюме, Александр Доброхотов, Анатолий Жуковский, Нина Кирсанова, Борис Князев, Наталия Миклашевская, Елена Полякова, Антон Романовский, Сергей Стрешнев, Александр Фортунато, Маргарита Фроман, Максимилиан Фроман...

*

*

Начну с Белграда. В отличие от оперы в балете не было языковой проблемы, но само искусство Терпсихоры было определенным «вторжением» для сербской культуры. В газете «Политика» так был обрисован концертное выступление в 1921 г. русской балерины Маргариты Фроман, ее коллег и учеников: «Долгожданный русский балет <...> представил на суд многочисленных зрителей множество мелких пьесок. Мы имели возможность насладиться художественной продукцией ног, весьма выразительных и красноречивых <...> Госпожа Фроман живо и грациозно исполнила свои элегантные номера, а госпожа Бекефи, дама темпераментная, танцевала с необычайным огнем и такой стремительностью, что публика все время с замиранием ждала, что у нее вот-вот отлетит либо рука, либо нога. Лишь она была на сцене в длинной юбке, что, впрочем, не помешало ей до пояса оголить свое искусство»¹⁴⁵⁷.

И тем не менее... Во многом благодаря совместным усилиям директората Народного театра в Белграде и собственно русских артистов сербская публика «приучалась» видеть балетное искусство вначале в виде номеров в оперных спектаклях. Потом, опять-таки

1456 Театрал. Русское искусство в Королевстве С.Х.С. С. 43.

1457 Павлович М. Становление оперы и балета в белградском Народном театре и русские артисты // Русская эмиграция в Югославии. 1996. С. 306–307.

вследствие обоюдного интереса в 1920 г. создается под руководством известной балерины Клавдии Лукьяновны Исаченко «Малая балетная школа». Последовательница стиля Айседоры Дункан, т. е. пластического балета, она внесла свой скромный труд в развитие этого искусства в Сербии. Кстати, она поставила несколько балетных вставок в операх, самой интересной из которых была в «Сказках Гофмана» (1921 г.)¹⁴⁵⁸.

После своего переезда 1924 г. в Вену она вместе со своими пятью лучшими ученицами, из которых три были сербки, организовала довольно удачное турне по Европе¹⁴⁵⁹. Добавлю, что ее стиль работы продолжила в своей школе белградка М. Магазинович¹⁴⁶⁰.

Здесь можно вспомнить и В. Д. Чалееву, руководившей школой танцев (Короля Милана, 69), в которой обучали пластике, ритму, бальным, но не модным, танцам. Месячная плата за 12 уроков составляла небольшую сумму, всего 120 динаров¹⁴⁶¹. Это примерно была одна пятая жалованья неквалифицированного рабочего. В 1929 г. в Манеже прошел детский спектакль ее школы «Четыре стихии»¹⁴⁶². Своей балетной школой в Белграде она заведовала сорок лет¹⁴⁶³.

Ежегодно белградская читающая публика через прессу оповещалась о годовых концертах учащихся этой заметной в столице школы.

Вскоре она влилась в Актерско-балетную школу Народного театра, где хореографию стала вести Елена Дмитриевна Полякова.

Эта замечательная балерина родилась 7 мая 1884 г. в Санкт-Петербурге (у К. Шукульевич-Маркович – Рыбинск). Поступила в северной столице в балетную школу, училась в классе Клавдии Михайловны Куличевской, дружила с Тамарой Карсавиной. После завершения в 1902 г. учебы ее приняли в Императорский Мариинский театр. Уже в 1903 г. Елена была переведена в звание корифейки кордебалета (Корифейки обычно стоят по краям каждого кордебалетного ряда и помогают кордебалету ровно держать строй и танцевать синхронно, — по их движениям будут ориентироваться все остальные, поэтому это звание дают лишь самым сообразительным), в 1904 г. в звание второй балерины. Танцовщицей первого ряда она стала в 1913 г. и тогда же награждена серебряной медалью на Владимирской ленте. В 1908 г. балерина попала в труппу Адольфа Болма на гастроли по северной Европе – Хельсинки, Стокгольм, Копенгаген, Прагу и Берлин, танцевала вместе с Анной Павловой. Репертуар – «Коппелия», «Жизель», «Пахита», «Волшебная флейта», «Лебединое озеро» (II действие) и др. В 1909 г. Полякова с труппой вновь в дороге, в турне. В том же году Елена Дмитриевна вышла замуж за Владимира Николаевича Седикова. В 1910 г. в Париже в труппе Дягилева она стала ведущей

1458 Драгутинович Б. Указ. соч. С. 145.

1459 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 225.

1460 Там же. S. 225.

1461 Новое время. 1925. 10 июля.

1462 Новое время. 1929. 23 мая.

1463 Гортинский <http://www.burenkov.ru/genealogy/drevo/apchalaeva.html>

солисткой. После революции в конце 1918 г. Полякова уехала на юг. Некоторое время балерина пробыла в Кисловодске, где в «Казино-театре» участвовала в благотворительных концертах и давала часы мастерства. Концертмейстером ее был Сергей Прокофьев. Потом мелькали города: Одесса, Царьград, Салоники, Скопле, Люблина. 14 февраля 1922 г. Елена Дмитриевна Полякова прибыла в Белград с партнером и учеником Сергеем Стрешневым и ученицей Меткой Франке. Тогда в театре было 8 балерин, 11 начинающих во главе с Клавдией Лукьяновной Исаченко, как режиссером. Не было поставлено ни одного балетного спектакля, только дивертисменты. После триумфального выступления им было предложено остаться в Белграде. Полякова – прима-балерина, хореограф, режиссер в Народном театре и педагог классического балета в актерско-балетной школе, основанной в 1921 г. Сергей Стрешнев – первый танцовщик.

Первый белградский сезон в Народном театре Полякова начала 1 сентября 1922 г. постановкой балета в опере «Проданная невеста» Сметаны. В том же сезоне представила зрителям и «Шехерезаду», «Щелкунчик», «Сильфиды». В последующие сезоны Елена поставила балеты в операх «Кармен» Бизе и «Еврейка» Фроменталья (4 апреля и 15 мая 1923 г.), в которых танцевала заглавные партии. 11 июня 1924 г. Полякова в «Коппелии» играла Сванильду. В оперно-балетном репертуаре Полякова станцевала еще одну партию в «Пиковой даме» Чайковского и как хореограф поставила два балетных номера в операх: «Лакме» Делиба 23 ноября 1923, «Манон» Массне 1 февраля 1924 г. В сезоне 1924/25 г. она исполняла сольную партию в опере «Аида» 1 мая 1925 г., в «Лебедином озере» 29 июня 1925 г. Как хореограф Елена Полякова 29 октября 1924 г. поставила танцы в драме «Свадебный марш» А. Батая. В мае 1925 г. она выступала в Сараеве. В сезоне 1925/26 г. балерина сыграла Королеву фей в «Жизели» и др. В балетно-актерской школе она поставила балет-пантомиму «Кот в сапогах» В. Нелидова в трех картинах. В следующем сезоне Полякова играла Аврору в «Очарованной красавице». Ангажемент Елены кончился в сезоне 1926/27 г. и не был возобновлен руководством театра, стремившимся дать дорогу национальным кадрам. Она продолжала выступать, но уже как приглашенная балерина в отдельных балетных спектаклях. 21 мая 1929 г., отметив 25-летие выступления на сцене выступлением в роли Царевны в балете Ц. Пуни «Волшебный конек», она простилась с белградской публикой. Награждена орденами св. Савы 5-й и 4-й степеней. Круг судьбы завершился: Елена исполняла эту партию после окончания училища в Царском селе перед русским монархом и завершила в том же балете перед югославским королем. После ухода с балетной сцены, на которой она выступала с Вагановой, Преображенской, Кшесинской, Павловой, Карсавиной, Спесивцевым, Легатом, Фокиным, Нижинским, много времени Елена Полякова отдавала педагогике, которой она занималась с 1922 г. в актерско-балетной школе. После того как в 1927 г. она, вследствие недостатка денег, закрылась, Елена Дмитриевна открыла свою студию. Именно там готовились артисты и артистки балета, мастерство которых будет восхищать поклонников этого завораживающего своей красотой искусства. Полякова воспитала и выпустила Бошкович, Живкович, Ристича

(все из Сербии), Оленину, Бологовскую, Ланкау, Полонскую, Корбе, Грундт, Васильеву, Жуковского, Панаева, Гребенщикова, Российского, Доброхотова, Юскевича, которого в США после второй мировой войны считали вторым Нижинским и других. Некоторые из ее воспитанниц открыли свои школы. В Париже, этой мировой столице искусства, можно было услышать, что белградская балетная школа лучше парижских. В русской прессе подчеркивали: «В школе Поляковой, кроме русских, много и сербских учениц, – сама школа так прочно срослась с Белградом, стала неотъемлемой частью его культурной жизни, – что восторженные отчеты сербских газет с одинаковой радостью называют, независимо от национальности, имена новых балерин, созданных школой Поляковой». Уроки мастерства у нее брали и солисты из Народного театра. С 1937/38 г. по 1940/41 г. Елена Дмитриевна вела балетный класс в Средней музыкальной школы при Музыкальной академии в Белграде. В марте 1943 г. Полякова с мужем, дочерью и зятем покинули Белград. По некоторым данным, причина отъезда была в том, что зять, также русский, бывший на немецкой военной службе, должен был отправиться на Восточный фронт. Свой класс в Музыкальной академии и учеников своей школы Полякова передала танцовщику и педагогу Милораду Йовановичу Милету. 15 марта 1943 г. она простилась с учениками и на следующий день уехала поездом в Вену. Начались несчастья. В дороге заболел муж, у нее случился инсульт, после чего с трудом говорила. Тогда она работала в венской «Volkssoper» и в балетной студии Dia Lussa, потом в Кицбухеле, где ей помогал ее бывший ученик Борис Пилат, затем в Инсбруке аранжировала балетные номера в операх и опереттах. Поставила балет в оперетте «Бал под маками». Перед входом советских войск в Вену Полякова двинулась к Мюнхену, к западной зоне. В поезде умер муж. Похоронила она его через три дня в Зальцбурге. Между 1947 г. и 1949 г. теряется ее всякий след. Где-то в беженском лагере Полякова ждала визу в США. В 1949 г. с дочерью и зятем она прибыла в Чили: сняла студию, давала часы, потом была принята педагогом в Национальный балет Чили и в оперный Муниципальный театр в Сантьяго. Проработав 20 лет, Елена Дмитриевна ушла на пенсию. Балетный архив в Сантьяго носит ее имя Archivo Internacional de Ballet «Elena Poliakova». Мэр Сантьяго наградил ее Золотой медалью Сантьяго. В июле 1972 г. Полякова заболела и после выхода из больницы умерла дома. Похоронена на Русском кладбище под Сантьяго¹⁴⁶⁴.

Но это, можно сказать, официальная биография. Несколько иной портрет рисует Ксения Грундт-Дюме, тренировавшаяся в ее школе (в дальнейшем просто Ксения Грундт, как она себя называла). В своих воспоминаниях она пишет: «Не знаю, какой она была в молодости, но когда я с ней познакомилась она была невероятно холодна. Мне кажется, что Театр перестал ее интересовать. Конечно, у нее остались замечательные, как бы выточенные

1464 Павлович М. Становление оперы и балета. С. 307; Россия и славянство. 1933. 1 июля.; Р. Русское искусство в Югославии // Часовой. (Брюссель) 1969. С. 32; Драгутинович Б. Указ. соч. С. 144; Шукульевич-Маркович К. Елена Димитријевна Пољакова // Руси без Русије. С. 46, 48, 49–55; Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 213, 214.

колени, узенькие как бы бесколненные чашечки и крепкий носок. Хорошая спина. Она очень хорошо показывала “адажио”, когда хотела, но <...> большей частью предпочитала сидеть в кресле, положив свои великолепные С. 91 выворотные ноги на табурет и показывая «па» руками, или говоря названия. Какая разница со значительно более пожилой О. О. Преображенской, котор[ая] вообще в классе не садилась! Любимым занятием Е. Д., во время уроков, были рассказы о... том, как давно у нее не было детей, а затем как были тяжелы роды! Лицо ее вообще не было выразительно, а т. к. у нее были не особенные зубы, то улыбка на нем появлялась редко¹⁴⁶⁵.

Добавлю, что ее дочь, кажется, Ксения стала виолончелисткой, давала концерты в Белграде, потом уехала из страны.

Москвичка Оленина (в замужестве – Оленина-Драгович) Марина Петровна (1907–1963) родилась в театральной семье: ее отец был врачом и талантливым певцом, Станиславский приходился ей дядей. Балету она начала учиться с девяти лет в Московском хореографическом училище. В сезоне 1923/24 г. ценители искусства Терпсихоры получили возможность увидеть первый раз ученицу Поляковой на сцене Народного театра в Белграде.

Немного из формулярного списка. Прима-балерина и хореограф с 1 марта 1923 г. до 31 июля 1931 г., потом с 1 сентября 1933 г. до 31 мая 1935 г., затем с 1 сентября 1936 г. до 31 июля 1939 г., и с 1 августа 1940 г. до 30 апреля 1941 г., когда оставила сцену¹⁴⁶⁶.

В ее репертуаре были и выступления в «Лакме» (1924 г.), «Половецком лагере» (1925 г.), «Жизеле» (1926 г.), «Пряничном сердце» (1927 г.), «Раймонде», «Жар-птице», «Петрушке» (1928 г.). В белградской «Правде» о ней писали, что в своем танце солистка белградского балета стремится выразить «спиритуальную субстанцию» сюжета. В ее партиях «нет ничего поверхностного и импровизированного»¹⁴⁶⁷.

В начале 1930-х гг. Оленина уехала на два года в Париж, где стажировалась у Матильды Кшесинской, Ольги Преображенской, Леонида Мясина. В 1933 г. она возвращается в Белград. В 1934 г. уже как прима-балерина она выступает в таких спектаклях, как «Самсон и Далила», «Эндимион» (1934 г.)¹⁴⁶⁸. Однако уже через год Марина Оленина пошла на разрыв контракта с руководством театра. Как объясняла балерина в прессе, на такой решительный поступок ее вынудила закулисная атмосфера сплетен и подстав: «при таком режиме управления в нашей Опере нет места искусству». В такой ситуации, утверждала Оленина, ее достоинство не позволяет ей сотрудничать с директором оперной труппы театра. 20 мая 1935 г. белградская «Правда» сообщала о расторжении контракта с Мариной Олениной вследствие «дисциплинарного проступка по отношению к директору оперы»¹⁴⁶⁹.

¹⁴⁶⁵ Грундт Кс. Указ. соч. С. 90–91.

¹⁴⁶⁶ Архив М. П. Олениной (Музеј позоришне уметности Србије).

¹⁴⁶⁷ Там же.

¹⁴⁶⁸ Там же.

¹⁴⁶⁹ Там же.

Потом было возвращение и заключение нового контракта на радость театральной публики, высоко ценившей талант «своевольной» русской балерины, и позднее смело отстаивавшей свои интересы перед театральными чиновниками¹⁴⁷⁰.

Ее решительный характер в полной мере раскрылся в годы Второй мировой войне, когда она – единственная, пожалуй, из всех русских балерин – участвовала в народно-освободительной борьбе. С апреля 1941 г. она предоставила свою комфортабельную квартиру на улице княжны Персиды, № 88 группе нелегалов, в числе которых был и Владимир Попович, будущий посол ФНРЮ в США. Из-за опасности ареста уехала в Черногорию, где Оленина собирала немецкие штабные данные для последующей передачи в Штаб народно-освободительной борьбы в Черногории, выполняла другие работы. С середины 1941 г. по сентябрь того же года была в тюрьме. Летом 1944 г. Марина Петровна ушла к партизанам, трудилась санитаркой во II корпусе Черногории¹⁴⁷¹.

После возвращения из армии работала главным хореографом Народного театра в Белграде, была художественным руководителем, хореографом и педагогом балета Художественного ансамбля Югославской Народной армии. В 1950 г. Марина Оленина стала основательницей балетной труппы в Народном театре в Нови-Саде.

В первые послевоенные годы, когда с «балетной экипировкой» было тяжело, покупала за границей многое для балерин. На сценах югославских городов она ставила хореографию и была режиссером многих балетов классического репертуара, а также балетов югославских композиторов. В частности, поставила «Шехерезаду» на столичной сцене. Марьяна Оленина награждена Орденом за заслуги перед народом. В 1963 г. опубликовала в 16 номерах газеты югославских коммунистов «Борба» (с 19. 06. по 06. 07.) ряд очерков о Марии Лилиной, жене и сподвижнице Станиславского¹⁴⁷².

Все вроде бы складывалось, но это только на первый взгляд. В 1959 г. ее знакомая или родственница писала актрисе театра Моссовета Алле Севостьяновой: «Марина сильно тоскует... по всем: по березам, по Подмосквью, одним словом, по Родине»¹⁴⁷³. И еще одна выдержка из письма самой Марьяны к родственникам (без даты): «Новостей никаких, прозябаем понемногу. Я больше дышать не могу в Белграде»¹⁴⁷⁴.

Сейчас архив Марьяны Олениной хранится в Музее театрального искусства Сербии и ждет своего кропотливого исследователя.

И напоследок: по предложению сербской балерины Gabriella Велимирович в 2011 г. ей перед был поставлен памятник из белого мрамора перед зданием «Сербского народного театра» в Нови Саде.

1470 Там же.

1471 Там же.

1472 Драгутиновић Б. Указ. соч. С. 151.

1473 Архив М. П. Олениной (Музеј позоришне уметности Србије).

1474 Там же..

Другая ученица Поляковой – Васильева Яна Владимировна (1912, Варшава) также танцевала на сцене Народного театра в Белграде. В 1942 г. с мужем, А. Жуковским, покинула Югославию. Выступала в Вене, Германии, Франции. До 1950 г. входила в труппу «Оригинального русского балета» полковника де Базили в Европе. Потом была Америка. В США Яна Васильева стала балетным педагогом в Сан-Франциско и преподавала балетное искусство в собственной студии «Про арте» в Паоло Альто¹⁴⁷⁵.

Ее муж балетмейстер Анатолий Жуковский писал о ней: «самым главным фактором моей жизни было мое счастливое супружество с Яней, которая оказалась не только идеальной женой, но и другом, сотрудником, единомышленником и поддержкой во всех моих начинаниях и тяжелых минутах жизни...»¹⁴⁷⁶.

Из воспитанниц школы Поляковой можно назвать Павлову Марию Николаевну (Ловцова) (1925–2016), балетное образование закончила в Вене. Она вначале блистала в гимназии, покоря мужскую половину свои талантом. Потом, уже в Аргентине, после 1945 г. она сотворила первую школу русского классического балета¹⁴⁷⁷.

Школа Поляковой пополняла состав труппы Народного театра в Белграде. Например, после ее окончания туда была принята Проскурникова Ариадна (Ара) Павловна (1915–?). Вышла замуж за британского подданного Хадсона, ставшего по некоторым сведениям прототипом Джеймса Бонда. Разошлась с ним после некоторого времени, не желая «менять» Белград на провинцию¹⁴⁷⁸.

Трудная судьба сложилась у другой ученицы знаменитой балерины – Акинфиевой (Акинфьевой) Татьяны Николаевны (Смит) (1919–2011). Балерина также была принята в балетную труппу, в составе которой танцевала в предвоенные, военные и послевоенные годы. После освобождения Белграда (20 октября 1944 г.) все русские эмигранты были обязаны пройти регистрацию в милиции. Для ее эта процедура закончилась отправкой в лагерь «Баница». Там она пробыла месяц – с 28 октября по 27 ноября 1944 г. Известно, что только в 1950-е годы ей удалось покинуть коммунистическую Югославию. Будучи в США открыла балетную школу, в которой преподавала еще в последнее десятилетие XX столетия¹⁴⁷⁹.

Балетоманы хорошо знали и свою белградку Полонскую Тамару Константиновну (1919, официально 1920–1998). Балерина, педагог, хореограф, она с 1937 г. постоянно выступала на сцене Народного театра в Белграде. Отмечена была в ряде сольных партий. В послевоенные годы вместе с балетом занималась педагогикой, вела класс балета не только в Белграде, но и в ряде других городов Югославии. После ухода на пенсию в 1970 г.

1475 Арсеньев А. Биографски именик. С. 238–239; Незабытые могилы. 1999. Т. 1. С. 636–637.

1476 Жуковский А. М. Мой жизненный путь. Копия. (Архив автора.)

1477 Гимназия в лицах. Кн. Вторая. С. 332.

1478 Там же. С. 359.

1479 Там же. С. 396–397.

продолжила педагогическую деятельность, частности, при Академии искусств в югославской столице¹⁴⁸⁰.

В балетном мире была и своя поэтесса – Шуминская Марина Ивановна (Лебедева) (1918–1961). В 1940 г. она выпустила книжку стихотворений «Зарницы: стихи». Во время оккупации числилась в балетной труппе Народного театра. Потом, спустя время, были Соединенные штаты Америки¹⁴⁸¹.

Было известно ценителям балета и имя упоминавшейся уже балерины Ксении Федоровны Грундт (1906–1979), солистки Народного театра в Белграде, стажировавшейся в Париже под руководством Ольги Преображенской. В октябре 1930 г. по возвращении из Лютеции она, надо полагать, восхитила привезенными оттуда танцами всех «направлений и стилей от классических до гротесков и характерных и индусских танцев – последнее увлечение Парижа»¹⁴⁸². Добавлю, что балерина много гастролировала в Бельгии, Голландии, Франции. Участвовала в драматических спектаклях¹⁴⁸³. Из ее учеников можно выделить блистательного Игоря Юскевича (Юшкевича) (1912–1994), которого сравнивали с Вацлавом Нижинским, легендой балетного мира. На большие постановки на белградскую сцену приглашали Маргариту Фроман из Загреба, Елизавету Никольскую из Праги, Бориса Романова из Метрополитен Опера, поставившего «Болеро» Мориса Равеля и «Тамару» Милия Балакирева¹⁴⁸⁴.

Из балетмейстеров, работавших в Королевстве, следует упомянуть Федора Васильева. С его именем связана интересная теория «балетного контрапункта», дающего «гармоническую целостность». Однако практическое применение этой теории в сезоне 1926/27 года в хореографии Вальпургиевой ночи в «Фаусте» закончилось провалом. Поэтому от этой теории пришлось отказаться при постановке «Спящей красавицы». Да и третий балет П. И. Чайковского, «Щелкунчик» был представлен зрителям в традиционной хореографии М. Петипа¹⁴⁸⁵. И опять слово язвительной Ксении Грундт: «на 1927 год был неожиданно приглашен г-н Васильев. Весь год репетировали “Спящую красавицу”. Соло получили все статисты. Получилась не программа а?... роман: столько было имен. А результат? Нагромождение кусочков и постановка без особого интереса и вдохновения. Успех у публики был значительно меньший, нежели “Копелия” и, в особенности, “Лебединое озеро” (Фортунато) “Соло” г-н Васильев не танцевал – то есть классику. Он выступал в испанских танцах в “Кармен”. Красовался: тонкий, элегантный стильный в паре с характерной танцовщицей, очень красивой женщиной, но... котор<ая>. не могла выдержать сравнения с огненной Ниной Кирсановой... Г-н Васильев годами ездивший на

1480 Там же. С. 495.

1481 Там же. С. 663.

1482 Новое время. 1930. 9 окт.; Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 259.

1483 Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными. С. 558.

1484 Конради Д. Русские эмигранты в музыкальной жизни Белграда // Новое русское слово. 1982. 22 сент.

1485 Драгутинович Б. Указ. соч. С. 145.

русские сезоны в Барселону оговорил себе этот срок, но его отсутствие в разгар зимнего сезона вряд ли обрадовал дирекцию и, вероятно, повлиял на то, что г-н Васильев пробыл в Белграде лишь один год. Он был со всеми любезен, сиял искусственными зубами – у него была красивая благородная голова с копной седеющих волос, тоненькая юношеская талия, изящество и мало таланта»¹⁴⁸⁶. С таким характером, Ксения, вероятно, умела наживать врагов.

В историю сербского балета вошло и имя танцовщика и балетмейстера Александра Фортунато (наст. фамилия Шольц). Эпиграфом к его многогранному творчеству может служить фраза: «Отлично, как всегда», сказанная сербским критиком Тодором Манойловичем в связи с постановкой Фортунато балета в опере «Царская невеста»¹⁴⁸⁷. Родом поляк, варшавянин, он после овладения техникой в родном городе и в Берлине, постигал тонкости балетного искусства в Санкт-Петербурге. Режиссуре и драматургии балета учился у Юрия Ракитина, работавшего тогда императорском театре в Северной Пальмире. Добавлю, что Фортунато для того, чтобы глубже проникнуть в историю балета изучал археологию. Занятия в Британском музее позволили ему собрать материал, послуживший в работе над постановками. Работал он два с половиной года в Львовской опере, где ставил балеты и танцевал. Кстати, там Александр познакомился с Ниной Кирсановой, спрашивавшей у него на улице как пройти в театр. Во время завязавшегося разговора выяснилось, что у него, балетмейстера, нет партнерши, а у нее, прима-балерины, – партнера. В итоге, после десяти дней репетиций они вышли на сцену, на которой танцевали два с лишним года. В Бухаресте работал Фортунато также балетмейстером. В Петрограде вместе с Ракитиным он входил в труппу «Би-ба-бо»¹⁴⁸⁸. В Белград Фортунато прибыл из Варшавы, но пробыл в сербской столице всего пару сезонов. Тем не менее, его работы помнят до сих пор.

О опять слово прямой Ксении Грундт: «в апреле 1926 года балетмейстером был – Александр Фортунато. Он только что поставил с большой фантазией “Лебединое озеро”, имевшее огромный успех... Даже враги г-на Фортунато признавали, что в “Лебедином озере” он проявил большую изобретательность. Например: в 1-ом действии у нас под длинными пачками загорались электрические лампочки, те же “светлячки” были у нас в букетах цветов. Феерия? Возможно – но... балет делал битковые сборы, что дирекции и было нужно»¹⁴⁸⁹.

И еще одна «картинка» из ее воспоминаний: «Г-н Фортунато вел репетиции совсем иначе, чем Маргарита и Макс Фроман, у него ничто не было заранее готово и своим “гениальным” творческим созданиям он предавался по ходу бесконечных репетиций. Работал он зверски не считаясь ни с временем, ни с силами труппы. Несмотря на грубости и крики, настоящей дисциплины не было. В связи с такой системой репетиций времени

1486 Грундт Кс. Указ. соч. С. 143, 144–146.

1487 Манойлович Т. Царска невеста // Comoedia, № 43, 21 июня. 1925.

1488 Comoedia, 1926. № 40.

1489 Грундт Кс. Указ. соч. С. 67–70.

для регулярных упражнений не было. Тело для работы у нашего балетмейстера было такое: на голове канотье (?) обнаженный торс (было действительно очень жарко!). Через плечо – полотенце. Вместо трико на ногах... «невывразимые, длинные и шерстяные (!). Возле него бутылка с содой из кот. он и пил и себя поливал... Запросто перед тем как «вертеть» пируэты (он их делал хорошо) он очищал нос ... при посредстве пальцев. Я не хочу этим сказать, что г-н Фортунато был «от сохи» или дурно воспитан, нет – уверенный в своем таланте, он «оригинальничал» и позволял себе некоторые вольности «великого балетмейстера». Он поставил балеты: «Коппелию» и «Половецкий лагерь» – на свой лад, было большое количество кнотов, что, однако, хореографии не помогало»¹⁴⁹⁰.

Такие строки придают больше живости миру балета и его мастерам.

И конечно, нельзя не назвать имя Анатолия Михайловича Жуковского (1906–1998), балетный танцор, солист, хореограф, режиссер, шеф балета Народного театра в Белграде 1925–1943 гг. Детство провел в родительском имении Сурмачевка, Царства Польского. С началом первой мировой войны Анатолий был привезен в Россию, где поступил в Киевский кадетский корпус имени св. Владимира. Находился вместе с отцом в составе Добровольческой армии. В 1920 г. во время Новороссийской эвакуации Анатолий эмигрировал с отцом в Салоники, где вступил в ряды скаутов, связав всю последующую жизнь с этим молодежным движением, отдавая ему все свободное время, имел «лесное» имя «Сип». В 1922 г. Жуковский был отправлен в Королевство сербов, хорватов и словенцев для продолжения образования в Крымском кадетском корпусе в Белой Церкви. После его завершения в звании вице-унтер-офицера в 1922 г. Анатолий поступил сразу в Белградский университет на строительный факультет и, как бедный студент, был рад всякой работе, за которую могли заплатить. Так он был принят в 1922 г. в Белградскую оперу статистом оперы и драмы. Днем Анатолий учился, а вечером спешил в оперу – работать. Потом, по совету Александра Фортунато он поступил в балетную школу Елены Поляковой. Его талант заметила и поддержала не только Полякова, но и Анна Павлова, школьная подруга Поляковой, приехавшая в гости в Белград. Постепенно, заменяя уезжавших на гастроли артистов, он стал исполнять весь балетный репертуар. «Так как уже я заиклился на балете и потерял всякий интерес ко всему иному, хотя и еще числился студентом, но главным был балет, и мне, – писал А. Жуковский в своей «Исповеди», – всучили главные роли. Я не был готов к этому, но им было нужно, и они меня уговорили. Вероятно, был смешон как Дон Жуан у Кристофа Глюка, но это мне много помогло, так как я обращал внимание на себя, на то, как я работаю. И день, и ночь учился, репетировал, читал. Вошел в постоянный состав Народного театра, т. е. стал чиновником Королевства Югославии. Плата была мизерной, но я не был голоден». Первый раз его имя упоминается в официальном списке танцовщиков балета Народного театра в сезоне 1925/26 г. С сезона 1927/28 г. он солист балета. Потом по приглашению Ф. А. Васильева с русской Оперой Жуковский выступал на гастролях в Барселоне: в 1927 г.

1490 Там же. С. 76–77.

как солист, в 1929 г. как помощник Васильева. Начал ставить самостоятельно некоторые хореографии. По возвращении он ставил хореографию балета «Путешествие вокруг мира» Б. Нушича, обратившего на него внимание и поселившего его к себе, пока Жуковский не прищел себе квартиры. «Я у него жил три месяца. Он меня называл “Скакавац” (кузнечик – серб.). У него была пожилая родственницы, которая заботилась и обо мне. Чувствовал себя как сыр в масле. Так началась моя хореографическая карьера». Одновременно Анатолий продолжал солировать в балете. Потом заменил Макса Фромана в главной роли «Конька-Горбунка» – Иванушку Дурачка. С 1932/33 г. Жуковский первый танцовщик. В 1932 г. он венчался с прима-балериной Яной Васильевой (1912, Киев). Танцевал он больше всего с Наташей Бошковиц, Аницей Прелич (сербками по национальности), Яной Васильевой, Ниной Кирсановой, Мариной Олениной. В середине 1930-х гг. Жуковский был назначен исполняющим обязанности балетмейстера. С 1938 г. приставка «и. о.» была снята. С 1935 по 1941 гг. Анатолий Михайлович поставил 11 балетов в операх и 10 хореографий в балетном репертуаре. В 1938 г. после выступления в Болгарии он получил орден от царя Бориса III. Много времени Жуковский отдавал изучению народного танца. Поэтому неудивительно, что он был в числе организаторов неофициальной группы фолкбалета. В Коларчевом университете ее выступление было встречено восторженно публикой. В 1938 г. на фестивале в Праге на всеокольском слете эта группа получила первую награду. Перед войной Жуковский ездил в Берлин для постановки югославских спектаклей. Там он познакомился с тамошними театрами, критиками, вел в Берлинской консерватории семинар по фольклору южных славян. Во время войны Анатолий Михайлович поставил патриотический балет «В долине Моравы» (С. Настасьевич, S. Nastasijević), выдержавший только четыре представления, после которых он был закрыт немцами, увидевшими в нем «националистическую пропаганду». В 1941 г. Жуковский пошел добровольцем в армию, воевал до «непобедного конца», попал в плен к немцам, бежал на третий день и вернулся в Белград, где русские-антикоммунисты стали ненавидеть Жуковского и его жену за то, что они не с ними, а сербы за то, что не идут в партизаны. Сам же он, по его словам, не был героем, не был в состоянии бросить Яну, которая не могла идти «в лес». Положение «с тремя не» осложнялось тем, что их успехи в балете многим кололи глаза. В 1943 г. было принято решение об отъезде в Германию, где было много знакомых. В Третий рейх они уехали по так называемой рабочей визе. Однако стоять у станка им не пришлось: в Берлине коллеги их устроили в консерваторию преподавать балет и фольклорные танцы. Вскоре они смогли перебраться в Вену. Там Жуковский стал в знаменитой опере работать балетмейстером, а Яна – балериной. Кстати, на ее сцене он поставил и балет, основанный на хорватском фольклоре. В конце войны, когда театр был закрыт, Жуковский сумел выйти к французской армии, перешедшей Рейн. Стал ее солдатом, освобождал Штутгарт и другие города. После завершения войны Жуковский остался до 1948 г. во французской армии (5-ая бронированная дивизия) как артдиректор «Сервис артистик», в котором стала работать и его жена. (По сведениям Юрия Солнцева, беседовавшего с А. Жуковским, последний сразу

стал работать в военном театре дивизии.) Отказались с женой от лестных предложений из «красных» Белграда и Софии. Потом, в 1948 г., у Жуковского был контракт с Русским балетом полковника де Базили, отъезд в Париж и турне до конца 1949 г. по Европе и Африке. Добавлю, что там Жуковский, которому было уже за сорок, танцевал небольшие партии, лишь впоследствии получил возможность работать помощником режиссера Сергея Леонидовича Григорьева. Там он, верный своему любимому фольклору, поставил и спектакль «Славянские танцы», своеобразное «этническое ожерелье из музыки и танцев». После распада группы, вследствие болезни ее директора, он работал с женой в Королевском оперном театре в Бельгии, ожидая визу в США. Туда он с Яной приехал в 1951 г. с 50 долларами в кармане. Ставили они по школам и университетам представления, связанные с югославянским фольклором, балканским фольклором. Потом Анатолий Михайлович стал преподавать в Сан-Францисском университете, в котором отработал до 1978 г., в городской консерватории. Изучал фольклор американских индейцев. Написал книгу об искусстве народного танца. Со студентами ставил представления в университетском театре с фолктанцами. Имя Жуковского внесено в палату Славы в университете. В своей «Исповеди» он говорил: «Ни о чем не жалею, видели много и многому научились. Всюду, где мы были, получили признание, везде нас оценили. К концу пути мы видели, что родились не в том времени и не в том месте. Попали в тяжкие времена. Сейчас работаю над своими мемуарами»¹⁴⁹¹.

Конечно, не все складывалось так, как хотелось бы. Достаточно упомянуть о жесткой конкуренции в блистательном балете. Например, Наташа Бошкович, соперничавшая с Яной, терпеть не могла Жуковского, который якобы давал ей мало ролей, вследствие чего пришлось ему объясняться при Дворе¹⁴⁹².

И еще. В 1934 г. о выступлениях звездной пары Васильевой и Жуковского в Скопле рецензент писал, что им двоим в основном принадлежит заслуга, что на балет стали смотреть как на искусство¹⁴⁹³.

Наконец, небольшое добавление к биографиям этой звездной пары: «Жуковский и Васильева ездили в Париж и привозили оттуда знаменитые постановки Мясина, Лишина и Фокина. Обладая феноменальной... хореографической памятью, они восстанавливали талантливые постановки “королей” балета. Особенно удавались балеты на музыку пятой симфонии Чайковского “Человек и Судьба” и на его же музыку “Франческа да Римини”. В

1491 Жуковский А. М. Мой жизненный путь; Драгутиновић Б. Указ. соч. С. 145; Александров Е. А. Указ. соч. С. 202; Жуковски А. Моја исповест // Руси без Русије. С. 287, 290, 292–300; Шукуљевић-Марковић К. Балетско стваралаштво Анатолија Жуковског // Руси без Русије. С. 137–140; Солнцеv Ю. О чем не писал О’Тенри (<http://yuri-solntsev.narod.ru/ohenry.html>)

1492 Солнцеv Ю. О чем не писал О’Тенри.

1493 Јовановић З. Т. Народно позориште Краљ Александар I у Скопљу (1913–1941). Т. 1. С. 461.

репертуаре были, кроме трех балетов Чайковского, “Жар-Птица” Стравинского, “Павильон Армии” Черепнина, Фокинские “Сильфиды” на музыку Шопена и др.»¹⁴⁹⁴

Б. Драгутинович выделял его четыре постановки: «На Кавказе» Ипполитова-Иванова, «Франческу да Римини» Чайковского, «Золотого петушка» Римского-Корсакова и «Огонь в горах» А. Пордеса¹⁴⁹⁵.

Блистательный успех имела и Кирсанова Нина Васильевна, отдавшая десятилетия сцене. Будущая звезда родилась в Москве 21 июля 1898 г. в семье Василия и Зинаиды Венер. Фамилию Кирсанова взяла как псевдоним. В семье было два актера: дед по отцу – Вильгельм Венер, игравший в Большом театре и выступавшая там же бабушка по матери – Елизавета Медведева. Отец не хотел, чтобы дочь была балериной. Только в двенадцатилетнем возрасте после одного инцидента, когда девочка чуть не наложила на себя руки, отец позволил заниматься балетом и поступить в частную балетную школу Лидии Ричардовны Нелидовой, балерины и педагога. (В книге А. Васильева и К. Триполитовой упоминается, что девочка училась танцу у Анны Иосифовны Собещанской, известной балерины Большого театра.) Параллельно ходила в гимназию св. Петра и Павла, которую завершила в 1916 г. Затем записалась на Московское театральное училище к педагогу Вере Ильиничне Масоловой, у которой проучилась два года. Потом была два года у А. А. Горского. Завершила Нина учение в 1919 г. Выступала Кирсанова по московским театрам – в Малом государственном театре, театре музыкальной драмы, оперном театре Зимина. Потом был Воронеж, где Нина Васильевна играла Одиллию. Вскоре балерина опять вернулась в Москву. В конце 1919 г. она вышла замуж за Бориса Попова, оперного солиста Большого театра. Затем было бегство в Европу, в польский Львов, куда они попали после долгих мытарств и приключений. В итоге, их по очереди перетащил на своей спине местный контрабандист через пограничную речку Збруч, в то время как подкупленный за 50 золотых рублей пограничник-красноармеец задумчиво созерцал небо. Выступала Нина Васильевна в Варшаве, Кракове, а также в Львове, в котором танцевала с Александром Фортунато. Во время выступлений в Бухаресте последовало приглашение в Белград. Первое выступление состоялось 7 ноября 1923 г. вместе с Фортунато в «Вечере балета», потом 9 ноября – в «Шехерезаде», 15 ноября – в «Вальпургиевой ночи» и «Фаусте». Успех обусловил предложение ангажемента, который был подписан 24 февраля 1924 г. после истечения срока соглашения с Бухарестом. Нина стала прима-балериной, а Фортунато директором-режиссером и первым танцовщиком Народного театра в Белграде. Тогда балет начал свой четвертый год существования, но еще не было ни одного целостного балетного спектакля. 1 июня 1924 г. Фортунато поставил «Коппелию» с Кирсановой в роли Сванильды. С 1923 по 1926 г. она танцевала заглавные партии в «Шехерезаде», «Коппелии», «Лебедином озере», «Жизели» и др. Танцевала в операх «Фауст», «Манон», «Пиковая дама», «Проданная невеста», «Миньон», «Еврейка»,

1494 Конради Д. Русские эмигранты в музыкальной жизни Белграда // Новое русское слово. 1982. 22 сент.

1495 Драгутинович Б. Указ. соч. С. 148.

«Аида». В конце июля 1926 г. Кирсанова не возобновила контракт и уехала вместе с Фортунато в Париж – центр балетного искусства. Там она давала со своим партнером концерты, одновременно брала уроки у великой балерины Любови Николаевны Егоровой, подписала ангажемент с Русской оперой, разъезжавшей по миру. В 1926–1927 гг. в турне по Южной Америке она выступала с Борисом Князевым в известном театре Teatro Colon, в котором хореографом была Бранислава Нижинская. В 1927 г. вступила как прима-балерина в труппу Анны Павловой – объехала все континенты. После смерти в 1931 г. Павловой труппа распалась. Но Кирсанова уже стала звездой и двери всех театров были для нее открыты. Слава уже пришла к ней. С 1931 по 1934 г. – опять Белград. Нина Васильевна была и прима-балериной, и шефом балета, и режиссером, и хореографом Народного театра: поставила 28 хореографий в балетном и оперно-балетном репертуаре: «Жизель», «Тайна пирамиды», «Охридская легенда», «Петрушка», «Осенняя поэма» и др., станцевала 18 главных партий в балетах и 11 балетных соло в операх.

С 1934 г., вплоть до начала второй мировой войны, балетоманы могли видеть знаменитые на музыку Пятой симфонии Петра Чайковского бессюжетные «Предзнаменования» («Les présages») Леонида Мясина в хореографической трактовке своей любимицы Нины Кирсановой. В своем «зашифрованно-символическом» спектакле (4 акта) Нина Кирсанова органично соединила классику и модерн. На сцене «играли» Марьяна Оленина – «Действие», Наташа Бошкович – «Любовь» и Анатолий Жуквский – «Герой», Яна Васильева – «Надежда», Оскар Хармош – «Судьба (Рок)», Михаил Панаев (потом Милош Ристич) – Человек, в Эпиплоге – весь ансамбль и «Герой» – Жуковский. Причем, как вспоминал Жуковский, хореография Кирсановой была удачней, чем у Мясина¹⁴⁹⁶.

В 1934–1939 гг. Кирсанова танцевала на европейских сценах, работала балетмейстером и хореографом. Потом последовало возвращение в Белград. В Югославии Кирсанова опять ставила хореографию, танцевала, имела свою частную балетную студию. Свой третий контракт с Народным театром Нина подписала 12 мая 1942 г., руководила балетом в тяжелых условиях. После апрельских бомбардировок Белграда 1944 г. союзниками, когда град лежал в руинах, а население уменьшилось наполовину, Кирсанова стала медицинской сестрой. Во время освобождения города перевязывала раненых, работала хирургической сестрой, забросив на время балет. В 1946 г. она основала балетную студию, которая быстро переросла в государственную балетную школу. Последний контракт длился с 1 марта 1946 г. до 1 декабря 1950 г. Поставила балет в четырех операх: «Женитьба Фигаро», «Проданная невеста», «Князь Игорь», «Травиата», и четыре коротких балета «Сильфиды», «Вторая

1496 Мосусова Н. Б. Балет как протест: красота спасет мир. Творчество Леонида Мясина (1895–1979) у южных славян Памяти Нины Васильевны Кирсановой (Москва, 1899–Белград, 1989) // IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные вопросы развития искусства балета и хореографического образования» Россия, г. Москва, Московская государственная академия хореографии», 28 мая 2020 года Доклады по направлению «Искусство и хореографическое образование в годы Великой Отечественной войны», Москва, МГАХ 2020. С. 99–101.

рапсодия», «Вальпургиева ночь», «Болеро». После окончания ангажемента поставила свой последний спектакль «Лебединое озеро». В 1947 г. стала одним из учредителей и основателей Средней балетной школы в Белграде. Ее ученики Милорад Мишкович и Душанка Сифниос. Работала Кирсанова в театрах Сараево, Скопье, Риеки. По завершении балетной карьеры (1961 г.) Нина Васильевна посвятила себя археологии. В 1964 г. она завершила отделение археологии на философском факультете Белградского университета. В 1969 г. стала магистром, готовила докторскую диссертацию, но не успела ее завершить. 3 февраля 1989 г. умерла. Похоронена была великая русская балерина в Белграде на Аллее великанов (Ново гробље) (Новое кладбище), где покоятся те, кто вошел в историю Югославии.¹⁴⁹⁷ Богатая и красивая биография талантливого человека.

Сюда добавлю, что немного строк о ней сохранили воспоминания Ксении Грундт, что было вызвано, видимо, тем, что она не встречалась с «огненной Ниной Кирсановой» на сцене. Замечая по женски, что «лицом она не была красива. У нее был чересчур длинный нос, бывший помехой для женственных ролей, впрочем, вообще ей не подходивших по темпераменту... зато она была неподражаема в дьявольских ролях, и во всем, где нужен был бешеный театральный темперамент. Удивительно, что ее муж Попов уверял, что у Нины полное отсутствие какого бы то ни было темперамента для домашнего обихода – весь темперамент оставался на подмостках...»¹⁴⁹⁸.

Что еще? Ее называли «интеллектуалкой в балете»¹⁴⁹⁹.

Кстати, Кирсанова, подчеркну, написала либретто и поставила в Сараеве первый полный балетный вечерний спектакль. Речь идет «Жатве» композитора Бориса Папандопуло¹⁵⁰⁰.

Известный хореограф Владимир Логунов говорил мне, что Нина Кирсанова «учила настоящему балету, а не движениям».

Ее отличала естественность поведения и неприятие неких условностей. Нина Васильевна всегда была гостеприимна. Дружила с молодежью. И археология у нее тоже сочеталась чудесным образом с балетом. В музее в Таормини, что на Сицилии, выставлены ею найденные статуэтки, изображающие, по ее мнению, балерин.

Можно продолжать и продолжать называть имена... В. Титова, Л. Вальчевская, Н. Рахманова, М. Арсеньева, А. Каренина, И. Слупская, Н. Поль, А. Максимова, М. Каржинская, А. Проскурникова, М. Шуминская, В. Воробьева, Л. Иващенко, М. Зыбина, В. Лебедев, А. Мирный, Н. Тарновский¹⁵⁰¹.

1497 *Comœdia*. 1926. № 40.; *Шукульевич-Марковић К.* Балетско стваралаштво Нине Кирсанове, примабалерине, кореографа и педагога // *Руси без Русије*. С. 117–136; *Васильев А., Триполитова К.*, Маленькая балерина. Исповедь русской эмигрантки. М., 2010. С. 158.

1498 *Грундт Кс.* Указ. соч. С. 144–145.

1499 *Comœdia*, 1926. № 40.

1500 *Папо Э.* Влияние русских балетных традиций на балетное искусство Боснии и Герцеговины // *Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой*, СПб. 2010, № 1 (23). С. 237.

1501 *Beloemigracija u Jugoslaviji*. S. 215.

К слову, Мэри Зыбина, артистка балетной труппы Народного театра в Белграде, была известна и в Скопле, где она выступала в 1939 г.¹⁵⁰²

Из гостивших в Белграде русских балерин назову и Анну Павлову. Она приехала поездом из Венгрии 23 марта 1927 г. в специальном вагоне, на котором красными буквами было написано «Анна Павлова». Ее встречала вся тогдашняя Югославия – приехали из Скопле, Загреба, Нови-Сада, Крагуевца и других городов. Театральный критик М. Милоевич писал тогда в главной газете страны – «Политика»: «На голове маленькая французская шляпа. Только глаза, большие глаза. Лицо бледное, на губах темная губная помада...»¹⁵⁰³. Автор блестящего очерка Амра Латифич дополняет картину: «Белградский балетный ансамбль первый приветствовал с букетами цветов Анну Павлову, пока нетерпеливый балетмейстер Васильев прыгнул в вагон через окно. Все целуют ее руки. Павлова идет через массу народа, взявши под руку Елену Полякову»¹⁵⁰⁴. В тот же день состоялось ее первое из двух выступлений (второе состоялось 24 марта) на сцене Народного театра. Она станцевала в «Сильфидах» Шопена, в «Смерти лебедя» Сен-Санса, в «Докторе Гавоте» Линке, в «Рондине» Левандовского, в «Пасторали» Штрауса, в «Вакханалии» Глазунова. Ее партнером был Л. Новиков¹⁵⁰⁵.

Пресса откликнулась восторженными отзывами. Прочитую только один, написанный знаменитой сербской писательницей Исидорой Секулич: «Анна Павлова танцевала мистические переходы бытия из одного состояния в другое, или же из одного бытия в другое. Переход из жизни в смерть. “Смерть лебедя”. Переход из цвета в вялую материю: “Орхидея вянет”. Переход из живых биологических функций в состояние замедления функций: “Барвинок замерзает”. Переход из пластической формы в бесформенность: “Сухие листья”. Конечно, Анна танцевала также с труппой – своей или труппой Дягилева, и, тем не менее, именно она внесла в репертуар то особое, узнаваемое настроение. Ее небольшое, узкое лицо, голова как у лебедя, как будто в ней всю жизнь пребывала одна мысль, ее тело было нервным, даже когда она шла одетой по улице... классическое обмирание Анны-лебедя представляло собой алхимию театра в целом»¹⁵⁰⁶.

В том же месяце в Белграде ценители балета могли увидеть прославленную Тамару Карсавину и ее партнера Лестера, приехавших из Парижа и давших два представления¹⁵⁰⁷.

О том впечатлении, которое она оставляла навечно в памяти, служат строки Вадима Андреева, сына автора одного из лучших пасхальных рассказов – «Бергамот и Гараська». Итак: «Я смотрел, как танцевала Карсавина “Умирающего лебедя”. Я не видел декораций, половицы поскрипывали на сцене, все движения Карсавиной представлялись мне в нео-

1502 *Јовановић* З. Т. Народно позориште Краљ Александар I. Т. 2. С. 727.

1503 Цит. по: *Латифич* А. О гастролях Анны Павловой в Белграде. (<http://www.srpska.ru/article.php?nid=5641>)

1504 Там же..

1505 Там же.

1506 Цит. по: Там же.

1507 *Beloemigracija u Jugoslaviji*. S. 215.

бычном ракурсе, но в моей памяти навсегда осталось то, как медленно склонялась ее маленькая голова в легкой короне из лебединых перьев, как в последнем движении, вперед, прямо к моим ногам, складывались трепещущие руки-крылья, как медленно, в последней легкой судороге, умирало бесплотное лебединое тело и закрывались уже потухшие глаза»¹⁵⁰⁸.

В столице Югославии в 1930, 1932 и 1937 гг. выступала с большим успехом и знаменитая пара – Александр Сахаров (наст. фам. – Цукерман) и его жена Клотильда фон Дерп (в замужестве – Сахарова)¹⁵⁰⁹. Широко известен был дуэт «Sakharoff». Добавлю, что Александр был представителем свободного танца как метафоры свободы, что было характерно, например, для модерна и джаза. Дружил с Кандинским, Явленским. Сохранились отдельные портреты и Александра и Клотильды. По окончании концертной деятельности осели в Италии. В Риме открыли свою школу. Преподавали в Музыкальной академии Киджи в Сиене.

Многие постановки ставились и приглашенными мастерами. Здесь и Антон Романовский, до революции работавший балетмейстером в Киеве. В конце 1920-х гг. он представил ценителям балета три романтических спектакля: «Шопениану», «Приглашение к танцу» Карла Вебера и «Привал кавалерии»¹⁵¹⁰.

Правда, у сербского исследователя Бранко Драгутиновича о Романовском сказано несколько иначе и точнее. Он гостил в Белграде в сезоне 1930/31 года, представив на суд зрителей еще и балет «Javote» Сен Санса и «Шехерезаду. Но все они прошли без особого успеха. Он попытался поставить «Дафниса и Хлою» – эту «хореографическую симфонию» Равеля, но потерпел неудачу, прежде всего вследствие сложности партитуры для оркестра, не совладавшего с нею¹⁵¹¹. После Романовского в Белграде гостил М. Пиановский, балетмейстер труппы Анны Павловой. Он показал в своей хореографии – синтез строгих форм классического балета и характерных форм испанского танца – «Дон Кихота» «царского композитора» Цезаря Пуни¹⁵¹².

Тут же отмечу, что упоминавшийся Князев в 1934/35 г., заменив Нину Кирсанову, руководил белградским балетом и танцевал заглавные партии¹⁵¹³. Поставил несколько коротких балетов, однако не имевших успеха¹⁵¹⁴. О нем написала ряд строк знавшая его балерина Ксения Триполитова: «У Егоровой я встретила и Бориса Князева, весьма посредственного характерного танцовщика, которого я находила просто ужасным. Егорова его тоже не любила <...> Князев прославился своим “barre par terre” – то есть балетным экзерсисом лежа на полу, который никто до него не делал»¹⁵¹⁵.

1508 Андреев В. История одного путешествия. М., 1974. С. 240.

1509 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 215.

1510 Там же. С. 214.

1511 Драгутинович Б. Указ. соч. С. 146.

1512 Там же. С. 147.

1513 Beloemigracija u Jugoslaviji. S. 214.

1514 Драгутинович Б. Указ. соч. С. 148.

1515 Цит. по: Васильев А., Триполитова К., Маленькая балерина. С. 125–126.

Впоследствии он танцевал на многих сценах, занимался преподавательской работой. В частности, в конце 1940-х гг. в его классе в Национальной академии танца в Париже занималась три года будущая мировая знаменитость Брижитт Бардо.

В 1937 г. в Белграде гостила Елена Никольская (урожд. Олигер, в браке – Булкина, для сцены фамилия не подходила) прима-балерина, руководительница балета в Народном театре в Праге. Зрители могли увидеть постановку ею «Арлекинады» Р. Дриго и «Гайдуков» К. Шимановского¹⁵¹⁶.

В 1939 г. известный в мире балета Борис Романов прибыл из Нью-Йорка в Белград, где благодаря его таланту столичные поклонники балета могли увидеть великолепное представление из трех балетов, три стиля – «синтез классической техники и современного танца, окрашенного восточным колоритом» в «Тамаре» Балакирева, «чистую, технически точную классику» в «Балерине и разбойниках» Моцарта, «выразительный и технически виртуозный» танец в испанском духе в «Болеро» Равеля¹⁵¹⁷.

Русские не только учили, но и руководили на протяжении ряда лет белградским балетом. Работа хореографами нередко сочеталась с выступлениями на сцене.

Нина Кирсанова, Елена Корбе, Михаил Панаев, Елена Полякова, Анатолий Жуковский, Маргарита Фроман, Лидия Пилипенко – вот далеко не полный перечень имен тех, кто танцевал на белградской сцене. Благодаря русским хореографам уже только в первые десять лет было поставлено около 40 спектаклей. Практически, труд и мастерство русских позволили белградскому балету «встать на ноги», войти в русло европейского музыкально-сценического искусства.

Свой вклад внесли в искусство балета и работавшие на белградской сцене советские хореографы. Здесь назову имена Леонида Лавровского, поставившего «Жизель» (1957 г.), Ростислава Захарова с его «Бахчисарайским фонтаном» (1959 г.), Нины Анисимовой и ее «Золушки» (1963 г.). На белградской сцене танцевали такие балетные пары, как Наталья Дудинская и Константин Сергеев, Раиса Стручкова и Юрий Жданов (потом был Марис Лиэпа), Майя Плисецкая и Николай Фадеечев, Татьяна Зимина и Герман Янсон¹⁵¹⁸.

Благодаря русским артистам, балет вошел в культурную жизнь не только Белграда, но и Панчево. 26 декабря 1921 г. панчевачские русские мастера устроили художественный вечер. Выступили Софи Пти и Мишель со своей балетной школой. О нем в «Панчевце» писали: «...Софи Пти многогранна: она ставит танцы, делает декорации, кроит платья и рисует афиши <...> В шутке “Депутат и вор” г. Леонидов свою партию сыграл с уже известной виртуозностью. Его партнерша г-жа Мрихина, первый раз вступившая на сцену, показала в своей игре большой драматический талант». Отмечались балетные выступления г-жи Савенко и 11-летней Милы Левицкой, которую называли вундеркиндом и пророчили

1516 Драгутиновић Б. Указ. соч. С. 148.

1517 Там же. С. 149.

1518 Там же. С. 156.

блестящую балетную карьеру. Мишель со своей панчевацкой балетной группой много раз выступала в Панчево. 26 января 1924 г. в «Трубаче» состоялся балетный вечер Мишель с Панкратовым, Лузгиным, Дагмар и Беби Нинчич. Были исполнены «Кинжал и роза», «Танго», «Японский танец», «Французский солдат и горничная», «Ноктюрн и мазурка», «Жокей», «Бабочка». Зрители были в восторге¹⁵¹⁹.

Из других, безусловно, запомнившихся жителям Панчево балетных вечеров остановлюсь на двух.

Первый. 12 апреля 1924 г. Полякова выступала с 18 балеринами всех трех курсов своей школы и еще с несколькими профессиональными балеринами из королевской оперы. Сама выступила в «Романсе» Рубинштейна и в «Китайском танце» Чайковского¹⁵²⁰.

И теперь несколько строк об одной из балерин – Ольге Соловьевой. В связи с ее февральскими выступлениями в 1924 г. в этом городе «Панчевац» писал о ней: «Ольга Соловьева показала панчевцам, что балет – русская, а не итальянская, игра, что русская душа нежнее, схватывает глубокий музыкальный строй, отвечая соответствующими танцевальными па»¹⁵²¹. Другая газета «Банатский радикал» отзывался не менее лестно: «Весьма молода и весьма красива, с нежным гибким телом, совершенные пропорции которого могут считаться классическими <...> эта молодая балерина оставляет впечатление жрицы своего искусства, которому служим всем своим существом»¹⁵²².

Второй. 2 марта 1927 г. танцевали Макс Фроман и прима-балерина Осиекского народного театра Елена Счигойлова (Щеголева?), а также Марьяна Оленина, Анна Юренева¹⁵²³.

Русские мастера танца были и в Нови-Саде. В 1921 г. в балетную труппу при новосадском сербском народном театре удалось «сманить» во время гастролей русских артистов балета Елизавету Равскую (Раевскую?), Марию Соболеву, Валентину Валину, которая открыла свою школу, которую в 1922 г. посещало 45 учеников, что весьма много по тамошним меркам¹⁵²⁴.

Из хореографов в Словении звездой первой величины был Петр Сергеевич Грессеров (псевдоним – Головин) (1894–1981) (объединивший позже фамилию и псевдоним), танцовщик, педагог, хореограф, балетмейстер. В 1912 г. завершил классическую гимназию в Москве. В годы гимназической учебы посещал одновременно музыкальную школу и учился балетному мастерству в школе у Ольги Некрасовой. Потом была учеба в Московском Политехническом институте, затем в Николаевском кавалерийском училище (Москва). Участник первой мировой войны. Имел пять наград и два ранения¹⁵²⁵. Продол-

1519 Палибрк-Сукић Н. Указ. соч. С. 74.

1520 Там же. С. 75.

1521 Там же. С. 76.

1522 Там же. С. 155.

1523 Там же. С. 140, 149.

1524 Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 44.

1525 Gresserov-Golovin P. Указ. соч. S. 163.

жил техническое образование в Любляне, совмещая учебу с выступлениями в театре. В 1924 г. плясал на сцене Народного театра гопака в «Майской ночи» Римского-Корсакова. В 1925 г. пробовал себя в балете. Успешно окончил университет, но «своих» электротехников в Словении было достаточно, и Петр Сергеевич Грессеров решил по совету своего же профессора Сернеца «уйти» на сцену¹⁵²⁶. В 1928 г. принял приглашение занять место хореографа и балетмейстера в Народном театре. В том же году поставил хореографию в «Фаусте» (Вальпургиева ночь) Гуно и в оперетте Зупше «Боккаччио».

В 1947 г. начальство отправило Петра Сергеевича в Мариборский оперный театр для улучшения его деятельности, обновления балетного и оперного репертуара. В 1949 г. Грессеров был откомандирован в Сараево для постановки оперы Пуччини «Мадам Баттерфляй». В 1951 г. уехал в Канаду. Тем не менее он не оставлял без внимания деятельность оперно-балетных трупп в Любляне и Мариборе, приезжая время от времени в Словению. В 1971 г. П. С. Грессеров был награжден главой СФР Югославии И. Б. Тито орденом за заслуги перед народом, за вклад в словенский балет¹⁵²⁷.

Что еще? С 1930 г. он преподавал семнадцать лет в оперной школе в Любляне. Среди его известных учениц были: Анита Мезетова, Елку Игличеву, Нада и Богдана Стритаревы. Из мужчин упомяну Янеза Липушчека (лирический тенор), долгое время выступавшего в Люблянской опере¹⁵²⁸.

За тридцать с лишним лет Грессеров-Головин ставил хореографию в десятках спектаклях, например: в «Пиковой даме» (1933 г.)¹⁵²⁹.

Добавлю, что, обладая хорошим голосом, он спел арию Альтоума в опере Пуччини «Турандот»¹⁵³⁰.

В 1933 г., когда в Люблян у приехал композитор А. Черепнин, сын знаменитого сочинителя музыки, и предложил поставить его одноактную оперу «01-01», то, как вспоминает Грессеров-Головин, она была дополнена балетом его отца «Спящая красавица», который он и поставил¹⁵³¹.

В 1938 г. на сцене Народного театра состоялась премьера сочиненной им оперетты «Галатhea»¹⁵³². В 1941 г. жители Любляны могли увидеть музыкальную сказку «Принцесса и змей» (текст П. С. Грессерова-Головина, музыка Я. Грегорца)¹⁵³³.

Надо подчеркнуть, что работа балетмейстером была связана с определенными затруднениями. Нужны были года и года, не только чтобы достичь у танцовщиц и танцовщиков нужной техники для самостоятельных номеров, но и для того, чтобы публика

1526 Там же. С. 22–23.

1527 Там же. С. 163–164.

1528 Там же. С. 49.

1529 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967. Ljubljana, 1967. С. 231.

1530 Gresserov-Golovin P. Указ. соч. С. 170 .

1531 Там же. С. 71.

1532 Там же. С. 77.

1533 Там же. С. 81.

видела в балете самостоятельный художественный акт, творчество. На балет театральная критика смотрела свысока, покровительственно, хотя, не особенно разбираясь в нем, желала ему добра¹⁵³⁴. Немалое значение имели деньги, которых не хватало: в первую очередь они шли на драму и оперу. Грессеров-Головин вспоминал, как ему предложили заплатить из своего кармана гонорар приглашенным танцовщикам из числа учеников; только с помощью директора оперы М. Полича и режиссера О. Шеста ситуация была урегулирована. Но «битва за финансы» продолжалась вместе с развитием балета¹⁵³⁵. Разумеется, свой немалый вклад в его самостоятельность в Народном театре Любляны внесли и словенские мастера. Среди них – Татьяна Ремшкар, Майда Шкерьянц, Мерседес Добршек¹⁵³⁶. Не могу пропустить и постановку в 1949 г. Головиным оперы «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини, что было событием для Сараево, считавшегося некоторыми «медвежьим углом». Его истории появления в этом мусульманском городе отведено немало интереснейших страниц в воспоминаниях постановщика.

Завершая экскурс в труды П. С. Грессерова-Головина, скажу, что ему принадлежит хореография в 50 балетах, режиссура в 31 опере и в 15 опереттах, хореография в 83 операх и в 61 оперетте, постановка танцев в 35 балетных представлениях¹⁵³⁷.

В историю Словенского балета, наряду с П. С. Грессеровым-Головиным, вошло имя замечательного балетмейстера Марии Александровны Туляковой, ранее работавшей в Осиеке. При ней в балетной труппе была введена твердая дисциплина, увеличилось число занятий, возросли требования к артистам. (Но не было физических наказаний, что случалось у хореографа Похана, работавшего в Любляне с 1919 г. по 1922 г.¹⁵³⁸) Ставила хореографию в балетах, операх, опереттах... В 1927 г. она неожиданно уехала в Белград. П. С. Грессеров-Головин, вспоминая ее, писал, что М. А. Тулякова дала молодежи «твердые основы балетной техники» и ее вклад в становление словенского балетного искусства велик¹⁵³⁹.

Балетная знаменитость Елена Полякова, прежде чем покорить Белград, немного поработала на столичной словенской сцене, в частности поставила хореографию в опере Л. Делиба «Лакме» (1922 г.)¹⁵⁴⁰ Небольшой штрих: ее муж также был близок к балету, если можно так сказать: он шил балетки, взяв за образец те, которые были у жены¹⁵⁴¹. С 1 декабря 1922 г. в балетной труппе Народного театра в Любляне стала танцевать Вера Кальченко¹⁵⁴².

И, наконец, Маргарита Фроман, много сделавшая в области хореографии для оперы и балета в Хорватии. Грессеров-Головин с гордостью писал, что Фроман лестно

1534 Там же. S. 60.

1535 Там же. S. 61.

1536 Там же. S. 61.

1537 Там же. S. 164–170.

1538 Там же. S. 36.

1539 Там же. S. 38.

1540 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967. Ljubljana. 1967. S. 211.

1541 *Gresserov-Golovin P.* Указ. соч. S. 24.

1542 Там же. S. 25.

отозвалась о его ученицах, заметив, что словенки в два раза быстрее овладели сложностями фольклорного танца, нежели ее загребчанки¹⁵⁴³.

И можно только радоваться тому, что русская культура органично воспринималась в славянской Словении, чему свидетельство русская и мировая драматургия, опера, балет на сценах страны. Хочу подчеркнуть и то, что искусство русских мастеров сцены было востребовано в европейской Словении. И если русское театральное искусство в Сербии связано, прежде всего, с режиссером Юрием Ракитиным и художником Владимиром Жедринским, то в Словении – с хореографом, балетмейстером Петром Грессеровым-Головиным, волшебницей сцены Марией Наблочки, режиссером и актером Борисом Путятой. Их имена вошли в историю словенского театра, находившегося на подъеме.

Кардинальные изменения произошли и в хорватском театре, где с конца XIX в. на балетной сцене доминировали итальянки. Развитие этой сферы искусства было связано с плеядой русских мастеров, связавших свою жизнь с балетом. Прежде всего назову имя зеленоглазой и рыжей «с чудными быстрыми ножками» Маргариты Фроман. Как и Нина Кирсанова, она родилась 8 ноября 1890 г. в Москве. В ней текла русская и шведская кровь. Ее отец был шведом, часто путешествовал, зарабатывая на жизнь игрой на трубе. Во время гастролей в России женился на девушке из хорошей семьи, остался на ее родине. Известно, что он играл в одном из симфонических оркестров, преподавал в Московской консерватории. После блестящего окончания в 1909 г. Московского императорского театрального училища Маргарита была принята солисткой в балет Большой оперы в Москве, став партнершей своего учителя В. Д. Тихомирова. Одновременно готовила роли с «Гераклом балетной сцены» Михаилом Михайловичем Мордкиным, но совместные выступления не состоялись, ввиду ее перехода в труппу С. П. Дягилева и гастрольями по Европе и Америке вместе с Анной Павловой, Екатериной Гельцер, Тамарой Карсавиной, Вацлавом Нижинским, с которым она в 1916 г. танцевала на сцене Метрополитен Опера. Вернулась на родину, когда там уже произошла революция. В первопрестольной она выступила в балете «Азиада» Гютэля (хореография Мордкина). Потом вместе с М. М. Мордкиным, с которым у нее был бурный роман, она смогла выбраться из Москвы в Крым, где дала несколько блестящих представлений. Вместе с братом Максимилианом она даже открывает свою балетную школу. Через Стамбул Маргарита добралась в Королевство сербов, хорватов и словенцев и обосновалась в Загребе со своей небольшой труппой. Тогда в ее состав входили Максимилиан Фроман, Ольга Орлова, Юлия Бекефи, Анна Редель, Наталья Миклашевская. Послевоенный город, точнее балет, тогда нуждался в «свежей крови», поэтому неудивительно, что именно блестящая представительница русской балетной школы стала балетмейстером в государственном Народном театре, руководительницей балетной школы и прима-балериной. Ее партнером стал Максимилиан Петрович Фроман, родной брат. Первый раз имя Маргариты Фроман появилось на плакатах, объявлявших о спекта-

---

1543 Там же. S. 72.

клях загребского театра 16 января и 2, 6, 13, 15, 27 февраля 1921 г. Тогда, к дням гастролей Московского Художественного театра в Загребе Фроман поставила балет «Шехерезада» и «Половецкие пляски», имевших большой успех балета. В балете «Петрушка», который М. Фроман в числе 28 других балетов, поставила на сцене театра в Загребе, выступала вся семья Фроман: Балерина – Маргарита Фроман, Петрушка – Макс Фроман, Арап – Валентин Фроман. Художником декоратором был Павел Фроман, а соло на рояле в оркестре исполняла талантливая пианистка Ольга Фроман (сестра прима-балерины). После в Загребе шутили, что у них в опере целая «династия» Фроман. Загреб стал для нее родным городом: только в 1927–1930 гг. она жила вне его сцены, выступая в Белградском театре, куда она была официально откомандирована. За это время она поставила десять балетов, в том числе «Петрушку» и «Жар-птицу», три дивертисмента, балетные партии в нескольких операх, станцевала Одетту/Одиллию, Сванильду, Аврору, Раймонду, Царевну. Часто по приглашению балерина выезжала в другие страны. Перестала Маргарита Петровна танцевать на сцене в 1934 г., но продолжала заниматься постановками, хореографией. В «Ла Скала» она поставила балет для спектакля «Джоконда» и балет «Щелкунчик». Гастролировала в 1925 г. в труппе Анны Павловой во время турне по Европе. Ее искусство видели в Швейцарии, Польше, Голландии, Болгарии... Делала Маргарита постановки балета в Париже, Вене и Лондоне, получила несколько призов за хореографию. В 1956 г. она уехала в США, где до своего ухода из жизни продолжала заниматься педагогической деятельностью в своей студии и как профессор в консерватории в Хартфорде (Коннектикут) и в университете Сторс (Коннектикут). «Прима-балерина, хореограф, балетный педагог, шеф балета, оперный режиссер и артистка, которая установила твердое основание для Югославского балета, вдохновительница композиторов, впервые создавших национальные югославские балеты» – слова, которыми пестрят воспоминания о Маргарите Фроман. 24 марта 1970 г. на 74 г. жизни она скончалась в Бостоне¹⁵⁴⁴.

Но память о ней, ее «мимолетном» искусстве хранит теперь история. В частности, в так называемом столетнике истории Народного театра в Белграде о «рыжей Маргарите» написана почти целая страница. Из ее спектаклей, поставленных в течение двух сезонов (1927–1929 гг.), где были и «Дон Хуан» Глюка, и «Бабочки» Шумана, и «Сказка о Гонзе» Недбала, «Пряничное сердце» Барановича, Бранко Драгутинович особо подчеркнул балет «Треуголка» Мануэла де Фальи. В нем великая артистка, вдохновленная хореографией Леонида Мясина, передала на белградской сцене «ритмичную динамику и распаленную страсть испанских танцев (хота, фанданго, фарука), и живописную атмосферу испанской среды». «При всем разнообразии стилевых характеристик балетного репертуара и по ценности достигнутых исполнителями результатов два сезона Маргариты Фроман, – заключал

1544 Солодовников А. Прима-балерина Маргарита Фроман // Библиотека-фонд Русское Зарубежье. Научный архив. Альбом № 1. «Некрополь» А. Калугина. С. 104. Н. Р. С. 30. 03. 1971; Podkovac Z. Указ. соч. S. 142–158.

сербский историк, – представляют значительнейший этап в деятельности белградского балета в межвоенный период»¹⁵⁴⁵.

Поставленный ею после войны в 1947 г. на белградской сцене балет «Охридская легенда» получил самые лестные оценки. Достаточно сказать, что он стал «бестселлером балетного репертуара». Его название появлялось на афишах свыше трехсот раз!¹⁵⁴⁶

К этим сухим строчкам, если так можно говорить о балетном искусстве, следует прибавить воспоминания Ксении Грунд, «работавшей» под руководством Фроман: «Маргарита Петровна поставила: “Трикорн” – де Файи, “Петрушку” – Стравинского, “Тряпичное сердце” – Барановича, “Дон Жуана” – Глюка и, вероятно, еще что-либо, что я забыла <...> Г-жа Фроман привела в надлежащий вид (по Фокину) “Половецкие пляски”. Поставила замечательно чардаш на 2-ую рапсодию Листа. Упорядочила билеты в операх. В общем, проявляла свойственную ей неутомимую энергию и необычайную эрудицию хореографа»¹⁵⁴⁷. И дальше: «Я считала нормальной работу <...> с Маргаритой Фроман, котор[ую] я считаю в этом отношении идеальным балетмейстером: всю работу по хореографии она делала сама дома, приходя на репетицию с вполне готовым планом. Оставалось лишь всем указать их места и разучивать. Все было ясно, просто и спокойно»¹⁵⁴⁸.

И несколько подробнее: «У нее было 3 своих любимых ученицы: Ольга Орлова (котор[ая] так и осталась в Загребе), Миклашевская (котор[ая] вышла замуж за американского журналиста и уехала с ним в Америку) и самая способная – Рейзен (кот[орая] с матерью уехала в СССР). Г-жа Фроман была очень хорошей семьянишкой и заботилась о своих братьях: Павла устроила декоратором, Макс был ее партнером, в дальнейшем выписала из С.С.С. Р. Валентина (молодого и великолепно сложенного танцора) <...>. В семье г-жи Фроман была еще ее сестра – Ольга, пианистка. Однако в Театре не служившая, но и без нее было слишком много Фроманов в Национальном Хорватском Театре и как находила некоторая часть публики и прессы. Кроме своей родной семьи Маргарита Петровна также деятельно и энергично заботилась о карьере и музыкальном развитии дирижера Крешимира Барановича (котор. из-за нее оставил свою 1-ую жену-хорватку, хористку). Вместе они сотворили 1-ый Национальный Хорватский балет: “Лицитарско срце” (“Пряничное сердце”), а затем менее удачный “Стрижено-брито”. Маргарита Петровна в расцвете своей карьеры великолепно танцевала, изумительно играла (например, когда она заламывалась в “Шехерезаде”). У нее было очень сценическое выразительное лицо с огромными глазами и с 2-мя своими братьями она была великолепна: в неразб. в “Петрушке”, да всего не перечесть! Несомненно, семья Фроман сделала массу для поднятия Хорватского балета на

1545 Драгутиновић Б. Указ. соч. С. 146.

1546 Там же. С. 151–152.

1547 Грундт Кс. Указ. соч. С. 154–155.

1548 Там же. С. 276.

небывалую высоту <...> Маргарита Петровна была очень музыкальна и все ее постановки были огромным вкладом в хореографию Загребского балета»¹⁵⁴⁹.

И немного политики столь необходимой для картины жизни Маргариты в годы второй мировой войны.

Одним первых результатов разгрома Германией и ее союзниками королевской армии стало образование 10 апреля 1941 г. профашистского Независимого государства Хорватия, которое повело ультранационалистическую политику, направленную, на создание страны, где не было бы места, прежде всего, православным сербам, «портившим» чистоту католицизма хорватского народа, ни «страшным большевикам». Русские эмигранты, как противники «советского режима», по приказу главы государства Анте Павелича, не подлежали карательным мерам, в частности, их запрещалось увольнять со службы. Но в то же время русские артисты должны были пройти «допрос» в полиции, куда их вызвали 27 апреля 1941 г. Среди задержанных были Маргарита Фроман, Ольга Орлова, Георгий Скрыгин. В итоге они были отпущены «с миром».

Но не все.

В результате ареста Маргарита «потеряла» ребенка от Крешимира Барановича.

Эта неизвестная страница биографии раскрыта мною после информации, содержащейся в тексте «Moj život» («Моя жизнь») Марии Чаплинской и моей переписки с замечательной хорватской исследовательницей театра Снежаной Банович.

Сама Чаплинская писала: «...в Загребе начались аресты. Хватали и русских эмигрантов. Начали с артистов. Арестована жена поэта Барановича. Была балериной. Беременна. Целую ночь их держали в небольшом помещении, где нельзя было и сесть. И как итог родила мертвого ребенка. На рассвете их выпустили. После этого от немцев последовало приказание, чтобы не трогать русских»¹⁵⁵⁰.

В мае того же года, Маргарита была отправлена пенсию. Театральная сцена была для нее закрыта. Однако в конце июля прежнее распоряжение было отменено. Более того, министерским приказом она была назначена режиссером театра в крупном культурном центре Осиеке. Там она проработала год, после чего вернулась¹⁵⁵¹.

И напоследок: Благодаря Фроманам «качество балетного репертуара Хорватского Народного театра в 20–30 гг. XX столетия не отставало от всемирно известных европейских театров»¹⁵⁵². Эта оценка исследовательницы из Хорватии Марины Багарич отнюдь не завышена: то, что сделала эта семья для хорватского балета, не имеет прецедента.

И немного о трех братьях Маргариты. Валентин (1906–?), закончил балетную школу в первопрестольной. После революции вместе с семьей вначале переехал и обосновался в

1549 Там же. С. 52–55.

1550 Čaplinski M. Moj život // Književna smotra. Zagreb. 2001. № 119.

1551 Banović S. Hrvatsko državno kazalište u Zagrebu od 1941 do 1945; društveni i organizacijski aspekt, Sveučilište u Zagrebu., Filozofski fakultet, Doktorski rad, Zagreb, 2011. S. 12.

1552 Bagarić M. Elemente modernoga ruskog slikarstva. S. 129.

Болгарии, оттуда перебрался в соседнее Королевство сербов, хорватов и словенцев. С 1922 по 1928 г. танцевал в Хорватском Народном театре. Затем перебрался в Европу, жил в США, играл в Голливуде. Максимилиан (1889–1981), закончил ту же, что и брат, балетную школу. С 1907 по 1917 г. солист Большого театра. Один сезон выступал в Киеве. С 1919 г. входил в труппу Дягилева. Обосновался Максимилиан в Загребе, где танцевал в с 1921 по 1925 г. в балетной труппе Народного театра. Автор хореографии в таких спектаклях, как «Микадо», «Прекрасная Елена», «Баядера», «Снегурочка», «Евгений Онегин». Потом он танцевал в словацкой Братиславе, в Белграде (с 1927 по 1929 гг.), после чего последовало возвращение в Загреб. Некоторое время Максимилиан выступал на сцене Словенского Народного театра в Любляне. После второй мировой войны он основал свою балетную студию в США. Как и сестра занимался преподавательской деятельностью. Павел (1894–1940), художник, сценограф. Учился живописи в родном городе. С 1921 г. он обосновался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. До 1939 г., за некоторым исключением, например, работы сценографом в Белградском Народном театре в 1924–1927 гг., Максимилиан Петрович входил в труппу Загребского Народного театра, в сценографию которого привнес русскую школу. Он был автором костюмов и декораций для двух драматических и трех десятков музыкальных представлений, в основном русского происхождения. Рисовальщик многочисленных карикатур в журнале «Кулиса» (1932 г., 1933 г.) на темы театральной жизни¹⁵⁵³.

Талантливой ученицей Маргариты Фроман была Ольга Кононович (12.04.1908, Санкт-Петербург – 20.06.1998, Антиб, Франция). Из Загреба она потом отправилась в Европу. Брала уроки и Ольги Преображенской. Выступала под псевдонимом Ольга Старк. Танцевала позже в «Русской опере» Марии Кузнецовой, в «Фоли Бержер», снималась в кино вместе с Сержем Лифарем, была в труппе Бориса Романова и в других театральных труппах знаменитых антрепренеров¹⁵⁵⁴.

Благодаря исследованию талантливого хорватского исследователя З. Подковаца, нужно назвать еще имена Александровской Ирены (Строцци), Бекефи Юлии, Браницкой Наталии, Брюховецкой Нины, Чагодаевой Неды, Чудиновой Кати, Касимовой Кати, Миклашевской (Узелац) Натальи, Маркович Зоры, Маркович Радмилы, Пастуховой (Веригиной) Ольги, Редель (Хрусталева) Анны, Сидоровой (Мироновой) Татьяны, Захаревской Ольги, Касимова Алексея, Илинского (Ильинского) Николая, Коровина Александра, Малосея Ивана, Скрыгиной Лии, Скрыгина Георгия¹⁵⁵⁵.

Несколько слов о некоторых из названных. Ирена Александровская (Строцци) – ученица школы М. Фроман. Несколько сезонов была солисткой в Народном театре в Загребе. Потом была Варшава, Париж, где она три года танцевала в «Фоли Бержер». В 1933

1553 Арсеньев А. Биографски именик. С. 318; *Podkovac Z.* Указ. соч. С. 159; *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. С. 137.

1554 *Podkovac Z.* Указ. соч. С. 161–162; *Kononović O.* Uspomene o baletu Zagrebačkog kazališta // *Ibid.* С. 169–171; *Васильев А.* Триполитова К. Маленькая балерина. С. 115.

1555 *Podkovac Z.* Указ. соч. С. 158–159.

г. Ирена вернулась на некоторое время в Загреб, чтобы потом вновь уехать в Париж, где она и умерла в середине 1980-х гг.¹⁵⁵⁶

Ее имя овеяно многочисленными легендами.

К этому стоит добавить, что именно ей Вертинский посвятил в 1934 г. всеизвестный романс «Пани Ирэна».

Насмешница моя, лукавый рыжий мальчик,
 Мой нежный враг, мой беспощадный друг,
 Я так влюблён в Ваш узкий длинный пальчик,
 И лунное кольцо, и кисти бледных рук,
 И глаз пленительных лукавые расстрелы,
 И рта порочного изысканный размер,
 И прямо в сердце мне направленные стрелы,
 Мой падший Ангел из «Фоли Бержер».
 А сколько хитрости, упрямства и искусства,
 Чтоб только как-нибудь подальше от меня
 Запрятать возникающее чувство,
 Которое идёт, ликуя и звеня. Я верю в силу чувств.
 И не спешу с победой.
 Любовь – давление в сто тысяч атмосфер,
 Как там ни говори, что там ни проповедауй
 Мой падший Ангел из «Фоли Бержер».

Нина Брюховецкая (1907 – ?) танцевала в Загребском театре в 1922—1934 гг. После Второй мировой войны и смерти мужа покончила жизнь самоубийством¹⁵⁵⁷.

Наталья Миклашевская (25.08.1901, Москва – ?) прибыла в Загреб вместе с Маргаритой Фроман. Исполняла сольные партии, гастролировала иногда вместе с Фроманами. Мастер характерных ролей. Вышла замуж за художника М. Узелца. Потом был Париж, труппа Дягилева¹⁵⁵⁸.

Известен своими разносторонними дарованиями Георгий (Жорж) Владимирович Скрыгин (1910–1997). Жизнь этого удивительного человека была настолько ярка, что невозможно «обойти» его здесь. Учился в Крымском кадетском корпусе в Белой Церкви, потом в Загребской русской гимназии. Окончил балетную студию у Маргариты Фроман. Зарабатывал деньги, участвуя в кордебалете театра оперетты. С 1930 г. танцевал на сцене Хорватского Народного театра. Свободное время отдавал фотографии. Со временем стал признанным мастером художественной фотографии в театральной среде хорватской

1556 Там же. S. 163.

1557 Там же. S. 163.

1558 Там же. S. 164.

столицы. Принимал участие в международных выставках. Обладатель высших призов. В 1937 г. получил звание лучшего в Королевстве художественного фотографа. В годы войны ушел в партизаны. В 1942 г. участвовал в создании Театра народного освобождения при Верховном штабе Иосипа Броз Тито. Снял два документальных фильма. В апреле 1942 г. как фотограф участвовал в боевых действиях, снял сцены освобождения оккупированных территорий. Некоторые снимки были удостоены призов. Многие фото вошли в его книгу «Rat i pozornica» «Война и сцена», 1968). В 1944 г. был художественным руководителем балетной и оперной трупп в Народном театре Белграда. В послевоенные годы работал в области кинематографии – кинооператор, сценарист, режиссер (снял 11 документальных и 8 художественных лент. Длительное время был секретарем Союза работников кино Югославии. Награжден многими югославскими орденами и французского ордена Croix d'Or du Mérite Civique¹⁵⁵⁹. Добавлю, что в послевоенный период находил время, чтобы поставить «Половецкие пляски» (по Фокину)¹⁵⁶⁰.

К этому стоит добавить одну «картинку» как Жорж Скрыгин уходил в партизаны.

22 апреля 1942 г. он вместе некоторыми другими коллегами по творческому цеху ушел в «лес» одетый, чтобы не вызвать подозрений у полиции, по последней моде (шляпа черный борсалино, костюм из твида, элегантные тонкие туфли)¹⁵⁶¹.

Необычная судьба сложилась у Анны Аркадьевны Редель (1908–2003). Она стала первой балериной, вернувшейся из эмиграции в СССР, отмеченной многими наградами, получившей звание заслуженной артистки Российской Федерации.

Будущая звезда советской эстрадной хореографии 11-летняя Анна постигать тайну балета начала в школе Маргариты Фроман в Ялте, куда бежала с матерью из красной Москвы. Потом был обычный путь в Константинополь, выступления концертах. Вошло в легенду ее выступление в Софии, где Аня вместе с Валею Гуревич танцевали «Кошечек» на музыку Делиба. Во время танца он зацепились хвостами и никак не могли расцепиться. Их усилия, окончившихся оторванным хвостом у одной из «кошечек» только веселили зрителей, пришедших в восторг от такого зрелища!¹⁵⁶² С того времени в среде мхатовцев ее долгое время ее называли, добродушно смеясь, «кошечкой».

С этой школой начинающая балерина отправилась в свое первое турне, принесшее успех юной Анне. Постоянным местом своей «кочующей» труппы Маргарита избрала Загреб. Соответственно, вслед за своим педагогом в столице Хорватии обосновалась и 14-летняя Анна Редель, танцевавшая заглавные партии в ряде балетов, ставившихся Маргаритой Фроман. Известно, что в 1922 г. «гостивший» со своей труппой в Загребе Константин Станиславский, увидев Анну и поговорив с ней, посоветовал ехать в Москву и там продолжить учебу. С. Серова, автор прекрасной книги о жизни в искусстве Анны

1559 Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т.2. С. 408–409.

1560 Драгутинович Б. Указ. соч. С. 151.

1561 Vanović S. Hrvatsko državno kazalište u Zagrebu. S. 19.

1562 Серова С. Анна Редель и Михаил Хрусталеv. М., С. 16.

Редель и ее партнера Михаила Хрусталева пишет, что на подаренной балерине своей фотографии Станиславский написал: «Бог Вас не обидео талантом. Не обижайте и Вы бога. Помните притчу о талантах. Работайте и верьте в будущее.»¹⁵⁶³

И здесь еще одна загадка: почему солистка Анна «вняла» совету знаменитого собеседника и покинула свою наставницу? Ответов может быть много, например, балерину «не устраивала» по некоторым, неизвестным причинам, сама Фроман? Может быть тут надо искать роль матери, с которой Анна не расставалась? Возможно, нежелание связывать себя узами брака с Валентином, братом Маргариты Фроман? Может, грезы о новой России, новом искусстве...?

Но итог один: с 1924 г. Анна Редель в красной Москве: учится, танцует, в том числе в Колонном зале Дома Союзов, Большом театре, преподает, концертирует, выступает со своим партнером в стиле балетной эксцентрики, в симфоническом танце, в пантомиме ...

И в заключении, позволю себе сослаться на прославленную Ольгу Лепешинскую. «...Если можно говорить об академизме применительно к эстраде, а я уверена, что можно, то Редель и Хрусталева были представителями академической школы»¹⁵⁶⁴.

Имя Анны Редель, нашей современницы, вошло в историю эстрады.

В 1920 г. на сцене Загребского Народного театра публика видела Елизавету Андерсон (правильно: Андерсон – В. К.) и Александра Кочетовского, в 1930 г. – Никольскую Елизавету и Андрея Дроздова¹⁵⁶⁵

Немного из их биографий.

Выпускница Московской балетной школы Е. Андерсон-Иванцова (1893–1973) танцевала на сцене Большого театра, исполняя заглавные партии в «Лебедином озере», «Коньке-горбунке», «Раймонде», «Спящей красавице», «Дон-Кихоте» и других спектаклях. Позже ставила балетные номера для «вещичек» Н. Балиева. С его театром «Летучая мышь» в 1923 г. приехала в США, где организовала свою балетную студию.

Елизавета Николаевна Никольская. О ней я упоминал немного ранее. Ее имя теснее всего связано с Прагой, где она была прима-балериной, балетмейстером столичного национального театра, директором организованной ею в 1922 г. своей балетной школы в Праге. В знаменитом мае 1945 г. покинула «новую» Чехословакию навсегда¹⁵⁶⁶.

Другая судьба, трагическая, ждала ее партнера, георгиевского кавалера, офицера-деникинца Андрея Федоровича Дроздова (1891–1935). Эмигрантские дороги приводили его в Азию, Европу, Америку. Был солистом национальной оперы в Праге. Гастролировал с Елизаветой Никольской по многим странам. В Румынии, куда он приехал по контракту,

¹⁵⁶³ Цит. по: Там же. С. 21.

¹⁵⁶⁴ Цит. по: Там же. С. 153.

¹⁵⁶⁵ *Podkovač Z.* Указ. соч. С. 141.

¹⁵⁶⁶ Незабываемые могилы. Т. 5. 2004. С. 129.

был забит до смерти румынскими солдатами в отместку за его высказывания о том, что «земля эта русская, а румыны – захватчики»¹⁵⁶⁷.

Навсегда связала свою жизнь с Хорватией Орлова (в замужестве Наумова) Ольга Дмитриевна (1903–1993; у Т. В. Пушкадия-Рыбкиной указано 25 дек. 1991). Учила хореографию у жены Нижинской Ромолы. Потом была Ялта, где она овладевала искусством балета в школе Маргариты Фроман. В 1920 г. в составе труппы Маргариты Фроман Ольга Орлова вместе с Анной Редель, Натальей Миклашевской, Беловой выступала в Болгарии, в Королевстве СХС. После концерта в Загребе дирекция театра подписала контракт со всей труппой. С 1921 г. выступала на сцене Загребского Народного театра. В сезоне 1932/33 г. выступала в составе труппы Осиекской оперы. В ее «послужном списке» выступления в составе Русской оперы в Париже, в труппе Анны Павловой и других. Она танцевала в «Жар-птице», «Лебедином озере», «Половецких плясках», «Шехерезаде» и др. спектаклях. После возвращения в Загреб вплоть до 1949 г. Ольга продолжала исполнять сольные партии. Уже после войны, в 1949–1954 гг. она работала шефом балета и хореографом в театре хорватской Риеки, куда была перемещена решением министерства. Этот перевод восприняла вначале как «отъезд в Сибирь», но потом балерина уже не жалела о своем приезде в этот город. Последний раз танцевала в «Охридской легенде» в 1949 г. В 1956 г. вышла на пенсию¹⁵⁶⁸. Хорватский народный театр имени Ивана Зайца в Риеке ежегодно присуждает почетную награду «Olga Orlova» за лучшую мужскую и женскую роль в балете¹⁵⁶⁹.

Обязательно надо назвать имя Ольги Михайловны Соловьевой (1900–1974), искусство танца которой было известно ценителям Терпсихоры в Азии, Европе и Америке. Она танцевала в русском балете в Нью-Йорке и в Филадельфии у Михаила Фокина, в Канаде у Михаила Мордкина, в Чили, Бразилии и других странах, континентах, в центрах цивилизации и в глухих углах вроде Тринидада. После окончания своей карьеры, она время от времени выступала на сценах Королевства Югославии, где обосновалась до конца своих дней. В 1929 г. ее искусство можно было увидеть в Сараевском Народном театре, в 1930 г. – в Новом Саде, в 1931 г. – в словенском Мариборе. Конечно, были выступления и в Белграде, где она в 1931–1933 гг. успела и успешно сняться в нескольких фильмах известного знатокам истории кино Александра Черепова. Ее дом, вблизи Дубровника, построенный ею на мысе Цавтата, посещали Святослав Рихтер, Мстислав Ростропович, Арам Хачатурян¹⁵⁷⁰. Перед войной у нее можно было встретить русских эмигрантов из разных краев Югославии, поговорить и послушать других, внимать пению и музыке, рисовать, лепить... После войны в ее доме поселились родители – Михаил Алексеевич и Марина Васильевна Соловьевы, а также старшая сестра Лидия Михайловна с мужем Владимиром Александровичем Ираклиди.

1567 Там же. Т. 2. 1999. С. 427.

1568 Арсеньев А. Биографски именик. С. 287; *Podkovac Z.* Указ. соч. С. 159, 161; *Puškadija-Ribkin T.* *Emigranti iz Rusije.* С. 155.

1569 *Пушкадия-Рыбкина Т., Грубмайр И.* Указ. соч. С. 189.

1570 *Arsenjev A.* *Ruska emigracija u Dubrovniku.* С. 71–75.

Эта русская семья не мыслила себя вне искусства. Сама Ольга Соловьева так любила летний театральный фестиваль в Дубровнике, что завещала ему свой дом для отдавших все силы и годы служителей муз – художников, актеров, скульпторов, и прочих рабов искусства.

На сараевской сцене выступали Елена Виноградова, Всеволод Небо, Асим Буква, Алексей Юденич¹⁵⁷¹.

А что же сейчас с русскими именами в балете? К моей радости искусства Терпсихоры «связующая нить» не прервалась.

В том же Сараево шеф балетной труппы – Евгений Гапонко. Солисты балета – Екатерина Верещагина, Олег Карацев.

В балетном мире известно имя Лильяны Хмелы (1944). С ней мне посчастливилось встретиться в Белграде в 2009 г. Она рассказывала, что вначале ее увлекала история искусства, но в 1963 г. «ушла в театр, в балет», закончив к этому времени балетную школу.

Из своих преподавателей помнит голубоглазую Ольгу Йордан с изумительными серьгами, которые ей подарил «чича» (дядя), потом Лильяна поняла, что речь шла о ее поклоннике Сталине. Врезался в память и дававший уроки Абдурахман Кумысников. Учил он отлично, но у своенравной Лильяны был в «черном списке».

Стала выступать в столичном Народном театре. В «Лебедином озере» – главные партии. В «Жизели» – Марту. В «Дон Кихоте» – Мерседес. В «Коппелии» – Сванильду. В общем, танцевала все, что было в репертуаре. В 1970–1980 гг. выступала по всему миру. В 1979 г. танцевала партию няньки в «Ромео и Джульетте», которую с удовольствием вспоминает и сейчас. Любила партию «Черного лебедя».

После оставления сцены занималась балетом с детьми в Белграде и в Вальево. Именно благодаря Лильяне я получил возможность познакомиться тогда же, в начале июня 2009 г., еще с двумя звездами – Лидией Пилипенко и Владимиром Логуновым.

В своем коротеньком письме ко мне Лидия писала: «Я родилась в Югославии, на Балканах (1938 г. – В. К.). Карьеру начала здесь. Весь мир объехала и везде имела успех. Балет был и остается моей самой большой любовью. Профессия танца – язык мира. Мой отец после революции должен был скрыться. Сама я украинка-русская. Этим и горжусь. В Москве на фестивале балета была в качестве почетного гостя. Многие из великих имен в русском балете были моими учителями... Сейчас работаю над книгой об истории балета, точнее, пишу воспоминания о том времени, когда была прима-балерина, потом хореограф и режиссер»¹⁵⁷². К сожалению, Лидия тогда улетала срочно в Италию и закрепить наше знакомство личной встречей не удалось. Мне от нее досталось короткое письмо и роскошный буклет с великолепными фотографиями о балете «Нечиста кръв» («Нечистая кровь») – либретто которого, хореография и режиссура, музыкальная компоновка принадлежали

1571 Arsenjev A. B. Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М., 2011. С. 145.

1572 Письмо Пилипенко Л. автору от 4 июня 2009 г. (Архив автора.)

Лидии Пилипенко. Уже отсюда можно заключить, сколь щедро она награждена талантами. На страничке, отведенной Лидии, родившейся в конце 1930-х гг., были следующие строки: «Творчество прима-балерины и хореографа Лидии Пилипенко больше всего связано с балетом Народного театра в Белграде. После специализации в Лондоне у Нинетт де Валуа и блестящей карьеры в белградском балете, она стремительно и вполне заслуженно входит в ряд ведущих хореографов страны. На музыку отечественных композиторов поставила балеты: “Банович Страхиња” и “Елизавета” Зорана Ерича в Белграде, а “Вечный жених и разборчивая невеста” Зорана Мулича в Нови-Саде. За хореографию спектакля “Банович Страхиња” награждена в 1981 г. в Любляне. Также удостоена награды за хореографию балетов “Елизавета” и “Вечный жених”. Потом ставила для белградского балета на музыку Сен-Санса “Самсона и Далилу”, открывавшего балетный сезон Народного театра после реконструкции в 1989 г. театрального здания. За этот балет она была отмечена наградой Народного театра. Поставила балеты: “Воскресение” на музыку III симфонии Густава Малера, “Даму с камелиями” на музыку Джузеппе Верди <...>. Также, в 1994 г. в Народном театре поставила балет “Любовь-волшебница” Мануэла де Фальи и “Шехерезаду” Николая Римского-Корсакова, а в 1998 г. “Женщину” на музыку Сергея Рахманинова. С одинаковым успехом выступала на ТВ и в фильмах, в мюзиклах <...>. Успешной была ее хореография в операх “Кармен”, “Аида” <...>. В рамках программы “Конец XX века..?” в столичном Народном театре в 1999 году поставлены два одноактных балета: “Картины” по оригинальной партитуре А. Шенберга “Преображенная ночь” и балет “Клетка” на музыку Малера, обновленная премьера которого состоялась в 2007 году. В 2000 году она ставит “Охридскую легенду” Стевана Христича. Поставленный ею в 2004 г. балет “Поэт Чайковский” на музыку П. И. Чайковского был провозглашен лучшим спектаклем сезона 2003/04 г. в Народном театре. Лауреат премии за дело жизни (2001 г.), премии “Димитрий Парлич” (2004 г.) и Национальной награды за вклад в культуру (2007 г.). Директор балета Народного театра в 1992–1993 гг. и в 1997–2000 гг.»¹⁵⁷³.

Балерина Лильана Хмела в разговоре со мной о Лидии, ее таланте, ее яркой индивидуальности, нашла точное слово: она «глотала» всех на сцене.

Надеялся на выход ее мемуаров, но, увы, в 2020 г. она покинула этот мир, свой балет.

Стоит добавить, что в 2021 г. в Народном театре была открыта посвященная Лидии выставка «Творчество в двух актах» («Стваралаштво у два чина»).

С хореографом Владимиром Логуновым у меня была встреча за чашкой кофе в гостинице «Москва», что в самом центре Белграда. В основном, разговор шел вокруг его спектакля «Доктор Джекил&мистер Хайд», поставленного 27 декабря 2001 г. на сцене Народного театра по роману Роберта Луиса Стивенсона. Владимир Логунов был автором либретто и ставил хореографию, отмеченную высокой наградой. Сам он говорил так о своей работе: «Я написал либретто, прослушал многих композиторов, но, услышав му-

1573 Нечиста крв. Буклет спектакля. Београд. С. 21.

зыку Эдварда Элгара, понял, что это та, которая мне нужна для выражения всех чувств ученого-химика доктора Джекила. Он хотел найти напиток, который сделает человечество счастливым. Однако, испробовав его на себе, доктор Джекил превращается в агрессивного мистера Хайда. В балете идет столкновение между добром и злом. И здесь, когда Джекил превращается в Хайда, я использовал барабан (играл Драголюб Джуричич). Идея барабана мне пришла во время демонстрации против Милошевича. Когда я был с этим балетом в Любляне, австрийская журналистка спросила меня, имеет ли спектакль связь с Милошевичем, я ответил, что это ошибочный вопрос, что ей не понравилось».

Немного сведений справочного характера. Владимир Евгеньевич Логунов родился 28 июля 1942 г. в Белграде. Его родители надеялись, что он станет строителем, но Владимир, закончив параллельно техническое училище, предпочел балет, что совершенно не одобрили в семье. После завершения в 1964 г. балетной школы «Луи Давичо» в классе Нины Кирсановой он становится солистом балета Народного театра. Танцевал главные партии. За роль Копелиуса (1979 г.) отмечен театральной наградой.

Что еще? Стажировался в 1974 г. в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС). Хореографией стал заниматься с 1979 г.

На балетных конкурсах в Нови-Саде, в категории хореография, завоевал две бронзовые и одну серебряную медали.

С 1980 г. по 1985 г. был главным балетмейстером в Народном театре. Работал хореографом, кроме Белграда, в Новом Саде, Сплите, Загребе, а также для «Встреч» в Любляне и «Рагузы балета» из Италии, трудился на Кипре. Сейчас продолжает сотрудничество с балетом Народного театра в Белграде, преподает в балетной школе «Луи Давичо». Его хореографическая деятельность охватывает такие балеты, как «Дон Кихот» (Л. Минкус), «Спящая красавица» (П. И. Чайковский), «Кармен» (Щедрин-Бизе), «Forma Viva» (А. Вивальди), «Кармина Бурана» (К. Орфф), «Серенада» (П. И. Чайковский), «Поэма любви» (С. Дивьякович), Симфония «Из Нового света» (А. Дворжак), «Щелкунчик» (П. И. Чайковский), «Cartoon» (З. Ерич). Владимир Логунов входит в Международный совет по танцу при ЮНЕСКО в Париже.

К этому списку можно добавить, что в 2004 г. ставил в Македонии балет «Тамула» (композитор Стоян Стойков). В 2007 г. в Сараево прошла его постановка «Картинок с выставки» Модеста Петровича Мусоргского.

И теперь немного для финала: Владимир в разговоре со мной обронил такую фразу: «Вся жизнь в восторге от любимой работы. Мне никогда не было скучно».

Не скучает он и сейчас. Преподает в балетной школе с почти непрменной постановкой «Щелкунчика», в котором могут быть задействованы студенты и народного и современного танца, младших и старших классов, что позволяет следить за творческим ростом воспитанников.

Владимир Логунов назвал мне еще двух балерин, связанных кровным родством с Россией. Это – Елена Шантич, с которой он выступал на сцене, и Соня Лапатанов.

Итак, Елена Шантич. Писать о ней легко, так как в 2005 г. в Белграде вышла о ней книга «Jelena Šantić», и трудно уже вследствие того, что своих воспоминаний она не оставила. Тем не менее, все же попытаюсь представить эскизно черты ее жизни и творчества. История ее семьи, связанная с княжеским родом Хованских, сложна и цветиста: там есть участница штурма Берлина, герой Советского Союза Елена Силина, тетка Елены, и глава полиции в Белграде, отец Елены, и поэтесса Клавдия Лукашевич, прабабка Елены, и французская бабушка Елизавета Николаевна, вышедшая вторично замуж за князя Владимира Николаевича Гагарина; там есть и аресты и коммунистическая тюрьма, в которой сидел без предъявления обвинения отец Елены, и кино, югославское и итальянское, и Монте-Карло и Санкт-Петербург, Сибирь¹⁵⁷⁴ и многое другое, которого хватило бы на добрый десяток романов.

Елена или Лела, как ее звали в семье, родилась 18 июля 1944 г. в с. Белый Поток, что под горой Авалой, близ Белграда, в семье Татьяны (урожд. Лукашевич) и Миливое Йованович¹⁵⁷⁵. Мама Татьяны Елизавета Николаевна была женой полковника русской армии варшавянина Вячеслава Николаевича Лукашевича, погибшего в первую мировую войну¹⁵⁷⁶. Семья будущей балерины по материнской линии самым теснейшим образом была связана с театром. В ее доме царили литература, музыка, живопись и балет¹⁵⁷⁷.

Достаточно сказать, что ее тетка Ирина Лукашевич-Форменти была известной балериной, в частности, танцевала в труппе полковника де Базили, и звездой раннего итальянского кино и балета, снималась у знаменитого Витторио де Сика¹⁵⁷⁸.

Сама Елена о себе говорила так: «Сколько я себя помню, я ничего другого не хотела, кроме как стать балериной»¹⁵⁷⁹. Во время ее учебы в балетной школе (1954–1962), получившей имя «Луи Давичо», одной из ее учительниц стала Соня Ланкау, входившая в плеяду первых русских балерин в довоенной Югославии¹⁵⁸⁰. В 1960 г. была на специализации в Монте-Карло, где брала уроки у Марики Безобразовой. В том же году первый раз выступила на театральной сцене в концерте школы Р. Хайтауэр в Каннах, исполняя *Ras de quatre Ц. Пуни*¹⁵⁸¹. В 1962 г. снимается в фильме Саввы Мрмака «Свист в восемь» и начинает выступать в Народном театре, куда Елена была принята в штат через год по окончании балетной школы¹⁵⁸².

В 1972/73–1973/74 гг. стажировалась у Марины Семеновы. По возвращении танцует в таких балетах, как «Золушка», «Жизель», «Макар Чудра» («Цыганская поэма»), «Лебединое

1574 Šantić J. Београд, 2005. S. 19, 21, 23, 24, 25, 33, 36, 39, 49, 107, 217.

1575 Там же. S. 19.

1576 Там же. S. 23.

1577 Там же. S. 107.

1578 Там же. S. 21, 36.

1579 Там же. S. 107.

1580 Там же. S. 217.

1581 Там же. S. 217.

1582 Там же. S. 41.

озеро», «Сильфиды», «Анна Каренина», «Пер Гюнт», Сказки Гофмана», «Баядера», «Ромео и Джульетта», «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Коппелия». В 1986 г. завершает свою карьеру балерины в имевшем ошеломляющий успех спектакле «Настасья Филипповна», где Елена танцует заглавную роль¹⁵⁸³. Критик в «Политике» Ласло Вегел так писал о роли Елены Шантич: «Воскресшей жертве преступления отнята способность речи, но ее экспрессивный танец предвещает Апокалипсис»¹⁵⁸⁴.

Потом в творчестве Елены наступил новый этап, связанный с хореографией. Ее первой работой в 1987 г. стала хореография в постановке «Кровавый фонтан» А. Арто¹⁵⁸⁵, создателя театра жестокости. В том же году и в последующем ее имя как хореографа стоит в программах таких постановок «Герцогиня Мальфи» Джона Вебстера, «Из жизни дождевых червей» П. Энkvиста, «Вaal» Б. Брехта¹⁵⁸⁶. В 1989 г. она ставит хореографию в «Орестее» Эсхила¹⁵⁸⁷.

Чтобы смягчить сухие строчки ее биографии, дам три картинки.

Первая, на ежегодных театральных фестивалях в Белграде (БИТЕФ) Елена к их открытию устраивала «русские обеды». На одном из них подавали неизвестные гостям борщ и кисель¹⁵⁸⁸.

Вторая, никто так не умел носить платье, как это умела Елена с присущей ей грациозностью, отшлифованной балетом. Но эта была грация не лани, а тигрицы. Она элегантно царила в принадлежащем ей «пространстве» и неустрасимо осваивала новые «просторы»¹⁵⁸⁹.

Третья, дорога Елены к русскому языку была трудной: в 1948 г. после разрыва СССР с Югославией в ее семье, опасаясь репрессий, перестали говорить на русском языке, восстановив его только в 1960 г. в Монте-Карло, когда она там некоторое время жила у своей тетки Сони¹⁵⁹⁰.

После выхода в 1990 г. на пенсию Елена активно включается в миротворческую деятельность. В 1991 г. стала одной из основательниц «Марша мира» в Югославии. Являлась автором «Воззвания к миру» с призывом к участникам конфликта остановить войну в Югославии¹⁵⁹¹.

1583 Там же. С. 49, 217, 218, 219, 220.

1584 Там же. С. 50.

1585 Там же. С. 54.

1586 Там же. С. 63.

1587 Там же. С. 230.

1588 Там же. С. 46.

1589 Там же. С. 34.

1590 Там же. С. 39.

1591 Там же. С. 221.

Балет не хотел отпускать ее сразу. В 1992 г. написала либретто и поставила хореографию балета «Изадора» об Айседоре Дункан. Он был показан на Битефе, но в театральный репертуар не вошел¹⁵⁹².

В 1995 г. создала группу единомышленников по оказанию помощи и размещения 484 сербских беженцев из Краины (Хорватия). Позднее эта группа переросла в неправительственную организацию под названием «Группа 484»¹⁵⁹³.

И последнее, Берлинский парк мира с 22 марта 2003 г. носит имя Елены Шантич.

Теперь о Соне Лапатов, балерине, хореографе, авторе программ о балете, завзятой путешественнице.

Как вспоминает сама Соня на страницах журнала «Иллюстрирована политика» («Иллюстрированная политика»), члены ее семьи были русскими, жившими на Украине. Дедушка Петр работал дерматовенерологом и принадлежал к известной фамилии врачей в Бердянске. Бабушка Маруся происходила из богатой татарской семьи, занимавшейся переработкой дерева. У них было двое сыновей, с которыми они в 1921 г. и отправились из России последним пароходом в неизвестность. Через Царьград, Грецию они прибыли в живописный Котор. И в Королевстве сербов, хорватов и словенцев началась новая жизнь. Дедушка стал работать по прежней специальности в королевской армии: служил в Словении, Македонии, Боснии, Хорватии, Сербии... Их сын Николай, отец Сони, продолжил семейную традицию, став врачом. Ее мать Йоханна Мария была немкой из Берлина. Знакомство ее родителей произошло в Афинах, куда она приехала в качестве медицинской сестры, а Николай там был интернирован после своего пленения в 1941 г. Появившаяся на свет уже после войны Соня вначале стала говорить на немецком, а уж потом начала болтать на русском, а затем овладела и сербским языком. В Белграде вся семья Лапатовых жила в доме деда на русский манер: праздновали традиционно Рождество, Пасху, Новый год, именины. При этом церковные праздники старались отметить незаметно от новых властей, занавешивая окна. К этому добавлю, что их дом, стоявший там, где сейчас находится посольство РФ, был напротив тюрьмы.

В восемь лет ее приняли в балетную школу «Луи Давичо». Родители не протестовали: думали, что дочка научится красиво двигаться, держать прямо спину, а профессию все же выберет отца и деда – врача. Однако они ошиблись, и семейная традиция была прервана. После окончания гимназии и балетной школы Соня получила ангажемент в Народном театре, куда приезжала на роликовых коньках или на мотоцикле. Быстро освоила балетный и оперный репертуар. Через полгода начала выступать и на телевидении в известной балетной группе Бориса Радака.

В театре также все шло успешно, выезжала вместе с другими на гастроли по Европе и странам Ближнего Востока. Однако больших партий у нее не было. Она так бы и

1592 Там же. С. 231.

1593 Там же. С. 9.

осталась на сцене «вечным балетным кустом», как выразился ее поклонник, намекая на второе действие «Жизели», где в сценографии есть некие кусты, из-за которых появляются виллисы. Правда слов была очевидна. Размышляя над сказанным, над тем, к чему она стремится в балете, Соня призналась себе, что она не тот солдат, который должен выполнять приказания других, а сама хочет ставить балеты, стать хореографом. Ее послали в Москву в Государственный институт театрального искусства, последовало знакомство с Майей Плисецкой, Мариной Тимофеевой, Галиной Улановой, Юрием Григоровичем, Александром Годуновым... После окончания стажировки вернулась в Белград. Через некоторое время уехала в Нью-Йорк, где проникала в тайны мюзикла, джаз-балета. Соня становится мастером сценического движения. В многочисленных спектаклях она вплетает в игру актера, помимо выполнения традиционных движений, и акробатику и пантомиму... Особенно успешно она работает в постановках для детей. Среди ее многочисленных наград ей особенно дорога премия Стерии¹⁵⁹⁴. Из спектаклей, над которыми она трудилась, можно назвать «Ромео и Джульетта из двух цивилизаций» (Котор, 2007 г.), «Новелла любви» (Новый Сад, 1996 г.), «Кот в сапогах» (Белград, 1995 г.), «Волшебник из страны Оз» (Котор, 1994), «Снежная королева» (Белград, 1998 г.), «Оливер Твист» (Белград, 1998 г.).

В 42 года ушла на пенсию.

В 2014 г. была включена в лист 200 самых влиятельных женщин Сербии.

С 2004 г. по 2012 г. Соня Лапатанов возглавляла Союз артистов балета Сербии.

В 2015 г. вернулась на сцену для участия в шоу-программе «Я могу все».

У балерин есть и свой историограф – театровед Милица Зайцев, знающая балет «изнутри». И я глубоко благодарен Соне Лапатанов, подсказавшей мне обратиться к Милице, что я и сделал.

Достаточно сказать, что в числе учителей Милицы была Нина Кирсанова в знаменитой школе «Луи Давичо». Более того, Милица сама преподавала классический балет в балетной школе в Скопье. Начала было выступать на сцене с небольшими сольными партиями в балетной труппе Народного театра Македонии, но ее карьера была внезапно прервана вследствие травмы. Сцену пришлось балерине оставить, но только не искусство балета. Милица «перешла» в ряды театральных критиков. С 1955 г. она пишет статьи, эссе, критические обзоры о балетном искусстве. С 1960 по 1995 г. Милица работала в газете «Борба». С 1995 по 1998 г. – в газете «Наша Борба». Потом, вплоть до сегодняшнего времени Милица пишет для газеты «Данас» («Сегодня»). Ее статьи появляются в журналах «Позориште» («Театр»), «Театрон», «Сцена» и в других периодических изданиях, связанных с театром. Она авторитетный член сербского специализированного журнала «Orchestra». Милица Зайцев автор таких книг, как «Откривамо тајне балета» («Открываем тайны балета») Нови Сад, 1992; «Игра што живот значи Записи о београдским балетским

1594 *Milošević S. Sonja Lapatanov balerina I svetski putnik Doživotna verenica // Ilustrovana politika, № 2385, Beograd, 2004.*

уметницима) («Танец как жизнь Записки о белградских мастерах балета»), Белград, 1994 (в 1995 г. автор книги отмечен премией Стерии за театрологию); «Игра – одраз времена садашњег. Хроника играчких догађања на београдским алтернативним сценама од 1960 до 2007. године. («Танец – отражение сегодняшнего времени. Хроника событий на белградских альтернативных сценах с 1960 до 2007 года») 2009.

В сущности, Милица – везде, где разговор идет о балетном искусстве: газеты, журналы, энциклопедии, радио и телевидение. Отдельно отмечу, что она автор свыше восьмидесяти телевизионных передач и серий о балете и его мастерах. Милица публикуется в таких признанных международных журналах, как «Ballet today», «Dance magazine», «Ballet review». Перечислять все ее звания и должности можно долго, скажу, что Милица одно время возглавляла Совет Белградского международного театрального фестиваля, известного всем любителям театра как знаменитый БИТЕФ. Ее деятельность в сфере балета отмечена и наградами, врученными ей своими коллегами, что особенно ценно¹⁵⁹⁵. Правительство Республики Сербии также отметило ее большой вклад в развитие искусства и культуры, большой и весьма ценной наградой, а именно выплатой Национальной пенсии.

И, конечно, на сцене того же Белграда были исполнители, не связанные с эмиграцией. Например, Денис Касаткин, рожденный в Новосибирске. В 1991 г. он входил в труппу балета Народного театра в Сараево, а в следующем году уже выступал в Белграде, танцевал главные партии в таких балетах, как «Дама с камелиями», «Любовь-волшебница», «Самсон и Далила», «Охридская легенда», «Лебединое озеро», «Ромео и Джульетта», «Спящая красавица», «Дон Кихот», «Половецкие пляски», «Жизель». В списке его спектаклей были и «Летучая мышь», «Кармен», «Аида». И новые постановки, например «Доктор Джекилл&Мистер Хайд». Отмечен наградами за роли Базиля в «Дон Кихоте» и принца Дезире в «Спящей красавице».

Сейчас его имя связано с работой балетной школы «ART-Denis Kasatkin» в г. Кралево.

Сюда можно добавить и имя рожденного в СССР воспитанника Киевской государственной балетной школы Константина Костюкова (1967). Сейчас именуется артистом украинского происхождения. С 1991 г. член балетной труппы Народного театра в Белграде, позднее стал ее руководителем. Его талант отмечен многими наградами, в том числе международными. Его выступления видели на многих сценах мира. Танцевал заглавные партии во многих спектаклях балетной классики, поставленных Лидией Пилипенко и Владимиром Логуновым. В частности, ставил в сезоне 2013/2014 г. в Нови-Саде «Ромео и Джульетту». В ноябре 2021 г. он привез на Чеховский фестиваль самый знаменитый спектакль «Ловцы снов. Хазарский словарь» по роману Милорада Павича.

Еще немного о русских.

---

¹⁵⁹⁵ Биография Милицы Зайцев. Библиографии работ. Присланы Милицей Зайцев автору от 24 ноября и 2 декабря 2009 г.

Весной 1920 г. в Сараево, после гастролей в Загребе и Белграда в зале Общественного дома, нынешнего Национального театра, что на набережной Кулина бана) выступала труппа блистательной Марии Юрьевой¹⁵⁹⁶. Ее имя было известно поклонникам балета, среди которых можно назвать и Александра Вертинского, посвятившего «предмету своей любви» довольно злое стихотворение «Трефовый король» (Ранее – «Злая песенка»), а также стихи «О шести зеркалах» и грустная «Аллилуйя».

*Ах, вчера умерла моя девочка бедная,
Моя кукла балетная в рваном трико.
В керосиновом солнце закружилась, победная,
Точно бабочка бледная, – так смешно и легко.
Девятнадцать шутов с куплетистами
Отпевали невесту мою.
В куполах солнца луч расцветал аметистами.
Я не плачу! Ты видишь? Я тоже пою! <...>
Упокой меня, Господи, скомороха смешного,
Хоть в аду упокой, только дай мне забыть, что болит!
Высоко в куполах трепетало последнее слово
«Аллилуйя» – лиловая птица смертельных молитв.*

23 и 24 апреля для жителей Сараево, купивших билеты на «русский концерт», был настоящий праздник. Вместе с Марией Юрьевой танцевали Галина Арцыбушева, Елизавета Козловская и Петр Лени. Сараевская пресса писала, что их танец был замечателен по «виртуозности и субличности». Само выступление на сцене Марии Юрьевой воспринималось зрителями как «техническое и художественное совершенство, а также вид самой балерины были восприняты как что-то сверхъестественное, до сих пор невиданное. Публика наградила ее овациями, критики сравнивали ее с великой русской балериной Анной Павловой»¹⁵⁹⁷.

Уже много лет позже, перебравшись за океан, Мария Юрьева держала свою балетную школу в Нью-Йорке.

В 1944–1945 гг. шефом балета Хорватского Народного театра в Сплите была Мэри Зыбина, балетмейстером и хореографом в Риекской опере – Ольга Орлова-Наумова, шефом балета и хореографом Македонского Народного театра в Скопье – Александр Доброхотов.

Балетными педагогами на югославской земле работали Надя Мурашова, Ирина Литвинова, Тамара Полонская, Соня Ланкау, Людмила Костина...¹⁵⁹⁸

1596 Пано Э. Влияние русских балетных традиций на балетное искусство. С.233.

1597 Цит. по: Там же. С. 234.

1598 Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 209.

Прима-балеринами и хореографами в театре были Людмила Михайловна Костина (1908–1974 гг.) и Елена Павловна Андреева (1933 г.).

В XXI веке русское имя вновь появляется в программах спектаклей Хорватского народного театр в Загребе. Речь идет о балетмейстере и танцовщике Владимире Малахове – «идоле» современного балетного искусства. Выпускник Московского академического хореографического училища, исполнявший сольные партии в Московском классическом балете, в 1991 г. во время гастролей в США отказался возвращаться, работал в различных балетных компаниях, стал гражданином Австрии. Тем не менее, «невозвращенец» Владимир Малахов может считаться русским.

И здесь я остановлю плотный поток имен. Искусство танца, с которым знакомили многих жителей Югославии русские мастера, и сейчас живет не только на сцене, но и ряде студий югославских и иных исследователей, стремящихся раскрыть тайну балета.

ЗОДЧИЕ. НА СЛУЖБЕ КОРОЛЯ И СВОЕГО ТАЛАНТА

Вначале немного истории. Начну с русской часовни-памятника, сооруженной русскими военнопленными в Первую мировую войну в горах Словении. Она установлена на высоте 1226 м над уровнем моря в 6 км от железнодорожной станции Краньская гора. Построена часовня в русском стиле, покрыта гонтом и обшита древесной корой. Тут русские военнопленные работали над постройкой стратегического шоссе. От частых снежных обвалов и тяжелых условий работы здесь нашли вечное упокоение свыше 4000 человек. А во время одного из весенних обвалов погибло сразу более 2000 русских солдат.

3 декабря 1939 г., уже после начала Второй мировой войны, состоялось открытие памятника 54 русским воинам, умершим в Первую мировую войну в австрийском плену в 1915–1917 гг. и похороненным на православном кладбище в Приедоре. Памятник был поставлен усердием «русских националистов», зарабатывавших тяжелый хлеб на шахте Любия, и русскими горожанами Приедора во главе с инженером Петром Зотовым¹⁵⁹⁹.

В сербском селе Горни Адровац недалеко от г. Алексинца, на месте боев в 1876 г., которые вели русские добровольцы генерала М. Г. Черняева, родственниками павшего здесь полковника Н. Н. Раевского (послужившего прообразом графа Вронского), сооружен в 1903 г. храм-памятник во имя св. Троицы. Эскизы фресок для него делал В. М. Васнецов, проект разработан Н. А. Бруни. Свой памятник Раевскому поставил и серб А. Станоевич, который вынес тело полковника с поля битвы. На сотню рублей, посланные матерью Раевского в знак благодарности, он построил колодец на оживленной дороге, назвав его «Колодец покойного полковника Николая Раевского – русского, что погиб в 1876 г. в борьбе с турками за освобождение сербства»¹⁶⁰⁰. Колодец олицетворяет вечно живую память.

В местечке Горажде (Босния) русский Донской кадетский корпус, обосновавшийся после революции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, соорудил памятник – богатырский шлем на каменном постаменте – в честь павших смертью героев русских военнопленных. Останки героев были временно погребены во дворе одного мусульманина, бережно сохранившего их могилу. Позже они были торжественно перенесены в Горажде. На памятнике была сделана следующая надпись: «Унтер-офицер и трое рядовых Российской Армии, расстрелянные врагами за любовь к Родине и верность долгу. Взятые в плен австрийцами в мировую войну, и вынужденные грузить снаряды на станции Меджедже, они отказались выполнить работу на пользу неприятеля и предпочли смерть.

Имена их Ты, Господи, веси...»¹⁶⁰¹.

1599 Военный журналист. 1939. 15 дек. № 6.

1600 Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского. М., 2002. С. 94–114.

1601 Богословский А. В. Указ. соч. С.31

В г. Косовская Митровица офицеры местного гарнизона и сербские жители воздвигли памятник Российскому императорскому консулу Г. С. Щербине, зарубленному турками 28 марта 1903 г. В г. Битоли сербы соорудили памятник в виде железобетонного восьмиконечного креста, посвященного российскому императорскому консулу А.А. Ростовскому, убитому турками 26 июля 1903 г. В 1940 г. именами русских дипломатов были названы белградские улицы.

В 1930 г. в Белграде на месте бывшей русской военной часовни сербами был открыт храм св. Александра Невского. В памятке, изданной по случаю его освящения, были такие слова: «Эта церковь из-за братской любви к России посвящается св. Александру Невскому, сыну князя Ярослава, великому боголюбцу». Украшением часовни стал дар сербского монарха – иконостас, созданный в России еще до Первой мировой войны. На стенах были укреплены две мраморные доски: одна с надписью «Петру Великому, королю освободителю», другая «Николаю Второму, Царю-Мученику» (сделана на сербском языке). Под иконой св. царя Лазаря на такой же доске была высечена надпись – «Югославяне, преклоните колени перед святыми жертвами, павшими за свободу и величие Отечества нашего». Я был в этом храме. Могу только сказать, что там по-прежнему идет молитва, и память прошлого «кормит» наше настоящее.

И немного лирики. Возле города Прокупле есть село Белый Камень. Там в 1931 г. русский инженер Никита Рогач построил чесму (памятный источник). Ирина Антанасиевич сообщила мне, что местные называют это источник Рустаниште, т. е. связанное с русским именем¹⁶⁰².

Это вступление показывает, насколько сильным было участие России, русского имени в истории югославянских земель.

Русские архитекторы принимали самое деятельное участие в гражданском строительстве, возводили храмы, часовни. Еще до начала Первой мировой войны русские архитекторы были, пишет Д. Маскарели в своей заметке «Hotel “Moskva” u Beogradu», привлечены к проектированию здания для известного страхового общества «Россия» (там находилось представительство общества и гостиница «Москва»), построенного в стиле арт-нуво в 1906 г. в самом центре Белграда¹⁶⁰³. Возможно, что шефом проекта стал главный архитектор названного общества Павел Карлович Бергштресер (1851–после 1920). О нем известно немного. В 1878 г. Бергштресер окончил Строительное училище, потом возводил казарменные комплексы, не требующие особых изысков, работал в Болгарии, где, в частности, перестраивал бывший турецкий конак для первого болгарского князя Александра I Баттенберга. С 1889 по 1893 г. Бергштресер строил в польском Белостоке. В Санкт-Петербурге по его проектам возведен ряд зданий, в частности, здание Казенной палаты (совместно с Н. М. Проскурниным), производственные здания гвоздильного за-

¹⁶⁰² Сообщено *Ириной Антанасиевич*; <https://iraan.livejournal.com/599524.htm#comments> 16 авг. 2019
¹⁶⁰³ *Maskareli D.*, Moskva Hotel in Belgrade, Danas. S.55, Novi Sad, 2006, 1 septembar.

вода Общества железопрокатного и проволочного заводов, жилой дом близ Смоленского лютеранского кладбища, доходный дом Р. Э. Ведекина, что на Большом проспекте¹⁶⁰⁴.

В архитектуре Белграда, подчеркивает Маскарели, здание «Москвы» выделялось использованием цветной керамики, новыми орнаментами из фаянса, сменившими привычные классические образцы, а также полированными плитами из шведского красного гранита, которыми были обложены поверхности первого этажа¹⁶⁰⁵. Не вдаваясь в специальную терминологию, скажу, что новизна архитектурских решений присутствовала везде. Это – знаковое здание, прогресса столицы, символизирующее ее стремление войти в мир современного зодчества, оно стало одним из излюбленных изображений на белградских туристических открытках.

Приехавший в 1911 г. в Белград русский дипломат Василий Штрандман не преминул подчеркнуть в своих воспоминаниях, что на панораме низкоэтажного Белграда выделялись только колокольня Соборной церкви – символ веры, королевский двор с тремя куполами – символ королевской власти, и отель «Москва» – символ веры в Россию!¹⁶⁰⁶

Правда, в годы Второй мировой войны гостиница стала называться «Сербия». Сейчас ей возвращено прежнее название.

И сейчас это красивейшее создание русского зодчества продолжает оставаться одним из архитектурных достопримечательностей Белграда.

В межвоенном периоде, пишет авторитетный сербский историк архитектуры А. Кадиевич, можно выделить три поколения архитекторов. К первому следует отнести уже сложившихся специалистов, получивших образование еще в России. Ко второму – тех, кто не успел из-за войн и революций реализовать себя на родине. К третьему – молодежь, получившую образование в Белграде. Первое и второе поколения реализовали себя, работая в традициях русского академизма, а также в русле сербско-византийской стилистики. Третье возводило здания в духе современной сербской архитектуры¹⁶⁰⁷.

К 1930 г. в Югославии было около 35 гражданских инженеров и архитекторов. Из них $\frac{3}{4}$ находились на постоянной службе по своей специальности в министерствах общественных работ, в военном и в городских общественных управлениях, остальные занимались частной практикой, проектированием, надзором за работами и подрядами. Они принимали непосредственное участие в составлении большого числа проектов церквей и монументальных зданий.

1604 Архитекторы-строители Санкт – Петербурга середина XIX– начала XX века. Авторы– составители А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков, СПб, 1996. С. 44.

1605 *Maskareli D.* Указ. соч.

1606 *Штрандман В.* Балканске успомене. Књ. I. Део 1–2. Београд, 2009. С. 75.

1607 *Кадијевић А.* Допринос руских неимара-емиграната српској архитектури између два светска рата // Руси без Русије. С. 246.

Русскими архитекторами спроектировано и построено не менее 200–250 частных домов только в Белграде. Большинство крупных, как государственных, так и общественных сооружений нередко связано с русским именем.

Ни один город русского рассеяния, кроме Харбина, не может сравниться с Белградом по количеству и разнообразию зданий, выстроенных русскими архитекторами. Ни знаменитый Париж, ни Прага, ни София, ни Берлин – все они не могут в этом конкурировать с Белградом, в красоту которого так много вложили своего таланта наши зодчие!

В тогдашней прессе писали: «Старый Белград с покосившимися турецкими домиками, где этажи нависают один над другим, быстро и бесследно исчезает. И также быстро, на глазах, вырастает новый европейский город с многоэтажными домами, с гудронными мостовыми, с заново распланированными широкими улицами. И в этой буйно развивающейся жизни Белграда работа русских занимает огромное место. Целый ряд зданий для государственных учреждений или целиком построен по проектам русских архитекторов (напр[имер], здание Генерального штаба, проект работы В. Ф. Баумгартена, министерство финансов, проект Н. П. Краснова), или при их ближайшем участии: таковы министерство лесных и гор и собор св. Александра Невского. Во многих городах объявленных конкурсы на проекты зданий премии получают русские: Лукомский, Андросов, Папков, Мессарош, Рыкк, скульптор Загороднюк и другие фамилии русских архитекторов часто встречались в списке премированных...»¹⁶⁰⁸.

Отношения с сербскими коллегами были весьма прохладными по причине ревности, зависти к зодчим из России, получавшим нередко правительственные заказы вне конкурса. В 1928 г. клуб архитекторов в Белграде опубликовал список 73 своих членов, среди них не было ни одной русской фамилии, хотя в городе работали десятки архитекторов из России. Причина – соперничество, ревность, зависть?¹⁶⁰⁹

Русские архитекторы были среди авторов интерьеров Народной скупщины в столице, Королевского двора на Дединье.

Элементы авангардной архитектуры, которую не приняло старшее поколение, использовали, например, Павел Васильевич Крат (1907–1969), Леонид Захарович Макшеев, Александр Иванович Медведев (1900–1984), частично Андрей Васильевич Папков (1890–1972), Григорий Иванович Самойлов, Всеволод Татаринцов¹⁶¹⁰.

Специалисты с именем и опытом работали в основном в архитектурном отделении министерства строительных работ, куда поступали заказы преимущественно из Сербии, Македонии, Боснии, реже из Черногории и католической Хорватии.

Там трудились Николай Петрович Краснов (1864–1939), Василий Михайлович Андросов (ок. 1872–1944), Виктор Викторович Лукомский (1884 или 1895–1943 или 1947),

1608 Роцин Н. Указ. соч. С. 16.

1609 Миленкович Т. Указ. соч. С. 62–63.

1610 Кадијевић А. Допринос руских неимара-емиграната. С. 252.

Валерий Владимирович Шашевский (1882–1945, по др. данным после 1950), Вильгельм Федорович Баумгартен, фон (1879–1962), Роман Николаевич Верховской (1881–1968). Многие русские нашли себе место в различных городских и районных службах, в министерстве почты, в банковских объединениях. Равно они трудились в инженерно-строительных бюро, небольших фирмах.

Тут же стоит подчеркнуть, что ряд архитекторов преподавало на Белградском университете, например, Петр Анагности, Григорий Самойлов, Андрей Папков.

Именно талант и опытность русских архитекторов позволил своими творениями украсить центр Белграда и других городов Королевства сербов, хорватов и словенцев. Их имена связаны с постройкой на просторах Королевства свыше тысячи жилых и иных зданий. Именно русские приблизили столичную архитектуру европейским стандартам¹⁶¹¹.

Блестящим мастером русского ампира, стиля власти, стал наш русский архитектор Николай Краснов.

Немного о нем и его вкладе в архитектуру приютившей его страны. Он родился в крестьянской семье. В 1885 г. окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Его имя связано в Москве с несколькими зданиями, отмеченными его талантом, например, с домом с кариатид в Денежном переулке. Работал городским архитектором Ялты: занимался строительством и реставрацией дворцовых сооружений.

В России он сделал себе имя на создании построенного в татарском стиле летнего дворца Николая II в Ливадии. «Архитектор Краснов – удивительный молодец», – называл его император¹⁶¹². В 1911 г. Краснов получил звание «Архитектора Высочайшего Двора». Через два года Николай Петрович стал академиком. 7 августа 2015 года на набережной Ялты ему был открыт памятник.

В Королевство Краснов попал с Мальты, работы там было мало, и он просил Союз русских инженеров содействовать переезду его в Королевство СХС. Союз принял соответствующие меры¹⁶¹³, и с апреля 1922 г. он обосновался в Белграде, где довольно легко нашел работу по своей специальности в министерстве строительства, возглавляя группу монументального строительства. Имя Краснова связывается с реконструкцией в 1920-х гг. храма на горе Ловчен в Черногории, где был похоронен митрополит Петр II Негош, а также с громадным объемом выполненных им работ в Белграде.

Известно, что ему принадлежит реконструкция церкви Ружице в центре Белграда – крепости Калемегдан. Он работал над изумительными интерьерами Королевского белого дворца на Дединье, в здании Народной скупщины. Ему принадлежат и эскизы декоративного оформления Моста Александра I в Белграде. Проектировал и жилые дома: на улице Теразии, 14, в котором находятся торговые и жилые помещения, дом на улице

1611 *Кадичевић А.* Улога руских емиграната у Београдској архитектури између два светска рата // *Годишњак града Београда*. Књ. XLIX – I, 2002–2003. С. 139.

1612 *Калинин Н., Земляниченко М.* Романовы и Крым. Симферополь, 2003. С. 157.

1613 Новое время. 1921.18 дек. № 197.

князя Михаила, 9, дом Радойловича на углу улиц Змая Йовановича и братьев Юговичей, дом № 14 на улице кн. Милоша¹⁶¹⁴.

Возможно, что по проекту Краснова в Белграде был построен и «Дом свободных каменщиков» в стиле барокко. Сохранилась только фотография чертежа этого здания. По воспоминаниям некоторых белградцев, этот «Дом масонов» был на улице Джурю Якшича¹⁶¹⁵.

Из правительственных заказов в Белграде можно упомянуть здание министерства финансов, воздвигнутое в 1926–1928 гг. (угол улицы Князя Милоша и Неманьиной улицы). Это – закрытый блок с внутренним двором, фасады которого выдержаны в стиле строгого академизма. На куполе здания помещена аллегорическая статуя Югославии. В 1938 г. здание было «виртуозно» надстроено по его же проекту¹⁶¹⁶. В 1926 г. Краснов разрабатывал планы фасадов и интерьеров двух министерств – лесных и природных ресурсов и сельского хозяйства и водных ресурсов (на территории между улицами Неманьиной, Князя Милоша, Бирчаниновой и Новой). Построенные напротив друг друга они должны были символизировать мощь нового государства. Той же цели служили многочисленные статуи и барельефы на фасадах¹⁶¹⁷. Он же является автором проекта монументального с «обязательными» колоннами здания государственного архива Сербии (улица Карнеги, 2), украшенного у входа двумя мощными фигурами львов, «стерегущими» Сербию.

Как и в других работах Краснова, фасады украшены декоративными элементами из искусственного камня. Причем скульптурные композиции он выполнял сам¹⁶¹⁸. В частности, можно указать на маску бога Меркурия на фасаде дома на Нушичевой улице, 4¹⁶¹⁹.

Из других белградских построек укажу на здание, расположенное на улице Вука Караджича, 18. Оно было построено в 1927–1929 гг. по проекту сербского архитектора Стевана Белича. Однако авторство фасада принадлежит Николаю Краснову. В здании, предназначенном под наем его владельцем Яковом Челебоновичем, побывали многие организации и учреждения, в частности, там располагалось посольство Испании, после второй мировой войны – министерство строительства Сербии, а с 1950 г. там находится Музей прикладного искусства Сербии. Само здание, по мнению сербов, выстроено в некоем академическом стиле. Во всяком случае, этот дом, построенный в центре сербской столицы, является одним из красивейших зданий.

В 1927 г. Краснов работал над проектом театра «Манеж».

1614 *Блуменау И.* Судьба русских эмигрантов в Белграде // Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 638.

1615 *Блуменау И.* Указ. соч. С. 638–639.

1616 *Гордић Г., Павловић-Лончарски В.* Руски архитекти у Београду. Русские архитекторы в Белграде. Београд. Б.г. С. 12–13.

1617 *Гордић Г., Павловић-Лончарски В.* Указ. соч. С. 14.

1618 *Латинчић О., Ракочевић Б.* Указ. соч. С. 636–637.

1619 *Мајсторовић М.* Најчешћи антички мотив у архитектонској пластици Београда // Наслеђе, (Београд), 2008. № IX. С. 112.

Его история такова: после войны построенное еще в 1860 г. здание конного манежа было перестроено, и там стала действовать вторая сцена для Народного театра (1920 г.). На этой сцене шли представления МХТ с пьесами Чехова и Достоевского. В 1927 г. после одного из представлений театр сгорел. В 1928 г. по проекту Краснова было построено в академическом стиле новое здание, отданное вновь театру, фасад которого теперь был украшен скульптурным декором. С 1931 г. в доме помещалась Народная скупщина. Во время Второй мировой войны «Манеж» стал вновь открыт как театр, но для оккупационных войск¹⁶²⁰. В 1947 г. там разместился Югославский драмтеатр. В том же году дом был перестроен и подвергся дальнейшим реконструкциям. В результате перестроек 1980-х гг. на его фасаде нашлось место скульптуре с бывшего «Манежа», напоминавшей о временах творчества Краснова¹⁶²¹.

Подпись Николая Краснова стоит под проектом «интерьеров, включающим все детали отделки, эскизы дверей, окон, светильников и мебели, весь внешний декор и ограду вокруг парка», окружавшего здание Парламента (Народной скупщины)¹⁶²².

На русском участке Нового кладбища в Белграде можно увидеть скромный крест на могиле строителя сербской столицы, украшенной его талантом.

И не только столицы. Краснов творил и в провинции. Так, на курорте Банья Ковильяча по его проекту в 1932 г. был построен дворец с роскошными интерьерами, где бывал и король Александр. И в настоящее время дворец «дышит гламуром»: устраиваются приемы, балы...

И последнее: в 2018 г. вышел документальный фильм о жизни и творчестве Н. П. Краснова режиссера Алексея Бурькина «Противно должности своей и присяге не поступать», 5 декабря 2019 г. ему был открыт памятник (бюст) в белградском парке Ташмайдан (в центре столицы).

В пледу звезд архитектурного искусства входил и Роман Николаевич Верховской. Он происходил из древнего костромского дворянского рода, нисходящего по младшей линии к князю Мстиславу Удалому¹⁶²³.

Сын действительного статского советника Николая Петровича Верховского, известного железнодорожного деятеля, Р. Н. Верховской окончил Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге со званием архитектора-художника. В 1912 г., будучи лауреатом Академии, он был командирован в Испанию, где занимался исследованием стилей – ренессанса и мавританского. В 1913 г. по возвращении в Санкт-Петербург Верховской был назначен архитектором зданий собственной его императорского величества Канцелярии по учреждениям императрицы Марии и архитектором правления Бухарской

1620 Латинчик О., Ракочевич Б. Указ. соч. С. 637.

1621 Там же.

1622 Гордић Г., Павловић-Лончарски В. Указ. соч. С. 17.

1623 Ульянкина Т. И. Русский художник и архитектор Р. Н. Верховской в Сербии и США // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. СПб., 2009. С. 116–125.

железной дороги. Возможно, последнее назначение было связано с отцовской деятельностью. В 1914 г., как и многие его сверстники, Верховской пошел вольноопределяющимся на войну. В 1915 г. получил офицерский чин. Отмечен отечественными наградами до св. Станислава II ст. с мечами включительно и персидским орденом «Лев и солнце» III ст. В 1920 г. Верховской сменил гимнастерку на штатский костюм, эмигрировав в Королевство сербов, хорватов и словенцев¹⁶²⁴.

Работал архитектор в дворцовом ведомстве, в министерстве строительства, держал свое ателье. Жил он в Земуне, пригороде Белграда. Неоднократно участвовал в коллективных выставках. Среди его работ есть и скульптура, и живопись.

Занимался иконописью: Сербский Синод приобрел писаную им икону святых царя Константина и царицы Елены¹⁶²⁵.

На первой русской выставке в 1922 г. Верховской привлек сразу внимание весьма символичной композицией. На ней были изображены: большевистское чудовище в виде змеи на гребне огромной волны, конный белый воин на верху каменного блока, с глазами, возведенными к небу, как бы ожидавший помощи Бога, внизу – мертвый лев – символ царской России. Эта работа Верховского–художника была, как отмечали обозреватели, самым впечатляющим экспонатом. Первым и удачным началом деятельности архитектора Верховского была разработка фасада здания Л. Авакумович в самом сердце Белграда (улица Кнез Михайлова, 34) с элементами русского академизма. На русской выставке в 1924 г. он выставил, к сожалению не сохранившиеся, проекты парламента, памятника Сербской славы и победы и эскиз Русской церкви в Белграде. Его произведения, представленные в 1928 г. на большой выставке Общества русских художников, получили отличные отзывы в печати. В частности, в них отмечалось, что работы Верховского «выделяются яркой художественной индивидуальностью, которая усматривается не только в проектировании зданий и великолепных интерьеров палат <...> В совершенстве владея всеми богатствами красок, он тяготеет к византийскому стилю, давая ярко выраженные образцы его красоты, он показал исключительные по красоте интерьеры для королевской виллы на Дединье». Подчеркивалось, что Александр I имеет в своей коллекции несколько его творений. В июне 1929 г. на Первом салоне архитектуры Верховской выставил несколько работ, выдержанных в национальном стиле. Участвовал он как художник и на организованной в марте 1930 г. выставке «Русское искусство в эмиграции»¹⁶²⁶.

Среди работ Верховского – монументальная скульптура на здании Скупщины, детали для украшения королевского дворца на Дединье, фонтан «Геркулес» («Лаокоон») в Топчидерском парке¹⁶²⁷. Сам автор, как пишет известная исследовательница русской

1624 Качаки J. Указ. соч. С. 98.

1625 Пилиповић Р. М. Указ. соч. С. 135.

1626 Кадијевић А. Београдски опус архитекта Романа Николајевића Верховскоја (1920–1941) // Наслеђе. 1999. № 2. С. 33–35.

1627 Часовой. 1931.15 дек. С. 28; Кадијевић А. Београдски опус. С. 35–36.

эмиграции, профессор Белградского университета Ирина Антанасиевич, создавал его под названием «За жизнь и свободу славянских народов»¹⁶²⁸

Из зданий, построенных по его проектам, назову несколько.

Это и великолепная постройка в самом центре Белграда на Кнез-Михайловой улице, 34, что рядом с чесмой, где утоляют свою жажду прохладной водой гуляки – жители и гости Белграда, фланирующие по этой одной из красивейших улиц столицы, застроенной в европейском стиле.

Есть у Верховского и два величественных мемориала, расположенных на Новом кладбище. (Всего Р.Н. Верховским в Югославии построено семь национальных памятников и усыпальниц, погибшим в Первую мировую войну.)

Первый посвящен «Защитникам Белграда» 1914–1915 гг. в Великую войну и сооружен в 1931 г.

Памятник воздвигнут над братской могилой нескольких тысяч воинов и представляет собой югославянского воина (автор скульптуры В. Загороднюк), гордо держащего знамя и уверенно опирающегося на винтовку. У ног воина повержен смертельно раненный орел, представлявший немецкого врага. «Вся композиция памятника ярко выражает идею победы Добра над Злом». Высота монумента – почти 20 м, фигура воина – более 4 м, фигура орла 14 м. Эти две фигуры отлиты из темной меди, остальная композиция – камень. «Под памятником находится усыпальница, где собраны в отдельных ящиках, вделанных в стены, останки героев. На каждом ящике: номер, чин, фамилия и дата дня смерти. Среди сербских фамилий можно встретить также и фамилии русских офицеров». За этот памятник, самый большой на Балканах, Верховской был награжден орденом св. Савы III ст.¹⁶²⁹

Второй – памятник Русской славы, воздвигнутый вблизи Иверской часовни (совместно с В. В. Сташевским). Его открытие состоялось 12 января 1935 г. в 11 часов утра. Монумент выполнен в форме снаряда с фигурой Архангела Михаила на вершине. На памятнике высечены российский герб и надписи. Одна из них – на русском языке – гласит: «Вечная память императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». Другая – на сербском: «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте. 1914–1918».

Сам этот мемориал строился весьма непросто: было трудно достать средства, и, главное, пробудить память. Инициатор постройки полковник Михаил Скородумов, георгиевский кавалер, раненый 11 раз, потерявший на войне правую руку, организовал сбор необходимых средств. «Каждый камень, пошедший на строительство памятника, был оценен в 300 динаров, а на нем выбивалась фамилия дарителя»¹⁶³⁰.

1628 <https://iraan.livejournal.com/598968.html#comments/3/16>

1629 Часовой. 1931. 15 дек.

1630 Никифоров К. В. Русский Белград (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4.

Сам Скородумов писал позже в своих воспоминаниях: «Дабы остановить развивавшиеся симпатии сербов к Совдепии и вернуть их к царской России, я затеял постройку памятника русским воинам и переноску останков русских офицеров и солдат с Салоникского фронта в Белград. Казалось бы, что это в интересах всех русских эмигрантов, предлог объединиться и устроить обще-югославянско-русскую манифестацию в честь национальной России.

Но не тут-то было, поднялся страшный шум, интриги, грязь, анонимки и борьба, чтобы во что бы то ни стало вырвать у меня эту инициативу. Чуть не сорвали все дело. Писали королю, писали министрам, писали моим приятелям сербам, что я коммунист, сумасшедший, что я убил своего отца и мать, что я криминальный тип, и вообще все, что хотите. Этим занимались верхи, т. е. возглавители эмиграции, но и низы немногим оказались лучше»¹⁶³¹.

Все же мемориал был построен. Патриарх Варнава и митрополит Антоний торжественно освятили памятник-часовню в присутствии представителя короля. Внизу, в часовне, находится икона – благословение города Москвы 7-му Особому русскому полку и перевезенные в разное время останки русских воинов при торжественной обстановке: один полковник и 138 нижних чинов, погибших при защите Белграда в 1915 г., 12 офицеров и 387 нижних чинов – воинов 2-й и 4-й Особых русских бригад – павших смертью на Салоникском фронте (более 10 000 чинов Особых русских бригад, павших там, нашли вечное упокоение в неизвестных могилах); двое матросов, убитых при защите Кладово на Дунае и 66 военнопленных, умученных в плену. Ежегодно 19 июля в час объявления Германией войны России в присутствии русских и югославов совершалась у памятника торжественная панихида¹⁶³².

И еще нужно обязательно подчеркнуть, что в памятной книге, в которой расписываются посетители усыпальницы русских воинов, есть и подписи советских офицеров и солдат, приходивших сюда в 1944–1945 гг. поклониться праху своих братьев по крови. Так, капитан Павел Вий написал 14 февраля 1945 г.: «В первый раз увидел памятник русской славы, усыпальницу погибших за веру, царя и отечество. Я – офицер Красной армии, но духом воспитанный в православии и любви к русскому человеку». Капитан Г. Розанов 8 июля 1945 г. вписал: «Слава русским воинам, погибшим за освобождение славянских народов». В другом месте книги можно увидеть подписи 30 советских солдат, а под ними стоит – «И я, Таничка Чупкова, санитар»¹⁶³³.

Сам автор в 1937 г. уехал в США, в Нью-Йорк, где начался его американский период творчества (Свято-Троицкий храм в монастыре в Джорданвилле, церковь Св. Александра Невского в Лейквуде и пр.), представленный в трудах известной в мире исследовательни-

1631 Скородумов М. Указ. соч. С. 39.

1632 Богословский А. В., ротмистр. Указ. соч. С. 31.

1633 Маевский В. Русские в Югославии. Т. 2. С. 46.

цы русской эмиграции Татьяны Ульянкиной, много делающей для сохранения памяти о наших зарубежных соотечественниках¹⁶³⁴.

Мастером архитектуры был и Валерий Владимирович Сташевский. Он закончил в 1908 г. Николаевскую Военно-инженерную академию (в эмиграции в начале 1930-х гг. уже стоял во главе Объединения ее выпускников) и в 1911 г. архитектурное отделение Института гражданских инженеров. Валерий Владимирович – строитель главных зданий Офицерской автомобильной школы на Семеновском плацу в Санкт-Петербурге и Офицерской воздухоплавательной школы на Волковом поле. Он прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев в начале 1920-х гг. и сразу начал работать в министерстве строительных работ, под крышей которого трудились Андросов, Лукомский, Баумгартен, Краснов, Олейников, Мишковский и другие талантливые русские архитекторы.

Самостоятельно Валерий Владимирович стал работать в 1925 г. К этому времени относится спроектированное им в классическом древнесербском стиле здание монастырской школы в монастыре Раковица, построенное из крупных каменных блоков за семьдесят дней и отлично вписавшееся в монастырский ансамбль¹⁶³⁵.

В 1927 г. Сташевский зарегистрировал собственную фирму, имел и специальную мастерскую по производству бетонных конструкций (улица Каймакчаланская, 51).

Валерий Сташевский был одним из самых продуктивных русских зодчих. В Историческом архиве Белграда находится свыше тысячи его проектов. Судя по документам этого архива, в 1921 г. по его проектам были построены два одноэтажных дома – для Анны Вибек (улица Йове Илича, 40) и для Йована Пешича (на углу Каймакчаланской и Брегалничкой улиц). В том же году он спроектировал двухэтажный дом с мансардой для Душана Ристича (бульвар Короля Александра, 126). Только перечисление известных построек, выполненных по проектам Сташевского, займет несколько страниц. Попробую назвать только улицы Белграда (да и то не все), где строил Сташевский, по мостовым которых он ходил к своим объектам: Ужичка, № 17, Стишка, № 60, Гундуличев венац, № 1 и 8, Доситеева, № 21, бульвар Короля Александра, № 89, 101, 123, 135, 136, 144, угол улиц Тополской и Которской, Приштинска, № 42, 88, 94, угол Радничке и Гундуличеве улицы, Макензи, № 23, 44, 68, Войвожданска, № 4, 10, Данилова, № 55, Милешевская, № 11, 19, 55, Добрачина, № 63, Гроблянская, № 19а, Дублянская, № 80, 87, Хаджи Рувимова, № 10, 14, Еврейская, № 15, 25, Краинская, № 22, 27, Королевы Наталии, № 6, 23, 52, Нишка, № 4, Поцерская, № 19, Далматинская, № 17, 74, Будимская, № 34, Шуматовичкая, № 12, 89, 97, Любе Дидовича, № 18, Мутапова, № 9, 14, 28, Ратарская, № 71, 129, Зорина, № 78, 79а, угол

1634 Ульянкина Т. И. По документам архива Толстовского фонда (США): о вкладе архитектора Р.Н. Верховского в православное искусство США и последних годах его жизни // Архитектурное наследие Русского зарубежья Вторая половина XIX – первая половина XX в. СПб., 2008. С. 356–386; она же. «Дикая историческая полоса»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе в 1940–1950 гг. М., 2010.

1635 Йович П. Священномученик Платон (Йованович), епископ Баялуцкий. Канд. дисс. Сергиев Посад, 2008. С. 64.

Небойшине улицы, № 30 (32) и Рудничкой, № 2, угол улиц Ломиной, № 23 и Королевы Наталии, № 26, улица Короля Милутина, № 5, Драгачевская, № 13, 16, Копаоничкая, № 12 (14), Майке Евросимы, № 7, Кичевская, № 12, на углу улиц Позоришной, № 40 и Гундуличева венца, № 40, Небойшина, № 36, Трская, № 2, Граховская, № 23, угол улиц Ситничкой и Манасийской, Златиборская, № 98, Каленичева, № 6, Сараевская, № 27, 87, Интернациональных бригад, № 89, Новопросеченая, угол Ратарской и Челопечкой, Ламартина, № 31, 41, Ломина, № 69, Крунская, № 11а, Евремова, № 77, Невесинская, № 19, Расина, № 2, Милоша Великого, № 47, 91, Кочина, № 46, Златиборская, № 76, 98, Мольера, № 38–40, 82, Престолонаследника, № 31, угол улиц Господар Йовановой и Вишньичевой, Млатишумина, № 30, Господар Йовановой, № 29, Майданская на Сеньяку, Бацетина, № 3, Гвоздичева, № 36, Янко Веселиновича, № 15, Йованова, № 29, Кнеза Милетина, № 87, Кничанинова, № 14, Которская, № 17, Кумановская, № 13, Новосадская, № 13, Чарли Чаплина, № 8, Солунская, № 10, Улцинская, № 20, Негошева, № 20, 22, 44, Войводы Протича, № 19 (собственником дома на этой улице был Сташевский), 21, Воеводы Богдана, № 25, Баба Вишньина, № 34–36, Захумская, № 29, 46, 51, Задарская, № 8, Воеводы Саватия, № 20, Слободина, № 3, угол Браничевской и Лавачкой, угол Призренской и Зеленого венца, Синджеличева, № 15, и пр., пр., пр. Только с начала 1930 до 1944 г. Сташевский спроектировал сто тридцать пять домов для белградцев. Его работы можно разделить условно на три группы. В первую входят богато декорированные объекты (пилястры, часто сдвоенные, треугольные фронтоны, украшенные навесы, балконы и пластичные украшения в форме круга, полумесяца, ромба, нередко вписанного в квадрат). В некоторых домах заметны элементы сецессии: веночки, вазы, цветочные мотивы, маски. Во вторую – скромные постройки без каких-либо украшений орнаментального характера. В третью группу – проекты по изменению уже существующих построек. Сташевский проектировал и постройки для поселка чиновников. В Историческом архиве Белграда хранятся проекты (начало 1930-х гг.) примерно 230 vill для этого удивительного чиновничьего комплекса. Среди работ Сташевского – Иверская часовня на Новом кладбище в Белграде, воссозданная в 1930 г. вместо разрушенной в 1929 г. в Москве, Дом русских военных инвалидов (1929 г.) на Вождовце, школа на Чукарице (1931 г.), здание клуба любителей весельного спорта «Београд» на Аде Циганлии (1935 г., проект им выполнялся вместе с сыном Георгием), клуб чиновников Народного банка на Топчидере (1938 г.). Он руководил работами на строительстве Нового здания университета (Кральев трг, 7)¹⁶³⁶.

В один из своих приездов в Белград я немало времени бегал по многим из указанных выше адресов, желая сам посмотреть на творения Сташевского. Немного скажу только о некоторых. Гундуличев венац, № 1 – угловой двухэтажный дом уютной полукруглой формы с небольшими балкончиками, скупо декорирован геометрическими фигурами,

1636 Ђурђевић М. Прилог проучавању делатности архитекте Валерија Владимировича Сташевског у Београду // Годишњак града Београда. 1998–1999. Књ. XLV–XLVI.

отлично вписан в застройку. Улица Королевы Наталии, № 52 – с узеньким фасадом четырехэтажная (сербы сказали бы в три этажа, так как первый у них это – «приземье», а не этаж) постройка, украшенная двумя изящными полукруглыми балкончиками в центре второго и третьего этажей. На той же улице под № 6 находится такая же узкая, стиснутая соседними домами, четырехэтажная постройка, украшенная «классикой».

В построенной на пожертвования русских и сербов в 1924 г. по его, повторю, проекту церкви св. Троицы находится гробница генерала Врангеля.

Псле войны Сташеский переехал в Марокко (1950 г.)¹⁶³⁷.

А в Белграде остались улицы, на которых стоят построенные по его проектам дома, церковь, часовня. И, пожалуй, судьба его как архитектора завидна: мало найдется зодчих, столь плодотворно творивших в Белграде и для белградцев – от простых тружеников до состоятельных жителей столицы. В его постройках и сейчас живут, работают, молятся. А что еще нужно для счастья зодчего?!!

В Белграде был весьма известен построенный в стиле русского ампира Русский дом имени Императора Николая II – культурный и научный центр.

Знарок творчества русских архитекторов Милан Просен подчеркивает, что здание Русского дома выделяется не только из зодчества Баумгартена, но и из всего построенного русскими в Королевстве Югославии по чистоте русского ампира, представляя его последний образец вдалеке от России¹⁶³⁸.

Судьба уберегла его во время бомбардировок Белграда в 1940-е и 1990-е гг. После освобождения Белграда в 1944 г. он носил название Дома советской культуры.

Сейчас он снова, слава Богу, Русский дом.

Его строителем был Василий (Вильгельм) Федорович Баумгартен, выпускник Николаевской военно-инженерной академии в Санкт-Петербурге (1905 г.), в которой он позже (1909–1914 гг.) преподавал. В городе на Неве Баумгартен работал в Городской управе, принимал участие в строительстве Главного морского и артиллерийского полигонов, строил особняки в Павловске, в частности, в 1913–1914 гг., для П. М. Стенбок-Фермора, совместно с В. П. Апышковым¹⁶³⁹. Потом была война, из которой Василий Федорович вышел в чине генерал-инженера, Служил корпусным инженером 1-го армейского корпуса в Галлиполи.

Но еще до строительства Русского дома Баумгартен получил известность как автор проекта здания Генерального штаба (улица Князя Милоша, № 33), строившегося в 1924–1928 гг. Приведу два отзыва о его творении. Тогдашний критик Милутин Борисавлевич, весьма острый в оценках, характеризовал постройку как «величественную и монументальную палату, широкого размаха, грандиозной композиции и перфектных пропорций и деталей», называя ее «гордостью Белграда»¹⁶⁴⁰. Современные авторитетные сербские исследователь-

1637 *Ђурђевић М.* Прилог проучавању делатности архитекте Валерија Владимировича Сташевског. С. 152.

1638 *Просен М.* 75 година Руског дома у Београду // Наслеђе. 2008. № IX.

1639 *Архитекторы-строители Санкт-Петербурга.* С. 35–36

1640 Цит. по: *Просен М.* 75 година Руског дома у Београду. С. 216.

ницы Гордана Гордич и Вера Павлович-Лончарски описывают красоту здания следующими строчками: «На фасаде выделяются сдвоенные колонны коринфского ордера, установленные на угловых постаментах, украшенные фигурами воинов и скульптурными изображениями сцен из военной жизни, работы скульптора Константина Амосова по эскизам Ивана Рыкка. Внутреннее убранство Генерального Штаба отличается богатой вычурной отделкой, в которой особое внимание привлекает композиция "Самсон и лев" скульптора Владимира Загороднюка»¹⁶⁴¹. Из зданий, построенных по проектам Баумгартена можно назвать еще дом Мите Лукича на Вождовце (1931 г.)¹⁶⁴².

Строил Баумгартен не только в Белграде. Ему принадлежит проект построенного в 1933 г. конака в монастыре Грачаница¹⁶⁴³.

В Панчево и сейчас можно видеть на улице Петра Драпшина построенное по проекту В. Ф. Баумгартена (совместно с Солодовым) здание для государственного ипотечного банка, фундамент которого был освящен 29 октября 1939 г.¹⁶⁴⁴ Постройка закончена в 1940 г.

В Вальево по совместному проекту Василия Баумгартена и Велимира Янковича в 1939 г. было также построено в стиле арт-деко здание Государственного ипотечного банка, одно из самых представительских в этом городе¹⁶⁴⁵.

В Скопле, на площади Короля Петра I, по чертежам Баумгартена был воздвигнут по академическим канонам XIX в. величественный Офицерский дом (1925–1929 гг.), при открытии которого присутствовал король Александр, что свидетельствовало о важности построенного здания для военной элиты. Этот дом, доминировавший в центре города, считался самым монументальным и самым «элегантным» для такого типа построек на Балканах. А. Кадиевич пишет что, это здание было своеобразным архитектурным символом Запада в Скопле¹⁶⁴⁶. По мнению другого известного исследователя работ русских зодчих македонского ученого Георгия Константиновски, оно выделялось «эkleктичным русским декоративизмом»¹⁶⁴⁷. Добавлю, что в 1963 г. дом пострадал от землетрясения, но восстановительные работы были начаты лишь в XXI веке и продолжаются до сих пор¹⁶⁴⁸.

Возвращаясь к Русскому Дому – этому «монументу памяти», напомним, что идея о создании центра русских культурных институций принадлежала Александру Беличу и была поддержана королем Александром. Закладка фундамента и освящение строительства произошло 22 июня 1931 г., а торжественное открытие – 9 апреля 1933 г.

В основание Дома была замурована Грамота:

1641 Гордић Г., Павловић-Лончарски В. Указ. соч. С. 26.

1642 Просен М. 75 година Руског дома у Београду С. 216.

1643 Там же.

1644 Палибрк-Сукић Н. Указ соч. С. 87.

1645 Просен М. Зграда државне хипотекарне банке у Вальеву. С. 081

1646 Кадиевић А. О раду руских архитеката у Јужној Србији у периоду између два светска рата // Лесковачки зборник ХЛ. Лесковац, 2001. С. 246, 249.

1647 Константиновски Г. Градителите во Македонија XVIII–XX век. Скопје, 2001. С. 34.

1648 Кадиевић А. О раду руских архитеката у Јужној Србији. С. 249.

«В годину страшного большевицкого поветрия, опустошившего и разорившего русскую землю, осквернившего русские святыни и низвергнувшего гордого русского орла, лучшие сыны русского народа прогнаны со своих очагов и брошены на произвол судьбы. Они преданы всем ужасам скитальческой жизни на чужбине: истощению и голоду, поруганиям и обидам.

И вот в эти страшные времена замученный и еле еще в живых находившийся русский люд был принят с распростертыми объятиями югославянским народом, пригрет и приутешен им. После продолжительного и болезненного сна, русские люди очнулись от страшного кошмара и благодаря заботам и любви славного КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА I и его верного народа, они снова ожили, нося в сердце все ценности духовной и моральной жизни своего народа.

Чтобы дать этим ценностям достойное хранилище,
чтобы их живительные силы вызвать к новой жизни,
чтобы духу русского человека дать возможность предаться столь любимым им научным и художественным занятиям, и, наконец,
чтобы русское юношество, родившееся на чужбине, закалить в лучших традициях славной родины,
и создан настоящий Дом.

Пусть его посвящение незабвенной памяти ЦАРЯ МУЧЕНИКА НИКОЛАЯ II оповещает мир о благодарности югославянского народа великому спасителю своему, положившему свою жизнь и жизнь своей многострадальной Августейшей семьи за спасение мира от страшного врага, грозившего ему полным разрушением. Пусть имя Царя Николая II, которым этот Дом будет вечно гордиться, рассказывает будущим поколениям о братстве русского и югославянского народов, переживших все превратности судьбы и ставших в трудные минуты взаимно еще более близкими и дорогими. Пусть этот Дом, приютивший высшие блага русской культуры, сохранит их за русским человеком до нового водворения в России свободы и правды. А тогда пусть станет он вечным памятником русского и югославянского братства и проповедником их взаимной любви и взаимного понимания.

Да здравствует Его Величество Король Александр I и Его Светлый Дом; да здравствует Югославянский народ; да здравствуют славные представители русского духа и русского творчества; да найдут измученные русские люди в великой душе своей новые силы, могущие поддержать их до возвращения на свои старые гнезда.

Да здравствует русская Россия»¹⁶⁴⁹.

На самом здании были размещены две мемориальные доски. На одной из них было написано: «За вечито сећање на славного Цара Николу II – заштитника Срба». На другой была помещена надпись, уже на русском языке: «В вечную память прославленному Королю

Югославии Александру I – защитнику русских»¹⁶⁵⁰. Позднее, уже в наше время, на первом этаже были поставлены их бюсты.

В этом центре русской жизни находились: домовая церковь, Русско-сербские мужская и женская гимназии, начальная школа, Русская публичная библиотека, Русский научный институт, Русский общедоступный драматический театр с залом на 750 мест, Русское музыкальное общество, общество «Русский сокол», музей, посвященный императору Николаю II, где общество ревнителей Его памяти, возглавляемое генералом Флугом, собрало множество реликвий, связанных с царствованием Императора-страстотерпца, музей Русской конницы с множеством гравюр и фотографий, зимний сад, бильярдная, литография, кинозал, зал для заседаний, комнаты отдыха, читальня, гимнастический зал и другие организации. Посещаемость Дома превышала в среднем 2 000 человек в день¹⁶⁵¹.

Сам Баумгартен подчеркивал, что студии Русского дома «служба порознь для работы различных общественных организаций русских художников, музыкантов, артистов и писателей, – в своем общем, гармоничном целом должны содействовать объединению служителей русского и югославянского искусства, которое повело бы всех нас вместе по пути к, несомненно, предстоящему пышному расцвету славянского искусства и культуры в грядущие светлые времена Объединенного Великого Славянства»¹⁶⁵².

В 1932 г. в журнале «Бух!!!» в номере одиннадцатом можно было прочесть строки об одной из знаменитостей Белграда:

Хочу быть дерзким, хочу быть светским,
 Хочу быть с девами на ты!
 Хочу пашою быть турецким,
 И строить арки и мосты!
 Я совершаю благое дело,
 Я все построил, я всех умней
 В XX-м веке – Микель-Анджело
 Быть может только Папков Андрей.
 Таких как я не много нынче,
 Мой предок Ленька был да-Винчи.
 Я всех талантливей безмерно,
 И потому мне жить нескверно.

<...>

Кто же был этот «потомок» великого Леонардо, чем он известен, чем прославился?

1650 Антанасиевич И. Русский дом в Белграде. Белград, 2018. С. 13.

1651 Зах. Ник. Русский Белград. // Часовой. 1939. 5 июня.

1652 Русский Дом. С. 28.

Андрей Васильевич Папков в России успел проучиться 8 семестров в университете (по сведениям М. Джурджевич, он три года учился на архитектурном отделении Санкт-Петербургской Академии художеств¹⁶⁵³). Потом было неизбежное для многих, в том числе и для него, бегство. После прибытия с семьей в Королевство он поступил на архитектурное отделение технического факультета Белградского университета. В 1925 г. его проект выставочного павильона, выдержанного в сербско-византийском стиле, был представлен на выставке клуба студентов архитектуры и привлек внимание критики (в 1926 г. также успешно выставлялся с проектом казино и грандиозным зданием театра). В 1925 г. после сдачи последнего экзамена он получил звание инженера архитектуры. Входил Папков в группу К.Р.У.Г., вбиравшую эмигрантов всех видов искусства. Сотрудничал «потомок Леонардо да Винчи» с видными сербскими архитекторами: вначале с Миланом Злоковичем, работая у него помощником, хотя и был гораздо старше своего сербского коллеги. Андрей Васильевич принимал участие в разработке проекта Святосавского храма. Его талант художника-акварелиста позволил выполнить полностью художественную часть проектируемого собора. В 1928 г. его проект здания Народного университета И. Коларца, выдержанный в стиле академизма, «подправленного» модернизмом, был удостоен второй премии, причем первая не была присуждена никому. Но он не сумел получить право на реализацию своего проекта. Замечу, что через три года здание было построено по проекту сербского архитектора Петра Баяловича¹⁶⁵⁴.

Последующие несколько лет Папков работал в архитектурном ателье модного Драгише Брашована, с которым сотрудничали и архитекторы Павел Крат, Николай Шипов, Николай Месарош¹⁶⁵⁵.

Из самостоятельных разработок русского зодчего можно выделить проект здания Танурджича в Нови-Саде, выполненный в модернистском стиле и удостоенный третьей премии, что можно считать блестящим результатом, зная, что в конкурсе участвовало свыше четырехсот работ. В 1932 г. Папков основал свое ателье, в котором выполнил до начала второй мировой войны свыше семидесяти проектов, в основном для белградских жителей. Только в 1935 г. по его чертежам были построены дома по следующим адресам: улица короля Звонимира, № 62, для педагога Аницы Шулич; улица Смедеревская, № 11, для рантье Херцог Ида; улица Югословенская, № 41, для Любицы Йованович; улица Джорджа Кратовца, № 51, для Марка и Загорки Бранкович; улица воеводы Протича, для Десимира Радойчича; улица Боже Янковича, № 26, для Марии Шикошич; улица Гладстона (сейчас Пушкина), № 16, для доктора Александра Позднякова; улица генерала Ковачевича, № 7, для семьи Милич; улица Горнячка, № 8, для Катарины Петкович; улица Новая, № 7, для учительницы Станки Радоньич; улица Новопроектированная, № 178, для Бориса Мухина;

1653 *Ђурђевић М.* Архитект Андреј Васиљевич Папков // Годишњак града Београда. 2005. Књ. LII.

1654 Там же. С. 289–299.

1655 Андреј Васиљевич Папков // Руси без Русије. С. 265–267.

улица Янка Вукотича, для Босильки Беложанской; достраивал дом по улице Румунска, № 18, для Ксении Солодовниковой¹⁶⁵⁶.

Успешность Папкова можно оценить уже количеством премий – их 18, полученных на различных конкурсах¹⁶⁵⁷.

Возвращаясь в сферу строительства, скажу, что в некоторых из зданий, как в вилле на улице Воеводы Драгомира, № 3, чувствовалось влияние Брашована¹⁶⁵⁸. В то же время Папков имел и свой стиль проектирования. Из его работ можно выделить комплекс уличных и дворовых зданий (1935 г.) для известного промышленника Милутина Месаровича (улица Пролетарских бригад, № 22), для него же в 1936 г. спроектировал на улице ген. Жданова, № 33 еще одно здание. Ему удалось гармонично включить постройку в контекст одной из самых красивых улиц. Гармоничные пропорции фасада, украшенного неоклассическим декором с множеством деталей, радовали глаз. Можно упомянуть здание для Плавшича (улица Светозара Марковича, № 17), построенное в 1937 г. С именем Папкова связано и строительство в 1938–1939 гг. в центре Белграда отеля «Балкан», громадный фасад которого выполнен в стиле русской академической архитектуры. В 1940 г. им был спроектирован для семьи Янковича (улица Змай Йовина, № 30) дом, в архитектуре которого органически сочетались элементы средневекового неоклассического стиля с сецессией и модерном. Можно упомянуть и о доме для торговца Симича по улице Дечанской, № 11. В военные годы он, как и большинство архитекторов, занимался, в ожидании лучших времен, уже не строительством, а своеобразной расчисткой-восстановлением пострадавших от бомбардировок городских объектов. После окончания войны его надежды на дальнейшее применение таланта в народной Югославии не оправдались. Правда, известна постройка выполненной с элементами соцреализма по его проекту виллы в привилегированном районе Дединья на углу улиц Шекспировой и Ружичевой. Вследствие невозможности продолжать творческую деятельность в новых, довольно тяжелых условиях он уехал в Аргентину, где успешно занимался архитектурной деятельностью¹⁶⁵⁹. Работал Папков у архитектора Спиридонова, потом 15 лет в министерстве Obras Publicas. Строил для частных компаний. Принимал он участие в постройке Собора Русской Православной Церкви За границей на улице Nunez в Буэнос-Айресе¹⁶⁶⁰.

Память о нем жива и сейчас в Белграде, где публикуются исследования и стоят построенные им здания.

1656 *Ђурђевић М.* Архитект Андреј Васильевич Папков. С. 303.

1657 *Beloemigracija u Jugoslaviji.* S. 229.

1658 *Ђурђевић М.* Архитект Андреј Васильевич Папков. С. 300.

1659 *Андреј Васильевич Папков // Руси без Русије.* С. 268–272; *Ђурђевић М.* Архитект Андреј Васильевич Папков. С. 306–308.

1660 *Незабытые могилы.* 2004. Т. 5. С. 342.

Еще одно имя замечательного зодчего. Русский архитектор Георгий Павлович Ковалевский (1888–?), руководил развитием всего градостроения Белграда в межвоенный период. Вся его предшествующая биография связана с градостроительством.

После завершения с отличием Киевского Политехнического института он был оставлен для подготовки к профессорскому званию по специальности – планировка городов. Весной 1914 г. для изучения жилищного вопроса и вопроса развития больших городов Г.П. Ковалевский побывал в Германии, Англии, Франции. С 1916 по январь 1920 г. Георгий Павлович преподавал предмет «городские пути сообщения», трудился на посту заведующего отделом планировки Киевской городской управы, много сделал проектов по развитию окраин Киева, поселков, колоний и городов садов. Революция прервала его работу над проектами планировки городов Радомысль и Ирпень¹⁶⁶¹.

В Королевстве Ковалевский работал в министерстве строительных работ. Ему принадлежит разработка генерального плана Белграда. Получил Гран-при за проект развития Белграда в 1925 г. на Парижской декоративной выставке. Он автор труда «Большой город и города-сады».

По его проектам построено студенческое общежитие имени короля Александра I (совместно с В.В. Лукомским), выполнена архитектурная обработка столичной террасы крепости Калемегдан.

Русский белградец Ковалевский – создатель ряда проектов по развитию провинциальных городов Югославии. Около десяти городов строятся и развиваются по его планам. Он автор крытого рынка в г. Крагуевац. Активно работал Георгий Павлович и в сфере садово-парковой архитектуры. В частности, он участвовал в составлении проекта Топчидерского парка в Белграде. Ему принадлежит ряд проектов парков для частных лиц. Ковалевский много писал по городскому строительству¹⁶⁶².

В сущности, разнообразие творений и стилей в творчестве русских зодчих органически вплеталось в эклектичный Белград.

Среди русских архитекторов был и Петр Дмитриевич Анагности (1909–1996). Прежде чем приступить к обрисовке его деятельности, скажу, что его отец Димитрий Анагности, служа в Одесской управе, организовал размещение сербских солдат в 1914 г., создал больницу для сербов, подарил 20 000 рублей на нужды двух сербских интернатов, им же возглавляемых¹⁶⁶³.

Сам Петр Анагности вместе с семьей в 1919 г. эмигрировал через Константинополь в Белград. В 1926 г. он окончил первую Русско-сербскую гимназию, которая тогда находилась в доме Цветка Рајевича (сейчас там Педагогический музей). Потом была учеба на архитектурном отделении технического факультета Белградского университета (1926–1930 гг.).

1661 Русская эмиграция. Альманах. 1920–1930. Beograd, 1931. С. 57, 60.

1662 Там же. С. 60.

1663 Анагности П. Сећања // Руси без Русије. С. 302.

О его студенческих годах известно, что он выказал отличные способности по начертательной геометрии, его работы экспонировались на выставке студенческих проектов.

После службы в армии Петр Анагности устроился в ателье модного архитектора Богдана Несторовича, с которым сотрудничал до 1935 г. После работал с профессором Александром Дероко. Вместе с ним он в 1936 г. он проектировал общежитие для студентов Православного богословского факультета. В 1937 г. Петр Дмитриевич получил разрешение на самостоятельную работу. В 1940 г. он вместе с А. Дероко работал над планом постройки в Нише Владычиного конака, отстроенного только после войны и вобравшего элементы народных традиций в сербской архитектуре. Вместе с профессором Петром Баяловичем трудился русский архитектор и над проектом юридического факультета Белградского университета и над планом постройки Народного университета И. Коларца¹⁶⁶⁴.

Анагности – автор более 20 проектов жилых зданий в Земуне, Нови-Саде, Соко-Баньи, Вранье, Крушевце, Битоли, Белграде¹⁶⁶⁵.

В 1930-х гг. в столице он стал автором проекта здания на улице Зориной, 94 (сейчас Ивана Милутиновича), домов на улице Тимочкой, № 9 и 13, а также одноэтажного дома на улице Гайдука Велько в г. Нови-Саде. В 1938 г. вместе с архитектором Йованом Шнайдером Анагности спроектировал здание типографии Павла Грегорица (улица Княгини Ольги, № 21 и улица Светозара Милетича, № 1). В 1939 г. в Белграде по его проекту построены – шириной в четыре окна четырехэтажный дом с восемью балконами (улица Мутапова, № 43) для предпринимателя Драгомира Савковича, жилые дома для Бранки Мичич (Мириевский путь, № 24) и для Иеремии Еремича (улица Милована Маринковича), достроил виллу Вида Юришича на Дединье. В 1940 г. – три двухэтажных дома для инженера Драгутина Шиджанского (улица Веле Нигринове, № № 4, 10, 14), а также дом для Адольфа Сабо на углу улицы Престолонаследника Петра, Крунского венца и улицы Милешевской. В предвоенные годы проекты Анагности – палаты Сербского сельскохозяйственного общества в Белграде (1936 г.) и здания Ипотечного банка в Скопле (1937 г.) – были закуплены. Проект здания Управления государственных монополий, выполненный в стиле позднего модернизма, в 1937 г. был отмечен наградой.

Работая инженером на предприятии Савчича-Славковича, Анагности участвовал в строительстве санатория на Озрене (1936 г.), почты в Скопле (1937 г.), сберегательной кассы в Белграде (1937–1938 гг.), ветеринарного факультета Белградского университета (1940 г.)¹⁶⁶⁶.

В годы Второй мировой войны, длившейся для него 12 дней, он попал в плен. Тайком делал документы для бегства солагерников. Испытал и все тяготы переброски из лагеря в лагерь.

1664 *Ђурђевић М.* Прилог проучавању живота и дела архитекте Петра Димитријевића Анагностија // Годишњак града Београда. 2000–2001. Књ. XLVII – XLVIII.

1665 *Анагности П.* Сећања. С. 310.

1666 *Ђурђевић М.* Прилог проучавању живота и дела архитекте Петра Димитријевића Анагностија.

После освобождения канадцами Анагности вернулся в августе 1945 г. в Белград. Вскоре он профессор на строительном и машинном факультетах Белградского университета, Автор многочисленных учебников, в том числе 13 по начертательной геометрии. Декан архитектурного факультета¹⁶⁶⁷. Учил студентов в Сараево, Нови-Саде, Скопье, в Суботице.

Из послевоенных работ Анагности упомяну его участие вместе с Александром Дероко и Зораном Петровичем в реставрации в 1964 г. здания Народного музея в Белграде, а в 1970 г. Воеводинского музея в Нови-Саде. В декабре 1979 г. он вышел на пенсию. В 1985 г. Анагности был награжден «орденом труда с красным знаменем»¹⁶⁶⁸.

В завершение следует сказать, что в проектах П. Анагности присутствуют элементы академизма, сербско-византийского стиля и модернизма, т. е. его творчество органично соотносилось с межвоенным развитием самой сербской архитектуры, в которую он внес весомый вклад¹⁶⁶⁹.

В Белграде есть храм на Дорчоле, о котором я уже упоминал. Это храм св. кн. Александра Невского, имя которого сербы узнали, когда в их стране в 1876 г. воевал с турками – «этим племенным неприятелем славянства» добровольческий русский корпус полковника русской и генерала сербской службы Михаила Черняева.

С того времени началось и почитание русского святого, которому и был посвящен белградский храм. Проект его был создан еще в 1912 г. Елизаветой Начич, именем которой названа одна из близлежащих улиц. Но потом начались балканские войны 1912–1913 гг., а затем грянула и германская война. Поэтому строительство его шло с задержками. Оно было завершено лишь в 1929 г. при деятельном участии архитектора Василия Михайловича Андросова. Сам храм очень красив: построен в форме триконхоса и оформлен в сербско-византийском стиле. Подчеркнута декоративная пластика фасадов. Иконы в ней написаны в 1930 г. Борисом Селянко. С правой стороны помещен резной киот памяти убитых монархов – русского царя Николая II и сербского короля Александра I.

Добавлю, что в Белграде есть еще храм святого Георгия, в оформление которого на завершающей стадии строительства Андросов внес значительный вклад.

Немного о русском периоде его жизни и творчества. В 1897 г. закончил Академию художеств в Санкт-Петербурге. Служил в Хозяйственном управлении Св. Синода и Министерства народного просвещения. С 1910 по 1912 гг. преподавал в Технологическом институте в Санкт-Петербурге. Из построек упомяну: доходный дом, построенный в 1906 г. на улице проф. Попова, № 32; здание Учительского института, возведенное в 1914–1915 гг. на Б. Сампсониевском пр., № 86¹⁶⁷⁰

Его фамилия связана и с разработкой фасада Главного почтамта, одного из монументальных зданий в центре столицы (угол Таковской улицы и бульвара князя Александра,

1667 Анагности П. Сећања. С. 312–318.

1668 Ђурђевић М. Прилог проучавању живота и дела архитекте Петра Димитријевића Анагностија.

1669 Там же.

1670 Архитекторы-строители Санкт-Петербурга. С. 22.

рядом со зданием Скупштины и храмом св. Марка). Конкурс, имевший общегославский характер на постройку этого здания, был объявлен 15 июня 1930 г. министерством строительства и министерством почт и телеграфа. Из пятнадцати представленных проектов первое место занял выполненный в модернистском стиле совместный проект загребских архитекторов Йосипа Пичмана и Андрея Бараньи. Однако реализация этого проекта была отложена, а затем отменена. Причины случившегося следует искать в наступившем мировом экономическом кризисе, вследствие которого в Королевстве были приостановлены все строительные работы, так и в недовольстве властей, включая и короля Александра I, стилем загребского проекта. Исследователи постройки этого здания Саша Михайлов и Бильана Мишич, пишут, что, согласно некоторым записям, король повлиял на проведение нового, теперь внутреннего конкурса внутри министерства строительства. На нем и был одобрен проект Андросова, по которому предполагалась постройка роскошного здания в академическом стиле с фасадами, обложенными гранитом, искусственным камнем, и неизменными колоннами. Таким образом, проект Пичмана-Бараньи с его простотой решения фасада в комбинации стекла и бетона был забракован. Властям требовалось здание в имперском стиле, подчеркивающим мощь молодого югославского Королевства. Целесообразность монументализма нового здания была обусловлена и стремлением сохранить стилевое единство вокруг Скупштины. В итоге в 1938 г. (закладной камень положен 17 августа 1935 г.) центр столицы сейчас украшает творение русского архитектора¹⁶⁷¹.

Правда, несколько смущает помещенная Андросовым на верху здания постройка, напоминающая то ли мавзолей, то ли античный храм, опять-таки с колоннами. Когда смотришь на фасад, то его верхнее «украшение» выглядит неорганично. Однако вид здания с бульвара князя Александра производит цельное впечатление красоты.

Добавлю, что Андросов в присущей ему манере – в сербско-византийском стиле – построил свыше 50 церквей, а проектировал еще столько же. Перечислю здесь только несколько городов, где он строил: Белград, Лесковац, Ужичка Пожега, Джаковица, Кривая Паланка¹⁶⁷².

Родившийся в России, он нашел вечное упокоение в славянской Сербии.

С русским именем связана и постройка монументального здания Патриархии, выстроенного в неовизантийском стиле (1933–1935 гг.).

Его проектировал Виктор Викторович Лукомский, выпускник высшей военно-инженерной академии имени императора Николая I. После революции, лишившей его жительства на Родине, он, как и многие другие, обосновался с 1920 г. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, где легко нашел работу в министерстве строительства,

1671 Михайлов С., Мишич Б. Палата Главне поште у Београду// Наслеђе. 2008. № IX.

1672 Кадичевић А. Допринос руских неимара-емиграната. С.250; Кадичевић А. О раду руских архитеката у Јужној Србији. С. 250.

в архитектурном отделении. Уже в 1921 г. на конкурсе по проектированию одного из министерских зданий Лукомский занял третье место.

Его известность росла весьма быстро. Он активно занимался проектированием и строительством комплекса королевских вилл на Дединье (1925–1934 гг.), выстроенных в сербском стиле с элементами русской дворцовой архитектуры.

В. В. Лукомский участвовал (вместе с Ж. Николичем, его начальником) и в проектировании в стиле средневекового церковного сербского зодчества дворцовой церкви св. Андрея, семейного покровителя династии Карагеоргиевичей.

Искусство сербско-византийского стиля пришло к нему и при проектировании и строительстве отеля «Авала» (1928–1931 гг.) на одноименной горе, близ Белграда. В тогдашней прессе писалось, что «отель на Авале несет на себе печать личности, рассматривающей архитектуру как искусство»¹⁶⁷³.

Лукомский помогал Георгию Ковалевскому в строительстве Студенческого дома в стиле русского академизма в парке имени Кирилла и Мефодия. В начале 1930-х гг. он открыл свое ателье, успешно участвовал в конкурсах. В его ателье работал Александр Стерлигов, с ним сотрудничал Георгий Ковалевский. Лукомский постоянный участник выставок русских художников, член белградской группы К.Р.У.Г. Уже на первой ее выставке в 1930 г. он был назван «архитектором полета и фантазии».

Подчеркну, что в 1930-х гг. он много строит храмов, некоторые из которых можно увидеть в Белграде, например, церковь св. Саввы на Врачаре, построенную в «прочищенном византийском стиле». Освящал ее сам Патриарх Варнава, который позднее нашел здесь последнее упокоение. Эта церковь была воздвигнута за 57 дней в 1935 г. на месте старой часовни (1895 г.).

Со второй половины 1930-х гг. Лукомский принимал участие и в строительстве знаменитого собора св. Саввы, прерванное войной.

В те же 1930-е гг. Лукомский строит дома, виллы для жителей Белграда.

Назову лишь несколько: отстроенный в 1934–1936 гг. дом Добрице Матковича (улица Симина, № 9), построенная в 1933 г. вилла Невены Жезовер (угол бульвара князя Александра и Румынской улицы), дом Миодрага Стаменковича (угол улиц Вука Караджича, № 11/13 и царицы Милицы), построенный в 1937 г. дом Зорке Лазич (угол улиц Капетан-Мишине и Господар Евремове, № 32), выстроенная в 1938 г. вилла Милорада Димитриевича (бульвар князя Александра, № 88/2).

Даже если бы Лукомский был автором только одного здания – Патриархии, его имя вошло бы в историю Белграда.

---

¹⁶⁷³ *Кадичевић А.* Београдски период рада архитекта Виктора Викторовича Лукомского (1920–1943) // *Годишњак града Београда.* 1998–1999. Књ. XLV–XLVI.

Если Краснов был самым известным архитектором в 1920-х гг., то в 1930-х гг. и позже, перед войной и после нее, таковым стал Григорий Иванович Самойлов (1903–1989), архитектор, художник, профессор Белградского университета.

Участь еще в художественной школе, он делал эскизы декораций к двум оперным спектаклям городского театра. В 1921 г. эмигрировал и продолжил обучение в Донском императора Александра III кадетском корпусе в г. Билеча. Самойлов писал декорации, расписывал корпусной храм. В 1925 г. он поступил на архитектурное отделение технического факультета Белградского университета. Дипломной работой Самойлова стал изумительный по величественности и красоте проект «Югославский пантеон» (1930 г.). Потом работал в ателье видного сербского архитектора Александра-Саши Джорджевича, участвовал в подготовке таких проектов, как здание белградской биржи, вилла промышленника В. Илича. В 1932 г. он был принят в альма-матер ассистентом по специальности «Сербско-византийское зодчество». В 1933 г. Самойлов получил право на частную практику¹⁶⁷⁴.

Русский мастер напряженно трудился и как художник в различных русских журналах: «Русский сокол», «Донец», «Наука и жизнь», «Сокольский календарь»; публиковал карикатуры в газетах Королевства, например, в «Речи»; оформлял обложки для книг Д.С. Мережковского «Наполеон» и А.А. Бурнакина «Под небом Югославии». Одно время он был даже художником-энтомологом в министерстве народного здоровья¹⁶⁷⁵.

В 1931 г. Самойлов одержал победу в конкурсе на лучший проект здания (2 400 кв. м.) Пенсионного фонда чиновников и служащих Национального банка (площадь Терезия и угол улицы Короля Александра). В журнале «Русский зодчий за рубежом» писали, что верхние этажи предназначены для канцелярий, нижний этаж будет отдан под магазины, кафе и ресторан с театральной залой на 600 мест, найдется место и кинотеатру на 1200 мест¹⁶⁷⁶. Действительно, в отстроенном в 1939–1941 гг. здании фонда позднее разместился кинотеатр «Одеон». По мнению сербского исследователя М. Миловановича, это здание «едва ли не наиболее значительный образец белградского монументализма с конца тридцатых годов»¹⁶⁷⁷. И красоты, добавлю я.

Талант Самойлова творить красоту виден в проектированной им в сербско-византийском стиле столичной церкви св. Архангела Гавриила (улица Хумская) (1939 г.), также он был и автором проекта ее внутреннего убранства. Замечу мимоходом, что иконы двенадцатых праздников писал Иван Дикий (Дикой)¹⁶⁷⁸.

1674 *Милованович М.* Архитектор Григорий Самойлов // *Русская эмиграция в Югославии.* С. 280; *Просен М.* Творчество архитектора Григория Ивановича Самойлова // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья.* 2008. СПб. С. 385.

1675 *Незабытые могилы.* 2007. Т. 6. Кн. 1. С. 411.

1676 *Русский зодчий за рубежом.* 1938. (Прага) 25 янв. № 1.

1677 *Милованович М.* Архитектор Григорий Самойлов. С. 282.

1678 *Гордић Г., Павловић-Лончарски В.* Указ. соч. С. 30.

Вслед за глубоким исследователем творчества Самойлова Миланом Просеном, моим замечательным коллегой, автором полутора десятка работ об этом архитекторе, назову еще несколько творений зодчего. Это – часовня Йована Савича на Новом Белградском кладбище (1933 г.), церковь с иконостасом и интерьером в с. Вучье (1935–1936 гг.), иконостас и интерьер для кафедрального храма в Баялуке (1936 г.)¹⁶⁷⁹.

Самойлов создавал с Александром-Сашей Джорджевичем проект Белого дворца на Дединье, который был реализован в 1935–1937 гг. Проектировал русский зодчий и здание министерства народного просвещения в Белграде, интерьеры в представительстве Югославии в Анкаре (1937 г.). Его мастерство получило признание и в сфере частного жилья. Блестящее знание исторических стилей, талант добиваться в своих работах органического сочетания композиции, пропорций, умение выбора оптимального пространственного решения – все это позволяло достигать успеха. В Белграде появляются особняки, выстроенные им в сербско-византийском стиле, в духе английского неоренессанса... Он был удостоен премии Белграда за лучшее проектное решение, найденное им для дома Раденковича на Пушкинской улице.

После нападения Германии на королевскую Югославию Григорий Самойлов попадает в плен, в котором находился долгих четыре года. В концлагере Сталаг IX-C, неподалеку от Бухенвальда, он создал часовню с иконостасом в сербско-византийском стиле, что само по себе было подвигом человека и художника.

После войны иконостас был помещен в часовне на центральном кладбище Белграда.

Его талант в послевоенное время проявился в работе над проектами таких зданий, как Академия наук (1949–1951 гг.), Югославский банк внешней торговли (1950–1963 гг.). Ему принадлежит авторство интерьеров ряда гостиниц по всей Сербии, в том числе реконструкции отелей «Москва» и «Эксцельсиор» в Белграде¹⁶⁸⁰, летний театр в Нише, почтамты в Охриде, Зреняине, Скопье.

Самойлову принадлежит и проект здания машинного факультета Белградского университета (улица королевы Марии, № 16), построенного в начале 1960-х гг. По своей форме это параллелопипед, выполненный из стекла и бетона, так сказать, обычная функциональная постройка, не привлекающая особого внимания. Однако ее интерьеры замечательны своей феерической красотой, особенно первого этажа, где длинные ряды черных мраморных колонн, фигурная клетка потолка, а также выполненная с выдумкой конструкция цветных лестничных пролетов создают незабываемое впечатление. Чередование цветов во внутренней отделке и формы колонн на этажах, использование архитектором льющегося мощными потоками солнечного света, особенно на пятом этаже, плюс удачное решение внутреннего пространства с обширными аудиториями и почти везде просторными коридорами – все это в очередной раз свидетельствует о таланте

1679 *Просен М.* Творчество архитектора Григория Ивановича Самойлова. С. 387–388.

1680 *Милованович М.* Архитектор Григорий Самойлов. С. 280–283.

архитектора-художника Самойлова. Добавлю, что долгие годы деканом этого факультета был еще один русский – Дмитрий Константинович Воронец, с которым меня связывали долгие годы знакомства.

Самойлов в первые годы новой народной Югославии, судя по сведениям М. Просена, осуществил «социалистическое оформление» внешнего вида и некоторых элементов интерьера в Русском доме.

К сожалению, осуществление всех проектов Самойлова (180), так и не состоялось по различным причинам. Реализована было лишь половина – здания различного назначения, интерьеры¹⁶⁸¹.

Профессор Самойлов после освобождения вплоть до 1974 г. вел на архитектурном факультете Белградского университета основы рисунка и живописи.

Не оставлял живописи как средства самовыражения.

Под одним из рисунков им были написаны слова: «Рисую, я фиксирую редкие минуты отдыха, причем, не стараюсь изменить свой почерк и не думаю о существующих направлениях, ибо последователь всегда последний...»¹⁶⁸².

Творчество Самойлова-архитектора не забыто Белградом, и построенные им здания украшают сербскую столицу.

Я сказал здесь о зодчих, которых знает Белград; о них пишут исследования сербские и русские ученые. Но в Югославии жили и строили многие другие русские, о которых мало что известно. Попробую назвать лишь некоторых.

Прежде всего, это известный Михаил Федорович Козмин (1901–не позже 2 мая 1999), находился в родстве с императорской фамилией. Учился в императорском лицее в Санкт-Петербурге. Воевал в белой армии. Уже находясь в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, продолжил учебу в Белградском университете. Его преподавателями были Краснов, Самойлов, Папков, Васильев. Во время перестройки столицы спроектировал здание министерства строительства. Для себя построил оригинальную виллу в Земуне в сербском средневековом стиле. Его любимым словом была «пропорция». После Второй мировой войны из Германии перебрался в Тунис, где после провозглашения независимости в 1956 г. получил пост главного архитектора страны. Ему принадлежит проект русского храма Воскресения Христова в столице этой страны. Также в Бизерте его имя связано с возведением храма во имя св. Александра Невского – храма-памятника русской эскадре. Спроектировал ряд светских построек, в частности, летнюю резиденцию президента Х. Бугрибы. Потом перестраивал русский собор в Сиднее, проектировал обрамление иконостаса и другие украшения Свято-Богородицкого Леснинского женского монастыря в Нормандии. Автор книги «Экологическое жилищное строительство новой эры», напечатанной в Париже и переизданной в 1993 г. в России.

1681 *Просен М.* Творчество архитектора Григория Ивановича Самойлова. С. 388.

1682 Цит. по: *Милованович М.* Архитектор Григорий Самойлов. С. 284.

Сергей Фармаковский прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев в начале 1920-х гг., уже имея за плечами архитектурное образование. В 1930–1931 гг. по проекту русского архитектора была отстроена больница в небольшом сербском городке Гуча. Потом Фармаковский некоторое время работал в Вучитрне и Косовской Митровице, откуда переселился в городок Рашка, расположенный на впадении реки Рашка в реку Ибар. Там он прожил десять лет, работая по своей специальности, строя двухэтажные частные дома (например, особняк Хранислава Шумарца, расположенный на улице Караджорджевой, № 2), в которых первый этаж отводился обычно для торговли и пр. Из его разнообразных построек назову возведенную в 1939 г. небольшую церковку с куполом-колокольней в селе Вареве. В 1941 г. переселился в Дубровник. После окончания второй мировой войны и до 1947 г. работал в министерстве строительства Хорватии. И следует согласиться с Александром Кадиевичем, «открывшем» Фармаковского, что этот русский зодчий много сделал в архитектуре Рашки и его окрестностей¹⁶⁸³

Константин Николаевич Амосов (1882–1946), выпускник Московского высшего технического училища. О его работах в Королевстве сербов, хорватов и словенцев почти не сохранилось сведений, за исключением постройки по его проекту на одной из центральных улиц Белграда (улица Князя Милоша, № 12). Некоторое время в этом здании размещалось немецкое посольство¹⁶⁸⁴.

Иван Афанасьевич Рык (Рыкк) (1888–1970). В 1907 г. закончил Киевский кадетский корпус, в 1910 г. – Николаевское инженерное училище. Участник первой мировой войны. В гражданскую войну в чине капитана он служил в Военно-инженерном управлении¹⁶⁸⁵. Его биограф Александр Кадиевич пишет, что по прибытии в Королевство сербов, хорватов и словенцев Иван Афанасьевич продолжил обучение архитектуре в Белградском университете. Его студенческие работы уже тогда привлекали внимание. Так, по его проекту в 1927 г. скульптор Шавора выполнил фасадную скульптуру здания на бульваре короля Александра, № 54. После завершения в 1929 г. учебы Иван Рык тесно сотрудничал с Василием Баумгартеном, участвуя в проектировании зданий Генерального штаба (1928 г.), Русского дома (1931–1933 гг.), Офицерского дома в Скопле (1920–1927 гг.). Он, как пишет далее проф. Кадиевич, был автором и ряда фасадных скульптур, например, расположенного на улице князя Милоша здания Генералштаба (исполнители скульптур Алисов и архитектор Амосов). Плодотворным было сотрудничество Рыка и с Миланом Антоновичем, архитектором старшего поколения. В 1929–1930 гг. он помогал ему в разработке проекта пятиэтажного

1683 *Кадиевић А.* О раду руского архитекта Сергеја Фармаковског у Рашкој и околини између два светска рата // Сепарат из Новопазарског зборника бр. 22/1998. С. 131–139.

1684 *Латинчић О., Ракочевић Б.* Указ. соч. С. 635–636.

1685 *Незабытые могилы.* 2007. Т. 6. Кн. 1. С. 337.

здания страхового общества, что на улице Теразие, № 35. Входил русский архитектор в группу «К.Р.У.Г.», успешно выставлялся как архитектор и пейзажист¹⁶⁸⁶.

Наиболее известна построенная в центре городка Лазаревац по его проекту в 1938 г. церковь-усыпальница св. Димитрия погибших воинов в Колубарской битве, когда сербские войска в декабре 1914 г. разбили армию Австро-Венгрии. Церковь отличается оригинальной трактовкой традиционных форм и напоминает храм на Опленце, где похоронены члены королевской династии Карагеоргиевичей.

Иван Рык – автор вечной лампы от русской эмиграции в крипте короля Александра в Югославии; она воспроизводит корону русских царей, внутри которой помещен лампадный стакан¹⁶⁸⁷.

Что еще? Был Иван Афанасьевич женат на художнице Людмиле Ковалевской. Жил он на Бранковой улице, № 32, потом на улице Негошевой, № 40. В 1944 г. Рык уехал с женой в Аргентину¹⁶⁸⁸. В Буэнос-Айресе он работал в министерстве строительства. Участвовал в разработке фасада кафедрального собора столицы¹⁶⁸⁹.

Федор Федорович Богатырев. В эмиграции почти все время – с 1924 по 1941 г. – жил и работал проектировщиком в Белграде. Сохранился только один проект (здание, расположенное на улице Рудничкой, № 7)¹⁶⁹⁰.

Валентин Георгиевич Глинин (1908–1983). После окончания архитектурного отделения Технического факультета Белградского университета работал в архитектурном бюро у В. В. Шашевского. Участвовал в проектировании здания Генерального штаба Королевской армии Югославии. По его чертежам был построен храм в герцеговинском селе Слатине в стиле древнесербской архитектуры. Во время Второй мировой войны находился в Германии. С 1949 г. жил в США. Работал в архитектурной фирме. Свободное время посвящал проектированию и художественному оформлению православных храмов. В частности, он участвовал в проектировании Свято-Владимирского храма-памятника в Джаксоне (шт. Нью-Джерси)¹⁶⁹¹.

Виктор Залевский занимался проектированием и строительством зданий различного назначения в Косово и Метохии, в Зетской бановине (охватывала часть Косово, большую часть территории Черногории и часть Боснии и Герцеговины). В 1928 г. работал районным инженером в Приштине. Реконструировал дом Хаджи Витковича на приштинской улице князя Арсена. На Цетинье спроектировал в 1934 г. Сокольский дом¹⁶⁹².

1686 *Кадиевић А.* Рад архитекте Ивана Афанасјевића Рика у Југославији између два светска рата // Саопштења XXX–XXXI/ 1998–1999. Београд, 2000. С. 233–237.

1687 *Орехов В.* Несколько предварительных слов // Часовой. 1939. 5 июня.

1688 *Кадиевић А.* Рад архитекте Ивана Афанасјевића Рика. С. 233.

1689 *Незабытые могилы.* 2007. Т. 6. Кн. 1. С. 337.

1690 *Латинчић О., Ракочевич Б.* Указ. соч. С. 636.

1691 *Козякин Н. В.* Архитектор Глинин // Русский американец. № 18. Обзорный выпуск 1982–1985.; *Александров Е. А.* Указ. соч. С. 133.

1692 Сообщение А. Кадиевича автору от 29 апреля 2008 г.

Яков Николаевич Коробко (1902–?), выпускник Белградского университета. С 1927 по 1941 г. проектировал ремонтные мастерские на югославских железных дорогах. С 1965 г., уже проживая в США, делал проекты промышленных зданий, силовые станции, плотины¹⁶⁹³.

Ирина Васильевна Котельникова (1912–?) после окончания в 1936 г. архитектурного отделения Технического факультета Белградского университета служила в Министерстве общественных работ, участвуя в строительстве различных объектов. После окончания второй мировой войны она переехала в США, где работала архитектором¹⁶⁹⁴.

Александр Васильевич Попов (1887–1955), выпускник Николаевской инженерной академии (1913 г.). После 1920 г. он обосновался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. С 1922 по 1944 г. Попов работал проектировщиком, строил здания, дороги. С 1950 г. он жил в США¹⁶⁹⁵.

Иван Латышев, выпускник Загребского университета, строил по государственным подрядам здания на далматинском побережье, в 1950-е гг. был выслан в Будапешт, оттуда в СССР, под Ташкент, а потом в Ленинград, работал «на измор»¹⁶⁹⁶.

Александр Ляхницкий (1933–?), архитектор, сценограф, дизайнер, скульптор, художник. В 1958 г. завершил Загребский университет. Имел шесть самостоятельных выставок своих картин, в том числе и в Нью-Йорке. Лауреат многочисленных отечественных и зарубежных отличий и наград в сфере зодчества, а также в области скульптуры и графического дизайна. Специализировался на проектировании выставочных павильонов, в том числе национальных во многих странах¹⁶⁹⁷.

Будущий священнослужитель Сергей Иванов (1907–1998) строил дома в г. Борский рудник¹⁶⁹⁸.

Леонид Т. Тарасов (1899–до 21 сент.1972), участник Гражданской войны, получил архитектурное образование в Загребском университете (1925 г.). Работал по специальности в Сербии. В 1950 г. выехал в Венесуэлу. Писал картины, занимался проектированием¹⁶⁹⁹.

Павел Васильевич Крат (1907–?). В 1924 г., он, получив разрешение на заграничную поездку, не вернулся в СССР. Обосновался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В 1931 г. Павел окончил архитектурное отделение технического факультета Белградского университета. По его проектам возведен ряд монументальных построек в Белграде. Активно занимался реконструкцией, например, здания почты № 2, близ ж/д станции в Белграде, где модернистской обработкой фасада полностью уничтожил прежний романтично-экспрессионистский стиль, применив брашовановские горизонтально-вертикальные

1693 Александров Е. А. Указ. соч. С. 271.

1694 Там же. С. 275.

1695 Там же. С. 407.

1696 (http://www.xx13.ru/kadeti/kp20_25.htm)

1697 Александр Ляхницкий биография из каталога его выставки в Загребе. MGG Gradec Katarinin trg 5, проведена 14 февраля – 1 марта 1998 г.

1698 (http://www.xx13.ru/kadeti/kp64_67.htm)

1699 Незабываемые могилы. 2006. Т. 6. Кн. 2. С. 306.

контрастные эффекты¹⁷⁰⁰. Во время войны активно занимался строительством. Сам Крат говорил о тогдашнем периоде, что работал над строительством многих зданий в Боре, готовил проектные чертежи для колонии чиновников и рабочих в Трепче, трудился над строительством зданий в Мачкатице, близ Сурдулицы. Ему принадлежала архитектурная обработка зданий в Лизи, около Иваньницы, а также фабрики в Злетове. Трудился над административно-управленческим зданием в Радуше, близ Скопле. Также строил железнодорожную станцию в Белграде. После освобождения Югославии принял советское гражданство, работал в «Югопроекте». В 1949 г. во время резкого ухудшения советско-югославских отношений, был арестован¹⁷⁰¹. Далее жил и работал по специальности в СССР, умер в 1969 году в Киеве, где на момент 2022 года проживала и его дочь, Марьяна.

Леонид Захарович Макшеев (–1969), участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1920 г. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В 1925 г. Макшеев окончил архитектурное отделение политехнического училища в Загребе. Открыл собственное ателье. По проектам Макшеева в конце 1930-х гг. был построен в Белграде ряд жилых домов. После второй мировой войны он жил в Венесуэле, потом в США, где продолжал работать по специальности¹⁷⁰².

Макаревич Евгений (1916–1961), перед войной работал военным инженером, участвовал в строительстве Дома гвардии, что на Топчидере. В 1950 гг. трудился в Агробюро, в Любляне, был связан со строительством¹⁷⁰³.

Владимир Сергеевич Пожидаев (?–1972, Австралия), выпускник Крымско-го кадетского корпуса (1928 г.). Окончил архитектурное отделение технического факультета Белградского Университета. Был оставлен ассистентом по классу церковной архитектуры, позже работал в управлении Государственной монополии. В 1951 г. со всей семьей переселился в Австралию в г. Аделаиду. «Одновременно с работой на государственной службе он разрабатывает проект и проводит строительство православного русского храма в Аделаиде и начинает проект русской церкви в Канберре, столице Австралии»¹⁷⁰⁴.

Весьма заметен вклад русских зодчих в Баялуке.

Из русских зодчих назову еще несколько имен.

Цикаловский Борис Сергеевич (1934 или 1935–1992), архитектор. В 1961 г. он закончил архитектурный факультет Загребского университета, некоторое время работал в организации «Проект» в Баялуке. успешно занимался живописью¹⁷⁰⁵.

1700 *Кадиевић А.* Допринос руских неимара-емиграната. С. 254; *Арсењев А.* Биографски именик. С. 268; *Ve-loemigracija u Jugoslaviji*. S. 46 (276).

1701 Там же.

1702 *Арсењев А.* Биографски именик. С. 276; *Александров Е. А.* Указ. соч. С. 325.

1703 *Podatki o fondih Arhiva Republike Slovenije, ki vsebujejo podatke o rusko-slovenskih odnosih. Osební in rodbinski fondí.* S. 4.

1704 (http://www.xx13.ru/kadeti/kp1_6.htm)

1705 *Мачкич З., Косик В.* Указ. соч. С. 94.

Федоров Николай Иванович (1895–1940). В 1914 г. завершил восемь классов гимназии в Санкт-Петербурге. В 1927 г. закончил архитектурное отделение технического факультета Белградского университета. В 1930 г. приехал в Баялуку. Работал в техническом отделении Королевской банской управы Врбаской бановины (КБУВБ). Выполнял много больших проектов в духе новейшей архитектуры, среди которых самыми значительными были Хирургический павильон Бановинской больницы и достройка Гигиенического института. В 1930 г. разработал план по строительству комплекса Банских зданий. 5 мая 1931 г. он был назначен решением КБУВБ инспектором-наблюдателем во время строительства комплекса банских зданий. В августе 1939 г. проектировал здание низшей сельскохозяйственной школы в Дервенте. Его труд был отмечен орденом св. Савы V степени (1938)¹⁷⁰⁶.

Александр Львович Мордвинов, руководитель и владелец архитектурного ателье в Баялуке. Сразу после освобождения страны восстановил здание городской гимназии, пострадавшей от бомбардировок союзнической коалиции¹⁷⁰⁷.

Добавлю, что он был судьей на сеансе одновременной игры, дававшейся 1 мая 1935 г. А. А. Алехиным в Баялуке.

Александр Александрович Ершов (1893–?) получил высшее математическое образование в Санкт-Петербурге. В 1926 г., будучи уже в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, завершил инженерно-строительное отделение Технического факультета Загребского университета. С 22 августа 1935 г. по 3 декабря 1941 г. он работал в сфере проектирования и строительства объектов, связанных с водообеспечением в Баялуке¹⁷⁰⁸.

Павел Витольдович Дидзинский (1897–1959), выпускник инженерно-строительного отделения технического факультета Загребского университета. Трудился он в строительной фирме «Црнич». Дидзинский был известен как мастер игры в шахматы. В Баялуке был сравнительно короткое время, когда работал главным инженером на строительстве Банской Палаты, т. е. примерно с мая 1930 г. до осени 1931 г. После войны работал в министерстве строительства в Загребе¹⁷⁰⁹.

Власть не выбирают: русские строили и в монархической Югославии и в сателлите Германии Независимом государстве Хорватия, и в народной Югославии. Один неординарный пример: В. Б. Асатуров в годы войны строил в НГХ больницу для немцев в Баялуке и в то же время посылал продукты заключенным в баялукской тюрьме «Черный дом», поддерживал связь с коммунистами¹⁷¹⁰.

1706 Там же. С. 90–91.

1707 Сведения взяты из отрывков книги: Mackić Z. «Banjalučki šahovski klub – Spomenica 1926–1941», присланных мне по Интернету русским историком, живущим в США, Р. В. Полчаниновым.

1708 Мачкич З., Косик В. Указ соч. С. 43–44.

1709 Там же. С. 37.

1710 Там же. С. 13–14.

Попов Николай Дмитриевич (?–1984), выпускник архитектурного отделения Белградского университета. Владелец строительной фирмы. После Второй мировой войны перебрался в США. Участник строительства храма св. Владимира в штате Нью-Джерси¹⁷¹¹.

Благодаря постоянной помощи материалами профессора архитектурного факультета Белградского университета Александра Кадиевича, знающего бесконечно много о русских архитекторах, автора блестящих исследований на эту тему, я получил возможность представить здесь еще несколько имен русских зодчих.

А. Кремер в межвоенный период активно работал в патриархальной Приштине. В конце 1920-х гг. по его проекту был возведен в самом центре города отель «Унион» в стиле необарокко. К сожалению, осенью 2009 г. отель пострадал от пожара. С именем Кремера связано здание школы, построенное в 1930-х гг. в модернистском стиле. Строил русский архитектор и дома для частных лиц¹⁷¹².

Козинский Яков Аврамович (1844–1942). Из материалов, присланных мне А. Кадиевичем, известно, что в 1924 г. он имел свое предприятие «Строитель» на паях с неким Палибиным. С 1924 по 1928 г. Козинский, имевший диплом строительного инженера, работал и с М. Айзенбергом в «Архитектурно-инженерном бюро Я. Козинский – М. Айзенберг» (Гундуличев венац, 8). В 1924 г. он завершал работы по достройке здания (улица Видинская, 2), спроектированного петербургским зодчим Николаем Васильевым. Козинский строил ипотечные банки в Белграде и Нише, плавательный бассейн в Врњцима, здание «Коларчевой задужбины» (Студенческая площадь, 5), предназначенное по воле дарителя Илии Коларца для культурно-просветительных целей сербского народа. Кроме строительства различных объектов Яков Аврамович занимался и проектированием, преимущественно для частных лиц. В Белграде он спроектировал и построил десяток домов. Это прежде всего: здание для Раденка Раденковича (1924 г.) на Зеленом венце, № 8; дом Милоевича (1924 г.) на Видской улице, 12; здание (1927 г.) на углу Негошевой улицы, 61 и Молеровой улицы; дом М. Компанеца (1932 г.) на улице Янко Вукотича, складское помещение братьев Зунани (1928 г.) на углу улицы Израилевой, 3 и маршала Пилсудского, 53; вилла Душице Евремович (1930 г.) на Сараевской, 32. В его архитектурном творчестве выделяется, как подчеркивает профессор Александр Кадиевич, трехэтажное здание на углу улицы Негошевой, 61 и Молерове улицы. Оно имеет два пластично декорированных фасада на обе улицы. Закругленный угол здания выдержан просто, без какой-либо архитектурной обработки. Первый этаж здания, выходящего на Негошеву улицу выдержан в стиле «строгого русского академизма»¹⁷¹³. Убит немцами в ходе акции по уничтожению евреев¹⁷¹⁴.

1711 Ульянкина Т. И. По документам архива Толстовского фонда (США). С. 357.

1712 Сообщение А. Кадиевича автору от 23 ноября 2009 г.

1713 Там же.

1714 Гимназия в лицах. Кн. Вторая. С. 112.

Его сын Евгений (1912–1944, концлагерь Оснабрюк, Германия), инженер-строитель покончил с собой в одиночной камере вследствие истязаний¹⁷¹⁵.

Теперь о двух Клепининых.

Иван Клепинин, как писал мне Александр Кадиевич, был автором скромного буддистского храма российских калмыков, что на Мокром лугу на далекой окраине Белграда. К сожалению, в 1944 г. он был разрушен. Больше об авторе проекта ничего не известно.

Андрей Николаевич Клепинин по розысканиям Александра Кадиевича являлся автором проекта каменного храма св. Георгия в шахтерском городке Бор (1939 г.). Сама церковь построена в сербско-византийском стиле и стоила немалую сумму в полтора миллиона динаров. Причем иконостас был выполнен Викторией Пузановой, художницей жившей в Призрене¹⁷¹⁶.

Георгий Александрович Кульбицкий (1906–1975). Образование начал в Тифлисском великого князя Михаила Николаевича кадетском корпусе, а закончил в Крымском кадетском корпусе. Потом был технический факультет Белградского Университета, который отлично окончил в 1934 г. с дипломом инженера архитектора. Работал в известной фирме Батиньоль, участвовал в известных постройках того времени, как Савский мост, нефтеперегонный завод в Смедерево¹⁷¹⁷.

Можно перечислить еще несколько имен русских архитекторов, творчество которых еще ждет своих исследователей. Это работавший до конца 1920-х гг. в Сербии, а потом уехавший в США архитектор Николай Васильевич Васильев (1875-1958), в 1901 г. окончил институт гражданских инженеров, занимался в Академии художеств. По окончании учебы был архитектором в канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Занимался независимой профессиональной деятельностью, проектировал здания различного назначения: особняки, доходные дома, церкви, торговые дома, рынки, театры, мечеть в Петрограде. Получил ряд премий (из 91 премии 31 первая), участвуя в конкурсах, в частности, за проект храма в память 300-летия Дома Романовых, Соборную мечеть в Петрограде, театр в Ревеле (соврем. Таллинн), Народный дом в Уфе. В 1920 г. покинул красную Россию. Через Константинополь, где он некоторое время сотрудничал с тамошними архитекторами, переехал в Белград¹⁷¹⁸. «Позади остались слава, богатство и три бывшие жены»¹⁷¹⁹. С этим городом его связывали старые работы. В 1908 г. вместе с архитектором победил в конкурсе проектов на здание Министерства монополий и финансов, позже просто Министерство финансов. Оно было построено только в 1926 г., причем проект был доработан Красно-

1715 Там же. С. 111.

1716 Сообщение А. Кадиевича автору от 26 ноября 2009 г.

1717 (http://www.xx13.ru/kadeti/kp7_13.htm)

1718 Лисовский В. Г. *Ташо Р. М.* Николай Васильев От модерна к модернизму. Санкт-Петербург, 2011. С. 70–71, 75, 76, 429, 430, 431, 439.

1719 Там же. С. 433.

вым «в духе более сдержанного неоклассицизма»¹⁷²⁰. Также он победил на конкурсе 1922 г. проектов Белградского географического института, в 1924 г. был реализован¹⁷²¹. Сейчас там размещается Военный музей. Сама постройка напоминает средневековую крепость, разместившуюся на территории другой крепости -- Калемегдан. По его проекту, в соавторстве с Яковом Козинским было построено здание «для сербских детей и инвалидов Первой мировой войны» по адресу Видинска ул., 2. К его работам относится проект и постройка пятиэтажный доходный дом по ул. Караджорджева, 67, Ристо Параноса. «Программа предусматривала устройство коммерческого пространства на нижнем, двойной высоты, этаже (сегодня здесь размещается банк), конторских помещений и (с. 263) мезонине для сдачи внаем и жилых квартир на трех верхних этажах. В квартирах было от трех до пяти комнат; кухни и ванные комнаты были оборудованы по последнему слову техники. Васильев спроектировал здание в 1922 г. совместно с инженером, экспертом, осуществлявшим надзор за строительством, Хрисанфом Виноградовым <...> использовано по меньшей мере трех различных видов облицовочного камня и введением полихромных оштукатуренных поясов на верхних этажах. По мере приближения к кровле цвета становятся все более светлыми»¹⁷²². Несмотря на все награды, «провинциальный Белград», видимо, стеснял его и в 1923 г. Васильев уехал в США. Работал в разных фирмах. Участвовал в конкурсах. Приглашался в СССР. В частности, в 1931 г. его проект Дворца Советов, носивший название «Государственный корабль» занял 4 место и получил денежную премию¹⁷²³. Само участие в проекте и его название можно, с известной долей вероятности, полагать, что его отношение к СССР изменилось к лучшему.

Здесь нужно назвать имя Н. Виноградова, автора проекта Гвардейского дома в Топчидере (Белград) (начало 1930-х гг.), решенного в характере русского академизма. К тому же направлению примыкал Юлиан Дюпон, автор многочисленных общественных и жилых построек в Нише. В том же городе работал русский зодчий Александр Иванович Медведев¹⁷²⁴.

Благодаря исследованию, проведенного его сыном, известным в Сербии архитектором, Михаилом Александровичем Медведевым, теперь в России известна достаточно полная картина деятельности А. И. Медведева на архитектурном поле Югославии. Сразу следует отметить, что стиль «модерн» был введен в югославское градостроительство Медведевым вместе с несколькими сербскими и русскими коллегами-архитекторами, когда зодчество все еще не оставляло академизма. В городах Банялука, Байна-Башта, Нише по его проектам построен ряд мощных зданий, органично вписанных в городские застройки.

1720 Там же. С. 259.

1721 Там же. С. 261.

1722 Там же. С. 262–263.

1723 Там же. С. 354, 351.

1724 *Кадивевић* А. Допринос руских неимара-емиграната. С. 249; *Арсеньев* А. Биографски именик. С. 231, 238, 278, 279.

Его архитектурное наследие и сейчас не потеряло своей ценности. Многие его объекты приобрели статус памятников культуры строительства и подлежат охране¹⁷²⁵.

Итак, Медведев родился 13 марта 1900 г. в Мелитополе в семье железнодорожного служащего. В годы революции не стал поддерживать власть большевиков. Окончив курс Сергиевского артиллерийского училища, поступил в знаменитый Дроздовский полк, был награжден за храбрость Георгиевским крестом. Оставив Россию, он в 1922 г. поселился в Белграде, где поступил на архитектурное отделение Технического факультета Белградского университета, параллельно зарабатывая на жизнь чертежником. В 1929 г. учеба была закончена. На выставке дипломных работ его проект музея, выдержанный в академическом стиле, был отмечен в прессе, автору прочили большое будущее. В 1933 г. после сдачи экзамена Медведев получает лицензию на самостоятельное проектирование архитектурных объектов. Он начинает строить дома по государственным и частным заказам в Баялуке и других городах Врбасской бановины (современной Боснии и Герцеговины), применяя стиль модерн. В 1935 г. Медведев переезжает в Ниш, где открывает свое ателье. Тогда там уже творили такие русские архитекторы, как Всеволод Татаринов, Анатолий Леонидович Русьян, Павел Васильевич Крат, Михаил Александрович Аристов, Павел Лилер. Тем не менее, Медведев вскоре становится одним из самых востребованных архитекторов. Он получает заказы на проектирование в центре Ниша больших частных и общественных зданий, многоэтажек с квартирами и магазинами, гостиниц, вилл в Нише и его окрестностях (в Нишке Банье были спроектированы и построены в 1939 г. вилла «Вера» и гостиница «Дубровник» в стиле модерн). Только с 1935 г. по 1939 г. он выполнил свыше сотни разнообразных частных заказов. Почти все они были реализованы в строительстве. Свыше десяти из них представляли собой многоэтажные здания, в которых просматривался, как и в ряде других построек, стиль модерн. По его проектам во второй половине 1930-х гг. в Нише, Крушевце, Байна-Баште были построены в современном стиле здания «Бирж труда». В 1938 г. Медведев спроектировал трехэтажное здание под общежитие для учеников ремесленников с детским садом. Оно оказалось настолько внушительным, «с полуокружно развитой основой и оригинально акцентованной угловой композицией», что, по предложению городской управы, Медведев переделал проект под здание городского управления. Строительство было начато в 1939 г. и (с перерывом на военные годы) закончено в 1948 г. Свой вклад Медведев внес и в храмостроительство: церковь св. Петра, близ Ниша, колокольня соборного храма в Нише. В послевоенное время он возглавлял государственное городское проектное бюро «Нишпроект». «Первым большим проектом, – пишет М. А. Медведев, – в новом государственном бюро (в 1949 г.) был проект нового Технического училища, предназначенного на 1.000 учеников, с 36-ю классами, физкуль-

¹⁷²⁵ *Медведев М. А.* Архитектор Александр Медведев и его роль в зарождении архитектуры модернизма в Сербии в 1930-х гг. // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствознание Русского зарубежья*, СПб., 2008. С. 337, 338, 339; он же. *Проекты и архитектура ing. Александра И. Медведева* овл. архитекта. Ниш, 2012.

турным залом, общим залом на 520 мест, мастерскими и канцеляриями», выполненного в стиле конструктивизма. Через пять лет строительство училища было закончено, но «урезанного» на треть. Последующие работы Медведева – многоэтажные дома с квартирами и административными помещениями, дома культуры, общественные и промышленные постройки – выполнены уже в новом стиле, «свойственном архитектуре социалистической эпохи». Им же спроектированы были пять типов сельских домов культуры. В 1957 г. Медведев в связи с состоянием здоровья перешел на преподавательскую работу в Техническую школу, в 1964 г. он ушел на пенсию. 3 января 1984 г. Александр Иванович скончался¹⁷²⁶.

В знак признания его трудов, автору свыше сотни общественных и частных построек, многие из которых приобрели статус памятников культуры строительства, Ниш присвоил одному из бульваров имя Александра Ивановича Медведева.

Немного о жене Медведева – Ксении Петровне Белавенец (1905–2000). Она родилась в семье морского офицера, знатока геральдики, вексиколога Петра Ивановича Белавенеца. Ее мама Любовь Гавриловна (урожд. Харченко) завершила Московскую консерваторию по классу профессора П. А. Пабста. Сама Ксения Петровна, крестница императрицы Марии Феодоровны, окончила в 1932 г. архитектурное отделение Технического факультета Белградского университета. Ее первой самостоятельной работой стал выполненный в стиле «русской народной архитектуры» в 1934 г. проект охотничьего дома для короля Александра I в Боснии, возле Банялуки. С 1935 г. она работала вместе с мужем в его бюро. Много лет преподавала в Технической школе¹⁷²⁷.

Архитектором стал и его сын Михаил Александрович Медведев (1942), защитивший диссертацию по градостроительству. Он автор 130 проектов в области архитектуры, 46 проектов интерьеров, 220 градостроительных планов и проектов, 180 печатных работ, 240 реализованных дизайнерских разработок. Если бы Михаил Александрович устраивал выставку своих работ, то, по его прикидке, понадобилось бы 500 метров выставочной площади! До 2007 г. он работал в Градостроительном институте в Нише. Михаил Александрович отмечен высшими наградами Союза урбанистов Сербии и Югославии. Его сестра Варвара Александровна Медведева (1945 г. рожд.) также архитектор, преподаватель начертательной геометрии и перспективы на факультете проектирования путей сообщения. На пенсии с 2009 г. Супруга М. А. Медведева также архитектор, работала в области организации строительства, занималась интерьерами¹⁷²⁸.

Архитекторы строили не только для других, но и для себя. Очень интересна вилла (улица Крушевачка, № 17), построенная Игорем Максимиллиановичем Блумену по правилам, восходящим к сербскому средневековью. Они были таковы: на первом этаже спальня родителей, ванная и кухня, на втором – помещения для детей и стариков, на следующем

1726 Медведев М. А. Архитектор Александр Медведев и его роль в зарождении архитектуры модернизма в Сербии в 1930-х гг. С. 376–381.

1727 Сообщение М. А. Медведева автору от 24 ноября 2009 г.

1728 Там же.

этаже – округлая комната с камином и множеством небольших окон на все стороны. Пол в ней должен быть застлан медвежьей шкурой. Это было мужское царство. Сам дом строился в форме кириллической буквы «Г». Причем окна спальни хозяйки должны были выходить в сад. Перед самым окном сажалась вишня или черешня, чтобы хозяйка поутру могла отворить окошко и дотянуться губами до сладких ягод. В саду, кроме множества цветов, должен расти орех, чтобы его запах отпугивал насекомых. Двор со своим колодцем окружали стены двухметровой высоты. Во двор было два входа: обыкновенный и для автомобилей. В сам дом был только один вход в прихожую, откуда можно было попасть, с одной стороны, в жилые помещения, с другой – в кухню. Крыша была черепичной, стены первого этажа были двухслойные: снаружи из камня, внутри – кирпичные. Причем между двумя этими слоями было небольшое пространство, для вентиляции. Крыша над ванной представляла стеклянный купол. Ступеньки лестницы были мраморными, а пол в комнатах на вилле Блуменау был из темного ореха и светлого клена¹⁷²⁹.

Дополню, что сам Блуменау по отцу был еврей, мать русская, но в военные годы немцы его не трогали и даже дали ответственную должность. После войны много работал, возглавляя различные стройки. В частности, в 1950-х гг. строил здание ЦК Союза коммунистов Югославии, потом бизнес-центр.

В его «послужном списке» была и строка о работе в должности инженера в Бюро по развитию строительства Министерства строительства Сербии. Публиковался в журнале «Изградња» («Строительство»).

И еще одно имя – Александр Александрович Яхонтов (1935–2013), с которым я близко познакомился в конце 1970-х гг. В июне 2009 г. я встретился с ним в Белграде и по моей просьбе он написал мне несколько строк о себе. В 1960 г. он закончил архитектурный факультет Белградского университета. В 1975–1982 гг. занимался проектированием белградского метро. Потом последовал выезд из страны. В 1993–1996 гг. строил метро в Лос-Анжелесе. Добавлю, что он являлся председателем Общества русско-сербской дружбы в США. Возглавлял Общество городов побратимов Сочи – Лонг Бич. Устроитель фестивалей, посвященных Александру Пушкину (2006 г.), Федору Достоевскому (2009 г.). На 2010 г. планировался фестиваль, связанный с именем Льва Толстого. Но кончина разрушила все планы.

В Загребе оставила о себе память Зоя Петровна Думенгич-Непенина (1904–2000). Родившаяся в генеральской семье, она обосновалась в Загребе с 1923 г. После завершения в 1927 г. архитектурного отделения Технического факультета Загребского университета Зоя Петровна много лет работала на разных должностях — от проектировщицы в ателье И. Фишера до директора и главного проектировщика архитектурного проектного бюро «Думенгич» (1954–1977 гг.). В основном она занималась строительством больниц и других объектов здравоохранения. Над их проектами часто работала со своим мужем Селимиром

1729 Латинчић О. Две генерације архитеката // Политика. 1996. 12 июля.

Думенгичем и Георгием Киверовым. В 2000 г. ее вклад в дело архитектуры был отмечен очередной наградой¹⁷³⁰.

Георгий Яковлевич Киверов (1897–1976) также закончил Загребский университет по специальности «архитектура». Долгое время работал вместе с Й. Корком и Дж. Крекичем. Был членом НТС и последним главой его загребского отделения. В годы войны был связан с Абвером, точнее, его подразделением *Sonderstab «Russland»*, размещенным в польской столице. С мая по декабрь 1943 г. был на канцелярской работе. К этому добавлю, что в 1946 г. в Гамбурге, когда Германия была в руинах, основал художественную школу, писал иконы. Потом уехал в экзотическую Эфиопию, работал в Аддис-Абебе, но через некоторое время вернулся обратно в Германию по причинам, связанным со здоровьем. Работал диктором на радио «Освобождение» (с 1959 г. – радио «Свобода»¹⁷³¹).

Выпускница архитектурного отделения Технического факультета Загребского университета Галина Рикардовна Фельдт (1909–1979) оставила о себе память как исполнительница проекта крипты церкви Лурдской Матери Божией в Загребе. В 1950 г. она, как и многие русские, покинула Югославию¹⁷³².

В Загребе творила и Надежда Николаевна Залепугина (девичья фамилия Незнаева) (1901–1954). Получила архитектурное образование в столице Хорватии. (Добавлю, что на архитектурном отделении Высшей технической школы с 1925 по 1946 гг. училась 28 русских студентов¹⁷³³). Надежда Залепугина участвовала в проектировании и последующем появлении в Загребе многоэтажек, градостроительных комплексов в Петровой улице и на Сельской цесте¹⁷³⁴.

В столице Хорватии работал и Петр Павлович Фетисов (1877–1926), архитектор, художник. Он родился в старинной московской купеческой семье. В 1900 г. окончил в Санкт-Петербурге институт гражданских инженеров имени императора Николая I. В 1902 гг. в армии участвует в китайской войне как переводчик немецкого английского французского в международных экспедиционных силах. В 1902 г. был назначен помощником архитектора строительного отдела Министерства внутренних дел. Потом была учеба в Императорской Академии художеств по архитектурному отделению. В 1906 г. по распоряжению руководства Академии был послан в Лондон для подготовки к профессорскому званию в Британском музее, где изучал классическое искусство Древнего Востока и одновременно работал ассистентом директора отдела восточных древностей. В 1908 г. вернулся в Санкт-Петербург и стал трудиться лектором в Архитектурном отделе Императорского Политехнического института имени Петра Великого. В следующем году был направлен на одногодичную

1730 *Puškadija-Ribkin T.* Указ. соч. С. 132.

1731 *Puškadija-Ribkin T.* Указ. соч. С. 145; Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции. Т. I. С. 628–629.

1732 *Puškadija-Ribkin T.* Указ. соч. С. 134.

1733 *Пушкадия-Рыбкина Т., Грубмайр И.* Указ. соч. С. 132.

1734 *Puškadija-Ribkin T.* Указ. соч. С. 173.

стажировку в Мюнхен по классической и мусульманской архитектуры. По возвращении в Россию избран профессором истории архитектуры и искусства Древнего востока в родном Институте гражданских инженеров. В 1910–1913 гг. по распоряжению Академии наук и Географического общества участвовал в четырех ученых экспедициях в Туркестан, Бухару и Хиву и в северную Персию в целях изучения памятников древней мусульманской архитектуры эпохи Тамерлана. Избран почетным членом Географического общества и Археологического института в Москве. Знал английский, немецкий, французский, персидский, арабский, санскрит, древнегреческий, читал клинописное письмо. История искусства Ассирии, Вавилона, Египта, северного древнерусского храмостроительства – область его научных исследований. Не оставляет Фетисов и архитектуру. Его проекты были реализованы в Москве, Санкт-Петербурге и на Кавказе. На конкурсах получает 11 наград. Участник Первой мировой войны, куда ушел добровольцем. Военный инженер в саперном батальоне на Галицийском фронте. Два раза был ранен. После госпиталя был назначен переводчиком в иностранную военную миссию на Юго-западном фронте. В революционный 1917 г. – профессор Археологического института в Киеве (кафедра искусства Древнего Востока. Тогда же стал работать начальником отдела по архитектурному планированию в Высшей художественной школе. Потом, в 1918–1919 гг., было Закавказье, знакомая работа инженером при Британской военной миссии, с которой он был эвакуирован уже больным малярией и ревматизмом, в Солун (Фессалоники). После выздоровления прибыл в 1920 г. в Белград, потом уехал в Загреб, где в 1921–1926 гг. Фетисов читал лекции на Техническом факультете Загребского университета по истории античной архитектуры и истории искусства. В ходе занятий подружился со студентами, которые его полюбили за помощь, часто им рассказывал о своих путешествиях. В воспоминаниях запомнился как человек широкой русской души с божескими чертами. Не чурался алкоголя, заявив однажды, что «Вино это вода. Лучше всего хорватское вино, а именно, сливовица». Нередко можно было услышать, как на старогреческом он декламирует Илиаду.... Именно Фетисову как отличному классической архитектуры загребские проектные бюро доверяли работы по выработке фасадов¹⁷³⁵.

Блестящая исследовательница русского зарубежья Магдалена Медарич отметила, что «первые архитектурские проекты поставили его имя на первое место среди местных архитекторов и оценены столичной печатью очень высоко. Потом в нем разместилось страховое общество «Croatia» (на углу площади бана Елачича и Пражской улицы), отель Эспланада, затем фасад дома по адресу Mažuranićev trg, № 5, фасад здания «Exportdrvo», что на Marulićevj m trgu, № 18, и ряд других. Выпустил Фетисов и первую серию рисунков

¹⁷³⁵ Vrkljan Z. Sjećanja. Zagreb, 1995. S. 116, 117, 118.

в форме открыток «Старый Загреб»¹⁷³⁶. Здесь подчеркну, что в Загребе высоко ставили не только архитектурное творчество Петра Павловича, но и его живописные работы¹⁷³⁷.

В 1924 г. стал переживать кризис. Злая судьба посылала один удар за другим. Уехал в Париж. В пути украли все документы. В мировой столице культуры начал колебаться остаться ли ему там или вернуться назад. Победил Загреб, по возвращении в который он попадает в больницу. По выходе из клиники его настигает депрессия, следует «лечение» алкоголем. В итоге Фетисов все больше слабеет и умирает 5 ноября 1926 г. Похоронен на кладбище Мирогой¹⁷³⁸.

«Архитектурный след» в столице Хорватии оставил Андрей Павлович Шевцов (у Т. В. Пушкадия-Рыбкиной – Шавцов) (1890–1944). По его проекту на русском кладбище в Загребе была выстроена, а 4 ноября 1928 г. освящена часовня-памятник Воскресения Христова¹⁷³⁹. Внутри, на мраморных плитах, укрепленных на стенах, были вначале фамилии тех, могилы которых не были сохранены, потом появились фамилии загребчан, умерших за границей. В начале XXI в. часовня, пострадавшая от «зуба времени», была восстановлена¹⁷⁴⁰.

С именем Шевцова (Шавцова) связано и возведение храма апостола Иоанна Богослова в г. Белая Церковь. Его красота поражает, хотя окружающие его постройки всячески мешают увидеть полностью его великолепие. И кажется символичным, что совсем неподалеку от русской церкви находится могила русского солдата (кажется, его фамилия Маринов), погибшего при освобождении Югославии.

В Загребе жил и выпускник архитектурного отделения Технического факультета Загребского университета (1939 г.) Игорь Львович Скопин (1914–1993). Среди его работ комплекс *Jadran filma* (1956 г.), здание Центра иностранных языков (Водникова улица). Занимался он и консервационно-реставраторскими работами (дворец Мильана, 1981 г.). Участвовал Игорь Львович в выставках, в том числе и за рубежом, был автором статей в специализированных журналах¹⁷⁴¹.

Из других имен назову Юрия Николаевича Шретера (1888–1976), выпускника архитектурного отделения Института гражданских инженеров в Санкт-Петербурге, и Константина Петровича Паризо де ла Валетта (1877–1940). Среди зданий русских архитекторов в Нови-Саде есть и двухэтажный Дом народного здоровья, построенный в 1925 г. в стиле академизма. Эта постройка, украшающая город, и сейчас сохранила свое первоначальное предназначение. Сюда можно добавить и редкий по красоте Офицерский дом, построенный в 1926 г., и напоминающий богатые особняки на черноморском

1736 Новое время. 1927. 2 янв.; *Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi*. S. 303–304; *Puškadija-Ribkin T.* Указ. соч. S.134–135.

1737 *Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi*. S. 292.

1738 *Vrkljan Z. Sjećanja*. S. 118.

1739 Новое время. 1928.14 нояб. С.; *Puškadija-Ribkin T.* Указ. соч. S. 242.

1740 *Puškadija-Ribkin T.* Указ. соч. S. 182–183.

1741 Там же. S. 165.

побережье из времени царской России. Украшает здание просторная терраса над главным входом, поддерживаемая четырьмя псевдореческими каннелированными колоннами¹⁷⁴².

В Скопле был известен Иван Григорьевич Артемушкин, автор проекта постройки здания турецкого консульства, «Арабского дома» (1937), для семьи Агопа Дикиджияна, позже известного как отель «Ядран», потом спроектированного еврейского района, торгового пассажа «Ароести», Этнографического музея¹⁷⁴³. Ему принадлежат также проекты многих частных домов и ряда многоквартирных зданий. В построенных до 1932 г. домах по его чертежам доминируют неоклассические элементы, потом стиль сменяется на модернистский рационализм. Для примера назову спроектированное Иваном Григорьевичем в 1933 г. здание кинотеатра. Позже он получил название «Культура»¹⁷⁴⁴. В 1948 г. после фактического разрыва отношений между Москвой и Белградом Артемушкин был вынужден покинуть Югославию и уехать в Болгарию, в Велико Тырново¹⁷⁴⁵.

Свой впечатляющий архитектурный след оставил в Скопле своими жилыми, хозяйственными и торговыми постройками и строительный инженер, имевший свое бюро, Борис Дутов¹⁷⁴⁶.

В бюро «Проектант» (Скопле), в чьи задачи входили проектировочные работы по всей Македонии, работал Петр Ковиков, снискавший известность точными строительными расчетами и в основном занимавшийся проектированием объектов небольших объемов¹⁷⁴⁷.

Другой русский архитектор Константин Хоменко вошел в историю не столько работой в строительстве частного жилья, памятников, сколько проектированием в Скопле храма св. Архангела Михаила¹⁷⁴⁸. Дополню, что иконы для него писала четверка русских художников: Иван Дикий, Иван Шевцов, Борис Образков, Мейендорф¹⁷⁴⁹.

В том же городе на военном кладбище по проекту инженера Хоменко была построена часовня (1931–1932 гг.), получившая название храм Славы. Ее внешний облик далеко не соответствовал форме сербских средневековых церквей, считавшихся образцами для зодчих из XX в. А. Кадиевич подчеркивает, что «отдельно стоящая колокольня, воздвигнутая южнее часовни, в стилевом отношении сродни скорее русским, нежели сербским средневековым церквям». В этой постройке, пишет далее сербский исследователь,

---

1742 Брдар В. От Париса до Брашована /Архитектура јавних здања у Новом Саду између два светска рата. Нови Сад, 2003. С. 36, 81.

1743 Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 205; Томовски К., Петковски Б. Архитектура и монументалната уметност во Скопје меѓу двете светски војни. Скопје. Б. г. С. 42.

1744 Томовски К., Петковски Б. Указ. соч. С. 48.

1745 Константиновски Г. Градителите во Македонија XVIII-XX век. Скопје, 2001. С. 60.

1746 Там же. С. 72.

1747 Там же. С. 73.

1748 Там же. С. 104.

1749 Томовски К., Петковски Б. Указ. соч. С. 113.

можно увидеть элементы сербской и русской традиционной сакральной архитектуры, академического классицизма и актуального Арт-Деко¹⁷⁵⁰.

Из русских архитекторов назову и Евгения Бронштейна, спроектировавшего в Скопле в 1920-х гг. памятник в честь погибших в войнах 1912–1918 гг. Монумент был построен в форме каменной пирамиды, на вершине которой стоял бронзовый солдат, а чуть ниже — помещена фигура женщины, символизирующей Родину, в венком в поднятой руке. Македонские историки архитектуры К. Томовски и Б. Петковски пишут, что таких памятников «неизвестному солдату» возводилось немало по Европе¹⁷⁵¹.

И еще несколько имен русских зодчих, творивших в тогдашней Южной Сербии, нынешней Македонии.

Упомянувшийся Е. Бронштейн участвовал и в проектировании на завершающем этапе здания Народного театра в Скопле, построенного в 1927 г. Он внес ряд существенных изменений в проект Иосифа Букавца, улучшивших внешний и внутренний облик здания, в частности, вместо прямоугольной формы здание получили подковообразный вид¹⁷⁵².

Чертил Бронштейн и проекты частного жилья¹⁷⁵³.

В сфере частного жилья в Скопле были заняты такие русские архитекторы, как Н. Бурхановский, Вячеслав Буйко, Тимофей Попов¹⁷⁵⁴.

Н. Подгаин, также успешно работавший в этой сфере, известен спроектированным им домом для И. Србинова в Битоли. Построенный в 1938 г. в модернистском стиле, он дал своеобразный импульс для расширения этого архитектурного стиля в юго-западной Македонии. Другой русский архитектор Дмитрий Константинович Кудрявцев построил в 1931 г. в центре Штипа здание для районного управления. В этой постройке осуществлен своеобразный романтически-сецессионный синтез, вследствие чего она получила оригинальный вид, отличавший ее от многих других административно-государственных зданий в тогдашней Югославии¹⁷⁵⁵.

Зодчий Владимир Антонов, имевший еще до революции опыт постройки церкви св. Троицы в Куманово (1899–1901 гг.), оставил значительный след в архитектуре северо-восточной Македонии. В межвоенный период по его проектам было построено несколько зданий в Куманово, в том числе здание Управы, Ремесленный дом¹⁷⁵⁶. Занимался парками, в частности спроектировал нижний парк в Куманово¹⁷⁵⁷.

1750 *Кадиевић А.* О раду русских архитеката у Јужној Србији. С. 249.

1751 *Томовски К., Петковски Б.* Указ. соч. С. 70, 71.

1752 *Јовановић З. Т.* Указ. соч. 2005. Т. 1. С. 227.

1753 *Томовски К., Петковски Б.* Указ. соч. С. 35

1754 *Константиновски Г.* Указ. соч. С. 62, 63, 93.

1755 *Кадиевић А.* О раду русских архитеката у Јужној Србији. С. 250.

1756 Там же.

1757 *Константиновски Г.* Указ. соч. С. 59.

Другой русский архитектор Михаил Дворников проектировал объекты, связанные с железнодорожным хозяйством, в том числе с жильем¹⁷⁵⁸.

Владелец строительного бюро инженер Михаил Матвеев также занимался частным жильем в Скопле и реконструкцией объектов большого объема, таких, как фабрика алкалоидов в македонской столице¹⁷⁵⁹.

Автором многочисленных научных работ был Александр Попов, получивший в 1953 г. архитектурное образование в Белграде и работавший до 1957 г. в Битоли в проектировочном бюро «Новый Дом». Потом он трудился в македонской столице на разных организациях, связанных с городским хозяйством, в том числе и с проектированием¹⁷⁶⁰

В историю македонского градостроительства вошло имя Федора Венцлера (1925–?), получившего в 1952 г. архитектурное образование в Загребе и защитившего в 1979 г. докторскую диссертацию. В 1961 г. он получил третью премию за проект центра Тетово (в соавторстве с Й. Голичем). В 1965 г. занял первое место в международном конкурсе за проект центра Скопье (в соавторстве с Р. Мишчевичем), поделенное с архитектором Кензо Танге. Из многих его работ назову генеральные планы городов Гевгелия, Кривая Паланка, а также участие в разработке плана для г. Куманово¹⁷⁶¹.

Свой вклад в строительство внес и Любомир Ушинский, сменивший несколько мест работы – от занятий проектировочными работами (1952–1954) до директора по инвестициям предприятия «Технометалл–Вардар» (1980–1987). Как подчеркивает македонский ученый Г. Константиновски, он сыграл большую роль в жилищном строительстве¹⁷⁶².

В истории архитектуры в Македонии есть имена и русских женщин. Начну с Веры Ушинской-Жежовой, получившей в 1954 г. архитектурное образование в Белграде и переехавшей в 1956 г. в Скопье. Она работала в системе жилищного строительства, занималась проектированием и надзором и в др. местах. Кроме строительства жилых домов Вера занималась интерьерами для торговых предприятий «Интертрейд» и «Ободин»¹⁷⁶³.

Видное место в архитектурной сфере занимает Лидия Филонова-Маркова, получившая в 1954 г. соответствующее образование в хорватской столице и обосновавшаяся в Македонии. В 1954–1955 г. участвовала в достройке здания Собрания Республики Македонии. Из ее работ перечислю некоторые: городской комитет на бульваре «Илинден» в Скопье (1964 г.), Высшая педагогическая школа в Битоли (1965 г.), основное училище «Панайот Гиновски» в Скопье (1966 г.). В 1974 г. она получила национальную награду «11 октября» в области искусства и архитектуры за торговый центр в столице¹⁷⁶⁴.

1758 Там же. С. 68.

1759 Там же. С. 83.

1760 Там же. С. 190.

1761 Там же. С. 136–137.

1762 Там же. С. 224–225.

1763 Там же. С. 222.

1764 Там же. С. 175.

И немного о других творениях русских строителей, например, на Косово и Метохии. Об этом весьма емко сообщила мне Ирина Антанасиевич. Она писала, что стратегические дороги, связывающие Косово с Сербией, Черногорией и Македонией проектировали русские архитекторы. Их строительством также занимались русские инженеры. Для этого были задействованы силы саперных полков Кубанского и Донского корпусов, и, возможно, полка Первого армейского корпуса¹⁷⁶⁵.

Сюда, следует добавить, что весь план урбанизации Приштины прямо связан с русскими архитекторами. Тут и храм, театр, первый кинотеатр, даже Гранд-отель.. Вслед за Ириной Антанасиевич подчеркну, что русские – это первая блочная застройка Приштины, железнодорожная станция в Косово-поле, термоэлектростанция Обилич, водохранилище Батлава, гидроэлектростанция на реке Црни Дрим, вся система мелиорации Метохии, организация лесного хозяйства, основание заповедной зоны в Брезовице, снабжение водой Печкой Патриархии, семинария в Призрене, монастырские помещения в Дечанах...¹⁷⁶⁶

В 1938 г. русский архитектор и художник С. Д. Сазонов, писал: «Успехи русских архитекторов не являются в виде исключения в какой-либо художественно и технически отсталой стране, а замечаются по целой Европе. Эти успехи нужно признать доказательством высокой художественной культуры у русских архитекторов и редкой способности схватывать и понимать психологические особенности и духовные стремления народов, выражением которых всегда служили все виды искусства и особенно архитектура»¹⁷⁶⁷.

И после этих слов я хочу повторить ранее сказанное, нигде в мире русского рассеяния не было так много построено русскими, как в странах довоенной Югославии. И всегда становится приятно, тепло и немного грустно, когда встречаешь на улице «другого» города здание, возведенное русским человеком.

1765 Сообщено Ириной Антанасиевич 20 августа 2019 г.; <https://iraan.livejournal.com/501814.html#comments>

1766 Там же.

1767 Цит. по: Русский зодчий за рубежом. 1938. (Прага) 25 янв. № 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обычно когда заканчиваешь трудный текст, то избавляешься от него с определенным чувством облегчения, как, по выражению давнего председателя Римского клуба Аурелио Печчеи, бросаешь надоедливую любовницу. Если отбросить в сторону иронию, то надо сказать, что она далась мне нелегко.

Не премину подчеркнуть, читатель ожидает всегда нового, неизвестного, моя же книга составлена из прежних моих уже опубликованных исследований, «разбавленных» во многом новой информацией. Что-то я расширил, что-то убрал, что-то отредактировал. И сейчас, могу сказать, без стеснения, что труд получился объемный и, надеюсь, будет интересен читателям. Занимаясь эмиграцией два десятка лет, «просидев» в архивах, библиотеках, мне удалось собрать воедино разношерстную информацию и связать ее «русской темой», так сказать, представить русского человека, беженца, эмигранта поневоле, в удивительной Югославии

В отличие от других стран, где стали селиться русские беженцы, Югославия представляла собой полинациональное и поликонфессиональное государственное образование, что видно из самого названия – Королевство сербов, хорватов и словенцев, правда, неполного – не было мусульман, что может быть объяснено многими причинами, одной из которых был сербский национализм, защищавший православных в Боснии и Герцеговине, от живших там с мусульман, недавних властителей жизни сербства. Не было в названии и македонцев и черногорцев, и жителей Косово, все они входили в состав Сербии.

Тут же замечу, что территории Словении и Хорватии в прошлом входили в Священную Римскую империю, в западноевропейскую сферу интересов, в то время как та же Сербия была теснейшим образом связана с православием и восточным Римом, т. е. с Москвой, с Россией.

Отсюда отличия в положении русских беженцев от своих «собратьев по изгнанию», живущих в Китае ли, во Франции, в Польше ли...

Несомненно, эти различия влияли на жизнь российских изгнанников, для которых Сербия была ближе по языку, вере, «племенн», чем иные страны русского рассеяния.

Одновременно необходимо подчеркнуть, что «разности», «оставали за кадром», когда на авансцену выступала русская культура, ее разнообразные институции. Русские артисты, художники, зодчие, их творчество – все это органично входило и обогащало культуру югославских народов.

И сейчас их имена продолжают жить в культуре Балкан, в живописи, драме, архитектуре...

Именно так, они и сегодня, в XXI веке, занимаются любимым творчеством на радость себе и дюдам.

И в то же время, невозможно говорить только «о приятном», были и трудности, и непонимание, и политика, и, конечно, очередной «бег» 1944 г., а равно 1948 г. – время Информбюро. И все же говорить о некоем исходе нельзя. Многие русские эмигранты, их семьи не меняли ставшей родной Югославию.

В целом, освещение ста с лишним лет русской жизни в эмиграции позволило впервые представить в комплексной форме ее многостороннюю жизнь на основании разнообразных источников с обширным привлечением национальной прессы.

Здесь я хочу обратить Ваше внимание, читатель, что, находясь вдали от России, русские люди старались жить по прежним, традиционным порядкам. Об этом наглядно свидетельствуют сюжеты, связанные с бытом или просто с жизнью на чужбине, строить свой Петербург или Москву, свой русский уголок. Это чувствуется в горьких стихах, связанных с утратой Родины, с тем, что называется русской тоской, и в русском веселье – Россия далеко, но жить надо, и смех позволял забыть о неурядицах. Надо сказать, что тема русского быта, обрисованная здесь, пожалуй, столь подробно представлена в отличие от ряда других текстов. Обычно многие «заняты политикой» или высокими именами. Именно кропотливый просмотр прессы, сопряженный с грязными пальцами от перелистывания газетных страниц, и позволил обрисовать обычного русского человека, который даже вдали от России стремился жить полнокровной или почти полнокровной жизнью, где было места и для мелких радостей и для забот о хлебе насущном. В новых условиях титул, ордена, чины уже не имели прежнего значения. Главное, найти работу, прокормить себя и близких. Тут же замечу, что в Югославии найти работу, обучиться новой специальности, было достаточно легко. Спрос превышал предложение, особенно для лиц с высшим образованием, желательным техническим. Это понятно: уровень развития послевоенного Королевства сербов, хорватов и словенцев находился в весьма нелегком положении. И русские умы, русские таланты пришлись как нельзя кстати. Поэтому почти не было тех, кто кормился «подаванием». Да и те со временем исчезали.

Своеобразным открытием одной историей жизни за рубежом стали картины веселья, проводимого за столиком «питательно-питейных заведений» в сопровождении небольших артистических ансамблей, трупп. Эта ранее, не затрагиваемая историками «веселая» тема позволила расширить знание не только о традиционных формах искусства «ресторанного типа», но и оживить эмигрантские будни.

Жизнь вдали от Родины не означало ее отдаления, скорее наоборот, Россия, русский язык, культура, история жили в душах тех, кто еще совсем недавно стал изгнанником. Многочисленная и, главное, разнообразная информация позволила высветить многоцветье мира школы, университета, передать чувства и мысли тех, кто учил и учился. Главное – сблечь Родину в душе, знать ее историю, литературу, размышления русского человека о пути России, ее задачах, вплоть до участия в борьбе за новое Отечество. Все это неразрывно связывается с культурой, русской культурой. Ее представители, пронизывающие слои русского люда, стремились через печать, просвещение, живое слово не дать победить

денационализации, маргинализации, прежде всего, юношества. И насколько мне известно, и сейчас русский человек «не потерял» себя на славянской «чужбине», чувствует себя русским, тем, в ком течет русская кровь.

С культурой связана и жизнь театра. Пожалуй, нигде в Европе не действовало разных театров, театриков, сцен. Русский репертуар в той или иной степени содержания, направленности, жанра всегда был связан не только с Россией Тургенева, Островского, Чехова, но и с пьесами советских авторов, самый яркий пример, Булгаков с его «Зойкиной квартирой». Шли и «контрреволюционные постановки», показывающие Русь чекистскую, зловещую. Но все же произведения русских драматургов не сходили со сцен. На них, в основном, шел русский зритель, видевший в них свою незабываемую Россию. Они видели незабываемую игру Веры Греч и Поликарпа Павлова, режиссерские работы Юрия Ракитина, пьесы Андрея Селитренникова...

Тема Церкви всегда стояла как-то особняком: в ходу были различные справочные издания, биографические тексты, но изданий, освещающей в определенной полноте церковную жизнь на Балканах я не встречал, кроме трудов видных историков Церкви Р. Пилиповича, В. Пузовича, А. А. Кострюкова и М. В. Шкаровского. Да и сама она крепко увязывалась с далеко не простой в ней ситуацией по отношению к миру, к внутренним процессам. Церковная жизнь во многом была неотделима от жизни эмиграции, ее верующего крыла. Политика, властно вторгавшаяся в Церковь, вносила туда свои коррективы. Пожалуй, наиболее ярко это видно из сюжета о Хорватской православной церкви, круто замешанной на политике государства, непримиримого врага сербства. Здесь в очередной раз показана картина не только соотношения светского и церковного, но и устремление к созданию национальной церкви, хотя и вызванного политическими причинами националистической верхушки НГХ.

Югославия не Франция, куда устремились «сливки» художественно-артистического мира, но и здесь, далеко от мировой столицы культуры, жили выдающиеся художники и просто мастера кисти. Они писали иконы, украшали дворцовые помещения, работали в театре, учили детей рисованию, держали мастерские... Их творения можно и сейчас увидеть в музеях мира, в магазинах, художественных салонах, в частных коллекциях... С их полотен смотрела Русь уходящая с березами и церквями, портреты тех, кто рождал у художника взяться за кисть, будь это лицо крестьянина, артиста, красивой женщины или характерный тип мужского лица, или навеянные ему историей картины прошлого. Натюрморты и пейзажи Балкан также находили своего ценителя и покупателя. Настоящее и будущее тоже нашло свое отражение в красках и образах. В мире художественных произведений отобразился достаточно богатый спектр исканий и форм XX–XXI вв. Назову для примера только два имени – Оля Иваницкая и Владимир Жедринский, вошедшие в мировую классику.

Русская музыка и русские голоса неизменно и заслуженно привлекали жителей Балкан в церковь, театры, на концерты. Сама Россия предстала в хорах и оперных

спектаклях, музыкальных произведениях, восхищая красотой их исполнения. Русские не только знакомили зрителей с отечественной и мировой классикой, но и выступали в роли учителей у подрастающего поколения, вводя их в чарующий мир музыки и пения. Благодаря русским именам значительно возрос художественный уровень. Балканы становились ближе к Европе.

Пожалуй, примерно так можно сказать о балете. Более того, знакомство с ним для многих жителей страны было весьма поверхностным и хуже, совсем неизвестным видом искусства. Благодаря русским талантам, получившим известность еще в императорской России, югославский балет поднялся на большую высоту. Достаточно сказать, что многие русские звезды неоднократно выступали в ведущих балетных труппах мира. Об этом хорошо написано в мемуарах русской эмиграции Ксении Грундт-Дюме. И после второй мировой войны уровень мастерства не снижался, чему в немалой степени содействовали русские балерины, хореографы, танцовщики. Вновь назову имена Елены Кирсановой, Маргариты Фроман, Елены Поляковой, Сони Лапатанов...

Надо назвать и сам неоценимый вклад национальных театров, на сценах которых имели возможность выступать русские артисты. И опять для примера назову два имени – Стеван Христич и Крешимир Баранович.

Русское имя неразрывно связано с красотой. Наиболее зримо она видна в архитектуре многих зданий. Их появление позволило столице, хотя бы в центре, приобрести черты европейского города. Подчеркну, что нигде в Европе столь много и успешно строили русские зодчие. Это и правительственные здания и дома для различных по имущественному положению слоев населения. Всех их отличает и красота и функциональность: от типовой застройки до оригинальной. Здесь для освещения русского вклада очень много сделал замечательный знаток русской архитектуры Александр Кадиевич и его коллеги Срджан Маркович и Милан Просен.

И в завершение: все, что связано с русским именем вошло в историю Балкан, в жизнь стран, где они жили, творили и не забывали, кто они и откуда...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВОВ

1. Arhiv Republike Slovenije. AS 1931. Republiški sekretariat za notranje zadele. A.Š. 1053. // Beloemigracija u Jugoslaviji. Podatki o fondih Arhiva Republike Slovenije, ki vsebujejo podatke o rusko-slovenskih odnosih. Osebni in rodbinski fondi.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Российская миссия в Белграде.
3. Архив Джорданвилльской Духовной семинарии (США). Фонд В. К. Абданк Коссовский
4. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Научный архив.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5040, 6795, 6991, 7503, 7524, 9145.
6. Музеј позоришне уметности Србије. Београд.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1951, 459.
8. Хорватский государственный архив (Далее – HDA). Republiški sekretariat za unutrašnje poslove službe bezbednosti. (Далее – RSUP SDB). F. 1561, 1076-2-2; HAD-218, B HAD-218, B-6123 – 28 нояб. 1941, kut. 19.; 6123 – 28 нояб. 1941, kut. 19.; HDA. Obiteljski arhiv Мусатовой Кульженко, аквизиция 2/1983; HDA-218, B-10604.-2. 10. 1942. kut. 56. (Коллекция Т. В. Рыбкиной); HDA-218, B-6625 – 22.8.1944. kut. 113; HDA-218, B-6439 – 18.8.1944 kut 112; HDA-218, B-10330. – 23.9.1942. kut. 55; HDA-218, B-9523 – 31.8.1942. kut.55.
9. Архив автора: Запись воспоминаний владыки Василия (Родзянко); Из воспоминаний академика, протоиерея Владимира Мошина; Григоров Н. К. Воспоминания. Заметки о себе и о времени (Записки сына русских эмигрантов «первой волны»); Грундт Кс. Балетные воспоминания. Париж, 1958. Рукопись; Письмо Собора русских заграничных архиереев к Патриарху Варнаве 8/21 июля 1933 г. // Из сейфа Синодального архива в Нью-Йорке. Прислано автору инокиней Вассой (Лариной); Сводки РОВС, 1941 г. №№ 7, 9, 10, 11. Загреб; Тарасьев А. В. Запись воспоминаний; Заварин А. А. Воспоминания.

СПИСОК КНИГ И ОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Banović S. *Hrvatsko državno kazalište u Zagrebu od 1941 do 1945; društveni i organizacijski aspekt*, Sveučilište u Zagrebu., Filozofski fakultet, Doktorski rad, Zagreb, 2011.

2. Čirilo-Methodov kor Crkveno pjevanje u Hrvatskoj Knjga izlaganja na simpoziji održanom u Zagrebu 20 prosinca 2001. povodom 70. obljetnice osnutka Čirilo-Methodova kora/ Zagreb, 2002.
3. Смерјовски А. Битола. Руската колонија. Битола. 2003.
4. Gresserov-Golovin P. Moja Ljuba Slovenija Spomini na moje delo v slovenskih operah od 1924 do 1951. Ljubljana, 1983.
5. I Русско-Сербская гимназия. Памятка.Белград 1920–1944. Нью-Йорк–Вашингтон–Сан-Франциско–Каракас–Буэнос-Айрес, 1986.
6. Јовановић З. Т. Народно позориште Краљ Александар I у Скопљу (1913–1941). В 2 т. Нови Сад, 2005.
7. Јуриј Львович Ракитин – живот, дело, сећања. Зборник радова међународног научног скупа. Београд–Нови Сад, 2003. 17–20, априла. / Юрий Львович Ракитин – жизнь, творчество, воспоминания. Сборник докладов международной научной встречи, Белград–Нови Сад, 2003. 17–20 апреля.
8. Kalan F. Hvalnica igri. Gospa iz Astrahana. Ljubljana, 1980.
9. Krišto J. Sukob simbola Politika vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb. 2001. S. 247.
10. Lešić J. Sarajevsko pozorište između dva rata. 2 djela. Sarajevo. 1976.
11. Milanović O. Beogradska scenografija i kostimografija 1868–1941. Beograd. 1983.
12. Milanović O. Vladimir Žedinski. Beograd. 1987.
13. Moravec D. Slovensko gledališče od vojne do vojne (1918–1941). Ljubljana, 1980.
14. Nablocka M. Izpovedi. Ljubljana. 1959.
15. Novak B. Hrvatsko novinarstvo u 20 stoljeću. Zagreb, 2005.
16. Oberknežević M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj i Hrvatska pravoslavna crkva, München-Barcelona, 1979. posebni otisak iz „Hrvatske revije» God. XXIX, sv. 2 [114].
17. Olga Olja Ivanicki: slike painting peintures Ольга Оля Иванички: картины. Каталог. Beograd, Белград, 2006.
18. Požar P. Hrvatska pravoslavna crkva u prošlosti I budućnosti. Zagreb. 1996.
19. Pulko R. Puska emigracija na slovenskem 1921–1941. Logatec, 2004.
20. Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom zivotu Zagreba. Zagreb, 2006.
21. Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967. Ljubljana, 1967.
22. Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata Rubovi, memorija. Zagreb, 2006.
23. Skrabalo I. 101 godina filma u Hrvatskoj 1896–1997. Zareb 1998.

24. Spomenica pravoslavnih sveštenika 1941–1945 Beograd. 1960.
25. Šantić Jelena. Београд, 2005.
26. Volk P. Istorija jugoslovenskog filma. Beograd, 1986.
27. Vrkljan Z. Sjećanja. Zagreb, 1995.
28. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сб. в 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
29. Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден (Коннетикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005.
30. Андреев В. История одного путешествия. М., 1974.
31. Антанасиевич И. Русский дом в Белграде. Белград, 2018.
32. Антология поэзии русского Белграда / српско-руско издање 203 с. /русско-сербское издание 176 с. / Сост. О. Джурич. Белград, 2002.
33. Арсеньев А., У излуцины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.
34. Арсеьев А., Самовари у равници Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011.
35. Архиеп. Иоанн Шаховской. Время и достоверность. Париж, 1982.
36. Архиеп. Нафанаил. Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. В. 5 т. New-York, 1992. Т. 3.
37. Архитекторы-строители Санкт – Петербурга середина XIX– начала XX века. Авторы–составители А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков, СПб, 1996.
38. Архитектура јавних здања у Новом Саду између два светска рата. Нови Сад, 2003.
39. Архитектурное наследие Русского зарубежья Вторая половина XIX – первая половина XX в. Спб., 2008.
40. Биография Милицы Зайцев. Библиографии работ. Присланы Милицей Зайцев автору от 24 ноября и 2 декабря 2009 г.
41. Бубнов Н. М. Сквозь череду потерь: воспоминания. М., 2017.
42. В защиту русского языка. Памятка Союза ревнителее чистоты русского языка. Белград, 1937.
43. Вагапова Н. М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах: очерки. СПб., 2007.
44. Валецкий О. Волки белые Сербский дневник русского добровольца 1993–1999. М., 2006.
45. Васильев А. А. Этюды о моде и стиле. М., 2007.

46. Васильев А., Триполитова К., Маленькая балерина. Исповедь русской эмигрантки. М., 2010.
47. Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград, 1938.
48. Ганин А.В. Свој међу туђима и туђ међу својима: судбина руског официра и југословенског генерала Фјодора Махина. Београд, 2022
49. Гимназия в лицах / Авт.-сост. Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л. В 2 кн. Белград, 2018.
50. Гордић Г., Павловић-Лончарски В. Руски архитекти у Београду. Русские архитекторы в Белграде. Београд, Б.г.
51. Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Л., 1974.
52. Григоров К. М. Воспоминания // Сборник «Воспоминания» Сост. Н. К. Григоров. М., 2008. Электронная версия.
53. Дабих Љ. Руски уметници емигранти у Војном музеју. Каталог изложбе. Београд, 1996.
54. Джурић В. Усташе и православље Хрватска православна црква, Белград, 1989.
55. Димитријевић К. Краљица руске романсе Животна исповест госпође Олге Јанчевеце. Белград, 2003.
56. Драгинчић С., Зупан З. Историја југословенског стрипа I- до 1941 године (http://www.rastko.org.yu/strip/1/zupan-draginicic_1/index.html)
57. Ежегодник Дома русског зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М.
58. Ерић К. Од Сибира до Цветног трга. Београд, 2004.
59. Жизнь и приключения геоботаника, художника, композитора, поэта – Олега Сергеевича Гребенщикова (1905–1980). М., 2006.
60. Записки Русского Научного Института. (Белград), 1941. Вып. 17.
61. Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья, СПб., 2008.
62. Иоанн Шаховской, архиеп. Время и достоверность. Париж, 1982.
63. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.
64. *Йович П.* Священномученик Платон (Йованович), епископ Банялукский. Канд. дисс. Сергиев Посад, 2008.
65. *Йович П.* Священномученик Платон (Йованович), епископ Банялукский. Канд. дисс. Сергиев Посад, 2008.
66. Један век Народног позоришта у Београду 1868–1968. Београд, 1968.
67. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. Симферополь, 2003.

68. Касацкая И. Ф. Художник-маринист Алексей Ганзен. Потомки Айвазовского: жизнь, воспоминания, род. Брянск, 2005.
69. Каталог выставки. Русские в Сербии: Павел и Юрий Лобачевы, дипломат и художник / Руси у Србији: Павле и Ђорђе Лобачев, дипломата и сликар. Сост. Антанасиевич И., Сорокина М., Радженович Р., Белград–Москва, 2020, Београд–Москва, 2020.
70. Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: библиографија радова 1920–1944. Београд, 2003.
71. Константиновски Г. Градителите во Македонија XVIII–XX век. Скопје, 2001.
72. Косик В. И. Русская церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). М., 2000.
73. Косик В. И. Хорватская православная церковь (от организации до ликвидации) (1942–1945) Взгляд из XXI века М., 2012.
74. Культурное наследие Российской эмиграции 1917–1940. В 2 кн. М., 1994. Кн. 2.
75. Лисовский В. Г. Р. М. Гашо Николай Васильев От модерна к модернизму. Санкт-Петербург, 2011.
76. Маевский В. Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и Белграде. Белград, 1932.
77. Маевский Вл. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. В 2 т. Нью-Йорк. 1966. Т 2.
78. Марковић С. Леонид Шејка и медиала. Ниш, 1993.
79. Масалигинов Н. О. Спомени, статии, писма. Сост. Т. Масалигинова, Н. Тихова, Г. Саев, А. Дертлиева Вступ. Ст. Н. Тиховой. София, 1987.
80. Мачкич З., Косик В. Русские в Банялуке и окрестностях в XX веке Словарь-справочник. М., 2018.
81. Медведев М. А. Проекты и архитектура ing. Александра И. Медведева овл. архитекта. Ниш, 2012.
82. Межинска Ј. Сликаство цркве светог кнеза Лазара у Прибоју на Лиму. Прибой, 1999.
83. Миленковић Т. Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд, 1997.
84. Мирковић Л., Здравковић И. Манастир Бођани. Београд. 1952.
85. Мнемозина. Документы и судьбы из истории русского театра XX века. Вып. 1. М., 1996.
86. Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып.3 М., 2004.
87. Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000.
88. На страже России. Десять лет Союза Русских Писателей и Журналистов в Югославии 1925–1935. Белград, 1935.
89. Назаров М. Миссия русской эмиграции. М., 1994.

90. Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001. В 6-ти томах. / Сост. В. Н. Чуваков. М., 1999–2007.
91. Нелидов В. А. Театральная Москва. Сорок лет московских театров. М., 2002.
92. Никон (Рклицкий). Архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. В 17 т. Нью-Йорк, 1960. Т. 5.
93. Одавић М. Татјана Лукјанова Љубав према игрању и непрекидност игре стварања. Београд, 2008.
94. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875. Документы. М., 1988.
95. Палибрк-Сукић Н. Руске избеглице в Панчево 1919–1941. Панчево, 2005.
96. Пилиповић Р. М. Српска православна црква и руска емиграција (1920–1940). Бањалука, 2018.
97. Пио-Ульский Г. Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939.
98. Пржедомский А. С. Янтарный призрак. Документальная повесть. Калининград, 1997.
99. Пушкадия-Рыбкина Т., Грубмайр И. Эмигранты из России в Загребе Жизни и судьбы Загреб, 2019.
100. Рерих Н. Листы дневника (1942–1947). В 3 т. М., 1996. Т. III.
101. Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. СПб., 2009.
102. Руси без Русије Српски Руси. (Албум) Изд. Д. Яничевича и З. Шлафика Београд, 1994.
103. Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. В 2 т. Београд, 1994. Т. 2.
104. Руско–Српска женска гимназија у Београду. Извештај за школску 1934–5 г. Београд, 1935.
105. Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
106. Русская эмиграция. Альманах. 1920–1930. Beograd, 1931.
107. Русский Альманах. Париж, 1981.
108. Русский Дом имени императора Николая II. Белград. 1933.
109. Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны, 1941–1945 гг. Нью-Йорк, 1963.
110. Русский след в Словении. Любляна 2018.
111. Русское зарубежье и славянский мир. Сборник трудов. Сост. Буняк П. Белград, 2013.
112. Русское трудовое христианское движение (РТХД) в Югославии. Белград, 1937.

113. Русско-Сербская гимназия 1920–1930. Белград, 1930.
114. Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко. М., 1991.
115. Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Белград. [б.д.]
116. Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006.
117. Серова С. Анна Редель и Михаил Хрусталеv. М., 1981.
118. Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. К юбилею И. В. Чуркиной. М., 2011.
119. Споменица о 50-годишњици васпостављања српске Патриаршије. Београд, 1971.
120. Српска Православна Црква 1219–1969. Споменица о 750-годишњици аутокефалности. Београд. 1969.
121. Съезд-Совещание представителей Русских учебных заведений при Учебном Совете Державной Комиссии Королевства С.Х.С. по делам русских беженцев в Белграде 29 апр. – 3 мая 1924 г. Прага, 1924.
122. Тимофејев А. Нестајање руске емиграције у Југославији.: 1941-1954. Београд, 2022.
123. Тимофејев А. Руси и Други светски рат у Југославији : утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији : 1941-1945. Београд, 2011
124. Тихвинская Л. Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995.
125. Томовски К., Петковски Б. Архитектура и монументалната уметност во Скопје меѓу двете светски војни. Скопје. Б. г.
126. Топаловић О., Миленковић Т., Обрадовић М. Врњачки Руси. Врњачка Бања, 2008.
127. Троицкий С. Митрополит Сергей и примирение русской диаспоры. Сремские Карловцы, 1937.
128. Ульяновкина Т. И. «Дикая историческая полоса»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе в 1940–1950 гг. М., 2010.
129. Художники русского зарубежья Первая и вторая волна эмиграции» биографический словарь в двух томах. Сост. О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. Санкт-Петербург, 2019.
130. Цыпин.Влад., прот История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997.
131. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сб. документов. В 2 кн. М., 1998.
132. Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского. М., 2002.
133. Штрандман В. Балканске успомене. Књ. I. Део 1–2. Београд, 2009.

Косик Виктор Иванович
ИЗ РОССИИ НА БАЛКАНЫ. ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО.

Штампарија:
МИА принт, Београд

Тиража:
300 примерака

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

314.745.3-054.7(=161.1)(497.1)"19"
930.85(=161.1)(497.1)"19"

КОСИК, Виктор Иванович, 1944-

Из России на Балканы : жизнь и искусство / Косик Виктор Иванович. - Београд : Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича Философского факультета Белградского университета : Архив Сербской православной церкви : Русский научный институт в Белграде, 2023 (Београд : МиА принт). - 455 стр. ; 24 см

Тираж 300. - Стр. 7-10: От редактора / Тимофеев Алексей Юрьевич.
- Напомене и библиографске референце уз текст. - Библиографија:
стр. 449-455.

ISBN 978-86-81328-12-5 (РНИ)

а) Емигранти, руски - 20в - Југославија

COBISS.SR-ID 131154185

